This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

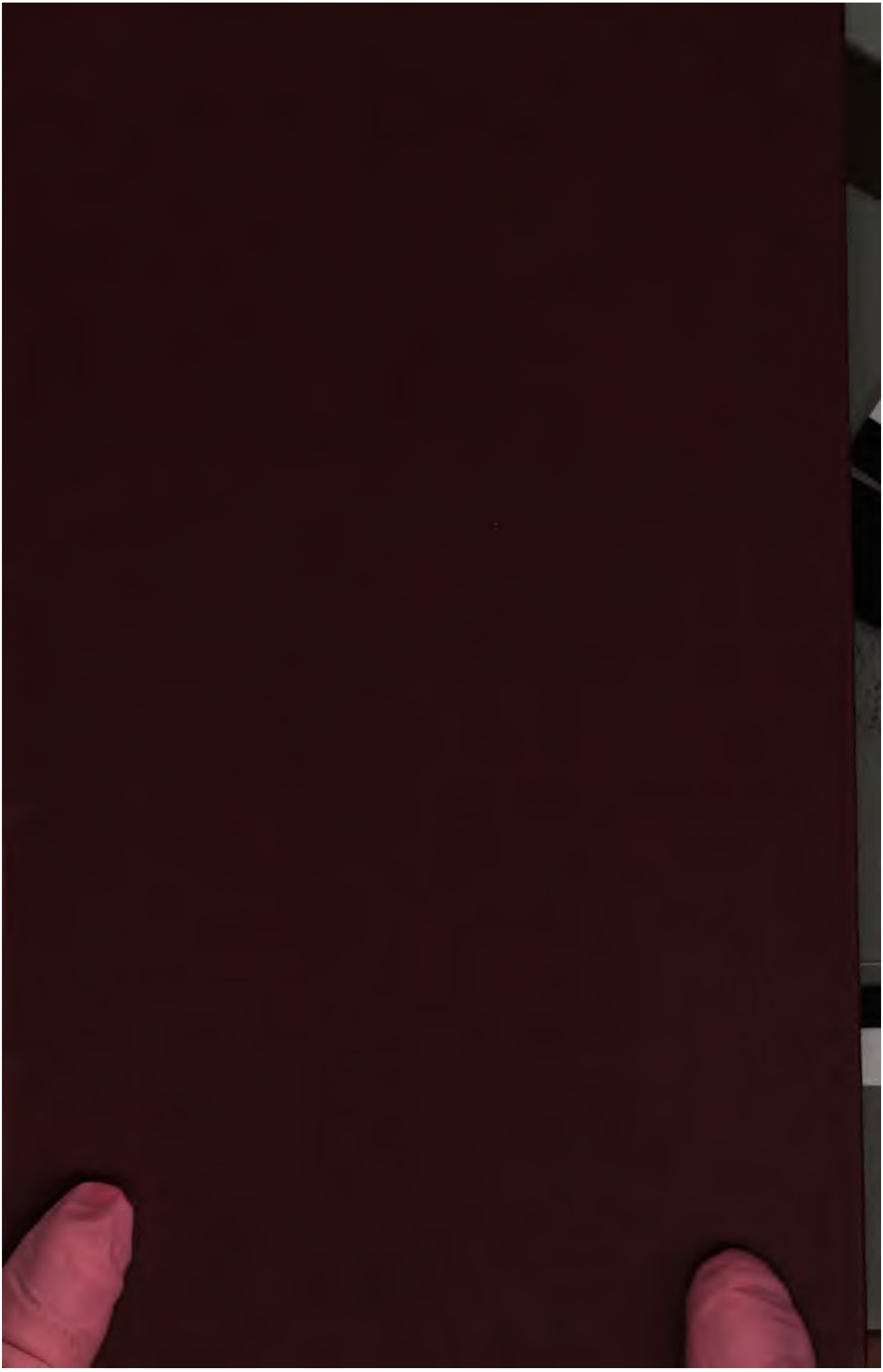
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

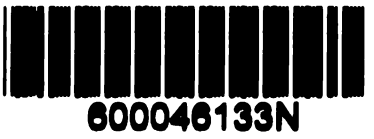
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`




600046133N

НОВЫЙ ОПЫТЪ

О

БОГАТСТВѢ НАРОДНОМЪ.

Гавріила Каменскаго,

БЫВШАГО АГЕНТА МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ ВЪ ЛОНДОНѢ

Lord Bacon saith truly, there are three things which make a nation great and prosperous — a fertile soil, busy workshops and easy conveyance for men and commodities from one place to another: to which let me add knowledge and.....

Bishop Hall.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

—

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 18-го іюля 1836 г.

Цензоръ: *И. Гончаровъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе 1

ГЛАВА I.

Богатство.

Предметъ Политической Экономіи 5
Меркантильная система 6
Значеніе богатства 12

ГЛАВА II.

Трудъ.

Условія произвожденія 16
Отправленіе труда 17
Природа содѣйствуетъ дѣятельности труда одинаково въ различныхъ занятіяхъ 18
Естественные дѣятели бываютъ практически ограничены и неограничены въ своемъ количествѣ 22
Трудъ употребляется непосредственно для произвожденія предмета или въ процесахъ, ему предшествующихъ 23
Раздѣленіе труда посредствующимъ образомъ содѣйствующаго произвожденію 29
Трудъ, обращенный на человѣка 36
Трудъ изобрѣтенія и открытія 37
Трудъ земледѣльческій, фабричный и торговый 39
Раздѣленіе труда на производительный и непроизводительный . . 40
Три вида полезнаго 42
Производительный трудъ производитъ полезное, облеченное въ формы внѣшнихъ предметовъ 44
Всѣ другіе виды труда, при всей своей полезности, представляютъ трудъ непроизводительный 45

ГЛАВА III.

Капиталъ,

	Стран.
Капиталъ есть богатство, опредѣляемое на производительное назначеніе	47
Капиталъ прилагается къ произвожденію въ количествѣ бо́льшемъ, нежели сколько его дѣйствительно употребляется	49
Примѣры, объясняющіе идею капитала	51
Основныя теоремы въ отношеніи къ капиталу.	54
Раздѣленіе капитала на постоянный и оборотный	71

ГЛАВА IV.

Степень производительности.

Причины бо́льшой производительности	74
Содѣйствіе или соединенное дѣйствіе	83
Раздѣленіе труда.	91
Его выгоды	94
Его предѣлы	101
Выгоды обширныхъ размѣровъ въ фабричной промышленности	103
Преимущества и недостатки компанейской дѣятельности	106
Предѣлы размѣровъ произвожденія	109

ГЛАВА V.

Законы возростанія произвожденія.

Зависимость возростанія произвожденія отъ его элементовъ труда, капитала и земли	113
Законъ размноженія народонаселенія	115
Препятствія, его ограничивающія.	117
Законъ возростанія капитала	122
Причины различія въ желаніи копить	124
Примѣры его разнообразнаго проявленія	127
Ограниченность земли и ея производительности есть дѣйствительный предѣлъ произвожденія.	135
Законъ производительности земли.	136
Начала, ему противодѣйствующія	140

ГЛАВА VI.

Собственность.

Раздѣленіе богатства	148
Учрежденіе собственности	149

Стран.
Поземельная собственность 151
Раздѣленіе общества въ отношеніи къ собственности 154

ГЛАВА VII.

Заработная плата.

Зависимость заработной платы отъ запроса на трудъ и его снабженія 160
Искусственное опредѣленіе заработной платы 167
Льготная система. 171
Система участковъ 174
Измѣненія заработной платы въ различныхъ занятіяхъ. 176
Совмѣстничество людей, получающихъ главныя средства къ существованію независимо отъ ихъ работы 189
Вознагражденіе женскаго труда 191
Вліяніе обычая на опредѣленіе заработной платы. 193

ГЛАВА VIII.

Прибыль.

Разложеніе прибыли на три составляющія ее части 196
Наименьшая величина прибыли и ея различіе 198
Измѣненія прибыли въ различныхъ отрасляхъ промышленности . . 200
Уравненіе прибыли 202
Величина обыкновенной прибыли 207
Зависимость прибыли отъ стоимости труда 209

ГЛАВА IX.

Позежельный доходъ.

Значеніе поземельнаго дохода 211
Возраженія противъ ученія общепринятаго о поземельномъ доходѣ. 216

ГЛАВА X.

Цѣнность.

Предварительныя замѣчанія 219
Цѣнность въ приложеніи, мѣновая цѣнность и цѣна. 220
Необходимыя условія цѣнности. 227
Раздѣленіе произведеній въ отношеніи затрудненія ихъ пріобрѣтенія. 228
Законъ уравненія снабженія и запроса 231
Цѣнность произведеній монополизируемыхъ 234

Стран.
Цѣнность произведеній, неопредѣленно умножаемыхъ въ количествѣ, безъ увеличенія расходовъ ихъ произвожденія 235
Стоимость произвожденія. 241
Вліяніе заработной платы на цѣнность 243
Вліяніе прибыли на цѣнность 245
Участіе прибыли въ стоимости произвожденія 247
Слѣдствія ея различнаго участія 249
Вліяніе акциза на цѣнность 251
Цѣнность произведеній, которыхъ количество всегда можетъ быть увеличено посредствомъ труда и капитала съ постояннымъ увеличеніемъ расходовъ 252
Законъ поземельнаго дохода, выведенный изъ закона цѣнности земледѣльческихъ произведеній 255
Предложенія, выражающія общую теорію цѣнности. 257
Цѣнность произведеній въ случаяхъ, неподходящихъ подъ эту теорію. 260

ГЛАВА XI.

Деньги.

Отправленія мѣноваго посредника. 263
Приложеніе золота и серебра для этой цѣли. 265
Монета и ея назначеніе 267
Цѣнность денегъ. 269
Ея зависимость отъ ихъ количества. 270
Ея зависимость отъ быстроты ихъ обращенія. 274
Объясненіе и ограниченіе этого начала. 275
Согласіе между цѣнностями монеты и драгоцѣнныхъ металловъ . 280
Цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ 281
Отношеніе закона цѣнности денегъ къ общей теоріи цѣнности . 283

ГЛАВА XII.

Кредитъ.

Значеніе кредита 286
Отправленіе его въ отношеніи произвожденія. 287
Замѣщеніе употребленія денегъ посредствомъ кредита. 290
Вексель. 291
Обязательная записка 297
Кредитные или банковые билеты 298
Чеки 298
Вліяніе кредита на цѣны. 300
Дѣйствія чрезвычайнаго расширенія и сжатія кредита; явленія коммерческаго кризиса 303

Стран.
Различная дѣятельность различныхъ формъ кредита въ отношеніи его вліянія на цѣны 309
Цѣнность неразмѣнной государственной кредитной бумаги . . . 314
Ограниченіе ея выпуска, необходимое для обезпеченія ея цѣнности, основанное на цѣнѣ драгоцѣнныхъ металловъ. 318
Недостатки этой системы неразмѣнной государственной кредитной бумаги 319
Ученіе, на которомъ она основывается. 320
Примѣръ французскихъ ассигнацій во время первой революціи . . 321

ГЛАВА XIII.

Внѣшняя торговля.

Стоимость произвожденія не опредѣляетъ внѣшнихъ цѣнностей. . 324
Размѣнъ произведеній между отдаленными мѣстностями зависитъ отъ различія въ относительной стоимости ихъ произвожденія. . 326
Выгоды, доставляемыя внѣшнею торговлею 328
Цѣнность привозимыхъ произведеній 334
Уравненіе внѣшняго запроса. 335
Вліяніе расходовъ провоза на внѣшнія цѣнности 337
Общій законъ внѣшнихъ цѣнностей 339
Вліяніе усовершенствованія произвожденія на внѣшнія цѣнности . 341
Неполнота предъидущаго закона 343
Зависимость внѣшнихъ цѣнностей отъ средствъ произвожденія каждой страны. 344
Обстоятельства, опредѣляющія стоимость привозныхъ товаровъ. . 350
Причины подрыва торговли. 352
Вліяніе заработной платы. 355

ГЛАВА XIV.

Движеніе драгоцѣнныхъ металловъ.

Ввозъ монеты. 359
Привозъ монеты какъ товара 360
Для какихъ цѣлей привозится монета какъ мѣновый посредникъ? . 361
Опредѣленіе заграничныхъ платежей посредствомъ курсовъ . . . 363
Измѣненія курсовъ, самодѣятельно устанавливающихся 365
Вексельный арбитражъ 367
Вліяніе денегъ на отпускъ и привозъ товаровъ и на законъ внѣшнихъ цѣнностей 368
Теорема Рикардо. 371
Вліяніе предъидущаго закона раздѣленія драгоцѣнныхъ металловъ на торговую цѣнность монеты, когда она привозится въ видѣ товара. 372

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль книги, предлагаемой теперь благосклонному суду публики — представить обзоръ экономическихъ явленій въ томъ видѣ, какъ они совершаются въ обществѣ. Это не разборъ теорій, въ различное время порожденныхъ блистательнымъ умомъ и благородно увлекающимся сердцемъ знаменитѣйшихъ экономистовъ, и которыя, бросая свѣтъ истины на науку, всегда оставались неудачными, несбыточными опытами въ приложеніи практическомъ.

Въ наше время Политическая Экономія, какъ и всякая другая наука, покинула ограниченные предѣлы кабинета ученаго. Выбравъ для своихъ изслѣдованій предметъ, по-преимуществу практическій, каково богатство, она необходимо должна была вступить въ соприкосновеніе съ жизнью практическою. На этомъ новомъ поприщѣ дѣятельности наука, Политическая Экономія, могла только выиграть и относительно разнообразія своего содержанія и относительно полезнаго ея вліянія на жизнь общественную.

Плоды дѣятельности кабинетной, блистательныя произведенія умовъ, отрѣшившихся отъ внѣшней жизни, въ наше время, могутъ быть интересны только для человѣка любознательнаго, или, точнѣе сказать, любопытнаго, ищущаго знанія изъ одной чистой любви къ этому знанію, а

не для того, чтобъ сдѣлать изъ него для себя полезное приложеніе.

Подобныя теоріи, такія системы находятъ приличное мѣсто въ ученомъ изложеніи науки съ каѳедры или въ преимущественно-теоретическомъ сочиненіи умозрителя. Обязанность профессора — излагать своимъ слушателямъ даже заблужденія великихъ умовъ, чтобъ направить на путь истины молодой умъ, развивающійся подъ его руководствомъ. Дѣло ученаго — записать въ исторіи зданій каждый успѣхъ, каждый шагъ впередъ, каждое проявленіе дѣятельности ума человѣческаго. Польза практическая составляетъ второстепенный интересъ въ глазахъ профессора и не имѣетъ никакой важности для ученаго, только ради самой науки трудящагося.

Не имѣя права стать ни въ одну изъ этихъ категорій, я желалъ только пополнить и исправить этотъ важный недостатокъ бо́льшой части экономическихъ сочиненій, который дѣлаетъ ихъ чуждыми для большинства публики—я разумѣю здѣсь ихъ чрезвычайную отвлеченность. Мое намѣреніе было исключительно обогатить науку фактами, заимствованными изъ жизни практической, предъ которыми должна часто уступать теорія самая непогрѣшительная въ основаніи. Я старался изложить повозможности ясно экономическія явленія, совершающіяся въ наше время, и указать непремѣнные законы, ими управляющіе, въ полной надеждѣ принести пользу знанію, съ горячимъ желаніемъ вложить и мою лепту въ общую сокровищницу науки, еще такъ много нуждающейся въ свѣдѣніяхъ фактическихъ.

Англія, гдѣ Политическая Экономія, какъ наука, воспріяла первое начало, представляетъ, можетъ-быть, единственную страну, въ которой ея практическая часть была обработана наисовершеннѣйшимъ образомъ. Безсмертное тво-

реніе Адама Смита «О богатствѣ народномъ» (*) не только было книгою популярною для массы образованныхъ читателей, но оказало полезное вліяніе и на умы законодателей. Это вліяніе съ успѣхами науки болѣе и болѣе усиливалось, и каждая законодательная мѣра, имѣвшая экономическую цѣль, была въ этомъ государствѣ практическимъ приложеніемъ строгихъ правилъ Политической Экономіи. Такимъ образомъ финансовая исторія Великобританіи за послѣднее пятидесятилѣтіе представляетъ намъ постепенное практическое развитіе этой науки, постоянно обогащаемой новыми фактами, новыми заключеніями, которые мы находимъ въ парламентскихъ преніяхъ и въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ экономистовъ. Изученіе англійскихъ источниковъ должно быть основаніемъ каждаго практическаго сочиненія о Политической Экономіи. Вотъ почему я постоянно ссылаюсь на эти источники и преимущественно привожу свидѣтельства англійскихъ писателей, каковы Уэкфильдъ, Рикардо, Милъ, Тукъ, Фуллартонъ и пр.

Стараясь по возможности избѣгнуть сухой, догамтической формы изложенія, я не пренебрегъ, однакожъ, системою, безъ которой невозможно самое поверхностное обозрѣніе каждаго предмета. Всѣ главы находятся въ тѣсной связи между собой и изложены въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Стоитъ только раздѣлить ихъ, назвать каждый отдѣлъ особымъ наименованіемъ, и онѣ получатъ форму ученаго трактата о наукѣ. Но я избѣгнулъ этихъ особенностей формы, потому-что трудъ мой не представляетъ требуемой полноты и многосторонности.

Первая глава излагаетъ значеніе богатства, которое составляетъ предметъ Политической Экономіи, въ слѣдую-

(*) An inquiry into the nature and causes of the Wealth of nations by Adam Smith.

щихъ четырехъ главахъ я разсматриваю средства и законы его произвожденія или добыванія. Раздѣленіе богатства между различными классами, составляющими общество, служитъ содержаніемъ главъ VI, VII, VIII и IX. Главы X, XI, XII, XIII, XIV, XV представляютъ изложеніе самой важной части Политической Экономіи, изслѣдующей явленія мѣны предметовъ, составляющихъ богатство, и законы цѣнности и торговли, которымъ подчинены эти явленія. Наконецъ двѣ послѣднія главы излагаютъ вліяніе успѣховъ просвѣщенія на произвожденіе и раздѣленіе богатства и экономическія обязанности общества въ отношеніи правительства.

Этотъ краткій обзоръ содержанія книги показываетъ читателямъ, что она составлена систематически.

Мнѣ остается сдѣлать еще одно оправдательное замѣчаніе. Многіе не найдутъ желаемой полноты въ нѣкоторыхъ статьяхъ, приличной ихъ важному содержанію. Нѣтъ сомнѣнія, содержаніе каждой главы можетъ быть предметомъ отдѣльнаго спеціальнаго сочиненія, и матерія цѣлой книги, подъ болѣе искуснымъ и опытнымъ перомъ кабинетнаго ученаго можетъ наполнить по-крайней-мѣрѣ семьнадцать томовъ. Но не таково было наше желаніе и не такова была цѣль нашего труда, вначалѣ объясненная. Не принимая на себя важной обязанности изслѣдователя, которая намъ не подъ-силу, мы хотѣли только подѣлиться результатами нашихъ изученій книжныхъ и практическихъ, передать нашимъ читателямъ извлеченіе изъ того, что̀ мы прочли и что̀ удалось намъ видѣть и слышать.

1855 года.
Остенде.

ГЛАВА I.

БОГАТСТВО.

Въ каждомъ отдѣлѣ человѣческой дѣятельности практика всегда предшествовала наукѣ; систематическое изложеніе образовъ дѣйствія силъ природы было позднѣйшимъ результатомъ цѣлаго ряда усилій употребить эти дѣятели для практическихъ цѣлей. Значеніе Политической Экономіи, какъ отрасли знаній, очень ново, хотя предметъ ея изслѣдованій необходимо представлялъ во всѣ вѣка одинъ изъ главнѣйшихъ практическихъ интересовъ человѣчества, который часто, совершенно незаслуженно, подавлялъ всѣ другіе интересы.

Этотъ предметъ — богатство. Политико-экономы объясняютъ и изслѣдуютъ значеніе богатства и законы его произвожденія и раздѣленія, равно какъ и непосредственное или отдаленное дѣйствіе всѣхъ причинъ, способствовавшихъ цѣлому человѣчеству, или извѣстному обществу, къ достиженію или утратѣ этого всеобщаго предмета человѣческихъ стремленій. Разумѣется, невозможно въ какомъ-либо трактатѣ Политической Экономіи разобрать и даже перечислить всѣ эти причины; но должно изложить, по-крайней-мѣрѣ,

сколько намъ извѣстно, законы и начала, по которымъ эти причины дѣйствуютъ.

Каждый имѣетъ довольно-точное понятіе, достаточно-правильное для обыкновеннаго круга дѣйствій, о томъ, что такое богатство. Всѣ знаютъ, что быть богатымъ и быть просвѣщеннымъ, или храбрымъ, совершенно различныя вещи; что вопросы: какимъ образомъ государство сдѣлалось богатымъ или воинственнымъ, или достигло совершенства въ наукахъ, литературѣ, изящныхъ искусствахъ, составляютъ предметы особенныхъ изслѣдованій. Справедливо, эти предметы отдаленно соединены между собою и взаимно дѣйствуютъ. Благосостояніе государства въ значительной степени зависитъ отъ законовъ, имъ управляющихъ; но точно такъ же вліяніе его на умственное развитіе народа и его общественныя отношенія дѣйствуетъ обратно на законы. Несмотря на связь, существующую между этими предметами, однакожь они существенно различны и никогда не были смѣшиваемы.

Мы не намѣрены увлекаться логическою точностью опредѣленія, когда идеи, съ самимъ выраженіемъ соединенныя, достаточно опредѣлительны для практическаго обихода. Но хотя трудно предположить, чтобъ когда-нибудь могла существовать запутанность въ понятіяхъ о такомъ предметѣ, какъ богатство, исторія открываетъ намъ, что эта вредная запутанность въ идеяхъ существовала; что политики, теоретики и практики были въ одно время ею одинаково заражены, и что она дала совершенно ложное направленіе европейской политикѣ, продолжавшееся нѣсколько поколѣній. Я говорю здѣсь объ ученіи, которое сдѣлалось извѣстнымъ послѣ Адама Смита подъ именемъ меркатильной системы и которое было имъ уничтожено.

Пока господствовала эта система, всеобщее мнѣніе, явно

выраженное, или тайно принятое въ политикѣ всѣхъ государствъ, утверждало, что богатство заключалось единственно въ деньгахъ или въ драгоцѣнныхъ металлахъ, которые, если и не были деньгами, то могли быть обращены непосредственно въ монету. Согласно съ этимъ ученіемъ, въ то время господствовавшимъ, все, что̀ накапливало деньги или драгоцѣнные металлы внутри страны, увеличивало ея богатство; напротивъ, все, что̀ извлекало драгоцѣнные металлы изъ страны, истощало ее. Если страна не имѣла собственныхъ золотыхъ или серебряныхъ мѣсторожденій, то иностранная торговля представляла единственную промышленость, которая могла обогатить ее, привлекая въ нее деньги. Отрасль торговли, уносившая повидимому денегъ болѣе, нежели сколько она доставляла, считалась торговлею убыточною, ка̀къ бы щедро и цѣнно она ни вознаграждала въ другихъ отношеніяхъ. Вывозъ товаровъ былъ поощряемъ и покровительствуемъ (даже такими средствами, которыя отягощали истинные источники благосостоянія страны), въ надеждѣ, что товары, вывозимые съ условіемъ денежной уплаты за нихъ, привлекутъ золото и серебро въ видѣ этой уплаты. Привозъ всякаго рода произведеній, исключая драгоцѣнныхъ металловъ, считался убыткомъ для государства на сумму стоимости этихъ произведеній; развѣ эти предметы могли быть обратно вывезены съ барышомъ, или служили матеріалами и орудіями для какой-нибудь отрасли внутренней промышленности и, способствуя выдѣлкѣ товаровъ вывозимыхъ, увеличивали вывозную торговлю. Всемірная торговля была борьбою между государствами, изъ которыхъ каждое стремилось привлечь наибо̀льшее количество существовавшихъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Очень часто убѣжденіе извѣстнаго вѣка, принимаемое

цѣлымъ человѣчествомъ и которому каждый долженъ былъ подчиниться, въ слѣдующемъ вѣкѣ становится заблужденіемъ, и люди затрудняются только представить себѣ, какъ можно было когда-либо допустить его. Подобную судьбу имѣло ученіе объ однозначительности или тождествѣ богатства и денегъ. Такое самообольщеніе слишкомъ грубо, чтобъ разсматривать его какъ мнѣніе болѣе или менѣе основательное; оно подобно дикой фантазіи ребенка, мгновенно исчезающей передъ однимъ словомъ взрослаго человѣка.

Въ общежѣтіи богатство всегда выражается деньгами. Если вы спросите: какъ велико богатство такого-то лица? то вамъ отвѣтятъ, что у него столько-то тысячъ рублей. Всѣ доходы и расходы, всѣ барыши и убытки, всѣ выгоды и потери опредѣляются количествомъ денегъ приходящихъ и убываемыхъ. Справедливо, что въ описи имущества лица включаются не однѣ деньги, которыми оно владѣетъ и которыя другія лица должны ему, но всѣ прочіе цѣнные предметы. Эти послѣдніе, однакожь, упоминаются только въ связи съ суммами, за которыя они могутъ быть проданы; и если они продаются дешевле, то владѣлецъ ихъ считается соразмѣрно менѣе богатымъ, хотя предметы остаются тѣ же самые. Справедливо также, что люди, оставляя деньги безъ употребленія, не богатѣютъ, и что, желая пріобрѣсть, они должны рѣшиться тратить деньги. Люди, обогащающіеся торговлею, принуждены отдавать деньги за товары, и наоборотъ, товары за деньги: и первая часть торговаго процеса такъ же необходима, какъ и послѣдняя. Но какъ лицо, покупающее товары для барыша, дѣлаетъ это съ цѣлью перепродать ихъ за деньги и въ надеждѣ получить бо́льшую сумму денегъ, нежели сколько было издержано, то пріобрѣтеніе ихъ необходимо представляется конечною цѣлью всей операціи. Нерѣдко онъ

получаетъ въ уплату, вмѣсто денегъ, новыя произведенія, покупая товары, цѣнностію соотвѣтствующіе произведеніямъ, имъ проданнымъ; но онъ принимаетъ ихъ по цѣнности, деньгами означенной, въ увѣренности, что онѣ, въ заключеніи, принесутъ ему болѣе денегъ, нежели за сколько эти товары были ему переданы. Купецъ, дѣлающій большія дѣла, быстро оборачивающій свой капиталъ, обыкновенно имѣетъ только незначительную часть его въ наличныхъ деньгахъ; но этотъ капиталъ имѣетъ для него цѣну только по мѣрѣ своего превращенія въ деньги. Онъ считаетъ торговую операцію законченною, когда въ результатѣ ему уплачены наличныя деньги, или открытъ кредитъ на соотвѣтствующую сумму. Оставляя торговлю, онъ обращаетъ весь свой товаръ въ деньги: и тогда только онъ считаетъ, что всѣ барыши его приведены въ извѣстность, какъ-будто богатство единственно заключается въ деньгахъ, а всѣ прочіе предметы, стоимостью имъ соотвѣствовавшіе, суть средства къ пріобрѣтенію ихъ. Если спросить теперь: для какой же цѣли люди стремятся къ пріобрѣтенію денегъ, какъ не для удовлетворенія своихъ необходимостей, или для доставленія себѣ наслажденій? то этотъ вопросъ нисколько не смутитъ поборника меркантильной системы. Онъ отвѣтитъ: справедливо, необходимости и наслажденія составляютъ потребленіе весьма похвальное, пока оно распространяется на предметы внутренней промышленности страны, потому-что въ этомъ случаѣ, истрачивая деньги, вы обогащаете вашихъ соотечественниковъ. Тратьте ваше богатство, если вамъ это пріятно, на какіе угодно предметы роскоши или прихоти; но эти предметы не составляютъ вашего богатства: оно есть сумма денегъ или годовой доходъ, деньгами выраженный, на которыя вы пріобрѣтаете ихъ.

Подобныя разсужденія допускаютъ правдоподобіе этого мнѣнія, представляющаго исходный пунктъ меркантильной системы; но мы находимъ еще другое основаніе, хотя очень непрочное, на которомъ держится это различіе между деньгами и всякаго рода цѣннымъ имуществомъ, такъ горячо защищаемое меркантильною системою. Мы дѣйствительно, и отчасти справедливо, опредѣляемъ богатство человѣка, не взирая на количество предметовъ полезныхъ и пріятныхъ, которыми онъ владѣетъ, но соразмѣрно его возможному обладанію всѣми полезными и пріятными предметами, соразмѣрно его возможности удовлетворять каждой потребности или пріобрѣтать каждый желаемый предметъ. Деньги сами-по-себѣ представляютъ эту возможность; напротивъ, всѣ другіе предметы, въ цивилизированномъ состояніи общества, обладаютъ этимъ качествомъ только въ силу, или подъ условіемъ своего обмѣна на деньги. Владѣя какою-нибудь цѣнною вещью, вы владѣете только этою вещью; если вы желаете, вмѣсто нея, пріобрѣсти другую вещь, то вы должны прежде продать ее или выжидать, пока найдется другой человѣкъ, имѣющій то, въ чемъ вы нуждаетесь, и желающій съ вами промѣняться на то, что у васъ есть — обстоятельство всегда затруднительное и очень часто невозможное. Напротивъ, съ деньгами вы имѣете возможность купить сейчасъ же всякаго рода предметы, какіе только въ продажѣ находятся, и лицо, имущество котораго заключается въ деньгахъ, или въ вещахъ, быстро въ деньги обращаемыхъ, повидимому и для себя и для другихъ владѣетъ всѣми предметами, которые только возможно купить на деньги. Главная польза богатства, болѣе или менѣе значительнаго, заключается не въ удовлетвореніи прихотей и первыхъ необходимостей, но въ болѣе или менѣе ограниченной возможности, которую оно

даетъ обладателю для достиженія вообще всякой цѣли — и между всѣми видами имущества, однѣ только деньги даютъ эту возможность. Это единственный видъ богатства, который не только можетъ быть употребленъ для одной извѣстной цѣли, но находитъ безконечное приложеніе. Подобные доводы побуждали частныя лица и правительства въ оцѣнкѣ своего благосостоянія, давать деньгамъ особенную и почти исключительную важность, и считать всѣ прочія вещи, въ отношеніи этого благосостоянія, только отдаленными средствами къ полученію этого главнаго двигателя, который доставляетъ безпредѣльное и мгновенно удовлетворяемое обладаніе всѣми желаемыми предметами, и который лучше всего выражаетъ идею богатства.

Но нелѣпость остается все-таки нелѣпостью, если мы даже нападемъ на обстоятельство, ее допускающее, и меркантильная теорія должна была представиться въ настоящемъ свѣтѣ, когда люди даже и несовершеннымъ образомъ занялись изслѣдованіемъ начала вещей и стали искать происхожденіе ихъ въ основныхъ фактахъ, а не въ фразахъ и въ формахъ разговорныхъ. Разъ, когда они спросили сами себя: какое дѣйствительное значеніе денегъ? какія существенныя свойства ихъ и какого рода отправленіе они исполняютъ? они пришли къ заключенію, что деньги, подобно другимъ вещамъ, представляютъ желаемую собственность по причинѣ своего употребленія, и что приложеніе ихъ совершенно не такъ безконечно, какъ это кажется, но ограничивается, напротивъ, тѣсными предѣлами, а именно, что онѣ облегчаютъ только обращеніе прочихъ произведеній промышлености между лицами, владѣющими деньгами. Дальнѣйшее размышленіе показало, что это приложеніе денегъ нисколько не зависитъ отъ количества ихъ, въ обращеніи существующаго; онѣ одинаково отправляютъ свое назна-

ченіе въ большомъ и маломъ количествѣ. Два мильона четвертей хлѣба не могутъ прокормить столько же народа, сколько могутъ четыре мильона; но съ двумя мильонами рублей можно производить торговлю въ такихъ же размѣрахъ, какъ и съ четырьмя мильонами, въ случаѣ пониженія цѣнъ произведеній, и покупать и продавать то же количество товаровъ. Деньги сами-по-себѣ не удовлетворяютъ никакой нуждѣ; достоинство ихъ для каждаго заключается только въ удобной формѣ для полученія всякаго рода приходовъ, которые, впослѣдствіи, каждый капиталистъ, въ различное время, обращаетъ въ предметы, для него прямо полезные. Все различіе между двумя странами, изъ которыхъ одна владѣетъ деньгами, а другая не имѣетъ ихъ, состоитъ только въ одномъ удобствѣ, въ сбереженіи времени и труда, какое, напримѣръ, намъ представляетъ механическая работа въ сравненіи съ рукодѣльнымъ трудомъ. По сравненію Адама Смита, деньги приносятъ намъ такую же пользу, какъ пути сообщенія, и, принимая ихъ за богатство, мы впадали бы въ ту же ошибку, какъ еслибъ мы считали большую дорогу, представляющую самый удобный путь къ нашему дому, или помѣстью, за самый домъ или помѣстье.

Деньги, какъ орудіе, отправляющее важное государственное и общественное назначеніе, справедливо почитаются богатствомъ; но все, что̀ служитъ для какой-нибудь человѣческой цѣли, все, что̀ природа даетъ намъ недаромъ, есть также богатство. Быть богатымъ значитъ имѣть обильный запасъ полезныхъ предметовъ, или средствъ пріобрѣсти ихъ. Слѣдственно каждая вещь, на которую можно купить или вымѣнять что-нибудь пріятное или полезное, есть часть богатства. Вещи, въ обмѣнъ на которыя ничего нельзя получить, не составляютъ богатства въ смыслѣ, принимаемомъ Политическою Экономіею, какъ бы ни были онѣ по-

лезны и даже необходимы. Воздухъ, напримѣръ, хотя есть необходимый предметъ, не имѣетъ никакой цѣны въ торговлѣ, потому-что его можно получить даромъ. Собирая обильный запасъ его, нельзя извлечь никакого барыша, никакой выгоды, и по этой причинѣ законы его произвожденія и раздѣленія не составляютъ предмета изслѣдованій Политической Экономіи. Но хотя воздухъ не есть богатство, человѣкъ, получивъ его даромъ, сдѣлался необходимо богаче разъ, когда онъ имѣлъ возможность посвятить для другихъ цѣлей трудъ и время, которые были бы употреблены для удовлетворенія одной изъ главнѣйшихъ потребностей жизни органической т. е. дыханія. Есть возможность также представить себѣ обстоятельства, при которыхъ воздухъ необходимо считается богатствомъ: еслибъ вошло въ обычай оставаться долгое время въ такихъ мѣстахъ, куда онъ не проникаетъ естественнымъ образомъ, напримѣръ, опускаться въ море, въ водолазномъ колоколѣ, то воздухъ, искусственно-снабжаемый, имѣлъ бы цѣну, какъ вода, проводимая въ домы; или, еслибъ, вслѣдствіе физическаго переворота, количество атмосферы сдѣлалось несоразмѣрнымъ съ потребленіемъ и она обратилась въ частное достояніе, то воздухъ пріобрѣлъ бы значительную даже торговую цѣнность. Въ этомъ случаѣ обладаніе воздухомъ составляло бы богатство для его владѣтеля, еслибъ запасъ этого матеріала превышалъ собственныя потребности хозяина: съ перваго взгляда кажется, что общее богатство человѣчества также должно возрасти, насчетъ бѣдствій одной его части. Подобное заблужденіе происходитъ отъ недальновидности. Мы не замѣчаемъ, что, какъ бы ни сдѣлался богатъ владѣтель воздуха на счетъ остальнаго общества, всѣ прочія лица обѣднѣли бы, утратили бы часть

своего достоянія, которую они принуждены платить за то, что прежде получила безъ платы.

Это приводитъ насъ къ важному различію значенія богатства въ приложеніи къ достоянію лица и государства или человѣчества. Богатство человѣчества обнимаетъ все, что служитъ къ пользѣ или удовольствію. Для лица богатство представляетъ все, что даже безполезно само-по-себѣ, но что даетъ ему возможность пріобрѣтать отъ другихъ, принадлежащіе имъ полезные или пріятные предметы. Напримѣръ: закладная имѣнія въ нѣсколько тысячъ, рублей — богатство для лица, которому она приноситъ доходъ и который можетъ продать ее за полную сумму долга; но она не составляетъ богатства для страны; если это обязательство уничтожится, страна не будетъ ни бѣднѣе, ни богаче, хотя кредиторъ потеряетъ нѣсколько тысячъ рублей, а владѣлецъ имѣнія выиграетъ эту сумму. Въ значеніи государственномъ, закладная не есть богатство; она только даетъ *A* право на часть достоянія *B*; она есть богатство для *A*, которое онъ можетъ передать третьему лицу, хотя дѣйствительно онъ передаетъ только участіе во владѣніи имѣніемъ, исключительно принадлежащимъ *B*.

Нѣкоторые предлагали опредѣлить богатство, означая имъ орудія, разумѣя здѣсь не только машины и инструменты, но совокупность всѣхъ средствъ, которыми владѣютъ лица и государства для достиженія разнообразныхъ цѣлей. Такимъ образомъ поле есть орудіе, потому-что оно есть средство къ произведенію пшеницы; пшеница есть орудіе, какъ средство къ произведенію муки; мука есть орудіе, какъ средство къ произведенію хлѣба; наконецъ хлѣбъ есть орудіе, какъ средство къ утоленію голода и поддержанію жизни. Здѣсь, въ этомъ ряду предметовъ, мы до-

ходимъ наконецъ до такихъ вещей, которыя болѣе, сами-по-себѣ, не представляются орудіями и которыя сами-по-себѣ, имѣютъ важность для насъ, а не для достиженія дальнѣйшихъ цѣлей Этотъ взглядъ справедливъ логически, или, лучше сказать, этотъ способъ выраженія можетъ быть съ пользою употребленъ на ряду съ прочими, не потому, что онъ открываетъ новую точку зрѣнія на предметъ, но потому, что онъ даетъ болѣе опредѣлительности и обширности общепринятому взгляду. Онъ, впрочемъ, слишкомъ отступаетъ отъ значенія богатства, принятаго въ разговорномъ языкѣ, чтобъ войдти во всеобщее употребленіе, и только съ выгодою можетъ быть приложенъ въ частныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ богатство означаетъ всѣ полезные и пріятные предметы, которые могутъ быть вымѣнены или, что́ все-равно, выражаетъ всѣ полезные и пріятные предметы, исключая тѣхъ только, которые могутъ быть получены въ желаемомъ количествѣ безъ труда или пожертвованія. Противъ этого опредѣленія можно замѣтить одно, что оно не разрѣшаетъ одного спорнаго пункта: могутъ ли быть разсматриваемы, какъ богатство, предметы невещественные? составляютъ ли богатство, напримѣръ, искусство работника или всякая другая тѣлесная или умственная способность? Этотъ вопросъ, впрочемъ, не имѣетъ большой важности, и мы обратимся къ нему въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА II.

ТРУДЪ.

—

Произвожденіе богатства предполагаетъ два необходимыя условія: трудъ и подлежащіе ему естественные предметы, или матеріалы.

Трудъ бываетъ двоякій: тѣлесный и умственный, или, выражая это различіе осязательнѣе, мускульный и нервный. Идея труда необходимо обнимаетъ не одно только дѣйствіе, но всѣ непріятныя ощущенія, всѣ тѣлесныя страданія, всѣ душевныя огорченія, которыя возбуждаются, когда умъ или мускулы каждаго человѣка обращены, отдѣльно или вмѣстѣ, на какое-нибудь занятіе. Что касается другаго условія произвожденія — матеріаловъ, или естественныхъ предметовъ, то должно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ существуютъ или развиваются самопроизвольно, въ формѣ необходимой для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Природа представляетъ пещеры и дупла деревьевъ, которыя могутъ служитъ убѣжищемъ человѣку, точно такъ же, какъ плоды, коренья, дикій медъ и другія естественныя произведенія, способствующія къ под-

держанію его жизни. Но даже и въ этихъ случаяхъ необходимо участіе труда, если не для творенія, то по-крайней-мѣрѣ для открытія и усвоенія этихъ предметовъ. За исключеніемъ этихъ немногихъ случаевъ, неимѣющихъ особой важности (развѣ при самомъ началѣ человѣческаго общества), природа доставляетъ только матеріалы, которые дѣйствіемъ человѣка переходятъ черезъ различныя превращенія, прежде нежели они могутъ быть предназначены для удовлетворенія его потребностей. Животныя, населяющія моря и лѣса, которыя поддерживаютъ существованіе дикаго человѣка, живущаго охотою и рыболовствомъ, должны быть предварительно, до употребленія въ пищу, убиты, раздѣлены на части, приготовлены почти во всѣхъ случаяхъ, короче: пройдти черезъ рядъ операцій, непремѣнно требующихъ извѣстнаго участія человѣческаго труда. Превращенія, которымъ подвергаются естественныя произведенія, принимая форму предметовъ, непосредственно прилагаемыхъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, представляютъ различныя степени разнообразія, начинáя съ самаго первоначальнаго измѣненія въ свойствахъ и наружности тѣла и оканчивая такими перемѣнами, гдѣ не открывается даже слѣдовъ его первобытной формы и внутренняго строенія. Какъ мало сходства между кускомъ руды, въ землѣ существующей, и плугомъ, топоромъ или пилою, которые изъ нея выдѣланы; еще менѣе подобія существуетъ между фарфоровою посудою и разложившимся гранитомъ, изъ котораго она приготовлена, или между стекломъ и смѣсью песка и соды. Еще бóльшее различіе мы находимъ между овечьимъ руномъ или горстью сѣмянъ хлопчатника и кускомъ кисеи или сукна; но самыя эти сѣмена, или шерсть, не представляютъ произведеній самородныхъ, но суть результаты предварительнаго труда и многихъ попече-

ній. Въ приведенныхъ примѣрахъ послѣдній продуктъ совершенно отличенъ отъ вещества, природою доставляемаго, и мы обыкновенно говоримъ, что природа только снабжаетъ насъ матеріалами.

Природа, однакожь, кромѣ матеріаловъ, доставляетъ намъ силы. Земной шаръ не есть бездѣятельный преемникъ формъ и свойствъ, рукою человѣка напечатлѣваемыхъ; онъ имѣетъ свои собственныя дѣятельныя силы, которыя помогаютъ труду или замѣняютъ его. Въ первобытныя времена люди превращали зерновой хлѣбъ въ муку, растирая его между двумя камнями; потомъ они напали на механизмъ, который далъ имъ возможность вращать одинъ камень на другомъ, двигая ручкою, къ нему придѣланною. Подобный способъ, нѣсколько улучшенный, до-сихъ-поръ существуетъ въ употребленіи на Востокѣ. Онъ требовалъ, однакожь, такого сильнаго и истощающаго напряженія мускуловъ, что эта работа была часто опредѣляема въ наказаніе рабамъ. Когда стали думать о сбереженіи труда и облегченіи страданій невольниковъ, это чрезвычайное тѣлесное напряженіе было найдено излишнимъ, и вмѣсто силы человѣческой сила вѣтра, сила падающей воды были приложены для вращенія верхняго жерноваго камня. Въ этомъ случаѣ естественные дѣятели— вѣтеръ или тяжесть воды, исполняютъ часть работы, прежде трудомъ совершаемой.

Подобные примѣры, въ которыхъ устраняется извѣстное участіе труда, передачею его работы какому-нибудь естественному дѣятелю, могутъ повести къ ошибочному заключенію касательно сравнительныхъ отправленій труда и силъ природы. Многіе могутъ подумать, что содѣйствіе ихъ въ человѣческой промышлености ограничивается только тѣми случаями, когда они совершаютъ работу, трудомъ исполняемую, и что въ ея рукодѣльныхъ отрасляхъ уча-

стіе природы ограничивается снабженіемъ матеріаловъ переработываемыхъ. Подобное мнѣніе было бы заблужденіемъ: силы природы дѣятельно участвуютъ вездѣ, во всѣхъ случаяхъ. Работникъ беретъ стебель льна, или конопли, размочаливаетъ его и потомъ свиваетъ вмѣстѣ нѣсколько его волоконъ съ помощью веретена. Приготовивъ такимъ образомъ пряжу, онъ полагаетъ нитки рядомъ, одну возлѣ другой, и перекрещиваетъ ихъ поперегъ, посредствомъ челнока, другими нитями такъ, чтобъ каждая поперемѣнно проходила между ними, пересѣкая ихъ подъ прямымъ угломъ. Работникъ произвелъ ткань бумажную или шерстяную, смотря по матеріалу, имъ употребленному. Говорятъ, онъ сдѣлалъ ее руками; никакая сила естественная ему не содѣйствовала. Но какая сила обусловливаетъ возможность каждаго отдѣльнаго процеса цѣлой фабрикаціи? Какимъ образомъ держится эта выдѣланная ткань? — силою сцѣпленія волоконъ, которую мы можемъ съ точностью измѣрить, сравнивая съ другими механическими силами, и опредѣлить, въ какомъ количествѣ каждая можетъ ее уравновѣшивать.

Разсматривая всѣ случаи, когда человѣкъ дѣйствуетъ на природу, мы найдемъ, подобнымъ образомъ, что силы естественныя совершаютъ все дѣйствіе разъ, когда предметы поставлены въ надлежащее положеніе. Человѣкъ исполняетъ только это послѣднее условіе: онъ только ставитъ предметы въ такія положенія, при которыхъ обнаруживается дѣйствіе ихъ внутреннихъ силъ и силъ, заключенныхъ въ другихъ естественныхъ тѣлахъ. Вотъ что человѣкъ дѣлаетъ и можетъ дѣлать съ веществомъ: онъ только придвигаетъ одинъ предметъ къ другому или отодвигаетъ его. Онъ углубляетъ зерно въ почву — и сила растительная производитъ послѣдовательно корень, стебель, листья, цвѣты и плоды; онъ подсѣкаетъ топоромъ дерево—

и оно падаетъ силою тяжести онъ двигаетъ пилою въ продольномъ направленіи по срубленному бревну — и физическое свойство непроницаемости, вслѣдствіе котораго твердое тѣло вытѣсняетъ частицы вещества менѣе плотнаго, раздѣляетъ это бревно на доски; онъ приближаетъ искру къ топливу — и оно воспламеняется дѣйствіемъ процеса горѣнія, варитъ пищу, плавитъ или умягчаетъ желѣзо, превращаетъ солодъ въ пиво, сокъ сахарнаго тростника въ сахаръ. Движеніе представляетъ единственное средство для человѣка дѣйствовать на матерію. Его мускулы созданы для движенія и для сопротивленія движенію; сокращая ихъ, онъ производитъ давленіе на внѣшній предметъ и двигаетъ его, если это сокращеніе было довольно-сильно, или останавливаетъ его, если этотъ предметъ предварительно былъ приведенъ въ движеніе. Но это дѣйствія, повидимому ограниченнаго, достаточно, чтобъ заручить человѣку его господство надъ силами природы, господство болѣе могущественное, нежели эти силы, и которому, какъ ни велико оно теперь, безъ сомнѣнія, суждено неограниченное развитіе впослѣдствіи. Человѣкъ пользуется этою властью, или прямо дѣйствуя силами, въ природѣ постоянно существующими, или зарождая эти силы черезъ смѣшеніе и соединеніе тѣлъ; такъ, напримѣръ, приближая искру къ топливу и ставя на него котелъ съ водою, онъ производитъ расширительную силу пара, которая имѣла такое обширное приложеніе.

Такимъ образомъ трудъ въ мірѣ физическомъ всегда и исключительно прилагается для приведенія тѣлъ въ движеніе; свойства вещества и силы природы совершаютъ все дѣйствіе. Искусство и изобрѣтательность людей преимущественно обращены на открытіе движеній, практически-возможныхъ, и которыя способны произвести желаемый результатъ.

Нѣкоторые писатели спрашивали: помогаетъ ли природа труду въ одной отрасли промышлености болѣе нежели въ другой, и отвѣчали, что трудъ и природа неодинаково участвуютъ въ различныхъ занятіяхъ человѣческихъ. Это различеніе происходитъ только отъ неясности въ понятіяхъ: участіе природы въ каждой человѣческой работѣ неопредѣленно, неизмѣримо; невозможно рѣшить, содѣйствуетъ ли природа болѣе произведенію одной какой-нибудь вещи; невозможно также сказать, чтобъ трудъ менѣе участвовалъ въ немъ. Одно производство можетъ быть сопряжено съ меньшимъ трудомъ; но если оно требуетъ его— то значитъ, что и онъ необходимъ, и поэтому полученный результатъ есть столько же произведеніе труда, какъ и природы. Если два условія одинаково необходимы, чтобъ произвести извѣстное дѣйствіе, то безполезно раздѣлять участіе ихъ, говоря столько-то произвело одно и столько-то сдѣлано другимъ. Это все равно, какъ если бъ мы желали опредѣлить, которая половина ножницъ болѣе работаетъ въ кроеніи, или который изъ множителей болѣе способствуетъ къ образованію множимаго. Мнѣніе, что природа даетъ болѣе дѣятельную помощь труду въ земледѣліи, нежели въ фабричной промышлености, служило поводомъ къ подобному заблужденію. Но это мнѣніе, раздѣляемое французскими экономистами, и которое отчасти принималъ также Адамъ Смитъ, произошло вслѣдствіе ошибочнаго понятія о поземельномъ доходѣ. Такъ-какъ поземельный доходъ представляетъ плату за дѣятеля природы, которая снабжаетъ даромъ фабричную промышленость, то эти писатели заключили, что природа въ этомъ случаѣ оказываетъ болѣе полезное участіе, если за него платится особенно. Разсматривая ближе этотъ предметъ, мы открываемъ, что за наемъ земли платится только потому что количество ея ограниченно, и что еслибъ

другіе дѣятели природы — воздухъ, теплота, электричество, химическіе агенты и прочія силы — фабрикантами употребляемыя, существовали въ умѣренномъ количествѣ, или могли быть усвоены подобно землѣ, то равнымъ образомъ извѣстная плата потребовалась бы и за пользованіе ими.

Это указываетъ намъ на различіе, существующему между естественными дѣятелями, которое, какъ мы увидимъ, имѣетъ особенную важность. Однѣ силы природы неограничены, другія ограничены въ своемъ количествѣ. Здѣсь разумѣется неограниченность не въ буквальномъ, но практическомъ смыслѣ, то-есть, когда количества значительно превышаютъ потребленіе при настоящихъ обстоятельствахъ. Земля въ нѣкоторыхъ вновь заселяемыхъ странахъ практически неограничена въ своемъ количествѣ, гораздо превышая потребности народонаселенія существующаго и прибывающаго въ будущія поколѣнія; но даже и въ этомъ случаѣ земля, выгодно-лежащая вблизи отъ рынка или путей сообщенія, бываетъ болѣе ограничена въ своемъ протяженіи. Въ старыхъ государствахъ воздѣлываемая земля и достаточно-плодородная должна быть отнесена къ дѣятелямъ, въ количествѣ ограниченнымъ. Вода при берегахъ рѣкъ или озеръ представляется въ неограниченномъ изобиліи для обыкновеннаго употребленія; но въ приложеніи къ орошенію полей, даже и въ этихъ размѣрахъ, она можетъ не удовлетворять всѣмъ требованьямъ. Въ мѣстностяхъ же, которыя продовольствуются водою изъ бассейновъ, водопроводовъ или колодцевъ, недовольно-изобильныхъ или по временамъ изсякающихъ, вода должна быть отнесена къ предметамъ въ количествѣ ограниченнымъ. Даже тамъ, гдѣ она находится въ изобиліи, сила водяная, т. е. вода, падающая съ высоты и прилагаемая къ промышлености, какъ механическій дѣятель, можетъ быть очень недостаточ-

на въ сравненіи съ пользою, которая могла быть извлечена изъ нея, еслибъ она существовала въ большомъ изобиліи. Воздухъ даже, въ видѣ вѣтра, въ большей части случаевъ, получается въ количествѣ достаточномъ для всякаго возможнаго приложенія.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ много зависитъ экономическое положеніе общества отъ ограниченнаго количества важнѣйшихъ дѣятелей природы, преимущественно земли. Здѣсь я замѣчу только, пока количество этихъ дѣятелей не ограничено въ смыслѣ практическомъ, они не имѣютъ торговой цѣнности, потому-что никто ничего не даетъ за вещь, которую можно получить даромъ, развѣ эта вещь сдѣлается предметомъ искуственной монополіи. Но когда нельзя получить дѣятеля природы въ достаточномъ количествѣ, въ которомъ хотѣлось бы усвоить его для потребленія, владѣніе или пользованіе имъ получаетъ торговую цѣнность. Когда въ извѣстной мѣстности требуется силы вододѣйствующей болѣе, нежели сколько доставляетъ падающая вода, тогда за пользованіе ею люди охотно даютъ чего она стоитъ. Когда требуется земли для воздѣлыванія болѣе, нежели ее существуетъ въ наличности, или когда она не представляетъ одинаковой доброкачественности, или одинаково-выгоднаго положенія. тогда полосы ея, соединяющія эти преимущества, могутъ быть проданы или отданы въ наемъ за извѣстную плату.

Трудъ, употребляемый на произведеніе какого-нибудь предмета, служащаго на пользу человѣка, прилагается или непосредственно для этой цѣли, или въ процесахъ предшествующихъ, облегчающихъ послѣдующіе, и даже для нихъ существенно необходимыхъ. Напримѣръ, въ хлѣбопеченіи, хлѣбникъ прилагаетъ свой трудъ въ самомъ приготовленіи хлѣба, но трудъ мельника, хотя употребленный

только посредствующимъ образомъ для полученія муки, равно какъ и работа сѣвца и жнеца, представляютъ также части общаго труда, производящаго хлѣбъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, всѣ эти лица своею дѣятельностью непосредственно участвуютъ въ самомъ приготовленіи конечнаго продукта; потому-что зерновой хлѣбъ, мука и хлѣбъ испеченный представляютъ одно и то же вещество въ трехъ различныхъ видахъ. Разбирая далѣе этотъ сложный процесъ произвожденія, мы находимъ пахаря, подготовившаго землю для посѣва и трудъ котораго не прикасался къ самому продукту ни въ одномъ изъ трехъ его видовъ, кузнеца, сдѣлавшаго плугъ и принимавшаго еще болѣе отдаленное участіе въ окончательномъ результатѣ. Всѣ эти лица, не исключая кузнеца, получаютъ свое вознагражденіе за трудъ отъ продажи хлѣба. Оно должно распространяться и на другихъ работниковъ, каковы плотники, каменьщики, которые производили хозяйственныя постройки, рудокопы, извлекавшіе руду и приготовившіе желѣзо, служившее матеріаломъ для плуга и другихъ земледѣльческихъ орудій. Эти работники, впрочемъ, подобно кузнецу, сдѣлавшему плугъ, получаютъ свое вознагражденіе не отъ результата одного урожая, но оно уплачивается изъ сложнаго результата цѣлаго ряда урожаевъ, послѣдовательно-собираемыхъ, пока плугъ и хозяйственныя строенія цѣлы. Мы должны еще прибавить сюда другаго рода трудъ; перевозъ продукта съ мѣста его произвожденія на мѣсто его потребленія. Зерновой хлѣбъ привозится на рынокъ и потомъ оттуда на мельницу; мука привозится съ мельницы къ хлѣбнику; отъ него уже испеченный хлѣбъ расходится въ мѣста окончательнаго потребленія. Въ иныхъ случаяхъ здѣсь прилагается очень значительный трудъ. Напримѣръ, мука привозится въ Западную Европу изъ Америки, зерновой хлѣбъ

изъ внутри Россіи и рядомъ съ работниками, свою дѣятельность непосредственно прилагавшими, мы встрѣчаемъ здѣсь цѣнныя орудія провоза — корабли, на построеніе которыхъ было истрачено много труда. Этотъ послѣдній трудъ, однакожь, не вознаграждается исключительно на счетъ хлѣба, потому-что корабли употребляются для перевоза различнаго рода полезныхъ предметовъ.

Такимъ-образомъ, оцѣнить трудъ, производящій какіе бы то ни было предметы потребленія, есть дѣло сложное. Статьи, входящія въ разсчетъ, очень многочисленны, даже до безконечности, какъ многіе думаютъ, потому-что, если мы считаемъ работу кузнеца, сдѣлавшаго плугъ, за часть труда, употребленнаго въ приготовленіи хлѣба, то отчего же, могутъ насъ спросить, не принять въ разсчетъ выдѣлку инструментовъ, кузнецомъ употребляемыхъ, выдѣлку другихъ орудій, служащихъ для изготовленія этихъ инструментовъ, и такъ далѣе, восходя до начала вещей? Но, поднявшись на одну или двѣ ступени въ этой восходящей лѣстницѣ, мы встрѣчаемъ только однѣ доли, слишкомъ мелкія для вычисленія. Напримѣръ: положимъ, что одинъ плугъ служитъ двѣнадцать лѣтъ; въ счетъ урожая каждаго года должно принять только одну двѣнадцатую труда выдѣлки этого плуга; одна двѣнадцатая доля представляетъ количество опредѣленное. Но кузнецъ, при помощи однихъ и тѣхъ же орудій, можетъ изготовить сто плуговъ, которые служатъ по двѣнадцати лѣтъ и пашутъ землю въ ста различныхъ хозяйствахъ, слѣдственно въ годичномъ урожаѣ каждаго хозяйства потрачивается двѣнадцать сотыхъ труда выдѣлки этихъ инструментовъ. Если подраздѣлить эту долю на количество кулей, заключающихъ полный урожай, или на число хлѣбовъ, изъ него приготовленныхъ, то мы увидимъ, что не стоитъ брать въ разсчетъ для практическихъ

цѣлей эти безконечно-малыя дроби. Справедливо, еслибъ инструментальный мастеръ не трудился, то хлѣбъ не былъ бы произведенъ по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ теперь производится, но этотъ трудъ все-таки не возвышаетъ цѣны хлѣба даже на одну сотую полушки.

Изготовленіе жизненныхъ припасовъ, необходимыхъ для существованія работниковъ трудящихся, представляетъ еще другой случай, достойный особеннаго вниманія, гдѣ трудъ, отдаленно и посредствующимъ образомъ содѣйствуетъ произвожденію каждаго предмета. Это предварительное приложеніе труда есть необходимое условіе для каждой производительной операціи, развѣ она совершается въ очень маломъ размѣрѣ. Только трудъ охотника и рыболова получаетъ прямое, непосредственно слѣдующее вознагражденіе. Работа производительная обыкновенно должна продолжаться извѣстное время, прежде нежели получаются плоды ея. Если рабочій, приступая къ работѣ, не имѣетъ собственнаго запаса пищи въ количествѣ, достаточномъ для своего существованія, или не имѣетъ доступа къ чужимъ запасамъ, то это поддержаніе его существованія поглощаетъ весь его трудъ, который развѣ только по временамъ можетъ быть приложенъ къ другому занятію. Онъ не можетъ также получить пищи въ изобиліи, потому-что всѣ средства къ ея полученію необходимо предполагаютъ прежде всего что эти запасы готовы. Земледѣліе доставляетъ плоды по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; и хотя работы полевыя не продолжаются безостановочно все это время, но они почти совершенно занимаютъ дѣятельность земледѣльца. Земледѣліе не только невозможно безъ пищи, впередъ заготовленной, но, чтобъ общество, довольно-обширное, могло существовать исключительно этою отраслью промышлености, для этого долженъ быть заготовленъ впе-

редъ очень большой запасъ пищи. Подобное условіе также необходимо и для производства другихъ предметовъ потребленія, кромѣ земледѣльческихъ продуктовъ. Всякая промышленость требуетъ и предполагаетъ существованіе запаса пищи, сбереженной отъ послѣдняго урожая въ достаточномъ количествѣ для прокормленія обширнаго промышленнаго народонаселенія.

Трудъ, употребленный на изготовленіе этихъ запасовъ, составляетъ значительную и важную часть предварительнаго труда, необходимаго для производства текущихъ работъ; но между нимъ и другими видами предшествующаго или пріуготовительнаго труда существуетъ различіе, заслуживающее особеннаго вниманія. Мельникъ, жнецъ, пахарь, кузнецъ, дѣлающій плуги, извощикъ, даже матросъ и кораблестроитель получаютъ свое вознагражденіе отъ конечнаго продукта—хлѣба, приготовленнаго изъ зерна, произведенію котораго они всѣ содѣйствовали. Трудъ, который произвелъ пищу для прокормленія этихъ работниковъ, такъ же необходимъ для окончательнаго результата, какъ и всѣ прочія предварительныя работы; но онъ не вознаграждается на счетъ этого результата: этотъ предшествовавшій трудъ уже получилъ свое вознагражденіе отъ жизненныхъ припасовъ, имъ произведенныхъ. Чтобъ получить какой бы то ни было продуктъ, для этого необходимы трудъ, инструменты и матеріалы и пища для прокормленія работниковъ. Но инструменты и матеріалы служатъ только для произвожденія этого продукта, или по-крайней-мѣрѣ не имѣютъ другаго приложенія; и трудъ, употребленный на выдѣлку ихъ, получаетъ свое вознагражденіе только отъ этого продукта. Пища же, напротивъ, имѣетъ свою собственную, безотносительную цѣнность или достоинство, и прямое, непосредственное приложеніе для прокормленія вообще всѣхъ лю-

дей, слѣдственно трудъ, положенный на произведеніе этой пищи, ею же вознаграждается и не требуетъ вторичнаго возмездія отъ произведеній послѣдующаго труда, къ поддержанію котораго она прилагается. Если мы допустимъ, что тѣ же работники занимаются на фабрикѣ и производятъ пищу для своего собственнаго потребленія, то они за свой трудъ имѣютъ эту пищу и фабричныя издѣлія; но если допустить, что они сами добываютъ сырой матеріалъ и приготовляютъ инструменты, то сложный трудъ ихъ приноситъ имъ только одни фабричныя издѣлія.

Право на вознагражденіе, которое доставляетъ обладаніе запасомъ пищи, назначаемой для прокормленія работниковъ, основывается на воздержаніи и умѣренности владѣльца, а не есть слѣдствіе труда. Всякое лицо, обладающее запасомъ пищи, властно потреблять его въ праздности или кормить тѣхъ, кто служитъ ему, или кто забавляетъ и тѣшитъ его. Если вмѣсто того онъ отдаетъ этотъ запасъ производящимъ работникамъ, для прокормленія ихъ въ теченіе работъ, то онъ имѣетъ право потребовать и получить вознагражденіе изъ произведеній ихъ труда. Онъ не будетъ довольствоваться одною равноцѣнною платою; получая ее, онъ остается въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ прежде, и не извлекаетъ никакой выгоды, отказывая себѣ въ употребленіи своихъ запасовъ въ свою пользу или въ свое удовольствіе. Онъ ожидаетъ возмездія за это лишеніе; онъ ожидаетъ, что запасъ пищи, имъ впередъ выданной, возвратится къ нему съ избыткомъ, на торговомъ языкѣ называемымъ барышомъ; и эта надежда на барышъ побуждала его собирать запасы, ограничивая свое собственное потребленіе, или по-крайней-мѣрѣ удерживала его отъ употребленія этихъ запасовъ для своего собственнаго удовольствія.

Эти разсужденія показываютъ, что, перечисляя и классифируя виды промышленности, отдаленно и посредствующимъ образомъ содѣйствующіе всякому производительному труду, мы должны исключить изготовленіе жизненныхъ припасовъ, потребляемыхъ производящими работниками. И хотя существованіе запасовъ даетъ возможность производить извѣстныя работы, но они имѣютъ только побочное, стороннее вліяніе на ихъ производство.

Видовъ труда, посредствующимъ образомъ содѣйствующаго произвожденію, пять:

Первый: это трудъ, употребляемый на произведеніе матеріаловъ, которые впослѣдствіи подлежатъ промышленности. Во многихъ случаяхъ онъ ограничивается однимъ усвоеніемъ, составлающимъ такъ называемую *извлекающую промышленость*. Трудъ рудокопа, напримѣръ, состоитъ въ выкапываніи изъ земли веществъ, превращаемыхъ промышленостью въ разнообразные предметы, служащіе для человѣческаго употребленія. Извлекающая промышленость, впрочемъ, не ограничивается добываніемъ однихъ матеріаловъ. Каменный уголь, напримѣръ, употребляется не для однѣхъ промышленныхъ цѣлей, но имѣетъ также конечное назначеніе для согрѣванія человѣка, и въ этомъ случаѣ служитъ не какъ матеріалъ, но какъ конечный продуктъ. Подобный же случай представляютъ драгоцѣнные камни: они въ извѣстной степени употребляются въ промышленности, какъ, напримѣръ, алмазы для рѣзанія стекла, корундъ для полированія; но главное ихъ назначеніе—для украшенія, есть прямое, непосредственное употребленіе, хотя они вообще требуютъ нѣкоторой отдѣлки, почему и можно разсматривать ихъ какъ матеріалы. Металлическія руды всѣхъ видовъ суть матеріалы.

Къ статьѣ произвожденія матеріаловъ должно отнести промыслъ дровосѣка, рубящаго или заготовляющаго строевой лѣсъ и дерево для различныхъ подѣлокъ. Въ лѣсахъ Америки, Россіи, Норвегіи этотъ трудъ прилагается къ деревьямъ самороспенымъ; въ другихъ случаяхъ къ работѣ дровосѣка мы должны прибавить трудъ лѣсоразводителя. Эта же статья обнимаетъ труды земледѣльца, разводящаго ленъ, пеньку, хлопчатую бумагу, кормъ для скота, воспитывающаго шелковыхъ червей, производящаго дубильныя коры, красильныя вещества и многіе другіе предметы, полезные только по своему употребленію въ различныхъ отрасляхъ промышлености; точно также сюда должно отнести занятія охотника, добывающаго мѣха или перья, скотовода въ отношеніи къ шерсти, шкурамъ, рогамъ, щетинѣ, конскому волосу и т. п. Предметы, употребляемые какъ матеріалы въ ремеслахъ и мануфактурахъ, необыкновенно-разнообразны и извлекаются почти изъ всѣхъ отдѣловъ трехъ царствъ природы.

Второй видъ посредствующато труда употребляется на дѣланіе инструментовъ или орудій, ему помогающихъ. Я придаю этимъ выраженіямъ самый обширный смыслъ, разумѣя здѣсь всѣ постоянныя, вспомогательныя орудія для произвожденія отъ огнива и кремня и до парохода или самой сложной мануфактурной машины. Мы встрѣчаемъ здѣсь затрудненіе, какъ разграничить орудія отъ матеріаловъ: нѣкоторые предметы, для произвожденія служащіе, обозначаются въ разговорномъ языкѣ безъ различія тѣмъ или другимъ названіемъ. Обыкновенная фразеологія образуется вслѣдствіе другихъ потребностей, нежели языкъ ученый. Чтобъ избѣжать новыхъ подраздѣленій и новыхъ наименованій для различій, неимѣющихъ ученой важности, политико-экономы вообще относятъ всѣ предметы, употреб-

ляемые, какъ прямыя средства произвожденія, или къ орудіямъ или къ матеріаламъ, не дѣлая между ними строгаго разграниченія. Принимая за матеріалы всѣ вещественныя средства произвожденія, которыя могутъ быть употреблены только одинъ разъ и которыя за тѣмъ уничтожаются въ этомъ приложеніи, мы проведемъ самую естественную и самую опредѣлительную границу между матеріалами и орудіями. Такимъ-образамъ топливо, будучи одинъ разъ сожжено, не можетъ быть употреблено вторично, какъ топливо, и кромѣ того, оно приноситъ пользу только вслѣдствіе, своего уничтоженія: еслибъ оно не сгорало, то оно не давало бы теплоты. Но топоръ остается топоромъ по срубкѣ дерева и можетъ быть употребленъ сто и тысячу разъ для этой же цѣли; и хотя онъ портится отъ употребленія, но онъ отправляетъ свое назначеніе не вслѣдствіе уничтоженія, подобно топливу, напротивъ, чѣмъ лучше инструментъ, тѣмъ долѣе онъ служитъ. Нѣкоторые предметы, по-справедливости относимые къ матеріаламъ, могутъ быть употреблены во второй и третій разъ какъ матеріалы, но только по разрушеніи продукта, къ произвожденію котораго они служили. Напримѣръ; желѣзныя трубы могутъ быть переплавлены и обращены въ плугъ или паровую машину; камни, изъ которыхъ выстроенъ домъ, могутъ быть употреблены, по сломкѣ его, на возведеніе другаго зданія; но это вторичное приложеніе матеріаловъ возможно, какъ мы замѣтили, только съ разрушеніемъ первоначальнаго продукта. Другое явленіе представляютъ намъ предметы, принадлежащіе къ классу орудій. Они послѣдовательно употребляются для новыхъ работъ, пока, наконецъ, по прошествіи извѣстнаго, иногда очень отдаленнаго времени, они совершенно дѣлаются негодными, между-тѣмъ, какъ работа, ими произведенная, остается неповрежденною и уни-

чтожается сама собою, повинуясь собственнымъ законамъ, опредѣляющимъ ея существованіе.

Третій видъ. Кромѣ матеріаловъ, необходимыхъ для промышленности, и орудій, помогающихъ ей, еще должны быть приняты мѣры, чтобъ дѣятельность ея не была возмущена, чтобъ продукты ея не потерпѣли отъ разрушающихъ дѣятелей природы, отъ насилія и хищничества людей. Здѣсь открывается необходимость третьяго вида труда посредствующимъ образомъ употребляемаго для произвожденія, который прилагается, чтобъ защитить, или охранить промышленость. Всѣ зданія, имѣющія промышленное назначеніе фабрики, магазины, доки, хозяйственныя строенія и т. п. служатъ для этой цѣли. Я не включаю сюда жилищъ работниковъ и построекъ, для ихъ потребностей назначаемыхъ, подобно пищѣ: они служатъ для удовлетворенія собственныхъ ихъ нуждъ и должны быть зачтены въ вознагражденія за ихъ трудъ. Трудъ прилагается еще осязательнѣе въ другихъ видахъ для огражденія промышлености; занятіе пастуха, напримѣръ, состоитъ исключительно въ охраненіи скота. Сюда же должны быть отнесены обязанности солдата, полицейскаго и судьи. Справедливо, эти лица не имѣютъ исключительнаго назначенія ограждать промышленость, и плата или жалованье, ими получаемое не составляетъ для промышленика одинъ изъ расходовъ произвожденія; но эта плата опредѣляется изъ податей и пошлинъ, взимаемыхъ съ продуктовъ промышлености, и въ каждой благоустроенной землѣ содѣйствіе, этими лицами оказываемое промышлености, гораздо превышаетъ расходы ихъ содержанія. Въ отношеніи въ цѣлому обществу, они составляютъ часть расходовъ произвожденія; и еслибъ выгоды, произвожденіемъ доставляемыя, не были достаточны для уплаты этихъ лицъ, то и самое произвожденіе въ

условіяхъ существующихъ не могло бы имѣть мѣста. Кромѣ-того, еслибъ правительство не доставляло необходимой защиты для промышленности, то производители были бы сами принуждены удѣлить значительную часть времени и труда для этой защиты, или нанимать съ этою цѣлью вооруженныхъ людей. Слѣдственно, во всѣхъ случаяхъ, произведенія вознаграждаютъ этотъ трудъ.

Видъ четвертый. Значительное количество труда употребляется для того, чтобъ сдѣлать доступнымъ для потребителей продуктъ уже существующій. Многочисленные классы работниковъ находятъ исключительное занятіе, исполняя назначеніе этого рода. Здѣсь представляется намъ, во-первыхъ, обширный классъ транспортеровъ, или вощиковъ водою и сушею, заключающій въ себѣ погонщиковъ, извощиковъ, барочниковъ, матросовъ, носильщиковъ, заведенія желѣзныхъ дорогъ и т. п.; во-вторыхъ, строители всѣхъ орудій перевоза—кораблей, барокъ, телегъ, локомотивовъ и пр., къ которымъ должны быть прибавлены также дороги шоссейныя и желѣзныя и каналы. Иногда само правительство проводитъ пути сообщенія и отдаетъ ихъ обществу безвозмездно; но трудъ, на проведеніе ихъ употребленный, тѣмъ не менѣе оплачивается продуктами промышленности. Каждый производитель, взнося свою часть налога, обыкновенно на устройство путей сообщенія взимаемаго, платитъ за пользованіе ими.

Третій классъ лицъ, принимающихъ участіе въ трудѣ этого вида и предназначенный сдѣлать произведенія промышленности доступными для потребителей, представляетъ купеческое или торговое сословіе. Много времени и труда было бы потеряно съ обѣихъ сторонъ, еслибъ потребители находились въ необходимости получать нужные для нихъ предметы только отъ самихъ произво-

выхъ торговцовъ, которые покупаютъ только съ цѣлью перепродать, собирая товары у различныхъ производителей и пуская ихъ между розничными торговцами, для окончательнаго раздѣленія между потребителями. Вотъ различные элементы, составляющіе классъ раздѣляющій, который своею дѣятельностью дополняетъ трудъ класса производящаго.

Мы закончили перечисленіе всѣхъ видовъ труда, содѣйствующаго произвожденію, который обращается на внѣшнюю природу; но мы находимъ еще одно изъ его приложеній, ведущее къ той же цѣли, гдѣ трудъ бываетъ обращенъ на человѣка. Каждый человѣкъ получаетъ въ дѣтствѣ воспитаніе, стоющее другимъ большихъ заботъ и попеченій; и еслибъ никто не принялъ на себя этого важнаго труда, то новорожденный ребенокъ никогда не достигъ бы возраста, не пріобрѣлъ бы силъ, которыя даютъ ему возможность сдѣлаться впослѣдствіи работникомъ. Трудъ и издержки воспитанія дѣтей составляютъ часть расходовъ общества, необходимыхъ для произвожденія. Часть эта должна быть вознаграждена съ избыткомъ плодами ихъ будущей дѣятельности. Люди берутъ на себя этотъ трудъ, эти издержки изъ другихъ побужденій—не для того, чтобъ получить это конечное возмездіе, эти издержки слѣдственно, не должны быть взяты въ разсчетъ какъ расходы произвожденія. Но техническое или промышленное воспитаніе рабочаго класса, трудъ, употребленный на изученіе ремесла и обученіе ему, на пріобрѣтеніе и передачу искусства, дѣйствительно и исключительно предпринимаются съ цѣлью достигнуть болѣе существенныхъ результатовъ, чтобы дать возможность ученику получить современемъ соотвѣтствующее возмездіе и также доставить учителю вознагражденіе за его работу.

Такъ-какъ трудъ, сообщающій силы производительныя, обнаруживающіяся въ рукѣ или головѣ, можетъ быть раз-

сматриваемъ какъ часть труда производительнаго, то можно подвести подъ эту же статью и поддержаніе этихъ силъ, и охраненіе ихъ отъ физическаго разстройства. Трудъ врача, приложенный къ промышленному классу, есть необходимое пожертвованіе въ экономіи общества, чтобъ сберечь отъ преждевременной смерти или недуга жизнь и здоровье его дѣятельныхъ, производящихъ членовъ. Правда, для людей вообще это обстоятельство представляетъ только слабое побужденіе, заставляющее ихъ прибѣгнуть къ медицинской помощи: люди рѣшаются на отнятіе ноги, или лечатся отъ лихорадки не изъ однихъ корыстныхъ видовъ, которые, впрочемъ, могутъ служить достаточно основательнымъ поводомъ. Посему этотъ видъ труда, хотя и содѣйствующій произвожденію, но не исключительно съ этою цѣлью предпринимаемый, не подлежитъ общимъ положеніямъ о трудѣ производительномъ, допускаемымъ Политическою Экономіею.

Трудъ изобрѣтателей промышленныхъ процесовъ представляетъ другой видъ труда, обыкновенно называемаго умственнымъ, принимающій такое же, хотя болѣе посредственное, участіе въ произвожденіи, какъ и ручная работа. Я говорю: этотъ трудъ обыкновенно называется умственнымъ, потому, что дѣйствительно подобная характеристика не можетъ быть приложена къ нему безусловно. Всякое дѣйствіе человѣка слагается изъ элементовъ умственныхъ и тѣлесныхъ. Самый глупый поденьщикъ, ежедневно повторяющій дѣйствіе восхожденія по лѣстницѣ съ лоткомъ кирпичей, совершаетъ отчасти умственное отправленіе; и вѣроятно, самое умное животное, собака или слонъ, не могутъ быть пріучены къ этой работѣ. Безтолковѣйшій человѣкъ, предварительно подготовленный, способенъ приводить въ движеніе мельницу; но лошадь двигаетъ ее только когда человѣкъ управляетъ ею или за нею смотритъ. Съ дру-

гой стороны, трудъ наиболѣе умственный необходимо требуетъ тѣлеснаго участія разъ, когда онъ обнаруживается во внѣшнемъ проявленіи. Ньютонъ не могъ произвести свои *principia* безъ содѣйствія тѣлеснаго труда въ механизмѣ писанія или диктовкѣ; кромѣ-того, онъ долженъ былъ чертить различныя геометрическія фигуры, дѣлать вычисленія, даже приготовляя это сочиненіе въ своемъ умѣ. Изобрѣтатель, работая умомъ, обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ трудится руками, надъ изготовленіемъ моделей, надъ производствомъ опытовъ, прежде нежели идея его осуществляется на дѣлѣ; и во всякомъ случаѣ, будетъ ли это трудъ умственный или тѣлесный, дѣятельное участіе изобрѣтателя необходимо для произвожденія. Трудъ Уатта, употребленный на изобрѣтеніе паровой машины, участвуетъ въ произвожденіи точно такъ же, какъ и работа механика, ее строившаго и ею управляющаго, и точно такъ же былъ предпринятъ въ надеждѣ на возмездіе, доставляемое продуктами ея дѣятельности. Трудъ изобрѣтенія очень часто цѣнится и вознаграждается какъ и самое исполненіе. Фабриканты орнаментныхъ издѣлій употребляютъ художниковъ, которые получаютъ извѣстную плату за сочиненіе образцовъ, подобно работникамъ, которые копируютъ и повторяютъ ихъ. Всѣ эти занятія составляютъ часть труда производящаго, точно такъ же какъ трудъ автора, сочинившаго книгу, участвуетъ въ ея произведеніи наравнѣ съ типографщикомъ и переплетчикомъ.

Трудъ ученаго или умозрительнаго философа, въ значеніи общественномъ или міровомъ, принимаетъ такое же участіе въ произвожденіи, такъ же съ нимъ тѣсно связанъ, какъ и работа практическаго изобрѣтателя. Многія промышленныя изобрѣтенія были прямыми послѣдствіями теоретическихъ открытій; и каждое новое пріобрѣтеніе въ естествознаніи

находило плодовитое приложеніе въ жизни практической. Электромагнитный телеграфъ былъ чудеснымъ и совершенно неожиданнымъ результатомъ опытовъ Эрштедта и математическихъ изслѣдованій Ампера. Новое искусство кораблестроенія есть также непредвидѣнный выводъ чистоумозрительнаго и только любознательнаго изслѣдованія александрійскихъ математиковъ свойствъ трехъ кривыхъ линій сѣченія конуса плоскостью. Важность идеи даже въ отношеніи промышленномъ, матеріальномъ безконечна. Но такъ-какъ ученыя изысканія не имѣютъ прямою цѣлью эти матеріальные плоды, хотя они и составляютъ разультаты ихъ и вознаграждаются вообще не на счетъ увеличеннаго произвожденія, которое можетъ возрасти вслѣдствіе этихъ открытій, разумѣется, по прошествіи значительнаго времени, то Политическая Экономія не принимаетъ въ разсчетъ этого конечнаго вліянія работы ученаго, видя въ немъ только производителя сочиненій и другихъ ученыхъ трудовъ. Впрочемъ, разсматривая изслѣдованія науки съ другой точки зрѣнія, не какъ дѣйствія личныя, въ извѣстныхъ видахъ предпринимаемыя, но какъ результаты національные, міровые, должно согласиться, что они составляютъ наиболѣе дѣятельную часть производительнаго труда общества, и что средства, употребляемыя на поддержаніе и вознагражденіе работъ этого рода, суть въ высшей степени полезный и прибыльный расходъ. Вотъ что̀ составляетъ пятый видъ труда.

Въ предъидущемъ обзорѣ различныхъ видовъ приложенія труда къ произвожденію я не упомянулъ о раздѣленіи промышлености на земледѣльческую, фабричную и торговую, потому-что это раздѣленіе не отвѣчаетъ требованіямъ вообще классификаціи. Многіе промыслы не подходятъ ни подъ одинъ изъ трехъ видовъ, по-крайней-мѣрѣ безъ особенной натяжки, какъ, напримѣръ, занятія матроса, мостовщика, не го-

воря уже о рыболовахъ, и звѣропромышленикахъ или охотникахъ. Невозможно также съ точностью разграничить промышлености земледѣльческую и фабричную; напримѣръ: къ которой изъ нихъ должны быть отнесены занятія мельника и булочника? Дѣятельность ихъ существенно фабричная: они переработываютъ зерновой хлѣбъ, окончательно отдѣленный отъ почвы; но то же самое съ справедливостью можетъ быть сказано и о молотильщикѣ, вѣяльщикѣ, сыроварѣ и пр., занятія которыхъ обыкновенно почитаются земледѣльческими, вѣроятно, потому, что они ототправляются жителями деревень, исключительно занимающимися хлѣбопашествомъ. Гораздо было бы правильнѣе въ такомъ случаѣ, чтобъ всѣ эти лица, включительно булочники и мельники, были поставлены въ одинъ классъ вмѣстѣ съ пахарями и жнецами. Всѣ они заняты производствомъ пищи и отъ нея получаютъ свое вознагражденіе. Точно также земледѣльцы, возращающіе матеріалы фабричные, принадлежатъ во многихъ отношеніяхъ къ отдѣлу мануфактуристовъ: разводитель хлопчатника или овцеводъ имѣютъ болѣе общихъ интересовъ съ прядильщикомъ и ткачомъ, нежели съ хлѣбопашцемъ.

Трудъ необходимъ для произвожденія; но произвожденіе не всегда бываетъ слѣдствіемъ труда. Существуютъ виды труда, въ высшей степени полезные, цѣль которыхъ не есть произвожденіе. Поэтому трудъ раздѣляютъ на производительный и непроизводительный. Вопросъ: какіе виды труда должно считать непроизводительными, былъ предметомъ большихъ споровъ между политико-экономами, часто незамѣчавшими, что къ подобнымъ спорамъ не было дѣйствительнаго повода.

Многіе писатели признавали только такой трудъ производительнымъ, результатомъ котораго былъ осязаемый, вещественный предметъ. Другіе политико-экономы, въ томъ числѣ Сэй и Макъ-Колокъ, почитавшіе унизительнымъ вы-

раженіе *непроизводительный*, возставали противъ приложенія его къ труду полезному, доставляющему выгоду или удовольствіе, которыя стоили траты, съ нимъ соединенной. Трудъ чиновниковъ, солдатъ, докторовъ, адвокатовъ, учителей, музыкантовъ, танцоровъ, актёровъ, домашней прислуги и пр., если эти лица дѣйствительно исполняютъ то, за что̀ получаютъ плату, и если число ихъ соотвѣтствуетъ обязанностямъ, ими отправляемымъ, то онъ не долженъ быть заклейменъ, говорятъ эти писатели, названіемъ «непроизводительнаго», которое, они видимо принимаютъ за синонимъ безполезнаго. Но если произвожденіе не есть цѣль человѣческаго существованія, то названіе «непроизводительнаго» не налагаетъ никакого постыднаго клейма, по-крайней-мѣрѣ въ этомъ случаѣ.

Замѣтимъ прежде всего, что въ такъ-называемомъ произвожденіи вещественныхъ предметовъ мы не создаемъ вещества, ихъ составляющаго. Соединенный трудъ всего человѣческаго рода не въ силахъ произвести одной частицы вещества. Ткачъ, изготовляющій сукно, только перемѣщаетъ особеннымъ образомъ частицы шерсти. Земледѣлецъ кладетъ частицу вещества, называемую зерномъ, въ извѣстное положеніе, въ которомъ она привлекаетъ другія частицы вещества изъ земли и воздуха, для воспроизведенія новаго сложнаго тѣла, называемаго растеніемъ. Но если мы не можемъ творить вещества, то мы можемъ по-крайней-мѣрѣ пробуждать въ немъ новыя свойства, чрезъ которыя безполезная масса обращается въ предметы полезные. Сэй справедливо замѣчаетъ, что мы всегда производимъ, или стремимся производить полезное; трудъ не творитъ предметы, но производитъ полезное. На этомъ основаніи Сэй и другіе политико-экономы спрашиваютъ совершенно логически: если полезное — результатъ труда, то почему

не считать производительнымъ всякій трудъ, приносящій пользу? Зачѣмъ отымать это наименованіе отъ занятія хирурга, вправляющаго вывихнутый членъ? — судьи-законодателя, охраняющаго благоустройство общества? — учителя, передающаго вмѣстѣ съ знаніемъ средства къ существованію?... и придавать его работѣ ювелира, который гранитъ и полируетъ алмазъ, или кандитера, приготовляющаго конфекты, для мгновеннаго услажденія чувства вкуса?

Совершенно справедливо, всѣ эти виды труда производятъ полезное; и вопросъ, теперь занимающій насъ, былъ бы неумѣстенъ, еслибъ произвожденіе полезнаго удовлетворяло общепринятому понятію о трудѣ производительномъ. Произвожденіе, производительный — выраженія неполныя, въ идеѣ предполагающія что-нибудь произведенное; но это что-нибудь въ понятіи общепринятомъ не есть польза, но богатство. Это приводитъ насъ къ вопросу, котораго уже мы коснулись въ первой главѣ, именно, что есть богатство и должно ли отнести къ нему всѣ полезныя произведенія, или только одни продукты вещественные.

Полезное, трудомъ совершаемое, представляется въ трехъ видахъ:

Вопервыхъ, полезное облеченное въ формѣ внѣшнихъ предметовъ. Трудъ надѣляетъ ихъ новыми качествами, дѣлаетъ ихъ пригодными для человѣка.

Во-вторыхъ, полезное, обнаруживающееся въ самомъ человѣкѣ. Трудъ въ этомъ случаѣ прилагается, чтобъ передать человѣку качества, которыя даютъ ему возможность служить себѣ и другимъ. Сюда относится трудъ всѣхъ участвующихъ въ воспитаніи, не только однихъ наставниковъ, но и самыхъ правительствъ, когда они заботятся о просвѣщеніи подвластныхъ имъ народовъ,—моралистовъ, духовныхъ лицъ, если они оказываютъ благое вліяніе,—вра-

чей, предохраняющихъ жизнь и дѣятельность физическую и умственную,—учителей различныхъ наукъ, искусствъ и ремеслъ,—трудъ учащихся, пріобрѣтающихъ эти свѣдѣнія, и трудъ всѣхъ, употребляемый, въ продолженіе жизни на усовершенствованіе познаній и на развитіе умственныхъ или тѣлесныхъ способностей.

Третій и послѣдній видъ полезнаго заключается въ оказанной услугѣ, въ сдѣланномъ удовольствіи, въ отвращеніи непріятности, и продолжается извѣстное время, не оставляя въ предметахъ или лицахъ слѣдовъ постояннаго усовершенствованія. Здѣсь трудъ прилагается для произведенія прямой пользы, а не для подготовленія предмета или лица для этой цѣли, какъ это мы видѣли въ двухъ предъидущихъ случаяхъ. Таковъ, напримѣръ, трудъ музыкальнаго исполнителя, актёра, декламатора. Нѣтъ сомнѣнія, онъ способенъ произвести много добра въ чувствахъ и расположеніи зрителей, которое не ограничивается минутнымъ дѣйствіемъ, или оказать вмѣсто того худое вліяніе, но не съ этою цѣлью, а только для удовольствія, непосредственно слѣдующаго, трудится дѣйствующее лицо и зритель платитъ.

Мы должны теперь обсудить, который изъ этихъ трехъ видовъ труда должно считать производителемъ богатства, если мы согласимся придать это значеніе труду производительному? Полезное третьяго вида, состоящее въ удовольствіяхъ, продолжающихся пока мы наслаждаемся ими, и въ услугахъ, прекращающихся съ исполненіемъ ихъ, не могутъ быть разсматриваемы какъ богатство, развѣ только въ смыслѣ метафорическомъ. Идея богатства необходимо предполагаетъ возможность накопленія; произведенія же, которыя имѣютъ такое скоропреходящее, моментальное бытіе, никогда не считаются богатствомъ; лицо, ими наслаж-

дающееся, не богатѣетъ, не улучшается въ своихъ обстоятельствахъ.

Богатство — матеріальное достояніе. Трудъ производительный обнимаетъ всѣ виды дѣятельности, творящей полезное, проявленное въ вещественныхъ предметахъ. Подъ это наименованіе, разумѣется, подходитъ трудъ, который хотя не имѣетъ прямымъ результатомъ продукта вещественнаго, но который способствуетъ увеличенному произвожденію. Такимъ-образомъ, трудъ, истраченный на изученіе ремесла, необходимаго для выдѣлки извѣстныхъ мануфактурныхъ издѣлій — трудъ производительный; трудъ правительственнаго чиновника, доставляющаго покровительство, необходимое для благосостоянія промышлености, долженъ быть также отнесенъ къ производителямъ вещественнаго богатства, потому-что безъ него это богатство не могло бы существовать въ настоящемъ изобиліи.

Напротивъ, трудъ, который не заканчивается произведеніемъ вещественнаго богатства, который, при самомъ успѣшномъ и обширномъ развитіи, не обогащаетъ общества вещественными произведеніями, но истощаетъ его соразмѣрно увеличенному потребленію этихъ произведеній лицами, ему себя посвящающими, называется трудомъ непроизводительнымъ.

На языкѣ Политической Экономіи эпитетъ «непроизводительный» обозначаетъ трудъ, который оканчивается наслажденіемъ, непосредственно за нимъ слѣдующимъ, не увеличивая существующаго запаса постоянныхъ средствъ, служащихъ къ наслажденію. Слѣдственно, согласно съ этимъ опредѣленіемъ, всякій трудъ, доставляющій постоянную пользу, но который, при всей своей важности, не участвуетъ въ произвожденіи вещественныхъ продуктовъ,

долженъ быть разсматриваемъ какъ трудъ непроизводительный.

Трудъ непроизводительный можетъ быть такъ же полезенъ какъ и производительный, даже полезнѣе его, и доставлять болѣе прочное благо, или онъ можетъ приносить только одно пріятное ощущеніе, неоставляющее никакого слѣда, или даже даромъ растрачиваться, не принося удовольствія; но во всѣхъ этихъ случаяхъ общество, или человѣчество, не богатѣетъ, но истощается отъ этого труда. Всѣ вещественныя произведенія, потребляемыя лицомъ, ничего непроизводящимъ, составляютъ на-время ущербъ въ запасѣ этихъ произведеній, которыя, въ противномъ случаѣ, оставались бы собственностью общества. Но хотя общество не богатѣетъ отъ непроизводительнаго труда, онъ можетъ обогатить лица. Непроизводительно-трудящійся можетъ получать за свою работу отъ тѣхъ, кому она доставляетъ пользу или удовольствіе, вознагражденіе, которое нерѣдко обращается въ значительный источникъ богатства; но его барыши составляются изъ потерь этихъ лицъ. Они могутъ быть вполнѣ удовлетворены за понесенный ими расходъ; но они дѣлаются отъ того все-таки бѣднѣе. Портной шьетъ сюртукъ и продаетъ его; потребитель въ этомъ случаѣ передаетъ портному цѣну его и получаетъ сюртукъ, который прежде не существовалъ; но доходы актёра составляются изъ *средствъ* зрителей, переходящихъ къ нему, и за которыя онъ не оставляетъ зрителямъ въ вознагражденіе никакого вещественнаго предмета богатства. Впрочемъ, трудъ непроизводительный можетъ увеличить богатство одного общества на счетъ другихъ обществъ, точно такъ же, какъ одинъ человѣкъ можетъ разбогатѣть на счетъ другихъ людей. Прибыли итальянскихъ пѣвцовъ, нѣмецкихъ музыкантовъ, франпузскихъ танцовщицъ составляютъ источни-

ки богатства въ отношеніи ихъ отечествъ, если они туда возвращаются.

Трата творящей дѣятельности не составляетъ отличительнаго характера непроизводительнаго труда. Производительный трудъ такъ же можетъ быть потерянъ даромъ, если его тратятся болѣе, нежели сколько дѣйствительно необходимо для произвожденія, какъ, напримѣръ, это бываетъ, когда, вслѣдствіе неискусства работниковъ, или неразсчетливости хозяина, ими управляющаго, производство промышлености не отвѣчаетъ цѣли. Если фабрикантъ усвоиваетъ новый процесъ, который не лучше, или даже хуже прежде существовавшаго въ употребленіи, то трудъ, употребляемый на усовершенствованіе и приложенія изобрѣтенія, хотя и въ видахъ произвожденія, также теряется даромъ. Производительный трудъ можетъ истощить государство, когда нѣтъ требованій на богатство, имъ производимое, на предметы полезные или пріятные, которые онъ творитъ, когда, напримѣръ, товаръ не продается, потому-что онъ производится въ количествѣ, превышающемъ существующій запросъ, или когда спекулянты строятъ доки, магазины и т. п. прежде появленія торговли. Въ подобную ошибку впали обанкрутившіеся штаты Сѣверной Америки съ ихъ преждевременными желѣзными дорогами и каналами; и еще неизвѣстно не послѣдовала ли примѣру ихъ Англія въ несоразмѣрномъ проведеніи желѣзныхъ дорогъ. Трудъ, положенный въ ожиданіи отдаленнаго возмездія, когда ограниченныя средства общества требуютъ быстраго оборота, можетъ не только истощить страну на-время, но разоряетъ ее въ конецъ, что̀ не могло бы случиться, еслибъ, прежде всего вниманіе было обращено на непосредственно-слѣдующее возмездіе, а предпріятія, доставляющія выгоды, отдаленныя, были отложены.

оказывать прямаго содѣйствія произвожденію: для этой цѣли онѣ должны быть промѣнены на другіе предметы. Капиталъ даетъ убѣжище, защиту, инструменты, матеріалы, необходимые для работы, кормитъ и содержитъ трудящихся, пока работы продолжаются — вотъ участіе его въ произвожденіи; это услуга, которую трудъ, дѣйствующій въ настоящее время, требуетъ отъ труда предшествовавшаго, и которая заключается въ его произведеніяхъ. Всѣ предметы, назначенные для этой цѣли, для того, чтобъ снабдить производительную работу всѣмъ, что̀ для нея потребно, составляютъ капиталъ.

Чтобъ совершеннѣе усвоить это понятіе, разсмотримъ, ка̀къ употребляется капиталъ, помѣщенный въ какой-нибудь производительной отрасли промышлености страны. Фабрикантъ, напримѣръ имѣетъ одну часть капитала въ зданіяхъ, нарочно устроенныхъ для промышлености, его занимающей, другую часть въ машинахъ, третью часть, если онъ прядильщикъ, въ хлопчатой бумагѣ, льнѣ, шерсти или пряжѣ льняной, шерстяной, бумажной, шелковой, если онъ ткачъ, или въ другихъ матеріалахъ, соотвѣтствующихъ роду фабричной дѣятельности. Запасать пищу и одежду для работниковъ не въ обычаѣ настоящаго времени, и немногіе промышленики, исключая самихъ производителей этихъ предметовъ, имѣютъ часть своего капитала въ этой формѣ; на мѣсто того у каждаго промышленика есть деньги, которыя онъ платитъ своимъ работникамъ и такимъ образомъ даетъ имъ средство продовольствоваться самимъ. Фабрикантъ имѣетъ также въ своихъ магазинахъ готовыя издѣлія, продажа которыхъ приноситъ ему болѣе денегъ, употребляемыхъ или для этой же цѣли, или для пополненія запаса матеріаловъ, для поправки зданія и машинъ и замѣщенія ихъ, когда они ветшаютъ. Не всѣ,

однакожъ, деньги, промышленику принадлежащія, и готовыя издѣлія входятъ въ составъ капитала, потому-что не всѣ они идутъ для поименованныхъ цѣлей: онъ употребляетъ часть денегъ и часть прибыли, готовыми издѣліями доставляемой, чтобъ продовольствовать свои собственныя потребности и своего семейства, нанимать прислугу, воспитывать дѣтей, платить подати, споспѣшествовать благотворительнымъ цѣлямъ и т. п. Какая же часть его собственности будетъ капиталъ? Именно та часть, которую онъ полагаетъ для производства промышленности, въ какой бы она ни была формѣ.

Всѣ произведенія страны, прилагаемыя для произвожденія, составляютъ капиталъ, и наоборотъ, весь капиталъ страны употребляется для произвожденія. Это второе предложеніе должно быть допущено, однакожъ, съ нѣкоторыми оговорками. Владѣтель достоянія можетъ искать для своей собственности производительнаго приложенія, соотвѣтствующаго его наклонностямъ, и не найдти его: это достояніе — капиталъ, но капиталъ неупотребленный; или капиталъ можетъ состоять изъ товаровъ непроданныхъ, которые не могутъ быть приложены непосредственно къ производительнымъ цѣлямъ и не имѣютъ сбыта. Эти товары, въ-ожиданіи продажи, находятся также въ состояніи неупотребленнаго капитала. Далѣе, случайныя обстоятельства могутъ поставить промышленика въ необходимость имѣть большой запасный капиталъ, превышающій дѣйствительную потребность, прежде нежели онъ приступаетъ къ производству. Положимъ, что правительство опредѣляетъ налогъ на какую-нибудь отрасль промышлености въ одномъ изъ первоначальныхъ процесовъ ея производства, на суровый матеріалъ, напримѣръ, въ этомъ случаѣ, промышленикъ, будучи обязанъ выплатить впередъ эту пошлину,

еще не приступая къ дѣлу, необходимо долженъ имѣть въ запасѣ болѣе капитала, нежели сколько его требуется и сколько его дѣйствительно употребляется въ производствѣ. Наконецъ, большая часть производительнаго капитала, употребляемаго на уплату работникамъ, въ строгомъ смыслѣ не есть непремѣнное условіе произвожденія. Излишекъ, остающійся за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей жизни, и который для искусныхъ работниковъ обыкновенно бываетъ значителенъ, идетъ не для поддержанія труда, но для его вознагражденія. Работники могли бы выжидать часть этой платы, пока закончится производство, поэтому она не должна входить въ составъ первоначальнаго капитала, тѣмъ болѣе, что, если, по несчастію, работники лишаются ея, то произвожденіе совершается въ тѣхъ же размѣрахъ. Чтобъ имѣть возможность выплачивать впередъ работникамъ полное, слѣдующее имъ возмездіе въ видѣ поденной и еженедѣльной платы, промышленикъ долженъ имѣть въ запасѣ капиталъ бо́льшій, нежели сколько его достаточно для производства промышлености въ размѣрахъ существующихъ.

Я принимаю здѣсь, что работники всегда существуютъ на счетъ капитала — это фактъ положительный, неоспоримый, хотя капиталъ не долженъ быть непремѣнно доставленъ капиталистомъ. Когда работникъ содержитъ себя своими средствами (какъ, напримѣръ, крестьянинъ, или помѣщикъ, живущій произведеніями своей земли, или ремесленикъ, для себя работающій), онъ все-таки поддерживается капиталомъ, который, въ этомъ случаѣ, представляется средствами имъ впередъ заготовленными. Крестьянинъ живетъ въ продолженіе текущаго года прошлогоднимъ урожаемъ; ремесленникъ существуетъ прибылью, которую доставила ему работа, предварительно исполненная. Каждый поддерживается

своимъ собственнымъ, небольшимъ капиталомъ, который онъ пополняетъ періодически изъ произведеній своего труда. Большой капиталистъ подобнымъ же образомъ живетъ средствами, напередъ запасенными. Если онъ самъ лично ведетъ свои дѣла, то его собственные домашніе расходы, когда они не превосходятъ слѣдующаго вознагражденія за трудъ, по рыночной цѣнѣ, должны быть разсматриваемы какъ часть капитала, истрачиваемаго для производженія.

Чтобъ представить идею капитала въ болѣе ясномъ свѣтѣ, я прибавлю еще нѣсколько поясннтельныхъ примѣровъ. Сэй справедливо замѣчаетъ, что основанія Политической Экономіи прежде всего должны быть точно опредѣлены; потому-что всѣ заблужденія въ этой наукѣ происходятъ отъ несовершеннаго усвоенія начальныхъ идей; и это неудивительно: дерево остается здоровымъ, когда одна вѣтвь его чахнетъ; но если корень его нездоровъ, то болѣзнь обнимаетъ весь растительный организмъ.

Разсмотримъ теперь, когда и въ какихъ случаяхъ собственность лицъ, живущихъ доходами съ своего состоянія и лично неучаствующихъ въ производженіи, можетъ быть разсматриваема какъ капиталъ. Эта собственность обыкновенно и отчасти справедливо называется въ разговорномъ языкѣ капиталомъ. Всякое имущество, доставляющее своему владѣтелю доходъ, которымъ онъ можетъ пользоваться, не истощая и не расточая своего достоянія, представляетъ для него капиталъ. Но, придавая смыслъ общій предложеніямъ, которыя справедливы въ частности для лица, мы можемъ впасть въ безчисленныя заблужденія, столь обыкновенныя въ Политической Экономіи. Въ настоящемъ случаѣ капиталъ лица можетъ быть и не быть капиталомъ общества, смотря по тому, было ли истрачено, или

нѣтъ, другими достояніе, котораго не тратило это лицо, согласно съ нашимъ предположеніемъ.

Напримѣръ: *A*, владѣлецъ собственности, стоющей десять тысячъ рублей, отдаетъ ее *B*, сельскому хозяину, или фабриканту, и съ выгодою помѣщаетъ ее въ его промышлености. *A*, въ отношеніи своей собственности, дѣлается здѣсь сельскимъ хозяиномъ, или фабрикантомъ, безъ личнаго соучастія. Капиталъ, стоющій десять тысячъ рублей, употребляется въ произвожденіи, на содержаніе работниковъ, снабженіе промышлености инструментами, матеріалами и т. п.; этотъ капиталъ принадлежитъ *A*; *B* только принимаетъ на себя трудъ приложенія этого капитала и получаетъ въ вознагражденіе часть барыша, имъ доставляемаго, остающуюся за уплатою процентовъ *A*. Это самый простѣйшій примѣръ.

Положимъ теперь, что *A* не помѣщаетъ принадлежащихъ ему десяти тысячъ рублей въ промышлености *B*, но вмѣсто того отдаетъ ихъ въ займы подъ залогъ помѣщику *C*, который употребляетъ ихъ на улучшеніе своего помѣстья, проведеніе дорогъ, осушеніе почвы и т. п.; однимъ словомъ, даетъ имъ производительное назначеніе. Десять тысячъ рублей истрачены, но не потеряны; онѣ доставляютъ постоянный доходъ: земля теперь даетъ болѣе обильный урожай, который, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, если капиталъ былъ благоразумно употребленъ, уплачиваетъ его обратно съ значительнымъ ростомъ. Въ этомъ случаѣ, слѣдственно, десять тысячъ рублей были приложены, чтобъ увеличить производительность страны, и онѣ составляютъ, слѣдственно, капиталъ.

Перемѣнимъ обстоятельства: положимъ, что *C* употребляетъ свой заемъ не на улучшеніе земли, но выкупаетъ на него свое прежде заложенное помѣстье, или устроиваетъ

своихъ дѣтей. Представляютъ ли десять тысячъ рублей капиталъ въ этомъ случаѣ — это будетъ зависѣть отъ ихъ конечнаго приложенія. Если дѣти помѣщаютъ переданное имъ достояніе въ производительномъ предпріятіи, или если первоначальный кредиторъ, державшій помѣстье въ залогѣ, отдаетъ полученныя имъ десять тысячъ рублей въ займы другому землевладѣльцу, для улучшенія земли, или фабриканту, для увеличенія его производства, то онѣ, вслѣдствіе своего производительнаго приложенія, будутъ представлять капиталъ.

Положимъ теперь, что помѣщикъ, занимающій деньги, расточитель, который отягощаетъ свое имѣніе новымъ обязательствомъ не для того, чтобъ увеличить свое состояніе, а тратитъ заключенный имъ заемъ на свои прихоти. Въ годъ или два занятыя деньги истрачены безъ всякаго возврата: *А* такъ же богатъ, какъ и прежде; онъ не владѣетъ болѣе десятью тысячами, но онъ имѣетъ закладную, которую можетъ продать за эту сумму; *С* бѣднѣе противъ прежняго, потерявъ десять тысячъ, которыя никого не обогащаютъ. Мнѣ могутъ замѣтить, что люди, извлекавшіе выгоды изъ денегъ, расточаемыхъ *С*, разбогатѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что если *С* проигралъ или раздарилъ ихъ, то здѣсь только совершилась передача денегъ безъ растраты, и люди, которыми они были пріобрѣтены, могли снова употребить ихъ производительно. Но если *С* получилъ соотвѣтствующее удовлетвореніе за свои расходы, состоявшее изъ предметовъ роскоши и первой необходимости, которые онъ потребилъ самъ вмѣстѣ съ своими друзьями и прислугою, то мы не находимъ въ результатѣ никакихъ новыхъ произведеній, чтобъ замѣнить эти предметы, по уничтоженіи ихъ. Напротивъ, еслибъ та же самая сумма была употреблена въ сельской или мануфактурной промышленности, то потребленіе было бы

съ избыткомъ вознаграждено въ концѣ года новыми продуктами труда людей, которые были бы въ этомъ случаѣ потребителями. Расточительность *C* уничтожила безъ возврата то, что́ могло принести воздаяніе, соединенное съ потребленіемъ. Купцы, снабжавшіе своими товарами *C*, имѣли свои барыши; но еслибъ капиталъ былъ употребленъ производительно, то рабочіе, равно какъ и купцы, продовольствовавшіе ихъ, получили бы тѣ же самые барыши, и *C*, по прошествіи извѣстнаго времени, пріобрѣлъ бы десять тысячъ рублей, которыя онъ теряетъ, или имущество, равноцѣнное имъ. Въ общемъ итогѣ это различіе представляетъ ущербъ обществу по-крайней-мѣрѣ на десять тысячъ, соотвѣтствующихъ непроизводительному расходу *C*. Для *A*, какъ мы замѣтили, это различіе неощутительно, потому-что долгъ его обезпеченъ; а если обезпеченіе вѣрно, то онъ можетъ продать свою закладную за первоначальную цѣну: для *A*, слѣдственно, закладная въ десять тысячъ на имѣніе *C* — капиталъ; но представляетъ ли она капиталъ въ отношеніи общества? — Нѣтъ. *A* имѣлъ десять тысячъ капитала; но расточительность *C* его уничтожила. *A* получаетъ доходъ не съ продуктовъ своего капитала, но изъ другаго источника, принадлежащаго *C*. Такимъ образомъ капиталъ общества уменьшается на десять тысячъ, и доходъ общественный теряетъ въ произведеніяхъ, которыя мы имѣли бы въ наличности, еслибъ этотъ капиталъ былъ употребленъ производительно.

Если предъидущія объясненія достигли своей цѣли, если они сообщили полную идею о капиталѣ и достаточно поняты даже неопытнымъ читателемъ, то не менѣе будутъ ясны слѣдующія основныя предложенія, или теоремы, относящіяся къ капиталу.

Первое предложеніе — промышленость ограничивается ка-

питаломъ. Оно такъ ясно, что можетъ быть принято за аксіому. Но сознавать истину иногда и признать ее навсегда, не допуская никакихъ исключеній — это двѣ совершенно различныя вещи. Политико-экономическіе писатели только недавно стали обращать вниманіе на эту аксіому, и до-сихъ-поръ еще ученія, ей противорѣчащія, принимаются и поддерживаются многими.

Наперекоръ этой очевидной истинѣ существуетъ убѣжденіе, что законы и постановленія, не созидая капитала, могутъ создать промышленость. Многіе думаютъ, что возможно безъ новыхъ средствъ творить новые виды дѣятельности, не дѣлая народъ болѣе трудолюбивымъ, не увеличивая производительности труда, усовершенствуя искусства, или усиливая энергію труда и заставляя работать людей, прежде существовавшихъ въ праздности, но достигая этой цѣли совершенно другими путями, напримѣръ, останавливая ввозъ извѣстныхъ предметовъ потребленія. По мнѣнію многихъ, въ этомъ случаѣ страна обогащается новою отраслью промышлености, если внутри ея открывается производство этихъ предметовъ. Люди, раздѣляющіе это мнѣніе, почитаютъ чистою прибылью количество новыхъ выдѣланныхъ произведеній, количество труда, вновь употребленнаго: но еслибъ они помнили, что промышленость опредѣляется капиталомъ, то они увидѣли бы, что, въ этомъ случаѣ, часть капитала, обращающаяся на нововведенную отрасль промышлености, отнимается отъ другихъ отраслей.

Но если промышленость ограничивается капиталомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что она всегда достигаетъ этой границы: иногда бываетъ невозможно достать столько работниковъ, сколько капиталъ можетъ продовольствовать и занять ихъ. Это обыкновенно случается въ новыхъ колоніяхъ,

гдѣ иногда капиталъ гибнетъ безъ пользы, за недостаткомъ труда. Многія лица, ничего непроизводящія, или производящія гораздо менѣе противъ того, что они могли бы сдѣлать, живутъ насчетъ капитала существующаго. Еслибъ возможно было уменьшить плату рабочимъ, или принудить ихъ работать бо́льшее число часовъ въ сутки за ту же плату, или заставить болѣе трудиться ихъ семейства, уже существующія насчетъ этого капитала, то данный капиталъ могъ бы расширить промышленость, доставить большое занятіе трудящимся, и въ этомъ случаѣ прекратилось бы непроизводительное потребленіе производящихъ работниковъ, теперь оплачиваемое капиталомъ, который могъ бы содержать бо́льшее число ихъ.

Если промышленость ограничивается капиталомъ, то справедливо также, что каждое прибавленіе къ нему неограниченно расширяетъ дѣйствія промышлености и доставляетъ новую работу. Я не отвергаю, что капиталъ, или часть его, можетъ быть употреблена и не для содержанія рабочихъ, но въ видѣ машинъ, строеній, или для улучшенія земли: каждое прибавленіе къ капиталу, по-крайней-мѣрѣ значительная его доля, обыкновенно находитъ подобное приложеніе, и въ этомъ случаѣ только содѣйствуетъ рабочимъ, не продовольствуя ихъ. Я утверждаю только, что часть капитала, назначаемая для содержанія рабочихъ, можетъ быть неопредѣленно увеличена, не стѣсняя круга ихъ дѣятельности, или, другими словами, что если найдутся люди, способные трудиться, и пища, для продовольствія ихъ, то эти люди всегда могутъ быть заняты произведеніемъ чего-нибудь. На этомъ обратномъ заключеніи, слѣдующемъ изъ перваго предложенія, необходимо остановиться; оно принадлежитъ къ числу апоѳегмъ, которыя необыкновенно легко допускаются, если представить ихъ въ общихъ выраженіяхъ, но которыя труд-

но удержать среди разнороднаго смѣшенія явленій, составляющихъ жизнь общественную. Кромѣ-того, это заключеніе противорѣчитъ укоренившемуся общепринятому мнѣнію, что непроизводительные расходы богатыхъ необходимы для занятія бѣдныхъ. До Адама Смита едва-ли кто сомнѣвался въ непреложности этого заключенія. Даже въ послѣдующее время извѣстные и достойные писатели, каковы, напримѣръ, Мальтусъ, Чальмерзъ, Сисмонди, утверждали, что еслибъ потребители сберегали и обращали въ капиталъ бо́льшую часть своего дохода и не тратили его на непроизводительное потребленіе, то излишнее накопленіе было бы ущербомъ, потому-что тогда предметы, произведенные насчетъ этого вновь созданнаго капитала, не находили бы сбыта.

Очевидно для каждаго, что еслибъ какое-нибудь благодѣтельное правительство обладало всѣми запасами пищи и всѣми орудіями и матеріалами, находящимися въ обществѣ, то оно могло бы требовать производительнаго труда отъ каждаго, кого оно продовольствуетъ пищею, и всегда находило бы занятіе для труда производительнаго. Пока существуетъ хотя одна матеріальная нужда, одна потребность неудовлетворенная для одного человѣка, трудъ общества можетъ быть приложенъ для произведенія предмета, удовлетворяющаго эту нужду. Капиталисты, увеличивая свои капиталы новыми къ нимъ прибавленіями, поступаютъ подобно этому благодѣтельному правительству. Такъ-какъ для поясненія дозволяется привести, въ видѣ примѣра, предположительно каждый возможный случай, то мы представимъ себѣ явленіе несовершенно обыкновенное и невыходящее, однакожь, изъ предѣловъ возможности. Положимъ, капиталисты пришли къ такому заключенію, что какъ они личными достоинствами не превосходятъ добропорядочныхъ рабочихъ, то поэтому они не должны жить лучше ихъ; даже

допустимъ, что это не будетъ ихъ произвольнымъ убѣжденіемъ, но что законъ или общественное мнѣніе принуждаютъ къ тому. Въ этомъ случаѣ непроизводительный расходъ этихъ лицъ будетъ наименьшій, сбереженіе прибылей увеличится. Спрашивается : какимъ образомъ капиталъ увеличившійся найдетъ приложеніе? Кто будетъ покупать товары, имъ произведенные, когда нѣтъ потребителей для произведеній, прежде выдѣланныхъ?—Говорятъ, что товары останутся непроданными; они погибнутъ въ магазинахъ, пока капиталъ не войдетъ въ прежнія и даже тѣснѣйшія границы, потому-что запросъ потребителей уменьшился. Но это слишкомъ односторонній взглядъ на предметъ. Конечно въ предполагаемомъ случаѣ запросъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ на предметы роскоши прекратится; но эти лица, откладывая свои доходы къ капиталу, не уничтожаютъ тѣмъ своей возможности потребленія; они только передаютъ ее рабочимъ, которымъ они доставляютъ занятіе. Теперь намъ представляются два возможныя предположенія относительно рабочихъ: число ихъ можетъ увеличиваться пропорціонально возрастанію капитала, или нѣтъ. Если оно увеличивается, то случай, приведенный нами въ примѣръ, не представляетъ никакого затрудненія: произведеніе предметовъ, необходимыхъ для прибывающаго народонаселенія замѣнитъ произведеніе предметовъ роскоши, которые потребляла часть первоначальнаго народонаселенія, и доставитъ занятіе праздному труду. Но положимъ, что число рабочихъ не прибываетъ: въ такомъ случаѣ суммы, истрачиваемыя капиталистами и землевладѣльцами на предметы роскоши, разойдутся между рабочими въ видѣ прибавочной платы. Если рабочіе уже снабжены всѣми необходимыми предметами, то они сдѣлаются потребителями предметовъ роскоши, и капиталъ, прежде при-

лагаемый къ произведенію ихъ, будетъ имѣть то же самое назначеніе; только предметы роскоши, прежде доступные немногимъ, разойдутся между всѣми членами общества. Возростаніе капитала и произвожденія могутъ продолжаться, пока каждый рабочій не сдѣлается участникомъ всѣхъ прихотей, доставляемыхъ богатствомъ, которыя не препятствуютъ продолженію труда, если сложная дѣятельность физически достаточна, чтобъ произвести требуемое количество предметовъ роскоши для всѣхъ. Такимъ-образомъ не отсутствіе потребителей, но недостатокъ въ производителяхъ и въ творящей дѣятельности ограничиваетъ богатство. Каждое прибавленіе къ капиталу или даетъ новое занятіе труду, или увеличиваетъ его вознагражденіе и, слѣдственно, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если существуютъ въ обществѣ праздныя руки, ищущія работы, то увеличеніе капитала умножаетъ массу продуктовъ; если же число рабочихъ рукъ остается то же, то онѣ получаютъ бо̀льшее возмездіе насчетъ этого увеличенія, которое, поощряя ихъ дѣятельность, можетъ, даже и въ этомъ случаѣ, увеличить массу произведеній.

Второе основное предложеніе, въ отношеніи къ капиталу, указываетъ на источникъ, изъ котораго онъ происходитъ. Капиталъ — результатъ бережливости; очевидность этого предложенія открывается уже изъ того, что̀ мы сказали; несмотря на это, однакожь, оно требуетъ дальнѣйшаго объясненія.

Еслибъ всѣ люди тратили на свои собственныя прихоти то, что̀ они производятъ, и доходы, получаемые ими съ продуктовъ, производимыхъ другими, то капиталъ никогда бы не возросталъ. Весь капиталъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, первоначально былъ результатомъ сбереже-

допустимъ, что это не будетъ ихъ произвольнымъ убѣжденіемъ, но что законъ или общественное мнѣніе принуждаютъ къ тому. Въ этомъ случаѣ непроизводительный расходъ этихъ лицъ будетъ наименьшій, сбереженіе прибылей увеличится. Спрашивается : какимъ образомъ капиталъ увеличившійся найдетъ приложеніе? Кто будетъ покупать товары, имъ произведенные, когда нѣтъ потребителей для произведеній, прежде выдѣланныхъ?—Говорятъ, что товары останутся непроданными; они погибнутъ въ магазинахъ, пока капиталъ не войдетъ въ прежнія и даже тѣснѣйшія границы, потому-что запросъ потребителей уменьшился. Но это слишкомъ односторонній взглядъ на предметъ. Конечно въ предполагаемомъ случаѣ запросъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ на предметы роскоши прекратится; но эти лица, откладывая свои доходы къ капиталу, не уничтожаютъ тѣмъ своей возможности потребленія; они только передаютъ ее рабочимъ, которымъ они доставляютъ занятіе. Теперь намъ представляются два возможныя предположенія относительно рабочихъ: число ихъ можетъ увеличиваться пропорціонально возростанію капитала, или нѣтъ. Если оно увеличивается, то случай, приведенный нами въ примѣръ, не представляетъ никакого затрудненія: произведеніе предметовъ, необходимыхъ для прибывающаго народонаселенія замѣнитъ произведеніе предметовъ роскоши, которые потребляла часть первоначальнаго народонаселенія, и доставитъ занятіе праздному труду. Но положимъ, что число рабочихъ не прибываетъ: въ такомъ случаѣ суммы, истрачиваемыя капиталистами и землевладѣльцами на предметы роскоши, разойдутся между рабочими въ видѣ прибавочной платы. Если рабочіе уже снабжены всѣми необходимыми предметами, то они сдѣлаются потребителями предметовъ роскоши, и капиталъ, прежде при-

лагаемый къ произведенію ихъ, будетъ имѣть то же самое назначеніе; только предметы роскоши, прежде доступные немногимъ, разойдутся между всѣми членами общества. Возростаніе капитала и произвожденія могутъ продолжаться, пока каждый рабочій не сдѣлается участникомъ всѣхъ прихотей, доставляемыхъ богатствомъ, которыя не препятствуютъ продолженію труда, если сложная дѣятельность физически достаточна, чтобъ произвести требуемое количество предметовъ роскоши для всѣхъ. Такимъ-образомъ не отсутствіе потребителей, но недостатокъ въ производителяхъ и въ творящей дѣятельности ограничиваетъ богатство. Каждое прибавленіе къ капиталу или даетъ новое занятіе труду, или увеличиваетъ его вознагражденіе и, слѣдственно, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если существуютъ въ обществѣ праздныя руки, ищущія работы, то увеличеніе капитала умножаетъ массу продуктовъ; если же число рабочихъ рукъ остается то же, то онѣ получаютъ бо̀льшее возмездіе насчетъ этого увеличенія, которое, поощряя ихъ дѣятельность, можетъ, даже и въ этомъ случаѣ, увеличить массу произведеній.

Второе основное предложеніе, въ отношеніи къ капиталу, указываетъ на источникъ, изъ котораго онъ происходитъ. Капиталъ — результатъ бережливости; очевидность этого предложенія открывается уже изъ того, что̀ мы сказали; несмотря на это, однакожь, оно требуетъ дальнѣйшаго объясненія.

Еслибъ всѣ люди тратили на свои собственныя прихоти то, что̀ они производятъ, и доходы, получаемые ими съ продуктовъ, производимыхъ другими, то капиталъ никогда бы не возросталъ. Весь капиталъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, первоначально былъ результатомъ сбереже-

нія. Я говорю: за ничтожнымъ исключеніемъ, потому-что лицо, на себя работающее, можетъ также тратить для себя все, что̀ оно производитъ, не впадая въ нищету. Запасъ предметовъ первой необходимости, которыми оно существуетъ, въ ожиданіи новаго урожая, или продажи своихъ продуктовъ, и которые составляютъ наличный капиталъ, не можетъ быть разсматриваемъ какъ результатъ экономіи, потому-что весь этотъ запасъ идетъ для снабженія собственныхъ нуждъ этого лица и уничтожается такъ же быстро, какъ и въ праздномъ его потребленіи.

Мы можемъ представить себѣ нѣсколько человѣкъ, и даже семействъ, живущихъ на отдѣльныхъ полосахъ земли, существующихъ произведеніями своего собственнаго труда и потребляющихъ всю массу произведеній; но даже и они принуждены сберегать и откладывать часть своихъ продуктовъ, по-крайней-мѣрѣ сколько нужно ихъ для слѣдующаго посѣва; слѣдовательно сбереженіе необходимо для произвожденія даже и въ этомъ простѣйшемъ видѣ общественныхъ отношеній. Эти люди должны были производить болѣе, нежели сколько они потребляютъ, или должны потреблять менѣе, нежели сколько они производятъ. Эта необходимость еще болѣе связывала ихъ прежде, нежели они могли расширить свою дѣятельность и употреблять другихъ работниковъ. Мы можемъ, поэтому, утвердительно сказать, не опасаясь быть неточными, что всякій капиталъ, и преимущественно каждое прибавленіе къ капиталу, есть результатъ сбереженія.

Въ грубомъ состояніи общества, примѣръ котораго мы находимъ въ Европѣ въ средніе вѣка и до-сихъ-поръ встрѣчаемъ еще на Востокѣ, накопленіе капитала совершается не естественнымъ путемъ, а насиліемъ, такъ-что дѣйствительный производитель не пользуется имъ, а произ-

водитъ и копитъ его для другаго лица, которое сильнѣе и могущественнѣе и которое обыкновенно не принимаетъ участія въ произвожденіи.

Есть случаи, въ которыхъ слово *сбереженіе* по идеѣ, съ нимъ соединенной, не можетъ быть приложено къ дѣйствію, увеличивающему капиталъ. Если кто скажетъ, что *сбереженіе* — единственное средство увеличить капиталъ, то это наведетъ на мысль о большóмъ воздержаніи или лишеніи; но, очевидно, все, что̀ увеличиваетъ производительную силу труда, творитъ также прибавочный фондъ для сбереженія, или экономіи, и даетъ возможность увеличить капиталъ не только безъ новыхъ лишеній, но и при возростающемъ потребленіи. Несмотря на то, сбереженіе совершалось здѣсь не въ смыслѣ практическомъ; здѣсь было сбережено болѣе, хотя потребленіе увеличилось, потому-что произвожденіе превышало его, и этотъ избытокъ съ справедливостью можетъ быть названъ экономіею.

Третье основное предложеніе, въ отношеніи капитала, тѣсно связано съ предъидущимъ, сейчасъ нами разсмотрѣннымъ предложеніемъ, именно, хотя капиталъ сберегается и есть результатъ сбереженія, несмотря на то, онъ потребляется.

Идея сбереженія не предполагаетъ, чтобъ сбереженное не было потреблено, ни даже, чтобъ это потребленіе было отложено на-время, но только, чтобъ потребителемъ не было самое лицо сберегающее. Если капиталъ откладывается для будущаго употребленія, или копится, какъ говорятъ обыкновенно, то въ этомъ случаѣ онъ совершенно не потребляется; но капиталъ употребляемый потребляется весь, хотя не капиталистомъ: часть его вымѣнивается на орудія или машины, которыя ветшаютъ отъ дѣйствія; часть идетъ на пріобрѣтеніе сѣмянъ и матеріаловъ, которые уничтожаются, обращаясь въ новые продукты и въ видѣ

этихъ новыхъ продуктовъ; остальное уплачивается, какъ жалованье, производительнымъ работникамъ, которые потребляютъ его на уловлетвореніе своихъ нуждъ; и если даже они сберегаютъ часть этого жалованья, то съ цѣлью приложить его снова въ видѣ капитала и потребить въ заключеніи.

Это предложеніе представляетъ поразительный примѣръ, какъ необходимо обращать вниманіе на первоначальныя истины въ Политической Экономіи. Это предложеніе одна изъ основныхъ истинъ, и, несмотря на то, немногіе сознаютъ и даже многіе неохотно ее допускаютъ; для общей же массы вовсе неочевидно, чтобъ потреблялось то, что сберегается. Въ глазахъ людей: кто сберегаетъ, тотъ копитъ; они считаютъ подобное поведеніе дозволеннымъ и даже похвальнымъ, когда оно имѣетъ цѣлью обезпечить семейство, или другое, въ этомъ же родѣ, назначеніе; но они не понимаютъ, что это было бъ дѣломъ полезнымъ для общества: для нихъ сбереженіе означаетъ сохраненіе предмета для самого лица; напротивъ, расточительность представляетъ раздѣленіе богатства между другими. Лицо, тратящее свое достояніе въ потребленіи непроизводительномъ, по ихъ мнѣнію, разливаетъ благодѣяніе вокругъ себя.

Это обыкновенное заблужденіе происходитъ оттого, что люди недовольно обращаютъ вниманія на всѣ послѣдствія расточительности и сбереженія, оттого, что они не принимаютъ въ разсужденіе всѣхъ результатовъ, неуловимыхъ для глаза. Глазъ слѣдитъ, какъ скрывается каждая сберегаемая сумма въ воображаемый сундукъ и тамъ теряетъ ее изъ виду; то что тратится, видимо, переходитъ въ руки купцовъ и другихъ лицъ; но въ обоихъ случаяхъ теряется конечное назначеніе. Сбереженіе, имѣющее цѣлью производительное употребленіе, и расточительность почти совпадаютъ въ первой степени своей дѣятельности:

дѣйствіе ихъ начинается потребленіемъ и уничтоженіемъ извѣстной части капитала; только предметы потребленія и лица потребляющія различны. Въ одномъ случаѣ мы находимъ постепенную порчу орудій и машинъ, уничтоженіе матеріаловъ, пищи, одежды, которыми снабжаются работники; въ другомъ случаѣ мы видимъ потребленіе непроизводительное, то есть совершенное уничтоженіе предметовъ роскоши. До-сихъ-поръ результаты, въ отношеніи народнаго богатства, одинаковы; въ обоихъ случаяхъ соразмѣрное количество его разрушается, но дѣйствіе расточительности и заканчивается въ этой первой степени; извѣстное количество произведеній исчезаетъ, ничего не оставляя; напротивъ, человѣкъ сберегающій, пока совершается разрушеніе, занимаетъ работниковъ, которые, въ заключеніе, возстановляютъ то, что было уничтожено. И такъ-какъ подобное дѣйствіе можетъ быть повторено многократно до безконечности, не требуя новаго сбереженія, то экономія, разъ сдѣланная, обращается въ постоянный фондъ для продовольствія рабочихъ, которые ежегодно воспроизводятъ съ прибылью свое собственное содержаніе.

Вмѣшательство денегъ затемняетъ истинное значеніе этихъ явленій для ума неопытнаго. Всѣ расходы уплачиваются деньгами; деньги представляются главною пружиною въ этихъ дѣйствіяхъ; и такъ-какъ онѣ не уничтожаются, но только переходятъ въ другія руки, то люди упускаютъ изъ виду дѣйствительное уничтоженіе, соединенное съ расходами непроизводительными. Деньги передаются и люди воображаютъ, что богатство расточителя вмѣстѣ съ ними переходитъ изъ рукъ расточителя въ другія руки; но, думая такимъ образомъ, они смѣшиваютъ деньги съ богатствомъ. Богатство уничтожившееся было не деньги, но предметы роскоши, пріобрѣтенные на нихъ, и съ уничто-

женіемъ ихъ общество сдѣлалось бѣднѣе на сумму ихъ стоимости.

Возвратимся къ основному предложенію. Все что производится потребляется и въ видѣ экономіи, и въ видѣ траты, и въ первомъ случаѣ такъ же быстро, какъ и въ послѣднемъ. Обыкновенныя формы выраженія скрываютъ эту истину. Когда люди говорятъ о давнемъ благосостояніи страны, о наслѣдствахъ, получаемыхъ отъ предковъ, подобныя выраженія наводятъ на мысль, что богатства, такимъ образомъ переходящія, были произведены давно, во время первоначальнаго пріобрѣтенія, и что ни одна часть капитала страны не была произведена въ настоящемъ году, исключая годичнаго приращенія къ капиталу существовавшему. Совершенно другое мы видимъ на дѣлѣ. Возьмемъ самую богатѣйшую страну—Англію: бо̀льшая часть богатства, въ ней теперь находящагося, была произведена руками человѣческими въ продолженіе истекшихъ двѣнадцати мѣсяцевъ; очень незначительная часть его существовала десять лѣтъ назадъ, и настоящій производительный капиталъ, за исключеніемъ хозяйственныхъ и фабричныхъ зданій, нѣсколькихъ кораблей и машинъ, не представляетъ такой давности; даже предметы эти не могли бы такъ долго держаться, еслибъ новый трудъ не былъ употребленъ въ теченіе этого времени для поправки ихъ. Земля только *пребываетъ* и это единственный предметъ, который продолжаетъ существовать неопредѣленное время. Все, что производится, гибнетъ, и большая часть предметовъ гибнетъ очень быстро; многіе предметы, по своему составу, не могутъ сохраниться долгое время; только очень немногія произведенія имѣютъ продолжительное существованіе. Уэстминстерское Аббатство стоитъ нѣсколько вѣковъ, при помощи поправокъ; греческіе антики дошли до насъ слиш-

комъ чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, пирамиды, можетъ-быть, вдвое и втрое старше ихъ; но эти предметы не имѣли производительнаго назначенія. Если мы исключимъ мосты, акведуки и нѣкоторыя гидравлическія сооруженія, то мы найдемъ очень немного случаевъ, гдѣ зданіе, предназначенное для промышленныхъ цѣлей, простояло бы очень долгое время. Этого рода постройки не выдерживаютъ разрушительнаго вліянія производительной дѣятельности, даже нѣтъ выгоды строить ихъ съ прочностью, необходимою для продолжительнаго существованія. Капиталъ сохраняется отъ вѣка до вѣка постояннымъ воспроизведеніемъ: каждая часть его потребляется, уничтожается обыкновенно очень скоро послѣ своего произвожденія, но потребители его въ то же самое время бываютъ заняты дальнѣйшимъ произвожденіемъ. Возростаніе капитала подобно увеличенію народонаселенія: каждый родившійся умираетъ, но каждый годъ число родившихся превышаетъ число умершихъ; народонаселеніе, слѣдовательно, постоянно возростаетъ, хотя никто изъ людей, его составляющихъ, не существовалъ въ очень отдаленное отъ насъ время.

Это вѣчное потребленіе и воспроизвожденіе капитала объясняетъ намъ, отчего такъ быстро возстановляется благосостояніе странъ опустошенныхъ, отчего въ такое короткое время исчезаютъ всѣ разрушительные слѣды, оставляемые землетрясеніемъ, наводненіемъ, войною и ураганомъ. Врагъ опустошаетъ страну огнемъ и мечомъ, уничтожаетъ или уноситъ съ собою почти все существующее въ ней движимое богатство, жители разорены, но, несмотря на это, чрезъ нѣсколько лѣтъ все приходитъ въ прежній порядокъ. Эта врачующая сила природы, *vis medicatrix naturae*, была предметомъ пустаго удивленія, или служила доказательствомъ чудеснаго дѣйствія бережливости, кото-

рая могла исправить въ такое короткое время такія огромныя потери. Явленіе это не представляетъ ничего чудеснаго. То что̀ уничтожилъ врагъ, было бы такъ же уничтожено въ короткое время самими жителями; богатство, которое они такъ быстро воспроизвели, было бы точно такъ же произведено и, вѣроятно, въ такое же короткое время. Все различіе состоитъ только въ томъ, что жители въ продолженіе своей дѣятельности не были потребителями того, что̀ было прежде ими произведено.

Возможность быстраго исправленія или уврачеванія этого рода дѣйствій зависитъ отъ послѣдующей населенности страны. Если ея дѣятельное народонаселеніе не погибло въ общемъ разореніи, не вымерло отъ голода впослѣдствіи, то въ такомъ случаѣ, при искусствѣ и познаніяхъ, которыми оно владѣло прежде, вмѣстѣ съ землею, сохранившею постоянныя улучшенія, оно не потеряло ни одного изъ необходимыхъ матеріаловъ, для полученія прежняго итога произведеній. Если у него осталось довольное количество пищи, или цѣнныхъ предметовъ для ея пріобрѣтенія, чтобъ существовать даже хотя самымъ скуднымъ образомъ, но работать, то оно въ короткое время изготовитъ то же огромное количество продуктовъ, пріобрѣтетъ, въ сложности, то же богатство и такой же капиталъ, которыми оно владѣло прежде.

Мы переходимъ теперь къ *четвертому предложенію* о капиталѣ, предложенію, которое упускается изъ вида, или перетолковывается, можетъ-быть, еще чаще, нежели предъидущія. Капиталъ, истрачиваемый на приложеніе труда, а не запросъ покупателей на произведенія, поддерживаетъ и занимаетъ производительный трудъ. Запросъ на произведенія опредѣляетъ только: къ какой отрасли промышлености трудъ и капиталъ должны быть приложены; онъ опредѣляетъ направленіе труда, но не количество его и не

возмездіе. И то и другое зависятъ отъ величины капитала, или иныхъ средствъ, прямо употребляемыхъ на поддержаніе и вознагражденіе труда.

Положимъ, напримѣръ, что открывается запросъ на бархатъ и опредѣляется особая сумма для покупки его, но нѣтъ капитала для заведенія шелковой фабрики. Значительность запроса не имѣетъ здѣсь никакого вліянія; требуемое количество бархата не будетъ выработано и, слѣдственно, не будетъ куплено, если эта новая промышленость не привлечетъ капитала: развѣ желаніе покупателя такъ настоятельно, что онъ выплачиваетъ рабочимъ часть суммы впередъ и даетъ имъ возможность заняться самимъ выдѣлкою бархата; но въ этомъ случаѣ онъ обращаетъ въ капиталъ часть своего дохода и помѣщаетъ его въ фабричную промышленость. Теперь повернемъ нашу ипотезу и предположимъ, что существуетъ большой капиталъ для производства бархата, но что нѣтъ запроса на этотъ предметъ: выдѣлка бархата остановится; но эта промышленость не представляетъ ни предпочтительнаго, ни исключительнаго приложенія для капитала. Фабриканты и рабочіе производятъ не для удовольствія своихъ потребителей, но для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ и, владѣя капиталомъ и трудомъ, которые существенно необходимы для произвожденія; они могутъ произвести другіе предметы на которые есть запросъ. Такимъ-образомъ занятіе, доставляемое труду, зависитъ не отъ покупателей, но отъ капитала. Разумѣется, я здѣсь не принимаю въ разсчетъ вліянія внезапныхъ перемѣнъ. Если требованіе прекращается неожиданно, когда предметъ уже произведенъ, то въ этомъ случаѣ вопросъ, нами разсматриваемый, принимаетъ другое значеніе. Здѣсь капиталъ былъ дѣйствительно употребленъ на произведеніе вещи, которая ни

кому ненужна : слѣдовательно онъ погибъ, и занятіе, имъ доставляемое труду, остановилось не потому, что нѣтъ запроса, но потому, что нѣтъ капитала. Этотъ примѣръ не можетъ служить пробою для нашего предложенія: чтобъ испытать точность его, необходимо представить перемѣну, постепенно совершающуюся, которая не соединена съ тратою капитала. Положимъ, производство останавливается только потому, что не ремонтируются старыя машины, и деньги, выручаемыя отъ продажи произведеній, извлекаются изъ него. Въ этомъ случаѣ капиталъ остается въ готовности для новаго приложенія, въ которомъ онъ можетъ поддержать то же количество труда, какъ и прежде. Фабрикантъ и рабочіе теряютъ только выгоду, имъ доставляемую искусствомъ и познаніями, которыя они пріобрѣли въ извѣстной отрасли промышлености и которыя частью только они могутъ приложить въ другой отрасли, и это единственная утрата для общества, слѣдующая за такою перемѣною. Но рабочіе могутъ продолжать трудиться и капиталъ, на счетъ котораго они существовали прежде, употребляется въ тѣхъ же или другихъ рукахъ для занятія того же числа работниковъ въ иной отрасли промышленности.

Это предложеніе, показывающее, что покупать произведенія не значитъ занимать трудъ, и что требованіе на трудъ опредѣляется платою рабочимъ, которая предшествуетъ производженію, а не запросомъ на продукты, должно быть объяснено со всею необходимою точностью. Общее мнѣніе принимаетъ это предложеніе за парадоксъ; и даже, между извѣстными политико-экономами я могу указать только на Рикардо и Сэя, которые сознавали его какъ истину.

Для лучшаго объясненія этого предложенія, приведемъ

слѣдующій случай. Потребитель можетъ тратить свой доходъ, или покупая произведенія, или платя за услуги; онъ можетъ употреблять часть его на наемъ каменьщиковъ для постройки дома, или землекоповъ для рытья искусственныхъ озеръ, или земледѣльцевъ для разведенія плантацій и садовъ, или, вмѣсто того, онъ можетъ тратить тѣ же суммы на покупку бархата и кружевъ. Теперь спрашивается: который изъ двухъ видовъ траты дохода прямо связанъ съ интересами рабочаго класса? Очевидно, что въ первомъ случаѣ потребитель занимаетъ рабочихъ, которые оставались бы безъ дѣла, или по-крайней-мѣрѣ не были употреблены въ этомъ занятіи. Но это не дѣлаетъ различія, говорятъ другіе, принимающіе противное мнѣніе, потому-что, покупая бархатъ и кружево, это лицо равнымъ образомъ занимаетъ рабочихъ, именно тѣхъ, которые выдѣлываютъ эти произведенія. Я утверждаю, напротивъ, что въ этомъ случаѣ оно только рѣшаетъ, въ какой отрасли промышленности другое лицо должно употребить рабочихъ, но само не занимаетъ ихъ. Потребитель не выдаетъ поденной платы ткачамъ и кружевницамъ изъ своихъ собственныхъ суммъ; онъ покупаетъ произведеніе конченное, которое произвели трудъ и капиталъ, но не онъ платилъ за этотъ трудъ, не онъ доставлялъ этотъ капиталъ, а фабрикантъ. Положимъ, что лицо, въ нашемъ примѣрѣ приведенное, постоянно тратило часть своего дохода для найма каменьщиковъ, которые издерживали свою поденную плату на пищу и одежду — также произведенія труда и капитала, но что теперь оно рѣшается предпочтительно употребить эту часть доходовъ на покупку бархата: новый запросъ является на этотъ предметъ; лишнее требованіе не можетъ быть удовлетворено безъ свѣжаго запаса, который также не можетъ быть произведенъ безъ новаго капитала: откуда же

взять этотъ капиталъ? Перемѣна въ намѣреніяхъ потребителя не увеличиваетъ существующаго капитала страны. Очевидно поэтому, что возростающій запросъ на бархатъ остался бы неудовлетвореннымъ въ настоящее время, еслибъ обстоятельства, поднявшія его, не освободили также требуемой части капитала. Сумма, на которую потребитель покупаетъ бархатъ, прежде переходила въ руки каменьщиковъ: они тратили ее на пищу и на предметы, для нихъ необходимые, и должны теперь обойдтись безъ нихъ, или чрезъ совмѣстничество извлечь свою долю изъ части, принадлежавшей другимъ рабочимъ. Слѣдовательно трудъ и капиталъ, которые прежде производили предметы, необходимые для продовольствія каменьщиковъ, остаются неупотребленными и должны искать новаго помѣщенія: они находятъ его въ производствѣ бархата для новаго запроса. Я не говорю, чтобъ тотъ же самый трудъ или тотъ же самый капиталъ, которые производили предметы, необходимые для каменьщиковъ, были обращены на это новое назначеніе; но они замѣщаютъ какимъ-нибудь образомъ трудъ и капиталъ, къ нему прилагаемые. Капиталъ существовалъ, чтобъ исполнить то или другое назначеніе—выдѣлать бархатъ или произвести предметы, необходимые для каменьщиковъ: выборъ потребителя рѣшилъ, которое назначеніе должно быть выполнено; и если онъ предпочелъ бархатъ, то каменьщики должны обойдтись безъ предметовъ, для нихъ необходимыхъ.

Для бо́льшей ясности представимъ себѣ обратный случай. Потребитель, постоянно покупавшій бархатъ, рѣшается прекратить этотъ расходъ и употребить ту же сумму для найма каменьщиковъ. Если мнѣніе общепринятое справедливо, то эта перемѣна въ статьѣ расходовъ не открываетъ новаго приложенія для труда, но только передаетъ каменьщикамъ работу, которая прежде кормила ткачей бар-

хата. Вникая глубже въ этотъ примѣръ, мы увидимъ, однакожь, что сумма, прилагаемая для вознагражденія труда, увеличивается. Фабрикантъ бархата (предполагая, что онъ предусматриваетъ уменьшающійся запросъ на свои произведенія) ограничиваетъ свое производство и освобождаетъ соотвѣтствующую часть капитала, на него употребленнаго. Капиталъ, такимъ образомъ взятый изъ содержанія ткачей, не есть тотъ же самый фондъ, который потребитель прилагаетъ на содержаніе каменьщиковъ: здѣсь, слѣдовательно, употребляются два фонда, вмѣсто одного, для поддержанія и вознагражденія труда; здѣсь совершается не простая передача капитала, но создается новое занятіе для каменьщиковъ, и работа ткачей бархата переходитъ къ другимъ рабочимъ, очень вѣроятно, къ тѣмъ, которые производятъ пищу и другія вещи, потребляемыя каменьщиками.

Чтобъ дополнить нашъ очеркъ о капиталѣ, необходимо сказать что-нибудь о двухъ видахъ, на которые онъ обыкновенно дѣлится. Это раздѣленіе совершенно очевидно и, не называя его, мы не разъ уже на него указывали въ этой главѣ. Опредѣлимъ это различіе съ еще большею точностью.

Извѣстная часть капитала, прилагаемаго къ произвожденію какого-нибудь промышленнаго предмета, будучи разъ употреблена, уничтожается какъ капиталъ и не можетъ служить болѣе одного раза для той же цѣли, или по-крайней-мѣрѣ отправлять то же самое назначеніе. Такова, напримѣръ, часть капитала, заключающаяся въ матеріалахъ. Сало и щелочь, изъ которыхъ выдѣлывается мыло, будучи употреблены въ производствѣ, уничтожаются и не могутъ вторично служить для выдѣлки мыла, хотя въ видѣ этого продукта они прилагаются какъ матеріалы или орудія въ

другихъ отрасляхъ промышленности. Къ этой же статьѣ должно отнести заработную плату, жалованье, выплачиваемое рабочимъ или содержаніе ихъ. Часть капитала бумагопрядильщика, которую онъ платитъ своимъ рабочимъ, для него теряется какъ капиталъ; часть же этой платы, потребляемая рабочими, совершенно утрачиваетъ свое значеніе капитала, даже и то, что они сберегаютъ, справедливѣе разсматривать какъ новый капиталъ — результатъ ихъ собственной бережливости. Капиталъ, такимъ образомъ однократно исполняющій свое назначеніе въ произвожденіи, къ которому онъ приложенъ, называется оборотнымъ капиталомъ. Это названіе несовершенно соотвѣтствуютъ идеѣ; оно указываетъ на обстоятельство, что эта часть общаго капитала должна постоянно пополняться изъ продажи готовыхъ продуктовъ и тратиться также постоянно на покупку матеріаловъ или плату жалованья. Она исполняетъ свое назначеніе такимъ образомъ, не оставаясь въ однѣхъ рукахъ, но переходя изъ рукъ въ руки. То же самое можетъ быть сказано съ справедливостью въ нѣкоторомъ отношеніи и о другомъ видѣ капитала. Другая значительная часть его состоитъ изъ орудій произвожденія, имѣющихъ болѣе или менѣе продолжительное существованіе; дѣятельность этой части не истощается въ однократномъ приложеніи. Тутъ должны быть включены строенія, машины и всякаго рода инструменты; между ними нѣкоторые имѣютъ значительную прочность и отправляютъ свое назначеніе производительныхъ орудій въ продолженіе цѣлаго ряда повторенныхъ дѣйствій производительнаго процеса. Въ этотъ же отдѣлъ долженъ быть также включенъ капиталъ, положенный на постоянныя улучшенія земли, капиталъ, разъ навсегда истрачиваемый въ началѣ каждаго предпріятія для подготовленія слѣдующихъ операцій, напримѣръ: расходы углубленія руд-

никовъ, рытья каналовъ, проведенія дорогъ, постройки доковъ и т п. Капиталъ, существующій въ этихъ постоянныхъ формахъ и котораго оплата разлагается на цѣлый періодъ, ограничивающій его существованіе, называется постояннымъ капиталомъ.

Нѣкоторые виды постояннаго капитала, по-временамъ или періодически, требуютъ возобновленія. Таковы, напримѣръ, всѣ инструменты и строенія: по прошествіи извѣстнаго времени, они должны быть возобновлены посредствомъ починокъ, и въ заключеніе совершенно разрушаются и переходятъ въ отдѣлъ матеріаловъ. Въ другихъ случаяхъ капиталъ не требуетъ совершеннаго возобновленія, развѣ вслѣдствіе необыкновенныхъ обстоятельствъ; но и здѣсь всегда бываютъ необходимы нѣкоторые расходы, болѣе или менѣе постоянные для поддержанія его. Докъ и каналъ, разъ сдѣланные, не требуютъ вторичнаго исполненія, развѣ они будутъ разрушены съ намѣреніемъ, или землетрясеніе и подобная ему катастрофа снова засыплетъ ихъ, но постоянные и частые расходы необходимы, чтобъ содержать ихъ въ исправности. Расходъ углубленія рудника также не повторяется; но если не назначить извѣстныхъ суммъ для выкачиванія воды, то рудникъ скоро сдѣлается безполезнымъ. Самый прочный постоянный капиталъ полагается на увеличеніе производительности естественнаго дѣятеля, какова, напримѣръ, земля. Осушеніе болотъ или затопленной водою почвы, или огражденіе морскаго берега представляютъ улучшенія, которыя были разсчитаны на очень долгое время, если не на вѣкъ; но канавы и плотины, обусловливающія ихъ, требуютъ частыхъ исправленій.

ГЛАВА IV.

СТЕПЕНЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

—

Мы закончили общій обзоръ необходимыхъ условій произвожденія. Мы нашли, что они приводятся къ тремъ исполнителямъ: труду, капиталу и содѣйствію природы, т. е. матеріалу и двигающей силѣ, ею доставляемымъ. Между ними трудъ и сырые матеріалы, наполняющіе земной шаръ, представляютъ самыя необходимыя условія произвожденія: естественныя двигающія силы могутъ быть призваны на помощь труду и помогаютъ ему; остальной исполнитель— капиталъ, самъ-по-себѣ результатъ труда, слѣдственно дѣятельность его есть, на-самомъ дѣлѣ, дѣйствіе труда, только въ другомъ видѣ.

Мы приступаемъ теперь ко второму важному вопросу въ Политической Экономіи: отчего зависитъ степень производительности этихъ дѣятелей? Очевидно, что это свойство значительно измѣняется, смотря по времени и мѣстности: при одинаковомъ народонаселеніи и протяженіи, нѣкоторыя страны имѣютъ бо̀льшую производительность, не-

жели другія, и та же страна производитъ въ извѣстное время болѣе, нежели въ другое. Нѣкоторыя причины, способствующія этому различію, очевидны; другія дѣйствуютъ менѣе открыто. Перейдемъ теперь къ разбору ихъ.

Самая очевидная причина высшей производительности заключается въ такъ-называемыхъ естественныхъ преимуществахъ; они необыкновенно разнообразны; одно изъ главныхъ между ними — плодоносіе почвы. Земля представляетъ безконечное различіе въ отношеніи этого свойства, начиная отъ пустынь аравійскихъ и оканчивая наносными долинами Гангеса, Нигера, Миссиссипи и степями Новороссіи. Благорастворенный климатъ не менѣе важенъ, какъ и обильная почва. Есть страны, которыя могутъ быть обитаемы, но которыя слишкомъ холодны для земледѣлія; жители ихъ не могутъ выйдти изъ номаднаго состоянія: они должны существовать, или обращая сѣвернаго оленя въ домашнее животное, подобно лапландцамъ и самоѣдамъ, или охотою и рыболовствомъ, какъ жалкіе эскимосы. Есть страны, гдѣ спѣетъ овесъ и не можетъ уродиться пшеница, таковъ, напримѣръ, сѣверъ Шетландіи; въ другихъ мѣстностяхъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи, напримѣръ, пшеница можетъ родиться, но, отъ излишней сырости и бездѣятельности солнечныхъ лучей, урожай ея бываетъ сомнительный. Подвигаясь болѣе къ югу, или къ западу, въ умѣренной полосѣ Европы, мы встрѣчамъ постепенно новые виды полезныхъ растеній и новыя отрасли земледѣлія: намъ представляются послѣдовательно виноградъ, маисъ, фиги, маслина, рисъ, финики, шелкъ, пока, наконецъ, мы доходимъ до сахара, кофе, хлопчатой бумаги, пряностей и прочихъ произведеній жаркихъ климатовъ, которые въ то же время доставляютъ обыкновенные земледѣльческіе продукты въ большомъ изобиліи, нерѣдко въ

видѣ двухъ или трехъ урожаевъ въ годъ, при самомъ грубомъ воздѣлываніи. Это различіе климатовъ важно не въ одномъ земледѣліи: превосходство тканей, выдѣлываемыхъ въ южной Европѣ надъ англійскими, въ отношеніи яркости цвѣтовъ, приписывается дѣйствію атмосферы, котораго не могли замѣнить ни изученіе химиковъ, ни искусство красильщиковъ въ сыромъ и туманномъ климатѣ Англіи.

Другаго рода вліяніе климата состоитъ въ уменьшеніи физическихъ потребностей производителей. Въ жаркихъ странахъ люди могутъ существовать привольно въ простѣйшихъ жилищахъ, безъ лишней одежды, и совершенно обходиться безъ топлива—этой существенной потребности жизни въ холодныхъ климатахъ; они также требуютъ менѣе пищи. Опытъ доказалъ этотъ фактъ, прежде нежели теорія объяснила его, опредѣливъ, что бо́льшая часть пищи, нами потребляемой, необходима не для дѣйствительнаго питанія органовъ, но для поддержанія животной теплоты, которую доставляетъ воздухъ и солнечная теплота въ жаркихъ климатахъ. Большое количество труда, слѣдовательно, истрачиваемаго въ другихъ мѣстностяхъ на снабженіе первыми потребностями жизни, можетъ быть приложено, въ этомъ случаѣ, для другихъ высшихъ цѣлей, если сами люди не употребляютъ во зло этого преимущества, проводя свободное время въ праздности.

Между естественными преимуществами, кромѣ почвы и климата, должно упомянуть еще изобиліе мѣсторожденій произведеній ископаемыхъ въ удободоступныхъ мѣстностяхъ и которыя могутъ быть разработываемы съ умѣреннымъ трудомъ. Таковы, напримѣръ, каменоугольныя копи Великобританіи, такъ щедро вознаграждающія жителей ея за всѣ невыгоды климата, богатыя мѣсторожденія желѣзной руды въ этой же странѣ и въ Соединенныхъ Шта-

тахъ, находящіяся на незначительной глубинѣ, рядомъ съ пластами каменнаго угля, столь необходимаго для ихъ разработки. Въ гористыхъ странахъ изобиліе водяной силы уравновѣшиваетъ обыкновенно сравнительно низшее плодоносіе земли; но, вѣроятно, самую большую выгоду представляетъ положеніе страны близь моря, особенно если она имѣетъ хорошія естественныя гавани и большія судоходныя рѣки. Дѣйствительно, эти послѣднія преимущества совершенно сберегаютъ расходы сухопутнаго провоза и перевѣшиваютъ безплодность почвы и почти всѣ другія естественныя невыгоды; важность ихъ особенно была чувствительна въ раннюю эпоху развитія промышлености, когда трудъ и наука еще не указали на искусственныя средства къ сообщенію, способныя замѣнить естественныя. Въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка государства, невладѣвшія обширнымъ пространствомъ особенно плодоносной земли, и которыя были принуждены извлекать наибольшую пользу изъ своего приморскаго положенія, представляютъ намъ самыя цвѣтущія общества, какъ, напримѣръ, Аѳины, Тиръ, Венеція, гензейскіе города.

Но довольно о естественныхъ преимуществахъ, которыхъ полезное вліяніе слишкомъ очевидно. Опытъ свидѣтельствуетъ, что эти преимущества сами-по-себѣ далеко не даютъ обществу всѣхъ выгодъ, которыя они могли бы доставить. Успѣшное произвожденіе, какъ достиженіе всякой цѣли, зависитъ болѣе отъ качествъ людей, нежели отъ обстоятельствъ, въ которыхъ они трудятся.

Страны, которыхъ природа надѣлила хорошимъ климатомъ и плодоносною почвою, ни въ настоящее время, ни въ вѣка предъидущіе, не были самыми богатыми и могущественными, но, напротивъ, отличались нищетою въ отношеніи цѣлой массы народонаселенія, хотя оно среди бѣд-

ности, вѣроятно, есть и было гораздо счастливѣе въ матеріальномъ отношеніи, нежели обитатели другихъ земель. Жизнь человѣческая въ этихъ странахъ поддерживается такими ничтожными средствами, что бѣдный рѣдко страдаетъ отъ заботъ; и въ климатѣ, гдѣ самое существованіе — наслажденіе, онъ предпочитаетъ отдохновеніе всякой роскоши. Сильные въ страстяхъ, эти народы рѣдко владѣютъ энергіею, которая обнаруживается въ постоянствѣ труда. Племена воинственныя, покорившія другіе народы и принудившія ихъ трудиться для своихъ выгодъ, развивались преимущественно среди физическихъ лишеній, обитали въ лѣсахъ сѣверныхъ климатовъ. У грековъ и римлянъ строгая военная дисциплина замѣняла этотъ недостатокъ естественныхъ лишеній; но когда, въ послѣдующее время, обстоятельства привели въ упадокъ эту дисциплину, мы не видимъ болѣе на югѣ завоевывающихъ народовъ; слава военная вмѣстѣ съ дѣятельною мыслью и промышленною энергіею утвердилась въ менѣе благопріятномъ Сѣверѣ.

Какъ вторую причину высшей производительности, мы должны назвать большую энергію труда. Я не разумѣю здѣсь временныхъ порывовъ, но правильную и постоянно-дѣйствующую энергію. Никто не переноситъ лишеній такъ терпѣливо и не напрягаетъ такъ своихъ физическихъ силъ и своихъ ограниченныхъ умственныхъ способностей, какъ сѣверо-американскій индіецъ и, несмотря на то, лѣность его поразительна, особенно когда онъ успѣлъ удовлетворить назойливыя требованія первыхъ нуждъ. Лица точно также, какъ и народы не представляютъ такого поразительнаго различія въ усиліяхъ, когда они предпринимаютъ ихъ подъ вліяніемъ особеннаго и непосредственнаго побужденія. Это различіе обнаруживается въ ихъ способно-

сти трудиться въ настоящее время для отдаленной цѣли, и въ совершенствѣ труда въ обыкновенныхъ случаяхъ.

Энергія труда хотя не есть первостепенное достоинство, которое должно развиваться насчетъ другихъ высокихъ качествъ человѣческой природы, но она въ извѣстной степени составляетъ необходимое условіе совершенствованія человѣческаго рода. Чтобъ просвѣтить дикаря, должно пріучить его къ новымъ нуждамъ и желаніямъ, если только удовлетвореніе ихъ можетъ повести къ тѣлесной и умственной дѣятельности. Еслибъ негры Ямайки и Демерары, послѣ своего освобожденія, удовольствовались, какъ многіе предсказывали, предметами самыми необходимыми для существованія и перестали трудиться, ограничивъ свою дѣятельность снискиваніемъ скудныхъ средствъ къ жизни, такъ ничтожныхъ, благодаря тропическому климату, малочисленности народонаселенія и избытку плодоносной земли, то они впали бы въ состояніе болѣе варварское, хотя болѣе счастливое, нежели прежнее ихъ рабство. Страсть къ нарядамъ и украшеніямъ была побудительною причиною, заставившею ихъ трудиться. Никто не будетъ стоять въ пользу особеннаго развитія подобной страсти, которая чаще разоряетъ вмѣсто того, чтобъ обогащать; но при низкой степени умственнаго образованія Негровъ, она была единственною пружиною, побудившею ихъ къ добровольному и постоянному труду. Въ Англіи излишне было бы вселять желаніе къ пріобрѣтенію и увеличенію достоянія, но должно учить, какъ употреблять его и какъ цѣнить предметы, которыхъ нельзя пріобрѣсти за богатство, или для достиженія которыхъ оно ненужно. Каждое дѣйствительное усовершенствованіе въ характерѣ Англичанъ, будетъ ли это стремленіе къ цѣлямъ возвышеннымъ, или развитіе

вкуса къ естетическимъ наслажденіямъ, должно необходимо умѣрить прежде всего всепоглощающее промышленное направленіе.

Третій элементъ, опредѣляющій производительность — искусство и знаніе людей работающихъ и направляющихъ трудъ. Излишне было бы приводить примѣры въ доказательство, какъ важны для промышлености ловкость въ рукахъ рабочихъ, исполняющихъ чисто-механическія работы, умственное развитіе людей, занятыхъ дѣломъ, въ которомъ значительно участвуютъ умственныя способности, равно какъ и запасъ свѣдѣній о силахъ природы и свойствахъ тѣлъ въ приложеніи къ цѣлямъ промышленнымъ. Само собою очевидно, что производительность труда народа опредѣляется его познаніями въ искусствахъ практическихъ, и что каждый новый въ нихъ успѣхъ, каждое новое приложеніе естественныхъ тѣлъ или дѣятелей къ промышленнымъ цѣлямъ, доставляютъ возможность, при томъ же количествѣ и напряженіи труда, получать болѣе продуктовъ.

Изобрѣтеніе и приложеніе машинъ и инструментовъ составляютъ важную часть этихъ усовершенствованій. Въ предлагаемомъ сочиненіи не мѣсто разбирать подробно: какимъ образомъ они увеличиваютъ произвожденіе и сберегаютъ трудъ: этотъ вопросъ совершенно объясненъ и доказанъ примѣрами учено и вмѣстѣ популярно г. Баббэджемъ въ его сочиненіи о экономіи машинъ и мануфактуръ (*); цѣлая глава въ твореніи Баббэджа состоитъ изъ однихъ примѣровъ дѣятельности машинъ въ развитіи силъ, превосходящихъ силу человѣческую, и въ исполненіи дѣйствій, слишкомъ тонкихъ для ручной работы человѣка. Но намъ ненужно такъ далеко идти, чтобъ отыскать при-

(*) Babbage. Economy of Machinery and Manufactures, 3 rd. Edition.

мѣры работъ, совершенно неисполнимыхъ для безпомощнаго труда. Безъ насосовъ, приводимыхъ въ движеніе паровою или другою силою, мы не могли бы освободиться отъ воды, накопляющейся въ рудникахъ, которые необходимо было бы оставить, дойдя до извѣстной глубины; безъ кораблей было бы невозможно переѣзжать черезъ море; безъ какихъ-нибудь орудій было бы невозможно рубить деревьевъ, копать землю; плугъ, или по-крайней-мѣрѣ лопата необходимы для воздѣлыванія почвы. Самыя простыя и грубыя орудія достаточны для возможнаго исполненія работъ, которыя до-сихъ-поръ производило человѣчество, и послѣдующія изобрѣтенія дали средство исполнить эти работы съ большимъ совершенствомъ и, главное, съ значительно-меньшимъ количествомъ труда, сбереженная часть котораго была обращена на другое приложеніе.

Употребленіе машинъ далеко не есть единственный примѣръ вспомогательнаго вліянія науки на произвожденіе. Въ земледѣліи и садоводствѣ мы только начинаемъ понимать, что важность механики не ограничивается однимъ изобрѣтеніемъ и постепеннымъ усовершенствованіемъ плуга и немногихъ орудій самаго простѣйшаго устройства. Важнѣйшія земледѣльческія изобрѣтенія состояли въ прямомъ приложеніи болѣе ученыхъ процесовъ къ обработыванію земли и разведенію растеній. Таковы, напримѣръ, плодопеременная система, избавляющая отъ необходимости оставлять землю безъ посѣва каждые два или три года, усовершенствованное унавоживаніе, возобновляющее ея плодородіе, истощаемое посѣвами, обращеніе болотъ и топей въ пахатную землю, прививаніе плодовыхъ деревьевъ и. т. п. Въ мануфактурахъ и торговлѣ важнѣйшія усовершенствованіи заключаются въ сбереженіи времени, въ быстрѣйшемъ оборотѣ употребленнаго капитала, приложеннаго

отдѣльныхъ видахъ, во-первыхъ, когда люди помогаютъ другъ другу въ одномъ занятіи, и во-вторыхъ, когда люди помогаютъ другъ другу въ различныхъ занятіяхъ. Эти два вида могутъ быть названы простымъ и сложнымъ содѣйствіемъ».

«Примѣръ двухъ гончихъ собакъ, говорятъ, вмѣстѣ бѣгущихъ, которыя затравятъ болѣе зайцевъ, нежели четыре собаки, отдѣльно-преслѣдующія звѣря, представляетъ намъ выгоды простаго содѣйствія. Множество простыхъ работъ, исполняемыхъ трудомъ человѣческимъ, показываетъ намъ совершенно очевидно, что два человѣка, вмѣстѣ работающіе, сдѣлаютъ болѣе, нежели четыре, или даже четыре раза четыре человѣка, которые будутъ трудиться отдѣльно. Напримѣръ: въ поднятіи тяжестей, срубкѣ деревьевъ, распилкѣ бревенъ, въ уборкѣ сѣна или хлѣба, въ постановкѣ лѣсовъ для возведенія зданій, во всѣхъ этихъ простыхъ работахъ, и въ тысячѣ имъ подобныхъ, совершенно необходимо, чтобъ нѣсколько человѣкъ трудились вмѣстѣ, въ одно время, въ одномъ мѣстѣ и одинаковымъ образомъ. Дикіе Новой Голландіи никогда не помогаютъ другъ другу, даже въ самыхъ простѣйшихъ работахъ, и состояніе ихъ едва-ли выше, если не ниже во многихъ отношеніяхъ, обихода дикихъ звѣрей, которыхъ они ловятъ по-временамъ. Представьте себѣ на минуту, что рабочіе перестали вдругъ помогать одинъ другому, и вы увидите сейчасъ огромныя выгоды простаго содѣйствія. Въ безконечномъ числѣ работъ, продуктъ труда находится въ прямомъ отношеніи къ взаимной помощи, оказываемой работниками. Это—первая степень общественнаго усовершенствованія». Общество достигаетъ второй степени, когда «нѣсколько человѣкъ соединяютъ трудъ для произвожденія пищи въ количествѣ бо́льшемъ, нежели сколько необходимо для нихъ;

другіе нѣсколько человѣкъ соединяютъ трудъ свой для бо́льшаго произвожденія одежды и покупаютъ на избытокъ своего продукта излишнее количество пищи у первыхъ работниковъ. Если тѣ и другіе произвели пищи и одежды болѣе, нежели сколько всѣ они требуютъ, то они посредствомъ мѣны получаютъ необходимый капиталъ, чтобъ занять бо́льшее число рабочихъ въ своей промышлености». Такимъ-образомъ, къ простому содѣйствію прибавляется другой видъ его, который Уэкфильдъ называетъ сложнымъ содѣйствіемъ. Первое — соединіе рабочихъ для взаимнаго вспомоществованія въ одномъ и томъ же ряду работъ; второе — соединеніе рабочихъ, другъ другу помогающихъ черезъ *раздѣленіе работъ*.

«Простое и сложное содѣйствіе представляютъ важное различіе. Каждый сознаетъ первое въ минуту самаго дѣйствія; оно очевидно для самаго невѣжественнаго глаза. Послѣднее сознается въ нѣкоторой степени очень немногими изъ обширнаго числа дѣйствующихъ лицъ. Легко усмотрѣть причину этого различія. Когда нѣсколько человѣкъ въ одно время, въ одномъ мѣстѣ заняты поднятіемъ одной и той же тяжести, или вмѣстѣ тянутъ веревку, въ этомъ случаѣ невозможно сомнѣваться, что они содѣйствуютъ другъ другу; одно чувство зрѣнія напечатлѣваетъ этотъ фактъ въ умѣ; но когда нѣсколько человѣкъ или нѣсколько отдѣльныхъ цеховъ занимаются въ различное время, въ различныхъ мѣстностяхъ, различными отраслями промышлености, тогда взаимное дѣйствіе ихъ, хотя совершенно-несомнѣнное, не такъ очевидно, какъ въ первомъ случаѣ, и чтобъ открыть его, необходимо болѣе сложное размышленіе.»

Въ современномъ состояніи общества овцеводство составляетъ занятіе одного класса людей; приготовленіе шерсти занимаетъ другой классъ; пряденье шерсти — дѣло

третьяго класса; ткачество занимаетъ четвертый классъ; окраску сукна — пятый, наконецъ шестой классъ изготовляетъ одежду изъ этого матеріала. Мы не считаемъ здѣсь множества извощиковъ, купцовъ, факторовъ, розничныхъ торговцовъ, которыхъ дѣятельность необходимо участвуетъ въ различныхъ степеняхъ этого многосложнаго процеса. Всѣ эти лица, не зная другъ друга, безъ предварительнаго согласія, содѣйствуютъ въ произвожденіи послѣдняго продукта одежды. Но мы далеко не назвали всѣхъ людей, въ немъ участвующихъ; каждый изъ нихъ нуждается въ пищѣ и во многихъ другихъ предметахъ потребленія; и еслибъ онъ не могъ положиться, что эти предметы будутъ произведены другими дѣятелями, то онъ не могъ бы посвятить всего своего времени на исключительное содѣйствіе въ одной операціи этого многообразнаго процеса. Каждое лицо, участвующее въ произвожденіи пищи, или въ устройствѣ жилищъ для этого ряда производителей, соединяетъ, хотя безсознательно, трудъ свой съ ихъ трудомъ. Только вслѣдствіе взаимнаго, хотя невысказаннаго согласія, «люди, производящіе пищу въ бо̀льшемъ количествѣ, нежели сколько имъ нужно, могутъ обмѣниваться продуктами съ другими, кто производитъ, напримѣръ, болѣе одежды, нежели сколько для нихъ потребно; и еслибъ разстояніе или несогласіе раздѣляли эти два класса, то они не могли бы раздѣлить на двѣ особенныя отрасли цѣлый процесъ произвожденія пищи и одежды, развѣ оба эти класса соединились бы между собою для достиженія общей цѣли, то есть для снабженія цѣлаго населенія пищею и одеждою».

Вліяніе раздѣленія занятій на произвожденіе гораздо важнѣе, нежели читатель можетъ предполагать, судя по обыкновенному взгляду на этотъ предметъ. Не только количество каждаго продукта увеличивается, когда произвожденіе

различныхъ предметовъ составляетъ занятіе различныхъ лицъ, но безъ раздѣленія занятій произвожденіе многихъ предметовъ было бы даже и совершенно невозможно.

Представимъ себѣ нѣсколько лицъ или семействъ, занятыхъ совершенно одинаковымъ образомъ: каждое семейство живетъ на землѣ, ему принадлежащей, которую оно воздѣлываетъ и которая доставляетъ пищу, необходимую для его существованія. Гдѣ всѣ производители, тамъ не бываетъ покупателей для излишнихъ произведеній, и каждое семейство принуждено добывать у себя же, дома, всѣ другіе предметы потребленія. При такихъ обстоятельствахъ, если почва достаточно плодоносна и населенность не превышаетъ средствъ къ существованію, необходимо образуется нѣкотораго рода домашняя мануфактурная промышленость. Матеріалы для одежды, вѣроятно, будутъ выпрядены и сотканы внутри каждаго семейства трудами женщинъ (первая степень раздѣленія занятій); жилища самаго простѣйшаго устройства будутъ воздвигнуты также соединеннымъ трудомъ. Но, за исключеніемъ грубой пищи, снабженіе которой весьма ненадежно отъ непостоянства погоды, грубой одежды и очень несовершенныхъ жилищъ, едва-ли было бы возможно для этого народонаселенія произвести что-нибудь болѣе. Даже эта ограниченная дѣятельность требуетъ вообще полнаго напряженія труда ихъ, и воздѣлываніе земли, по причинѣ худаго качества полевыхъ орудій, которыя могутъ быть только самаго жалкаго устройства, доставляло бы скудное количество пищи; произвожденіе чего-нибудь похожаго на предметы роскоши потребовало бы слишкомъ много времени и, въ бо̀льшой части случаевъ, присутствія въ различныхъ мѣстахъ. Слѣдственно, очень немногіе виды промышлености могли бы развиться въ подобномъ состояніи общества, и даже существующія отрас-

ли, имѣющія цѣлью добываніе предметовъ первой необходимости, находились бы въ чрезвычайно-неудовлетворительномъ положеніи, какъ вслѣдствіе несовершенства орудій, такъ и потому, что нѣтъ побудительной причины увеличить произвожденіе, разъ, когда почва и домашняя промышленость, ею поддерживаемая, снабдили первыя потребности одного семейства въ достаточномъ изобиліи.

Но положимъ, какое-нибудь событіе сдѣлаетъ переворотъ въ этомъ маломъ поселеніи; положимъ, что въ эту колонію прибудетъ компанія ремесленниковъ, съ своими инструментами и запасомъ пищи, достаточнымъ для годичнаго продовольствія, и оснуется въ ней вмѣстѣ съ туземнымъ народонаселеніемъ: эти новые пришельцы займутся произведеніемъ украшеній и другихъ предметовъ роскоши, подходящихъ подъ вкусъ простаго народа: прежде нежели запасъ ихъ пищи истощится, они произведутъ эти предметы въ достаточномъ количествѣ для обмѣна ихъ на бо́льшее количество пищи. Экономическое положеніе земледѣльческой колоніи существенно измѣнится: для жителей ея открывается случай пріобрѣсти предметы роскоши, которыхъ прежде они не могли получить, пока они исключительно зависѣли отъ своего собственнаго труда, и которые теперь для нихъ дѣлаются доступными, если только эти жители успѣютъ произвести излишнее количество пищи и необходимѣйшихъ предметовъ. Между первыми предметами удобства, которыми обогатится хозяйство первоначальныхъ поселенцевъ, вѣроятно, будутъ лучшія орудія; и теперь, имѣя побудительную причину трудиться прилежнѣе, они усвоятъ улучшенія, придающія бо́льшую дѣятельность труда. Такимъ-образомъ они заставятъ почву производить пищу въ достаточномъ количествѣ не только для себя, но и для новыхъ пришельцевъ, произведенія которыхъ они будутъ вымѣни-

вать на избытокъ своего продукта. Новые поселенцы представляютъ такъ-называемый рынокъ для избытка земледѣльческихъ произведеній: прибытіе ихъ не только обогатитъ поселеніе одними мануфактурными издѣліями, ими произведенными, но и лишнимъ количествомъ пищи, котораго бы не существовало, еслибъ не появились новые потребители.

Этотъ примѣръ нисколько не противорѣчитъ предложенію нами разсмотренному въ предъидущей главѣ, что рынокъ, или запросъ на произведенія, не доставляетъ занятія для труда. Трудъ земледѣльцевъ колоніи уже имѣлъ приложеніе; они не обязаны запросу новыхъ пришельцовъ поддержаніемъ своего собственнаго существованія. Этотъ запросъ вызываетъ трудъ только на усиленную дѣятельность, побуждая къ ней новыми причинами. Пришельцы также не одолжены запросу земледѣльцевъ ни средствами къ существованію, ни занятіемъ ихъ труда: имѣя запасъ годоваго продовольствія, они могли оставаться съ своими соотечественниками, продолжая, какъ и прежде, снискивать скудное пропитаніе. Несмотря на то, мы видимъ, какъ необыкновенно-важно для производительности труда одного рода дѣятелей существованіе другихъ производителей, по сосѣдству съ ними, которые занимаются другаго рода промышленостью. Возможность обмѣнивать продукты различныхъ видовъ труда составляетъ необходимое условіе, безъ котораго трудъ вообще находилъ бы очень ограниченное приложеніе. Когда открывается новый рынокъ для какого-нибудь произведенія промышлености и, вслѣдствіе того, этотъ предметъ производится въ бо̀льшемъ количествѣ, то его увеличенное произвожденіе не всегда совершается къ ущербу другихъ продуктовъ; оно часто творится вновь и бываетъ или результатомъ труда, который, въ противномъ случаѣ, оставался бы бездѣятельнымъ, или слѣдствіемъ

улучшеній, помогающихъ труду и принимаемыхъ только потому, что есть поводъ, побуждающій произвести продукты въ большомъ количествѣ.

Очевидно изъ этихъ разсужденій, что производительное земледѣліе развивается въ странѣ только въ такомъ случаѣ, если она имѣетъ обширное городское народонаселеніе, или, вмѣсто того, обширную отпускную торговлю земледѣльческими продуктами. Я употребляю названіе *городское народонаселеніе* для краткости, какъ синонимъ народонаселенія неземледѣльческаго, живущаго въ городахъ или большихъ селеніяхъ для соединенія труда.

Приложеніе этой истины, сдѣланное Уэкфильдомъ къ теоріи колонизаціи, возбудило большой и совершенно заслуженный интересъ. Это — одно изъ практическихъ открытій, которыя, по своей очевидности, уменьшаютъ заслугу открывателя. Уэкфильдъ (*) первый показалъ, что обыкновенный способъ основанія колоній—поселеніе нѣсколькихъ семействъ, имѣющихъ одинаковый образъ занятій, на участкахъ земли, имъ принадлежащей, хотя, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ обезпечить ихъ продовольствіе предметами первой необходимости, но что онъ всегда препятствуетъ большому произвожденію или быстрому возрастанію колоніи. По системѣ колонизаціи Уэкфильда, каждое поселеніе должно быть соединено съ городскимъ народонаселеніемъ, соразмѣрнымъ съ числомъ земледѣльческихъ поселенцовъ, которые, живя отъ него въ близкомъ разстояніи, имѣютъ постоянный сбытъ для своихъ произведеній.

Но довольно объ этомъ видѣ раздѣленія или, точнѣе сказать, соединенія труда, безъ котораго невозможно всякое начало промышленной цивилизаціи.

(*) Wakefield's View of the art of Colonistion.

Когда разъединеніе занятій, или работъ, совершенно утверждено, когда вошло въ обыкновеніе для каждаго производителя снабжать другихъ постоянно произведеніями одного и того же рода и продовольствоваться отъ другихъ большею частью произведеній, ими потребляемыхъ, тогда причины, не менѣе дѣйствительныя, хотя менѣе побудительныя, принуждаютъ къ дальнѣйшему приложенію этого начала. Найдено, что производительность труда увеличивается, продолжая это раздѣленіе, дробя болѣе и болѣе на части каждый процесъ промышлености и ограничивая дѣятельность каждаго рабочаго небольшимъ числомъ простыхъ операцій. Такимъ-образомъ въ-теченіе времени, образовались эти замѣчательные примѣры такъ-называемаго раздѣленія труда, вѣроятно, хорошо знакомые нашимъ читателямъ. Объяснительный примѣръ Адама Смита, заимствованный имъ изъ фабрикаціи булавокъ, хотя очень извѣстный, такъ убѣдителенъ, такъ идетъ къ дѣлу, что я рѣшаюсь выписать его.

«Производство булавокъ (*), говоритъ Адамъ Смитъ, представляетъ около восьмнадцати отдѣльныхъ операцій: одинъ рабочій тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый завостряетъ, пятый обтачиваетъ ея верхній конецъ, на который насаживается головка; выдѣлываніе этой головки требуетъ двухъ или трехъ отдѣльныхъ операцій: ея насаживаніе составляетъ особенное занятіе точно такъ же, какъ отбѣливаніе булавокъ; накалываніе ихъ на бумагу — даже особенный промыслъ... Я видѣлъ небольшую фабрику, гдѣ работали только десять человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ, слѣдовательно, исполняли двѣ и три отдѣльныя операціи; но хотя они были очень

(*) Adam Smith Wealth of nations. Book. I. ch. I.

бѣдны и не имѣли даже всѣхъ необходимыхъ орудій, они могли, однакожь, прилагая стараніе, выдѣлать между собою около двѣнадцати фунтовъ булавокъ въ день. Въ фунтѣ слишкомъ четыре тысячи булавокъ средней длины; эти десять человѣкъ слѣдовательно могли произвести между собою ежедневно слишкомъ сорокъ восемь тысячъ булавокъ. Каждый рабочій, поэтому, выдѣлывая десятую долю сорока восьми тысячъ булавокъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ производитель четырехъ-тысячъ-восьмисотъ булавокъ въ теченіе одного дня. Но еслибъ они работали отдѣльно и независимо одинъ отъ другаго, и не были пріучены къ своему особенному занятію, то, навѣрное, каждый изъ нихъ не могъ бы сдѣлать въ одинъ день и двадцати булавокъ, а можетъ—быть, и одной булавки...»

Сэй приводитъ еще болѣе убѣдительный примѣръ слѣдствія раздѣленія труда, который онъ заимствуетъ, правда, не изъ очень важной отрасли промышлености—изъ фабрикаціи игральныхъ картъ.

«Каждая карта, говоритъ онъ (*), прежде нежели поступаетъ въ продажу, проходитъ по-крайней-мѣрѣ чрезъ семьдесятъ операцій, изъ которыхъ каждая можетъ занимать особенный классъ рабочихъ. И если мы не находимъ на каждой фабрикѣ семидесяти отдѣльныхъ разрядовъ работниковъ, то это потому только, что раздѣленіе труда не доведено до возможнаго предѣла, потому-что одинъ и тотъ же работникъ исполняетъ двѣ и три операціи. Вліяніе этого раздѣленія занятій огромно. Я видѣлъ фабрику картъ, гдѣ работало только тридцать человѣкъ, и они ежедневно выдѣлывали пятьнадцать-тысячъ-пятьсотъ картъ: на долю каждаго работника приходится, такимъ образомъ, слишкомъ

(*) Say Cours d' économie politique pratique vol I. p. 340.

пятьсотъ картъ. Вѣроятно, еслибъ каждый изъ нихъ былъ принужденъ исполнить всѣ операціи производства, предполагая даже въ немъ необходимое искусство, то онъ едвали бъ изготовилъ двѣ карты въ-теченіе дня, и тридцать работниковъ, вмѣсто пятнадцати-тысячъ-пятисотъ картъ, выдѣлали бъ только шестьдесятъ...»

«Различные работники приготовляютъ бумагу, изъ которой дѣлаются карты, и краски, которыми онѣ печатаются, и, принимая въ разсчетъ только переработываніе этихъ матеріаловъ, мы найдемъ, что игра картъ — результатъ многихъ операцій, занимающихъ каждая особенный разрядъ работниковъ и работницъ, постоянно трудящихся надъ однимъ дѣломъ. Особенные и постоянно одни и тѣ же работники очищаютъ бумагу отъ неровностей, чтобъ карта имѣла ровную толщину; особенные работники склеиваютъ вмѣстѣ три листа бумаги, изъ которыхъ состоитъ картонъ, и кладутъ его подъ прессъ; особенные работники окрашиваютъ одну сторону картона, которая должна служить затылкомъ карты; особенные работники отпечатываютъ черною краскою очерки изображеній, другіе отпечатываютъ цвѣтными красками эти изображенія, другіе сушатъ на жаровнѣ картоны отпечатанные, другіе лощатъ ихъ съ обѣихъ сторонъ. Разрѣзываніе картоновъ на карты равной величины составляетъ особенное занятіе; сортировка ихъ на игры — другое занятіе, отпечатываніе обертокъ — опять особенное занятіе, точно такъ же, какъ упаковка картъ. Мы не считаемъ уже работы лицъ, на которыхъ лежатъ продажа, покупка, плата рабочимъ и письмоводство.»

Замѣчательное доказательство экономіи труда, сберегаемаго при этомъ дробномъ дѣленіи, представляетъ ничтожная цѣна продуктовъ, производство которыхъ состоитъ изъ такого множества различныхъ операцій.

Адамъ Смитъ приводитъ слѣдующія причины усиленной дѣятельности труда вслѣдствіе раздѣленія занятій.

«Во-первыхъ, большая ловкость каждаго спеціальнаго работника; во-вторыхъ, сбереженіе времени, которое обыкновенно теряется въ переходѣ отъ одной работы къ другой, и наконецъ, въ-третьихъ, изобрѣтеніе множества машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ и дающихъ возможность одному человѣку исполнить работу многихъ.» (*)

Между этими тремя причинами, первая, т. е. большая ловкость спеціальнаго работника — самая очевидная и общая. Работа выходитъ лучше не потому, что она исполняется чаще; ея достоинство зависитъ отъ способностей работника и отъ ихъ участія въ его ручномъ трудѣ; но она исполняется въ этомъ случаѣ съ бо̀льшею легкостью; мускулы отъ частаго упражненія пріобрѣтаютъ бо̀льшую силу, жилы дѣлаются гибче, умственныя способности становятся дѣятельнѣе и не такъ скоро утомляются. Точная, акуратная работа, медленно исполняемая сначала, подъ конецъ производится скорѣе и съ равною точностью. Это справедливо и для умственной и для тѣлесной дѣятельности; даже ребенокъ послѣ продолжительнаго упражненія, складываетъ рядъ цифръ съ быстротою, похожею на врожденную способность. Разговоръ на языкѣ иностранномъ, плавное чтеніе, танцованіе, гимнастическія упражненія, блестящая игра на музыкальномъ инструментѣ представляютъ примѣры быстроты и легкости, пріобрѣтаемой отъ частаго повторенія. Чувствительность астрономическихъ наблюдателей до-того изощряется отъ привычки, что они въ состояніи опредѣлить разницу во времени до одной десятой секунды

(*) Adam Smith. Wealth of nations B. 1. c. 1. p. 4.

и устанавливать измѣряющій инструментъ на градусныя дѣленія, которыя содержатся пять тысячъ разъ въ одномъ дюймѣ. Въ простѣйшихъ ручныхъ работахъ эти качества усвоиваются еще скорѣе. Ребенокъ, насаживающій головку булавокъ, повторяетъ это дѣйствіе, требующее нѣсколькихъ различныхъ движеній мускуловъ, сто разъ въ минуту постоянно въ продолженіе многихъ часовъ. Естественно, подобное искусство пріобрѣтается послѣ короткаго упражненія, соразмѣрно съ большимъ раздѣленіемъ труда; и если рабочій исполняетъ нѣсколько различныхъ операцій, разнообразіе которыхъ препятствуетъ частому, единообразному повторенію каждой изъ нихъ, то онъ никогда не усвоитъ этого искусства въ той же степени. Выгода раздѣленія труда не ограничивается этимъ окончательно пріобрѣтаемымъ преимуществомъ: оно сберегаетъ время и матеріалы, даромъ истрачиваемые на изученіе искусства. Баббэджъ говоритъ: (*) «Во-всякомъ случаѣ извѣстное количество матеріала будетъ безъ пользы потреблено, или испорчено лицомъ, изучающимъ какое-нибудь ремесло, и, приступая къ каждому новому процесу, ученикъ непремѣнно будетъ портить и сырой матеріалъ и произведенія полуоконченныя. Но если одинъ и тотъ же человѣкъ принужденъ послѣдовательно изучать каждый процесъ, то изъянъ будетъ гораздо значительнѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда работникъ обратитъ все вниманіе на одинъ процесъ и ограничится имъ.»

Что касается второй выгоды раздѣленія труда, которую Адамъ Смитъ называетъ, какъ причину его особенной производительности, то мнѣ кажется, и онъ и его по-

(*) Babbage Econ. of mach and manif. p 171.

слѣдователи приписываютъ этой выгодѣ незаслуженную важность. Я приведу его собственныя слова:

«Выгода, доставляемая временемъ сберегаемымъ, которое обыкновенно теряется въ переходѣ отъ одной работы къ другой, гораздо значительнѣе», говоритъ онъ (*), «нежели мы можемъ предполагать съ перваго взгляда. Быстрый переходъ отъ однѣхъ работъ къ другимъ, если онѣ совершаются въ различныхъ мѣстахъ, съ различными инструментами, совершенно невозможенъ. Сельскій ткачъ, обработывающій также не большое поле, долженъ терять непремѣнно много времени, переходя отъ станка къ полю, и обратно. Когда двѣ отрасли промышлености производятся въ одномъ рабочемъ домѣ, то потеря времени менѣе значительна; но даже и въ этомъ случаѣ она довольно-велика. Человѣкъ обыкновенно медлитъ, обращаясь отъ одного занятія къ другому. Начиная новую работу, онъ рѣдко трудится съ надлежащею ревностью и ловкостью; сердце его, какъ говорится, не лежитъ къ труду, и онъ въ продолженіе нѣкотораго времени скорѣе играетъ трудомъ, нежели прилагаетъ его къ полезной цѣли. Привычка медлить, лѣниво и безпечно приниматься за работу, естественно и необходимо усвоиваемая каждымъ сельскимъ работникомъ, который каждые полчаса принужденъ мѣнять работу и инструменты и употреблять свои руки почти ежедневно въ двадцати различныхъ занятіяхъ, дѣлаетъ его лѣнтяемъ, неряхою и неспособнымъ къ энергической дѣятельности даже въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ.»

Безъ сомнѣнія, это самое преувеличенное изображеніе неудовлетворительности труда сельскаго работника, когда есть побудительная причина для его дѣятельности. Немногіе ра-

(*) Ad. Smith Wealth of nat. p. 5.

ботники разнообразятъ свои занятія и мѣняютъ инструменты чаще садовника; а развѣ онъ неспособенъ къ энергической дѣятельности? Многіе ремесленники, имѣющіе болѣе сложныя занятія, исполняютъ множество разнообразныхъ операцій при помощи различныхъ инструментовъ. Правда, они не исполняютъ ихъ съ быстротою простаго фабричнаго работника, привыкшаго къ одной и той же обязанности, но, оставляя въ сторонѣ одну механическую сноровку, мы найдемъ между ними болѣе искусныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе энергическихъ работниковъ.

Баббэджъ, идущій по слѣдамъ Адама Смита, говоритъ (*): «Когда рука, или голова, человѣка постоянно занимается одною работою, нѣтъ возможности тогда обратиться къ другому занятію съ полною дѣятельностью. Мускулы членовъ дѣйствовавшихъ пріобрѣтаютъ гибкость во время упражненія; напротивъ, мускулы отдыхавшіе коснѣютъ и въ началѣ каждой перемѣны движутся медленно и неровно. Привычка даетъ возможность мускуламъ упражняемымъ выносить большую усталость. Подобный же результатъ представляетъ всякая перемѣна въ умственныхъ занятіяхъ. Вниманіе, обращаемое на новый предметъ, вначалѣ никогда не бываетъ такъ совершенно, какъ послѣ нѣкотораго упражненія. Употребленіе различныхъ инструментовъ въ различныхъ процесахъ — другая причина потери времени въ переходѣ отъ одной операціи къ другой. Если эти инструменты довольно-простаго устройства и не такъ часто перемѣняются, то потеря времени не такъ значительна; но во многихъ техническихъ операціяхъ инструменты необыкновенно нѣжны и при каждомъ употребленіи требуютъ точной установки, которая въ бо̀льшей части слу-

(*) Babb ibid.

часовъ беретъ много времени, почти столько же, сколько продолжается самое приложеніе инструмента».

Я не противъ того, что эти разсужденія имѣютъ свою важность; но я не полагаю, чтобъ они были во всемъ справедливы. Если одинъ видъ труда мускульнаго или умственнаго отличается отъ другаго, то по этой причинѣ послѣдующій видъ труда въ нѣкоторой степени долженъ служить отдохновеніемъ предъидущему виду; и если, во второмъ занятіи, при самомъ началѣ не обнаруживается наибольшая энергія, то и первое занятіе не могло быть неопредѣленно продолжено безъ нѣкотораго ослабленія этой энергіи. Ежедневный опытъ показываетъ, что перемѣна дѣятельности освѣжаетъ силы и замѣняетъ необходимое отдохновеніе, и что человѣкъ можетъ работать послѣдовательно болѣе часовъ безъ усталости, дѣля свое время между различными занятіями, нежели исключительно посвящая его одному. Различныя занятія требуютъ дѣятельности различныхъ мускуловъ и различныхъ умственныхъ способностей; и пока одни дѣйствуютъ, другіе отдыхаютъ и освѣжаются. Тѣлесный трудъ отдыхаетъ насчетъ умственнаго, и наоборотъ. Разнообразіе само-по-себѣ оказываетъ укрѣпляющее вліяніе на душевное расположеніе, столь важное для удовлетворительнаго исполненія несовершенно-механической работы и даже дѣйствующее на эту работу. Эти разсужденія прилагаются въ различной степени къ различнымъ лицамъ: одни лица болѣе способны къ постоянству въ занятіяхъ нежели другія и не любятъ перемѣнъ; они труднѣе принимаются за дѣло; нерасположеніе у нихъ продолжается долѣе; они требуютъ болѣе времени, чтобъ проявить свои способности въ полной дѣятельности, и поэтому, разъ прійдя въ это состояніе, они неохотно оставляютъ работу, но продолжаютъ трудиться безостановочно, даже ко вреду своего здоровья;

другіе, напротивъ, принимаются за дѣло быстро, но продолжительная, однообразная дѣятельность такъ же быстро истощаетъ силы ихъ. Здѣсь, однакожь, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, привычка оказываетъ болѣе значительное вліяніе, нежели естественное различіе. Можно пріучить себя чрезъ раннее упражненіе къ быстрому переходу отъ одного занятія къ другому, и тогда нѣтъ мѣста для медлительности, сопровождающей подобный переходъ, о которой говоритъ Адамъ Смитъ, и не можетъ быть также недостатка ни въ энергіи, ни въ интересѣ. Работникъ приступаетъ къ каждой отрасли своего занятія съ свѣжестью и душевнымъ расположеніемъ, котораго онъ не удерживаетъ по прошествіи извѣстнаго времени, обращая постоянно свою дѣятельность на одну отрасль (развѣ въ случаѣ необыкновеннаго возбужденія). Женщины обыкновенно непостояннѣе мужчинъ, и спорный пунктъ, нами разсматриваемый, представляетъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, какъ мало въ общихъ сужденіяхъ о человѣчествѣ принимаются во вниманіе опытъ и идеи женщинъ. Немногія женщины согласятся, что постоянство и продолжительность увеличиваютъ силу труда, которая слабѣетъ при переходѣ къ новому занятію. Изъ десяти мужчинъ девять имѣютъ спеціальныя занятія; занятія женщинъ, въ той же пропорціи, разлагаются на множество подробностей, изъ которыхъ каждая занимаетъ ихъ только короткое время. Женщины постоянно быстро переходятъ отъ одного механическаго и даже, еще чаще, отъ одного умственнаго занятія къ другому; и это не стоитъ имъ ни большихъ усилій, ни значительной потери времени; между-тѣмъ, какъ занятія мужчины представляютъ постоянную работу надъ однимъ предметомъ, или надъ очень ограниченнымъ рядомъ предметовъ. Но иногда положеніе и вмѣстѣ съ нимъ характеры мѣ-

няются. Опытъ показываетъ, что женщины способны не менѣе мужчинъ къ однообразной фабричной работѣ; и человѣкъ, который усвоилъ привычку упражнять руку въ различныхъ занятіяхъ, далеко не такой неряха и лѣнтяй, какимъ его описываетъ Адамъ Смитъ, но обыкновенно бываетъ замѣчательно-дѣятеленъ и живъ. Справедливо, однакожь, что иногда и для самаго непостояннаго человѣка слишкомъ частая перемѣна въ занятіяхъ бываетъ нестерпима. Непрестанное разнообразіе утомительнѣе даже никогда неизмѣняющагося однообразія.

Третья выгода, приписываемая Адамомъ Смитомъ раздѣленію труда, дѣйствительна въ нѣкоторой степени.

Изобрѣтенія, имѣющія цѣлью сбереженіе труда въ извѣстномъ производствѣ, естественно скорѣе приходятъ на умъ человѣку, съ особеннымъ напряженіемъ обращающему свои мысли на это производство и постоянно имъ занимающемуся. Человѣкъ, вниманіе котораго раздѣлено между нѣсколькими занятіями, имѣетъ менѣе возможности сдѣлать практическое улучшеніе въ одной отрасли. Но здѣсь умственныя способности и дѣятельность ихъ имѣютъ бо̀льшее вліяніе, нежели исключительность или спеціальность дѣла; и если они не благопріятствуютъ ихъ развитію; то вся выгода, ею доставляемая, теряется. Мы можемъ еще прибавить, что какая бы ни была причина, служащая поводомъ къ изобрѣтеніямъ, разъ когда они сдѣланы, возрастающая дѣятельность труда есть слѣдствіе этого изобрѣтенія, а не раздѣленія труда.

Главнѣйшая выгода подробнаго раздѣленія труда (кромѣ ловкости работника), которая обратила вниманіе Баббэджа, есть болѣе экономическое распредѣленіе труда и классификація рабочаго народа по его способностямъ. Различныя занятія въ томъ же ряду операцій требуютъ неравной сте-

пени искусства и силы тѣлесной, и люди, имѣющіе достаточно искусства для самой трудной и достаточно силы для самой изнурительной работы, приносятъ гораздо болѣе пользы, если они занимаются ею исключительно, предоставляя другимъ, неспособнымъ къ ней, работы, доступныя для каждаго. Производженіе гораздо дѣйствительнѣе, когда къ каждому процесу прилагается именно столько искусства и столько силы, сколько требуется, а не болѣе. Фабрикація булавокъ въ различныхъ отрасляхъ производства требуетъ такія различныя степени искусства, что плата рабочимъ измѣняется отъ шести шиллинговъ (1 р. 80 к. сер.) до четырехъ съ половиною пенсовъ (11¼ к. сер.) въ день (*); и еслибъ работникъ, получающій наибольшое жалованье, принужденъ былъ исполнить весь процесъ, то часть его ежедневнаго труда представляла бы постоянную потерю, соотвѣтствующую разности между крайними предѣлами заработанной платы.

Раздѣленіе труда, какъ замѣчаютъ всѣ Политико-Экономы, объ этомъ предметѣ писавшіе, ограничивается размѣрами рынка. Если, раздѣляя фабрикацію булавокъ на нѣсколько особенныхъ операцій, производится сорокъ–восемь тысячъ булавокъ въ день, то подобное раздѣленіе труда благоразумно приложить только въ такомъ случаѣ, когда существуетъ достаточнее количество потребителей, требующихъ ежедневно около сорока–восьми тысячъ булавокъ. Если запросъ не превышаетъ двадцати–четырехъ тысячъ, то раздѣленіе труда можетъ быть съ выгодою доведено только до степени, на которой оно производитъ это меньшее количество. Это будетъ, слѣдственно, втораго рода вліяніе запроса

(*) Самую высшую плату получаютъ работники, которые тянутъ проволоку; самую низшую — дѣти, насаживающія головки булавокъ.

на возростаніе дѣятельности труда въ приложеніи къ произвожденію. Различныя причины могутъ ограничивать размѣры рынка: малое населеніе, населеніе разбросанное и, по причинѣ отдаленія, неудободоступное, недостатокъ въ путяхъ сообщенія или, наконецъ, слишкомъ бѣдное народонаселеніе, то есть такое, которое, по причинѣ малодѣятельности своего соединеннаго труда, не можетъ быть большимъ потребителемъ. Нерадѣніе, недостатокъ въ искусствѣ, недостатокъ соединенія труда между людьми, которые, въ противномъ случаѣ, были бы покупателями произведеній, ограничиваютъ поэтому возможное раздѣленіе труда между производителями. Въ первоначальную эпоху цивилизаціи, когда потребности были малозначущи, промышленость процвѣтала только въ такихъ странахъ, которыя, господствуя надъ моремъ, или имѣя по-крайней-мѣрѣ судоходную рѣку, находили рынки для своихъ произведеній во всѣхъ мѣстностяхъ извѣстнаго свѣта, лежащихъ по берегамъ моря или по судоходнымъ рѣкамъ. Возростаніе совокупнаго богатства всего міра, соединенное съ свободою торговыхъ сношеній, усовершенствованіе мореплаванія и внутреннихъ путей сообщенія способствовали увеличенію производительности труда каждаго народа, открывая возможность для каждой мѣстности снабжать рынокъ болѣе обширный произведеніями, ей свойственными, и обусловливая, какъ слѣдствіе необходимое, приложеніе раздѣленія труда въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Во многихъ случаяхъ раздѣленіе труда ограничивается свойствомъ занятія. Земледѣліе, напримѣръ, не допускаетъ такого большаго раздѣленія работъ, какъ многія отрасли фабричной промышлености, потому-что различныя земледѣльческія работы не могутъ быть произведены въ одно время. Работникъ не можетъ постоянно пахать, или жать,

или сѣять; и если ему знакома одна только работа, то онъ долженъ оставаться въ праздности одиннадцать мѣсяцевъ. Всѣ земледѣльческія работы могутъ быть исполнены однимъ и тѣмъ же лицомъ, у котораго остается еще почти во всѣхъ климатахъ много незанятаго времени. Соединеніе труда, преимущественно допускаемое земледѣльческою промышленостью,—такъ называемое Уэкфильдомъ, простое содѣйствіе, соединяющее нѣсколько лицъ въ одномъ и томъ же занятіи. Такимъ образомъ для приведенія въ исполненіе какаго-нибудь земледѣльческаго улучшенія, часто бываетъ необходимо, чтобъ нѣсколько человѣкъ работали вмѣстѣ; но вообще всѣ они, исключая надзирателя, бываютъ заняты одинаково.

Все что до-сихъ-поръ сказано о важности соединенія труда, очевидно доказываетъ, что дѣятельность произвожденія особенно увеличивается, если произвожденіе совершается въ большихъ размѣрахъ. Во всякомъ случаѣ, если необходимо чтобъ для усиленія труда, нѣсколько работниковъ соединились между собою хотя въ формѣ простаго содѣйствія, размѣры предпріятія должны быть таковы, чтобъ эти работники могли работать вмѣстѣ, и капиталъ долженъ быть достаточно-великъ для содержанія ихъ. Подобная необходимость еще болѣе увеличивается, когда свойство занятія и количество сбыта допускаютъ значительное раздѣленіе труда. Чѣмъ обширнѣе предпріятіе, тѣмъ болѣе дробное раздѣленіе труда можетъ быть приложено. Это одна изъ главныхъ причинъ заведенія большихъ фабрикъ. Даже если, вслѣдствіе увеличенія фабричнаго дѣла, не прилагается къ нему новое, добавочное подраздѣленіе труда, то правила хорошей экономіи принуждаютъ расширить его въ той степени, въ которой каждое лицо, имѣющее особенное занятіе, было бы совершенно занято. Этотъ вопросъ превосходно разрѣшенъ Баббэджемъ.

«Если машины (говоритъ онъ) (*) будутъ въ дѣйствіи въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ (а это наиболѣе экономическій способъ ихъ употребленія), то необходимо приставить одно лицо для впуска работниковъ на каждую смѣну, и покой этого привратника одинаково нарушается, впускаетъ ли онъ одного или двадцать человѣкъ. Такъ же необходимо бываетъ по-временамъ устанавливать и исправлять машину, и эта обязанность гораздо лучше исполняется особеннымъ механикомъ, нежели тѣмъ, кто работаетъ ею. Кромѣ того, такъ-какъ дѣйствіе и прочность машины зависятъ въ значительной степени отъ немедленнаго исправленія каждаго разстройства и изъяна въ частяхъ ея, то присмотръ маханика, живущаго на мѣстѣ, значительно уменьшаетъ расходы, происходящіе отъ порчи машинъ. Но когда механизмъ фабричный ограничивается однимъ станкомъ, или одними пяльцами, подобное распоряженіе было бы очень убыточно. Такимъ-образомъ является новый поводъ къ расширенію фабрики: она должна заключать достаточное число машинъ, чтобъ занять всѣ время работника, котораго обязанность держатъ ихъ въ порядкѣ; если число ихъ переходитъ за этотъ предѣлъ, то то же правило экономіи указываетъ на необходимость удвоить или утроить это число, чтобъ дать дѣло двумъ или тремъ механикамъ.

«Въ случаѣ, гдѣ трудъ работника состоитъ въ упражненіи физической силы, какъ, напримѣръ, въ ремеслѣ ткачей и въ другихъ подобныхъ ремеслахъ, фабрикантъ скоро сообразитъ, что если эта часть работы будетъ исполнена паровою машиною, то ткачъ можетъ слѣдить въ одно время за нѣсколькими станами. И какъ мы уже предположили, что при фабрикѣ находятся механики, то можно расположить стан-

(*) Babb. ibid.

ки такимъ образомъ, чтобъ все время механиковъ было употреблено на содержаніе въ порядкѣ и паровой машины и этихъ станковъ.

«Преслѣдуя тѣ же начала экономіи, фабрика постепенно расширяется, такъ-что расходы на освѣщеніе ея въ ночное время представляютъ уже значительную сумму. Но какъ при заведеніи уже находятся люди, которые остаются всю ночь и могутъ, слѣдственно, постоянно работать, находятся механики, чтобъ дѣлать и исправлять машины, то прибавленіе газоваго аппарата для освѣщенія фабрики, хотя расширяя ея, способствуетъ къ уменьшенію расходовъ произвожденія и къ большому обезпеченію отъ пожаровъ.

«Гораздо прежде, нежели фабрика достигаетъ этихъ размѣровъ, открывается необходимость устроить счетное отдѣленіе, съ конторщиками, для уплаты работникамъ и для наблюденія за ними, чтобъ они приходили въ положенное время. Это отдѣленіе должно быть въ сношеніи съ агентами, закупающими сырой матеріалъ и продающими мануфактурныя издѣлія».

Для конторщиковъ и для счетчиковъ составляетъ небольшую разницу въ трудѣ и во времени платить жалованье бо́льшому числу работниковъ, или вести счеты болѣе обширныхъ торговыхъ операцій. Если дѣло удвоивается, то число счетчиковъ и коммиссіонеровъ увеличивается, хотя и не вдвое. Каждое возростаніе въ дѣлѣ промышленномъ открываетъ возможность производить его съ соразмѣрно-меньшимъ количествомъ труда.

Общее правило, что расходы не увеличиваются пропорціонально размѣрамъ дѣла. Возьмемъ, напримѣръ, занятіе какого-нибудь обширнаго учрежденія—почты напримѣръ. Положимъ, что онѣ не сосредоточены въ одномъ заведеніи, но раздѣляются между пятью или шестью соперничествующими компаніями. Каждая изъ нихъ должна необходимо со-

держать почти такое же обширное заведеніе, въ которомъ теперь сосредоточивается весь кругъ дѣятельности почтоваго вѣдомства. Каждая компанія должна сдѣлать особенныя распоряженія для пріема и для раздачи писемъ и завести конторы для этой цѣли во всѣхъ частяхъ города, каждая компанія должна посылать своихъ почтальоновъ во всѣ улицы и переулки и столько же разъ въ день, какъ и теперь существующее почтовое вѣдомство. Я не говорю уже о большомъ числѣ чиновниковъ для надзора и контроля надъ подчиненными исполнителями, и которое не только предполагаетъ большіе расходы на жалованье такимъ отвѣтственнымъ лицамъ, но также заставляетъ во многихъ случаяхъ удовольствоваться людьми менѣе способными для отправленія важныхъ обязанностей.

Существующее обыкновеніе составлять большой капиталъ чрезъ соединеніе малыхъ вкладовъ многихъ соучастниковъ; другими словами, чрезъ образованіе компаній значительно способствуетъ произвожденію въ большихъ размѣрахъ. Идея подобнаго сложнаго капитала представляетъ многія важныя выгоды.

Во-первыхъ, многія предпріятія требуютъ капитала, превышающаго средства богатѣйшихъ людей или частныхъ товариществъ. Нѣтъ человѣка, который могъ бы на свой счетъ провести желѣзную дорогу между Лондономъ и Ливерпулемъ; сомнительно даже, чтобъ кто-нибудь могъ содержать ее послѣ того, какъ она была проведена, правительство имѣетъ возможность исполнить и то и другое. И въ странахъ, гдѣ практическое приложеніе началъ содѣйствія стоитъ еще на первой степени развитія, исполненіе подобныхъ предпріятій предоставляется правительству, которое можетъ черезъ новый налогъ получить на то средства и

которое уже свыклось съ производствомъ большихъ операцій.

Далѣе, есть предпріятія, которыя могутъ быть исполнены однимъ лицомъ, но которыя, при постепенномъ развитіи, согласно съ требованіями общества, принимаютъ размѣры, превосходящіе силы и средства одного лица. Для одного человѣка возможно отправить нѣсколько кораблей даже во всѣ части свѣта съ пассажирами и почтою. Это дѣлалось прежде, когда никто не думалъ о компаніи для этой цѣли; но, съ увеличеніемъ народонаселенія и сношеній, общество не удовольствовалось одними случайными отправленіями, но требовало большей положительности, требовало, чтобъ корабли отходили постоянно въ одни мѣста разъ или два раза въ день, въ другія разъ въ недѣлю и въ нѣкоторыя дважды въ мѣсяцъ. Очевидно, чтобъ обезпечить подобную точность, необходимо сопряженную съ очень большими расходами, нужны большой капиталъ и большое число способныхъ подчиненныхъ, которыми не можетъ располагать одно лицо.

Потомъ, въ другихъ случаяхъ, хотя предпріятіе можетъ быть выполнено съ малыми или, по-крайней мѣрѣ, умѣренными средствами, но большой подписной капиталъ бываетъ необходимъ какъ гарантія, обезпечивающая публику въ исполненіи денежныхъ обязательствъ. Это преимущественно встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда предпріятія, по своему характеру, требуютъ, чтобъ ввѣряли свои капиталы ихъ основателямъ. Подобный примѣръ представляютъ намъ банки и страховыя компаніи.

Вотъ нѣкоторыя выгоды дѣйствія компаніи въ сравненіи съ частною или личною дѣятельностью Но если взглянемъ на этотъ вопросъ съ другой точки зрѣнія, то

найдемъ, что дѣятельность частная представляетъ также значительныя преимущества. Главная изъ нихъ—болѣе живой интересъ дѣйствующаго лица въ успѣхѣ предпріятія.

Администрація всякой компаніи, говоря вообще — дѣло наемниковъ. Даже комитетъ, или совѣтъ директоровъ, которые, надзираютъ за ходомъ дѣла, какъ предполагается, и которые назначаютъ и удаляютъ исполнителей, не имѣютъ особеннаго участія къ хорошему исполненію предпріятія. Это участіе ограничивается числомъ акцій, которыя они держатъ и которыя всегда составляютъ очень незначительную часть капитала компаніи и представляютъ также незначительную часть ихъ собственности. Участіе, ими принимаемое въ управленіи далеко не занимаетъ всего времени и полной ихъ дѣятельности, обыкновенно посвящаемыхъ другимъ занятіямъ столько же, или болѣе важнымъ для ихъ собственнаго интереса, и успѣхъ предпріятія предоставляется произволу людей нанятыхъ для его исполненія. Но опытъ показываетъ какъ малоудовлетворительна наемная услуга въ сравненіи съ дѣятельностью людей, лично заинтересованныхъ въ исполненіи работы, и какъ необходимъ глазъ хозяина, когда наемная услуга должна быть употреблена для надзора.

Успѣшный ходъ каждаго промышленнаго предпріятія требуетъ двухъ совершенно разнородныхъ качествъ—вѣрности и ревнительности. Что касается вѣрности и честности наемныхъ исполнителей и администраторовъ, то есть возможность обезпечить предпріятіе съ этой стороны, когда дѣятельность ихъ можетъ быть подведена подъ рядъ опредѣленныхъ правилъ; нарушеніе ихъ въ этомъ случаѣ явно; и исполненіе ихъ легко вынуждается опасеніемъ потерять мѣсто. Но, чтобъ успѣшно вести большое предпрія-

тіе, необходимы тысяча вещей, которыя невозможно опредѣлить напередъ и поставить въ положительную обязанность. Прежде всего необходимо, чтобъ умъ главнаго двигателя былъ постоянно занятъ предметомъ; чтобъ онъ безпрестанно придумывалъ новые планы какъ для увеличенія барышей, такъ и для сбереженія расходовъ. Невозможно ожидать, чтобъ лицо, работающее какъ наемникъ, для выгодъ другаго, чувствовало подобный напряженный интересъ къ предмету. Ежедневная опытность представляетъ слишкомъ убѣдительные примѣры въ этомъ отношеніи.

Другой недостатокъ дѣятельности компанейской, въ нѣкоторой степени свойственный каждому предпріятію въ большомъ размѣрѣ, заключается въ небреженіи мелкими выгодами и мелкими экономіями. Располагая большимъ капиталомъ въ большихъ операціяхъ, управляющіе (особенно если они сами не заинтересованы въ предпріятіи значительно) считаютъ малыя суммы за ничто или по-крайней-мѣрѣ за мелочи, незаслуживающія особеннаго вниманія; но малые барыши и малые убытки, часто-повторяемые, составляютъ со временемъ или большой выигрышъ или большую потерю. Капиталистъ, довольно-хорошо разсчитывающій, не упускаетъ изъ вида этого обстоятельства и располагаетъ свои занятія по системѣ, которая, при бдительномъ надзорѣ, отвращаетъ возможность лишней траты, обыкновенно случающейся въ большомъ дѣлѣ. Но управители рѣдко посвящаютъ себя въ такой степени дѣлу, наполовину для нихъ постороннему, рѣдко наблюдаютъ во всѣхъ подробностяхъ, истинно-экономическую систему, даже если она разъ установлена.

Возможность замѣстить произвожденіе въ маломъ размѣрѣ обширнымъ производствомъ зависитъ, конечно, пре-

жде всего отъ размѣровъ рынка. Обширное производство предполагаетъ, поэтому, или населенную цвѣтущую страну, или значительную отпускную торговлю. Возростаніе капитала также способствуетъ подобному замѣненію размѣровъ произвожденія, какъ и всякой перемѣнѣ въ его системѣ. Когда капиталъ страны ежегодно наростаетъ, тогда открывается необходимость найдти приложеніе для прибывающей его части, и новое предпріятіе гораздо скорѣе и легче устроивается насчетъ этой прибыли, нежели на капиталъ, извлекаемый изъ назначенія, ему даннаго. Увеличеніе размѣровъ произвожденія совершается удобнѣе, когда большіе капиталы сосредоточены въ немногихъ рукахъ. Справедливо, что можно собрать такой же капиталъ, соединяя малыя суммы; но это средство, кромѣ того, что оно не равно прилагается ко всѣмъ отраслямъ промышлености) предполагаетъ значительное коммерческое довѣріе и предпріимчивостьвъ обществѣ, равно какъ и высшую степень промышленнаго развитія.

Въ странахъ, гдѣ существуютъ большіе рынки, гдѣ распространены коммерческое довѣріе и предпріимчивость, гдѣ капиталъ ежегодно получаетъ наибольшее приращеніе, и самые большіе капиталы находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, въ этихъ странахъ мы встрѣчаемъ постоянное стремленіе замѣнять послѣдовательно во всѣхъ отрасляхъ промышлености мелочную дѣятельность большими заведеніями. Въ Англіи, которую можно принять за страну соединяющую эти характеры, увеличеніе размѣровъ замѣчается не въ однѣхъ только фабрикахъ: купцы и лавочники, даже ведущіе розничную продажу, расширяютъ также размѣры своихъ дѣйствій, гдѣ только существуетъ достаточное число покупателей. Они почти всегда имѣютъ возможность подорвать мелкихъ торговцовъ частью посред-

ствомъ раздѣленія труда, употребляя дѣятельность искусныхъ людей тамъ, гдѣ искусство ихъ необходимо, что̀ составляетъ важную экономію, и частью также чрезъ сбереженіе труда, вслѣдствіе чего самая большая закупка, не требуетъ болѣе времени или большихъ усилій, какъ и даже малая, и гораздо легче выполняется, нежели нѣсколько незначительныхъ покупокъ.

Разъ, когда существованіе независимыхъ малыхъ производителей дѣлается невозможнымъ, когда они замѣняются настоящею фабричною системою, соединяющею многихъ работниковъ подъ однимъ управленіемъ, дальнѣйшее расширеніе размѣра произвожденія, говоря вообще, представляетъ несомнѣнное благодѣяніе для общества. Напримѣръ, очевидно, какая значительная экономія труда осуществилась бы, еслибъ одна компанія снабжала газомъ, или водою, такой огромный городъ, какъ Лондонъ. Еслибъ существовало одно заведеніе для этой цѣли, то оно могло бы понизить цѣны своимъ продуктамъ и получать тѣ же самые барыши, которыми пользуются теперь различныя компаніи. Но даже и при настоящихъ цѣнахъ общество было бы въ выигрышѣ, потому-что акціонеры, входящіе также въ составъ его, получали бы большіе барыши, между-тѣмъ, какъ потребители платили бы то же самое. Кромѣ-того, ошибочно думаютъ многіе, предполагая, что совмѣстничество компаній всегда понижаетъ цѣны: когда число совмѣстниковъ ограниченно, они всегда, въ заключеніе, соглашаются не подрывать другъ друга. Они сбиваютъ цѣны, только чтобъ разорить новаго кандидата; но разъ, когда онъ только утвердится, они сговариваются съ нимъ. Поэтому если дѣло, важное для блага общественнаго, можетъ быть выполнено въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что совмѣстничество дѣлается невозможнымъ, то учрежденіе нѣсколькихъ неза-

висимыхъ заведеній для этого назначенія, обыкновенно требующихъ огромныхъ издержекъ, будетъ безполезною тратою общественнаго достоянія. Гораздо лучше разсматривать подобное дѣло какъ обязанность общественную; и если само правительство не можетъ предпринять исполненія его, то оно должно быть передано одной компаніи, которая выполнитъ его на самыхъ выгоднѣйшихъ условіяхъ для общества. Кто захочетъ, напримѣръ, чтобъ огромный капиталъ былъ даромъ истраченъ на проведеніе желѣзной дороги между двумя мѣстностями, уже соединенными этого рода путемъ сообщенія, когда одна дорога отвѣчаетъ требованію такъ же хорошо, какъ и двѣ—потому что, вѣроятно, послѣ краткаго времени, онѣ сольются между собою.

ГЛАВА V.

ЗАКОНЫ ВОЗРОСТАНІЯ ПРОИЗВОЖДЕНІЯ.

—

Произвожденіе не есть дѣйствіе, ограниченное разъ положенными предѣлами: это процесъ, дѣятельность котораго постоянно возростаетъ. Если недостаточныя учрежденія страны, или низкая степень развитія первоначальныхъ искусствъ не служатъ препятствіями, то продукты промышлености обыкновенно стремятся къ возростанію не только подъ вліяніемъ желанія производителей увеличить средства къ потребленію, но также вслѣдствіе возростающаго числа потребителей. Опредѣлить законъ возростанія этого произвожденія, условія, которымъ оно подчиняется, и предѣлы, если оно имѣетъ ихъ — одна изъ важнѣйшихъ задачъ Политической Экономіи.

Мы видѣли, что трудъ, капиталъ, естественные дѣятели составляютъ три существенные элемента произвожденія: капиталъ обнимаетъ всѣ внѣшнія, физическія средства — произведенія труда; естественныя средства означаются названіемъ дѣятелей природы. Но между послѣдними мы не должны принимать въ разсчетъ дѣятелей, суще-

висимыхъ заведеній для этого назначенія, обыкновенно требующихъ огромныхъ издержекъ, будетъ безполезною тратою общественнаго достоянія. Гораздо лучше разсматривать подобное дѣло какъ обязанность общественную; и если само правительство не можетъ предпринять исполненія его, то оно должно быть передано одной компаніи, которая выполнитъ его на самыхъ выгоднѣйшихъ условіяхъ для общества. Кто захочетъ, напримѣръ, чтобъ огромный капиталъ былъ даромъ истраченъ на проведеніе желѣзной дороги между двумя мѣстностями, уже соединенными этого рода путемъ сообщенія, когда одна дорога отвѣчаетъ требованію такъ же хорошо, какъ и двѣ—потому-что, вѣроятно, послѣ краткаго времени, онѣ сольются между собою.

ГЛАВА V.

ЗАКОНЫ ВОЗРОСТАНІЯ ПРОИЗВОЖДЕНІЯ.

—

Произвожденіе не есть дѣйствіе, ограниченное разъ положенными предѣлами: это процесъ, дѣятельность котораго постоянно возростаетъ. Если недостаточныя учрежденія страны, или низкая степень развитія первоначальныхъ искусствъ не служатъ препятствіями, то продукты промышлености обыкновенно стремятся къ возростанію не только подъ вліяніемъ желанія производителей увеличить средства къ потребленію, но также вслѣдствіе возростающаго числа потребителей. Опредѣлить законъ возростанія этого произвожденія, условія, которымъ оно подчиняется, и предѣлы, если оно имѣетъ ихъ — одна изъ важнѣйшихъ задачъ Политической Экономіи.

Мы видѣли, что трудъ, капиталъ, естественные дѣятели составляютъ три существенные элемента произвожденія: капиталъ обнимаетъ всѣ внѣшнія, физическія средства — произведенія труда; естественныя средства означаются названіемъ дѣятелей природы. Но между послѣдними мы не должны принимать въ разсчетъ дѣятелей, суще-

ствующихъ въ неопредѣленномъ количествѣ и неподлежащихъ усвоенію, никогда неизмѣняющихся въ качествахъ и всегда въ равной степени содѣйствующихъ произвожденію, каковы бы ни были его размѣры. Примѣръ подобныхъ дѣятелей представляютъ воздухъ и солнечный свѣтъ. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть препятствія къ произвожденію, а не условія, его облегчающія, поэтому мы должны заняться теперь такими естественными дѣятелями, которые могутъ истощить свою производящую силу или изсякнуть въ количествѣ. Всѣ они могутъ быть подведены подъ одно общее наименованіе земли; главный между ними земля, въ тѣснѣйшемъ значеніи источника земледѣльческихъ произведеній; но мы распространяемъ это наименованіе на рудники, лѣса, рыболовли, на все, что планета наша и воды, покрывающія ее, заключаютъ въ себѣ. Такимъ-образомъ, это выраженіе обнимаетъ всю массу естественныхъ средствъ, на которыя намъ необходимо теперь обратить вниманіе.

Итакъ, безъ особенной натяжки, съ необходимыми объясненіями, мы можемъ сказать что трудъ, капиталъ и земля суть элементы произвожденія. Возростаніе произвожденія, поэтому, зависитъ отъ свойствъ этихъ элементовъ. Оно есть необходимый результатъ, или возростанія самыхъ элементовъ, или увеличенія ихъ производительности. Законъ возростанія произвожденія долженъ быть слѣдствіемъ законовъ, этими элементами управляющихъ, которые полагаютъ предѣлы его увеличенію. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть эти три элемента въ связи съ этимъ фактомъ, или, другими словами разсмотрѣть законъ возростанія произвожденія въ зависимости.

1) отъ труда,
2) отъ капитала и, наконецъ,
3) отъ земли.

Возростаніе труда есть возростаніе человѣческаго рода, возростаніе народонаселенія. Полемика, поднятая по случаю сочиненія Мальтуса (*), ознакомила достаточно публику съ истиною, хотя не всѣми допускаемою. Мы можемъ, слѣдственно, ограничиться здѣсь только краткимъ изслѣдованіемъ вопроса.

Способность размножаться, свойственная всѣмъ живымъ организмамъ, представляется намъ безконечною. Каждый видъ растеній или животныхъ, еслибъ земная поверхность была исключительно ему предоставлена съ соотвѣтствующею ему стихіею, въ нѣсколько лѣтъ совершенно покрылъ бы всѣ полосы ея, гдѣ только условія климата не препятствуютъ его существованію. Возможная быстрота размноженія различна для различныхъ разрядовъ органическихъ существъ; но для всѣхъ она достаточно велика, чтобъ въ очень короткое время наполнить этими существами нашу планету. Многіе виды растеній въ теченіе года воспроизводятъ зародыши тысячи организмовъ; если только два изъ нихъ созрѣваютъ, то въ продолженіе четырнадцати лѣтъ эти два организма размножатся слишкомъ до шестнадцати тысячъ растеній. Между животными мы находимъ, что это умѣренная сила плодородія, если въ теченіе года организмы умножаютса вчетверо; но если они воспроизводятся въ этой пропорціи только, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, то, по прошествіи двухъ столѣтій, десять тысячъ недѣлимыхъ размножатся слишкомъ до двухъ мильоновъ съ половиною. Способность возростанія необходимо выражается геометрическою прогресіею, въ которой измѣняется только знаменатель содержанія.

Родъ человѣческій не представляетъ исключенія въ этомъ

(*) Malthus Essay on the principle of Population..

свойствѣ органическихъ существъ. Способность возростанія его неопредѣленна и возможное размноженіе его совершалось бы необыкновенно быстро, еслибъ способность эта упражнялась въ высшей степени; но она никогда не обнаруживается въ высшей степени дѣятельности и, несмотря на то, при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ странахъ плодоносныхъ, населенныхъ эмигрантами изъ общества промышленнаго и просвѣщеннаго, народонаселеніе, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, удваивается каждыя двадцать-пять лѣтъ, независимо отъ прилива новой эмиграціи. Что родъ человѣческій способенъ къ большому размноженію, очевидно, если мы примемъ въ разсчетъ, какъ велико число дѣтей обыкновенно бываетъ въ семействахъ тамъ, гдѣ климатъ хорошъ и гдѣ рано женятся, и какъ мала пропорція умирающихъ прежде совершеннолѣтія, при настоящихъ успѣхахъ гигіены, въ здоровыхъ мѣстностяхъ и въ семействахъ, имѣющихъ достаточно средствъ къ жизни. Допуская только, что народонаселеніе удваивается черезъ каждое поколѣніе, при хорошихъ условіяхъ народнаго здоровья, мы оцѣнимъ очень низко способность возростанія человѣческаго рода.

Лѣтъ двадцать или тридцать назадъ, эти предложенія требовали доказательствъ и объясненій, но очевидность ихъ такъ полна и несомнѣнна, что они устояли противъ всѣхъ возраженій, и теперь могутъ быть разсматриваемы какъ аксіомы. Впрочемъ, иногда, особенное нежеланіе допустить ихъ порождаетъ новыя эфемерныя теоріи законовъ возростанія, умѣряющихъ плодородіе человѣческаго рода сообразно съ требованіями общества.

Между этими неудачными попытками я упомяну только

о теоріи Доблдэ (Doubleday) (*), заслуживающей нѣкотораго вниманія, потому-что она нашла послѣдователей и также потому, что она основана на общей аналогіи жизни органической. Эта теорія принимаетъ, что плодородіе человѣскаго рода и всѣхъ живыхъ существъ обратно пропорціонально количеству пищи; другими словами, что полусытое народонаселеніе размножается быстрѣе, но что всѣ классы общества, живущіе въ хорошихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе закона физіологическаго, теряютъ силу плодотворяющую. Безъ сомнѣнія, излишество пищи, какъ въ организмахъ животныхъ, такъ и въ растеніяхъ, неблагопріятствуетъ воспроизведенію, и очень возможно (хотя это фактъ недоказанный), что физіологическія условія плодородія обнаруживаются въ высшей степени, когда продовольствіе пищи ограниченно. Но пусть каждый, кто пожелаетъ вывести изъ этого предположенія (принимая даже его за фактъ науки) заключенія противоположныя выводамъ Мальтуса—взглянетъ на родословіе англійской аристократіи (peerage), чтобъ убѣдиться, какъ многочислены семейства въ этомъ классѣ, или припомнитъ, какія огромныя семейства представляетъ намъ англійское духовенство и вообще средній классъ Англіи: и въ такомъ случаѣ неограниченное число рожденій отъ каждаго брака въ болѣе достаточныхъ классахъ Великобританіи служитъ явнымъ опроверженіемъ теоріи Доблдэ.

Не точное понятіе закона народонаселенія, происходитъ впрочемъ, не отъ этихъ теорій, но вообще отъ неопредѣленнаго сознанія причинъ, которыя почти вездѣ и всегда останавливаютъ возможное возростаніе человѣческаго рода.

Эти причины не составляютъ тайны; онѣ дѣйствуютъ

(*) Doubleday The true law of population.

открыто. Что препятствуетъ поколѣнію зайцевъ и кроликовъ покрыть всю сушу земнаго шара? Конечно, не недостатокъ въ плодородіи, но причины совершенно различныя: множество враговъ, ихъ истребляющихъ, и недостатокъ въ средствахъ къ существованію; находя ограниченное продовольствіе, они сами служатъ пищею для другихъ. Для человѣческаго рода война и болѣзни замѣняютъ это послѣднее препятствіе его неограниченному возростанію; но, кромѣ того, другія обстоятельства высшаго порядка полагаютъ преграду размноженію человѣческаго рода. Еслибъ оно совершалось подъ вліяніемъ одного инстинкта, какъ мы это видимъ между животными, то оно ограничивалось бы тѣми же условіями, которыя существуютъ для послѣднихъ; физическая организація опредѣляла бы число рожденій и смерть останавливала движеніе народонаселенія. Но дѣятельность человѣческая находится болѣе или менѣе подъ вліяніемъ предусмотрительности и побужденій болѣе высшихъ нежели животный инстинктъ. Люди не размножаются какъ животныя, но способны, хотя не всѣ въ равной степени, руководиться благоразуміемъ и чувствомъ любви, которыя останавливаютъ ихъ производить на свѣтъ существа, рождаемыя на горе, въ жертву преждевременной смерти. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ возвышается надъ животнымъ состояніемъ, движеніе народонаселенія удерживается болѣе боязнью нужды, нежели самою нуждою. Нѣтъ голода, но есть еще опасеніе лишиться удобствъ, съ которыми соединено извѣстное положеніе въ обществѣ. До-сихъ-поръ эти двѣ причины были довольно-побудительны въ своемъ вліяніи на общую массу человѣчества, противодѣйствуя его стремленію размножаться. Большинство средняго и низшаго класса женится обыкновенно рано, разъ, когда молодые люди вышли изъ-подъ надзора, если они могутъ толь-

ко содержать свое семейство, сохраняя то же положеніе въ обществѣ, въ которомъ они сами родились, или съ которымъ они свыклись. Впрочемъ, въ среднемъ классѣ мы уже встрѣчаемъ много примѣровъ, гдѣ желаніе улучшить свои обстоятельства полагаетъ новое препятствіе къ совершенію браковъ; но рѣдко оно встрѣчается или оказываетъ свое дѣйствіе въ рабочемъ классѣ. Если рабочіе могутъ вырастить дѣтей своихъ, какъ выростали сами, то это удовлетворяетъ даже самыхъ благоразумныхъ между ними. Рѣдко даже они думаютъ объ этомъ, но полагаются на судьбу или на средства, которыя доставляетъ законная и частная благотворительность.

Въ дикомъ состояніи общества, примѣръ котораго намъ представляетъ Европа въ средніе вѣка, или которое мы находимъ въ настоящее время во многихъ частяхъ Азіи, голодъ удерживаетъ движеніе народонаселенія. Голодъ, обыкновенно слѣдуетъ за неурожаями, которые тогда повторялись чаще и въ размѣрахъ болѣе ужасныхъ. Въ это тяжелое время нужда и болѣзни, обыкновенно ее сопровождающія, уносили массу народонасенія, которое опять размножалось въ слѣдующіе благопріятные годы, чтобъ снова подвергнуться жестокому опустошенію.

Въ совершеннѣйшемъ состояніи общества возростаніе народонаселенія ограничивается не чрезвычайною смертностью, но уменьшеніемъ числа рожденій. Различныя причины производятъ этого рода ограниченіе. Во многихъ странахъ, какъ мы выше замѣтили, оно бываетъ слѣдствіемъ благоразумія или совѣстливости. Рабочій народъ свыкся съ извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ; онъ видитъ, что съ многочисленнымъ семействомъ онъ теряетъ это положеніе, по-крайней-мѣрѣ не въ силахъ передать его своимъ дѣтямъ, и это сознаніе удерживаетъ его отъ вступленія въ бракъ. Въ Нор-

вегіи и нѣкоторыхъ частей Швейцаріи издавна жители обнаруживали въ высшей степени это добровольное благоразуміе. Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія о нихъ въ этомъ отношеніи. Мальтусъ приводитъ многіе факты, которые пополнены послѣдующими свидѣтельствами. Въ обѣихъ этихъ странахъ возростаніе народонаселенія очень медленно, и его останавливаетъ не превышающая смертность, но ограниченное число рожденій. Здѣсь число родившихся и умершихъ чрезвычайно мало въ отношеніи къ народонаселенію существующему, которое заключаетъ меньшее число дѣтей и бо̀льшее число взрослыхъ людей, нежели въ другихъ странахъ Европы, и представляетъ намъ также наибольшую среднюю продолжительность жизни. Замѣчательно, что жители этихъ обѣихъ странъ — преимущественно малые землевладѣльцы.

Въ другихъ случаяхъ правительство, для блага народа, обязываетъ его къ этому благоразумію и предусмотрительности, не дозволяя брака прежде нежели вступающіе въ него покажутъ, что они имѣютъ средства для безбѣднаго существованія. При этихъ законахъ народъ, какъ многіе свидѣтельствуютъ, находится въ хорошомъ положеніи и число незаконнорожденныхъ дѣтей не такъ велико, какъ можно бы ожидать.

Есть страны, гдѣ не личное благоразуміе, но существующіе обычаи полагаютъ подобное же препятствіе. Въ земледѣльческихъ округахъ Англіи, въ прошедшемъ столѣтіи, затрудненіе найдти котэджъ–избу для жилья останавливало возростаніе народонаселенія. Неженатые работники обыкновенно жили вмѣстѣ съ хозяевами, которые содержали ихъ; женатые работники имѣли свои котэджи; и такъ–какъ, въ силу законовъ англійскихъ, приходъ обязанъ содержать бѣдныхъ, остающихся безъ работы, то землевладѣльцы, чтобъ

избѣжать этой тягости, препятствовали бракамъ, не позволяя строиться на своей землѣ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія война и фабрики требовали большаго числа людей, и поощрять размноженіе народонаселенія было дѣломъ патріотическимъ; около же этого времени фермеры, благодаря высокимъ цѣнамъ естественныхъ произведеній, измѣнили свой простой образъ жизни и удалили отъ себя работниковъ, принудивъ ихъ жить въ особенныхъ котэджахъ, строить которые землевладѣльцы уже болѣе не препятствовали имъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ давній обычай, запрещавшій дѣвушкѣ выходить замужъ прежде нежели она сама выпрядетъ и соткетъ свое приданое, служилъ достаточнымъ препятствіемъ къ движенію народонаселенія. Въ Англіи, въ настоящее время, вліяніе благоразумія обнаруживается въ уменьшеніи числа браковъ въ мануфактурныхъ округахъ, когда торговля находится въ худомъ положеніи.

Но какія бы ни были причины, вслѣдствіе которыхъ возростаніе народонаселенія ограничивается въ тѣсныхъ предѣлахъ, всякое уменьшеніе этихъ препятствій расширяетъ эти предѣлы. Каждое улучшеніе въ положеніи рабочаго представляетъ только временную льготу, которой онъ лишается, быстро увеличивая число своего класса. Рабочіе обыкновенно пользуются каждою выгодною перемѣною въ своихъ обстоятельствахъ, чтобъ увеличить народонаселеніе, и лишаютъ поколѣніе послѣдующее благодѣтельныхъ результатовъ этой перемѣны.

Такимъ-образомъ трудъ, выраженный массою народонаселенія, не представляетъ съ своей стороны препятствія къ возростанію произвожденія, въ размѣрахъ неопредѣленныхъ, съ безостановочною быстротою. Народонаселеніе ростетъ въ единообразной, геометрической прогресіи. Еслибъ толь-

ко трудъ былъ необходимымъ условіемъ произвожденія, то, естественно, продукты возростали бы въ той же пропорціи, безпредѣльно, пока недостатокъ въ пространствѣ обитаемомъ не положилъ бы границу размноженію рода человѣческаго. Теперь перейдемъ ко второму средству произвожденія то есть къ капиталу.

Во всякой странѣ, и въ цѣломъ свѣтѣ, число народонаселенія соразмѣряется съ средствами существованія, запасенными изъ произведеній труда прошедшаго, въ ожиданіи приложенія новаго труда въ настоящее время. Число производительныхъ работниковъ въ каждой странѣ и цѣломъ свѣтѣ не можетъ быть болѣе нежели сколько капиталъ въ состояніи прокормить. Мы должны поэтому изслѣдовать теперь условія возростанія капитала, причины, способствующія этому возрастанію, и его предѣлы.

Такъ-какъ капиталъ — результатъ сбереженія, то есть воздержанія отъ потребленія произведеній труда, въ настоящее время ради послѣдующихъ выгодъ, то возростаніе капитала должно зависѣть отъ двухъ обсоятельствъ: отъ величины достоянія, или фонда, изъ котораго можетъ быть сдѣлана экономія, и отъ расположенія, побуждающаго къ бережливости.

Достояніе или фондъ, изъ котораго дѣлается экономія, представляетъ избытокъ произведеній труда, за удовлетвореніемъ всѣхъ жизненныхъ потребностей лицъ, содѣйствовавшихъ ихъ произвожденію. Болѣе этого избытка невозможно экономизировать, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, но сберечь цѣлый избытокъ возможно, хотя это никогда не дѣлается. Этотъ избытокъ есть также достояніе, доставляющее производителямъ всѣ наслажденія, кромѣ предметовъ первой необходимости; это есть достояніе, насчетъ котораго существуютъ лица не прямо

участвующія въ произвожденіи, и изъ котораго, наконецъ, извлекаются всѣ прибавленія къ капиталу. Это чистый приходъ, получаемый отъ произвожденія страны Выраженіе *приходъ* принимается очень часто въ болѣе тѣсномъ значеніи барышей капиталиста, или доходовъ землевладѣльца; но мы придаемъ ему болѣе обширное значеніе. Доходъ работника составляется изъ капитала промышленика; и если онъ превышаетъ удовлетвореніе первыхъ потребностей жизни, то онъ доставляетъ ему избытокъ, который они могутъ сберечь или истратить на свои удовольствія Говоря о чистомъ приходѣ, мы во всякомъ случаѣ будемъ включать этотъ избытокъ. Чистый приходъ въ этомъ значеніи, слѣдственно, служитъ намъ мѣриломъ производящихъ силъ страны; онъ показываетъ, что она можетъ употребить для блага общественнаго или для личныхъ прихотей; онъ выражаетъ часть произведеній, которою страна можетъ располагать по своему произволу, которая можетъ быть приложена для достиженія всевозможныхъ цѣлей, для удовлетворенія всѣхъ желаній правительства или частныхъ лицъ, которую, наконецъ, она можетъ истратить или для своего удовольствія, или сберечь для будущихъ выгодъ.

Величана этого фонда, этотъ чистый приходъ, этотъ избытокъ произведеній, за удовлетвореніемъ физическихъ потребностей производителей, составляетъ одинъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ величину экономіи. Чѣмъ болѣе остается произведеній труда, за удовлетвореніемъ жизненныхъ потребностей трудящихся, тѣмъ болѣе произведеній можетъ быть сбережено. Тотъ же элементъ способствуетъ отчасти къ опредѣленію, сколько сберегается ихъ на самомъ дѣлѣ. Надежда извлечь доходъ изъ экономіи, положительный фактъ, что капиталъ, употребляемый въ произвожденіи, не только

воспроизводится, но еще наростаетъ, побуждаютъ къ сбереженію. Чѣмъ болѣе прибыли получается отъ капитала, тѣмъ побужденіе копить сильнѣе. Оно развивается не подъ вліяніемъ полнаго фонда, доставляющаго матеріалъ или средства для сбереженія, ни также подъ вліяніемъ полнаго прихода, доставляемаго землею, капиталомъ и трудомъ страны, но только часть этого прихода, часть, составляющая возмездіе капиталиста и называемая барышомъ, производитъ это побужденіе. Легко понять, однакожь, даже безъ послѣдующихъ объясненій, что, когда общая производительность труда и капиталъ велики, прибыль капиталиста въ этомъ случаѣ, естественно, бываетъ такъже велика; между этими величинами существуетъ извѣстная, хотя неединообразная пропорція.

Но расположеніе къ бережливости не зависитъ совершенно отъ внѣшняго побужденія, отъ прибыли, извлекаемой изъ экономіи. При одинаковомъ денежномъ интересѣ, склонность къ бережливости можетъ быть не одинакова у различныхъ людей, въ различныхъ обществахъ. Дѣйствительное желаніе копить бываетъ неравносильно, смотря по различію личнаго характера, по состоянію общества и его образованности; подобно всѣмъ нравственнымъ качествамъ, оно измѣняется въ человѣческомъ родѣ, согласно съ разнообразіемъ обстоятельствъ, въ которыхъ живутъ его различныя семейства, и съ степенью ихъ просвѣщенія.

Подробное изслѣдованіе этого предмета не можетъ быть сжато въ тѣсныхъ предѣлахъ нашего элементарнаго сочиненія; но мы съ особеннымъ удовольствіемъ укажемъ на книгу, къ несчастью, малоизвѣстную, которая бросаетъ совершенно новый свѣтъ на причины, опредѣляющія накоп-

пленіе капитала—это «новыя основанія Политической Экономіи Г. Рэ.» (*)

Всякое накопленіе капитала предполагаетъ пожертвованіе настоящаго для блага будущаго; но дѣйствительность этой жертвы и, еще болѣе, расположеніе къ ней, весьма измѣняются при различныхъ обстоятельствахъ.

Взвѣшивая будущее противъ настоящаго, мы видимъ, что главный элементъ перваго — неизвѣстность послѣдующихъ событій, и что эта неизвѣстность представляетъ намъ различныя степени. «Всѣ обстоятельства (говоритъ авторъ названнаго нами сочиненія), увеличивающія вѣроятность, что мы, или другіе, будемъ пользоваться плодами нашей предусмотрительности въ будущее время, естественно усиливаетъ желаніе копить. Такимъ-образомъ здоровый климатъ, здоровое занятіе, увеличивая вѣроятность жизни продолжительной, увеличиваютъ это желаніе. Жители здоровыхъ странъ, постоянныя занятія которыхъ не соединены съ опасностями, имѣютъ бо́льшую склонность къ бережливости, нежели люди, живущіе въ вредномъ климатѣ и имѣющіе опасные и губительные для здоровья и жизни занятія. Матросы обыкновенно бываютъ моты. Жители Обѣихъ Индій, Новаго Орлеана также расточительны въ своихъ расходахъ; но тѣ же самые люди, переѣзжая въ здоровыя страны Европы, живутъ экономно, если не увлекаются въ вихрѣ моднаго свѣта. Роскошь и расточительность вмѣстѣ съ другими бѣдствіями обыкновенно сопровождаютъ войну и заразу. По тѣмъ же самымъ причинамъ, всѣ обстоятельства, обезпечивающія дѣйствія общества, подкрѣпляютъ правила бережливости. Порядокъ, господство власти законовъ, продолжительный миръ оказываютъ въ этомъ отно-

(*) New principles of Political Economy by M-r Rae. Boston. U. S.

шеніи значительное вліяніе». Чѣмъ совершеннѣе это обезпеченіе, тѣмъ желаніе копить сильнѣе и дѣйствительнѣе. Гдѣ собственность недостаточно обезпечена, гдѣ состоянія часто и быстро разоряются, тамъ сберегаютъ немногіе, и эти немногіе увлекаются болѣе значительною прибылью на свой капиталъ, чтобъ предпочесть прелесть настоящаго наслажденія сомнительному будущему.

Эти разсужденія имѣютъ вліяніе на выгоды или пользу попеченій объ интерессахъ будущихъ предпочтительно настоящимъ; но расположеніе сдѣлать подобное пожертвованіе не зависитъ единственно отъ этой пользы. Расположеніе къ бережливости часто не удовлетворяетъ требованіямъ разсудка и иногда переходитъ въ другую крайность.

Желаніе копить не довольно сильное происходитъ отъ безпечности или отъ равнодушія къ другимъ. Безпечность находится въ связи съ причинами умственными и нравственными. Частныя лица и общества, которыя стоятъ на низкой степени умственнаго развитія, обыкновенно бываютъ безпечны. Повидимому извѣстная степень умственнаго развитія необходима, чтобъ предметы отсутствующіе, и особенно событія послѣдующія, могли сильно дѣйствовать на воображеніе и на волю. Вліяніе равнодушія къ другимъ также можетъ быть допущено, если мы примемъ въ разсчетъ, какъ много сберегается въ настоящее время, болѣе для интереса другихъ, нежели для нашего собственнаго, напримѣръ: для воспитанія дѣтей, устройства ихъ положенія въ обществѣ, для обезпеченія въ будущемъ другихъ, близкихъ намъ лицъ, и для предметовъ пользы частной и общественной. Еслибъ родъ человѣческій находился въ состояніи умственнаго развитія, къ которому приближались граждане Римской Имперіи въ эпоху ея паденія, незабо-

тившіеся ни о своихъ наслѣдникахъ, ни о друзьяхъ, ни о согражданахъ, ни о чемъ, что переживало ихъ, то люди рѣдко отказывали бы себѣ въ удовлетвореніи прихотей изъ желанія сберечь, развѣ только для обезпеченія своей собственной участи, и въ такомъ случаѣ они обращали бы свое достояніе въ пожизненные доходы, прекращающіеся по ихъ смерти.

Вслѣдствіе дѣятельности этихъ различныхъ причинъ, умственныхъ и нравственныхъ, сила желанія копить, беречь, у различныхъ народовъ чрезвычайно разнообразна.

Низкая степень цивилизаціи вообще бываетъ чаще результатомъ недостатка этого желанія, нежели отсутствія другихъ качествъ, на которыя обращается болѣе вниманія. Напримѣръ, «говорятъ, что обстоятельства, въ которыхъ существуютъ народы, занимающіеся звѣроловствомъ, дѣлаютъ человѣка необходимо безпечнымъ и равнодушнымъ къ своей будущности, потому-что въ этомъ состояніи невозможно съ вѣроятностью предвидѣть будущее и еще менѣе располагать имъ. Кромѣ недостатка въ побудительныхъ причинахъ къ обезпеченію будущихъ нуждъ настоящими средствами, эти люди не привыкли ни къ соображенію, ни къ дѣятельности, которая необходима, чтобъ связать въ умѣ постоянною цѣпью эти отдаленные пункты и рядъ событій, ихъ соединяющихъ. Поэтому, если даже причины достаточно побудительны, чтобъ вызвать дѣятельность, необходимую для сочетанія настоящаго съ будущимъ, то остается еще пріучить умъ, размышлять и дѣйствовать такимъ образомъ, чтобъ на дѣлѣ осуществить это сочетаніе.» (*)

Этотъ взглядъ подтверждается наблюденіями іезуитовъ

(*) J. Rae. p. 136.

въ ихъ опытахъ просвѣщенія парагвайскихъ индійцевъ; они совершенно пріобрѣли довѣріе этихъ дикарей. Своимъ вліяніемъ они принудили ихъ совершенно измѣнить свой образъ жизни. Дикари безпрекословно слушались ихъ и повиновались имъ. Іезуиты возстановили миръ, научили ихъ всѣмъ работамъ европейскаго земледѣлія и многимъ другимъ, болѣе труднымъ искусствамъ. «Вездѣ были видны, говоритъ Шарльвуа (Charlevoix), мастерскія золотильщиковъ, живописцевъ, скульпторовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, часовщиковъ, плотниковъ, красильщиковъ, и пр.» художники-индійцы упражнялись въ этихъ занятіяхъ не для личныхъ выгодъ; произведенія были въ полномъ распоряженіи миссіонеровъ, которые управляли народомъ властью добровольнаго деспотизма. Такимъ-образомъ, препятствія, происходящія отъ отвращенія къ труду, были совершенно побѣждены. Настоящее затрудненіе къ успѣхамъ цивилизаціи заключалось въ безпечности, въ отсутствіи способности думать о будущемъ, и затѣмъ слѣдующей необходимости постояннаго и непрестаннаго надзора миссіонеровъ... Такимъ-образомъ, если имъ поручалось смотрѣть за волами, которыми они пахали, то они, по своей безпечности, оставляли ихъ на всю ночь въ ярмѣ или, еще хуже, бывали примѣры, что они закалывали ихъ на ужинъ, отвѣчая на выговоръ и упрекъ однимъ оправданіемъ, что они были голодны...»—«Эти іезуиты» (говоритъ Юллоа) принуждены были посѣщать ихъ жилища и узнавать въ чемъ дѣйствительно они нуждались, потому-что, безъ этого попеченія, индійцы сами не заботились бы ни о чемъ. Они должны были присутствовать, когда убивали животныхъ не только для того, чтобъ поровну раздѣлить мясо, но также, чтобъ устранить безполезную трату. Несмотря. однакожь, на эту заботливость и надзоръ, на всѣ

предосторожности для предупрежденія недостатка въ первыхъ жизненныхъ потребностяхъ, миссіонеры нерѣдко бывали въ затруднительномъ положеніи. Случалось часто, что индійцы не запасали зерноваго хлѣба въ достаточномъ количествѣ для посѣва. Что касается другихъ продовольствій, то, еслибъ не было хорошаго присмотра, они скоро бы остались безъ средствъ къ поддержанію жизни.» (*)

Какъ средній примѣръ силы и дѣйствительности желанія копить между порядкомъ вещей, нами описаннымъ и новымъ европейскимъ обществомъ, общество китайское заслуживаетъ особеннаго вниманія. Судя по различнымъ обстоятельствамъ ихъ частной и общественной жизни, можно предполагать, что они имѣютъ болѣе благоразумія и самоуправленія (self-government), нежели другіе азіатскіе народы, по ниже въ этомъ отношеніи бо̀льшей части европейскихъ народовъ, и слѣдующій очеркъ ихъ быта подтверждаетъ справедливость этого факта.

«Прочность — одно изъ главныхъ качествъ, выражающихъ высокую степень бережливости и желанія копить. Описанія всѣхъ путешественниковъ показываютъ, что всѣ орудія, употребляемыя китайцами, имѣютъ гораздо меньшую крѣпость, нежели европейскія. Ихъ домы, исключая палатъ знатныхъ лицъ, построены изъ необожженныхъ кирпичей, изъ глины или изъ хвороста, смазаннаго грязью и покрыты тростникомъ. Невозможно представить себѣ строеній менѣе прочныхъ; внутреннія перегородки сдѣланы изъ бумаги и возобновляются ежегодно. Въ этомъ же родѣ вся ихъ хозяйственная и домашняя рухлядь; она вся почти сдѣлана изъ дерева, и металлъ въ очень незначительной пропорціи входитъ въ составъ ея; поэтому она

(*) Rae p. 141.

очень скоро становится негодною къ употребленію и требуетъ частаго возобновленія. Высокая степень бережливости, сильнѣйшее желаніе копить принуждали бы китайцевъ дѣлать эти предметы изъ болѣе дорогихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе прочныхъ матеріаловъ. По той же самой причинѣ большое пространство земли, которое въ другихъ странахъ находилось бы въ обработанномъ состояніи, остается тамъ невоздѣланнымъ. Всѣ путешественники упоминаютъ объ обширныхъ полосахъ земли, которая вся состоитъ изъ болотъ и которая пребываетъ въ первобытномъ, естественномъ положеніи. Чтобъ обратить болото въ пашню, требуется нѣсколько лѣтъ труда: оно должно быть предварительно осушено, поверхность его предоставлена продолжительному дѣйствію солнца, и рядъ разнообразныхъ работъ производится надъ нимъ, прежде нежели оно бываетъ совершенно готово для посѣва. Хотя подобная земля, безъ сомнѣнія, принесетъ значительное вознагражденіе за трудъ, на нее положенный, но это вознагражденіе приходитъ по прошествіи долгаго времени. Воздѣлываніе подобной земли предполагаетъ сильнѣйшее желаніе копить, котораго не существуетъ у китайцевъ.

«Хлѣбъ, (какъ продолжаетъ Рэ), всегда представляетъ средство, служащее для различныхъ цѣлей, какъ продовольствіе для будущихъ нуждъ, и управляется тѣми же законами, которымъ подчиняются другія средства, съ нимъ однородныя. Рисъ—единственный зерновой хлѣбъ, воздѣлываемый въ Китаѣ; онъ даетъ два урожая: одинъ въ іюнѣ, другой въ октябрѣ. Каждый годъ китайцы принуждены, слѣдовательно, запасать продовольствіе въ-теченіе этого времени только на восемь мѣсяцевъ, отъ октября до іюня, и степень воздержанія, необходимая, чтобъ сберечь себя отъ нужды, выражаетъ способность ихъ сближать крайнія эпохи

землевоздѣлыванія, раздѣленныя этимъ восьмимѣсячнымъ періодомъ. И это воздержаніе, какъ видно, очень неудовлетворительно. Іезуитъ Парненъ (Parenin), одинъ изъ умнѣйшихъ миссіонеровъ, который долго прожилъ между китайцами, утверждаетъ, что голодъ и недостатки, такъ часто случающіеся въ Китаѣ, происходятъ отъ малой предусмотрительности и неумѣренности».

«Китайцы еще болѣе чѣмъ индійцы представляютъ очевидный примѣръ, что у нихъ безпечность, а не отсутствіе промышлености ограничиваетъ произожденіе. Такимъ-образомъ, значительные успѣхи, сдѣланные ими въ наукахъ и искусствахъ, въ приложеніи къ физическимъ условіямъ страны и къ нуждамъ ея жителей, сообщаютъ дѣятельность и энергію ихъ промышлености именно въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оборотъ совершается быстро, гдѣ орудія производятъ въ короткое время явленія, для которыхъ они предназначены. Теплый климатъ, плодоносіе страны, знаніе земледѣлія, открытіе и постепенное усвоеніе каждой почвѣ полезнѣйшихъ растеній даютъ возможность китайцамъ извлекать выгоду почти изъ всякой земли, съ избыткомъ вознаграждающую трудъ, положенный на ея воздѣлываніе. Такой хлѣбъ, какъ рисъ, при ихъ искусствѣ, родится въ изобиліи почти на каждой почвѣ, которая только можетъ быть прямо обращена въ пашню, и каждый клочокъ земли, удобно и непосредственно обработываемый, воздѣлывается. Поля тянутся по холмамъ, даже на высотахъ горъ, въ видѣ террасъ; вода, главный производительный дѣятель въ этой странѣ, проводится къ нимъ въ каналахъ, или подымается посредствомъ очень простыхъ и остроумныхъ гидравлическихъ машинъ, съ незапамятныхъ временъ употребляемыхъ этимъ народомъ; а качество почвы, обыкновенно состоящей изъ толстаго слоя чернозема,

даже въ гористыхъ мѣстностяхъ облегчаетъ воздѣлываніе. Но эта готовность приложенія труда къ дѣятельности, наиболѣе затруднительной (если только она быстро ведетъ къ цѣли) особенно обнаруживается на искусственныхъ островахъ, которые китайцы устроиваютъ, наподобіе перуанскихъ пловучихъ садовъ, на плотахъ, покрытыхъ слоемъ растительной почвы. Ничто не можетъ сравниться съ ихъ роскошною растительностью, развивающеюся на богатой почвѣ, при обильной влажности, подъ живительнымъ вліяніемъ благотворнаго солнца. Другое явленіе, какъ мы видѣли, представляется намъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ трудъ находитъ также значительное, но отдаленное вознагражденіе. Европейскіе путешественники удивляются, встрѣчая эти маленькія пловучія фермы рядомъ съ болотами, которыя стоитъ только осушить—и онѣ превратятся въ пашни. Для нихъ странно, что трудъ, съ большою пользою обращаемый на твердую землю, гдѣ результаты его существуютъ долѣе, прилагается на такую эфемерную работу, которая должна погибнуть и разрушиться въ нѣсколько лѣтъ. Китайцы, между которыми жили эти путешественники, думаютъ менѣе о будущности, нежели о настоящемъ времени. Желаніе копить у обоихъ представляется въ весьма различной степени. Взглядъ европейца обнимаетъ отдаленное будущее и онъ удивляется китайцу, который своею собственною беззаботностью и безпечностью осуждаетъ себя на непрестанный утомительный трудъ и бѣдствія. Взглядъ китайцевъ ограничивается тѣсными предѣлами: они довольствуются жить день за день, и привыкли считать блаженствомъ даже эту трудную жизнь.» (*)

(*) Rae. pp. 151—155.

Когда произвожденіе страны достигло извѣстной степени, соотвѣтствующей успѣхамъ знанія и желанію копить, тогда для нея наступаетъ состояніе неподвижности, при которомъ невозможно дальнѣйшее приращеніе капитала, развѣ искусства и ремесла производительныя усовершенствуются и усиливается желаніе копить. Въ состояніи неподвижности или коснѣнія, хотя капиталъ въ общей массѣ не возрастаетъ, но лица богатѣютъ, между-тѣмъ, какъ другіе, именно тѣ, предусмотрительность которыхъ ниже обыкновеннаго мѣрила, дѣлаются бѣднѣе. Эти люди утрачиваютъ свой капиталъ, обращающійся въ экономію людей болѣе попечительныхъ, имѣющихъ сильнѣйшее желаніе копить, и которые, естественно, дѣлаются владѣтелями земель, мануфактуръ и другихъ орудій произвожденія, принадлежавшихъ прежде менѣе предусмотрительнымъ соотечественникамъ.

Въ Китаѣ, если дѣйствительно эта страна достигла, какъ общее мнѣніе предполагаетъ, состоянія неподвижности, желаніе копить поддерживается только очень значительною прибылью. Это доказываютъ существующіе тамъ высокіе проценты: двѣнадцать процентовъ составляютъ законами опредѣленный ростъ, который на самомъ дѣлѣ измѣняется отъ восьмнадцати до тридцати-шести процентовъ. Изъ этого должно заключить, что весь свободный капиталъ, въ этой странѣ существующій, доставляетъ высокую прибыль, и что прибыль меньшая не представляетъ для китайца достаточнаго побужденія къ воздержанію и ограниченію его потребленія. Какая разница съ Голландіею, гдѣ въ самый цвѣтущій періодъ ея исторіи правительство обыкновенно заключало заемъ за два процента, а частные люди за три процента, разумѣется, съ вѣрнымъ обезпеченіемъ!

До-сихъ-поръ мы говорили о такихъ странахъ, гдѣ же-

ланіе копить на низшей степени развитія, несоотвѣтствующей требованіямъ разсудка и здраваго разсчета. Въ другихъ обществахъ это желаніе переходитъ въ крайность. Въ самыхъ благоденствующихъ странахъ Европы, правда мы находимъ множество расточителей, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже люди, существующіе трудомъ механическимъ, не отличаются весьма большою бережливостью и предусмотрительностью, несмотря на то, въ торговомъ, фабричномъ и вообще промышленныхъ классахъ этихъ обществъ, имѣющихъ, говоря вообще, болѣе средствъ и болѣе побудительныхъ причинъ къ бережливости, желаніе копить такъ сильно, что мы вездѣ встрѣчаемъ несомнѣнные признаки быстро возростающаго богатства. Огромная масса капиталовъ, постоянно ищущихъ помѣщенія, поражаетъ насъ, когда, при особенныхъ обстоятельствахъ, часть ихъ обращается въ одинъ каналъ, напримѣръ, на проведеніе желѣзной дороги или на другое спекулятивное предпріятіе, и обнаруживаетъ существующее обиліе капиталовъ.

Въ Англіи, Голландіи и многихъ другихъ странахъ Европы, чтобъ возбудить желаніе копить, не требуется такой большой прибыли, которая необходима, мы видѣли, въ обществахъ азіатскихъ. Прибыль незначительная вызываетъ уже это желаніе, и возростаніе капиталовъ не слабѣетъ въ наше время, напротивъ, оно происходитъ быстрѣе, нежели когда-нибудь, и мы не видимъ признаковъ истощенія въ этомъ второмъ средствѣ увеличенія произвожденія. Въ отношеніи этого элемента можно, слѣдственно, съ утвердительностью сказать, что возростаніе произвожденія не ограничивается положенными предѣлами.

Нѣтъ сомнѣнія, что если прибыль на капиталъ еще понизится, то это будетъ значительнымъ препятствіемъ къ его дальнѣйшему накопленію. Но почему возможное воз-

ростаніе капитала должно повести за собою пониженіе прибыли,—этотъ вопросъ приводитъ насъ къ третьему элементу произвожденія то есть къ землѣ. Такъ-какъ ограниченіе произвожденія не обозначается необходимыми предѣлами возростанія труда и капитала, то мы должны обратиться къ свойствамъ его послѣдняго элемента, въ самомъ себѣ ограниченнаго по своему количеству, отъ которыхъ оно должно зависѣть.

Земля отличается отъ другихъ элементовъ произвожденія—труда и капитала, ограниченностью своего возростанія. Пространство ея, говоря вообще, ограниченно, а количество земли болѣе производительной заключается еще въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ; очевидно также, что количество продуктовъ, добываемыхъ или получаемыхъ съ извѣстнаго участка земли необходимо ограниченно: такимъ-образомъ пространство земли и ея производительность полагаютъ истинные предѣлы наросту произвожденія.

Существованіе этихъ предѣловъ было ясно и очевидно для всѣхъ; но такъ-какъ конечная граница еще не достигнута—потому-что ни въ одной странѣ воздѣлываніе земли пахатной не доведено до такой степени, чтобъ количество получаемаго продукта не могло быть увеличено, потому-что большая часть поверхности земнаго шара до сихъ-поръ находится въ невоздѣланномъ состояніи—то вообще думаютъ (и это мнѣніе очень естественно), что въ настоящее время мы еще очень отдалены отъ этой границы произвожденія и что вѣка пройдутъ прежде, нежели обнаружится дѣйствительная необходимость принять въ разсчетъ этотъ предѣлъ.

Я считаю это мнѣніе заблужденіемъ и, можетъ-быть, самымъ вреднымъ въ цѣлой исторіи Политической Экономіи, потому-что вопросъ о предѣлахъ производительности земли обнимаетъ причины бѣдности и нищеты въ богатыхъ и промышленныхъ странахъ. Прежде нежели мы перейдемъ,

къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ мы должны совершенно разъяснить его.

Ограниченіе, полагаемое произвожденію свойствами почвы, не есть препятствіе, разомъ, вдругъ его останавливающее, какъ неподвижная стѣна, подымающаяся на извѣстной чертѣ. Мы можемъ приличнѣе сравнить его съ преградою, раздающеюся, въ высшей степени упругою, которая, какъ бы ее сильно ни натягивали способна еще къ дальнѣйшему растяженію; но давленіе ея ощутительно гораздо прежде, нежели мы достигаемъ конечнаго предѣла, и чѣмъ ближе мы къ нему приближаемся, тѣмъ оно чувствительнѣе.

Когда земледѣліе сдѣлало нѣкоторые успѣхи, когда человѣчество стало заниматься съ бо́льшею энергіею воздѣлываніемъ земли и стало употреблять довольно сносныя земледѣльческія орудія, съ этого времени обнаружился законъ ея производительности, утверждающій, что, при извѣстномъ состояніи земледѣлія, съ увеличеніемъ труда, количество ея продуктовъ не возростаетъ въ соразмѣрной степени, двойная работа не удваиваетъ ихъ, или, говоря другими словами, возростаніе ихъ достигается соразмѣрно бо́льшимъ приложеніемъ труда.

Этотъ общій законъ земледѣльческой промышлености представляетъ самое важное предложеніе въ Политической Экономіи. Еслибъ эта промышленость находилась подъ вліяніемъ другаго закона, то произвожденіе и раздѣленіе богатства совершались бы иначе. До-сихъ-поръ важныя и коренныя заблужденія господствуютъ относительно предмета, нами разсматриваемаго, потому-что дѣятельность этого закона не замѣчается за болѣе поверхностнымъ, болѣе обнаруженнымъ дѣйствіемъ другихъ дѣятелей, на которомъ вниманіе останавливается и которое ошибочно принимается за конечную причину. Эти дѣятели имѣютъ вліяніе на форму и спо-

собы развитія и проявленіе земледѣльческой промышленности; но сущность ея опредѣляется только этимъ закономъ.

Когда, съ цѣлью увеличить количество продуктовъ, люди воздѣлываютъ худую землю, въ этомъ случаѣ очевидно, что продукты не возростаютъ въ одинаковой пропорціи съ трудомъ. Самое названіе *худой* земли указываетъ, что она, при одинаковомъ количествѣ труда, къ ней приложеннаго, доставляетъ меньшее количество продуктовъ. Худыя качества земли зависятъ или отъ ея неплодородія или отъ ея невыгоднаго положенія. Въ первомъ случаѣ она требуетъ соразмѣрно бо̀льшаго труда для возращенія продуктовъ, во второмъ случаѣ этотъ трудъ необходимъ для провоза ихъ на рынки. Если земля *A*, при извѣстныхъ расходахъ, идущихъ на заработную плату, удобреніе и пр., доставляетъ тысячу четвертей пшеницы, и хозяинъ, чтобъ получить другую тысячу четвертей, принужденъ воздѣлывать другую землю *B*, которая менѣе плодородна, или болѣе удалена отъ рынка, то двѣ тысячи четвертей обойдутся ему дороже двойныхъ расходовъ и труда возращенія первой тысячи. Количество земледѣльческаго продукта увеличивается, слѣдственно, въ ме́ньшей пропорціи, нежели трудъ и капиталъ, употребленные на полученіе его.

Вмѣсто того, чтобъ воздѣлывать землю *B*, возможно, при болѣе усовершенствованномъ обработываніи, увеличить производительность земли *A*. Напримѣръ, она можетъ быть два и три раза вспахана или взборонена вмѣсто одного, или вскопана лопатою, или выполона съ большимъ тщаніемъ; употребляемыя земледѣльческія орудія могутъ быть болѣе совершеннаго устройства, или окончательнѣе отдѣланы; наконецъ, земля можетъ быть унавожена удобреніями болѣе цѣнными, или въ бо́льшемъ количествѣ—вотъ нѣсколько способовъ, посредствомъ которыхъ возможно увеличить

урожай земли и которые обыкновенно употребляются для достиженія этой цѣли. Но что эта цѣль достигается при соразмѣрно большомъ увеличеніи расходовъ, доказываетъ это очевидно обработываніе худой земли. Земля худая, не столь плодородная, или которая находится на большомъ разстояніи отъ рынковъ, конечно, доставляетъ меньшій приходъ, и только съ увеличеніемъ издержекъ и цѣны произведенія можетъ продовольствовать при возростающемъ запросѣ. Еслибъ однѣ богатыя земли могли удовлетворить этому запросу, разумѣется, съ прибавленіемъ новаго капитала и новаго труда, но безъ издержекъ пропорціонально бо̀льшихъ, нежели расходы первоначальныхъ урожаевъ, то владѣльцы этихъ земель могли бы располагать рынками, пользуясь исключительною монополіею. Владѣльцы, безъ сомнѣнія, могли бы воздѣлывать менѣе плодородныя земли или болѣе удаленныя, но только для собственнаго продовольствія, а не для прибыли. Выгода, довольно значительная для привлеченія капиталовъ, приносимая на самомъ дѣлѣ воздѣлываніемъ этой земли, представляетъ уже фактъ, свидѣтельствующій, что обработываніе земель высшаго достоинства достигло предѣла, за которымъ приложеніе новаго труда, новаго капитала не приноситъ прибыли болѣе значительной.

Тщательное воздѣлываніе земли въ земледѣльческихъ округахъ Англіи и Шетландіи есть признакъ и слѣдствіе тяжкихъ условій, на которыхъ почва увеличиваетъ свое плодородіе. Подобное старательное обработываніе сто̀итъ гораздо болѣе, относительно, чѣмъ обыкновенная поверхностная система сельскаго хозяйства; оно только прибыльно при высшихъ цѣнахъ продуктовъ и усвоивается только потому, что нѣтъ доступа къ землѣ нетронутой и одинаково плодородной. Поэтому болѣе усовершенствованные евро-

пейскіе способы воздѣлыванія никогда не прилагаются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ всегда существуетъ въ запасѣ еще нетронутая, доброкачественная земля для произвожденія лишняго продовольствія, требуемаго обществомъ. Въ этихъ мѣстностяхъ высшая производительность земли обыкновенно возбуждается въ такой только степени, въ какой она доставляетъ наибо́льшій приходъ, въ соразмѣрности съ трудомъ и капиталомъ, на нея положенными, но не болѣе. Свободный трудъ, остающійся въ избыткѣ, прилагается къ другимъ отраслямъ промышлености.

Нѣтъ сомнѣнія, что приведенный здѣсь законъ произвожденія земли долженъ быть допущенъ только съ извѣстными объясненіями и ограниченіями. Возможно, что, расходуя новый капиталъ и бо́льшой трудъ для улучшенія почвы посредствомъ осушенія, или постоянно дѣйствующаго удобренія, мы получаемъ щедрое вознагражденіе даже отъ земли, въ высшей степени воздѣланной, которая, при одномъ увеличеніи труда, не приноситъ дохода, въ соразмѣрности съ расходами; но это не разрушаетъ основнаго закона.

Что произведенія земли возростаютъ, между-прочимъ, въ соразмѣрно-ме́ньшей пропорціи къ труду употребленному, есть, слѣдственно, всеобщій законъ земледѣльческой промышлености. Законъ этотъ, однакожь, былъ отвергаемъ, основываясь на доказательствахъ, заимствованныхъ изъ опыта, что земля доставляетъ произведенія въ бо́льшемъ количествѣ въ настоящее время, когда бо́льшій капиталъ прилагается къ земледѣлію, нежели въ первобытную или раннюю эпоху воздѣлыванія земли. Утверждаютъ, что даже самая худая земля, воздѣлываемая въ наше время, даетъ болѣе произведеній, нежели сколько получали ихъ наши предки отъ самой плодородной земли.

Возможно, что это заключеніе справедливо въ нѣ-

которой степени, хотябы не совершенно. Безспорно, что въ настоящее время мѣньшая часть народонаселенія занимается произвожденіемъ пищи для всѣхъ, чѣмъ въ отдаленныя отъ насъ эпохи бытія человѣческаго рода; но это обстоятельство, однакожь, не доказываетъ, что законъ, о которомъ мы говоримъ, не существуетъ; оно доказываетъ только, что есть противодѣйствующее начало, останавливающее навремя дѣятельность этого закона. Справедливо: такое противодѣйствіе существуетъ въ успѣхахъ цивилизаціи. Я употребляю это общее, неопредѣленное выраженіе потому, что это противодѣйствіе обнаруживается въ необыкновенно-разнообразныхъ явленіяхъ, которыя невозможно обозначить болѣе тѣснымъ и опредѣлительнымъ наименованіемъ.

Здѣсь прежде всего намъ представляются успѣхи земледѣлія. Земледѣльческія усовершенствованія бываютъ двухъ родовъ: одни сообщаютъ землѣ способность производить въ большомъ количествѣ, безъ соразмѣрнаго увеличенія труда; другія усовершенствованія, не умножая произведеній, уменьшаютъ трудъ и расходы ихъ добыванія. Къ первымъ можно отнести улучшенныя плодопеременныя системы, исключающія паръ, возращеніе новыхъ произведеній, выгодно пополняющихъ эти системы. Подобныя усовершенствованія не только даютъ возможность землѣ производить каждый годъ, вмѣсто того, чтобъ оставаться праздною въ теченіе цѣлаго года, каждое трехъ лѣтіе, для возобновленія своей производительности, но также непосредственно увеличиваютъ эту производительность, потому-что умноженіе скота, возможное съ увеличеніемъ корма, доставляетъ въ изобиліи навозъ, удобряющій пашню. Далѣе слѣдуетъ введеніе новыхъ растеній, заключающихъ болѣе питательности, подобно картофелю, и употребляемыхъ въ пищу, или новыхъ видовъ растеній, уже извѣстныхъ,

которыя легче размножаются. Къ этому же классу усовершенствованій должно отнести точнѣйшее изслѣдованіе свойствъ удобреній и болѣе дѣйствительные способы употребленія ихъ, открытіе новыхъ болѣе дѣятельныхъ туковъ, каково, напримѣръ, гуано, и приложеніе къ этой цѣли веществъ, прежде пропадавшихъ даромъ безъ всякаго употребленія, подпочвенное паханье и осушеніе земли посредствомъ глиняныхъ трубъ (drainage), изобрѣтеніе, столь значительно увеличивавшее производительность почвы, улучшенія, сдѣланныя въ размноженіи и откормливаніи скота и т. п.

Другаго рода усовершенствованія, уменьшающія трудъ, не увеличивая производительности земли, заключаются въ улучшенномъ устройствѣ орудій, въ изобрѣтеніи новыхъ инструментовъ, сберегающихъ ручную работу, каковы, напримѣръ, вѣяльная и молотильная машины, въ болѣе искусномъ и экономическомъ приложеніи дѣятельности мускуловъ животныхъ, какъ, напримѣръ, паханье двумя лошадьми, запряженными парой съ однимъ человѣкомъ, вмѣсто трехъ или четырехъ лошадей, впряженныхъ гусемъ, съ двумя работниками и пр. Эти улучшенія, хотя не прибавляютъ къ производительности земли, но также противодѣйствуютъ возвышенію расходовъ произвожденія земледѣльческихъ продуктовъ, при увеличивающемся народонаселеніи и возростающемъ зопросѣ.

Улучшенія въ средствахъ къ сообщенію подобны въ своихъ дѣйствіяхъ земледѣльческимъ усовершенствованіямъ втораго рода. Хорошія дороги то же, что́ хорошіе инструменты. Получаемый результатъ во всякомъ случаѣ одинаковъ: экономизируется ли трудъ, при добываніи произведеній изъ почвы, или въ провозѣ ихъ до мѣста потребленія, не говоря уже о томъ, что самое воздѣлываніе облег-

чается съ уменьшеніемъ расходовъ провоза удобреній изъ мѣстностей отдаленныхъ. Такимъ-образомъ желѣзныя дороги и каналы дѣйствительно уменьшаютъ расходы произвожденія предметовъ, которые сами доставляются по нимъ на рынки, или для которыхъ привозятся матеріалы и другія средства, для ихъ произвожденія необходимыя. При помощи этихъ путей сообщенія могутъ быть воздѣлываемы земли, которыя, при обыкновенныхъ цѣнахъ продуктовъ земледѣльческихъ, не вознаграждали бы хозяина за трудъ и капиталъ. Улучшенія въ мореплаваніи, въ отношеніи къ жизненнымъ припасамъ и матеріаламъ, изъ-за моря привозимымъ, оказываютъ такое же дѣйствіе.

Подобныя разсужденія открываютъ намъ, что многія собственно-механическія усовершенствованія, повидимому неимѣющія особеннаго отношенія къ земледѣлію, даютъ возможность добывать продукты его съ мѣньшою тратою труда. Усовершенствованіе въ процесѣ добыванія желѣза, напримѣръ, способствуетъ удешевленію земледѣльческихъ орудій, уменьшаетъ стоимость желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, телегъ, кораблей, вѣроятно, зданій и многихъ другихъ предметовъ, къ устройству которыхъ желѣзо, по своей дороговизнѣ, еще не прилагается, и тѣмъ самымъ оно должно понизить расходы произвожденія растительной пищи. Подобное же вліяніе оказываютъ усовершенствованія въ процесахъ мануфактурныхъ, которые переработываютъ питающіе продукты, уже извлеченные изъ почвы. Первое приложеніе вѣтра или водяной силы, чтобъ молоть жито, способствовало къ удешевленію хлѣба въ той же степени, какъ и важнѣйшія открытія, въ самомъ земледѣліи сдѣланныя, и каждое значительное улучшеніе въ устройствѣ мельницъ необходимо имѣетъ такое же дѣйствіе. Я долженъ здѣсь также указать на всѣ механическія изобрѣтенія, облегчающія

всякаго рода земляныя работы. Улучшеніе въ съемкѣ важно для осушенія земли, равно какъ и для проведенія желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Болота въ Голландіи и въ нѣкотырыхъ частяхъ Англіи осушаются посредствомъ насосовъ, дѣйствующихъ парами или вѣтромъ. Тамъ, гдѣ необходимо орошеніе полей и устройство искусственныхъ водоемовъ, механика представляетъ великое средство для удешевленія произвожденія.

Мануфактурныя усовершенствованія, которыя сами-посебѣ не способствуютъ прямому облегченію произвожденія питающихъ земледѣльческихъ продуктовъ, въ одномъ изъ процесовъ его составляющихъ, и, слѣдственно, не противодѣйствуютъ уменьшенію производительности земли, или по-крайней-мѣрѣ не замедляютъ его, оказываютъ другаго рода полезное и практически-равносильное вліяніе. Они вознаграждаютъ то, чему они не могутъ препятствовать.

Всѣ матеріалы для мануфактурныхъ произведеній извлекаются изъ земли. Земледѣліе доставляетъ многіе изъ нихъ, преимущественно ткацкіе матеріалы. Общій законъ, опредѣляющій производительность земли, слѣдственно, въ заключеніе необходимо прилагается и къ мануфактурной точно также, какъ и къ земледѣльческой промышленности. Съ возростаніемъ народопаселенія, съ бо̀льшимъ напряженіемъ производительности земли, каждое лишнее количество этихъ матеріаловъ, точно такъ же, какъ и питающихъ продуктовъ, должно получаться, при соразмѣрно большемъ пожертвованіи труда и капитала. Но стоимость матеріаловъ вообще представляетъ очень незначительную часть въ стоимости цѣлаго фабричнаго произведенія; трудъ земледѣльческій, употребленный въ произвожденіи мануфактурныхъ издѣлій, составляетъ только малую долю въ массѣ цѣлаго труда, прилагаемаго къ этимъ издѣліямъ. Весь

остальной трудъ, за исключеніемъ земледѣльческаго, по мѣрѣ нароста произвожденія постоянно уменьшается. Мануфактурное производство болѣе способно къ усовершенствованіямъ механическимъ, сберегающимъ трудъ, нежели земледѣліе. Мы видѣли уже, что раздѣленіе труда и его болѣе экономическое разложеніе зависитъ отъ величины рынка и отъ возможности произвожденія въ большихъ размѣрахъ; поэтому въ мануфактурной промышлености причины, стремящіяся къ увеличенію ея производительности, перевѣшиваютъ значительно единственную причину, которая стремится уменьшить эту производительность; и возростаніе произвожденія, возбуждаемое усовершенствованіемъ общества, происходитъ при постоянномъ уменьшеніи соразмѣрной его стоимости. Этотъ фактъ обнаружился въ постепенномъ пониженіи цѣнъ всѣхъ мануфактурныхъ произведеній въ продолженіе двухъ прошедшихъ столѣтій; механическія изобрѣтенія, сдѣланныя въ послѣднія шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ, особенно ускорили это пониженіе, которое можетъ продолжаться неопредѣленно, или котораго предѣлы по-крайней-мѣрѣ нельзя съ вѣрностью обозначить.

Теперь кажется, совершенно понятно что дѣятельность земледѣльческаго труда съ увеличеніемъ произведеній постепенно уменьшается, а что цѣна жизненныхъ припасовъ увеличивается и что постоянно возростающее число трудящихся, для произвожденія ихъ къ потребленію цѣлаго народонаселенія, необходимо: между-тѣмъ, какъ производительность труда въ другихъ отрасляхъ промышлености такъ быстро возростаетъ, что онѣ могутъ удѣлить необходимыя лишнія руки и, несмотря на то, доставить бо̀льшее количество произведеній и съ бо̀льшимъ успѣхомъ, нежели прежде, удовлетворить требованіямъ общества. Это благодѣтельное влія-

ніе можетъ даже распространяться на его бѣднѣйшій классъ и возростающая дешевизна одежды можетъ вознаградить за возростающую цѣну жизненныхъ припасовъ.

Такимъ-образомъ каждое возможное улучшеніе въ промышленныхъ искусствахъ оказываетъ, тѣмъ или другимъ путемъ, противодѣйствующее вліяніе на законъ уменьшенія производительности земледѣльческаго труда. Но не одни только промышленныя усовершенствованія имѣютъ подобное дѣйствіе: распоряженія правительственныя, каждое моральное и общественное улучшеніе дѣйствуютъ точно такимъ же образомъ. Представимъ себѣ страну въ томъ же положеніи, въ которомъ находилась Франція въ концѣ прошлаго столѣтія, гдѣ налоги отягощали исключительно одинъ промышленный классъ и были настоящимъ наказаніемъ за произвожденіе. Отмѣненіе такого тягостнаго налога, какъ, напримѣръ, десятины (dîmes royales), имѣло тѣ же послѣдствія, какъ еслибъ дѣятельность труда, необходимаго для полученія существующаго количества произведеній, дѣйствительно была увеличена на одну десятую. Отмѣненіе запретительныхъ законовъ, каковы, напримѣръ, были хлѣбные законы въ Англіи, и вообще всякаго рода ограниченій, препятствующихъ произвожденію предметовъ, при наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, равносильно съ важнѣйшими промышленными усовершенствованіями и такъ же важно, какъ изобрѣтеніе паровой машины.

Все, что̀ мы до-сихъ-поръ сказали о дѣятельности этихъ двухъ противодѣйствующихъ началъ въ отношеніи къ земледѣлію, справедливо также и относительно другихъ отраслей промышлености, которыхъ матеріалы получаются изъ земнаго шара. Горная промышленость, напримѣръ, обыкновенно даетъ увеличенное количество произведеній не только при соразмѣрномъ возростаніи издержекъ, но даже ежегодно полу-

щество, которое обогащается только насчетъ производительныхъ расходовъ. Различныя желанія и мнѣнія не располагаютъ основнымъ порядкомъ вещей. Конечно, мы не можемъ предвидѣть, въ какой степени способы произвожденія могутъ быть измѣнены и производительность труда увеличена вслѣдствіе будущихъ успѣховъ естествопознанія, которые откроютъ новые промышленные процесы, въ настоящее время неподозрѣваемые; но, при всемъ томъ, мы знаемъ, что всему должны быть предѣлы. Если мы даже успѣемъ расширить пространство, заключенное внутри этихъ предѣловъ, полагаемыхъ природою, то мы не можемъ измѣнить свойствъ вещества или способностей умственныхъ, но только можемъ пользоваться этими свойствами или способностями болѣе или менѣе успѣшно, чтобъ воспроизвести новый рядъ явленій, для насъ необходимыхъ.

Раздѣленіе богатства — исключительно человѣческое учрежденіе. Разъ произведенія, это богатство составляющія, существуютъ; человѣчество и каждый человѣкъ могутъ дѣлать съ ними что̀ хотятъ; они могутъ предоставить ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно, на какихъ угодно условіяхъ. Кромѣ того, люди, живущіе въ обществѣ, во всѣхъ видахъ его, исключая совершеннаго уединенія, могутъ располагать этими произведеніями только съ согласія общества, или его членовъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ власть и силу. Человѣкъ можетъ владѣть даже произведеніями своего собственнаго труда, безъ посторонней помощи имъ выдѣланными, только съ дозволенія общества, и оно можетъ у него отнять ихъ, точно также, какъ и всякое лицо, если общество пребываетъ въ бездѣятельности и не вступается, цѣлою массою, за своего сочлена или, по-крайней-мѣрѣ, не употребляетъ особеннаго класса людей, чтобъ обезпечить его въ своемъ владѣніи. Поэтому раздѣленіе

богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ государства. Мнѣнія и чувства властей общества полагаютъ правила, которымъ подчинено раздѣленіе богатства и которыя представляютъ такое различіе въ различныя времена и въ различныхъ странахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чувства и мнѣнія человѣческаго рода не суть дѣло случая; они—слѣдствія основныхъ законовъ человѣческой природы и зависятъ отъ существующаго положенія знаній и опыта, отъ соціальныхъ учрежденій и отъ нравственнаго и умственнаго образованія. Но законы происхожденія человѣческихъ мнѣній не входятъ въ составъ нашихъ изслѣдованій; они составляютъ часть общей теоріи человѣческаго прогреса, болѣе обширнаго и болѣе труднаго предмета, нежели Политическая Экономія. Намъ предстоитъ теперь разсматривать не причины, но слѣдствія правилъ, согласно съ которыми богатство раздѣляется. Эти правила по-крайней-мѣрѣ имѣютъ характеръ физическихъ законовъ и зависятъ такъ же мало отъ произвола, какъ и законы произвожденія. Люди могутъ управлять своими дѣйствіями, но не слѣдствіями этихъ дѣйствій. Общество можетъ подчинить раздѣленіе богатства правиламъ, которыя оно почитаетъ лучшими; но практическіе результаты, выходящіе изъ дѣйствія этихъ правилъ, должны быть открыты, подобно другимъ физическимъ и умственнымъ истинамъ, путемъ наблюденія и размышленія.

Итакъ мы приступаемъ къ разсматриванію различныхъ способовъ раздѣленія произведеній земли и труда, которые существуютъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь прежде всего вниманіе наше обращается на это первоначальное и основное учрежденіе, на которомъ держится искони экономическій порядокъ общества. Мы разумѣемъ личную собственность.

Учрежденіе собственности, приведенное къ основнымъ

элементамъ, состоитъ въ сознаніи права для каждаго лица на исключительное распоряженіе произведеніями его собственной дѣятельности, или имъ полученными въ даръ отъ производителей, или пріобрѣтенными отъ нихъ по добровольному соглашенію. Право производителей на ихъ произведенія есть основаніе цѣлаго учрежденія: многіе могутъ замѣтить, что въ формѣ, существующей въ настоящее время, оно признаетъ право владѣнія лицъ предметами, которые они не произвели. Напримѣръ, нѣкоторые могутъ сказать, что рабочіе на фабрикѣ производятъ своимъ трудомъ и искусствомъ всю массу продуктовъ, которые не принадлежатъ имъ: законъ опредѣляетъ имъ условленную, наемную плату и передаетъ всѣ продукты лицу, доставляющему только средства или фонды, и, можетъ-быть, несоучаствующему даже своимъ надзоромъ въ ходѣ работъ. На это замѣчаніе можно отвѣтить, что трудъ фабричный есть только одно изъ условій, необходимыхъ для произвожденія этихъ продуктовъ. Дѣятельность этого труда невозможна безъ матеріаловъ и машинъ и безъ запаса необходимыхъ продовольствій, напередъ заготовленныхъ для того, чтобъ содержать работниковъ, пока произвожденіе совершается. Всѣ эти предметы— плоды предшествовавшаго труда. Еслибъ работники обладали ими, то они не были бы въ необходимости дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими продуктами; но такъ-какъ они не имѣютъ ихъ, то они должны внести за нихъ соотвѣтствующую плату лицамъ, которыя трудомъ предшествующимъ и своею бережливостью подготовили эти предметы. Условія содѣйствія труду настоящему плодами труда прошедшаго опредѣляются по взаимному соглашенію съ обѣихъ сторонъ, и участіе каждой стороны необходимо для другой. Капиталистъ ничего не можетъ сдѣлать безъ работниковъ; точно также и дѣятельность по-

слѣднихъ останавливается безъ капитала. Если работники соперничествуютъ между собою, чтобъ получить работу, то капиталисты, съ своей стороны, также соперничествуютъ, чтобъ добыть трудъ на весь свой оборотный капиталъ.

Такъ-какъ существенный характеръ собственности заключается въ обезпеченіи каждому, что̀ произвелъ онъ своимъ трудомъ, или сберегъ вслѣдствіе своей бережливости, то это учрежденіе не можетъ быть распространено на предметы, которые не суть произведенія труда, или сырые матеріалы, землею доставляемые. Еслибъ почва была обязана исключительно природѣ своею производительностью, а не промышлености, или еслибъ была возможность положить различіе между результатами, проистекающими изъ этихъ двухъ источниковъ, то въ высшей степени было бы несправедливо предоставить даръ природы монополіи. Конечно, пользованіе землею необходимо для земледѣлія и должно быть исключительнымъ по-крайней-мѣрѣ въ продолженіе извѣстнаго времени: тотъ, кто пахалъ и сѣялъ, долженъ имѣть также право жать. Но владѣніе землею можетъ ограничиваться однимъ хозяйственнымъ годомъ, какъ это было у древнихъ германцевъ, или земля можетъ быть раздѣляема періодически, по мѣрѣ возростанія народонаселенія, или, наконецъ, государство можетъ быть единственнымъ землевладѣльцемъ и отдавать ее въ наемъ подъ воздѣлываніе, какъ въ Египтѣ и въ Индіи.

Но хотя земля не есть произведеніе промышлености, ея главнѣйшія полезныя качества суть результаты промышленности. Трудъ необходимъ не только для того, чтобъ пользоваться этимъ орудіемъ, но также, чтобъ придать ему извѣстную форму. При самомъ началѣ значительный трудъ необходимъ, чтобъ расчистить землю для воздѣлыванія; во

многихъ случаяхъ, даже и послѣ того производительность земли бываетъ исключительнымъ результатомъ труда и искусства. Торфяныя болота Ирландіи, до осушенія, производили только одно топливо—торфъ. Промышленость обратила безплодные пески сѣверной Бельгіи въ плодороднѣйшую почву въ Европѣ. Воздѣлываніе земли требуетъ также извѣстныхъ построекъ, которыя суть произведенія одного труда. Плоды этой промышлености пожинаются только послѣ продолжительнаго періода; трудъ и капиталъ прилагаются здѣсь въ одинъ разъ, но полезные результаты ихъ раздѣляются на нѣсколько лѣтъ и, можетъ-быть, даже на все будущее время. Землевладѣлецъ не предприметъ самъ этого труда, этихъ издержекъ, если онъ не будетъ пользоваться ихъ плодами. Предпринимая улучшенія земли, онъ долженъ имѣть впереди достаточный періодъ землевладѣнія, чтобъ извлечь изъ нихъ для себя выгоды, и для обезпеченія ему этого періода времени найдено необходимымъ, чтобъ это владѣніе было постояннѣе.

Эти доводы вполнѣ обозначаютъ въ экономическомъ отношеніи право владѣтеля на поземельную собственность, особенно въ томъ случаѣ, когда онъ былъ ея усовершенствователемъ.

Въ Великобританіи землевладѣлецъ бываетъ нерѣдко усовершенствователемъ, хотя вообще этого нельзя сказать о всѣхъ тамошнихъ землевладѣльцахъ. Большинство ихъ передаетъ право воздѣлыванія другимъ на такихъ условіяхъ, которыя препятствуютъ всякому возможному усовершенствованію земли даже со стороны этихъ посредниковъ. Въ южныхъ графствахъ этой страны, гдѣ продолжительные наймы земли не въ обыкновеніи, постоянныя улучшенія могли бы быть сдѣланы только насчетъ капитала землевладѣльца; по-

этому югъ Англіи въ хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ далеко отсталъ отъ ея сѣверной части. Справедливо, что въ этой странѣ общее улучшеніе земли владѣльцами несовмѣстно съ существующимъ обычаемъ, или закономъ первородства (inheritance) извѣстнаго на континентѣ подъ именемъ майоратства. Вся земля, переходя къ одному наслѣднику, идетъ врозь съ денежными капиталами, которые могли бы дать возможность улучшить ее. Личная и вообще движимая собственность идетъ на обезпеченіе младшихъ дѣтей, и даже самая земля часто отягощается новыми долговыми обязательствами, для этой же цѣли. Слѣдственно малая часть землевладѣльцевъ можетъ только предпринять улучшенія, требующія большихъ издержекъ, не прибѣгая къ займу и не отягощая новымъ закладомъ землю, которая достается имъ обыкновенно уже заложенная. Но положеніе владѣльца помѣстья, обремененнаго долгами, такъ невѣрно; бережливость для человѣка, котораго видимое состояніе превышаетъ его дѣйствительныя средства, такъ непріятна, пониженія цѣнъ и доходовъ такъ для него ужасны, если онъ въ совершенной зависимости отъ нихъ, что, право, неудивительно, если немногіе землевладѣльцы, по своему положенію, могутъ сдѣлать пожертвованіе въ настоящее время для будущей пользы. Еслибъ даже эти немногіе землевладѣльцы дѣйствительно желали этого пожертвованія, то, чтобъ оно могло принести пользу, они должны основательно изучить науку сельскаго хозяйства, а большая часть ихъ рѣдко учится ей основательно. По-крайней-мѣрѣ они могли бы заинтересовать фермеровъ и склонить ихъ выполнить то, чего они сами не могутъ сдѣлать; но англійскіе фермеры вообще жалуются, что землевладѣльцы связываютъ ихъ даже въ контрактахъ условіями, основанными на обычаяхъ и преданіяхъ старины, несовмѣстныхъ съ успѣхами науки

сельскаго хозяйства. Большая часть землевладѣльцевъ даже не даютъ фермерамъ многолѣтняго найма (lease), который нерѣдко ограничивается однимъ урожаемъ.

Такимъ-образомъ поземельная собственность въ Англіи не соотвѣтствуетъ совершенно условіямъ, ее опредѣляющимъ въ политико-экономическомъ отношеніи. Но если въ Англіи они исполняются неудовлетворительно, то въ Ирландіи они уже совершенно не исполняются. За немногими исключеніями, общая масса ирландскихъ помѣщиковъ только истощаетъ свои помѣстья; въ полномъ смыслѣ слова, эти помѣщики самое тягостное бремя для земли. Не возвращая ничего почвѣ, они потребляютъ все, что она производитъ, выключая картофеля, безъ котораго рѣшительно нельзя обойдтись, или народъ, ее обработывающій, умеръ бы съ голоду; но, имѣя въ виду какое-нибудь улучшеніе, они прежде всего лишаютъ своихъ земленаемщиковъ (tenants) даже и этого средства къ существованію, выгоняя ихъ и осуждая на нищету, если не на голодную смерть...

Частная собственность, слѣдственно, существуетъ и должна существовать, какъ фактъ. Намъ предстоитъ теперь перечислить различные классы, на которые она раздѣляетъ людей, содѣйствующихъ произвожденію, и поэтому имѣющихъ право на участіе въ его результатахъ. Мы должны изслѣдовать, по какимъ законамъ произведенія раздѣляются между этими классами вслѣдствіе свободнаго дѣйствія интересовъ, и потомъ, какіе результаты оказываютъ законы, учрежденія и мѣры правительственныя, замѣняющія или измѣняющія это свободное раздѣленіе.

Три необходимыя условія для произвожденія, какъ неоднократно было повторено: трудъ, капиталъ и земля. Такъ-какъ каждый изъ этихъ трехъ элементовъ произ-

вожденія можетъ быть усвоенъ отдѣльно, то мы можемъ допустить раздѣленіе промышленной общины на землевладѣльцевъ, капиталистовъ и производительныхъ работниковъ. Каждый изъ этихъ классовъ получаетъ часть произведеній, и никто, кромѣ нихъ, не имѣетъ права на полученіе чего-либо, развѣ только тѣ, кому они это право уступятъ. Остальные члены общества дѣйствительно существуютъ насчетъ этихъ трехъ классовъ, оказывая имъ въ замѣну рядъ непроизводительныхъ услугъ. Политическая Экономія принимаетъ, слѣдственно, что общество состоитъ исключительно изъ этихъ трехъ классовъ.

Но хотя мы встрѣчаемъ иногда въ обществѣ эти три класса, раздѣляющіе между собою произведенія, отсюда не слѣдуетъ, что они необходимо и всегда должны существовать отдѣльно. Можетъ-быть, одно или два общества, не болѣе, представляютъ намъ совершенное раздѣленіе между этими классами. Англія и Шетландія и нѣкоторыя части Бельгіи и Голландіи почти единственныя страны въ свѣтѣ, гдѣ земля, капиталъ и трудъ, прилагаемые къ земледѣлію, составляютъ собственность особенныхъ владѣтелей. Обыкновенно одно и то же лицо соединяетъ два и даже иногда всѣ три необходимыя средства для произвожденія.

Послѣдній случай соединяетъ два крайнія состоянія общества, въ отношеніи независимости и личнаго достоинства рабочаго класса. Въ одномъ изъ этихъ состояній рабочій есть въ то же самое время землевладѣлецъ. Обыкновенный примѣръ этого состоянія представляютъ намъ сѣверные штаты Америки, нѣкоторыя части Италіи и Бельгіи, но особенно оно развито во Франціи, Швейцаріи, Швеціи и Норвегіи, Даніи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Въ этихъ странахъ, безъ сомнѣнія, существуютъ большіе землевладѣльцы, которые употребляютъ значительное число работниковъ: зна-

чительная часть земли, однакожь, раздроблена на мелкіе участки между поселянами-владѣтелями, которые сами съ своими семействами воздѣлываютъ ихъ. Капиталъ употребляемый не всегда составляетъ собственность селянина-владѣльца: большая часть этихъ малыхъ владѣній обыкновенно бываетъ заложена, чтобъ получить средства для воздѣлыванія ихъ; но владѣлецъ отвѣчаетъ за капиталъ и платитъ за него проценты, оставаясь исключительнымъ распорядителемъ и хозяиномъ въ своемъ имѣніи, развѣ только когда платежъ процентовъ прекращается, и тогда земля его поступаетъ въ чужое владѣніе.

Другой примѣръ соединенія земли, капитала и труда въ рукахъ одного владѣльца представляютъ страны, гдѣ существуетъ невольничество и гдѣ работники составляютъ собственность землевладѣльца. Таковы, напримѣръ, южные штаты и нѣкоторыя государства Южной Америки, гдѣ мы встрѣчаемъ обширныя заведенія для земледѣльческой и мануфактурной промышленности, въ которыхъ земля, фабрики, машины и работники составляютъ собственность капиталиста. Въ обоихъ этихъ противоположныхъ состояніяхъ общества соотвѣтствующее раздѣленіе произведеній не существуетъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ три главныя средства къ произвожденію не составляютъ собственности одного лица, часто бываетъ, что два изъ нихъ принадлежатъ одному владѣльцу. Нерѣдко одно и то же лицо владѣетъ капиталомъ и землею: тогда землевладѣлецъ дѣлаетъ непосредственно договоръ съ работникомъ и снабжаетъ его необходимыми средствами для воздѣлыванія. Этотъ порядокъ въ большомъ обыкновеніи въ тѣхъ частяхъ европейскаго континента, гдѣ работники не принадлежатъ къ классу землевладѣльцевъ. Онъ существовалъ во Франціи въ прошедшемъ столѣтіи и

до-сихъ-поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ этой страны, гдѣ земля не составляетъ собственности воздѣлывателя. При этомъ порядкѣ произведенія дѣлятся между двумя классами производителей: землевладѣльцами и рабочими.

Въ другихъ случаяхъ хотя земля не принадлежитъ работнику, но онъ владѣетъ небольшимъ капиталомъ, необходимымъ для ея обработыванія, и землевладѣлецъ не снабжаетъ его никакими средствами. Этотъ порядокъ господствуетъ вообще въ Ирландіи, но особенно онъ распространенъ въ Индіи и во многихъ восточныхъ государствахъ, гдѣ правительство исключительно владѣетъ землею. Произведенія здѣсь точно такъ же раздѣляются между двумя классами производителей—землевладѣльцами и работниками.

Вотъ главнѣйшія видоизмѣненія классификаціи лицъ, между которыми произведенія земледѣльческаго труда раздѣляются. Въ мануфактурной промышлености существуютъ два класса, раздѣляющіе ея произведенія: капиталисты и работники. Первопачальные ремесленники во всѣхъ странахъ были рабы или женщины. Въ мануфактурныхъ заведеніяхъ древнихъ работники были собственностью капиталиста, и только одинъ земледѣльческій трудъ не оскорблялъ достоинства свободнаго человѣка. Противоположная система, гдѣ капиталъ принадлежалъ работнику, была болѣе совмѣстна съ свободнымъ трудомъ, и подъ ея вліяніемъ мануфактурная промышленость сдѣлала первые значительные успѣхи. Станокъ и немногіе другіе инструменты принадлежали работникамъ, которые трудились для себя. Хотя они начинали свою дѣятельность работою для другихъ, какъ ученики и какъ поденьщики, но, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ они дѣлались мастерами. Состояніе вѣчнаго поденнаго работника не существовало въ гильді-

яхъ и цехахъ среднихъ вѣковъ. Въ деревняхъ, гдѣ плотникъ или кузнецъ не имѣетъ средствъ содержать наемныхъ рабочихъ, эти промышленики даже и въ настоящее время отправляютъ обязанность своихъ работниковъ; но гдѣ только размѣры рынка позволяютъ, тамъ существуетъ совершенно различіе между классами капиталистовъ, доставляющихъ занятіе труду, и рабочихъ. Трудъ капиталистовъ вообще ограничивается только управленіемъ и надзоромъ.

Намъ предстоитъ теперь прослѣдить это ипотетическое, несовершенно произвольное раздѣленіе произведеній между работниками, капиталистами и землевладѣльцами. Мы начнемъ частью, выпадающею на долю первыхъ, которая извѣстна подъ именемъ жалованья, или *заработной платы*.

ГЛАВА VII.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Въ этой главѣ мы должны обсудить, во-первыхъ, причины, которыя опредѣляютъ заработную плату, или имѣютъ на нее вліяніе, и, во-вторыхъ, различія, въ ней существующія въ различныхъ отрасляхъ труда. Для большей ясности, мы не станемъ смѣшивать эти два ряда изслѣдованій и, разсуждая о законѣ, опредѣляющемъ заработную плату, мы пріймемъ въ разсчетъ сначала только одинъ грубый, безъискусственный трудъ, предполагающій извѣстную степень тягости и непріятности.

Заработная плата опредѣляется обычаемъ и совмѣстничествомъ. Въ Англіи мы находимъ очень немногіе виды труда, плата за которые не могла бы еще понизиться, еслибъ только лицо, платящее за трудъ, захотѣло воспользоваться всѣми выгодами совмѣстничества. При настоящемъ положеніи общества, однакожь, совмѣстничество должно быть разсматриваемо какъ главный опредѣлитель или уравнитель (regulateur) заработной платы, и обычай, или личность производи-

телей, не болѣе, какъ обстоятельства побочныя, измѣняющія эту плату только въ сравнительно-низшей степени.

Заработная плата, слѣдственно, зависитъ отъ запроса на трудъ и отъ удовлетворенія этого запроса, или, какъ часто выражаются, отъ соотношенія, существующаго между народонаселеніемъ и капиталомъ. Подъ народонаселеніемъ здѣсь разумѣется число рабочаго класса, а подъ капиталомъ—только часть оборотнаго капитала, истрачиваемая на уплату труда. Заработная плата зависитъ, слѣдственно, отъ объема капитала и отъ числа народонаселенія. Она возвышается, когда возростаетъ сложная масса средствъ, употребляемыхъ для найма рабочихъ, или когда уменьшается число соперничествующихъ, желающихъ наняться, и падаетъ съ уменьшеніемъ средствъ, опредѣляемыхъ на уплату труда, или при увеличеніи числа рабочихъ.

Опытъ представляетъ намъ, однакожь, факты, видимо противорѣчащіе этому ученію, и которые мы обязаны разсмотрѣть и объяснить.

Напримѣръ, обыкновенно говорятъ, что заработная плата бываетъ высока при хорошемъ состояніи торговли. Справедливо, когда существуетъ большой запросъ на какое-нибудь произведеніе: въ этомъ случаѣ запросъ на трудъ, прилагаемый для произвожденія этого предмета, также увеличивается и вмѣстѣ съ нимъ возвышается заработная плата; напротивъ, когда наступаетъ такъ-называемый застой, хозяева распускаютъ рабочихъ, и тѣ изъ нихъ, которые остаются, должны согласиться на пониженіе заработной платы, хотя въ обоихъ случаяхъ количество капитала не измѣняется. Явленіе, нами описанное, нисколько не противорѣчитъ вышеустановленному началу, только дѣйствіе главныхъ общихъ причинъ затемнѣно и сокрыто за сложностью явленія. Капиталъ, который не употребляется его владѣль-

цемъ на покупку труда и остается въ его рукахъ, безъ приложенія какъ-бы не существуя для рабочаго. Вслѣдствіе перемѣнъ въ состояніи торговли, капиталъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ находится въ этомъ положеніи. Фабрикантъ, когда нѣтъ запроса на его произведенія, не употребляетъ рабочихъ для увеличенія количества существующихъ товаровъ, въ сбытѣ которыхъ онъ встрѣчаетъ затрудненіе, или даже если онъ продолжаетъ фабричную дѣятельность, пока весь капиталъ его поглощается въ непроданномъ товарѣ, то онъ, по необходимости, по-крайней-мѣрѣ, долженъ остановиться, пока продажа нѣкоторой части товаровъ не оплатитъ расходовъ произвожденія. Но такое положеніе не можетъ быть постояннымъ, иначе капиталистъ, при первомъ удобномъ случаѣ, перенесетъ свой капиталъ въ другую отрасль промышлености и доставитъ въ ней новое занятіе труду. Капиталъ остается безъ употребленія на время, въ продолженіе котораго число рукъ превышаетъ запросъ и заработная плата падаетъ. Впослѣдствіи открывается требованіе на товаръ, которое, можетъ-быть, усиливается въ такой степени, что фабрикантъ сбываетъ свои произведенія даже скорѣе, нежели онъ изготовляетъ ихъ; весь капиталъ его приводится въ наличность и, въ добавокъ къ нему, если есть возможность, онъ занимаетъ новый капиталъ, который, вѣроятно, былъ бы иначе помѣщенъ. Въ эти времена заработная плата возвышается въ извѣстныхъ отрасляхъ промышлености. Если мы предположимъ, что подобный застой, или подобное движеніе обнаружатся въ одно время во всѣхъ занятіяхъ, что̀ довольно правдоподобно, то заработная плата также подымется или упадетъ. Но это будутъ только временныя измѣненія: капиталъ, который въ настоящее время лежитъ безъ употребленія, находитъ дѣятельное приложеніе въ слѣдующемъ году. Ка-

питалъ, который не въ состояніи удовлетворить требованію въ настоящемъ году, въ свою очередь поглощается товарами, наполняющими магазины. Заработная плата во всѣхъ этихъ случаяхъ измѣняется соотвѣтственно. Но ничто не перемѣняетъ постоянно заработной платы вообще, исключая увеличенія или уменьшенія самаго капитала, въ отношеніи количества труда, или числа рабочихъ рукъ, готовыхъ трудиться.

Другое мнѣніе, также довольно распространенное, утверждаетъ, что высокія цѣны возвышаютъ заработную плату: потому-что производители и торговцы, при лучшихъ обстоятельствахъ, имѣютъ средства платить болѣе рабочимъ. Я уже замѣтилъ, что большое требованіе, производящее временное возвышеніе цѣнъ, подымаетъ на-время заработную плату; но высокія цѣны сами-по-себѣ возвышаютъ ее только въ такомъ случаѣ, когда торговцы, болѣе получающіе, имѣютъ желаніе сберегать болѣе и увеличивать свой капиталъ, или по-крайней-мѣрѣ желаютъ занять большое число рабочихъ рукъ. Рабочій классъ въ этомъ случаѣ выигрываетъ не вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, но вслѣдствіе возростанія капитала, которое эти цѣны производятъ. То же самое дѣйствіе, однакожь, очень часто приписывается высокимъ цѣнамъ, которыя бываютъ результатомъ запретительнаго тарифа и которыя выплачиваетъ остальная потребляющая часть общества, остающаяся при тѣхъ же средствахъ, какія она имѣла до введенія этого тарифа. Высокія цѣны этого рода обогащаютъ только однихъ рабочихъ на счетъ другихъ. Если торговецъ, получая высокія цѣны, имѣетъ возможность своею бережливостью, или другимъ путемъ, увеличить количество занимаемаго имъ труда, то тѣ, которые платятъ эти высокія цѣны, лишаются возможности, въ равной степени, занимать большое

количество работниковъ, и только случай опредѣляетъ, первая или вторая перемѣна оказываетъ наибольшее вліяніе на рынокъ труда. Заработная плата, вѣроятно, временно возвысится въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, цѣны произведеній которыхъ поднялись, и понизится въ другихъ отрасляхъ. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ только первая половина явленія (возвышеніе платы) обращаетъ вниманіе, между-тѣмъ, какъ другая половина совершенно упускается изъ виду, или не относится къ причинѣ, его производящей. Это частное возвышеніе заработной платы бываетъ непродолжительно, потому-что хотя торговцы выигрываютъ болѣе въ одной отрасли, но отсюда не слѣдуетъ, что эта отрасль постоянно представляетъ готовое помѣщеніе для дѣлаемыхъ ими экономій. Возростающій капиталъ ихъ, вѣроятно, перейдетъ въ другія отрасли промышлености и уравновѣситъ предварительно существовавшее уменьшеніе въ требованіи на трудъ.

Другіе также часто поддерживаютъ мнѣніе, что заработная плата (разумѣя, конечно, денежную плату) измѣняется соотвѣтственно цѣнамъ пищи, подымается, когда онѣ возвышаются и падаетъ съ пониженіемъ ихъ. Мнѣніе это справедливо только отчасти, и справедливость его не измѣняетъ нисколько зависимости заработной платы отъ соотношенія существующаго между капиталомъ и трудомъ, потому-что цѣна пищи дѣйствуетъ на эту плату только чрезъ посредство этого закона. Дороговизна или дешевизна жизненныхъ припасовъ, происходящая вслѣдствіе перемѣны въ урожаяхъ, не имѣетъ никакакаго вліянія на заработную плату (если законъ или благотворительность искусственнымъ образомъ не приноровливаетъ ее), или оказываетъ вліяніе совершенно противоположное, потому-что въ голодное время народъ вообще трудится старательнѣе и дешев-

ле продаетъ свой трудъ; но постоянная дороговизна или дешевизна пищи, если она можетъ быть заранѣе опредѣлена, оказываетъ вліяніе на эту плату. Во-первыхъ, если работники имѣютъ достаточно средствъ, чтобъ только существовать, то, при постоянно наступающей дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, большое число дѣтей должно умереть преждевременно, и такимъ образомъ заработная плата возвысится въ заключеніе потому только, что число рабочихъ уменьшится. Во-вторыхъ, если даже заработная плата будетъ довольно высока, чтобъ доставить работникамъ и ихъ семействамъ необходимѣйшія средства къ существованію, при возвышеніи цѣнъ жизненныхъ припасовъ, если они даже могутъ перенести физически худшія обстоятельства, то они могутъ не согласиться на добровольное пожертвованіе различными удобствами жизни, которыя не составляютъ для нихъ необходимости, но къ которымъ они привыкли, и чтобъ удержать которыя, они ограничиваютъ умноженіе своего поколѣнія, умноженіе своего семейства, и такимъ образомъ заработная плата возвысится не вслѣдствіе увеличенія смертности, но отъ уменьшенія рождаемости. Въ этихъ случаяхъ эта плата, слѣдственно, приноровливается къ цѣнѣ пищи хотя по прошествіи цѣлаго поколѣнія.

Итакъ заработная плата зависитъ отъ соотношенія, существующаго между количествомъ рабочаго народонаселенія и капиталомъ, которымъ мы означаемъ для краткости средства, употребляемыя для покупки труда. Если заработная плата выше въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ, нежели въ другой мѣстности и въ другое время; если работники встрѣчаютъ бо́льшое изобиліе въ необходимѣйшихъ средствахъ къ существованію и въ удобствахъ жизни, то это бываетъ только потому, что капиталъ находится въ бо́льшемъ отношеніи къ народонаселенію. Количество цѣ-

лего капитала, или количество цѣлаго произвожденія не имѣютъ важности для рабочаго класса, точно также, какъ и количество капитала, исключительно опредѣляемаго для раздѣленія между рабочими: для этого класса важна только пропорція, существующая между этимъ капиталомъ и числомъ лицъ, получающихъ изъ него свои части.

Въ странахъ, подобныхъ Сѣверной Америкѣ и Австраліи, гдѣ мы встрѣчаемъ науки и искусства и высокую степень бережливости возлѣ безпредѣльнаго протяженія еще незанятой земли, возростаніе капитала происходитъ соразмѣрно и единовременно съ возможно-быстрымъ увеличеніемъ народонаселенія, и затрудненіе найдти достаточное количество рабочихъ преимущественно останавливаетъ это возростаніе. Каждый рождающійся можетъ найдти занятіе, не стѣсняя рынка для труда. Семейство каждаго работника пользуется въ изобиліи всѣми необходимыми средствами къ существованію, многими удобствами и даже нѣкоторыми предметами роскоши; и нищета, происходитъ только вслѣдствіе худаго поведенія работниковъ, или ихъ неспособности къ труду. Въ Старомъ Свѣтѣ только нѣкоторые классы работниковъ наслаждаются подобнымъ преимуществомъ отъ чрезвычайнаго возростанія капитала, употребляемаго въ извѣстной отрасли промышлености. Хлопчато-бумажная промышленость со времени изобрѣтеній Уатта и Аркрайта, сдѣлала такіе гигантскіе успѣхи, что капиталъ ея, по всей вѣроятности, учетверился въ продолженіе времени, необходимаго для удвоенія народонаселенія. Эта промышленость привлекла изъ другихъ отраслей почти всѣ руки, которыми она могла только воспользоваться по географическому положенію и по привычкамъ и склонностямъ рабочаго народа; требованіе на дѣтскій трудъ усилило между рабочими желаніе умножить народонаселеніе; при-всемъ-томъ заработ-

ная плата въ главныхъ средоточіяхъ мануфактурной дѣятельности довольно-высока, трудовой доходъ каждаго семейства въ продолженіе года представляетъ порядочную сумму, и нѣтъ признаковъ ея пониженія; напротивъ, вліяніе этого развитія одной отрасли промышленности обнаружилось въ возвышеніи заработной платы земледѣльческаго класса въ окружающей странѣ.

Но эти обстоятельства, при которыхъ народонаселеніе можетъ возростать безпрепятственно съ возможной быстротою, рѣдки и обыкновенно преходящи. Немногія страны представляютъ необходимое соединеніе условій: или промышленныя искусства находятся въ неподвижномъ или отсталомъ состояніи, и капиталъ, поэтому, возростаетъ медленно; или желаніе копить слабо развито и возростаніе капитала скоро достигаетъ своего предѣла; или, если даже оба эти условія обнаруживаются въ высшей степени, то возростаніе капитала останавливается за недостаткомъ свободной, доброкачественной земли Хотя капиталъ и можетъ удваиваться въ одно время съ народонаселеніемъ, та же земля, которая питаетъ это народонаселеніе и представляетъ помѣщеніе для капитала, не можетъ постоянно удваивать своихъ произведеній, развѣ при помощи чрезвычайныхъ земледѣльческихъ открытій, непрерывно слѣдующихъ одно за другимъ; слѣдственно, если заработная плата не понижается, то барыши должны уменьшиться и вмѣстѣ съ ними возростаніе капитала необходимо замедляется. Кромѣ того, если даже заработная плата и не понизится, то цѣна жизненныхъ припасовъ при этихъ обстоятельствахъ необходимо подымается, что, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ пониженію заработной платы.

Итакъ, исключая эти особенные случаи, которые я привелъ здѣсь и между которыми самый важный, въ прак-

тическомъ отношеніи, представляетъ намъ новая колонія или юная страна, во всѣхъ условіяхъ ей подобная, народонаселеніе не можетъ возростать съ возможною быстротою, не понижая заработной платы; и это пониженіе останавливается только, когда физическія или моральныя препятствія полагаютъ предѣлъ возростанію народонаселенія.

Самое простое средство удержать заработную плату на желаемой точкѣ, ниже которой она не должна падать, было бы опредѣлить эту плату закономъ. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ различныя времена, и особенно въ настоящее время, множество различныхъ плановъ, имѣющихъ цѣлью преобразовать отношенія между рабочими и лицами, ихъ занимающими. Вѣроятно, однакожь, никто никогда не предполагалъ, чтобъ плата эта была разъ навсегда установлена: общія выгоды лицъ заинтересованныхъ часто требуютъ, чтобъ она измѣнялась, но нѣкоторые предлагали только опредѣлить minimum этой платы, предоставивъ совмѣстничеству измѣнять ее выше этого предѣлы. Другой планъ, находящій многихъ защитниковъ, состоитъ въ учрежденіи комитетовъ, соединяющихъ представителей рабочаго класса и класса его занимающаго, которые соглашаются между собою въ назначеніи заработной платы и обязываютъ своимъ авторитетомъ обѣ стороны къ принятію ея. Рѣшенія этихъ комитетовъ должны основываться не на состояніи рынка, но на чувствахъ справедливости, обезпечивающей рабочимъ благоразумную плату и капиталистамъ благоразумный барышъ.

Другіе опять опасаются вмѣшательства авторитета въ занятіи труда; они боятся, что это вмѣшательство будетъ поспѣшно и опрометчиво: они убѣждены, что обѣ стороны, имѣя противоположные интересы въ своихъ стараніяхъ уравнить ихъ переговорами чрезъ представителей на на-

чалахъ справедливости, когда нѣтъ положительнаго правила, опредѣляющаго эту справедливость, растравятъ болѣе взаимныя несогласія, чѣмъ примирятъ ихъ. Но эти люди желаютъ подчинить морали то, что̀ безполезно, по ихъ мнѣнію, опредѣлить силою закона. Каждое лицо, занимающее трудъ, они думаютъ, должно давать работнику удовлетворительную плату за его трудъ, и общественное мнѣніе должно принудить его къ тому, если онъ этого не дѣлаетъ добровольно. Его собственныя чувства или чувства общества служатъ въ этомъ случаѣ мѣриломъ удовлетворительности заработной платы.

Разбирая эти три плана, соединяющіе, я полагаю, большинство существующихъ мнѣній объ этомъ предметѣ, я ограничусь только замѣчаніями о началѣ, которое служитъ имъ основаніемъ, не принимая въ разсчетъ практическихъ затрудненій, какъ бы важны они ни были. Положимъ, что одинъ изъ этихъ плановъ соотвѣтствуетъ своей цѣли, удерживая заработную плату выше предѣла, до котораго низводитъ ее совмѣстничество, или, что̀ все-равно, возводя ее до возможно-высшей степени, присутствующемъ капиталѣ, доставляющемъ занятіе всѣмъ работникамъ. Несправедливо было бы предполагать, что совмѣстничество только понижаетъ заработную плату: оно также способствуетъ ея возвышенію. Когда есть незанятые работники, они, если благотворительность не содержитъ ихъ, являются соперниками въ пріисканіи труда, и заработная плата падаетъ; но когда всѣ, бывшіе безъ работы, находятъ занятіе, тогда заработная плата не падаетъ даже при самомъ свободномъ развитіи совмѣстничества. Вообще очень странныя понятія существуютъ о значеніи совмѣстничества. Многіе воображаютъ, что дѣйствія его неограниченны, что совмѣстничество торговцовъ можетъ понизить цѣны, а совмѣстничество работниковъ можетъ понизить заработную

плату до нуля или до какого-то невыразимаго minimum. Это мнѣніе совершенно безъ всякаго основанія. Совмѣстничество понижаетъ цѣны товаровъ только въ той степени, чтобъ вызвать достаточное число покупателей для ихъ сбыта; точно такъ же оно понижаетъ заработную плату до-тѣхъ-поръ, пока всѣ работники не примутъ участія въ раздѣленіи причитающейся имъ доли капитала. Если всѣ работники находятъ занятіе, то часть капитала остается безъ употребленія, и тогда открывается совмѣстничество между капиталистами и заработная плата возростаетъ.

Слѣдственно, такъ-какъ величина заработной платы, опредѣляемой совмѣстничествомъ, раздѣляетъ составляющую ея долю оборотнаго капитала между цѣлымъ рабочимъ народонаселеніемъ, то общественное мнѣніе, возвышая эту величину, лишаетъ занятія нѣкоторыхъ работниковъ. Конечно, намѣреніе филантроповъ не было, чтобъ эти рабочіе умерли съ голоду, и они должны обезпечить ихъ, увеличивая долю ихъ оборотнаго капитала и побуждая капиталиста къ бережливости. Если трудъ не обезпеченъ, или по-крайней-мѣрѣ, если нѣтъ въ наличности капитала для выдачи заработной платы всѣмъ предъявителямъ, то назначеніе minimum для нея ни къ чему не ведетъ. Поэтому это условіе входитъ въ составъ каждаго плана и оно даже согласуется съ понятіями тѣхъ людей, которые не одобряютъ законнаго и моральнаго опредѣленія этого minimum. Если нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія не склоняетъ капиталиста умѣрить свое потребленіе и сберечь избытокъ, чтобъ доставить бѣдному работу за благоразумную плату, то нѣкоторые экономисты полагаютъ полезнымъ установить налогъ для этой цѣли. Соотношеніе между трудомъ и рабочимъ капиталомъ такимъ-образомъ измѣнилось бы, по мнѣнію ихъ, въ пользу рабочихъ чрезъ увеличеніе капитала.

валась тѣмъ, которые имѣли большія семейства, дѣйствительно вспомоществованіе выдавалось на каждаго ребенка.

Очевидно, что эта система представляетъ другой способъ назначенія minimum заработной платы: она не стѣсняетъ лица, занимающаго трудъ; она платитъ за него, согласно съ его рыночною цѣною, которая пополняется только работнику изъ фонда общественнаго. Это обезпеченіе подлежитъ тѣмъ же опроверженіямъ, которыя мы привели противъ искусственнаго опредѣленія заработной платы. Оно обѣщаетъ и заручаетъ всѣмъ работникамъ извѣстную плату, какъ бы многочисленны они ни были; оно отклоняетъ всѣ препятствія, которыя природа и благоразуміе полагаютъ неопредѣленному возростанію народонаселенія. Но, кромѣ этихъ опроверженій, прилагаемыхъ ко всѣмъ опытамъ опредѣлить и установить заработную плату, не ограничивая увеличенія народонаселенія, льготная система представляетъ несообразность, ей исключительно свойственную; она необходимо отымаетъ одной рукою, что̀ подаетъ другою. При всѣхъ измѣненіяхъ заработной платы, мы открываемъ извѣстное minimum, съ которымъ возможно существованіе работника при настоящихъ условіяхъ, или съ которымъ по-крайней-мѣрѣ онъ примиряется. Положимъ, что это будетъ семь шилинговъ (2 р. 30 к. с.) въ недѣлю; приходскія власти, изъ состраданія, возвышаютъ такое жалкое возмездіе вспомоществованіемъ до десяти шилинговъ (3 р. 30 к. с.); но работникъ привыкъ получать семь шилинговъ и, какъ ни радъ онъ прибавленію трехъ шилинговъ, чтобъ улучшить свое существованіе, онъ не положитъ благоразумнаго предѣла возростанію народонаселенія и будетъ жить, какъ онъ существовалъ прежде, семью шилингами въ недѣлю. Вспомоществованіе, получаемое имъ отъ прихода, не улучшитъ его образа жизни, и народонаселеніе будетъ раз-

множаться, пока прибывающее поколѣніе не понизитъ первоначальной заработной платы до четырехъ шилинговъ (1 р. 20 к. с.) въ недѣлю. Даже, можетъ-быть, прежде нежели это поколѣніе явится, приливъ незанятыхъ работниковъ, наполняющихъ богадельни (workhouse) произведетъ тѣ же самыя послѣдствія. Извѣстно, что льготная система дѣйствовала именно такимъ образомъ и что, при ея вліяніи, заработная плата въ земледѣльческихъ округахъ Англіи упала гораздо ниже, нежели она была прежде. Въ продолженіе прошедшаго столѣтія, когда законы о бѣдныхъ были гораздо строже въ Англіи, народонаселеніе возростало медленно, и заработная плата была довольно значительна, чтобъ обезпечить существованіе рабочаго и его семейство. Подъ вліяніемъ льготной системы народонаселеніе возростало такъ быстро и заработная плата упала такъ низко, что, несмотря на прибавочное вспомоществованіе, рабочіе, съ своими семействами, нуждались гораздо болѣе, нежели прежде, получая только одну заработную плату. Когда работникъ зависитъ въ средствахъ существованія отъ нея исключительно, плата существующая представляетъ ея истинное minimum. Если она падаетъ ниже, если она недостаточна, чтобъ содержать рабочее народонаселеніе, то открывающееся безлюдіе приводитъ ее къ преждесуществовавшему minimum. Но если ея недостаточность пополняется изъ насильнаго побора съ тѣхъ, кто въ состояніи платить, то она можетъ упасть не только ниже степени, при которой возможно существованіе работника, но можетъ понизиться даже до нуля. Эта несчастная система, необходимо за собою ведущая всеобщую нищету, теперь оставлена, и можно утвердительно сказать, что никто не желаетъ возобновленія такого злоупотребленія.

Англія представляетъ намъ еще другой способъ исправ-

ленія заработной платы, который довольно распространенъ и который, въ моральномъ и соціальномъ отношеніи, превосходнѣе описаннаго приходскаго вспомоществованія, но который—я опасаюсь—ведетъ въ заключеніе къ тѣмъ же политико-экономическимъ результатамъ. Я разумѣю прославленную *систему участковъ* (Allotment system). Это тоже своего рода приспособленіе вознаградить рабочихъ за недостаточность платы: они только не получаютъ здѣсь вспомоществованія отъ прихода, но сами добываютъ для себя это прибавочное возмездіе, нанимая небольшой клочокъ земли, на которомъ они возращаютъ картофель и различные овощи для своего собственнаго потребленія и для продажи, разумѣется въ маломъ количествѣ. Работникъ платитъ за землю унавоженную нерѣдко восемь фунтовъ стерлинговъ (50 р. с.) въ годъ за акръ (0,370 дес.); но, работая самъ съ семействомъ, онъ можетъ добыть, даже при этомъ высокомъ наймѣ, нѣсколько фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Защитники этой системы настаиваютъ, чтобъ этотъ участокъ, или клочокъ земли, нанимаемый работникомъ, былъ только прибавленіемъ къ платѣ, не замѣняя ее совершенно, чтобъ онъ, по своей величинѣ, былъ недостаточенъ для пропитанія работника, который могъ бы только воздѣлывать его, при помощи своего семейства, въ досужее время, будучи довольно постоянно занятъ наемною работою. Этотъ участокъ, они полагаютъ, не долженъ быть болѣе половины акра, если величина его переходитъ за этотъ предѣлъ, но недостаточна, чтобъ воздѣлываніе этой земли могло совершенно занять работника и продовольствовать его и его семейство, то онъ дѣлается худымъ и ненадежнымъ наемникомъ; если же участокъ достаточно великъ, чтобъ выдвинуть его изъ рабочаго класса и доставить ему средства къ существо-

ванію, то онъ обращается въ ирландскаго котьера (*), что довольно правдоподобно при высокомъ наймѣ земли.

Конечное искусственное возвышеніе заработной платы посредствомъ общественнаго налога, взимаемаго съ капиталистовъ для вспомоществованія рабочимъ, представляетъ существенную разницу отъ системы участковъ, которая употребляетъ средства, способствующія увеличенію общей массы произведеній страны. Точно такое же различіе существуетъ между помощью, доставляемою работнику чрезъ посредство работы и милостынею или подаяніемъ, которое развиваетъ безпечность и праздность. Система участковъ имѣетъ неоспоримое преимущество надъ приходскимъ вспомоществованіемъ. Но я не вижу, почему оба эти плана должны оказывать существенно различное дѣйствіе на заработную плату и народонаселеніе. Помощь всякаго рода даетъ возможность работнику существовать съ меньшею платою, и потому въ заключеніе, необходимо понижаетъ цѣну труда на сумму, равную этой помощи, развѣ перемѣна произойдетъ въ идеяхъ и потребностяхъ рабочаго класса, перемѣна, которая заставитъ работника цѣнить дороже удобства жизни и для себя и для людей, близкихъ къ нему. Трудно ожидать подобнаго результата отъ системы участковъ. Обыкновенно говорятъ, что владѣніе землею дѣлаетъ работника предусмотрительнымъ: это справедливо, если земля составляетъ его собственность, или по-крайней-мѣрѣ, если онъ нанимаетъ ее на многолѣтній срокъ, на постоянныхъ условіяхъ; но наемъ, ежегодно возобновляющійся, никогда, сколько извѣстно, не производитъ этого дѣйствія. Правда, множество свидѣтельствъ говорятъ о благодѣтельной перемѣнѣ въ поведеніи и въ состояніи работниковъ, получающихъ эти участки; но это очень естествен-

(*) Мелкопомѣстный фермеръ.

ный результатъ, когда число ихъ незначительно, когда они составляютъ привилегированный классъ и желаютъ, поэтому, сохранить свое положеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ избранный классъ состоитъ изъ совершеннѣйшихъ образчиковъ рабочаго класса и это большая невыгода въ томъ отношеніи, что система участковъ умножаетъ число браковъ и увеличиваетъ народонаселеніе между такими людьми, которые, въ противномъ случаѣ, благоразумно ограничили бы его возростаніе. Что же касается вліянія этого плана на состояніе цѣлаго рабочаго класса вообще, то оно должно быть или недѣйствительно, или вредно. Если только немногіе работники получаютъ эти участки, то это обыкновенно бываетъ такого рода люди, которые могли бы обойтись безъ нихъ, и цѣлый рабочій классъ ничего не выигрываетъ; напротивъ, если эта система найдетъ всеобщее приложеніе, если каждый работникъ будетъ имѣть свой участокъ, то она въ дѣйствіи своемъ должна быть совершенно тождественна съ вспоможеніемъ имъ выдаваемыхъ приходами для пополненія неудовлетворительной заработной платы. Я увѣренъ, что еслибъ въ концѣ прошедшаго столѣтія въ Англіи была введена система участковъ вмѣсто приходскаго вспомоществованія, то она точно такъ же нарушила бы препятствія, практически-останавливающія размноженіе народонаселенія; народонаселеніе точно такъ же стало бы множиться и, по прошествіи двадцати лѣтъ, заработная плата понизилась бы такъ же значительно, какъ и подъ вліяніемъ приходской льготной системы.

Въ нашихъ изслѣдованіяхъ о заработной платѣ мы досихъ-поръ ограничивались разсматриваніемъ такихъ причинъ, которыя дѣйствуютъ вообще, собирательно, en masse такихъ законовъ, которые опредѣляютъ возмездіе труда обыкновеннаго, не принимая въ разсчетъ существованіе раз-

личныхъ работъ, различно вознаграждаемыхъ, подъ вліяніемъ различныхъ законовъ. Мы обратимъ теперь вниманіе на эти различія и разсмотримъ, въ какой степени они измѣняютъ заключенія, нами выведенныя, или какимъ образомъ они измѣняются вслѣдствіе ихъ.

Извѣстная глава сочиненія Адама Смита (*) содержитъ лучшее изложеніе этого вопроса. Конечно, нельзя считать его изслѣдованія столь полнымъ и совершеннымъ, какъ это думаютъ многіе, но его разборъ удовлетворителенъ.

«Различія (говоритъ онъ) между прочимъ, происходятъ частью отъ политики Европы, «которая нигдѣ не предоставляетъ существующій порядокъ вещей естественному ходу» и частью «отъ извѣстныхъ обстоятельствъ, существующихъ въ самыхъ работахъ и которыя, или дѣйствительно или по-крайней-мѣрѣ въ воображеніи людей, въ одномъ случаѣ вознаграждаютъ за малую денежную выгоду, въ другомъ случаѣ уравновѣшиваютъ большія выгоды». Эти обстоятельства, по его мнѣнію, суть «первое: непріятность и пріятность занятія; второе: легкое и дешевое, или трудное и дорогое обученіе; третье: постоянство и непостоянство занятія; четвертое: бо̀льшее или мéньшее довѣріе къ лицамъ трудящимся и, пятое: бо̀льшая или мéньшая вѣроятность успѣха».

Адамъ Смитъ объясняетъ эти пункты множествомъ примѣровъ, между которыми многіе заимствованы изъ несуществующаго въ наше время порядка вещей.

«Заработная плата (говоритъ онъ) измѣняется, смотря по легкости или трудности, чистотѣ или неопрятности, почету или безчестію занятія. Такимъ-образомъ, во многихъ мѣстахъ портной заработываетъ въ продолженіе года менѣе ткача. Работа его гораздо легче». Со временъ

(*) A. Smith. Wealth of nations book. I. ch. 10.

Адама Смита обстоятельства очень перемѣнились относительно платы ткачей; работникъ, способный къ ремеслу болѣе трудному, нежели портное мастерство, никогда не захотѣлъ бы сдѣлаться ткачомъ. «Ткачъ заработываетъ менѣе кузнеца; работа его не бываетъ во всѣхъ случаяхъ легче, но гораздо опрятнѣе кузнечнаго ремесла». Причина болѣе вѣроятная, что эта работа требуетъ менѣе тѣлесной силы. «Кузнецъ, хотя онъ мастеровой, рѣдко заработываетъ въ продолженіе двѣнадцати часовъ столько же, сколько выработываетъ въ продолженіе восьми часовъ углекопъ, который только простой работникъ. Ремесло кузнеца не такъ грязно, менѣе опасно и производится при дневномъ свѣтѣ, на поверхности земли. Почетъ представляетъ также значительную долю возмездія каждаго честнаго ремесла, которое въ денежномъ отношеніи, сравнительно, гораздо менѣе выгодно. Неопрятность оказываетъ противоположное дѣйствіе, ремесло мясника — грубое и непріятное занятіе, но во многихъ мѣстахъ оно гораздо прибыльнѣе нежели бо̀льшая часть обыкновенныхъ промысловъ.»

Одна изъ причинъ особеннаго пристрастія ткачей къ своему ремеслу, несмотря на скудное возмездіе, ими получаемое, есть независимая дѣятельность работника. «Онъ можетъ играть или оставаться празднымъ (замѣчаетъ одинъ практикъ (*), пользующійся авторитетомъ въ Англіи), смотря по расположенію или склонности, вставать рано или поздно, работать прилежно или нерадиво, какъ ему угодно, и, прилагая большое стараніе, наверстать часы, имъ проведенные въ праздности или забавахъ. Едва-ли существуетъ другое состояніе въ рабочемъ классѣ, столь же неза-

(*) Muggridge's Report to the handloom weavers inquiry commission.

висимое отъ внѣшняго надзора. Фабричный работникъ лишается части заработной платы за свое отсутствіе и даже теряетъ свое мѣсто, если подобная неакуратность часто повторяется. Каменьщикъ, плотникъ, красильщикъ, столяръ заняты въ опредѣленные часы дня, и неявка ихъ въ эти часы ведетъ къ подобнымъ же послѣдствіямъ». Вотъ почему «ткачъ не измѣняетъ своему станку, пока онъ доставляетъ ему средства къ существованію, какъ бы ни были они скудны, и работники, которые бываютъ принуждены оставить его на-время, опять возвращаются къ нему, когда открывается только возможность получить работу» (*).

«Занятіе болѣе постоянно въ однихъ ремеслахъ нежели въ другихъ (говоритъ Адамъ Смитъ) (**). На фабрикахъ поденный работникъ увѣренъ, что онъ найдетъ занятіе каждый день въ продолженіе года» (разумѣется, исключая тѣхъ случаевъ, когда дѣятельность фабричная останавливается вслѣдствіе избытка произведеній, переполняющихъ рынки, прекращенія запроса на нихъ или торговыхъ кризисовъ). «Каменотёсъ, или каменьщикъ, напротивъ, не можетъ работать въ большіе морозы и дождливую погоду, и въ прочее время занятія ихъ зависятъ отъ случайнаго требованія лицъ, ихъ занимающихъ. Поэтому они часто могутъ оставаться безъ дѣла. Возмездіе, получаемое ими, пока они заняты работою, должно, слѣдственно, содержать ихъ въ праздное время и, кромѣ того, вознаграждать ихъ за минуты отчаянія и заботы, которыя, по-временамъ, необходимо возбуждаетъ мысль о непрочности ихъ положенія. Средняя заработная плата фабричныхъ работниковъ и простыхъ поденьщиковъ одинакова, но каменьщики и камено-

(*) Ibid.

(**) A Smith. W. of nat. b. 1 c. x.

за него плата не прямо пропорціональны, но вообще находятся въ обратномъ отношеніи,

Вліяніе сомнительнаго успѣха на вознагражденіе труда гораздо удовлетворительнѣе объяснено Адамомъ Смитомъ. Если большая вѣроятность въ пользу совершенной неудачи, то возмездіе, въ случаѣ успѣха, должно быть достаточно, чтобъ вознаградить въ общей оцѣнкѣ за всѣ возможныя неудачи; но, съ другой стороны, вслѣдствіе другаго свойства человѣческой природы, если это вознагражденіе является въ видѣ немногихъ, значительныхъ призовъ, то оно привлекаетъ такое множество соперниковъ, что средняя величина этого вознагражденія можетъ быть приведена къ нулю или отрицательному количеству. Успѣхъ лотерей доказываетъ, что это возможно, потому-что масса рискующихъ должна терять, иначе ихъ учредители не могли бы выигрывать. Извѣстныя занятія, по мнѣнію Адама Смита, представляютъ подобное же явленіе.

«Вѣроятность (говоритъ онъ), что человѣкъ, приготовленный воспитаніемъ къ извѣстному занятію, окажется къ нему способнымъ, бываетъ различна въ различныхъ занятіяхъ. Въ бо́льшей части механическихъ ремеслъ успѣхъ почти всегда вѣренъ; но онъ очень сомнителенъ въ свободныхъ искусствахъ. Отдайте вашего сына въ ученье башмачнику: нѣтъ сомнѣнія, онъ выучится шить башмаки; но заставьте его изучать законовѣдѣніе—и, можно отвѣчать двадцать противъ одного, успѣетъ ли онъ достигнуть такого совершенства, чтобъ существовать своимъ занятіемъ. Въ правильно устроенной лотереѣ тѣ лица, на долю которыхъ выпадаютъ призы, должны бы выигрывать все, что́ теряютъ другіе, выдергивающіе пустые нумера. Въ занятіи, въ которомъ изъ двадцати успѣваетъ одинъ, этотъ одинъ долженъ выигрывать все, что́ выручили бы двадцать, неимѣв-

шіе успѣха. Адвокатъ, начинающій въ сорокъ лѣтъ извлекать что-нибудь изъ своего занятія, долженъ получить возмездіе не только за свое дорогое и утомительное приготовленіе, но также за воспитаніе двадцати другихъ, которые, вѣроятно, никогда не извлекутъ изъ него никакой пользы. Какъ ни высока повидимому плата, получаемая адвокатами, но она всегда ниже настоящаго возмездія, по справедливости имъ слѣдующаго...»

Всѣ эти случаи, въ которыхъ различіе въ вознагражденіи необходимо, чтобъ сравнить различную степень привлекательности труда, представляютъ примѣры уравнивающаго дѣйствія свободнаго совмѣстничества. Слѣдующіе случаи различія заработной платы, дѣйствительно существующаго, происходятъ вслѣдствіе другаго начала. «Плата за трудъ (говоритъ Адамъ Смитъ) измѣняется по мѣрѣ довѣрія, которое возлагается на работника. Ювелиры и золотыхъ дѣлъ мастера вездѣ получаютъ бо́льшую плату, нежели другіе работники, по искусству съ ними равные, и даже ихъ превосходящіе, вслѣдствіе драгоцѣнности матеріаловъ, которые довѣряются имъ. Мы довѣряемъ наше здоровье доктору, наше состояніе, въ иныхъ случаяхъ, нашу жизнь, наше доброе имя адвокату и прокурору (attorney). Подобная довѣренность не можетъ быть возложена на людей низкаго состоянія: поэтому возмездіе ихъ должно обезпечить имъ это положеніе въ обществѣ, которое необходимо для подобнаго довѣрія».

Высшее возмездіе въ этомъ случаѣ не есть слѣдствіе совмѣстничества, не есть вознагражденіе за невыгоды, соединенныя съ занятіемъ, но есть результатъ естественной монополіи. Еслибъ всѣ работники одинаково заслуживали довѣріе, то не было бы необходимости давать лишнюю плату золотыхъ дѣлъ мастерамъ, ради этого особеннаго каче-

ства. Необходимая степень честности не такъ обыкновенна, и люди, которые могутъ показать, что они имѣютъ это достоинство, пользуются этимъ преимуществомъ и получаютъ высшую плату соразмѣрно его рѣдкости. Здѣсь открывается рядъ разсужденій, которыя не были приняты въ разсчетъ ни Адамомъ Смитомъ, ни большинствомъ позднѣйшихъ политико-экономовъ, и вслѣдствіе этого невниманія, они очень несовершенно представили разницу между платою за обыкновенный трудъ и вознагражденіемъ за искусную работу.

Нѣкоторыя занятія требуютъ болѣе продолжительнаго и труднаго ученія, и эта особенность, по объясненію Адама Смита, есть существенная причина, почему они болѣе вознаграждаются. Если ремесленникъ долженъ проработать нѣсколько лѣтъ, чтобъ только выучиться своему ремеслу и потомъ упражняться въ немъ еще нѣсколько лѣтъ, чтобъ пріобрѣсть необходимое искусство для нѣжной работы, то онъ надѣется впереди получить достаточное возмездіе, чтобъ вознаградить весь прошедшій трудъ, ожиданіе этого возмездія и расходы ученія. Его заработная плата, слѣдственно, должна представлять, кромѣ обыкновеннаго вознагражденія за трудъ, достаточный доходъ, чтобъ заплатить ему всѣ эти суммы въ теченіе его жизни, пока онъ занимается своимъ ремесломъ. Этотъ избытокъ заработной платы, необходимый, чтобъ сравнять, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, преимущества простыхъ и искусныхъ работниковъ, представляетъ только самую малую разницу между ихъ соотвѣтствующимъ возмездіемъ. Адамъ Смитъ, въ своемъ объясненіи, принимаетъ въ уваженіе только эту разницу. Если несоразмѣрность въ заработной платѣ слишкомъ велика, то она, согласно съ его мнѣніемъ, повидимому должна быть приписана цеховымъ и гильдейскимъ постановленіемъ, огра-

ничивающимъ доступъ ко многимъ ремесламъ. Но, независимо отъ этой искусственной монополіи, искусные работники пользуются естественною монополіею, которая производитъ это значительное различіе въ ихъ возмездіи, возвышая въ нѣсколько разъ вознагражденіе, достаточное для одного только уравненія ихъ преимуществъ. Еслибъ одно только изученіе ремесла давало возможность простымъ работникамъ соперничествовать съ искусными ремесленниками, то заработная плата не превосходила бы возмездія, достаточнаго для вознагражденія за это ученіе. Но потребность самаго дешеваго образованія, или даже необходимость существовать въ продолженіе значительнаго времени другими средствами и не зависѣтъ отъ работы, вездѣ лишаетъ массу рабочаго народа возможности къ подобному совмѣстничеству. Еще очень недавно всѣ занятія, требующія одного знанія грамоты, были предоставлены одному избранному классу; большинство не имѣло случая получать даже этого начальнаго образованія. Вслѣдствіе этого, возмездіе въ подобныхъ занятіяхъ было чрезвычайно въ сравненіи съ обыкновенною платою за простой трудъ. Съ того времени, какъ первоначальное образованіе сдѣлалось доступнымъ для массы народа, плата, вознаграждающая занятія, требующія этого образованія, значительно понизилась; совмѣстничество возросло въ неимовѣрной степени; хотя все-таки это возмездіе представляетъ большую несоразмѣрность, несообразную съ соперничествомъ. Писецъ, отъ котораго требуется только механическій трудъ переписыванія, былъ бы совершенно вознагражденъ за одну механическую дѣятельность, еслибъ онъ получалъ заработную плату каменьщика. Работа его далеко не такъ тягостна; выучиться ей не составляетъ большаго затрудненія и положеніе его болѣе постоянно, потому-что мѣсто конторщика или

писца обыкновенно бываетъ пожизненное. Высшее возмездіе, имъ получаемое, слѣдственно, должно быть отнесено частью къ монополіи: необходимое образованіе, даже въ этой первоначальной степени недовольно распространено, чтобъ вызвать естественное число совмѣстниковъ. Во многихъ ручныхъ работахъ, требующихъ особенной ловкости, обыкновенно пріобрѣтаемой, послѣ долгаго упражненія, трудно бываетъ найдти способныхъ работниковъ въ достаточномъ числѣ даже за огромную плату, и эта плата опредѣляется только цѣною, которую покупатели соглашаются дать за ихъ произведенія. Часовщики и мастера астрономическихъ инструментовъ поставлены въ этихъ обстоятельствахъ. Еслибъ работники, знающіе дѣло, были въ десять разъ многочисленнѣе, то пашлись бы покупатели для ихъ произведеній, разумѣется, по низшей цѣнѣ, которая была бы естественнымъ слѣдствіемъ пониженія ихъ заработной платы.

Намъ остается замѣтить здѣсь еще одно противодѣйствующее обстоятельство, измѣняющее въ извѣстной степени вліяніе началъ, на которыя мы указали. Справедливо, какъ общее правило, что заработная плата труда искуснаго, особенно если онъ требуетъ школьнаго образованія, есть вознагражденіе монополіи, вслѣдствіе невозможности для массы получить это образованіе; но справедливо также, что правительство и благотворительность частныхъ лицъ искони противодѣйствовали вліянію этого ограниченія совмѣстничества, доставляя безвозмездное образованіе болѣе многочисленному классу людей, которые, въ противномъ случаѣ, не могли бы воспользоваться его преимуществами. Адамъ Смитъ указываетъ на вліяніе этой причины въ пониженіи возмездія вообще за труды школьные и книжные и въ особенности за дѣятельность лицъ духов-

ныхъ, ученыхъ, учителей и другихъ образователей юношества.

«Прежде считалось необходимостью (говоритъ Адамъ Смитъ) образовать извѣстное число молодыхъ людей для нѣкоторыхъ занятій, и правительство или иногда благотворительность частныхъ учредителей основали многія стипендіи, школы, выставки и пр., чтобъ привлечь къ этимъ занятіямъ большое число людей, которые, въ противномъ случаѣ, не избрали бы ихъ. Я полагаю, во всѣхъ христіанскихъ странахъ, воспитывается такимъ образомъ бо́льшая часть духовенства. Немногіе изъ него образуются на свой собственный счетъ. Продолжительное, утомительное и дорогое образованіе, вслѣдствіе этого, не всегда доставляетъ духовнымъ лицамъ приличное возмездіе. Этотъ классъ представляетъ въ государствахъ Западной Европы множество людей, которые, чтобъ только найдти занятіе, готовы согласиться на плату гораздо ниже возмездія, справедливо имъ слѣдующаго по ихъ воспитанію, и такимъ образомъ совмѣстничество бѣдныхъ лишаетъ богатыхъ справедливаго вознагражденія.»

«Этотъ бѣдствующій классъ людей, извѣстный подъ общимъ названіемъ ученыхъ, находится почти въ такомъ же положеніи. Вездѣ, въ Европѣ, большая часть ихъ воспитывалась для духовнаго званія и, по различнымъ причинамъ, принуждена была уклониться отъ принятія духовнаго сана. Слѣдственно, всѣ они, говоря вообще, были образованы на общественный счетъ, и число ихъ вездѣ такъ велико, что плата за ихъ трудъ представляетъ самое скудное вознагражденіе.»

«До изобрѣтенія книгопечатанія единственное занятіе, въ которомъ ученые могли заработать что-нибудь своими способностями, было обязанность учителя, сообщавшаго

другимъ любопытныя и полезныя знанія, имъ пріобрѣтенныя. Эта обязанность, конечно, и въ наше время почетнѣе, полезнѣе и прибыльнѣе авторскаго труда, начало которому положило книгопечатаніе...» (*).

Запросъ на литературный трудъ такъ увеличился со временъ Адама Смита, что его скудное вознагражденіе не можетъ быть исключительно приписано вліянію безвозмезднаго общественнаго воспитанія. Но другая причина, въ нѣкоторой степени, подобная этому вліянію, производитъ то же самое дѣйствіе, именно совмѣстничество людей, которыхъ, по аналогіи, съ прочими искусствами, можно назвать любителями. Люди, которыхъ время посвящено исполненію другихъ обязанностей, могутъ имѣть успѣхъ въ занятіяхъ литературныхъ, и каждый образованный человѣкъ получаетъ воспитаніе, необходимое для этой дѣятельности. При настоящемъ положеніи общества, трудъ литературный, независимо отъ денежнаго вознагражденія, имѣетъ большую привлекательность для людей, желающихъ удовлетворить своему тщеславію, или употребляющихъ его, какъ орудіе, для достиженія другихъ цѣлей. Эти побужденія привлекаютъ на поприще литературы и науки большое и постоянно возростающее число лицъ, которыя не нуждаются въ денежномъ вознагражденіи и которыя, во всякомъ случаѣ, обратились бы къ нему, еслибъ даже это вознагражденіе не существовало. Вслѣдствіе этого, хотя въ наше время, наибо́льшее денежное возмездіе автора, имѣющаго успѣхъ, несравненно выше, нежели оно было прежде, но, принимая въ разсчетъ всѣ вѣроятности существующаго совмѣстничества, ни одинъ писатель не можетъ надѣяться жить своими сочиненіями. Только самый скучный, самый непріятный видъ

(*) A Smith. W. of nat. B. 1 C. X. P. VI.

литературнаго труда, недоставляющій ни славы, ни извѣстности—трудъ журналиста, можетъ еще доставить средства къ существованію. Конечно, возмездіе за него очень значительно, потому-что хотя онъ и предоставленъ совмѣстничеству бѣдныхъ литераторовъ, но любители, живущіе другими средствами, рѣдко являются кандидатами для этого рода занятій.

Если работа исполняется премущественно лицами, которыя получаютъ главныя средства къ существованію изъ другихъ источниковъ, то возмездіе за нея можетъ быть гораздо ниже платы за трудъ одинаковой тягости въ другихъ занятіяхъ. Домашняя промышленость представляетъ намъ главный примѣръ этого явленія. Когда пряденье и вязанье занимали въ каждой хижинѣ семейства, существовавшія земледѣліемъ, ихъ издѣлія продавались по такой низкой цѣнѣ, что фабриканты могли подорвать этихъ промышленниковъ только при помощи великихъ маханическихъ усовершенствованій. Возмездіе въ этомъ случаѣ опредѣляется смотря по тому, достаточно ли количество издѣлій, производимыхъ этимъ трудомъ, чтобъ удовлетворить существующему на нихъ запросу. Если оно недостаточно и открывается необходимость для нѣкоторыхъ работниковъ посвятить себя исключительно этому занятію, то цѣна произведеній должна быть довольно-высока, чтобъ вознаградить ихъ по существующей таксѣ за трудъ и доставить щедрое возмездіе домашнимъ производителямъ. Если же требованіе такъ ограниченно, что домашняя мануфактурная промышленость съ избыткомъ удовлетворяетъ ему, то цѣна произведеній естественно понижается до наименьшаго возмездія, за которое крестьянское семейство находитъ для себя выгоднымъ продолжать производство ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, Цюрихъ можетъ соперничествовать на европейскихъ рынкахъ съ Ан-

гліею, потому-что швейцарскіе ремесленники не зависятъ въ средстахъ къ существованію исключительно отъ своихъ пялецъ. Четыре-пятыхъ фабрикантовъ въ Цюрихскомъ Кантонѣ мелкопомѣстные землевладѣльцы. Хлопчато-бумажная промышленость занимаетъ около двадцати-трехъ тысячъ человѣкъ—почти десятую долю пародонаселенія, и они потребляютъ соразмѣрно болѣе хлопчатой бумаги, нежели Англія и Франція. Такимъ-образомъ опредѣляется возмездіе постороннихъ или второстепенныхъ занятій; но вліяніе этихъ вспомогательныхъ источниковъ на работниковъ обнаруживается также соотвѣтствующимъ пониженіемъ платы за ихъ главное занятіе. Образъ жизни рабочаго народа располагается вездѣ по извѣстному масштабу, опредѣляющему положеніе, въ которомъ можетъ и долженъ существовать семейный работникъ. Для него все-равно, получаетъ ли онъ изъ одного, или изъ двухъ источниковъ доходъ, поддерживающій его въ этомъ состояніи; если открывается другой источникъ дохода, то они менѣе нуждаются въ первомъ источникѣ и размножаютъ свое поколѣніе (какъ это было до-сихъ-поръ по-крайней-мѣрѣ), пока сложный приходъ ихъ, вѣроятно, не будетъ болѣе возмездія, доставляемаго имъ однимъ которымъ нибудь-занятіемъ.

По этой же причинѣ, ремесла въ которыхъ жена и дѣти ремесленника участвуютъ въ работахъ, вообще вознаграждаются скудно. Доходъ, доставляемый этими ремеслами, представляетъ соединенную плату, заработываемую цѣлымъ семействомъ; въ другихъ же занятіяхъ трудъ одного человѣка приноситъ этотъ доходъ. Вѣроятно даже, что эта соединенная заработная плата составляетъ меньшую сумму, нежели возмездіе одного человѣка въ послѣднемъ случаѣ, потому-что благоразуміе не останавливаетъ вступленія въ бракъ, когда первое слѣдствіе брака обнаруживает-

ся улучшеніемъ обстоятельствъ, прибавленіемъ къ средствамъ семейнаго работника заработной платы жены его. Подобное явленіе представляютъ ткачи: во многихъ отрасляхъ ткацкаго ремесла женщина заработываетъ столько же, сколько и мужчина; и дѣти начинаютъ трудиться въ раннихъ лѣтахъ; но сложная заработная плата цѣлаго семейства гораздо ниже, нежели въ другихъ родахъ промышлености, и рабочіе женятся гораздо ранѣе. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ этого ремесла плата гораздо выше обыкновеннаго возмездія, и въ этихъ отрасляхъ женщины и дѣти не принимаютъ участія въ работѣ. Коммиссія, изслѣдывавшая положеніе ткачей въ Великобританіи, свидѣтельствуетъ объ этихъ фактахъ въ своемъ отчетѣ. Это не доказываетъ, однакожь, что женщины должны быть исключены и лишены свободнаго совмѣстничества на рынкахъ труда. Даже если соединенный трудъ мужчины и женщины вознаграждается не болѣе нежели трудъ одного мужчины, то выгода для женщины, что она не обременяетъ въ средствахъ существованія своего мужа, уравниваетъ эту несоразмѣрность. Но, что касается дѣтей, которыя необходимо зависятъ отъ родителей, то вліяніе ихъ совмѣстничества на пониженіе заработной платы составляетъ важный элементъ въ вопросѣ объ ограниченіи ихъ участія въ работѣ, чтобъ обезпечить совершеннѣе ихъ воспитаніе.

Замѣчательно, что женщины вообще получаютъ низшую заработную плату, нежели мужчины. Впрочемъ, это не всегда такъ бываетъ. Когда мужчины и женщины заняты одинаковою дѣятельностью, къ которой они одинаково способны по своей физической силѣ, они не всегда получаютъ различную плату: на фабрикахъ иногда женщины вырабатываютъ столько же, сколько и мужчины. То же самое долж-

но быть сказано и о ткацкой работѣ, за которую имъ платится поштучно и которая, поэтому, представляетъ вѣрную оцѣнку ихъ дѣятельности. Но главный вопросъ касается исключительно женскихъ занятій: онѣ вознаграждаются, я полагаю, всегда гораздо ниже работъ, исполняемыхъ мужчинами, и которыя одинаково тягостны или требуютъ одинаковаго искусства. Очевидно, приведенное объясненіе прилагается также здѣсь во многихъ случаяхъ; такъ, напримѣръ, заработная плата домашней прислуги опредѣляется не совмѣстничествомъ, но обычаемъ, и мужской полъ получаетъ гораздо бо́льшую долю. Въ занятіяхъ такого рода, гдѣ лица, доставляющія работу, пользуются всѣми выгодами совмѣстничества, низкая плата женщинъ, въ сравненіи съ возмездіемъ мужчины, доказываетъ, что хотя гораздо меньшее число женщинъ существуетъ заработною платою, ими получаемою, но число занятій, законами и обычаями женщинамъ предоставленныхъ, болѣе ограниченно, такъ-что поприще ихъ дѣятельности еще болѣе наполнено желающими трудиться. Мы должны замѣтить, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, этотъ избытокъ числа ищущихъ работы вообще понижаетъ гораздо значительнѣе заработную плату женщинъ, нежели возмездіе мужчинъ. Плата, получаемая одинокою женщиною, должна соотвѣтствовать потребностямъ, необходимымъ для ея существованія, и minimum, наименьшая величина ея, представляетъ самую скудную долю, рѣшительно необходимую для поддержанія человѣческой жизни. Заработная плата мужчины, при самомъ обильномъ совмѣстничествѣ, никогда не падаетъ до этой низшей степени. Если жена рабочаго не участвуетъ въ его дѣятельности то возмездіе, имъ получаемое, должно быть достаточно, чтобъ содержать его самого, жену и дѣтей. И даже, если жена, съ своей стороны, заработываетъ что-ни-

будь, то соединенное ихъ возмездіе должно быть удовлетворительно, чтобъ они могли существовать съ своими дѣтьми, по-крайней-мѣрѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. *Nec plus ultra* низкой платы, слѣдственно, представляютъ намъ женскія занятія.

Въ заключеніе этого очерка, я долженъ повторить уже сдѣланное мною замѣчаніе, что заработная плата въ нѣкоторыхъ видахъ труда опредѣляется обычаемъ, а не совмѣстничествомъ. Таково, напримѣръ, возмездіе доктора, адвоката: оно вообще не измѣняется; и хотя совмѣстничество оказываетъ на него то же самое вліяніе, какъ и въ другихъ трудящихся классахъ общества, но оно дѣйствуетъ раздѣляя работу, не уменьшая слѣдующей за нея платы. Причина этого различія заключается въ общемъ мнѣніи, что эти лица внушаютъ большое довѣріе, если имъ платится высокое возмездіе, пропорціонально ими исполняемой работѣ. Еслибъ адвокатъ, или докторъ, предложили свои услуги за низшую плату, то, вѣроятно, практика ихъ уменьшилась бы, вмѣсто того, чтобъ увеличиться. По тѣмъ же причинамъ мы обыкновенно платимъ дороже лицамъ, на которыхъ мы желаемъ возложить особенное довѣріе или отъ которыхъ требуемъ услуги болѣе нежели обыкновенныя. Напримѣръ: многіе, кто имѣетъ на то средства, даютъ домашней прислугѣ высшую плату противъ цѣны рыночной, за которую они могли бы найдти людей одинаково способныхъ къ работѣ. Они дѣлаютъ это не по одному тщеславію, но вслѣдствіе болѣе благоразумныхъ побужденій: они желаютъ, чтобъ люди, служащіе имъ, были довольны, чтобъ они дорожили своимъ мѣстомъ; или они не хотятъ заключить съ человѣкомъ, съ которымъ находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, невыгоднаго для него уговора, или, наконецъ, для нихъ непріятно, чтобъ люди, которыхъ они безпрестанно

тія, но не раздѣляетъ заботъ и, въ уваженіе этой опасности, получаетъ не одинъ ростъ, но также и условленную долю общихъ барышей. Иногда одно лицо доставляетъ весь капиталъ и принимаетъ всю отвѣтственность промышленнаго дѣла, которое исполняется подъ его именемъ исключительно, между-тѣмъ, какъ всѣ заботы хозяйственнаго управленія предоставляются другому лицу, получающему за то опредѣленную плату. Впрочемъ, управленіе наемниковъ, неимѣющихъ другаго интереса въ предпріятіи, кромѣ полученія своей платы, всегда неудовлетворительно, развѣ они дѣйствуютъ подъ присмотромъ лица, главнымъ образомъ заинтересованнаго; благоразуміе внушаетъ назначить такому управителю, безъ надзора дѣйствующему, возмездіе, отчасти зависящее отъ барышей; или, наконецъ, владѣлецъ капитала самъ ведетъ дѣло, принимая въ товарищество, смотря по желанію, или возможности, другихъ капиталистовъ, которые захотятъ довѣрить ему свою собственность. Но при всѣхъ этихъ комбинаціяхъ, тѣ же три элемента, именно: бережливость, отвага и дѣятельность, требуютъ особеннаго возмездія, которое они получаютъ изъ общей прибыли; и общая прибыль сама соотвѣтственно раскадывается на три части: ростъ, страховое и плата за управленіе.

Наименьшая прибыль бываетъ едва удовлетворительна, чтобъ доставить соотвѣтствующее возмездіе въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время за бережливость, отвагу и дѣятельность, съ которыми соединено приложеніе капитала. Прежде всего изъ общей прибыли должна быть вычтена достаточная сумма, чтобъ составить необходимый фондъ для покрытія всѣхъ потерь, обыкновенно случающихся въ каждомъ промышленномъ дѣлѣ; потомъ эта прибыль должна доставить соотвѣтствующее возмездіе владѣльцу капитала за бережливость или воздержаніе отъ потребленія его,

возмездіе достаточно-великое, чтобъ поддержать на будущее время эту умѣренность. Какъ велика должна быть эта доля — это зависитъ отъ сравнительной важности, которую представляетъ для общества настоящее и будущее время, или (какъ мы выражались прежде) отъ силы желанія копить. Далѣе, нѣкоторая часть общей прибыли должна быть оставлена для вознагражденія за трудъ и искусство лица, посвящающаго свое время этому предпріятію. Это вознагражденіе должно быть достаточно, чтобъ побудить большихъ капиталистовъ, или назначаемыхъ ими управителей, взять на себя подобный трудъ. Если вся прибыль исчерпывается съ выдѣломъ этой части, то въ такомъ случаѣ только одни большіе капиталы будутъ обращены на производительное приложеніе; и если она еще менѣе, то весь капиталъ будетъ извлеченъ изъ приложенія производительнаго и потребленъ непроизводительно.

Такова, слѣдственно, наименьшая прибыль; но это minimum, эта наименьшая величина прибыли чрезвычайно мѣняется вслѣдствіе измѣняемости двухъ составляющихъ ея элементовъ: и въ извѣстное время, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ она бываетъ очень незначительна. Мы видѣли въ одной изъ предъидущихъ главъ, что желаніе копить и необходимое вознагражденіе за бережливость бываетъ необыкновено-различно въ различныхъ обществахъ, при различныхъ степеняхъ цивилизаціи. Другой элементъ, представляющій возмездіе за рискъ, представляетъ еще бо́льшую измѣняемость. Я не разумѣю здѣсь различія въ отношеніи риска, существующаго въ разныхъ видахъ производительнаго приложенія капитала въ одномъ и томъ же обществѣ; я говорю теперь о различіи обезпеченія собственности въ различныхъ обществахъ. На Востокѣ, гдѣ владѣлецъ находится въ постоянной опасности лишиться своей собствен-

ности, которую во всякое время могутъ отнять у него или деспотическое правительство, или его хищные и своевольные исполнители, только очень значительная прибыль можетъ побудить къ воздержанію отъ потребленія капитала въ свое удовольствіе. Эти случайности равно оказываютъ свое вліяніе на людей, которые живутъ ростомъ, получаемымъ ими съ ихъ капитала и которые сами лично заняты промышленною дѣятельностью.

При совершенно безопасномъ состояніи общества, случайности, соединенныя съ какою-нибудь отраслью промышленности, рѣдко постигаютъ заимодавца, если онъ даетъ капиталъ подъ вѣрное обезпеченіе; но при такомъ положеніи общества, какое мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Азіи, вѣрное обезпеченіе не существуетъ (развѣ залогомъ будетъ золото и драгоцѣнные камни). Заимодавцы въ этихъ государстахъ даютъ въ долгъ почти съ убѣжденіемъ никогда не получить своего долга обратно. Въ Индіи даже туземное правительство заключаетъ заемъ на такихъ условіяхъ, что если оно платитъ проценты только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и не возвращаетъ капитала, то кредиторы считаютъ себя достаточно вознагражденными; а если, въ заключеніе, въ уплату капитала и сложнаго интереса они получаютъ нѣсколько копеекъ за рубль, то такая операція еще доставляетъ имъ выгоды.

Вознагражденіе капиталиста не измѣняется въ различныхъ занятіяхъ болѣе нежели возмездіе работника, смотря по обстоятельствамъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ бо́льшая или меньшая привлекательность. Напримѣръ: барыши розничной торговли, пропорціонально капиталу, въ ней положенному, гораздо значительнѣе прибыли, получаемой оптовыми торговцами или фабрикантами, между-прочимъ, потому, что это занятіе недовольно почетно. Главнѣйшее ос-

нованіе для этихъ различій есть различіе въ опасности, соединенной съ занятіями. Барыши пороховаго заводчика должны быть сравнительно гораздо значительнѣе, чтобъ вознаградить его за особенную опасность, которой подвергаются онъ самъ и его собственность. Но если особенная опасность можетъ быть вознаграждена чрезъ застрахованіе, какъ это случается, напримѣръ, въ морской торговлѣ, то плата, или премія, за это обезпеченіе считается между расходами произвожденія, а возмездіе, получаемое владѣльцемъ корабля, или груза, за эту плату, въ случаѣ несчастія, не показывается между барышами, но включается въ капиталъ.

Часть общей прибыли, представляющая вознагражденіе за трудъ и искусство купца, или производителя, точно такъ же измѣняется въ различныхъ занятіяхъ. Нѣкоторыя занятія требуютъ значительнаго ученаго и техническаго образованія и могутъ быть исполнены людьми, имѣющими при этихъ познаніяхъ большой капиталъ. Таково, напримѣръ, занятіе гражданскаго инженера или механика, которое было всегда самымъ прибыльнымъ ремесломъ. Въ другихъ случаяхъ требуются большой трудъ и искусство, чтобъ вести дѣло въ необходимо-маломъ размѣрѣ: здѣсь нужна значительная прибыль, чтобъ доставить только обыкновенное возмездіе.

«Мелочной колоніальный торговецъ, живущій въ небольшомъ приморскомъ городѣ (замѣчаетъ Адамъ Смитъ)(*), получаетъ сорокъ и пятьдесятъ процентовъ прибыли на товаръ, стоющій не болѣе ста фунтовъ стерлинговъ, между-тѣмъ, какъ оптовой купецъ имѣетъ не болѣе восьми или десяти процентовъ на товаръ, представляющій десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ капитала. Мелочная торговля колоніальными произве-

(*) A Sm. of nat. B. 1 c. X. p. 1.

деніями доставляетъ необходимое удобство для жителей этого города, и ограниченность рынка не допускаетъ приложенія большаго капитала. Купецъ, однакожь, долженъ жить своею торговлею и жить прилично, по своему положенію. Владѣя небольшимъ капиталомъ, онъ долженъ, кромѣ-того, умѣть читать, писать и считать, долженъ быть хорошимъ знатокомъ нерѣдко въ пятидесяти или шестидесяти разнородныхъ товарахъ, знать цѣны ихъ, качества и рынки, гдѣ можно дешевле купить ихъ. Тридцать или сорокъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ не составляютъ чрезвычайнаго возмездія за труды такого способнаго человѣка. Вычтите эту сумму изъ прибыли повидимому огромной, которую онъ получаетъ съ своего капитала, и въ остаткѣ будетъ очень незначительный излишекъ противъ обыкновенныхъ барышей. Въ этомъ случаѣ бо́льшая часть видимой прибыли представляетъ заработную плату.»

Принявъ въ разсчетъ дѣятельность этихъ разнообразныхъ причинъ неровности барышей, каковы: различіе опасности и привлекательности въ различныхъ занятіяхъ и естественныя и искусственныя монополіи, мы найдемъ, что прибыль, доставляемая капиталомъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности стремится къ равенству. Таково предложеніе, обыкновенно утверждаемое политико-экономами, и оно справедливо въ извѣстномъ значеніи.

Часть прибыли, составляющая ростъ и представляющая дѣйствительное возмездіе зя бережливость, одинакова въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одно и то же время, какого бы рода ни было занятіе. Ростъ, при хорошимъ обезпеченіи, не измѣняется сообразно съ назначеніемъ капитала, хотя онъ очень измѣняется отъ времени до времени, сообразно съ положеніемъ рынка. При современномъ состояніи промышленности, торговля деньгами, вѣроятно, между всѣми

занятіями представляетъ самое дѣятельное соперничество. Всѣ промышленики, болѣе или менѣе, постоянно бываютъ заемщиками, между-тѣмъ, какъ лица, незанимающіяся промышленостью, но имѣющія денежную собственность, составляютъ классъ заимодавцевъ. Между этими двумя обширными отдѣлами общества существуетъ многочисленный классъ смышлёныхъ посредниковъ, состоящій изъ банкировъ, разныхъ маклеровъ, которые ловятъ всякій случай, чтобъ извлечь выгоду. Самое ничтожное обстоятельство, какое-нибудь преходящее впечатлѣніе на публику, которое можетъ уменьшить или увеличить запросъ на займы, въ настоящее или будущее время, оказываетъ быстрое вліяніе на величину роста: и при современномъ состояніи торговли постоянно встрѣчаются подобныя обстоятельства, измѣняющія часто этотъ запросъ въ такой степени, что учетъ самыхъ вѣрныхъ купеческихъ векселей перемѣняется, въ теченіе года, отъ четырехъ до шести процентовъ. Но въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одно и то же время величина роста бываетъ одинакова для всѣхъ, кто можетъ представить хорошее обезпеченіе. Рыночная величина роста во всѣ времена есть извѣстное и опредѣленное данное.

Совершенно другое явленіе представляетъ общая прибыль, хотя она не измѣняется, какъ мы увидимъ далѣе, въ различныхъ отрасляхъ занятія, но она измѣняется для каждаго лица. Эта прибыль зависитъ отъ способностей, познаній и энергіи самого капиталиста, или агентовъ, имъ употребляемыхъ, отъ личныхъ связей и даже случайностей. Два купца, занимающіеся одною торговлею, едва-ли производятъ ее съ одинаковыми расходами, или оборачиваютъ свои капиталы въ одно и то же время, даже если товары ихъ одинаковаго достоинства и одинаково дешевы. Пред-

положеніе, что равные капиталы даютъ равные барыши—ложно, какъ общее торговое правило.

Но хотя прибыль измѣняется такимъ образомъ, равенство ея въ извѣстномъ и очень важномъ значеніи существуетъ въ различныхъ видахъ приложенія капитала, при отсутствіи естественной или искусственной монополіи. Вообще, каковы бы ни были случайныя измѣненія, различныя приложенія капитала, не доставляя одинаковой прибыли, представляютъ одинаковую вѣроятность получить эту прибыль для лицъ обыкновенныхъ способностей, разумѣется, вознаградивъ за меньшую привлекательность или большую опасность занятія. Еслибъ это не было такъ, еслибъ одно занятіе очевидно соединяло болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для достиженія прибыли, нежели другія, то бо́льшее число капиталистовъ помѣстило бы въ немъ свои капиталы, или приготовило къ этому занятію своихъ дѣтей, что́ обыкновенно случается, когда начинаетъ особенно процвѣтать какое-нибудь промышленное предпріятіе, какая-нибудь вновь заведенная мануфактура. Если, напротивъ, извѣстная промышленость упадаетъ, или представляетъ ме́ньшую вѣроятность для прибыли, нежели другія занятія, то капиталы постепенно покидаютъ ее, или по-крайней-мѣрѣ эта промышленость не привлекаетъ новыхъ капиталовъ, и такимъ-образомъ эта перемѣна въ раздѣленіи капитала между менѣе и болѣе прибыльными занятіями возстановляетъ нѣкотораго рода равновѣсіе, слѣдственно различіе въ надеждахъ на прибыль не можетъ существовать долго въ различныхъ видахъ промышлености. Эти надежды стремятся къ уравненію, хотя онѣ вообще находятся въ постоянномъ колебаніи на предѣлахъ нормальнаго равенства.

Этотъ уравнивающій процесъ, обыкновенно представляемый въ видѣ перемѣщенія капитала изъ одного занятія въ

другое, не есть необходимо-трудная, тягостная, медленная операція, какъ очень часто его изображаютъ. Онъ не всегда требуетъ, чтобъ капиталъ, помѣщенный въ предпріятіи, былъ дѣйствительно извлеченъ изъ этого предпріятія. Когда капиталъ быстро возростаетъ, это уравниваніе часто совершается посредствомъ новыхъ ежегодныхъ къ нему прибавленій, которыя предпочтительно устремляются въ болѣе процвѣтающія отрасли промышлености. Даже когда бываетъ необходимо дѣйствительное перемѣщеніе капитала то и въ этихъ случаяхъ лица, занимающіяся мало-прибыльными промыслами, не бываютъ принуждены разомъ оставить свое занятіе и закрыть свои заведенія. Многочисленные, разнообразные каналы кредита, чрезъ которые у народовъ торговыхъ обыкновенно свободный капиталъ разливается на поприщѣ промышленной дѣятельности, представляютъ средства къ этому уравненію. Процесъ заключается въ ограниченіи или расширеніи купцами-производителями своихъ операцій, которыя ими совершаются на заемный капиталъ. Вѣроятно, немногіе промышленики, не многіе купцы, ведущіе значительную торговлю, ограничиваются въ своей коммерческой или промышленной дѣятельности только своими собственными капиталами. Когда торговля находится въ хорошемъ положеніи, они не только употребляютъ весь капиталъ, имъ принадлежащій, но, въ добавокъ, пользуются въ значительной степени кредитомъ, имъ доставляемымъ этимъ капиталомъ. Когда, или вслѣдствіе избытка товаровъ, или вслѣдствіе недостаточнаго на нихъ запроса, купецъ находитъ, что они продаются тихо, или по низкой цѣнѣ, онъ ограничиваетъ свои операціи и не обращается къ банкирамъ для заключенія новыхъ займовъ, и столь же обширныхъ, какъ и прежде. Напротивъ, занятіе, или отрасль промышлености, процвѣтающія, пред-

ставляютъ надежды на прибыльное помѣщеніе большаго количества вѣчно-двигающагося капитала, и люди, занимающіеся этою отраслью промышлености, обращаются къ банкирамъ за болѣзначительными займами, которые для нихъ легко получить, когда улучшаются обстоятельства. Различное раздѣленіе этого движущагося капитала между двумя отраслями промышлености точно такъ же возстановляетъ равновѣсіе въ прибыли, какъ еслибъ капиталисты покинули одну изъ нихъ и перевели свои капиталы въ другую отрасль. Этотъ легкій и самодѣятельный способъ приноровленія производительной дѣятельности, согласно съ запросомъ, совершенно достаточенъ, чтобъ исправить всѣ неровности, происходящія отъ колебанія торговли и отъ другихъ причинъ, обыкновенно дѣйствующихъ. Если извѣстная отрасль промышлености находится въ совершенномъ упадкѣ, если ея дѣятельность должна быть не только случайно измѣняема, но значительно и постоянно ограничена, или даже прекращена совершенно, то процесъ извлеченія капитала производится, безъ сомнѣнія, медленно, трудно, и почти всегда бываетъ соединенъ съ значительною потерею; но это зависитъ отъ другихъ обстоятельствъ. Обыкновенно большая часть капитала бываетъ помѣщена въ машинахъ, зданіяхъ и т. п., которыя не могутъ быть приложены къ другой цѣли, развѣ только послѣ значительныхъ передѣлокъ и, кромѣ того, промышленикъ рѣдко имѣетъ достаточно-продолжительный срокъ, чтобъ совершить эту перемѣну съ наименьшею потерею, именно, не возобновляя постояннаго капитала по мѣрѣ его разрушенія Наконецъ, промышленикъ, давая совершенно новое назначеніе своему капиталу, бываетъ принужденъ пожертвовать своими связями пріобрѣтенною имъ опытностью и искусствомъ, такъ-что онъ долго не рѣшается на подобную перемѣну, развѣ

положеніе его промышленности рѣшительно безнадежно. Но это случаи, выходятъ изъ общаго порядка, хотя равновѣсіе устанавливается даже и здѣсь въ заключеніе.

Итакъ вообще барыши, измѣняющіеся сообразно съ лицами и съ годами для одного и того же лица, представляютъ единообразіе для различныхъ занятій, которое нарушается развѣ на короткое время, или когда совершается рѣшительный переворотъ въ какой-нибудь отрасли промышленности. Мнѣніе, что одна отрасль прибыльнѣе другихъ, независимо отъ монополіи, совершенно ложно, потому-что занятія, особенно выгодными почитающіяся, привлекли бы такую массу капитала, которая скоро понизила бы прибыль до общаго уровня. Справедливо, что для лицъ, имѣющихъ одинаковыя средства, однѣ отрасли представляютъ бо́льшую вѣроятность получить обширную выгоду, нежели другія; но мы найдемъ также, что въ этихъ отрасляхъ банкрутства болѣе обыкновенны, и что ожиданіе значительнаго успѣха задерживается бо́льшою вѣроятностью совершенной неудачи. Очень часто даже перевѣсъ бываетъ на сторонѣ неудачи, потому-что надежда на бо́льшій призъ привлекаетъ конкуррентовъ съ бо́льшею силою, нежели допускаетъ математическій разсчетъ, и нѣтъ сомнѣнія, что общая прибыль въ отрасли промышленности и торговли, въ которой многіе пріобрѣли обширныя состоянія, ниже барышей, медленно, но вѣрно доставляемыхъ другими ея видами, гдѣ только умѣренный успѣхъ ожидаетъ капиталиста.

Предъидущія замѣчанія, я надѣюсь, достаточно разъяснили, что́ значитъ *обыкновенная прибыль*. Намъ остается разсмотрѣть теперь, какія причины опредѣляютъ ея величину.

Я предполагаю въ моихъ изслѣдованіяхъ, что работники

и капиталисты представляютъ особенные классы, какъ это обыкновенно бываетъ, за немногими исключеніями, и что капиталистъ уплачиваетъ всѣ расходы, включая и полное возмездіе трудящагося. Избытокъ произведеній, остающійся за всѣми выдачами для уплаты расходовъ, составляетъ прибыль его. Величина этой прибыли — отношеніе между этимъ излишкомъ и выданною суммою. Но что̀ представляютъ эти выдачи или эта выданная сумма?

Для насъ необходимо предположить пока, что капиталистъ не платитъ найма (потому-что этотъ элементъ произвожденія еще не былъ предметомъ нашихъ изслѣдованій), что онъ не платитъ за пользованіе естественнымъ дѣятелемъ, присвоеннымъ другими. Подобное предположеніе едва-ли когда-нибудь бываетъ практически совершенно справедливо. Земледѣльческій капиталистъ, если онъ не есть владѣлецъ обработываемой имъ земли, всегда, или почти всегда, платитъ за наемъ; и даже въ мануфактурной промышленности, не говоря уже о поземельныхъ деньгахъ, промышленикъ платитъ за него въ видѣ покупаемыхъ имъ сырыхъ матеріаловъ.

Итакъ, если мы, оставя наемъ въ сторонѣ, изслѣдуемъ, на какіе предметы идутъ выдачи, дѣлаемыя капиталистомъ для произвожденія, то мы найдемъ, что онѣ всѣ обращаются на заработную плату.

Бо̀льшая часть всѣхъ расходовъ каждаго капиталиста состоитъ въ уплатѣ жалованья работникамъ; матеріалы, орудія, включая различнаго рода здавія, представляютъ остальное. Но матеріалы и орудія суть произведенія труда; и поелику нашъ воображаемый капиталистъ есть олицетвореніе промышленности цѣлой страны, то мы можемъ предположить, что онъ самъ дѣлаетъ свои инструменты и самъ добываетъ свои матеріалы. Онъ совершаетъ это посред-

ствомъ предварительныхъ выдачъ, которыя состоятъ въ этомъ случаѣ единственно изъ заработной платы. Если мы предположимъ, что онъ покупаетъ свои матеріалы и инструменты, то положеніе, нами принятое, не измѣняется, потому-что въ этомъ случаѣ онъ выплачиваетъ первоначальному производителю заработную плату, имъ выданную. Справедливо, онъ ему выплачиваетъ ее вмѣстѣ съ барышомъ; и если бы онъ самъ производилъ эти предметы, то барышъ остался бы у него и не вошелъ въ составъ его расходовъ. При всемъ томъ, однакожь, это фактъ несомнѣнный, что всѣ выдачи въ цѣломъ процесѣ произвожденія, начиная съ инструментовъ и матеріаловъ, и оканчивая выработанными произведеніями, состоятъ единственно изъ заработной платы; разница только въ томъ, что извѣстные капиталисты соглашаются, для общаго удобства, уплачивать первоначальнымъ производителямъ принадлежащую имъ часть барышей прежде окончанія операціи.

Очевидно, такимъ-образомъ, что барыши капиталиста зависятъ отъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, отъ массы произведеній, или, другими словами, отъ производительной силы труда, и во-вторыхъ, отъ доли, которую работники получаютъ изъ этой массы, или, что́ все равно, отъ пропорціи, существующей между цѣлою массою произведеній и возмездіемъ работниковъ. Эти два элемента представляютъ данныя для опредѣленія общей суммы, расходящейся въ видѣ прибыли между всѣми капиталистами страны. Но величина этой прибыли, процентное отношеніе къ капиталу, зависитъ только отъ втораго элемента, отъ доли работника, а не отъ суммы раздѣляемой. Еслибъ произведенія труда удвоились и работники получали ту же самую долю, какъ и прежде, то есть еслибъ ихъ вознагражденіе такъ же удвоилось, то капиталисты получили бы двойную прибыль; но

такъ-какъ выдачи ихъ должны также удвоиться, то величина ея будетъ та же самая, какъ и прежде.

Мы дошли такимъ-образомъ до заключенія Рикардо и другихъ политико-экономовъ, что величина прибыли зависитъ отъ заработной платы; она возвышается съ пониженіемъ заработной платы и падаетъ съ ея возвышеніемъ. Допуская, однако, это ученіе, я считаю необходимымъ измѣнить самую форму его выраженія. Вмѣсто того, чтобъ сказать, что прибыль зависитъ отъ заработной платы, скажемъ (какъ понималъ это дѣйствительно Рикардо), что она зависитъ отъ стоимости труда.

Заработная плата и стоимость труда, что̀ доставляетъ трудъ работнику и что̀ сто̀итъ онъ капиталисту, это два совершенно различные вопроса. Обыкновенно заработная плата разсматривается съ точки зрѣнія плательщиковъ, и въ этомъ случаѣ, желая выразить дорогую или дешевую цѣну работы, говорятъ, что эта плата высока или низка. Но̀ это выраженіе бываетъ чаще справедливо въ обратномъ смыслѣ: очень часто, при наименьшей заработной платѣ стоимость труда бываетъ наибо̀льшая. Это можетъ произойдти отъ двухъ причинъ.

Первая причина — неудовлетворительность труда.

Вторая причина — измѣняющаяся цѣна произведеній, потребляемыхъ работниками. Если эти предметы дешевы, то заработная плата можетъ быть высока въ смыслѣ, имѣющемъ важность для работника, хотя стоимость труда можетъ быть незначительна; если эти предметы дороги, то работникъ можетъ находиться въ нищетѣ, хотя трудъ его можетъ стоить дорого капиталисту. Послѣдній случай очень обыкновененъ въ странахъ тѣсно-заселенныхъ, въ отношеніи къ пространству воздѣлываемой земли, въ которыхъ, по причинѣ дороговизны съѣстныхъ припасовъ, при скудо-

сти дѣйствительнаго возмездія работника, трудъ стóитъ дорого наемщику, и въ которыхъ, рядомъ съ низкою заработною платою, существуетъ малая прибыль.

Стоимость труда, выражаясь языкомъ математическимъ, есть, слѣдственно, функція трехъ измѣняемыхъ: удовлетворительности труда, заработной платы (разумѣя здѣсь дѣйствительное возмездіе работника) и цѣны предметовъ его потребленія. Ясно, что стоимость труда для капиталиста находится подъ вліяніемъ этихъ трехъ обстоятельствъ. Посему эти обстоятельства опредѣляютъ также и величину прибыли; они только могутъ измѣнять ее. Если вообще трудъ дѣлается болѣе удовлетворительнымъ, но не дороже вознаграждается; если возмездіе его понижается, но удовлетворительность его не уменьшается, и цѣна предметовъ, это возмездіе составляющихъ, не возростаетъ, или, если эти предметы дешевѣютъ и вознагражденіе работника не увеличивается, то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль возростаетъ. Если, напротивъ, трудъ становится менѣе удовлетворительнымъ (какъ это можетъ быть съ уменьшеніемъ тѣлесной силы рабочаго народа, или отъ испорченнаго воспитанія), или если работникъ получаетъ большое возмездіе, и предметы, которые составляютъ его, не дешевѣютъ, или если цѣна этихъ предметовъ подымается, то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль уменьшается.

Очевидность этихъ предложеній можетъ быть означена здѣсь только въ общихъ чертахъ; она обнаружится съ большою полнотою и силою, когда, изслѣдовавъ теорію цѣнности и цѣны, мы будемъ имѣть возможность представить яснѣе прогрессивную дѣятельность закона, опредѣляющаго прибыль среди запутанной массы многообразныхъ обстоятельствъ, что̀ и сдѣлаемъ въ одной изъ послѣднихъ главъ.

ГЛАВА IX.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ДОХОДЪ.

—

Трудъ, капиталъ и естественные дѣятели составляютъ главныя необходимыя условія произвожденія; поэтому единственное лицо, которое, кромѣ работника и капиталиста, участвуетъ въ произвожденіи и которое имѣетъ право на долю въ произведеніяхъ, есть также и обладатель какого-нибудь естественнаго дѣятеля. Земля — главный естественный дѣятель, который можетъ быть пріобрѣтенъ, и плата за право пользованія ею составляетъ такъ-называемый наемъ, или поземельный доходъ.

Очевидно, что поземельный доходъ — слѣдствіе монополіи, хотя эта естественная монополія, которая можетъ быть различнымъ образомъ устроена, но которая должна необходимо существовать. Землевладѣльцы могутъ требовать платы за наемъ земли на томъ основаніи, что это предметъ, въ которомъ многіе нуждаются и который возможно получить только отъ нихъ. Еслибъ вся земля въ цѣлой странѣ принадлежала одному лицу, то оно могло бы назначить наемъ по своему произволу; цѣлое народонаселеніе

зависѣло бы въ своихъ жизненныхъ потребностяхъ отъ его воли и оно могло бы положить какія ему угодно условія. Такой порядокъ вещей существуетъ въ восточныхъ государствахъ, гдѣ земля есть собственность правительства: въ этомъ случаѣ наемъ обращается въ налогъ и владѣтель можетъ требовать наивысшую плату, которую землевоздѣлыватели принуждены внести.

Предметъ, ограниченный въ количествѣ, если даже его владѣтели не дѣйствуютъ по взаимному соглашенію, все-таки составляетъ родъ монополіи. Но даже и въ этомъ положеніи, если это даръ природы, если трудъ и расходы не составляютъ необходимыхъ условій его существованія или бытія, то совмѣстничество между его владѣльцами опредѣляетъ ему цѣну только въ такомъ случаѣ, когда малое количество его не удовлетворяетъ существующему запросу. Еслибъ вся земля, находящаяся въ странѣ, оказалась необходимою для воздѣлыванія, то вся она могла бы доставить поземельный доходъ. Но ни въ одной достаточно-обширной странѣ потребности народонаселенія не вызываютъ на воздѣлываніе всей земли, способной къ обработыванію. Съѣстные припасы и другія земледѣльческія произведенія, необходимыя для этого народонаселенія и за которые оно соглашается платить цѣну, вознаграждающую производителя, могутъ быть всегда получены, не прибѣгая къ воздѣлыванію всей земли, иногда даже обработывая только малую часть ея. Разумѣется, здѣсь предпочитаются земли, наиболѣе плодоносныя, или занимающія болѣе выгодное положеніе. Слѣдственно всегда существуетъ земля, которая, при настоящихъ обстоятельствахъ, не доставляетъ поземельнаго дохода; и только часть ея, по своему плодоносію или положенію, принадлежащая къ высшему разряду

и существующая въ количествѣ, неудовлетворяющемъ запросу, доставляетъ этотъ доходъ.

Песчаныя степи Аравіи, при самомъ упорномъ трудѣ, не могутъ ничего уродить; другія земли производятъ, но не въ достаточномъ количествѣ, чтобъ покрыть расходы произвожденія. Земли этого рода не могутъ быть воздѣлываемы для прибыли, развѣ только при помощи новаго, еще неизобрѣтеннаго приложенія химіи къ земледѣлію, развѣ кто-нибудь, разсыпавъ на поверхности ихъ новыя удобряющія вещества, или смѣшавъ ихъ съ матеріалами, уже на мѣстѣ существующими, дѣйствительно создастъ растительную почву. Если вещества, годныя для этого назначенія, существуютъ въ подпочвѣ, или находятся подъ рукою, то улучшеніе наименѣе обѣщающихъ земель можетъ отвѣтствовать спекуляціи; но если эти вещества дороги и должны быть привезены издалека, то подобная работа не можетъ быть прибыльна. Самая худая земля, которая воздѣлывается, какъ средство для существованія, возвращаетъ посѣвъ и кормитъ работника и его подручниковъ, то есть работниковъ, снабжающихъ его орудіями и другими потребностями. Подобная земля можетъ быть обработываема только самими работниками, для своей собственной пользы, и не можетъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, доставлять поземельный доходъ. Самая худая земля, которая представляетъ помѣщеніе для капитала, возвративъ посѣвъ, не только кормитъ земледѣльческихъ работниковъ и ихъ подручниковъ, но обезпечиваетъ для нихъ заработную плату, неограничивающуюся одними предметами первой необходимости, и доставляетъ лицамъ, выдающимъ эту плату впередъ, избытокъ, соотвѣтствующій прибыли, которую они могли ожидать отъ всякаго другаго помѣщенія ихъ капиталовъ.

Если, поэтому, часть воздѣлываемой земли, которая до-

ставляетъ наименьшее вознагражденіе за трудъ и капиталъ, даетъ только обыкновенную прибыль, ничего не оставляя для удовлетворенія землевладѣльца, то мы можемъ найдти здѣсь единицу для опредѣленія величины поземельнаго дохода, доставляемаго другими землями. Этотъ доходъ представляетъ избытокъ, который фермеръ находитъ возможнымъ платить земледѣльцу. Еслибъ онъ не платилъ его, то онъ получилъ бы бо̀льшую прибыль, и тогда соперничество другихъ капиталистовъ, уравнивающее барыши, доставляемые различными приложеніями капитала, дало бы возможность землевладѣльцу получить этотъ доходъ. Поземельный доходъ есть, слѣдственно, избытокъ произведеній земли, остающійся за вознагражденіемъ капиталиста, соотвѣтствующемъ прибыли, которую доставляетъ ему его капиталъ, приложенный къ воздѣлыванію самой худой земли. Всѣ земли, нанимаемыя фермерами-капиталистами, постоянно доставляютъ не болѣе этого избытка; и если онѣ даютъ мéньшій доходъ, то это потому только, что землевладѣлецъ уступаетъ часть своей доли, которую онъ могъ бы усвоить, еслибъ захотѣлъ.

Такова теорія поземельнаго дохода, въ первый разъ предложенная въ концѣ прошедшаго столѣтія Андерсономъ (*) и которая, не возбудивъ надлежащаго вниманія въ то время, была какъ бы вновь открыта, двадцать лѣтъ спустя, Уэстомъ, (**) Мальтусомъ (***) и Рикардо (****). Эта теорія составляетъ одно изъ основныхъ ученій Политической Экономіи, и пока она совершенно не была понята, многія

(*) Anderson. an inquiry into the nature of corn Laws 1777. do. Agricultural recreations (v. V. p. 401).

(**) E. West. Essay on the application of capital to land, by a Fellow of University College Oxford.

(***) Malthus. an inquiry into the nature and progress of rent.

(****) Ricardo. Principles of political economy and taxation.

сложныя промышленныя явленія оставались необъясненными въ точности. Ея очевидная истинность обнаружится съ большою ясностью, когда мы ознакомимся съ законами и явленіями цѣны и цѣнности; до-тѣхъ-поръ невозможно освободить это ученіе отъ затрудненій, которыя оно представляетъ, ни передать его предварительно неизучившимъ предмета иначе, какъ общій выводъ размышленія, приводящаго къ этой теоремѣ. Впрочемъ, мы можемъ удовлетворительно отвѣтить даже и на этой степени нашихъ изслѣдованій на нѣкоторыя возраженія, обыкновенно дѣлаемыя противъ этой теоріи.

Многіе не допускаютъ возможности существованія воздѣлываемой земли, которая не давала бы поземельнаго дохода, потому-что землевладѣльцы не дозволятъ никому воздѣлывать своей земли даромъ. Люди, приписывающіе особенную важность этому обстоятельству, принимая его за аргументъ опроверженія, должны непремѣнно воображать что худая земля, только-что оплачивающая расходы воздѣлыванія, занимая обширное пространство, совершенно отдѣлена отъ земли доброкачественной. Если имѣніе состоитъ исключительно изъ этого рода земли, то очень вѣроятно, что владѣлецъ не дозволитъ другимъ пользоваться ею даромъ: вѣроятно, онъ обратитъ ее на другое назначеніе (если онъ богатый человѣкъ), какъ, напримѣръ, для парка или для охоты. Ни одинъ фермеръ не въ состояніи нанять ее подъ пашню, какъ бы ничтожна ни была ея наемная цѣна, хотя нѣкоторыя выгоды могутъ быть извлечены изъ этой земли, какъ изъ естественнаго пастбища, или въ видѣ ея дикорастующихъ произведеній. Впрочемъ, даже такая земля не должна оставаться непремѣнно въ состояніи невоздѣланной. Она можетъ быть воздѣлываема самимъ владѣльцемъ, какъ это часто случается даже въ самой Англіи. Она мо-

жетъ быть раздѣлена на участки между семействами рабочихъ, съ цѣлями филантропическими, или для уменьшенія налога для бѣдныхъ. Она можетъ быть отдана безплатно поселенцамъ, въ надеждѣ, что они своимъ трудомъ придадутъ ей цѣну на будущее время. Оба эти явленія также очень обыкновенны. Такимъ-образомъ, если даже земля состоитъ исключительно изъ худой почвы, которой воздѣлываніе, однакожъ, можетъ быть прибыльно, то плата поземельнаго дохода не есть необходимое условіе ея обработыванія. Худая земля, однакожъ, не тянется безпрерывно на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль; она перемежается участками доброкачественной земли; и лицо, нанимающее послѣднюю, получаетъ вмѣстѣ съ нею извѣстное количество первой. Оно платитъ номинально за цѣлую ферму наемъ, опредѣляемый по количеству произведеній, доставляемыхъ участками, которые приносятъ болѣе чѣмъ обыкновенную прибыль, и такимъ-образомъ, въ смыслѣ ученомъ, справедливо, что наемъ за остальную землю не платится.

Допустимъ, однакожъ, что это возраженіе дѣйствительно (чего никакъ нельзя допустить); положимъ, что существующій запросъ на жизненные припасы возвышаетъ ихъ цѣну, которая вознаграждаетъ теперь расходы воздѣлыванія земель извѣстнаго качества, но что владѣльцы препятствуютъ ихъ обработыванію, требуя за нихъ довольно-высокій наемъ, составляющій значительную статью въ расходахъ фермера. Что тогда случится? Возростающее количество продуктовъ, потребное для нуждъ общества, получится не чрезъ распространеніе землевоздѣлыванія, но черезъ увеличенное приложеніе труда и капитала къ землѣ, уже обработываемой.

Возвышеніе цѣны дастъ возможность принять мѣры къ увеличенію количества продуктовъ, неудобоисполнимыя при

низкихъ цѣнахъ. Фермеръ въ этомъ случаѣ употребляетъ болѣе цѣнныя удобренія, или унавоживаетъ землю, которая прежде была предоставлена естественной производительности, или привозитъ издалека известь и мергель для поправленія почвы, или тщательнѣе разбиваетъ ее, или осушаетъ, или орошаетъ ее. Эти и другія подобныя имъ улучшенія обыкновенно приводятся въ исполненіе, когда требуется болѣе жизненныхъ припасовъ и воздѣлываніе не можетъ быть распространено на новыя земли И разъ, когда этому движенію положено начало, фермеръ думаетъ только о томъ, оплатятся ли ему его расходы съ обыкновенною прибылью, а не о томъ, останется ли у него излишекъ для уплаты поземельнаго дохода. Слѣдственно, если справедливо, что всякая воздѣлываемая земля платитъ поземельный доходъ и довольно-значительный, чтобъ принять его въ разсчетъ, то такъ же справедливо, что всегда существуетъ извѣстный земледѣльческій капиталъ, доставляющій только обыкновенную прибыль и посему недающій поземельнаго дохода.

ГЛАВА X.

ЦѢННОСТЬ.

Предметъ, къ которому мы теперь приступаемъ, занимаетъ столь важный отдѣлъ въ Политической Экономіи, что, по мнѣнію многихъ мыслителей, цѣлая наука ограничивается одною этою частью. Одинъ отличный писатель предлагалъ даже назвать Политическую Экономію каталактикою, то есть наукою о мѣнѣ; другіе называли ее наукою о цѣнности. Еслибъ я почиталъ эти мнѣнія логически-справедливыми, то я помѣстилъ бы въ началѣ моего изслѣдованія разсужденіе объ основныхъ законахъ цѣнности, и одно это обстоятельство достаточно доказываетъ ограниченность подобнаго взгляда на Политическую Экономію. Справедливо, что въ предъидущихъ главахъ, въ которыхъ мы разсматривали произвожденіе богатства и его раздѣленіе, мы были принуждены приводить нѣкоторые факты, соединенные съ теоріею цѣнности, именно, опредѣляя стоимость труда и земли; но справедливо также, что мы коснулись цѣнности, говоря о раздѣленіи богатства, основанномъ на совмѣстничествѣ. Условія и законы произвожденія остаются

тѣ же самые, еслибъ общественный порядокъ не зависѣлъ отъ мѣны, или не допускалъ ея. Даже при существующей промышленной системѣ, гдѣ занятія такъ мелочно подраздѣлены и гдѣ возмездіе людей, участвующихъ въ произвожденіи, зависитъ отъ цѣны извѣстныхъ произведеній, мѣна не есть основный законъ раздѣленія богатства; точно такъ же, какъ дорóги, или экипажи не составляютъ движенія, но суть только часть механизма, его совершающаго.

Но при такомъ положеніи общества, гдѣ промышленная система совершенно основана на продажѣ и куплѣ, гдѣ каждое лицо большею частью существуетъ не предметами собственнаго произвожденія, но произведеніями, которыя оно получаетъ чрезъ посредство двойнаго промѣна, чрезъ куплю, слѣдующую за продажею, цѣнность представляетъ основный вопросъ. Почти каждое умозрѣніе, относящееся къ экономическимъ интересамъ общества, такимъ образомъ устроеннаго, предполагаетъ нѣкоторую теорію цѣнности. Малѣйшее заблужденіе касательно этого предмета наполняетъ соотвѣтствующими ошибками всѣ наши другія заключенія.

Мы должны прежде всего установить нашу фразеологію. Адамъ Смитъ (*) указываетъ на самое очевидное двусмыслiе выраженія цѣнности, которая въ одномъ случаѣ означаетъ полезность, въ другомъ — пріобрѣтательность (power of purchasing), или, выражаясь его собственнымъ языкомъ, цѣнность въ отношеніи приложенія и цѣнность въ отношеніи мѣны. Но, какъ замѣчаетъ де-Кэнси (**), объясняя это двойное значеніе, Адамъ Смитъ самъ впалъ въ другаго рода неопредѣлительность. Онъ говоритъ, что предметы, имѣющіе наибóльшую цѣнность въ приложеніи, очень часто представ-

(*) A. Smith. W. of nat. B. 1. C. IV.

(**) De Quincey Logic of Political Economy.

ляютъ ничтожную цѣнность въ мѣнѣ. Это справедливо: предметы, которые мы можемъ имѣть безъ труда и пожертвованія, не имѣютъ цѣны, какъ бы ни были они полезны или необходимы. Но онъ прибавляетъ далѣе, что и вещи, имѣющія наибольшую мѣновую цѣнность, какъ, напримѣръ, алмазъ, могутъ имѣть ничтожную цѣнность въ приложеніи, или даже вовсе не имѣть ея. Онъ принимаетъ здѣсь слово *приложеніе* или *польза* не въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно принимается въ Политической Экономіи, но какъ антитезу удовольствія. Сравнительная оцѣнка различія пользы, согласно съ понятіями философа или моралиста, не есть дѣло Политической Экономіи. Польза предмета, въ смыслѣ политико-экономическомъ, означаетъ его свойство или способность удовлетворить желанію, или служить къ какой-нибудь цѣли. Алмазъ обладаетъ этимъ свойствомъ въ высшей степени, въ противномъ случаѣ онъ не имѣлъ бы цѣны. Цѣнность въ приложеніи, или цѣнность *телеологическая*, какъ ее называетъ де-Кэнси, представляетъ крайній предѣлъ мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность предмета можетъ быть ниже, и гораздо ниже его цѣнности въ приложеніи; но допустить, чтобъ она могла когда-либо превзойти ее, было бы противорѣчіемъ, которое предполагаетъ, что люди готовы дать за обладаніе предметомъ болѣе, нежели сколько онъ стоитъ, по ихъ мнѣнію, какъ средство, удовлетворяющее ихъ желаніямъ.

Слово *цѣнность*, употребляемое безъ прилагательнаго, всегда означаетъ въ Политической Экономіи мѣновую цѣнность.

Не должно смѣшивать мѣновую цѣнность съ цѣною. Старинные политико-экономы употребляли эти слова, какъ выраженія синонимическія, и даже Рикардо не всегда дѣлаетъ между ними надлежащее различіе. Болѣе точные, новѣй-

шіе писатели употребляютъ слово *цѣна*, чтобъ выразить цѣнность предмета въ отношеніи къ монетѣ или деньгамъ. Мы будемъ, слѣдственно, разумѣть подъ цѣною предмета его денежную цѣнность. а подъ словомъ *цѣнность*—пріобрѣтательную способность предмета, или господство, власть, которую владѣніе имъ вообще даетъ надъ всѣми продажными произведеніями.

Но здѣсь представляется новая необходимость къ дальнѣйшимъ объясненіямъ. Что̀ означаетъ власть или господство надъ произведеніями вообще? Одинъ и тотъ же предметъ обмѣнивается на бо̀льшое количество однихъ произведеній и очень малое количество другихъ произведеній. Пара платья обмѣнивается на очень большое количество хлѣба и на очень малое количество драгоцѣнныхъ камней. Цѣнность предмета, при обмѣнѣ на нѣкоторыя произведенія, можетъ возвышаться и падать для другихъ произведеній. Пара платья можетъ быть промѣнена, въ настоящемъ году на мéньшее количество хлѣба, если урожай былъ худой, и на бóльшее количество стекла или желѣза, если пошлина была снята съ этихъ произведеній, или если усовершенствованіе было сдѣлано въ ихъ фабрикаціи. Цѣнность платья понизилась или возвысилась, при этихъ обстоятельствахъ?—Этого невозможно опредѣлить: мы можемъ сказать только, что она упала, въ отношеніи произведеній одного рода, и поднялась—въ сравненіи съ другими произведеніями. Но вотъ другой случай, въ которомъ, безъ малѣйшаго затрудненія, каждый можетъ опредѣлить, какого рода перемѣна совершилась въ цѣнности платья, именно, когда причина, эту перемѣну производящая, оказываетъ прямое вліяніе на самое платье, а не на хлѣбъ или стекло. Положимъ, напримѣръ, что новое изобрѣтеніе сдѣлано въ механизмѣ, вслѣдствіе котораго сукно можетъ быть вытка-

но вдвое дешевле противъ прежнихъ издержекъ. Результатомъ этого изобрѣтенія будетъ пониженіе стоимости сукна, и въ этомъ случаѣ оно понизится не только въ отношеніи хлѣба и стекла, но въ сравненіи со всѣми продажными произведеніями, кромѣ тѣхъ предметовъ, на которые въ то же время дѣйствуетъ подобное же подавляющее вліяніе. Слѣдственно, мы можемъ сказать, что здѣсь мѣновая цѣнность, или общая пріобрѣтательность платья, понизилась. Идея общей мѣновой цѣнности предмета необходимо слѣдуетъ изъ факта существованія причинъ, ея измѣняющихъ, при обмѣнѣ на всѣ вообще предметы, которые только сами не испытываютъ вліянія подобныхъ причинъ.

При ученомъ разсматриваніи мѣновой цѣнности, необходимо отвлекать всѣ причины, которыя не существуютъ въ предметѣ, нами изслѣдуемомъ. Причины, обнаруживающіяся въ произведеніяхъ, съ которыми мы его сравниваемъ, измѣняютъ цѣнность его только въ отношеніи этихъ произведеній, но проявляющіяся въ немъ самомъ измѣняютъ его цѣнность въ сравненіи со всѣми произведеніями. Чтобъ совершеннѣе сосредоточить наше вниманіе на этихъ послѣднихъ причинахъ, мы допустимъ, что всѣ произведенія, исключая предмета, нами изслѣдуемаго, не перемѣняютъ своей относительной цѣнности. Разсматривая причины, возвышающія или понижающія цѣнность хлѣба, мы предположимъ, что шерстяныя, шелковыя матеріи, стальныя вещи, лѣсъ и т. п., измѣняя свою пріобрѣтательность въ отношеніи этого продукта, удерживаютъ постоянно тѣ же пропорціи, въ которыхъ эти предметы взаимно обмѣниваются. Допуская это предположеніе, мы можемъ принять каждый изъ нихъ за представителя всѣхъ, потому-что какимъ бы образомъ ни измѣнялась цѣнность хлѣба въ отношеніи одного произведенія, она измѣняется точно такъ же и въ той же степени,

въ отношеніи всѣхъ прочихъ; и мы должны обратить вниманіе только на пониженіе или возвышеніе его цѣнности, опредѣляемой или выражаемой посредствомъ одного этого произведенія. Слѣдственно, его денежная цѣнность, или цѣна, совершенно представляетъ его общую мѣновую цѣнность или пріобрѣтательность, и мы будемъ часто употреблять это выраженіе въ этомъ представительномъ значеніи, допуская только, что общая пріобрѣтательность денегъ не измѣняется, но что цѣны всѣхъ предметовъ, исключая нами разсматриваемыхъ, пребываютъ постоянными.

Различіе между *цѣлостью* и *цѣною*, послѣ нашего настоящаго опредѣленія, не требуетъ повидимому дальнѣйшаго объясненія. Но самыя большія заблужденія въ Политической Экономіи происходятъ отъ недостаточнаго вниманія къ самымъ очевиднымъ истинамъ. Какъ ни просто это различіе, но для читателя, незнакомаго съ предметомъ, необходимо предварительно совершенно ознакомиться съ его послѣдствіями.

Вотъ одно изъ главнѣйшихъ послѣдствій этого различія. Общее возвышеніе цѣнъ представляетъ довольно обыкновенный случай. Денежная цѣна всѣхъ произведеній можетъ подняться, но общее возвышеніе въ ихъ цѣнности невозможно. Цѣнность *A* подымается, когда этотъ предметъ обмѣнивается на бо́льшое количество *B* и *C*; но въ этомъ случаѣ *B* и *C* обмѣниваются на мéньшее количество *A*. Цѣнность всѣхъ произведеній не можетъ подняться, въ отношеніи одного къ другому. Если одна половина произведеній на рынкѣ возвышается въ своей мѣновой цѣнности, то самое это выраженіе предполагаетъ пониженіе этой цѣнности въ другой половинѣ произведеній, и, наоборотъ, упадокъ предполагаетъ возвышеніе. Предметы, вымѣниваемые одинъ на другой, не могутъ всѣ подняться или упасть въ своей

цѣнности, точно также, какъ невозможно, чтобъ между двѣнадцатью рысаками каждый обогналъ остальныхъ, или чтобъ всѣ сто дерекъ переросли одно другое. Какъ ни проста эта истина, но мы сейчасъ увидимъ, что нѣкоторые теоретики и такъ-называемые практическіе люди упускали ее изъ виду въ своихъ ученіяхъ, пользующихся наибо́льшимъ авторитетомъ. Для перваго примѣра мы можемъ указать на особенную важность, обыкновенно придаваемую, въ воображеніи многихъ, общему возвышенію или пониженію цѣнъ. Когда цѣна одного произведенія подымается, это обстоятельство указываетъ на возвышеніе его цѣнности, и поэтому люди думаютъ, что если всѣ цѣны возвышаются, то цѣнность всѣхъ произведеній въ то же самое время также возвышается и что всѣ владѣтели ихъ дѣлаются богаче. Что денежная цѣна всѣхъ произведеній подымается или падаетъ, въ этомъ нѣтъ особенной важности, если только это возвышеніе или пониженіе совершаются единообразно. Это обстоятельство остается безъ вліянія на заработную плату, барыши и поземельный доходъ. Каждый получаетъ въ одномъ случаѣ болѣе денегъ и менѣе въ другомъ случаѣ, но получаетъ то же самое количество предметовъ, пріобрѣтаемыхъ на деньги. Только деньги измѣняютъ здѣсь свою цѣнность; и капиталисты и люди, получающіе и выплачивающіе опредѣленныя суммы, составляютъ единственный классъ выигрывающій или проигрывающій. Итакъ недолжно забывать, что общее возвышеніе или упадокъ цѣнности предметовъ есть противорѣчіе и что общее возвышеніе или пониженіе цѣнъ представляетъ только измѣненія въ цѣнности денегъ.

Прежде нежели мы начнемъ наше изслѣдованіе законовъ цѣнности и цѣны, намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Я долженъ предупредить разъ навсегда, что во

всѣхъ случаяхъ, нами разсматриваемыхъ, цѣнность и цѣна опредѣляются только совмѣстничествомъ. Только такимъ образомъ опредѣленныя цѣнность и цѣна могутъ быть подведены подъ точные законы. Мы предполагаемъ, что покупатели стараются покупать дешево, а продавцы продавать дорого; слѣдственно цѣны и цѣнности, къ которымъ мы прилагаемъ наши заключенія, суть цѣны и цѣнности торговыя, цѣны оптовыя, какія мы находимъ въ прейскурантахъ и по какимъ купцы совершаютъ куплю и продажу. Наши предложенія прилагаются въ болѣе ограниченномъ смыслѣ къ розничнымъ цѣнамъ, которыя мы платимъ въ лавкахъ за произведенія, назначаемыя для нашего собственнаго потребленія. Эти произведенія имѣютъ различныя цѣны не только въ различныхъ лавкахъ, но даже въ одной и той же лавкѣ для различныхъ покупателей. Привычка и случайности дѣйствуютъ здѣсь въ равной степени съ общими причинами. Даже торговые люди дѣлаютъ покупки для своихъ собственныхъ потребностей, не всегда руководствуясь правилами торговли: очень часто чувства совершенно различныя побуждаютъ ихъ, когда они пріобрѣтаютъ свои доходы и когда они проживаютъ ихъ. Или отъ безпечности, или отъ чванства, три четверти людей, имѣющихъ средства, платятъ гораздо дороже, нежели это необходимо, за предметы, ими потребляемые, между-тѣмъ, какъ бѣдные дѣлаютъ часто то же самое или по незнанію, или по недостатку въ соображеніи, или за неимѣніемъ времени навести справку, или по принужденію явному или скрытому. Вотъ почему розничныя цѣны не всегда точно повинуются дѣйствію причинъ, опредѣляющихъ оптовыя цѣны. Вліяніе ихъ всегда подъ конецъ бываетъ ощутительно въ розничной торговлѣ и производитъ общія и постоянныя перемѣны въ розничныхъ цѣнахъ; но между ними и

этими причинами не существуетъ точнаго или правильнаго соотношенія. Башмаки одинаково хорошаго качества продаются въ различныхъ лавкахъ по различнымъ цѣнамъ, и удешевленіе кожи не заставитъ богатый классъ покупателей платить дешевле за башмаки. Несмотря на то, иногда цѣна обуви падаетъ обыкновенно подъ вліяніемъ какого-нибудь общаго обстоятельства, какъ, напримѣръ, удешевленія кожи; и если даже въ лавкахъ, посѣщаемыхъ богатыми людьми, мы не находимъ ожидаемаго различія въ цѣнахъ, то ремесленникъ и работникъ покупаютъ свою обувь дешевле, и также цѣны подрядныя, по которымъ товаръ поставляется подрядчиками, представляютъ замѣтное пониженіе.

Два условія необходимы, чтобъ предметъ имѣлъ мѣновую цѣнность. Онъ долженъ имѣть какое-нибудь приложеніе, т. е. какъ было объяснено, онъ долженъ служить для какой-нибудь цѣли, удовлетворять какому-нибудь желанію. Никто ничего не дастъ; никто не разстанется съ вещью полезною, чтобъ пріобрѣсть предметъ, ни къ чему неслужащій. Во-вторыхъ, предметъ не только долженъ быть полезенъ, но пріобрѣтеніе его должно быть сопряжено съ нѣкоторымъ затрудненіемъ.

«Чтобъ предметъ имѣлъ эту искусственную цѣнность, которую мы разумѣемъ подъ мѣновою цѣнностью (говоритъ Де Кэнси (*), онъ долженъ, во-первыхъ, самъ-по-себѣ представлять средство къ достиженію желаемой цѣли, и во-вторыхъ, неоспоримо обладая даже этимъ первоначальнымъ преимуществомъ, онъ никогда не пріобрѣтетъ мѣновой цѣнности въ тѣхъ случаяхъ, когда его можно получить даромъ, безъ всякаго усилія. Часто случается, что желаемый предметъ можетъ быть полученъ даромъ. Вамъ стоитъ только наклониться—и вы находите его у вашихъ ногъ; но такъ-

(*) De Quincey. Logic of Political Economy.

въ отношеніи всѣхъ прочихъ; и мы должны обратить вниманіе только на пониженіе или возвышеніе его цѣнности, опредѣляемой или выражаемой посредствомъ одного этого произведенія. Слѣдственно, его денежная цѣнность, или цѣна, совершенно представляетъ его общую мѣновую цѣнность или пріобрѣтательность, и мы будемъ часто употреблять это выраженіе въ этомъ представительномъ значеніи, допуская только, что общая пріобрѣтательность денегъ не измѣняется, но что цѣны всѣхъ предметовъ, исключая нами разсматриваемыхъ, пребываютъ постоянными.

Различіе между *цѣнностью* и *цѣною*, послѣ нашего настоящаго опредѣленія, не требуетъ повидимому дальнѣйшаго объясненія. Но самыя большія заблужденія въ Политической Экономіи происходятъ отъ недостаточнаго вниманія къ самымъ очевиднымъ истинамъ. Какъ ни просто это различіе, но для читателя, незнакомаго съ предметомъ, необходимо предварительно совершенно ознакомиться съ его послѣдствіями.

Вотъ одно изъ главнѣйшихъ послѣдствій этого различія. Общее возвышеніе цѣнъ представляетъ довольно обыкновенный случай. Денежная цѣна всѣхъ произведеній можетъ подняться, но общее возвышеніе въ ихъ цѣнности невозможно. Цѣнность *A* подымается, когда этотъ предметъ обмѣнивается на бо̀льшое количество *B* и *C*; но въ этомъ случаѣ *B* и *C* обмѣниваются на мéньшее количество *A*. Цѣнность всѣхъ произведеній не можетъ подняться, въ отношеніи одного къ другому. Если одна половина произведеній на рынкѣ возвышается въ своей мѣновой цѣнности, то самое это выраженіе предполагаетъ пониженіе этой цѣнности въ другой половинѣ произведеній, и, наоборотъ, упадокъ предполагаетъ возвышеніе. Предметы, вымѣниваемые одинъ на другой, не могутъ всѣ подняться или упасть въ своей

цѣнности, точно также, какъ невозможно, чтобъ между двѣнадцатью рысаками каждый обогналъ остальныхъ, или чтобъ всѣ сто деревъ переросли одно другое. Какъ ни проста эта истина, но мы сейчасъ увидимъ, что нѣкоторые теоретики и такъ-называемые практическіе люди упускали ее изъ виду въ своихъ ученіяхъ, пользующихся наибо́льшимъ авторитетомъ. Для перваго примѣра мы можемъ указать на особенную важность, обыкновенно придаваемую, въ воображеніи многихъ, общему возвышенію или пониженію цѣнъ. Когда цѣна одного произведенія подымается, это обстоятельство указываетъ на возвышеніе его цѣнности, и поэтому люди думаютъ, что если всѣ цѣны возвышаются, то цѣнность всѣхъ произведеній въ то же самое время также возвышается и что всѣ владѣтели ихъ дѣлаются богаче. Что денежная цѣна всѣхъ произведеній подымается или падаетъ, въ этомъ нѣтъ особенной важности, если только это возвышеніе или пониженіе совершаются единообразно. Это обстоятельство остается безъ вліянія на заработную плату, барыши и поземельный доходъ. Каждый получаетъ въ одномъ случаѣ болѣе денегъ и менѣе въ другомъ случаѣ, но получаетъ то же самое количество предметовъ, пріобрѣтаемыхъ на деньги. Только деньги измѣняютъ здѣсь свою цѣнность; и капиталисты и люди, получающіе и выплачивающіе опредѣленныя суммы, составляютъ единственный классъ выигрывающій или проигрывающій. Итакъ недолжно забывать, что общее возвышеніе или упадокъ цѣнности предметовъ есть противорѣчіе и что общее возвышеніе или пониженіе цѣнъ представляетъ только измѣненія въ цѣнности денегъ.

Прежде нежели мы начнемъ наше изслѣдованіе законовъ цѣнности и цѣны, намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Я долженъ предупредить разъ навсегда, что во

всѣхъ случаяхъ, нами разсматриваемыхъ, цѣнность и цѣна опредѣляются только совмѣстничествомъ. Только такимъ образомъ опредѣленныя цѣнность и цѣна могутъ быть подведены подъ точные законы. Мы предполагаемъ, что покупатели стараются покупать дешево, а продавцы продавать дорого; слѣдственно цѣны и цѣнности, къ которымъ мы прилагаемъ наши заключенія, суть цѣны и цѣнности торговыя, цѣны оптовыя, какія мы находимъ въ прейскурантахъ и по какимъ купцы совершаютъ куплю и продажу. Наши предложенія прилагаются въ болѣе ограниченномъ смыслѣ къ розничнымъ цѣнамъ, которыя мы платимъ въ лавкахъ за произведенія, назначаемыя для нашего собственнаго потребленія. Эти произведенія имѣютъ различныя цѣны не только въ различныхъ лавкахъ, но даже въ одной и той же лавкѣ для различныхъ покупателей. Привычка и случайности дѣйствуютъ здѣсь въ равной степени съ общими причинами. Даже торговые люди дѣлаютъ покупки для своихъ собственныхъ потребностей, не всегда руководствуясь правилами торговли: очень часто чувства совершенно различныя побуждаютъ ихъ, когда они пріобрѣтаютъ свои доходы и когда они проживаютъ ихъ. Или отъ безпечности, или отъ чванства, три четверти людей, имѣющихъ средства, платятъ гораздо дороже, нежели это необходимо, за предметы, ими потребляемые, между-тѣмъ, какъ бѣдные дѣлаютъ часто то же самое или по незнанію, или по недостатку въ соображеніи, или за неимѣніемъ времени навести справку, или по принужденію явному или скрытому. Вотъ почему розничныя цѣны не всегда точно повинуются дѣйствію причинъ, опредѣляющихъ оптовыя цѣны. Вліяніе ихъ всегда подъ конецъ бываетъ ощутительно въ розничной торговлѣ и производитъ общія и постоянныя перемѣны въ розничныхъ цѣнахъ; но между ними и

этими причинами не существуетъ точнаго или правильнаго соотношенія. Башмаки одинаково хорошаго качества продаются въ различныхъ лавкахъ по различнымъ цѣнамъ, и удешевленіе кожи не заставитъ богатый классъ покупателей платить дешевле за башмаки. Несмотря на то, иногда цѣна обуви падаетъ обыкновенно подъ вліяніемъ какого-нибудь общаго обстоятельства, какъ, напримѣръ, удешевленія кожи; и если даже въ лавкахъ, посѣщаемыхъ богатыми людьми, мы не находимъ ожидаемаго различія въ цѣнахъ, то ремесленникъ и работникъ покупаютъ свою обувь дешевле, и также цѣны подрядныя, по которымъ товаръ поставляется подрядчиками, представляютъ замѣтное пониженіе.

Два условія необходимы, чтобъ предметъ имѣлъ мѣновую цѣнность. Онъ долженъ имѣть какое-нибудь приложеніе, т. е. какъ было объяснено, онъ долженъ служить для какой-нибудь цѣли, удовлетворять какому-нибудь желанію. Никто ничего не дастъ; никто не разстанется съ вещью полезною, чтобъ пріобрѣсть предметъ, ни къ чему неслужащій. Во-вторыхъ, предметъ не только долженъ быть полезенъ, но пріобрѣтеніе его должно быть сопряжено съ нѣкоторымъ затрудненіемъ.

«Чтобъ предметъ имѣлъ эту искусственную цѣнность, которую мы разумѣемъ подъ мѣновою цѣнностью (говоритъ Де Кэнси (*), онъ долженъ, во-первыхъ, самъ-по-себѣ представлять средство къ достиженію желаемой цѣли, и во-вторыхъ, неоспоримо обладая даже этимъ первоначальнымъ преимуществомъ, онъ никогда не пріобрѣтетъ мѣновой цѣнности въ тѣхъ случаяхъ, когда его можно получить даромъ, безъ всякаго усилія. Часто случается, что желаемый предметъ можетъ быть полученъ даромъ. Вамъ стоитъ только наклониться—и вы находите его у вашихъ ногъ; но такъ-

(*) De Quincey. Logic of Political Economy.

какъ подобное движеніе, часто повторяемое, требуетъ тягостнаго усилія, то мы скоро откроемъ, что собираніе или нахожденіе предметовъ не есть на самомъ дѣлѣ дѣйствіе безвозмездное. Въ лѣсахъ можно набратъ даромъ цѣлые возы дикой земляники, но наклонное положеніе такъ утомительно, трудъ такъ однообразенъ, что каждый съ охотою предоставляетъ это занятіе наемнымъ рукамъ».

Затрудненіе въ пріобрѣтеніи, опредѣляющее цѣнность, не всегда бываетъ одинаково: иногда оно состоитъ въ совершенно ограниченномъ снабженіи. Есть предметы, количество которыхъ физически невозможно увеличить, за извѣстными тѣсными предѣлами; таковы, напримѣръ, вина, приготовляемыя въ извѣстныхъ условіяхъ почвы, климата и положенія; таковы древнія статуи, картины старыхъ мастеровъ, рѣдкія книги или монеты и другіе предметы древности. Сюда можно также отнести домы и мѣста для строеній въ городахъ, ограниченныхъ опредѣленнымъ пространствомъ (какъ, напримѣръ, Венеція, или каждый укрѣпленный городъ, въ которомъ крѣпостныя укрѣпленія необходимы для безопасности), мѣстоположенія особено-пріятныя въ каждомъ городѣ, домы и парки живописно расположенные въ мѣстностяхъ, гдѣ эта выгода представляетъ необыкновенное преимущество. Земля всякаго рода, въ смыслѣ теоретическомъ, принадлежитъ къ этому же классу произведеній, и въ странахъ тѣсно заселенныхъ и обработанныхъ она на самомъ дѣлѣ можетъ быть произведеніемъ этого рода.

Но существуетъ другая категорія предметовъ, обнимающая большинство произведеній, продаваемыхъ и покупаемыхъ, препятствіе къ пріобрѣтенію которыхъ состоитъ въ трудѣ и расходахъ, необходимыхъ для ихъ произвожденія. Безъ извѣстнаго труда и расхода невозможно получить ихъ; но если кто-нибудь рѣшится взять на себя расходы и

трудъ, то нѣтъ причины, почему умноженіе этихъ произведеній должно быть ограничено. Еслибъ было только достаточное число работниковъ и машинъ, то на каждый аршинъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, въ настоящее время производимыхъ, можно бы выдѣлывать тысячу аршинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ предѣлъ, гдѣ останавливается дальнѣйшее возростаніе этихъ продуктовъ, когда земля не въ состояніи доставить необходимыхъ матеріаловъ. Но для цѣлей Политической Экономіи нѣтъ нужды переноситься въ отдаленное будущее, когда этотъ идеальный предѣлъ сдѣлается практическимъ.

Между этими двумя категоріями существуетъ третій средній классъ произведеній, которыя представляютъ явленіе болѣе сложное, нежели оба предъидущіе случая. Произведенія этого рода могутъ быть неопредѣленно умножены посредствомъ труда и расходовъ; но опредѣленное количество труда и расходовъ производитъ постоянно одинаковое количество этихъ продуктовъ. Если они требуются въ бо́льшемъ количествѣ, то они могутъ быть произведены только при бо́льшихъ издержкахъ. Къ этому классу, какъ было часто повторено, принадлежатъ всѣ земледѣльческія и суровыя произведенія земли. Эта особенность ведетъ за собою очень важные результаты, изъ которыхъ одинъ есть необходимость ограниченія народонаселенія, другой — плата поземельнаго дохода.

Раздѣливъ такимъ образомъ всѣ предметы, продаваемые и покупаемые на три класса, мы разсмотримъ каждый изъ нихъ по порядку. И прежде всего начнемъ съ произведеній совершенно ограниченныхъ по своему количеству, каковы: древнія статуи или картины.

Обыкновенно выражаются объ этихъ предметахъ, что цѣнность ихъ зависитъ отъ ихъ рѣдкости; но это выраже-

ніе не довольно опредѣлено для нашей цѣли. Другіе говорятъ съ бо́льшою точностью, что цѣнность здѣсь зависитъ отъ запроса и снабженія. Но даже и это опредѣленіе требуетъ новаго объясненія, чтобъ вѣрно выразить имъ соотношеніе между цѣнностью предмета и причинами, которыя ему сообщаютъ эту цѣнность.

Снабженіе произведеній — выраженіе понятное: оно означаетъ количество ихъ, доставляемое для продажи, количество, которое покупатели могутъ получить въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ. Но что́ означаетъ запросъ? Конечно, не одно простое желаніе получить произведеніе. Нищій можетъ желать имѣть алмазъ, но его хотѣніе, какъ бы ни было велико, останется безъ вліянія на цѣну алмаза. Поэтому политико-экономы придаютъ слову *запросъ* болѣе тѣсный смыслъ, обозначая имъ желаніе владѣть, соединенное съ возможностью пріобрѣсти. Чтобъ отличить *запросъ* въ этомъ техническомъ смыслѣ отъ простаго желанія пріобрѣтенія, они называютъ первый *дѣйствительнымъ запросомъ*. Обыкновенно предполагается, что послѣ такого объясненія всякая трудность преодолѣна, и что цѣнность произведенія зависитъ отъ отношенія между дѣйствительнымъ запросомъ, такимъ образомъ опредѣленнымъ, и снабженіемъ.

Подобныя фразы, однакожь, неудовлетворительны для человѣка, ищущаго ясныхъ понятій о предметѣ и точнаго для нихъ выраженія. Выраженіе, столь несоотвѣтственное, какъ отношеніе между разнородными вещами, всегда заключаетъ нѣкотораго рода неясность. Какое отношеніе можетъ существовать между количествомъ и желаніемъ, или даже желаніемъ, соединеннымъ съ возможностью пріобрѣсти? Отношеніе между запросомъ и снабженіемъ будетъ понятно только въ такомъ случаѣ, если мы разумѣемъ подъ первымъ количество тре-

буемое, находящееся въ извѣстной пропорціи къ количеству снабжаемому. Но требуемое количество не есть количество постоянное даже въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ: оно измѣняется сообразно съ цѣнностью. Ежели вещь дешева, то запросъ на нее бываетъ бо̀льшій, нежели когда она дорога. Запросъ, слѣдственно, зависитъ частью отъ цѣнности, между-тѣмъ, какъ вначалѣ было положено, что цѣнность зависитъ отъ запроса. Какъ выпутаться намъ изъ этого противорѣчія? Какъ разрѣшить парадоксъ о двухъ вещахъ, изъ которыхъ каждая зависитъ отъ другой?

Хотя разрѣшеніе этихъ затрудненій очевидно, но это не воображаемыя затрудненія, и я вывожу ихъ впередъ, потому-что, я увѣренъ, они тайно преслѣдовали каждаго испытателя, который старался избѣгнуть ихъ.

Предположимъ, что запросъ (разумѣя подъ этимъ словомъ количество, требуемое и измѣняющееся соотвѣтственно цѣнности) въ извѣстное время превосходитъ снабженіе, то есть, что находятся люди, желающіе купить по рыночной цѣнѣ бо̀льшее количество произведеній, нежели сколько ихъ существуетъ въ продажѣ. Между покупателями открывается соперничество: цѣнность подымается—но на сколько? Пропорціонально недостатку (какъ могутъ предположить многіе), такъ-что если запросъ превосходитъ снабженіе одною третью, то цѣнность подымается на одну треть. Совсѣмъ нѣтъ. Когда цѣнность подымается на одну треть, запросъ можетъ превзойдти снабженіе; даже при высшей цѣнности случается, что требуется бо̀льшее количество произведеній, нежели сколько возможно получить ихъ, и соперничество между покупателями продолжается. Если произведеніе есть предметъ жизненныхъ потребностей, за который люди готовы скорѣе заплатить какую угодно цѣну, нежели отказаться отъ него, то недостатокъ одной

трети можетъ возвысить цѣну вдвое, второе и даже вчетверо. Цѣна хлѣба въ Англіи подымалась отъ ста до двухсотъ процентовъ и выше, когда недостатокъ былъ не болѣе одной шестой средняго урожая и когда снабженіе, доставляемое иностранными землями, пополняло его. Если же недостатокъ возвысится до одной трети, то, при отсутствіи запасовъ отъ прошлогодняго урожая и заграничнаго снабженія, цѣна хлѣба можетъ увеличиться въ пять, шесть и даже въ десять разъ (*); напротивъ, соперничество можетъ прекратиться, прежде нежели цѣнность успѣетъ возвыситься соразмѣрно недостатку. Возвышеніе цѣнности, даже менѣе нежели на одну треть, можетъ поставить произведеніе внѣ средствъ и внѣ желанія покупателей. На какой точкѣ, слѣдственно, останавливается это возвышеніе? На точкѣ, которая сравниваетъ снабженіе и запросъ; на цѣнѣ, которая отдѣляетъ лишнюю третъ отъ запроса, или привлекаетъ новыхъ продавцовъ въ достаточномъ количествѣ для его удовлетворенія. Когда тѣмъ или другимъ путемъ, или ихъ соединеннымъ вліяніемъ запросъ дѣлается совершенно равнымъ снабженію, возвышеніе цѣнности останавливается.

Обратной случай такъ же простъ. Вмѣсто запроса, превышающаго снабженіе, вообразимъ себѣ, что снабженіе превышаетъ запросъ. Соперничество теперь откроется между продовцами; лишнее количество произведеній находитъ сбытъ, только вызывыя новый запросъ, ему равный. Это совершается посредствомъ удешевленія: цѣна падаетъ и произведеніе становится доступнымъ бо̀льшому числу потребителей, или прежніе потребители покупаютъ его въ бо̀льшемъ количествѣ. Пониженіе цѣнности, необходимое, чтобъ возстановить равновѣсіе, бываетъ различно въ различныхъ случаяхъ. Произведенія, въ которыхъ оно бы-

(*) Tooke's History of prices v I. pp. 13, 15.

ваетъ наибо̀льшее, представляютъ двѣ крайности въ цѣломъ ряду ихъ — это предметы первой необходимости и предметы роскоши, потребленіе которыхъ ограничивается малочисленнымъ классомъ. Что касается съѣстныхъ припасовъ, то люди, имѣющіе достаточный запасъ, не требуютъ ихъ въ бо̀льшемъ количествѣ, ради одной дешевизны, но скорѣе тратятъ на другихъ предметахъ избытокъ, ими сберегаемый отъ покупки этихъ продуктовъ. Опытъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ возростающее потребленіе, слѣдующее за удешевленіемъ, уноситъ очень незначительную часть избытка въ снабженіи, который производитъ изобильный урожай, и пониженіе цѣнности останавливается на самомъ дѣлѣ, когда помѣщики и фермеры удерживаютъ свой хлѣбъ, въ надеждѣ получить за него высшія цѣны, или когда спекуляторы скупаютъ его въ дешевое время и берегутъ чтобъ продать, когда его болѣе требуется. Но въ обоихъ случаяхъ, будетъ ли главною причиною возростающій запросъ, вслѣдствіе удешевленія, или удержанія части снабженія производителями и торговцами, запросъ и снабженіе уравниваются.

Такимъ-образомъ мы находимъ, что идея отношенія между запросомъ и снабженіемъ совершенно не идетъ къ дѣлу, и что *уравненіе* представляетъ болѣе точную математическую аналогію этого явленія. Запросъ и снабженіе, качество требуемое и количество снабжаемое дѣлаются равными. Если они въ извѣстное время неравны между собою, то соперничество уравниваетъ ихъ, приноровливая цѣнность. Если запросъ увеличивается, то цѣнность подымается; если запросъ уменьшается, то цѣнность падаетъ; потомъ, если снабженіе уменьшается, то возвышается цѣнность, которая понижается при возростающемъ снабженіи. Возвышеніе или пониженіе цѣнности продолжается, пока

запросъ и снабженіе не сдѣлаются равными, и тогда произведеніе получаетъ въ торговлѣ такую цѣнность, которая открываетъ достаточный запросъ, чтобъ очистить рынокъ отъ существующаго или ожидаемаго снабженія.

Вотъ законъ цѣнности въ отношеніи предметовъ, которыхъ количество не можетъ быть умножено по нашему произволу.

Снабженіе немногихъ произведеній естественно и необходимо ограничивается; но снабженіе каждаго произведенія можетъ быть ограничено искусственнымъ образомъ. Каждое произведеніе можетъ быть предметомъ монополіи, какъ, напримѣръ, табакъ во Франціи, соль и опіумъ въ Индіи. Обыкновенно думаютъ, что цѣна произведенія монополизируемаго совершенно зависитъ отъ произвола монополиста и ограничивается только наименьшею оцѣнкою ея важности въ мнѣніи покупателя. Это заключеніе справедливо въ нѣкоторомъ смыслѣ, но оно не составляетъ исключенія изъ общаго закона зависимости цѣнности отъ снабженія и запроса. Монополистъ вправѣ назначить какую ему угодно цѣну, не выше, однакожь, цѣны, которую потребитель имѣетъ возможность, или желаетъ заплатить, но онъ можетъ сдѣлать это только ограничивая снабженіе. Голландская Остиндская Компанія получала монопольную цѣну за пряности; но для того она была принуждена, при хорошемъ урожаѣ, уничтожать часть продуктовъ, какъ это она дѣлала съ корицею, сжигая избытокъ въ фейрверкахъ, или ограничивать производительность роскошнаго тропическаго климата, вырывая гвоздичныя деревья (*). Еслибъ она продавала всю массу этихъ произведеній, то торговля ея лопнула бы отъ пониженія цѣнъ, можетъ-быть, въ такой степени, что бо̀льшее количество ихъ доставляло

(*) M. Culloch's Comm. Dict. 1852 p. 292.

бы низшее возмездіе, нежели малое: по-крайней-мѣрѣ, уничтожая избытокъ снабженія, голландская Остиндская Компанія доказала, что таково было ея мнѣніе. Слѣдственно цѣнность предметовъ монополизируемыхъ не зависитъ отъ какого-нибудь особеннаго начала, но есть только видоизмѣненіе обыкновеннаго явленія снабженія и запроса.

Когда произведенія — результаты труда, соединеннаго съ расходами, они заключаютъ въ себѣ наименьшую цѣнность, которая есть существенное условіе ихъ произвожденія. Цѣнность предмета во всякое время есть слѣдствіе снабженія и запроса; она всегда есть необходимая цѣнность, чтобъ открыть сбытъ для существующаго снабженія; но если она недостаточна, чтобъ оплатить расходы произвожденія и, кромѣ того, чтобъ доставить обыкновенно ожидаемый барышъ, то произвожденіе этого предмета прекратится. Капиталисты не будутъ производить постоянно себѣ въ убытокъ; они даже не будутъ продолжать произвожденія, если барыши, ими получаемые, такъ малы, что они не могутъ жить на нихъ. Люди, уже помѣстившіе свой капиталъ, если они не могутъ извлечь его безъ потери, будутъ упорствовать, продолжая свою дѣятельность нѣкоторое время безъ барышей и даже себѣ въ убытокъ, въ ожиданіи лучшаго времени; но это упорство имѣетъ свой конецъ, и они останавливаются когда ничто не предвѣщаетъ благопріятной перемѣны обстоятельствъ. Занятіе привлекаетъ новые капиталы только въ такомъ случаѣ, если оно обѣщаетъ барышъ, который можно получить отъ этого дѣла, во всякое время, во всякомъ мѣстѣ. Когда очевидно, что такой прибыли нельзя получить, промышленики, если дѣйствительно не извлекаютъ своихъ капиталовъ, то покрайней-мѣрѣ не замѣщаютъ ихъ, по мѣрѣ ихъ потребленія. Расходы произвожденія, въ соединеніи съ обыкновен-

нымъ барышомъ, слѣдственно могутъ быть названы необходимою цѣною, или цѣнностью всѣхъ предметовъ, производимыхъ трудомъ и капиталомъ. Никто не производитъ въ ожиданіи однихъ убытковъ; и кто дѣйствуетъ такимъ образомъ, тотъ побуждается дурнымъ разсчетомъ, который онъ исправляетъ при первой возможности.

Когда предметы, производимые трудомъ и капиталомъ, могутъ быть умножены въ неопредѣленномъ количествѣ, эта необходимая цѣнность, представляющая minimum, удовлетворяющее производителей, при свободномъ и дѣятельномъ соперничествѣ, обращается въ maximum, котораго производители только могутъ ожидать. Если цѣнность произведенія, оплачивая расходы его произвожденія, доставляетъ болѣе чѣмъ обыкновенный барышъ, то капиталъ устремляется въ эту отрасль промышленности, чтобъ участвовать въ этой лишней выгодѣ и, увеличивая снабженіе этого рода произведеній, понижаетъ ихъ цѣнность. Это не одно предположеніе или догадка, но фактъ, извѣстный каждому, кто знакомъ съ коммерческими операціями. Всякій разъ, когда открывается новое дѣло, обѣщающее въ будущемъ необыкновенные барыши, или когда есть надежда получить болѣе чѣмъ обыкновенную прибыль въ существующей отрасли промышленности или торговли, всегда въ этихъ случаяхъ произвожденіе, или привозъ, въ короткое время увеличивается въ такой степени, что не только лишній, но и обыкновенный барышъ пропадаетъ и цѣнность понижается на сколько прежде она стояла выше, пока временная остановка въ произвожденіи не исправитъ этого чрезвычайнаго снабженія.

Общее правило, слѣдственно, что предметы обмѣниваются одинъ на другій по такимъ цѣнностямъ, которыя даютъ возможность каждому производителю уплатить расхо-

ды произвожденія, съ обыкновеннымъ барышомъ, или, говоря другими словами, которыя доставляютъ всѣмъ производителямъ одинаковый барышъ за ихъ расходы. Но чтобъ барыши были равны въ тѣхъ случаяхъ, когда расходы, то есть стоимость произвожденія, одинаковы, предметы вообще должны взаимно обмѣниваться пропорціонально этимъ расходамъ, или этой стоимости. Предметы, производимые за одинаковые расходы, должны имѣть одинаковую цѣнность, потому-что только въ такомъ случаѣ одинаковые расходы доставляютъ одинаковые барыши. Если фермеръ съ капиталомъ, равнымъ 1000 четвертямъ хлѣба, можетъ произвести 1200 четвертей, доставляющихъ ему 20 процентовъ барыша, то всѣ предметы, которые въ то же время могутъ быть произведены на капиталъ, равный 1000 четвертямъ, должны стоить, то есть должны вымѣниваться за 1200 четвертей, иначе производитель получитъ или болѣе или менѣе 20-ти процентовъ прибыли.

Адамъ Смитъ и Рикардо назвали эту цѣнность предмета, пропорціональную расходамъ его произвожденія, его естественною цѣнностью (valeur intrinsèque, intrinsic value). Они разумѣли здѣсь точку, около которой цѣнность колеблется и къ которой она постоянно стремится. Это—центральная цѣнность, къ которой, по выраженію Адама Смита, рыночная цѣнность постоянно тяготѣетъ: и каждое уклоненіе отъ нея есть только временная неправильность, немедленно приводящая силы въ движеніе, ее исправляющее. Средняя рыночная цѣнность, взятая за нѣсколько лѣтъ, въ продолженіи которыхъ колебанія по одну сторону оси вознаграждаются колебаніями въ направленіи противоположномъ, соотвѣтствуетъ естественной цѣнности; но она очень рѣдко точно совпадаетъ съ нею въ какое-нибудь опредѣленное время. Поверхность моря вездѣ стремится къ уровню, но

никогда она не представляетъ совершеннаго уровня: она всегда покрыта зыбью и часто бури возмущаютъ ее; ни одна точка ея, въ открытомъ морѣ по-крайней-мѣрѣ, не остается долгое время выше другой: каждый пунктъ попеременно то возвышается, то опускается, но океанъ удерживаетъ свой уровень.

Измѣненія, обнаруживающіяся въ снабженіи произведеній, оказываютъ это тайное вліяніе, повинуясь которому, цѣнности ихъ сообразуются и совпадаютъ въ заключеніе съ стоимостью, или расходами ихъ произвожденія. Если произведенія продаются дороже этой стоимости, то снабженіе ихъ увеличивается, и напротивъ, оно уменьшается, если цѣнность падаетъ ниже этой стоимости. Но мы не должны заключать отсюда, что снабженіе должно на самомъ дѣлѣ необходимо уменьшаться или увеличиваться. Положимъ, что стоимость произвожденія предмета удешевляется вслѣдствіе какого-нибудь механическаго изобрѣтенія или дорожаетъ отъ налога, отягощающаго эту отрасль промышленности. Цѣнность этого предмета въ короткое время, если не тотчасъ же, упадетъ въ одномъ случаѣ и возвысится въ другомъ, потому-что снабженіе въ первомъ примѣрѣ увеличивается до-тѣхъ-поръ, пока не упадетъ цѣна, и уменьшается въ послѣднемъ случаѣ, пока цѣна не подымется. По этой причинѣ и также вслѣдствіе ошибочнаго понятія, что цѣнность зависитъ отъ отношенія между запросомъ и снабженіемъ, многіе думаютъ, что это отношеніе должно измѣняться всякій разъ съ перемѣною цѣнности произведенія; что цѣнность не можетъ понизиться чрезъ удешевленіе стоимости произвожденія, если снабженіе не увеличивается постоянно, или подняться, если снабженіе не уменьшается. Но это бываетъ не такъ. Нѣтъ необходимости, чтобъ снабженіе дѣйствительно измѣнялось; и

если мы открываемъ въ немъ постоянную перемѣну, то она не есть причина, но слѣдствіе измѣненія цѣнности. Постоянное возростаніе снабженія предметовъ, слѣдующее за удешевленіемъ ихъ произвожденія, зависитъ отъ совершенно другаго вопроса, именно отъ того: требуется ли бо́льшее количество этихъ произведеній по удешевленной цѣнности? Обыкновенно бо́льшее количество требуется, хотя это не есть непремѣнная необходимость.

«Человѣкъ (говоритъ де Кэнси) (*) охотнѣе покупаетъ предметъ, имѣющій непосредственное приложеніе къ его цѣлямъ и въ бо́льшемъ количествѣ, если онъ дешевле. Если шелковые носовые платки упадутъ на полцѣны, то онъ, можетъ-быть, купитъ ихъ втрое болѣе; но онъ не станетъ покупать паровыя машины только потому, что цѣна ихъ понизилась. Его запросъ на паровыя машины всегда опредѣляется обстоятельствами, въ которыхъ онъ находится. Что касается стоимости, или расходовъ произвожденія, то для него расходы дѣйствія этой машины представляютъ бо́льшую важность».

Возьмемъ теперь обратный случай. Положимъ, что стоимость или расходы произвожденія возростаютъ, какъ это случается, напримѣръ, при наложеніи акциза на производство. Цѣнность, вѣроятно, подымется вдругъ. Уменьшится ли снабженіе? Оно уменьшится только въ такомъ случаѣ, если цѣнность ограничитъ запросъ. Подобное дѣйствіе скоро обнаружится, и тогда, отъ излишняго снабженія, цѣнность сначала нѣсколько понизится, чтобъ съ ограниченіемъ произвожденія снова подняться.

Итакъ совершенно справедливо, что цѣнность предметовъ, которыхъ количество можетъ быть увеличено по нашему произволу, не зависитъ отъ запроса и снабженія, на-

(*) De Quincey. Logic of Polit. Econ. p. 230.

противъ, она опредѣляетъ запросъ и снабженіе. Запросъ всегда существуетъ на извѣстное количество произведенія по его естественной цѣнности, и снабженіе постоянно стремится сообразоваться съ нимъ. Если оно отступаетъ отъ него, то это происходитъ или отъ дурнаго разсчета промышлениковъ, или отъ измѣненія въ элементахъ задачи, отъ перемѣны въ естественной цѣнности, то есть въ расходахъ произвожденія, отъ перемѣны въ запросѣ, который опредѣляется вкусомъ, числомъ и средствами потребителей. Мы часто встрѣчаемъ эти возмущающія причины; и когда онѣ дѣйствуютъ, всякій разъ рыночная цѣнность предметовъ отступаетъ отъ ихъ естественной цѣнности. Подлинный законъ запроса и снабженія, уравненіе между ними дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ. Если предметъ долженъ имѣть другую цѣнность, отличную отъ его естественной цѣнности, чтобъ запросъ сдѣлался равнымъ снабженію, то его рыночная цѣнность уклонится отъ его естественной цѣнности; но это будетъ только на-время, потому-что снабженіе постоянно стремится сообразоваться съ запросомъ, который, какъ опытъ показываетъ, всегда существуетъ, когда произведенія продаются по ихъ естественной цѣнности. Если снабженіе увеличивается или уменьшается противъ запроса, то это бываетъ только случайно, когда промышленость представляетъ бо̀льшую или ме́ньшую прибыль, что̀ не можетъ долгое время существовать при свободномъ и дѣятельномъ совмѣстничествѣ.

Такимъ-образомъ мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: запросъ и снабженіе опредѣляютъ цѣнность предметовъ, которые не могутъ быть неопредѣленно умножены; но, и между ними даже, произведенія промышлености должны имѣть наименьшую цѣнность, опредѣляемую расходами произвожденія. Но для всѣхъ предметовъ, допускаю-

щихъ неопредѣленное умноженіе, запросъ и снабженіе производятъ только измѣненія въ цѣнности въ продолженіе извѣстнаго времени, необходимаго, чтобъ измѣнить снабженіе. Но, управляя колебаніями цѣнности, эти два возмущающіе элемента сами повинуются высшей силѣ, которая заставляетъ цѣнность тяготѣть къ стоимости производженія и которая установила бы и удержала бы ее на этомъ пунктѣ, еслибъ не подымались безпрестанно новыя возмущающія вліянія, снова отклоняющія ее отъ этого пункта. Продолжая эту метафору, мы скажемъ, что запросъ и снабженіе постоянно стремятся къ равновѣсію, которое наступаетъ только, когда предметы обмѣниваются, согласно съ ихъ стоимостью, или, употребляя уже принятое нами выраженіе, когда предметы сбываются по ихъ естественной цѣнности.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы опредѣлили составные элементы стоимости производженія; мы нашли, что трудъ — главный и почти единственный ея элементъ. Стоимость производженія каждаго предмета для его производителя, или для цѣлаго ряда производителей, представляетъ трудъ, истрачиваемый въ производженіи. Если мы разумѣемъ подъ именемъ производителя капиталиста, дѣлающаго выдачи впередъ, то слово *трудъ* можетъ быть замѣнено заработною платою: произведеніе стоитъ ему заработной платы, имъ уплачиваемой. Съ перваго взгляда дѣйствительно это представляется единственною статьею расходовъ, потому-что капиталистъ не только уплачиваетъ заработную плату, но снабжаетъ работниковъ инструментами, матеріалами и помѣщеніемъ. Эти инструменты, матеріалы и строенія суть произведенія труда и капитала, и цѣнность ихъ зависитъ отъ стоимости производженія, которая снова разлагается на трудъ.

Цѣнность произведеній, поэтому, зависитъ преимущественно (мы увидимъ сейчасъ, зависитъ ли она единственно) отъ количества труда, необходимаго для ихъ произвожденія, въ которое мы включаемъ провозъ или доставку ихъ на рынокъ.

«Опредѣляя, напримѣръ, мѣновую цѣнность чулокъ (говоритъ Рикардо) (*), мы найдемъ, что она зависитъ отъ общаго количества труда, необходимаго для ихъ производства и для ихъ доставки на рынокъ. Мы открываемъ здѣсь, во-первыхъ, трудъ воздѣлыванія земли, на которой возрощается хлопчатникъ, во-вторыхъ, трудъ провоза хлопчатой бумаги въ страну, гдѣ чулки выдѣлываются, и включающій часть труда, положеннаго на постройку корабля, доставившаго хлопчатую бумагу, и также зафрахтованнаго для этихъ произведеній, въ-третьихъ, трудъ прядильщика и ткача, въ-четвертыхъ, трудъ механика, кузнеца и плотника, воздвигшихъ зданія и изготовившихъ машины, въ-пятыхъ, трудъ розничнаго продавца и многихъ другихъ лицъ, уже нами неупоминаемыхъ. Общая сумма этихъ различныхъ видовъ труда опредѣляетъ количество другихъ произведеній, на которыя эти чулки обмѣниваются, и обратно.

«Чтобъ убѣдиться, что трудъ — дѣйствительное основаніе рыночной цѣнности, положимъ, что сдѣлано какое-нибудь изобрѣтеніе, сокращающее работу въ одномъ изъ разнообразныхъ процесовъ, черезъ которые должна пройдти хлопчатая бумага, прежде нежели выдѣланные изъ нея чулки появятся въ торговлѣ, и посмотримъ, какіе результаты изъ него послѣдуютъ. Если потребуется менѣе людей для разведенія хлопчатника, или менѣе матросовъ для мореплаванія, или менѣе плотниковъ для сооруженія корабля, въ которомъ хлопчатая бумага доставляется, или

(*) Ricardo. Principles of Politic. Econ. and Taxat. ch. i. sec. 3.

употребляется менѣе рукъ для возведенія строеній и изготовленія машинъ, или машины оказываются болѣе удовлетворительными въ своемъ дѣйствіи, то чулки неизбѣжно упадутъ въ своей цѣнности. Цѣнность ихъ понизится, потому-что меньшее количество труда было необходимо для ихъ произвожденія, и они будутъ обмѣниваться на мѣньшее количество предметовъ, въ производствѣ которыхъ не произошло подобнаго сокращенія труда.

«Экономія въ трудѣ понижаетъ относительную цѣнность произведенія во всякомъ случаѣ, сберегается ли трудъ, прилагаемый для его фабрикаціи, или для образованія капитала, при помощи котораго она создается. Цѣна чулокъ упадетъ въ обоихъ случаяхъ, если употребляется мѣньшее число бѣлильщиковъ, прядильщиковъ, ткачей и другихъ лицъ, необходимыхъ для ихъ производства, или если требуется мѣньшее количество матросовъ, извощиковъ, механиковъ, кузнецовъ и другихъ лицъ, имѣющихъ болѣе посредственное отношеніе къ ихъ выдѣлкѣ. Въ одномъ случаѣ сбереженіе труда относится только къ однимъ чулкамъ, потому-что сбереженный трудъ ограничивался только ихъ производствомъ; въ другомъ случаѣ часть этой экономіи прилагается къ чулкамъ, а остатокъ разлагается на другіе предметы, произвожденію которыхъ способствуютъ строенія, машины, пути сообщенія, средства провоза.»

Итакъ, по выраженію Рикардо, количество труда, необходимое, чтобъ произвести предметъ и привести его на рынокъ, есть единственная вещь, опредѣляющая его цѣнность. Но такъ-какъ для капиталиста заработная плата, а не трудъ, представляетъ стоимость произвожденія, и такъ-какъ, при одинаковомъ количествѣ труда, эта плата можетъ увеличиваться, или уменьшаться, то, повидимому, цѣнность произведенія опредѣляется не однимъ количествомъ

труда, но также и слѣдующимъ за него вознагражденіемъ и зависитъ отчасти отъ заработной платы.

Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, мы не должны забывать, что цѣнность — относительное выраженіе; что она не есть существенное свойство предмета, но означаетъ только количество другихъ предметовъ, получаемыхъ въ обмѣнъ за него. Цѣнность одного произведенія понятна только въ отношеніи къ другому, или вообще ко всѣмъ произведеніямъ. Теперь отношеніе одного предмета къ другому не можетъ быть измѣнено дѣйствіемъ какой-нибудь причины, оказывающей одинаковое вліяніе на обоихъ. Общее пониженіе или возвышеніе заработной платы есть фактъ, одинаково дѣйствующій на всѣ произведенія, который, слѣдственно, не представляетъ повода, почему онѣ должны обмѣниваться въ другихъ пропорціяхъ. Предполагать, что высокая заработная плата производитъ высокую цѣнность, значитъ, допускать существованіе общихъ высокихъ цѣнностей. Но это самое выраженіе, какъ мы уже доказали, (стр. 225) заключаетъ противорѣчіе: высокая цѣнность однихъ предметовъ предполагаетъ низкую цѣнность другихъ,

Хотя заработная плата вообще своимъ возвышеніемъ или пониженіемъ не дѣйствуетъ на цѣнность, но если эта плата выше въ одной отрасли, нежели въ другой, или если она постоянно падаетъ въ одной какой-нибудь отрасли, то эти неравности дѣйствительно оказываютъ вліяніе на цѣнности.

Очевидно, такимъ-образомъ, что правило, постановленное знаменитѣйшими политико-экономами, что заработная плата не входитъ въ составъ цѣнности, высказано въ выраженіяхъ болѣе общихъ, нежели истина допускаетъ. Заработная плата входитъ въ составъ цѣнности. Относительная плата различныхъ рабочихъ, необходимая для произвожде-

нія различныхъ произведеній, оказываетъ вліяніе на ихъ цѣнность точно такъ же, какъ относительныя количества труда. Справедливо, что заработная плата, какъ общее или собирательное выраженіе, не дѣйствуетъ на цѣнность, но количество труда, равно принимаемое въ этомъ безотносительномъ значеніи, также остается безъ вліянія на нее. Еслибъ это количество измѣнялось одновременно и единообразно для всѣхъ произведеній, то цѣнности не испытывали бы дѣйствія этихъ перемѣнъ. Еслибъ, напримѣръ, дѣятельность всѣхъ видовъ труда возросла въ такой степени, что всѣ предметы, безъ исключенія, могли быть произведены съ мéньшимъ трудомъ, то цѣнности ихъ не обнаружили бы никакого слѣда этого общаго пониженія въ стоимости произвожденія. Въ строгомъ смыслѣ, слѣдственно, заработная плата имѣетъ такое же отношеніе къ цѣнности, какъ и количество труда; и Рикардо и, вмѣстѣ съ нимъ, другіе политико-экономы никогда не отвергали этого факта. Но между причинами, измѣняющими цѣнность, количество труда представляется намъ какъ самая важная, потому-что обыкновенно оно измѣняется для немногихъ произведеній въ одно время, тогда-какъ заработная плата представляетъ обыкновенно общія измѣненія, которыя не имѣютъ, слѣдственно, значительнаго вліянія на цѣнность.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ, разбирая необходимыя условія произвожденія, мы нашли, что, кромѣ труда, требуется еще другій элементъ—капиталъ. Капиталъ, какъ уже извѣстно, есть результатъ бережливости; поэтому цѣнность произведенія должна быть достаточна, чтобъ вознаградить не только весь необходимый трудъ, на него положенный, но также бережливость всѣхъ лицъ, которыя выдали впередъ вознагражденіе различнаго рода работникамъ. Это возмездіе за бережливость — барышъ, который, какъ

мы видѣли, не есть исключительно избытокъ, остающійся капиталисту за уплатою всѣхъ расходовъ, но во многихъ случаяхъ самъ представляетъ важную статью расходовъ. Льнопрядильщикъ, котораго расходы состоятъ въ покупкѣ льна и машинъ, уплачиваетъ, въ видѣ цѣны ихъ, не только заработную плату за трудъ разведенія льна и изготовленія машинъ, но также барыши сельскаго хозяина, желѣзнаго заводчика и механика. Всѣ эти барыши, въ соединеніи съ прибылью прядильщика, уплачиваются впередъ ткачомъ въ видѣ цѣны его матеріала, льняной пряжи, и составляютъ часть стоимости произвожденія полотна. Барыши, слѣдственно, подобно заработной платѣ, входятъ въ составъ стоимости произвожденія, которая опредѣляетъ цѣнность продукта.

Цѣнность, однакожь, какъ понятіе совершенно относительное, не можетъ зависѣть отъ общей прибыли точно такъ же, какъ и отъ общей заработной платы, но зависитъ только отъ относительныхъ барышей; и входя въ составъ стоимости произвожденія нѣкоторыхъ предметовъ, въ пропорціи болѣе значительной, они могутъ имѣть вліяніе на цѣнность.

Напримѣръ, мы видѣли, что нѣкоторыя занятія, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, доставляютъ постоянно бо́льшую прибыль, нежели другія. Вознагражденіе необходимо за особенный рискъ, хлопоты и непріятность. Это возмездіе возможно только получить, продавая произведеніе дороже, нежели слѣдуетъ сообразно съ количествомъ труда, необходимаго для его произвожденія. Еслибъ порохъ обмѣнивался на другіе предметы въ пропорціи, совершенно соотвѣтствующей труду, который требуется для его приготовленія, то никто не рѣшился бы устроить пороховый заводъ. Мясники, конечно, составляютъ болѣе достаточный

классъ промышленниковъ, нежели хлѣбники, и занятіе ихъ не соединено съ особеннымъ рискомъ, потому-что банкрутства въ немъ не столь обыкновенны. Они получаютъ, слѣдственно, прибыль болѣе значительную отъ ограниченнаго совмѣстничества, по причинѣ непріятности ихъ ремесла, почитаемаго даже въ нѣкоторой степени унизительнымъ. Но эта большая прибыль предполагаетъ, что они продаютъ свои произведенія дороже, нежели слѣдуетъ соотвѣтственно ихъ труду и расходамъ. Всѣ необходимыя и постоянныя неровности прибыли обнаруживаются въ относительной цѣнности произведеній.

Барыши, однакожь, имѣютъ важнѣйшее участіе въ произвожденіи нѣкоторыхъ предметовъ, если даже занятіе не представляетъ особеннаго различія въ прибыли. Одно произведеніе можетъ, по необходимости, доставлять прибыль по прошествіи болѣе продолжительнаго времени, нежели другое. Вино обыкновенно приводится, какъ объяснительный примѣръ этого случая. Положимъ, извѣстныя количества вина и шелковой матеріи приготовлены съ одинаковымъ трудомъ, за который заплачено одинаково. Время не улучшаетъ ткани, но улучшаетъ вино. Положимъ, что только по прошествіи пяти лѣтъ вино получаетъ желаемое качество. Производитель, или торговецъ, не станутъ беречь его въ продолженіе всего этого времени, если, по истеченіи пяти лѣтъ, они не могутъ продать его дороже ткани на сумму, соотвѣтствующую пятилѣтней прибыли, въ соединеніи съ сложными процентами. Первоначальные расходы выдѣлки шелковой матеріи и вина одинаковы въ этомъ случаѣ, слѣдственно естественныя цѣнности двухъ произведеній не соотвѣтствуютъ одной стоимости произвожденія, но къ ней прилагается еще новая величина—возростающая прибыль.

Всѣ произведенія, выдѣлываемыя машинами, могутъ быть въ нѣкоторой степени приноровлены вину въ предъидущемъ примѣрѣ. Барыши составляютъ болѣе значительную часть стоимости ихъ произвожденія въ сравненіи съ предметами, которые производятся однимъ непосредственно прилагаемымъ трудомъ. Представимъ себѣ произведенія *A* и *B*, изъ которыхъ каждое, для своей выдѣлки, требуетъ одинъ годъ времени и капиталъ, равный 1000 р. с. *A* исключительно изготовляется непосредственно прилагаемымъ трудомъ, или ручною работою и вся 1000 р. с., истрачивается, слѣдственно, на одну заработную плату. *B* выдѣлывается при помощи труда, стоющаго 500 р. с.. и машины, стоющей также 500 р. с., и послѣ одного года уже негодящейся къ употребленію. Оба произведенія имѣютъ совершенно одинаковую цѣнность, которая, если прибыль представляетъ 20 процентовъ въ годъ, будетъ равна 1200 р. с. Но въ первомъ случаѣ только 200 р. с. или одна шестая доля этой суммы составляетъ этотъ барышъ, между-тѣмъ, какъ во второмъ случаѣ къ 200 р. с. прибыли должно прибавить еще барыши механика, сдѣлавшаго машину, которые заключены въ 500 р. с. и которые равны одной шестой этой суммы, если изготовленіе машины продолжалось одинъ годъ.

Чѣмъ значительнѣе часть капитала, представляющая зданія, машины, сырые матеріалы и другіе предметы, которые должны быть запасены прежде, нежели начинается дѣятельность непосредственно прилагаемаго труда, тѣмъ значительнѣе входятъ барыши въ стоимость произвожденія. Справедливо также, хотя это неочевидно съ перваго взгляда, что бо̀льшая прочность этой части капитала, состоящей въ машинахъ, или зданіяхъ, оказываетъ то же самое вліяніе, какъ и его бо̀льшая пропорція. Мы представили

себѣ, что машина, послѣ годичнаго употребленія, дѣлается совершенно негодною. Положимъ теперь, что эта машина вѣчна и не требуетъ никакихъ исправленій; въ этомъ случаѣ (совершенно соотвѣствующемъ нашему объясненію, какъ еслибъ это было явленіе возможное) для фабриканта нѣтъ необходимости, чтобъ 500 р. с., заплаченные за машину, ему оплатились когда-либо, потому-что у него всегда остается машина, стоющая 500 р. с.; но онъ долженъ получить ту же прибыль на нее, какъ и прежде. Поэтому произведеніе B, проданное, по нашему предположенію въ предъидущемъ примѣрѣ, за 1200 р с., изъ которыхъ 1000 р. с. замѣщаютъ капиталъ, а 200 р. с. представляютъ барышъ, можетъ быть теперь продано за 700 р. с.; изъ нихъ 500 р. с. замѣщаютъ заработную плату, а 200 р. с. составляютъ прибыль на цѣлый капиталъ. Слѣдственно прибыль входитъ въ составъ цѣнности *B*, въ пропорціи 200 къ 700, представляя двѣ-седьмыхъ цѣлой суммы или, $28^4/_7$ процента, между-тѣмъ, какъ въ цѣнности произведенія *A* она составляетъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, только одну шестую или $16^2/_3$ процента. Разумѣется, мы привели здѣсь примѣръ совершенно идеальный, потому-что нѣтъ машины, или другаго вида постояннаго капитала вѣчно существующаго; но чѣмъ они прочнѣе, тѣмъ болѣе дѣйствительность приближается къ нашему идеальному примѣру. Если, напримѣръ, машина, стоющая 500 р. с., каждый годъ теряетъ одну шестую своей цѣнности, то должно прибавить къ приходу 100 р. с., чтобъ вознаградить эту потерю, и цѣна произведенія *B* будетъ 800 р. с.; прибыль, слѣдственно, войдетъ въ составъ ея въ пропорціи 200 къ 800, которая гораздо выше отношенія 200 къ 1200, существующаго для произведенія *A*.

Два послѣдствія, въ связи съ теоріею цѣнности, вытека-

ютъ изъ этого различнаго участія прибыли въ выдачахъ капиталиста и въ приходахъ, имъ получаемыхъ, существующаго въ различныхъ занятіяхъ.

Первое, что произведенія не обмѣниваются только пропорціонально количествамъ труда, потребнаго для ихъ произвожденія. Мы объяснили уже это обстоятельство примѣромъ вина; возьмемъ теперь, какъ другой примѣръ, произведенія, выдѣлываемыя машинами. Представимъ себѣ, какъ и прежде, предметъ *A*, приготовляемый за 1000 р. с., уплачиваемыхъ за трудъ, непосредственно прилагаемый, и произведеніе *C*, изготовляемое трудомъ, непосредственно прилагаемымъ, стоющимъ 500 р. с., при помощи машины, одна работа которой стоитъ 500 р. с. Эта машина дѣлается въ продолженіе года и обращается въ негодность послѣ годичнаго употребленія. Прибыль въ обоихъ случаяхъ будетъ 20 процентовъ. Произведенія *A* и *C* приготовляются съ одинаковымъ количествомъ труда, одинаково заплаченнаго: еслибъ трудъ, или возмездіе, за него слѣдующее представляло единственный элементъ стоимости произвожденія, то эти два произведенія обмѣнивались бы одно на другое въ равныхъ содержаніяхъ. Но будетъ ли это такъ на самомъ дѣлѣ? Конечно, нѣтъ. Изготовленіе машины, стоило 500 р. с. и продолжалось цѣлый годъ, — и потому-что прибыль механика представляетъ также 20 процентовъ, то естественная цѣна этой машины будетъ 600 р. с. Эти добавочные 100 р. с. выдаетъ, вмѣстѣ съ другими расходами, фабрикантъ произведенія *C*., и онъ долженъ получить ихъ обратно вмѣстѣ съ 20-ти процентною прибылью; слѣдственно, если произведеніе *A* продается за 1200 р. с., то произведеніе *C* не можетъ быть постоянно продаваемо дешевле 1320 р. сер.

Второе послѣдствіе, что каждое общее возвышеніе или

пониженіе прибыли оказываетъ вліяніе на цѣнности, разумѣется, не возвышая и не понижая ихъ вообще (что̀ было бы противорѣчіемъ и невозможностью), но измѣняя вліяніе пропорціи, въ которой различное продолженіе времени для полученія барышей дѣйствуетъ на цѣнность предметовъ. Когда два предмета, хотя изготовленные съ одинаковымъ трудомъ, имѣютъ неодинаковую цѣнность, потому-что одинъ изъ нихъ приноситъ барыши, по прошествіи бо́льшаго числа лѣтъ или мѣсяцевъ: это различіе въ цѣнности увеличивается, съ возростаніемъ прибыли и уменьшается при ея пониженіи. Вино, которое должно доставить барыши, соотвѣтствующіе пятилѣтней прибыли, получаемой отъ шелковой матеріи, превзойдетъ ее въ цѣнности гораздо болѣе, если прибыль, ею доставляемая, будетъ 40 процентовъ вмѣсто 20-ти.

Кромѣ этихъ естественныхъ и необходимыхъ элементовъ стоимости произвожденія, труда и прибыли, существуютъ еще искусственные и случайные элементы, какъ, напримѣръ, акцизъ. Этотъ налогъ участвуетъ въ стоимости произвожденія точно также, какъ и заработная плата. Пошлина, налагаемая, подобно издержкамъ, опредѣляемымъ естественнымъ порядкомъ вещей, должна быть заплачена вмѣстѣ съ обыкновенною прибылью, изъ цѣнности произведенія, иначе, производство этихъ предметовъ должно остановиться. Но вліяніе налога на цѣнность подчиняется тѣмъ же условіемъ, какъ и дѣйствіе на нее барышей и заработной платы. Только частный налогъ оказываетъ это вліяніе; еслибъ всѣ произведенія были обложены одинаковымъ акцизомъ, то относительная цѣнность ихъ не измѣнялась бы; она возвышается для тѣхъ произведеній, на которыя акцизъ распространяется.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть третій видъ произ-

веденій, которыя имѣютъ многократную цѣнность, количество которыхъ можетъ быть всегда увеличено посредствомъ труда и капитала; но каждое увеличеніе его, каждое прибавленіе къ нему требуетъ новыхъ расходовъ. Эти произведенія составляютъ средній классъ, соединяющій въ себѣ характеры обоихъ предъидущихъ классовъ. Главные между ними суть земледѣльческіе продукты. Мы уже достаточно развили основную истину, что въ земледѣліи, при данномъ существующемъ положеніи этого искусства, двойной трудъ не удваиваетъ количества произведеній; что если требуется увеличить его, то добавочное снабженіе получается съ бо̀льшими издержками, нежели первоначальное количество. Если возростающее народонаселеніе поставляетъ въ необходимость, въ извѣстной деревнѣ, произвести лишнія 100 четвертей пшеницы, или, распахавъ худую землю, которая оставалась до-сихъ-поръ необработанною, или посредствомъ болѣе тщательнаго воздѣлыванія уже обработанной земли, то эти 100 четвертей, или, по-крайней-мѣрѣ, часть ихъ, могутъ стоить вдвое, втрое болѣе за четверть, нежели первоначально полученное количество хлѣба.

Если это первоначальное количество получается при одинаковыхъ расходахъ, которые, вмѣстѣ съ обыкновенною прибылью, совершенно вознаграждаются цѣною 6 р. с. за четверть, то естественная цѣна пшеницы, пока это количество удовлетворяетъ требованію, будетъ 6 р. с. четверть, и она можетъ подняться или понизиться, только отъ перемѣнъ въ урожаѣ, или отъ другихъ случайныхъ измѣненій въ снабженіи. Но если народонаселеніе возростаетъ, то время должно наступить, когда потребуется для его прокормленія бо̀льшее количество хлѣба. Мы должны предположить, что заграничное снабженіе не имѣетъ доступа. Положимъ, что воображаемая нами мѣстность производитъ только 100 чет-

вертей, если худая земля не обращается въ воздѣланное состояніе, или если не вводится лучшая и сопряженная съ большими расходами система хлѣбопашества. Подобныя средства будутъ употреблены только при возвышеніи цѣны, которую постепенно подымаетъ возростающій запросъ. Положимъ, что второстепенная земля, по своему качеству, или своему положенію, можетъ быть воздѣлываема тогда только, когда четверть пшеницы продается по 7 р. 50 к. сер., и что эта цѣна также необходима для полнаго вознагражденія улучшенной системы земледѣлія, увеличивающей количество произведеній первостепенной земли: въ такомъ случаѣ цѣна будетъ подыматься вслѣдствіе возростающаго требованія, пока она не достигнетъ 7 р. 50 к. сер. Это будетъ настоящая цѣна, при которой только количество, требуемое обществомъ, можетъ быть произведено. За эту цѣну общество продовольствуется извѣстное время, постоянно даже, если народонаселеніе не возростаетъ. Цѣна, достигнувъ этой точки, не понизится (хотя она можетъ упасть на-время, при особенно обильномъ урожаѣ), также и не подымется, пока общество получаетъ требуемое снабженіе безъ вторичнаго увеличенія стоимости произвожденія.

До-сихъ-поръ въ этомъ разсужденіи я употреблялъ слово *цѣна*, какъ выраженіе цѣнности, потому-что это болѣе знакомое понятіе, и я буду это дѣлать всякій разъ, когда найду это необходимымъ.

Въ предполагаемомъ случаѣ различныя части снабженія хлѣба представляютъ различную стоимость произвожденія. Хотя стоимость произвожденія 20, или 50, или 150 добавочныхъ четвертей пропорціональна 7 р. 50 к. сер., но первоначальныя 100 четвертей стоили производителю только 6 р. с. Это различіе совершенно очевидно, когда земля различнаго качества производитъ снабженіе первоначальное

и добавочное; но оно тѣмъ не менѣе справедливо, если одна и та же почва производитъ ихъ. Положимъ, что первостепенная земля, доставлявшая 100 четвертей, по 6 р. с. за четверть, даетъ 150 четвертей, при помощи какого-нибудь дорогаго земледѣльческаго улучшенія, которое можетъ быть приложено только, когда четверть пшеницы стоитъ 7. 50 к. с. Расходы, окупающіеся при этой цѣнѣ, были предприняты только ради 50 четвертей; первыя 100 возможно было постоянно получать, не выходя изъ первоначальныхъ расходовъ и пользуясь выгодою полнаго возвышенія цѣны, подымающейся при возростающемъ запросѣ; по этой причинѣ никто не предприметъ новыхъ издержекъ для произвожденія этого добавочнаго количества, если оно только оплачиваетъ ихъ. Слѣдственно 50 четвертей будутъ произведены по ихъ настоящей цѣнѣ, пропорціональной ихъ стоимости произвожденія только въ такомъ случаѣ, когда другія 100 четвертей принесутъ на каждую четверть 1. 50 к. с, болѣе ихъ настоящей цѣны, соотвѣтствующей низшей стоимости ихъ произвожденія и ее вознаграждающей.

Если произвожденіе каждой даже малѣйшей части снабженія требуетъ, какъ необходимаго условія, установленія извѣстной цѣны, то эта цѣна получается и за снабженіе остальное. Мы не можемъ купить одинъ хлѣбъ дешевле нежели другой, потому-что пшеница, изъ которой онъ испеченъ, выросла на болѣе плодородной почвѣ и стоила менѣе производителю. Слѣдственно цѣнность предмета (разумѣется естественная, всегда равная его средней рыночной цѣнности) опредѣляется въ этомъ случаѣ стоимостью части снабженія, которая произведена и доставлена на рынокъ съ наибо́льшими расходами. Таковъ законъ цѣнности послѣдняго изъ трехъ классовъ, на которые мы раздѣлили всѣ произведенія.

Итакъ, если въ массѣ одинаковыхъ произведеній извѣстная часть ихъ. добываемая при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, получаетъ цѣнность, пропорціональную стоимости ея произвожденія, то остальныя произведенія въ этой массѣ, добываемыя при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и необходимо имѣющія сбытъ по той же цѣнѣ, пріобрѣтаютъ цѣнность болѣе, чѣмъ пропорціональную этой стоимости. Ихъ цѣнность, говоря точно, не есть цѣнность, опредѣляемая недостаткомъ, потому-что она установлена обстоятельствами произвожденія, а не дорговизною, необходимою, чтобъ понизить запросъ въ уровень съ ограниченнымъ снабженіемъ. Несмотря на это, владѣльцы этой части произведеній пользуются особымъ преимуществомъ: они получаютъ цѣнность, которая даетъ имъ болѣе чѣмъ обыкновенную прибыль. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ это преимущество зависитъ отъ обладанія естественнымъ дѣятелемъ, надѣленнымъ особенными качествами, какова, напримѣръ, почва болѣе плодородная, и когда этотъ естественный дѣятель не есть собственность земледѣльца, его владѣтель можетъ требовать, въ видѣ поземельнаго дохода, всю лишнюю прибыль, которую доставляетъ его пользованіе. Такимъ-образомъ мы дошли другою дорогою тѣхъ же результатовъ относительно закона поземельнаго дохода, нами разсмотрѣннаго въ предъидущей главѣ. Мы видимъ опять, что поземельный доходъ есть разница между неравными приходами, получаемыми отъ различныхъ частей капитала, прилагаемаго къ почвѣ. Всѣ избытки, доставляемые каждою частью земледѣльческаго капитала свыше количества произведеній получаемыхъ, съ тѣмъ же капиталомъ, отъ самой худой почвы, или при самомъ дорогомъ воздѣлываніи—всѣ эти избытки уплачиваются изъ прибыли, въ видѣ поземельнаго дохода, владѣльцу земли,

къ обработыванію которой фермеръ прилагаетъ свой капиталъ.

Многіе политико экономы и, между ними, Адамъ Смитъ, долгое время предполагали, что произведенія земли всегда имѣютъ монопольную цѣнность, потому-что, въ добавокъ къ обыкновенной прибыли, они всегда доставляютъ нѣкоторый излишекъ для уплаты поземельнаго дохода. Мы видимъ теперь, что это совершенно ошибочное предположеніе. Предметъ не можетъ имѣть монопольной цѣнности, когда снабженіе его можетъ быть неопредѣленно увеличено, если мы только рѣшаемся на расходы его произвожденія. Итакъ поземельный доходъ не участвуетъ въ стоимости произвожденія, опредѣляющей цѣнность земледѣльческихъ произведеній,

Кромѣ этого рода произведеній, многіе предметы представляютъ различную или, какъ мы выразились выше, многократную стоимость произвожденія и, вслѣдствіе этого различія и соразмѣрно съ нимъ, доставляютъ поземельный доходъ. Таковы, напримѣръ, всѣ виды сырыхъ матеріаловъ, добываемыхъ изъ нѣдръ земли — металлы, каменный уголь и т. п., которые получаются изъ различныхъ мѣсторожденій, подобно почвѣ растительной, различающихся по богатству своего содержанія.

Случаи, въ которыхъ получается эта добавочная прибыль, представляющая аналогію съ поземельнымъ доходомъ, болѣе обыкновенны въ промышленныхъ операціяхъ, нежели это предполагаютъ. Возьмемъ, напримѣръ, патентъ, или исключительную привелегію, на употребленіе какого-нибудь вида промышленности, уменьшающаго стоимость произвожденія. Если цѣнность произведенія опредѣляется, какъ это было прежде, расходами промышленниковъ, принужденныхъ употреблять старый способъ, то производитель при-

вилегированный получаетъ лишнюю прибыль, равную преимуществу, которое имѣетъ новый способъ надъ старымъ. Эта лишняя прибыль, по существу своему, одинакова съ поземельнымъ доходомъ, и иногда даже принимаетъ его форму, владѣтель привилегіи передаетъ право другимъ промышленикамъ пользоваться ею за опредѣленную ежегодную плату.

Въ заключеніе этого очерка я нахожу полезнымъ представить краткій перечень общей теоріи цѣнности, которая можетъ быть выражена въ слѣдующихъ предложеніяхъ.

I. Цѣнность есть выраженіе относительное; цѣнность вещи означаетъ количество другой вещи, или другихъ вещей, которыя на нее мѣняются; слѣдственно цѣнности предметовъ никогда не могутъ подыматься или падать одновременно. Общее возвышеніе или пониженіе цѣнностей невозможно: каждое возвышеніе предполагаетъ пониженіе, и обратно.

II. Временная или рыночная цѣнность зависитъ отъ запроса и снабженія; она подымается съ возростаніемъ запроса и падаетъ съ увеличеніемъ снабженія. Запросъ, однакожь, измѣняется съ цѣнностью; онъ бываетъ вообще болѣе, когда вещь дешевле, и цѣнность всегда какъ-бы приноровливается сама собою такимъ образомъ, что запросъ дѣлается равнымъ снабженію.

III. Кромѣ этой временной цѣнности, предметы имѣютъ еще постоянную или такъ-называемую, естественную цѣнность, къ которой цѣнность рыночная, послѣ каждаго измѣненія стремится возвратиться. Эти измѣненія, или колебанія, вознаграждаютъ одно другое, такъ что, въ среднемъ итогѣ, предметы обмѣниваются по ихъ естественной цѣнности.

IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ опредѣляется недостаткомъ снабженія; но бо̀льшая часть пред-

да, потребное для произвожденія; другіе оказываютъ мéньшее, хотя значительное, вліяніе.

XVI. Чѣмъ менѣе прибыль, тѣмъ менѣе важны эти второстепенные элементы стоимости произвожденія, и произведенія тѣмъ менѣе отступаютъ отъ цѣнности, пропорціональной количеству труда, потребнаго для ихъ произвожденія.

XVII. Но каждое пониженіе прибыли уменьшаетъ въ нѣкоторой степени стоимость предметовъ, выдѣлываемыхъ болѣе прочными машинами, и возвышаетъ стоимость предметовъ рукодѣльныхъ. Возвышеніе прибыли оказываетъ обратное дѣйствіе.

Такова общая теорія мѣновой цѣнности. Мы должны, однакожь, замѣтить, что эта теорія предполагаетъ систему произвожденія, которое предпринимаютъ и ведутъ капиталисты для прибыли, а не работники, для того только, чтобъ получить средства къ существованію. Предъидущія предложенія имѣютъ то основаніе, что предметъ и цѣль производителя—получить прибыль на свой капиталъ. Допустивъ это, мы находимъ, что онъ долженъ продать свое произведеніе по цѣнѣ, доставляющей ему обыкновенную прибыль, то есть, что это произведеніе должно обмѣниваться на другія произведенія, согласно съ своею естественною цѣнностью. Но селянинъ, владѣлецъ обработываемой имъ земли, или селянинъ-фермеръ, однимъ словомъ, работникъ, производящій на свой собственный счетъ, ищетъ не помѣщенія для своего маленькаго капитала, а выгоднаго занятія для своего труда и своего времени. Его выдачи, за исключеніемъ продовольствія его самого и его семейства, такъ малы, что почти весь приходъ, имъ получаемый отъ продажи произведеній, представляетъ заработную плату. Въ отношеніи прибавочнаго вознагражденія, имъ получаемаго отъ прода-

жи избытка произведеній, остающагося за продовольствіемъ его самого и его семейства, онъ можетъ быть поставленъ въ одну категорію съ работниками, которые, существуя другими средствами, могутъ продавать свой трудъ по самой малой цѣнѣ, удовлетворительной, по ихъ мнѣнію, чтобъ вознаградить ихъ дѣятельность. Селянинъ, существующій своимъ семействомъ частью своихъ произведеній, обыкновенно продаетъ остальное гораздо дешевле, нежели эти произведенія стоютъ капиталисту.

Однако, даже и въ этомъ случаѣ существуетъ низшій предѣлъ цѣнности. Произведенія, доставляемыя селянином-промышленикомъ на рынокъ, должны принести ему необходимо цѣнность всѣхъ предметовъ, которые онъ принужденъ покупать и, кромѣ-того, дать ему возможность и средства заплатить поземельный доходъ.

Поземельный доходъ въ этомъ случаѣ не зависитъ отъ началъ, нами выше изложенныхъ, но опредѣляется обычаемъ или совмѣстничествомъ и составляетъ, поэтому, элементъ стоимости произвожденія. Селянинъ-промышленикъ принужденъ трудиться, пока онъ не выручитъ поземельнаго дохода и цѣнности покупаемыхъ имъ предметовъ. Послѣ этого онъ продолжаетъ работать, если только онъ можетъ продать свои произведенія по такой цѣнѣ, которая преодолѣваетъ его отвращеніе къ труду.

Наименьшая цѣнность, сейчасъ нами упомянутая, представляетъ то, что̀ селянинъ долженъ получить въ обмѣнъ за весь избытокъ его произведеній. Но такъ-какъ этотъ избытокъ не есть опредѣленное количество, но можетъ быть больше или меньше, смотря по трудолюбію трудящагося, то его наименьшая цѣнность не даетъ мѣры для опредѣленія искомой нами неизвѣстной величины. Слѣдственно едва-ли мы можемъ съ справедливостью сказать, что, при

этомъ порядкѣ вещей, цѣнность зависитъ отъ стоимости произвожденія. Въ этомъ случаѣ она зависитъ отъ запроса и снабженія, то есть отъ пропорціи между количествомъ избытка земледѣльческихъ продуктовъ, который селянинъ производитъ по доброй волѣ, и числомъ неземледѣльческаго или, скорѣе, несельскаго народонаселенія. Если покупающій классъ многочисленъ, а производящій классъ лѣнивъ, то хлѣбъ постоянно можетъ имѣть цѣну, опредѣляемую недостаткомъ снабженія. Если производящій классъ трудолюбивъ, а число покупателей мало, то хлѣбъ будетъ необыкновенно дешевъ. Но это рѣдкіе случаи; чаще мы встрѣчаемъ лѣнивыхъ производителей рядомъ съ малочисленными покупателями, или трудолюбивый классъ поселянъ и многочисленное и богатое городское народонаселеніе. Цѣна продукта приноровливается ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ обстоятельствамъ, если совмѣстничество производителей другаго рода или цѣны заграничныхъ рынковъ, не оказываетъ на нея вліяніе.

ГЛАВА XI.

ДЕНЬГИ.

До-сихъ-поръ мы изслѣдовали законы цѣнности, не вводя идеи о деньгахъ (исключая только для примѣра); теперь займемся разсматриваніемъ этой идеи и вникнемъ, какимъ образомъ употребленіе этого, такъ-называемаго, мѣноваго посредника, дѣйствуетъ на начала, или правила, взаимной мѣны предметовъ.

Чтобъ понять разнообразныя отправленія этого обращающагося посредника, лучше всего прослѣдить главнѣйшія неудобства, которыя мы бы испытывали, не имѣя его. Первое, и самое очевидное, между ними заключается въ необходимости общей мѣры для измѣренія различнаго рода цѣнностей. Еслибъ портной, имѣя въ рукахъ одно платье своего издѣлія, нуждался купить хлѣба или лошадь, то для него было бы очень затруднительно опредѣлить, сколько хлѣба онъ долженъ получить за это платье и сколько его онъ долженъ дать за лошадь. Мѣняя платье на различные предметы, онъ былъ бы принужденъ всякій разъ дѣлать новый разсчетъ на различныхъ основаніяхъ, и те-

кущія, или курантныя цѣны (prix-courants) для правильнаго означенія цѣнности не могли бы существовать; между-тѣмъ, какъ теперь каждая вещь имѣетъ свою курантную цѣну, выраженную деньгами: и портной выпутывается изъ затрудненія, считая платье въ 25 или 30 р. с., а четырех-фунтовый хлѣбъ въ 15 или $15^1/_2$ к. с. Гораздо легче сравнивать различныя длины, выражая ихъ общимъ означеніемъ футовъ или дюймовъ; точно также гораздо удобнѣе сравнивать цѣнности помощью общихъ наименованій рубля и копейки. Только такимъ образомъ цѣнности могутъ быть расположены въ порядкѣ; только такимъ образомъ каждый можетъ удобно вычислить свое достояніе, и гораздо легче опредѣлить и запомнить отношеніе одного предмета ко многимъ, нежели ихъ безчисленныя взаимныя отношенія.

Это преимущество, однакожь, составляетъ только незначительную часть экономической пользы употребленія денегъ. Неудобства размѣна такъ велики, что еслибъ не было средствъ, болѣе его облегчающихъ, то раздѣленіе отраслей промышлености едва-ли достигло бы значительнаго развитія. Портной, имѣющій въ рукахъ только платье, можетъ умереть съ голоду, прежде нежели онъ встрѣтитъ человѣка, желающаго продать хлѣбъ и купить это платье; кромѣ-того, онъ не нуждается вдругъ въ цѣломъ количествѣ хлѣба, котораго оно стоитъ, а раздѣлить его невозможно; слѣдственно, каждый, во всякое время, будетъ стараться сбыть свое произведеніе за такой предметъ, который хотя не прилагается для его собственныхъ потребностей, но на который существуетъ бо́льшій и общій запросъ и который удобораздѣлимъ, чтобъ имѣть возможность купить на него произведенія, существующія въ продажѣ. Предметы первыхъ жизненныхъ потребностей обладаютъ этими свойствами въ высшей степени. Хлѣбъ чрезвычайно раздѣлимъ

и необходимъ для всѣхъ; несмотря на то, этотъ предметъ не соотвѣтствуетъ всѣмъ условіямъ: никто не желаетъ имѣть хлѣба болѣе, нежели сколько необходимо для непосредственнаго потребленія, развѣ въ ожиданіи голоднаго времени; съѣстные припасы, поэтому, не всегда находятъ скорый сбытъ; бо̀льшая часть ихъ подвергается порчѣ, если они сберегаются долгое время. Вещь, которую избрали бы всѣ, какъ вспомогательное средство для покупокъ, кромѣ того, что должна быть раздѣлима и для всѣхъ привлекательна, не должна портиться отъ сбереженія. Эти условія ограничиваютъ выборъ очень малымъ числомъ предметовъ.

Почти всѣ народы, по умолченному соглашенію, опредѣлили еще въ самую отдаленную эпоху для этой цѣли извѣстные металлы, преимущественно золото и серебро. Вещества эти, соединяя въ высшей степени необходимыя для того условія, представляютъ многія второстепенныя достоинства. Страсть къ украшеніямъ и желаніе отличиться рѣдкостью и драгоцѣнностью этихъ украшеній обнаруживаются въ самомъ грубомъ состояніи общества, рядомъ съ первыми потребностями жизни, и въ нѣкоторыхъ климатахъ даже прежде нужды въ одѣяніи. Когда первыя потребности были удовлетворены, каждый стремился собрать, по-возможности, большой запасъ красивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогихъ вещей, каковы: золото, серебро и драгоцѣнные камни. Каждый желалъ обладать этими предметами и всегда находилъ охотниковъ принять ихъ въ обмѣнъ за всякаго рода произведенія. Это были самыя прочныя вещества, самыя удобныя для переноски, заключая большую цѣнность въ маломъ объемѣ. Драгоцѣнные камни представляютъ свойство раздѣлимости въ мéньшей степени, и цѣнность ихъ, по причинѣ ихъ разнообразныхъ качествъ, не

можетъ быть такъ удобно опредѣлена. Золото и серебро раздѣлимы въ высшей степени, въ чистомъ состояніи всегда одинаковаго качества, и чистота ихъ можетъ быть опредѣлена и засвидѣтельствована авторитетомъ правительства.

Поэтому всѣ народы вообще предпочитали эти два металла, когда имѣли возможность получить ихъ своею промышленостью, торговлею или завоеваніемъ. Къ этимъ различнымъ качествамъ, въ самомъ началѣ обратившимъ всеобщее вниманіе, впослѣдствіи прибавилось еще новое достоинство, важность котораго обнаружилась только постепенно. Изъ всѣхъ произведеній, эти металлы подвержены наименѣе вліянію причинъ, которыя производятъ колебанія въ цѣнности. Нѣтъ предмета, который бы совершенно былъ внѣ этого вліянія. Золото и серебро съ самаго начала временъ историческихъ испытали одну большую перемѣну въ цѣнности, вслѣдствіе открытія американскихъ мѣсторожденій, которая установилась на все послѣдующее время. Въ настоящее время открытіе новыхъ источниковъ, столь изобильныхъ, каковы розсыпи Восточной Сибири, Калифорніи и Австраліи, можетъ быть началомъ новаго періода упадка цѣнности золота, о которомъ пока еще безполезно гадать; но вообще ни одни произведенія не подвержены такъ мало вліянію причинъ, измѣняющихъ цѣнность, и столь постоянны въ стоимости ихъ произвожденія. Кромѣтого, вслѣдствіе прочности этихъ металловъ, существующее ихъ количество во всѣ времена такъ велико въ пропорціи съ ежегоднымъ снабженіемъ, что даже перемѣна въ стоимости ихъ произвожденія не оказываетъ внезапнаго дѣйствія на ихъ цѣнность. Необходимо очень долгое время, чтобъ существующее количество этихъ металловъ уменьшилось; и даже значительное возростаніе ихъ не есть процесъ, быстро совершающійся. Серебро и золото, слѣдственно

болѣе удобны для платежей, по обязательству, въ опредѣленныхъ количествахъ, въ сроки отдаленные, нежели другія произведенія. Еслибъ мы употребили для этой цѣли хлѣбъ, то неурожай могъ бы въ теченіе года вчетверо увеличить тягость платежа, или урожай обильный могъ бы понизить его на одну четверть.

Когда золото и серебро сдѣлались посредниками мѣны, когда люди стали употреблять эти металлы для покупки и продажи остальныхъ произведеній, то удобство чеканки монеты очевидно представилось само-собою. Посредствомъ этого процеса металлъ былъ раздѣленъ на удобныя части различной величины, которыя представляли извѣстное отношеніе между собою. Такимъ-образомъ былъ сбереженъ трудъ взвѣшиванія и пробированія, иначе необходимый, при каждой перемѣнѣ владѣльцевъ — неудобство, невыносимое особенно при мелкихъ покупкахъ. Правительства нашли выгоднымъ взять производство монеты въ свои руки и запретить ея чеканку частнымъ лицамъ: это было необходимою гарантіею, на которую общество могло только положиться.

Деньги, когда употребленіе ихъ стало обыкновеннымъ, сдѣлались посредникомъ, въ видѣ котораго различные члены общества получали свои доходы и которымъ они измѣряли свое достояніе. Такъ-какъ люди продовольствуютъ себя различными предметами чрезъ посредство денегъ, то въ понятіяхъ ихъ невольно образовался взглядъ на деньги, какъ на особеннаго рода богатство, отличное отъ другихъ произведеній. Даже промышленики, которые занимаются всю жизнь производствомъ самыхъ полезныхъ предметовъ, привыкли опредѣлять важность ихъ преимущественно ихъ способностью обмѣниваться на деньги. Кто разстается съ деньгами для пріобрѣтенія другихъ произведеній, если онъ не намѣренъ продать ихъ, по общему мнѣнію, дѣлаетъ

менѣе выгодный оборотъ, нежели лицо, разстающееся съ своими произведеніями съ цѣлью получить деньги; одинъ тратитъ свои средства, другой увеличиваетъ ихъ. Подобныя заблужденія, хотя въ настоящее время въ нѣкоторой степени разсѣявшіяся, господствовали, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ умахъ всѣхъ политиковъ Европы..

Очевидно, что введеніе новаго способа мѣны произведеній, въ которомъ вещь предварительно обмѣнивается на деньги, вымѣниваемыя на другіе предметы, не дѣлаетъ различія въ сущности самого процеса. Предметы на самомъ дѣлѣ покупаются не за деньги. Никто не получаетъ своихъ доходовъ отъ драгоцѣнныхъ металловъ (исключая однихъ золотопромышленниковъ). Рубли, еженедѣльно или ежегодно получаемые кѣмъ бы то ни было, не составляютъ его дохода; это билеты, или ордера, которые онъ предъявляетъ въ каждой лавкѣ для платежа, и которые даютъ ему право получить извѣстную цѣнность выбираемаго имъ произведенія. Фермеръ расплачивается этими контрамарками съ своими работниками и съ владѣльцемъ воздѣлываемой ими земли; но дѣйствительный доходъ ихъ составляютъ ихъ доли, которыя они имѣютъ въ его хлѣбѣ, скотѣ и сѣнѣ, и въ этомъ нѣтъ существеннаго различія, раздѣляетъ ли онъ между ними эти доли въ натурѣ, или продастъ ихъ для нихъ и даетъ имъ ихъ цѣну. Но такъ-какъ всѣ они, во всякомъ случаѣ, должны продать свои доли за деньги, то, для общей пользы, лучше, чтобъ фермеръ продалъ ихъ доли вмѣстѣ съ своею собственною, предоставляя работникамъ болѣе свободнаго времени для ихъ труда. Однимъ словомъ, деньги представляютъ, по своему внутреннему достоинству, самую незначущую вещь въ общественной экономіи, исключая только какъ средство для сбереженія времени и труда. Это машина для быстраго и удоб-

наго дѣйствія, но которое совершается только гораздо медленнѣе и затруднительнѣе безъ ея помощи, и, подобно многимъ другимъ механическимъ аппаратамъ, она оказываетъ особенное и независимое вліяніе, ей свойственное, когда она не въ порядкѣ.

Употребленіе денегъ не останавливаетъ дѣйствія законовъ цѣнности, нами изложенныхъ въ предъидущей главѣ. Отношенія между произведеніями остаются неизмѣнными; къ нимъ присоединяется только ихъ новое отношеніе къ деньгамъ, показывающее, какъ много, или мало онѣ вымѣниваютъ денегъ, или, говоря, другими словами, опредѣляющее мѣновую цѣнность денегъ. И этотъ вопросъ не представляетъ затрудненій, разъ, когда разсѣялось заблужденіе, принимавшее деньги за что-то особенное, неподчиненное тѣмъ же законамъ, которымъ повинуются другія вещи. Деньги — произведеніе торговое, и цѣнность ихъ опредѣляется точно такъ же временно—запросомъ и снабженіемъ и постоянно, въ среднемъ итогѣ — стоимостью производденія.

Цѣнность денегъ повидимому есть точное, недопускающее никакихъ недоразумѣній, выраженіе. Цѣнность всякаго предмета показываетъ на что онъ обмѣнивается; цѣнность денегъ опредѣляется произведеніями, которыя за нихъ вымѣниваются: это будетъ ихъ пріобрѣтательная способность. Если цѣны низки, то деньги покупаютъ много произведеній и имѣютъ высокую цѣнность; если цѣны высоки, то за деньги покупается малое количество произведеній, и онѣ имѣютъ низкую цѣну. Цѣнность денегъ обратно пропорціональна цѣнамъ вообще, падая съ возвышеніемъ цѣнъ и подымаясь, когда онѣ падаютъ.

Къ сожалѣнію, это же самое выраженіе (цѣнность денегъ) употребляется въ торговомъ языкѣ въ совершенно

различномъ значеніи. Деньги, обыкновенно понимаемыя какъ синонимъ богатства, разумѣются преимущественно въ этомъ ложномъ значеніи, когда рѣчь идетъ о займѣ. Когда одно лицо даетъ деньги въ займы другому, оно передаетъ не одну только монету, точно также, какъ въ уплатѣ жалованья или поземельнаго дохода, но право на извѣстную цѣнность произведеній. Заимодавецъ первоначально купилъ это право, давъ за него часть своего капитала. Онъ даетъ въ займы извѣстную часть капитала, и деньги представляютъ только средство къ передачѣ. Но капиталъ обыкновенно переходитъ отъ заимодавца къ должнику или въ видѣ денегъ, или въ видѣ ордера на полученіе ихъ. Поэтому заемъ капитала вообще называется денежнымъ займомъ, и вознагражденіе, обыкновенно даваемое за пользованіе капиталомъ, или ростъ, принимается за цѣнность денегъ. Впослѣдствіи мы возвратимся еще разъ, къ этому неточному употребленію выраженій; теперь я замѣчу только, что̀ я разумѣю всегда подъ цѣнностью мѣновую цѣнность, а подъ деньгами — мѣноваго посредника, но не капиталъ, чрезъ него переходящій изъ рукъ въ руки.

Цѣнность, или пріобрѣтательная способность денегъ, зависитъ прежде всего отъ запроса и снабженія; но запросъ и снабженіе, въ отношеніи къ деньгамъ, принимаютъ различную форму, нежели для другихъ произведеній.

Снабженіе произведенія означаетъ его количество, существующее въ продажѣ; но это выраженіе не прилагается къ деньгамъ, хотя это не болѣе какъ капризъ языка. На самомъ дѣлѣ деньги покупаются и продаются, подобно другимъ произведеніямъ, всякій разъ, когда за нихъ покупаются или продаются другія вещи. Кто продаетъ хлѣбъ, сало, хлопчатую бумагу, тотъ покупаетъ деньги; кто покупаетъ хлѣбъ, вино или платье, тотъ продаетъ деньги тор-

говцамъ этихъ предметовъ. Деньги, которыя люди предлагаютъ для покупокъ, представляютъ деньги, существующія въ продажѣ. Снабженіе денегъ, поэтому, есть количество ихъ, которое люди должны истратить, то есть всѣ деньги, находящіяся въ ихъ владѣніи, исключая суммъ, ими накапливаемыхъ, или по-крайней мѣрѣ ими сберегаемыхъ для будущихъ потребностей. Короче сказать: снабженіе денегъ представляетъ всѣ деньги, существующія въ *обращеніи* въ данное время.

Запросъ на деньги состоитъ изъ всѣхъ произведеній, находящихся въ продажѣ. Каждый торговецъ — покупатель денегъ, и товары его составляютъ запросъ, который отличается отъ требованія или запроса на прочія произведенія только тѣмъ, что онъ ограничивается средствами покупателя, на что всегда требуется денегъ столько, сколько можно ихъ получить. Конечно, торговцы могутъ отказаться продавать свои товары, если они не могутъ получить за нихъ удовлетворительную цѣну; но это только бываетъ въ такомъ случаѣ, когда они надѣются, что цѣна подымется и что, выжидая, они получатъ болѣе денегъ. Еслибъ они думали, что низкія цѣны установятся, то они съ охотою взяли бы за свои произведенія, что только могли бы получить.

Подобно тому, какъ всѣ товары, находящіеся на рынкѣ, составляютъ запросъ на деньги, общая сумма денегъ представляетъ запросъ на товары. Деньги и товары ищутъ другъ друга для взаимнаго обмѣна. Они составляютъ запросъ и снабженіе въ отношеніи другъ къ другу. Характеризуя эти явленія, это совершенно все-равно, будемъ ли мы говорить о запросѣ и снабженіи товаровъ, или о запросѣ и снабженіи денегъ: это выраженія равносильныя.

Мы постараемся полнѣе объяснить это предложеніе; и

здѣсь читатель замѣтитъ большое различіе, существующее между вопросами, насъ теперь занимающими, и которые мы предварительно разсматривали въ отношеніи къ цѣнностямъ. Изслѣдуя цѣнность, мы обращали наше вниманіе только на причины, дѣйствовавшія отдѣльно на нѣкоторыя произведенія. Причины, оказывавшія одинаковое вліяніе на всѣ произведенія, были безъ дѣйствія на цѣнности. Но, разсматривая отношеніе между произведеніями и деньгами, мы будемъ имѣть дѣло преимущественно съ причинами, дѣйствующими на всѣ произведенія. Мы будемъ сравнивать всѣ виды произведеній съ деньгами, какъ предметы, взаимно обмѣнивающіеся.

Положимъ, что, при обыкновенномъ порядкѣ вещей, увеличивается количество денегъ, напримѣръ, съ пріѣздомъ иностранца, который привозитъ съ собою цѣлую массу золота и серебра. Начиная тратить ихъ (производительно, или непроизводительно—для нашего вопроса все-равно), онъ увеличиваетъ снабженіе денегъ и, вмѣстѣ съ нимъ, запросъ на произведенія. Безъ сомнѣнія, съ самаго начала онъ увеличитъ запросъ только на извѣстныя произведенія, на тѣ именно, которыя онъ выбираетъ для покупки, и непосредственно возвышаетъ цѣну ихъ. Истрачивая свои средства на пиры, онъ подымаетъ цѣны съѣстныхъ припасовъ и винъ; заводя фабрику на свои сокровища, онъ увеличиваетъ цѣну труда и матеріаловъ. Но при высокихъ цѣнахъ бо́льшее количество денегъ переходитъ въ руки торговцовъ этими предметами, и они, имѣя возможность тратить болѣе денегъ, увеличатъ запросъ на всѣ вещи, которыя они обыкновенно покупаютъ и которыя, слѣдственно, также подымутся въ цѣнѣ. Такимъ-образомъ возвышеніе цѣнъ распространится на всѣ предметы. Это увеличеніе цѣнности никому не принесетъ выгоды, не сдѣлаетъ

ни малѣйшей разницы. Это будетъ возвышеніе цѣнностей только въ отношеніи денегъ, въ отношеніи вещи, за которую покупаются другія вещи, но которое не даетъ возможности пріобрѣсти ихъ въ бо́льшемъ количествѣ. Цѣны подымутся въ извѣстномъ отношеніи и цѣнность денегъ упадетъ въ томъ же отношеніи.

Замѣчательно, что это будетъ то отношеніе, въ которомъ количество денегъ увеличилось. Если вся масса денегъ, въ обращеніи существующая, удваивается, то всѣ цѣны удвоятся; если она возрастаетъ на одну четверть, то цѣны подымутся также на одну четверть. Эта лишняя четверть употребляется на покупку произведеній; и когда этотъ избытокъ снабженія денегъ распространится на всѣ рынки, проникнетъ во всѣ каналы обращенія, тогда всѣ цѣны подымутся на одну четверть.

То же самое явленіе произойдетъ, если, вмѣсто увеличенія денегъ, мы предположимъ, что количество произведеній уменьшается; но возростаніе произведеній или уменьшеніе денегъ производитъ дѣйствіе совершенно обратное. Если общество имѣетъ менѣе денегъ, но то же количество произведеній будетъ продаваться, то менѣе денегъ будетъ заплачено за нихъ и они будутъ проданы по низшимъ цѣнамъ, которыя упадутъ именно въ той же пропорціи, въ какой уменьшится количество денегъ. Такимъ-образомъ цѣнность денегъ, при обыкновенномъ порядкѣ вещей, измѣняется въ обратномъ отношеніи къ ихъ количеству; каждое увеличеніе въ немъ понижаетъ цѣнность, а его уменьшеніе возвышаетъ ее и всегда въ совершенно равномъ отношеніи.

Должно замѣтить, что это особенное свойство денегъ. Мы не нашли справедливымъ для всѣхъ произведеній вообще, что уменьшеніе въ снабженіи возвышаетъ цѣнность пропорціонально недостатку, или что возростаніе въ немъ

понижаетъ ее также пропорціонально избытку. Эти перемѣны дѣйствуютъ на нѣкоторыя вещи гораздо значительнѣе, нежели это отношеніе къ избытку или недостатку снабженія; на другія вещи онѣ оказываютъ гораздо мéньшее вліяніе, потому-что въ обыкновенныхъ случаяхъ запроса желаніе пріобрѣсти самый предметъ можетъ быть сильнѣе или слабѣе, и потому-что сумма, которую люди рѣшаются истратить на него и которая во всякомъ случаѣ представляетъ ограниченное количество, измѣняется, смотря по затрудненію пріобрѣсти этотъ предметъ. Но люди желаютъ денегъ какъ средства для покупокъ; здѣсь запросъ составляютъ всѣ предметы, существующіе въ продажѣ, и во всякомъ случаѣ вся масса произведеній обмѣнивается на полную сумму денегъ, которая приносится на рынокъ для покупокъ.

Изъ предъидущаго можно было бы заключить, что всѣ товары, существующіе въ продажѣ, въ какой бы то ни было странѣ, въ извѣстное время обмѣниваются на всю массу денегъ, находящуюся въ обращеніи въ то же самое время; или, другими словами, что всегда, въ каждой странѣ, существуетъ въ обращеніи количество денегъ, равное, по цѣнности, цѣлой массѣ произведеній, находящихся въ продажѣ въ томъ же мѣстѣ, въ то же время. Но это заключеніе было бы совершенно ошибочно. Истрачиваемыя деньги цѣнностью равны произведеніямъ, за нихъ покупаемымъ; но истрачиваемое количество ихъ не есть количество, существующее въ обращеніи. Такъ-какъ деньги переходятъ изъ рукъ въ руки, то каждая монета тратится нѣсколько разъ прежде нежели будутъ куплены всѣ товары, существующіе въ продажѣ въ одно время, и каждый рубль должно считать за столько рублей, сколько разъ онъ перемѣнитъ владѣльца. Бо̀льшая часть произведеній должна

быть считана также болѣе одного раза, не только потому, что онѣ переходятъ чрезъ руки различныхъ промышленниковъ и купцовъ, прежде нежели онѣ примутъ форму, въ которой онѣ окончательно потребляются, но также и потому, что одни и тѣ же товары перекупаются нѣсколько разъ спекулянтами съ цѣлью перепродать ихъ съ прибылью.

Если мы примемъ, что количество товаровъ, нахдоящихся въ продажѣ, и число разъ, которое они перепродаются, представляютъ опредѣленныя величины, то цѣнность денегъ будетъ зависѣть отъ этихъ величинъ. Вся масса проданныхъ произведеній (считая каждую перепродажу за прибавленіе къ нимъ) вымѣнивается на цѣлую массу денегъ, умноженную на число покупокъ, которыя совершаются за каждую монету; слѣдственно, при одинаковомъ количествѣ товаровъ и при томъ же числѣ операцій цѣнность денегъ обратно пропорціональна ихъ количеству, умноженному на такъ-называемую быстроту обращенія и количество денегъ, находящееся въ обращеніи, равно денежной цѣнности всѣхъ произведеній проданныхъ, раздѣленной на число, выражающее быстроту обращенія.

Выраженіе *быстрота обращенія* требуетъ нѣкотораго объясненія. Не должно разумѣть подъ нимъ число покупокъ, совершаемыхъ каждою монетою въ данное время. Время здѣсь не принимается въ разсчетъ. Общество можетъ быть въ такомъ состояніи, что каждая монета едва-ли совершаетъ болѣе одной покупки въ продолженіе года; но если это происходитъ отъ ограниченнаго числа торговыхъ операцій, отъ недостаточной дѣятельности торговли, или отъ того, что торговля совершается преимущественно посредствомъ мѣны, то это не составляетъ причины, вслѣдствіе которой цѣны должны быть ниже, или цѣнность денегъ выше. Здѣсь особенно и существенно важно не то, сколько

разъ переходятъ деньги изъ рукъ въ руки въ теченіе даннаго времени, но какъ часто онѣ переходятъ для производства извѣстнаго объема торговли. Мы должны сравнивать число покупокъ, совершаемыхъ за деньги въ данное время не съ самымъ временемъ, но съ количествомъ произведеній, проданныхъ въ то же время. Если каждая монета, въ среднемъ итогѣ, переходитъ десять разъ изъ рукъ въ руки, между-тѣмъ, какъ цѣнность проданныхъ произведеній представляетъ 1,000,000 р. с., то очевидно, что, для обращенія этихъ товаровъ, необходимо 100,000 р. с., и наоборотъ, если существуютъ въ обращеніи 100,000 р. с. и каждая монета мѣняетъ владѣльца десять разъ въ теченіе мѣсяца чрезъ покупку товаровъ, то ежемѣсячная продажа ихъ, за наличныя деньги, въ среднемъ итогѣ, должна простираться на 1,000,000 р. сер.

Мы не должны забывать, что предложеніе, нами установленное, относительно зависимости, существующей между цѣнами вообще и количествомъ монеты, находящейся въ обращеніи, вполнѣ прилагается къ такому порядку вещей, гдѣ золотая и серебряная монеты составляютъ исключительно орудіе мѣны и дѣйствительно переходятъ, при каждой покупкѣ, изъ рукъ, въ руки, и гдѣ кредитъ совершенно неизвѣстенъ. Когда кредитъ употребляется какъ средство торговли, независимо отъ наличныхъ денегъ, находящихся въ рукахъ покупателя, мы увидимъ, что въ этомъ случаѣ соотношеніе между цѣнами и количествомъ обращающагося посредника, или монеты, не столь тѣсно, болѣе посредственно, и что это соотношеніе не можетъ быть выражено такою простою формулою. Но, разбирая такой многосложный вопросъ, какъ цѣны и обращеніе монеты, для насъ было необходимо утвердить нашу теорію на самыхъ простѣйшихъ случаяхъ, которые всегда составляютъ основаніе сложныхъ явленій, совершаю-

щихся въ практикѣ. Увеличеніе количества монеты возвышаетъ цѣны точно такъ же, какъ уменьшеніе его понижаетъ ихъ — это есть основное предложеніе теоріи монетной системы, это ключъ къ дальнѣйшимъ теоремамъ; но это правило не можетъ быть употреблено какъ средство для практическаго объясненія торговыхъ явленій. Подобное предостереженіе тѣмъ болѣе необходимо, что изложенное нами ученіе, хотя оно есть теоретическая истина, въ послѣднее время служило основаніемъ многихъ ложныхъ теорій и ошибочнаго толкованія фактовъ. Это ученіе, подобно многимъ популярнымъ теоріямъ, было прилагаемо, не принимая въ уваженіе условій, необходимыхъ для его истинности и непреложности.

Напримѣръ: обыкновенно утверждаютъ, что, когда въ странѣ существуетъ большое количество монеты, цѣны въ этомъ случаѣ необходимо подымаются. Но это возвышеніе цѣнъ не есть неизбѣжное послѣдствіе. Цѣнность произведенія опредѣляется не количествомъ существующимъ, но количествомъ, находящимся въ продажѣ. Каково бы ни было количество монеты, существующей въ странѣ, только часть его, появляющаяся на рынкахъ для покупки произведеній, и дѣйствительно обмѣниваемая за нихъ, дѣйствуетъ на цѣны; и обстоятельства, увеличивающія эту часть, возвышаютъ ихъ. Но монета, сберегаемая и накапливаемая частными лицами, или находящаяся въ сундукахъ банка или казначейства, оказываетъ вліяніе на цѣны только въ такомъ случаѣ, когда она появляется на рынокъ для покупки товаровъ.

Часто случается, что монета привозится въ большомъ количествѣ въ страну, помѣщается въ ней, въ видѣ капитала и снова извлекается, не произведя никакого вліянія на товарные рынки, но оказавъ вліяніе только на бирже-

вые фонды. Возьмемъ опять, уже разъ приведенный нами, примѣръ иностранца, привозящаго въ страну массу драгоцѣнныхъ металловъ. Мы предполагали, что онъ тратитъ его на покупку товаровъ для своего собственнаго потребленія, или на заведеніе фабрики, на занятіе труда, и въ обоихъ случаяхъ мы нашли, что онъ возвышаетъ цѣны; но вмѣсто того, онъ можетъ помѣстить свое достояніе въ биржевыхъ фондахъ, казначейскихъ билетахъ, облигаціяхъ и акціяхъ желѣзныхъ дорогъ, купеческихъ векселяхъ и т. п.: дѣйствуя такимъ образомъ, онъ подыметъ цѣны этихъ различныхъ обезпеченій (securities), или, другими словами, возвыситъ проценты; и такъ-какъ это обстоятельство нарушитъ соотношеніе, существовавшее предварительно между величинами процентовъ въ этой странѣ и другихъ земляхъ, то многіе капиталисты, имѣющіе свободный капиталъ, перешлютъ его для помѣщенія за границу, вмѣсто того, чтобъ покупать на мѣстѣ биржевые фонды по возвышенной цѣнѣ. Такимъ-образомъ столь же большое количество монеты будетъ вывезено, сколько было ея привезено, и цѣны произведеній не обнаружатъ ни малѣйшаго слѣда ея временнаго увеличенія. Это случай, заслуживающій особеннаго вниманія. Теперь начинаютъ убѣждаться, что движеніе драгоцѣнныхъ металловъ изъ одной страны въ другую опредѣляется болѣе состояніемъ заемнаго рынка или величиною роста въ различныхъ странахъ, нежели положеніемъ цѣнъ вообще.

Мы должны обратить вниманіе еще на другой случай, чтобъ избѣгнуть важной ошибки въ толкованіи коммерческихъ явленій. Если въ извѣстное время увеличивается число денежныхъ операцій—явленіе очень обыкновенное, происходящее отъ различія спекулятивной дѣятельности и даже времени года—то увеличеніе монеты, существующей

въ обращеніи, пропорціональное увеличенію этихъ операцій и всегда скоропреходящее, также не возвышаетъ цѣнъ. Въ Англіи обыкновено каждую четверть, т. е. каждые три мѣсяца, когда банкъ платитъ дивиденды или проценты государственнаго долга, количество денегъ въ обращеніи увеличивается внезапно. Это увеличеніе составляетъ около двухъ-пятыхъ цѣлаго выпуска его билетовъ; но оно никогда не оказываетъ вліянія на цѣны, и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, обращеніе монеты снова входитъ въ свои обыкновенные предѣлы, съ уменьшеніемъ требованій публики на ссуды, или дисконтированіе векселей. Подобнымъ же образомъ въ земледѣльческихъ округахъ Англіи количество монеты въ обращеніи измѣняется въ различныя времена года: оно бываетъ наименьшее около августа, «вообще подымается къ Рождеству, достигая наивысшей точки въ концѣ марта, когда фермеръ пополняетъ свой земледѣльческій капиталъ и платитъ поземельный доходъ и подати» и когда, слѣдственно, онъ преимущественно обращается къ банкирамъ за ссудами. «Эти перемѣны повторяются такъ же правильно, какъ и самыя времена года, и также мало возмущаютъ состояніе рынковъ, какъ четвертныя измѣненія въ выпускѣ билетовъ англійскаго банка. По совершеніи этихъ экстренныхъ платежей, излишекъ монеты, существующей въ обращеніи, поглощается и исчезаетъ» (*).

Еслибъ количество денегъ не увеличивалось для этихъ экстренныхъ платежей, то эти платежи или должны быть произведены безъ посредства денегъ, или быстрота обращенія ихъ должна увеличиться, чтобъ съ одною и тою же суммою возможно было произвести нѣсколько платежей, или, наконецъ, если два первыя условія невозможны, деньги должны быть извлечены изъ товарныхъ рынковъ и цѣ-

(*) Fullarton. On the regulaton of currencies 2 nd. edit. pp. 87—9.

ны произведеній, слѣдственно, должны упасть. Поэтому временное увеличеніе обращающагося посредника, соотвѣтствующее временнымъ потребностямъ, не возвышаетъ цѣнъ, но только останавливаетъ ихъ пониженіе.

Но цѣнность денегъ точно также, какъ и другихъ произведеній, не зависитъ исключительно отъ снабженія и запроса. Стоимость производженія окончательно опредѣляетъ ее.

При безвозмездной чеканкѣ монеты, цѣнность денегъ сообразуется съ цѣнностью металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Фунтъ золота или серебра, превращеннаго въ монету, и фунтъ того же металла, въ слиткѣ, взаимно обмѣниваются въ совершенно равныхъ содержаніяхъ. Допуская полную свободу дѣйствія, мы находимъ, что металлъ, въ видѣ слитка, не можетъ стоить болѣе того же вѣса монеты, потому-что она можетъ быть переплавлена въ самое короткое время, почти за даромъ, и эта операція, конечно, будетъ производиться, пока количество ея, существующее въ обращеніи, не уменьшится, и цѣнности ея и металла не уравняются. Можно предполагать, однакожь, что монета, какъ произведеніе выдѣланное, должно имѣть бо̀льшую цѣнность, нежели металлъ, въ ней заключающійся, точно также, какъ и всякая вещь, сдѣланная изъ этого металла. Это было бы справедливо, еслибъ правительства обыкновенно не чеканили монеты даромъ для каждаго, кто доставляетъ металлъ. Трудъ и расходы выдѣлки монеты, если правительство не считаетъ ихъ владѣльцу металла, не возвышаютъ ея цѣнности. Но еслибъ правительство опредѣляло извѣстную плату для покрытія этихъ расходовъ, или выдавало, въ видѣ монеты, мéньшее количество металла, нежели оно получало, то монета поднялась бы выше цѣнности металла. Еслибъ монетный дворъ удерживалъ одинъ процентъ для уплаты всѣхъ расходовъ чеканки, то

выгода владѣльцевъ металла была бы не обращать его въ монету, пока ея цѣнность въ сравненіи съ металломъ не возвысится по-крайней-мѣрѣ на эту долю. Монета, слѣдственно, была бы дороже на одинъ процентъ, и это возвышеніе цѣнности поддерживалось бы уменьшеніемъ ея количества на одинъ процентъ.

Правительство можетъ стараться извлечь выгоду изъ этой операціи и наложить, для этой цѣли, довольно-значительную пошлину на выдѣлку монеты. Это будетъ такъ-называемый сеньёрьажъ (Seigneuriage). Но плата свыше расходовъ чеканки будетъ также служить премію, или поощреніемъ для частной промышлености. Чеканка, хотя не столь простая операція, какъ плавленіе монеты, не представляетъ особенныхъ затрудненій; и если монета имѣетъ полный вѣсъ и законную пробу, то невозможно открыть, кто чеканилъ ее, —правительство или частные люди. Слѣдственно, если возможно было бы получить выгоду отъ чеканки монеты законнаго достоинства, то, конечно, частные люди стали бы выдѣлывать ее, и старанье правительства обратить сеньёрьажъ въ источникъ дохода не имѣло бы успѣха.

Итакъ цѣнность денегъ постоянно, и почти непосредственно, сообразуется съ цѣнностью металла, изъ котораго она сдѣлана, съ прибавленіемъ или безъ прибавленія расходовъ чеканки, смотря по тому, кто несетъ эти расходы— частныя лица, или государство. Это необыкновенно упрощаетъ вопросъ, нами разсматриваемый, потому-что золото и серебро однородны съ прочими произведеніями, и цѣнность ихъ точно такъ же зависитъ отъ стоимости ихъ произвожденія.

Для бо̀льшей части образованныхъ странъ золото и серебро — произведенія чужеземныя. Обстоятельства, опредѣляющія цѣнность продуктовъ иностранныхъ, соеди-

нены съ такими вопросами, къ изслѣдыванію которыхъ мы недостаточно подготовлены; мы предположимъ, поэтому, теперь, что разсматриваемая нами страна снабжается золотомъ и серебромъ изъ своихъ собственныхъ мѣсторожденій.

Драгоцѣнные металлы, какъ произведенія ископаемыя, принадлежатъ къ послѣднему изъ трехъ классовъ, на которые мы раздѣлили въ предъидущей главѣ всѣ предметы въ отношеніи цѣнности. Естественная цѣнность ихъ, слѣдственно, пропорціональна стоимости ихъ произвожденія, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, когда они добываются изъ самаго убогаго мѣсторожденія, которое необходимо разработывать, чтобъ получить требуемое снабженіе. Фунтъ золота въ золотопромышленныхъ мѣстностяхъ обмѣнивается, въ заключеніе, на такое количество всякаго другаго произведенія, которое было добыто съ расходами, равными стоимости его произвожденія, или добыванія изъ наименѣе богатыхъ источниковъ. Средняя торговая цѣнность золота сообразуется съ его естественною цѣнностью. Положимъ, что оно продается дороже, то есть дороже цѣнности, соотвѣтствующей труду, расходамъ разработыванія мѣсторожденія и риску, соединенному съ этою промышленостью, въ которой изъ десяти опытовъ девять оканчиваются обыкновенно неудачами. Въ этомъ случаѣ свободный капиталъ, ищущій помѣщенія, обратится на золотопромышленость, снабженіе увеличится и цѣнность золота упадетъ. Если, напротивъ, золото продается ниже своей естественной цѣнности, то золотопромышленики, не получая своей обыкновенной прибыли, остановятъ, или покрайней-мѣрѣ замедлятъ ходъ работъ, и уменьшеніе годоваго снабженія постепенно понизитъ количество его и возстановитъ его цѣнность.

Разсматривая пристальнѣе этотъ процесъ, мы откроемъ въ немъ слѣдующія подробности. Если золото выше своей естественной цѣнности, то монета, которая, какъ мы видѣли, въ своей цѣнности всегда согласуется съ металломъ, будетъ также имѣть высокую цѣнность, и цѣны всѣхъ предметовъ и труда будутъ низки. Эти низкія цѣны понизятъ расходы всѣхъ производителей; но какъ доходы ихъ также уменьшатся, то между всѣми производителями только одинъ золотопромышленикъ останется въ выигрышѣ, потому-что доходъ, его доставляемый пріискомъ, не завися отъ цѣнъ, будетъ тотъ же самый, какъ и прежде, а расходы его уменьшатся. Онъ одинъ будетъ получать лишнюю прибыль, побуждающую его увеличить произвожденіе. Наоборотъ, если металлъ ниже своей естественной цѣнности, то цѣны будутъ высоки и расходы всѣхъ производителей необыкновенно увеличатся; за это, однакожь, они будутъ вознаграждены увеличеніемъ денежныхъ доходовъ. Одинъ золотопромышленикъ будетъ получать изъ своего пріиска столько же драгоцѣннаго металла, какъ и прежде, между-тѣмъ, какъ расходы его возростутъ; прибыль, его слѣдственно, уменьшится или совершенно уничтожится,—и онъ будетъ принужденъ или сократить размѣры своей промышлености, или совершенно бросить свое занятіе.

Такимъ-образомъ цѣнность денегъ согласуется съ стоимостью произвожденія металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Необходимо, однакожь, повторить здѣсь выше сказанное нами, что это приноровленіе совершается по прошествіи долгаго времени. Произведенія, подобныя драгоцѣннымъ металламъ, имѣютъ общую привлекательность и необыкновенную прочность.

Поелику цѣнность денегъ, какъ и всѣхъ другихъ произведеній, въ-самомъ-дѣлѣ сообразуется, хотя не столь бы-

стро, съ стоимостью произвожденія, то нѣкоторые политико-экономы совершенно отвергали заключеніе, что цѣнность денегъ зависитъ отъ ихъ количества и быстроты обращенія. По ихъ мнѣнію, это значитъ принять для денегъ особенный законъ, несуществующій для другихъ произведеній, тогда-какъ на самомъ дѣлѣ онѣ подчинены вмѣстѣ съ ними однимъ и тѣмъ же законамъ. На это мы можемъ отвѣтить, во-первыхъ, что это заключеніе не составляетъ особеннаго закона; это тотъ же законъ запроса и снабженія, который прилагается ко всѣмъ произведеніямъ и который для денегъ точно также, какъ и для бо̀льшей части произведеній, направляется законамъ стоимости производженія, потому-что эта стоимость не дѣйствовала бы на цѣнность, еслибъ она была безъ вліянія на снабженіе. Во-вторыхъ, между цѣнностью денегъ и ихъ количествомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, существуетъ болѣе тѣсная связь, нежели между цѣнностями другихъ произведеній и ихъ количествами. Деньги не могутъ упасть въ цѣнности на одну четверть, если количество ихъ дѣйствительно не увеличится на одну четверть, потому-что, когда цѣны возвышаются, требуется болѣе денегъ для обыкновенныхъ покупокъ и, въ случаѣ недостатка въ ихъ снабженіи, нѣкоторыя произведенія не найдутъ покупателей; и высокія цѣны не могутъ существовать продолжительное время; слѣдственно измѣненія въ стоимости производженія драгоцѣнныхъ металловъ дѣйствуютъ на цѣнность денегъ, уменьшая или увеличивая ихъ количество, чего нельзя сказать о другихъ произведеніяхъ. Поэтому я думаю, это будетъ заблужденіемъ, и въ ученомъ, и въ практическомъ отношеніи, отвергать предложеніе, утверждающее связь между цѣнностью денегъ и ихъ количествомъ.

Итакъ деньги, подобно всѣмъ произведеніямъ, вообще имѣютъ цѣнность, зависящую отъ стоимости производженія и ей пропорціональную. Допуская это начало, мы освобождаемъ теорію денегъ отъ таинственности и неопредѣленности, которыя повидимому окружаютъ ее.

ГЛАВА XII.

КРЕДИТЪ.

—

Вѣроятно, не одинъ вопросъ Политической Экономіи не представляетъ столько недоразумѣній, столько неточныхъ идей, какъ значеніе и отправленіе кредита. Это происходитъ не отъ особенной трудности предмета, но отъ сложности нѣкоторыхъ торговыхъ явленій, вслѣдствіе разнообразія формъ, принимаемыхъ кредитомъ и отвлекающихъ наше вниманіе отъ общихъ его свойствъ.

Какъ примѣръ неяснаго понятія о свойствѣ кредита, мы можемъ указать на преувеличенную важность, ему обыкновенно приписываемую. Конечно, кредитъ имѣетъ большую силу; но это не волшебное всемогущество, которое многіе, повидимому, предполагаютъ въ немъ; онъ ничего не можетъ создать изъ ничего. Какъ часто говорятъ, что распространеніе кредита равносильно созданію капитала, какъ-будто кредитъ есть на самомъ дѣлѣ капиталъ. Какъ ни странно это повидимому, но мы должны указать здѣсь, что кредитъ — только позволеніе пользоваться капиталомъ другаго лица; средства произвожденія не могутъ быть

увеличены черезъ него; они только передаются чрезъ его посредство. Если средства заемщика, необходимыя для произвожденія и для приложенія труда, увеличиваются посредствомъ открытаго ему кредита, то средства заимодавца въ ту же мѣру уменьшаются. Одна и та же сумма не можетъ быть употреблена, какъ капиталъ, самимъ владѣльцемъ и лицемъ, которому она дается взаймы. Она не можетъ доставить въ одно и то же время заработную плату, орудія и матеріалы для двойнаго комплекта работниковъ.

Но хотя кредитъ — только передача капитала, эта передача естественно и вообще переводитъ капиталъ въ руки, болѣе способныя для его приложенія къ произвожденію. Еслибъ кредитъ не существовалъ или былъ недостаточно развитъ по недовѣрію, то многія лица, имѣющія болѣе или менѣе значительные капиталы, но которыя, по своему роду занятій и по недостатку въ познаніяхъ и искуствѣ, не могутъ сами слѣдить за ихъ приложеніемъ, не извлекали бы изъ нихъ никакой пользы. Принадлежащіе имъ капиталы оставались бы безъ употребленія или пропадали и уничтожались въ неудачныхъ попыткахъ получить отъ нихъ прибыль. Весь капиталъ этотъ отдается теперь взаймы за проценты и образуетъ бо́льшую часть производительныхъ источниковъ каждой торговой страны. Слѣдственно, хотя производительныя средства страны не увеличиваются посредствомъ кредита, но они вызываются на большую производительную дѣятельность. По мѣрѣ распространенія довѣрія, на которомъ основывается кредитъ, развиваются средства, обращающія на производительное употребленіе даже малѣйшія части капитала, суммы, обыкновенно сберегаемыя каждымъ лицомъ, для различныхъ случайностей. Главнѣйшія средства для этой цѣли представляютъ сохранные банки. Тамъ, гдѣ эти банки не суще-

ствуютъ, предусмотрительный человѣкъ всегда долженъ имѣть при себѣ достаточную сумму, чтобъ удовлетворить требованіямъ, которыя могутъ, по его мнѣнію, встрѣтиться. Но когда распространилось обыкновеніе держать даже этотъ запасъ у банкира, вмѣсто того, чтобъ оставлять его при себѣ, въ рукахъ банкировъ тогда соединяются многія малыя суммы, прежде лежавшія безъ употребленія. Банкиры, зная по опыту какая часть вкладовъ можетъ быть потребована въ извѣстное время, имѣютъ возможность давать взаймы остальную, то есть гораздо бо̀льшую часть производителямъ и торговцамъ; такимъ-образомъ, увеличивая капиталъ, не на самомъ дѣлѣ существующій, но находящійся въ оборотѣ, они дѣлаютъ соотвѣтствующее прибавленіе къ общей производительности страны.

Кредитъ, необходимый, чтобъ сдѣлать производительнымъ весь капиталъ страны, даетъ также средства приложить съ бо̀льшою пользою къ произвожденію способности къ промышленному дѣлу. Многіе безъ собственнаго капитала, но обладающіе качествами, необходимыми для дѣятельности промышленной, находятъ возможность получить или денежный заемъ, или товары въ кредитъ. Такимъ-образомъ, ихъ промышленныя способности становятся средствами къ увеличенію народнаго богатства; и нѣтъ сомнѣнія, эта выгода будетъ гораздо значительнѣе, когда, съ распространеніемъ образованія, общество сдѣлаетъ такіе успѣхи въ честности, что личность каждаго человѣка будетъ достаточною порукою не только противъ безчестнаго присвоенія чужой собственности, но даже противъ безчестной отваги въ ея употребленіи.

Такова общая польза кредита въ отношеніи къ производительнымъ источникамъ государства. Но эти разсужденія прилагаются только къ кредиту, открываемому для про-

мышленныхъ классовъ — для купцовъ и производителей. Кредитъ, который купцы открываютъ непроизводительнымъ потребителямъ, не есть прибавленіе, но ущербъ для источниковъ народнаго богатства. Онъ передаетъ непроизводительнымъ классамъ, для временнаго пользованія, капиталъ производительныхъ классовъ. Если купецъ *A* снабжаетъ товарами непроизводительнаго потребителя *B*, который платитъ ему за нихъ только по прошествіи пяти лѣтъ, то часть капитала *A*, соотвѣтствующая цѣнности этихъ товаровъ, въ продолженіе пяти лѣтъ остается безъ производительнаго употребленія. Еслибъ платежъ былъ немедленный, то эта сумма могла быть истрачена и замѣщена нѣсколько разъ въ теченіе пятилѣтняго періода, и товары, на эту сумму могли быть также нѣсколько разъ произведены, потреблены и снова произведены. Слѣдственно *B*, удерживая платежъ *A*, въ продолженіе этого времени, лишаетъ производительность капитала, вѣроятно, представляющаго эту сумму, въ нѣсколько разъ увеличенную. *A* вознаграждается лично высшею цѣною, которую онъ назначаетъ для своихъ товаровъ; но для класса производителей не существуетъ вознагражденія; онъ будетъ главный страдалецъ при каждомъ подобномъ отвращеніи капитала. Страна лишается въ продолженіе пяти лѣтъ части капитала *A*, удерживаемой *B* и имъ истрачиваемой непроизводительно.

Вотъ общее отправленіе кредита въ отношеніи произвожденія. Онъ не имѣетъ самъ въ себѣ силы производительной, но безъ него существующія силы производительныя не могутъ быть приведены въ совершенную дѣятельность: и, хотя лишенный способности производить, онъ представляетъ способность пріобрѣтать. Лицо, имѣющее кредитъ и пользующееся имъ для покупки товаровъ, создаетъ запросъ на эти товары и увеличиваетъ ихъ

цѣну точно такъ же, какъ еслибъ онъ покупалъ ихъ на чистыя деньги.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть кредитъ, какъ особенный пріобрѣтающій дѣятель, независящій отъ денегъ. Это не будетъ кредитъ въ его простѣйшей формѣ, представляющій деньги, занимаемыя однимъ лицомъ у другаго и ему непосредственно уплачиваемыя: потому-что, если заемщикъ тратитъ ихъ на покупки, то онъ дѣлаетъ эти покупки на деньги, а не на кредитъ, и ограничиваетъ ими свою пріобрѣтающую дѣятельность. Формы кредита, въ которыхъ обнаруживается его сила пріобрѣтающая, устраняютъ употребленіе монеты; каждая покупка, совершаемая при его помощи, присоединяется къ общей массѣ операцій; и только балансъ уплачивается деньгами. Этотъ процесъ совершается различными способами, которые мы намѣрены изслѣдовать, начиная съ самаго простѣйшаго.

Во-первыхъ, вообразимъ себѣ двухъ купцовъ, *A* и *B*, которые оба ведутъ торговлю между собою и которые покупаютъ другъ у друга товары на кредитъ. По прошествіи года, общій итогъ долговъ *A*, слѣдующихъ *B*, сравнивается съ долгами *B* и опредѣляется: на чьей сторонѣ балансъ. Этотъ балансъ, который можетъ быть менѣе многихъ операцій, взятыхъ отдѣльно, и необходимо менѣе общей суммы, очищается только денежною уплатою; можетъ-быть даже, и онъ не уплачивается, но переносится къ текущему счету на слѣдующій годъ. Окончательный платежъ *A* или *B*, составляющій иногда не болѣе 1000 р. с., бываетъ достаточенъ такимъ образомъ для очистки цѣлаго ряда торговыхъ операцій, изъ которыхъ многія простираются на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей серебромъ.

Во-вторыхъ, долги *A* могутъ быть уплачены *B*, безъ посредства денегъ, если даже не существуетъ соотвѣтствую-

щихъ долговъ *B. A* можетъ удовлетворить *B*, передавъ ему долгъ третьяго лица *C*. Это можетъ быть очень удобно сдѣлано посредствомъ письменнаго документа, называемаго векселемъ, который на самомъ дѣлѣ есть переводный ордеръ кредитора на его должника, и который, будучи аксептованъ должникомъ, то есть засвидѣтельствованъ его подписью, представляетъ совершенное признаніе долга.

Вѣроятно, ни одна страна не представляетъ намъ такого полнаго практическаго развитія кредита, какъ Англія; поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи этого предмета, необходимость принуждаетъ насъ представить практическое изложеніе этого развитія, которое, надѣюсь, познакомитъ нашихъ читателей съ многообразными отправленіями кредита лучше всякой отвлеченной теоріи.

Векселя были первоначально введены, чтобъ избавиться расходовъ и риска провоза драгоцѣнныхъ металловъ.

«Положимъ — говоритъ Генри Тсорнтонъ (Henry Thornton) въ своемъ сочиненіи, (*), хотя изданномъ въ 1802 году, но которое представляетъ, сколько извѣстно, самое ясное изложеніе различныхъ формъ кредита, существующаго въ торговлѣ — положимъ, что въ Лондонѣ живутъ десять фабрикантовъ, которые продаютъ свои издѣлія десяти купцамъ, находящимся въ Йоркѣ, и что въ Йоркѣ живутъ также десять фабрикантовъ, сбывающихъ свои издѣлія десяти лондонскимъ купцамъ. Для лондонскихъ купцовъ нѣтъ необходимости посылать ежегодно въ Йоркъ гинеи для уплаты йоркскимъ фабрикантамъ, и для йоркскихъ купцовъ также нѣтъ нужды посылать свои гинеи въ Лондонъ. Для йоркскихъ фабрикантовъ будетъ только необходимо получить слѣдующія имъ деньги отъ купцовъ, живущихъ съ

(*) Thornton. Enquiry into the nature and the effects of the paper credit of Great-Britain. p. 24.

ними въ одномъ городѣ, и отдать, въ замѣнъ, расписки, признающія это полученіе и въ то же время опредѣляющія плату денегъ, находящихся въ рукахъ ихъ лондонскихъ должниковъ, лондонскимъ фабрикантамъ. Такимъ образомъ сберегаются расходы и рискъ перевоза денегъ. Расписки, или письма, опредѣляющія переводъ долга, называются на языкѣ нашего времени векселями. Это документы, посредствомъ которыхъ долги одного лица переводятся на другое лицо, и долгъ, слѣдующій къ уплатѣ въ одномъ мѣстѣ, обмѣнивается на другой долгъ, уплачиваемый въ другомъ мѣстѣ».

Разъ, когда было признано удобство векселей для уплаты долговъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, безъ расходовъ перевоза драгоцѣнныхъ металловъ, употребленіе ихъ было значительно распространено впослѣдствіи для другихъ цѣлей. Въ каждой отрасли торговли дается болѣе или менѣе долгій кредитъ на купленные товары, продолжающійся три мѣсяца, шесть мѣсяцевъ, годъ и даже два года, смотря по обыкновенію, въ ней существующему. Купецъ, продавшій товаръ въ кредитъ на шесть мѣсяцевъ, желая получить скорѣе слѣдующую за него плату, дисконтируетъ вексель у банкира, или у ростовщика, то есть онъ переводитъ имъ вексель, получая за то должную ему сумму, за вычетомъ процентовъ, слѣдующихъ за срокъ векселя. Эта операція, чрезъ которую долгъ одного лица можетъ быть употребленъ какъ средство на полученіе кредита, представляетъ одно изъ главныхъ отправленій векселя. Необыкновенное удобство этого средства побуждало часто торговыхъ людей къ выпуску векселей, которые даже не основывались на долгѣ, предварительно сдѣланномъ. Они называются *акомодаціонными*, или *воображаемыми векселями*. Свойство ихъ необыкновенно-точно опредѣлено мною вы-

шеприведеннымъ авторомъ, и съ такими справедливыми замѣчаніями, что я снова рѣшаюсь привести его собственныя слова.

«А (говоритъ Тсорнтонъ) (*) нуждается въ 100 фунтахъ стерлинговъ (631 р. с.) и проситъ *B* аксептовать вексель, выпущенный имъ на два мѣсяца, который *B*, слѣдственно, своею надписью на немъ, обязуется заплатить, хотя зѣсь подразумѣвается, что *A* или позаботится самъ уплатить вексель, или доставитъ *B* средства къ его уплатѣ. *A* получаетъ наличныя деньги за вексель, обезпечиваемый соединеннымъ кредитомъ двухъ лицъ. *A* исполняетъ свое обѣщаніе уплатить его въ срокъ, и эта сдѣлка заключается такимъ образомъ. Эта услуга, оказанная *A*, обыкновенно вознаграждается имъ позже подобною же аксептаціею векселя *B*, который выпускаетъ его и дисконтируетъ для своего удобства».

Теперь сравнимъ этотъ вексель съ дѣйствительнымъ векселемъ, въ чемъ заключается ихъ истинное или видимое различіе и въ чемъ они согласуются.

«Они согласуются, или сходствуютъ въ томъ, что каждый изъ нихъ есть документъ дисконтируемый, каждый изъ нихъ выпускается для этой цѣли и каждый, можетъ-быть, дисконтируется на самомъ дѣлѣ. Оба они, слѣдственно, служатъ для того, чтобъ доставить купцу средства для спекуляцій. Далѣе, такъ-какъ векселя и билеты (банковые или кредитные) составляютъ такъ-называемый посредникъ обращенія (circulating medium) или кредитную систему страны, замѣняя употребленіе гиней, то въ этомъ отношеніи дѣйствительные и воображаемые векселя представляютъ совершенное равенство. Если цѣна произведеній подымается въ пропорціи къ количеству бумажныхъ денегъ, существую-

(*) Thornton. Enquiry into the nature and the effects of the paper credit of Great-Britain. pp. 29—33.

ною запискою (promissory note); онъ выше ея достоинствомъ только въ томъ отношеніи, что обязательная записка ограждается однимъ обезпеченіемъ, между-тѣмъ, какъ въ акомодаціонномъ векселѣ соединяется двойное обезпеченіе.»

Вексель, дисконтируемый и остающійся въ портфёли дисконтера до истеченія срока, не отправляетъ назначенія денегъ и не замѣщаетъ ихъ, но покупается и продается за деньги. Подобно биржевымъ фондамъ и различнымъ акціямъ, онъ не имѣетъ обращенія. Но вексель одного лица, переводимый на другое лицо въ уплату долга, или денежнаго требованія, отправляетъ назначеніе, для котораго необходимы деньги, еслибъ не существовало векселя: онъ совершаетъ отправленіе монеты.

«Векселя (продолжаетъ Тсорнтонъ) не только сберегаютъ употребленіе наличныхъ денегъ, но также замѣщаютъ ихъ во многихъ случаяхъ. Представимъ себѣ фермера, живущаго въ деревнѣ, который, въ уплату долга 10 фун. ст. (63 р. с.) сосѣднему лавочнику, даетъ ему вексель въ эту сумму на своего хлѣбнаго торговца, находящагося въ Лондонѣ. Мелочной лавочникъ, положимъ, передаетъ этотъ вексель, предварительно скрѣпивъ его своею подписью на оборотѣ, сахарному заводчику, также въ уплату своего долга, и сахарный заводчикъ пересылаетъ его, скрѣпивъ своею подписью, вестиндскому купцу, находящемуся въ ближайшемъ портовомъ городѣ, и который отдаетъ его своему банкиру. Банкиръ, положимъ, также расписавшись на немъ, пускаетъ его въ дальнѣйшее обращеніе: въ этомъ случаѣ одинъ вексель совершаетъ пять различныхъ платежей точно такъ же, какъ и банковый билетъ въ 10 ф. ст., уплачиваемый подателю, по предъявленіи. Множество векселей переходитъ такимъ-образомъ, какъ мы описали, между купцами въ этой странѣ (Англіи) и

очевидно они представляютъ, въ строгомъ смыслѣ, часть обращающагося посредника (circulating medium) въ королевствѣ» (*).

Многіе векселя внутренніе и иностранные въ заключеніе предъявляются къ уплатѣ, покрытые подписями на оборотѣ (indorsements), изъ которыхъ каждая означаетъ или денежную операцію, гдѣ этотъ вексель отправляетъ назначеніе денегъ или, новое дисконтированіе. Двадцать лѣтъ назадъ, въ Англіи, въ графствѣ Ланкаширъ, подобные векселя составляли почти исключительный посредникъ обращенія для суммъ выше пяти фунтовъ.

Обязательная записка (promissory note) — третья форма употребленія кредита вмѣсто монеты. Вексель, выпущенный однимъ лицомъ и имъ акцептованный, и его собственноручная записка, обѣщающая уплату той же суммы, въ отношеніи этого лица, имѣютъ одинаковую силу; только первый обыкновенно приноситъ проценты, между-тѣмъ, какъ вторая, говоря вообще, не приноситъ ихъ. Но въ торговыхъ странахъ преимущественно послѣдняя форма кредита выпускается съ цѣлью замѣстить монету. Люди торгующіе деньгами, банкиры, заимодавцы по профессіи, желаютъ, подобно другимъ купцамъ, расширить свои операціи въ размѣрахъ, превосходящихъ собственныя ихъ средства; они желаютъ дать взаймы не только свой собственный капиталъ, не только часть кредита, состоящаго изъ посторонникъ вкладовъ, имъ довѣряемыхъ, но весь возможный кредитъ, которымъ они пользуются въ обществѣ. Это дѣлается очень просто, давая взаймы обязательныя записки, уплачиваемыя, по востребованію, подателю. Заемщикъ принимаетъ ихъ за соотвѣтствующую сумму денегъ, потому-что, вслѣдствіе кредита заимодавца, другіе люди охотно

(*) Th. Enq. int. the nat. andeff. of the pap. cr. of G. B. p. 40.

получаютъ ихъ въ уплату; слѣдственно эти записки совершаютъ всѣ отправленія монеты, освобождая изъ обращенія сумму соотвѣтствующую. Но такъ-какъ онѣ уплачиваются по востребованію и могутъ быть во всякое время представлены банкиру, выпустившему ихъ, то онъ долженъ, подъ опасеніемъ несостоятельности, имѣть при себѣ достаточное количество денегъ, чтобъ удовлетворить подобнымъ требованіямъ; и благоразуміе также обязываетъ, чтобъ онъ не выпускалъ этихъ записокъ, или билетовъ, въ количествѣ бо́льшемъ, нежели которое (онъ знаетъ по опыту) можетъ оставаться въ обращеніи и не будетъ предъявлено къ уплатѣ.

Когда признано было удобство этого способа распространенія кредита, правительства воспользовались имъ и стали выпускать свои собственныя обязательныя записки, или банковые и кредитные билеты, ассигнаціи, для уплаты своихъ расходовъ.

Платежи посредствомъ *чековъ*, или ордеровъ (cheques, bons), составляютъ четвертую форму кредита, соотвѣтствующую назначенію денегъ, и которая въ значительномъ приложеніи можетъ совершенно замѣстить ихъ. Бо́льшинство публики въ Англіи обыкновенно отдаетъ банкирамъ на сохраненіе деньги, назначаемыя для будущаго употребленія, или для непредвидимыхъ требованій, и производитъ всѣ платежи, исключая самыхъ ничтожныхъ, посредствомъ письменныхъ ордеровъ, или записокъ, въ которыхъ означается сумма уплачиваемая немедленно предъявителю, или, по его желанію, передаваемая его банкиру. Если лицо, производящее платежъ, и лицо, получающее его, держатъ свои деньги у одного банкира, то уплата производится безъ всякаго посредства денегъ; сумма въ книгахъ банкира переносится только изъ кредита

плательщика къ кредиту получателя. Еслибъ всѣ лица, живущія въ одномъ городѣ, сохраняли свои наличныя деньги у одного и того же банкира и дѣлали всѣ платежи помощью чековъ, то деньги, или монета, совершенно вышли бы изъ употребленія въ этомъ городѣ. Этотъ идеальный предѣлъ приложенія кредита почти достигается на самомъ дѣлѣ въ Лондонѣ въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ между купцами. Монета и банковые, или кредитные билеты, употребляются теперь преимущественно въ мелочныхъ сдѣлкахъ между торговцами и потребителями, и то для очень малыхъ суммъ. Въ Лондонѣ даже лавочники, съ небольшимъ капиталомъ и ведущіе ограниченный торгъ, имѣютъ дѣло съ банкирами: кромѣ обыкновеннаго удобства и безопасности, это доставляетъ имъ выгоду въ другомъ отношеніи, давая имъ право (подразумѣваемое) на дисконтированіе ихъ векселей у этого банкира. Что касается купцовъ и оптовыхъ торговцовъ, то они обыкновенно производятъ всѣ платежи посредствомъ *чековъ*. Они, однакожь, не имѣютъ дѣла съ однимъ и тѣмъ же банкиромъ; и *B*, напримѣръ, получая *чекъ A*, кладетъ его бо́льшею частью въ другой банкъ. Но удобство этой операціи положило основаніе особенному учрежденію, соединяющему, для извѣстной цѣли, всѣ банкирскіе домы лондонскаго Сити (*) въ одно заведеніе. Банкиръ не посылаетъ *чековъ*, ему уплачиваемыхъ, въ банки, на которые они написаны съ требованіемъ слѣдующихъ за нихъ денегъ. Въ лондонскомъ Сити существуетъ заведеніе, называемое *Разсчетнымъ Домомъ* (Clearing House). Туда банкиры посылаютъ ежедневно (обыкновенно въ половинѣ четвертаго часа) всѣ *чеки* на другихъ банкировъ, къ нимъ поступившіе, въ продолженіе этого дня, отъ ихъ вкладчиковъ, и тамъ обмѣни-

(*) Торговая часть Лондона.

ваютъ ихъ на свои собственные, то есть на нихъ написанные *чеки*, находящіеся у другихъ банкировъ и только балансъ уплачивается деньгами. Этимъ способомъ всѣ торговыя дѣла Сити, совершающіяся въ продолженіе дня и простирающіяся на нѣсколько мильоновъ фунтовъ стерлинговъ, и также значительное количество операцій, выполняемыхъ внутри Великобританіи, которыя представляются векселями, выпускаемыми внутренними банкирами, на своихъ лондонскихъ корреспондентовъ ликвидируются (разсчитываются) денежною уплатою, въ среднемъ итогѣ, не превосходящею 200,000 фунт. стер. (1,262,000 р. с.) (*).

Представивъ теперь общую идею различныхъ способовъ, въ видѣ которыхъ кредитъ употребляется для замѣщенія денегъ, мы должны изслѣдовать, какимъ образомъ употребленіе ихъ дѣйствуетъ на цѣнность денегъ, или, что̀ все-равно, на цѣны произведеній. Разумѣется, мы здѣсь не говоримъ о постоянной цѣнности денегъ и естественныхъ, или среднихъ цѣнахъ произведеній: онѣ опредѣляются стоимостью произвожденія или добыванія драгоцѣнныхъ металловъ. Золотникъ золота или серебра въ продолженіе времени вымѣнивается на количество каждаго произведенія, которое можетъ быть добыто, или привезено за одинаковые съ нимъ расходы.

Не среднія или конечныя, но временныя цѣны подлежатъ нашему разсматриванію. Мы видѣли, эти цѣны могутъ значительно уклоняться отъ стоимости произвожденія. Одна изъ причинъ этого колебанія—мы нашли—есть коли-

(*) Тукъ (Tooke), въ своемъ сочиненіи: «Enquiry into the currency principle p. 27, говоритъ, что въ 1839 году дѣйствія *Разсчетнаго Дома* простирались на сумму 954,401,600 ф. ст. (5,112,274,096 р. с.). Это представляетъ, въ среднемъ итогѣ, платежи ежедневные слишкомъ на 3,300,000 фунт. ст. (18,930,000 р. с.), совершаемые помощью векселей и чековъ, при посредствѣ банковыхъ билетовъ и монеты немного болѣе, чѣмъ на 200,000 ф. ст. (1,262,000 р. с.).

чество денегъ, существующихъ въ обращеніи. При обыкновенномъ порядкѣ вещей, увеличеніе денегъ въ обращеніи возвышаетъ цѣны, которыя понижаются съ ихъ уменьшеніемъ.

Но мы нашли теперь, что банковые билеты, векселя и чеки обращаются какъ деньги и совершаютъ всѣ отправленія ихъ. Намъ представляется теперь вопросъ: дѣйствуютъ ли на цѣны, одинаковымъ образомъ какъ деньги, эти различныя замѣстители ихъ?

Я утверждаю, что банковые билеты, векселя или чеки сами-по-себѣ не имѣютъ вліянія на цѣны, но что кредитъ, какова бы ни была его форма, оказываетъ это вліяніе.

Деньги дѣйствуютъ на цѣны только въ такомъ случаѣ, когда онѣ вымѣниваются на произведенія. Деньги, предлагаемыя за произведенія, составляютъ запросъ, оказывающій вліяніе на цѣны послѣднихъ. Но деньги, предлагаемыя и деньги, находящіяся во владѣніи капиталиста, не одно и то же: первыя иногда бываютъ въ количествѣ менѣе чѣмъ послѣднія, а иногда это количество бываетъ превышающее. Въ общемъ итогѣ, конечно, сумма истрачиваемая представляетъ всю сумму, которая существуетъ для траты; но это не можетъ быть съ точностью сказано во всякое время: иногда деньги сберегаются для непредвидимыхъ требованій или въ ожиданіи удобнаго случая истратить ихъ. Въ этомъ случаѣ, говорятъ, онѣ не находятся въ обращеніи; на языкѣ простомъ это значитъ онѣ не предлагаются за произведенія, для покупки ихъ. Деньги, несуществующія въ обращеніи, не имѣютъ вліянія на цѣны. Явленіе обратное представляетъ, однакожь, болѣе обыкновенный случай: люди покупаютъ произведенія на деньги, не находящіяся въ ихъ владѣніи. Напримѣръ, предметъ, за ко-

ною запискою (promissory note); онъ выше ея достоинствомъ только въ томъ отношеніи, что обязательная записка ограждается однимъ обезпеченіемъ, между-тѣмъ, какъ въ акомодаціонномъ векселѣ соединяется двойное обезпеченіе.»

Вексель, дисконтируемый и остающійся въ портфёли дисконтера до истеченія срока, не отправляетъ назначенія денегъ и не замѣщаетъ ихъ, но покупается и продается за деньги. Подобно биржевымъ фондамъ и различнымъ акціямъ, онъ не имѣетъ обращенія. Но вексель одного лица, переводимый на другое лицо въ уплату долга, или денежнаго требованія, отправляетъ назначеніе, для котораго необходимы деньги, еслибъ не существовало векселя: онъ совершаетъ отправленіе монеты.

«Векселя (продолжаетъ Тсорнтонъ) не только сберегаютъ употребленіе наличныхъ денегъ, но также замѣщаютъ ихъ во многихъ случаяхъ. Представимъ себѣ фермера, живущаго въ деревнѣ, который, въ уплату долга 10 фун. ст. (63 р. с.) сосѣднему лавочнику, даетъ ему вексель въ эту сумму на своего хлѣбнаго торговца, находящагося въ Лондонѣ. Мелочной лавочникъ, положимъ, передаетъ этотъ вексель, предварительно скрѣпивъ его своею подписью на оборотѣ, сахарному заводчику, также въ уплату своего долга, и сахарный заводчикъ пересылаетъ его, скрѣпивъ своею подписью, вестиндскому купцу, находящемуся въ ближайшемъ портовомъ городѣ, и который отдаетъ его своему банкиру. Банкиръ, положимъ, также расписавшись на немъ, пускаетъ его въ дальнѣйшее обращеніе: въ этомъ случаѣ одинъ вексель совершаетъ пять различныхъ платежей точно такъ же, какъ и банковый билетъ въ 10 Ф. ст., уплачиваемый подателю, по предъявленіи. Множество векселей переходитъ такимъ-образомъ, как мы описали, между купцами въ этой странѣ (Англіи)

очевидно они представляютъ, въ строгомъ смыслѣ, часть обращающагося посредника (circulating medium) въ королевствѣ» (*).

Многіе векселя внутренніе и иностранные въ заключеніе предъявляются къ уплатѣ, покрытые подписями на оборотѣ (indorsements), изъ которыхъ каждая означаетъ или денежную операцію, гдѣ этотъ вексель отправляетъ назначеніе денегъ или, новое дисконтированіе. Двадцать лѣтъ назадъ, въ Англіи, въ графствѣ Ланкаширъ, подобные векселя составляли почти исключительный посредникъ обращенія для суммъ выше пяти фунтовъ.

Обязательная записка (promissory note) — третья форма употребленія кредита вмѣсто монеты. Вексель, выпущенный однимъ лицомъ и имъ акцептованный, и его собственноручная записка, обѣщающая уплату той же суммы, въ отношеніи этого лица, имѣютъ одинаковую силу; только первый обыкновенно приноситъ проценты, между-тѣмъ, какъ вторая, говоря вообще, не приноситъ ихъ. Но въ торговыхъ странахъ преимущественно послѣдняя форма кредита выпускается съ цѣлью замѣстить монету. Люди торгующіе деньгами, банкиры, заимодавцы по профессіи, желаютъ, подобно другимъ купцамъ, расширить свои операціи въ размѣрахъ, превосходящихъ собственныя ихъ средства; они желаютъ дать взаймы не только свой собственный капиталъ, не только часть кредита, состоящаго изъ постороннихъ вкладовъ, имъ довѣряемыхъ, но весь возможный кредитъ, которымъ они пользуются въ обществѣ. Это дѣлается очень просто, давая взаймы обязательныя записки, уплачиваемыя, по востребованію, подателю. Заемщикъ принимаетъ ихъ за соотвѣтствующую сумму денегъ, потому-что, вслѣдствіе кредита заимодавца, другіе люди охотно

(*) Th. Enq. int. the nat. andeff. of the pap. cr. of G. B. p. 40.

получаютъ ихъ въ уплату; слѣдственно эти записки совершаютъ всѣ отправленія монеты, освобождая изъ обращенія сумму соотвѣтствующую. Но такъ-какъ онѣ уплачиваются по востребованію и могутъ быть во всякое время представлены банкиру, выпустившему ихъ, то онъ долженъ, подъ опасеніемъ несостоятельности, имѣть при себѣ достаточное количество денегъ, чтобъ удовлетворить подобнымъ требованіямъ; и благоразуміе также обязываетъ, чтобъ онъ не выпускалъ этихъ записокъ, или билетовъ, въ количествѣ бо́льшемъ, нежели которое (онъ знаетъ по опыту) можетъ оставаться въ обращеніи и не будетъ предъявлено къ уплатѣ.

Когда признано было удобство этого способа распространенія кредита, правительства воспользовались имъ и стали выпускать свои собственныя обязательныя записки, или банковые и кредитные билеты, ассигнаціи, для уплаты своихъ расходовъ.

Платежи посредствомъ *чековъ*, или ордеровъ (cheques, bons), составляютъ четвертую форму кредита, соотвѣтствующую назначенію денегъ, и которая въ значительномъ приложеніи можетъ совершенно замѣстить ихъ. Бо̀льшинство публики въ Англіи обыкновенно отдаетъ банкирамъ на сохраненіе деньги, назначаемыя для будущаго употребленія, или для непредвидимыхъ требованій, и производитъ всѣ платежи, исключая самыхъ ничтожныхъ, посредствомъ письменныхъ ордеровъ, или записокъ, въ которыхъ означается сумма уплачиваемая немедленно предъявителю, или, по его желанію, передаваемая его банкиру. Если лицо, производящее платежъ, и лицо, получающее его, держатъ свои деньги у одного банкира, то уплата производится безъ всякаго посредства денегъ; сумма въ книгахъ банкира переносится только изъ кредита

плательщика къ кредиту получателя. Еслибъ всѣ лица, живущія въ одномъ городѣ, сохраняли свои наличныя деньги у одного и того же банкира и дѣлали всѣ платежи помощью чековъ, то деньги, или монета, совершенно вышли бы изъ употребленія въ этомъ городѣ. Этотъ идеальный предѣлъ приложенія кредита почти достигается на самомъ дѣлѣ въ Лондонѣ въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ между купцами. Монета и банковые, или кредитные билеты, употребляются теперь преимущественно въ мелочныхъ сдѣлкахъ между торговцами и потребителями, и то для очень малыхъ суммъ. Въ Лондонѣ даже лавочники, съ небольшимъ капиталомъ и ведущіе ограниченный торгъ, имѣютъ дѣло съ банкирами: кромѣ обыкновеннаго удобства и безопасности, это доставляетъ имъ выгоду въ другомъ отношеніи, давая имъ право (подразумѣваемое) на дисконтированіе ихъ векселей у этого банкира. Что касается купцовъ и оптовыхъ торговцовъ, то они обыкновенно производятъ всѣ платежи посредствомъ *чековъ*. Они, однакожь, не имѣютъ дѣла съ однимъ и тѣмъ же банкиромъ; и *B*, напримѣръ, получая *чекъ A*, кладетъ его бо́льшею частью въ другой банкъ. Но удобство этой операціи положило основаніе особенному учрежденію, соединяющему, для извѣстной цѣли, всѣ банкирскіе домы лондонскаго Сити (*) въ одно заведеніе. Банкиръ не посылаетъ *чековъ*, ему уплачиваемыхъ, въ банки, на которые они написаны съ требованіемъ слѣдующихъ за нихъ денегъ. Въ лондонскомъ Сити существуетъ заведеніе, называемое *Разсчетнымъ Домомъ* (Clearing House). Туда банкиры посылаютъ ежедневно (обыкновенно въ половинѣ четвертаго часа) всѣ *чеки* на другихъ банкировъ, къ нимъ поступившіе, въ продолженіе этого дня, отъ ихъ вкладчиковъ, и тамъ обмѣни-

(*) Торговая часть Лондона.

ваютъ ихъ на свои собственные, то есть на нихъ написанные *чеки*, находящіеся у другихъ банкировъ и только балансъ уплачивается деньгами. Этимъ способомъ всѣ торговыя дѣла Сити, совершающіяся въ продолженіе дня и простирающіяся на нѣсколько мильоновъ фунтовъ стерлинговъ, и также значительное количество операцій, выполняемыхъ внутри Великобританіи, которыя представляются векселями, выпускаемыми внутренними банкирами, на своихъ лондонскихъ корреспондентовъ ликвидируются (разсчитываются) денежною уплатою, въ среднемъ итогѣ, не превосходящею 200,000 фунт. стер. (1,262,000 р. с.) (*).

Представивъ теперь общую идею различныхъ способовъ, въ видѣ которыхъ кредитъ употребляется для замѣщенія денегъ, мы должны изслѣдовать, какимъ образомъ употребленіе ихъ дѣйствуетъ на цѣнность денегъ, или, что всеравно, на цѣны произведеній. Разумѣется, мы здѣсь не говоримъ о постоянной цѣнности денегъ и естественныхъ, или среднихъ цѣнахъ произведеній: онѣ опредѣляются стоимостью произвожденія или добыванія драгоцѣнныхъ металловъ. Золотникъ золота или серебра въ продолженіе времени вымѣнивается на количество каждаго произведенія, которое можетъ быть добыто, или привезено за одинаковые съ нимъ расходы.

Не среднія или конечныя, но временныя цѣны подлежатъ нашему разсматриванію. Мы видѣли, эти цѣны могутъ значительно уклоняться отъ стоимости произвожденія. Одна изъ причинъ этого колебанія—мы нашли—есть коли-

(*) Тукъ (Tooke), въ своемъ сочиненіи: «Enquiry into the currency principle p. 27, говоритъ, что въ 1839 году дѣйствія *Разсчетнаго Дома* простирались на сумму 954,401,600 ф. ст. (5,112,274,096 р. с.). Это представляетъ, въ среднемъ итогѣ, платежи ежедневные слишкомъ на 3,300,000 фунт. ст. (18,930,000 р. с.), совершаемые помощью векселей и чековъ, при посредствѣ банковыхъ билетовъ и монеты немного болѣе, чѣмъ на 200,000 ф. ст. (1,262,000 р. с.).

чество денегъ, существующихъ въ обращеніи. При обыкновенномъ порядкѣ вещей, увеличеніе денегъ въ обращеніи возвышаетъ цѣны, которыя понижаются съ ихъ уменьшеніемъ.

Но мы нашли теперь, что банковые билеты, векселя и чеки обращаются какъ деньги и совершаютъ всѣ отправленія ихъ. Намъ представляется теперь вопросъ: дѣйствуютъ ли на цѣны, одинаковымъ образомъ какъ деньги, эти различныя замѣстители ихъ?

Я утверждаю, что банковые билеты, векселя или чеки сами-по-себѣ не имѣютъ вліянія на цѣны, но что кредитъ, какова бы ни была его форма, оказываетъ это вліяніе.

Деньги дѣйствуютъ на цѣны только въ такомъ случаѣ, когда онѣ вымѣниваются на произведенія. Деньги, предлагаемыя за произведенія, составляютъ запросъ, оказывающій вліяніе на цѣны послѣднихъ. Но деньги, предлагаемыя и деньги, находящіяся во владѣніи капиталиста, не одно и то же: первыя иногда бываютъ въ количествѣ менѣе чѣмъ послѣднія, а иногда это количество бываетъ превышающее. Въ общемъ итогѣ, конечно, сумма истрачиваемая представляетъ всю сумму, которая существуетъ для траты; но это не можетъ быть съ точностью сказано во всякое время: иногда деньги сберегаются для непредвидимыхъ требованій или въ ожиданіи удобнаго случая истратить ихъ. Въ этомъ случаѣ, говорятъ, онѣ не находятся въ обращеніи; на языкѣ простомъ это значитъ онѣ не предлагаются за произведенія, для покупки ихъ. Деньги, несуществующія въ обращеніи, не имѣютъ вліянія на цѣны. Явленіе обратное представляетъ, однакожь, болѣе обыкновенный случай: люди покупаютъ произведенія на деньги, не находящіяся въ ихъ владѣніи. Напримѣръ, предметъ, за ко-

торый заплачено чекомъ, или ордеромъ, на банкира, покупается на деньги, ненаходящіяся во владѣніи плательщика и даже банкира, отдающаго ихъ взаймы другимъ лицамъ. Допустимъ снова, уже разъ принятое нами, предложеніе, что всѣ люди имѣютъ дѣло съ однимъ банкомъ и что всѣ платежи дѣлаются посредствомъ чековъ. Въ этомъ идеальномъ примѣрѣ деньги находятся только въ рукахъ банкира, который можетъ сбыть ихъ съ полною безопасностью, или продавъ какъ драгоцѣнные маталлы, или отдавъ ихъ взаймы, или переславъ за границу, для покупки товаровъ, или иностраныхъ фондовъ. Но хотя, въ этомъ случаѣ, можетъ-быть, даже денегъ не будетъ въ существованіи, произведенія будутъ покупаться за деньги точно такъ же, какъ и теперь. Люди будутъ продолжать считать свои доходы и свои капиталы на деньги и дѣлать свои покупки съ помощью ордеровъ на полученіе вещи, существованіе которой буквально прекратилось.

При уплатѣ посредствомъ чековъ, однакожъ, предметы покупаются на деньги, на которыя покупатель имѣетъ право, если онѣ и не находятся въ его владѣніи; но онъ можетъ дѣлать покупки на деньги, которыя онъ только надѣется или предполагаетъ получить. Онъ можетъ получить товары подъ векселя, уплачиваемые въ будущее время, или подъ его собственноручную записку, или, просто, въ кредитъ на книгу, то есть подъ одно обѣщаніе заплатить. Всѣ эти покупки оказываютъ совершенно то же вліяніе на цѣны, какъ еслибъ онѣ были сдѣланы на наличныя деньги. Способность покупать каждаго лица состоитъ изъ всѣ массы денегъ, въ его владѣніи находящихся, или ему с дующихъ, и изъ цѣлаго кредита, которымъ онъ пользу ся. Онъ обнаруживаетъ эту способность въ полныхъ мѣрахъ, только при особенныхъ обстоятельствахъ,

онъ всегда обладаетъ ею: и ея частное проявленіе, въ данное время, есть мѣра его вліянія на цѣны.

Положимъ, что, надѣясь на возвышеніе цѣны какого-нибудь произведенія, купецъ рѣшается не только употребить на покупку его всѣ свои наличныя деньги, но пріобрѣсти его въ кредитъ у производителей или у торговцевъ, сколько возможно будетъ ему получить. Каждый долженъ видѣть, что, дѣйствуя такимъ образомъ, это лицо оказываетъ бо́льшее вліяніе на цѣну, нежели ограничивая свои покупки наличными деньгами, въ его рукахъ дѣйствительно находящимися. Онъ создаетъ запросъ на произведеніе, равный полной суммѣ этихъ денегъ, соединенной съ его кредитомъ, и возвышаетъ цѣны пропорціонально обоимъ. И это вліяніе обнаруживается даже безъ употребленія письменныхъ документовъ, такъ-называемыхъ замѣстителей монеты. Если покупатель, вмѣсто того, чтобъ воспользоватся обыкновеннымъ кредитомъ на книгу, даетъ вексель, или платитъ за товаръ банковыми билетами, имъ занятыми у банкира для этой цѣли, то онъ производитъ то же самое дѣйствіе, равное покупкѣ въ кредитъ на книгу, но не болѣе. Итакъ, кредитъ, а не форма, не видъ, который онъ принимаетъ, есть дѣйствующая причина.

Желаніе торговой публики увеличить запросъ на произведенія, употребляя весь кредитъ, или бо́льшую часть его, какъ средства для покупки, зависитъ отъ ожиданія прибыли. Если существуетъ общее впечатлѣніе, что цѣна какого-нибудь произведенія должна подняться или отъ чрезвычайнаго запроса, или отъ недостаточнаго урожая, или отъ затрудненія къ вывозу, и другихъ причинъ, то между торговцами обнаруживается желаніе увеличить свои запасы, чтобъ получить выгоду отъ ожидаемаго возвышенія цѣнъ. Это расположеніе само-по-себѣ производитъ дѣйствіе, кото-

раго всѣ ждутъ, способствуя возвышенію цѣны: и если оно значительно и совершается постепенно, то оно привлекаетъ другихъ спекуляторовъ, готовыхъ всегда вѣрить въ его продолженіе, пока цѣна не начнетъ падать. Спекуляторы новыми покупками подымаютъ цѣну еще выше, и такимъ образомъ увеличивается ея возвышеніе, первоначально основывавшееся на причинахъ раціональныхъ, достигая, наконецъ, цифры, которую эти причины не объясняютъ и не оправдываютъ. По прошествіи нѣкотораго времени, многіе начинаютъ замѣчать это: возвышеніе цѣнъ прекращается, и купцы, имѣющіе на рукахъ большіе запасы, думая, что наступило время осуществить прибыль, обнаруживаютъ желаніе продавать: тогда цѣна начинаетъ падать; купцы спѣшатъ продажею, чтобъ избѣжать болѣе значительныхъ потерь; и какъ, при такомъ состояніи рынка, обыкновенно бываетъ немного охотниковъ покупать, то цѣна падаетъ гораздо быстрѣе и внезапнѣе, нежели она возвышалась. Спекуляторы, заплатившіе дороже, нежели благоразумный разсчетъ оправдывалъ, и которыхъ переворотъ захватилъ въ-расплохъ, прежде нежели они успѣли извлечь свой капиталъ, несутъ потерю, соразмѣрную съ пониженіемъ цѣнъ и количествомъ произведенія, находящагося въ ихъ рукахъ. Спекуляція, такимъ образомъ поддерживаемая, распространяется иногда только на нѣкоторыя произведенія, не нарушая обыкновеннаго хода торговли другими предметами; иногда же она охватываетъ всѣ статьи торговли въ одно время. Мы можемъ вообразить себѣ, что всѣ купцы заражены страстью къ спекуляціи, и что они, не ограничиваясь обыкновенными заказами фабрикантамъ и производителямъ, начинаютъ скупать все, что тѣ производятъ, употребляя весь свой капиталъ и весь свой кредитъ. Въ этомъ случаѣ всѣ цѣны подымутся необыкновенно; но,

по прошествіи нѣкотораго времени, когда покупатели обнаруживаютъ желаніе продавать, цѣны непремѣнно упадутъ.

Это чрезвычайный примѣръ такъ-называемаго коммерческаго кризиса. Говорятъ, коммерческій кризисъ наступаетъ, когда большое число купцовъ находится въ затрудненіе удовлетворить своимъ обязательствамъ, или предвидятъ это затрудненіе. Самая обыкновенная причина этого всеобщаго затрудненія — чрезвычайное пониженіе цѣнъ, слѣдующее за ихъ спекулятивнымъ возвышеніемъ и распространяющееся на многія произведенія. Случай, подающій надежды на поднятіе цѣнъ, какъ, напримѣръ, открытіе новаго заграничнаго рынка, или указанія на недостаточное снабженіе многихъ главнѣйшихъ предметовъ торговли, возбуждаетъ спекулятивную дѣятельность въ одно время въ ея главнѣйшихъ отрасляхъ. Цѣны подымаются и купцы, имѣющіе эти товары на рукахъ, извлекаютъ, или, повидимому, имѣютъ возможность извлечь, большую прибыль. При извѣстномъ расположеніи умовъ, подобные примѣры быстраго возростанія богатства вызываютъ многочисленныхъ подражателей, и спекуляція идетъ не только далѣе предѣловъ, первоначально оправдываемыхъ благоразумнымъ ожиданіемъ возвышенія цѣны, но распространяется даже на такіе предметы, для которыхъ не было никакой причины ожидать этого возвышенія. Цѣны ихъ, однакожь, подымаются наравнѣ съ прочими, разъ, когда наступаетъ спекулятивная дѣятельность. Въ подобныя времена кредитъ необыкновенно расширяется, люди, которыми эта зараза овладѣваетъ, пользуются не только свободнѣе своимъ собственнымъ кредитомъ, но, на самомъ дѣлѣ, кредитъ ихъ увеличивается, потому-что они, повидимому, получаютъ чрезвычайные барыши и потому-что въ это время господствуетъ особенное азартное расположеніе, побуждающее всѣхъ къ большому довѣрію.

тежей, прибѣгнуть также къ займамъ, если они не имѣли достаточнаго запаса наличныхъ денегъ. Они дѣйствительно истощали заемный рынокъ, или продавая различнаго рода биржевые фонды, или просто занимая деньги за проценты, или вынимая свои вклады изъ банковъ и пресѣкая такимъ-образомъ обыновенные каналы снабженія заемнаго рынка. Это общее требованіе на ссуды, при уменьшеніи денежнаго капитала, для этой цѣли употребляемаго, возвысило проценты и сдѣлало возможнымъ заемъ только при самомъ вѣрномъ обезпеченіи. Такимъ-образомъ, нѣкоторые торговые домы, неимѣвшіе достаточной предусмотрительности, лишились возможности располагать своимъ капиталомъ въ криктическое для нихъ время, и даже совершенно потеряли его и не были въ состояніи возобновить кредитъ, прежде помогавшій имъ бороться противъ обстоятельствъ. Эти домы прекратили платежи; банкрутство ихъ запутало болѣе или менѣе дѣла другихъ торговыхъ фирмъ, довѣрявшихъ имъ и (какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ) наступило всеобщее недовѣріе, обыкновенно называемое паническимъ страхомъ (panic). Оно грозило совершеннымъ уничтоженіемъ кредита, какъ это было въ 1825 году, еслибъ почти случайныя обстоятельства не дали возможности правительству очень простою мѣрою (*) предотвратить въ извѣстной степени этотъ бѣдственный результатъ.

Это общее дѣйствіе кредита на цѣны, нами описанное, показываетъ, что если какая-нибудь особенная форма его имѣетъ это вліяніе въ высшей степени, то это потому только, что она облегчаетъ или умножаетъ дѣйствіе кредита вообще. Если, напримѣръ, банковые билеты, или векселя, оказываютъ бо̀льшее вліяніе на цѣны, нежели кредитъ на

(*) Возобновленіе привилегіи Англійскаго Банка и ограниченіе выпуска его билетовъ. см. глава XV.

книгу, то это происходитъ не отъ различія въ самомъ ихъ дѣйствіи, которое существенно одинаково, но потому, что, вѣроятно, они находятся въ бо̀льшомъ количествѣ. Слѣдственно, если кредитъ употребляется для покупки товаровъ, преимущественно въ видѣ банковыхъ билетовъ и векселей, а не въ формѣ обыкновенной записи въ книгахъ, то бо̀льшее вліяніе этихъ орудій кредита на состояніе рынка должно быть приписано только ихъ бо́льшему употребленію.

Это употребленіе, однакожь, представляетъ различіе. Что касается частныхъ операцій, то дѣйствіе разнородныхъ формъ кридита на цѣну одинаково: покупаетъ ли *A* товары у *B* въ кредитъ на книгу, или даетъ за нихъ вексель, или платитъ за нихъ банковыми билетами, которые онъ занимаетъ у банкира *C*. Различіе открывается въ послѣдующихъ операціяхъ. Если *A* покупаетъ товары на книгу, то для *B* нѣтъ возможности употребить долгъ *A*, какъ средство расширить свой собственный кредитъ, который основывается на общемъ мнѣніи о его состоятельности; онъ не можетъ представить третьему лицу долгъ *A* въ обезпеченіе за покупаемый имъ товаръ, или занимаемыя деньги. Но если *A* даетъ ему вексель, онъ можетъ дисконтировать его — это все-равно, что занять деньги подъ соединенный кредитъ двухъ лицъ: или онъ можетъ заплатить этимъ векселемъ за товары — это все равно, что купить ихъ въ соединенный кредитъ. Въ обоихъ случаяхъ здѣсь совершается вторая кредитная операція, основанная на первой, которая не имѣла бы мѣста, еслибъ первая была заключена безъ посредства векселя. Но здѣсь дѣйствія кредита еще не оканчиваются. Вексель можетъ быть вторично дисконтированъ, или вторично употребленъ для уплаты за товары, и это можетъ быть повторено нѣсколько разъ прежде преъявленія его къ уплатѣ.

Теперь если мы предположимъ, что *A* не даетъ векселя, но, вмѣсто того, занимаетъ банковые билеты у банкира *C* и ими платитъ *B* за его товары, то мы найдемъ здѣсь еще болѣе значительное различіе. *B* теперь даже не зависитъ отъ дисконтера. Вексель *A* будетъ принятъ въ уплату только тѣми, кому извѣстна его состоятельность; но банкъ, или банкиръ, имѣетъ общее довѣріе и билеты его будутъ приняты всѣми, тѣмъ болѣе, что плата банковыми билетами совершенно очищаетъ долгъ плательщика, тогда-какъ онъ отвѣчаетъ за вексель, неуплачиваемый въ срокъ. *B* слѣдственно можетъ истратить всѣ полученные имъ билеты, не касаясь своего кредита.

Итакъ банковые билеты, повидимому, представляютъ болѣе могущественное орудіе для возвышенія цѣнъ, нежели векселя, которые, въ свою очередь, сильнѣе дѣйствуютъ, нежели кредитъ на книгу.

Это свойство, эта сила, однакожь, дѣйствуетъ на цѣны только соразмѣрно употребленію этихъ орудій, и дѣйствія ея ощутительны, когда обстоятельства побуждаютъ къ болѣе обширному распространенію кредита вообще. При такомъ соединеніи обстоятельствъ, то есть, во время спекуляцій, я думаю, невозможно отвергать, что возвышеніе цѣнъ болѣе вѣроятно, если покупки дѣлаются на банковые билеты, а не на векселя и не въ кредитъ на книгу. Впрочемъ, это различіе имѣетъ мéньшую практическую важность, нежели можно предполагать съ перваго взгляда, потому-что, на самомъ дѣлѣ, спекулятивныя покупки бóльшею частью дѣлаются послѣднимъ способомъ, а не посредствомъ векселей или банковыхъ билетовъ.

«Обширныя требованія на дисконтированіе векселей обыкновенно рѣдки (говоритъ Тукъ (*), первый авторитетъ, при-

(*) Took's history of prices vol. IV pp. 125—6.

знаваемый Англіею относительно предмета, нами разсматриваемаго) въ началѣ спекуляцій точно такъ же, какъ и въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Спекуляціи начинаются бо́льшею частью, если не исключительно, покупкою товаровъ въ кредитъ, продолжающійся извѣстные сроки въ различныхъ отрасляхъ торговли, не поставляя покупщиковъ въ необходимость прибѣгать къ займу. Это правило прилагается особенно къ покупкамъ произведеній на мѣстѣ, съ цѣлью перепродать ихъ; но они составляютъ вообще незначительную часть кредитныхъ обязательствъ. Спекуляціи гораздо обширнѣйшія начинаются въ ожиданіи возвышенія цѣнъ привозныхъ произведеній. То же самое замѣчаніе относится и къ произведеніямъ вывозимымъ, когда значительная часть ихъ отпускается въ кредитъ купцамъ, отправляющимъ ихъ за границу. Пока обстоятельства обѣщаютъ благопріятный результатъ, кредитъ вообще всѣхъ этихъ лицъ поддерживается. Если между ними есть желающіе выручить свои деньги, то всегда находятся люди, имѣющіе готовый капиталъ и кредитъ, чтобъ замѣстить ихъ, и если событія совершенно оправдываютъ основанія, на которыхъ началась спекуляція, то обыкновенно не бываетъ чрезвычайнаго запроса на займы, чтобъ поддержать ее. Тогда только, когда, въ слѣдствіе перемѣнъ въ событіяхъ политическихъ, въ явленіяхъ физическихъ, или вслѣдствіе другихъ случайныхъ обстоятельствъ, предстоящее снабженіе превосходитъ разсчитываемое потребленіе, и когда цѣны падаютъ, тогда открывается увеличенный запросъ на денежный капиталъ; проценты тогда подымаются и количество векселей, поступающихъ въ банкъ для дисконтированія, также возростаетъ.»

Такимъ-образомъ умноженіе баковыхъ билетовъ и другихъ переводимыхъ или передаваемыхъ документовъ не

сопровождаетъ и не облегчаетъ спекуляцій; дѣятельность ихъ начинается, когда наступаетъ спекулятивный отливъ и затрудненія становятся ощутительными.

Очень немногіе подозрѣваютъ, какіе огромные размѣры принимаютъ спекулятивныя операціи, которыя совершаются при помощи одного кредита на книгу, безъ малѣйшаго прибавленія къ обращенію кредитной бумаги.

«Кто практически незнакомъ съ положеніемъ спекулятивныхъ рынковъ (говоритъ Тукъ (*), тотъ не представляетъ себѣ, какъ велика *возможность покупать* (power of purchase), которую имѣютъ люди съ капиталомъ и кредитомъ... Человѣкъ, владѣющій достаточнымъ капиталомъ для своей обыкновенной торговли и пользующійся хорошимъ кредитомъ, можетъ дѣлать покупки на суммы огромныя, въ сравненіи съ его средствами, если онъ слишкомъ надѣется на возвышеніе цѣны предметовъ его торговли, и если въ началѣ и въ продолженіе спекуляціи обстоятельства благопріятствуютъ ему». Тукъ подтверждаетъ это показаніе замѣчательными примѣрами, свидѣтельствующими, какъ о необыкновенномъ увеличеніи возможности покупать, такъ и о поднятіи цѣнъ, которое производитъ простой кредитъ, или кредитъ на книгу, необлеченный въ форму векселей или банковыхъ билетовъ.

«Колоніальные и чайные торговцы (продолжаетъ тотъ же самый авторъ) (**) первые начали спекулировать на возвышеніе цѣны чая въ 1839 году, по случаю войны съ Китаемъ. Въ торговлѣ обнаружилось общее расположеніе сдѣлать запасы, то есть припасти на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ достаточное количество для удовлетворенія вѣроят-

(*) Tooke Inquiy into the currency principle pp. 79 и 136—8.

(**) ibid.

наго запроса потребителей. Нѣкоторые, однакожь, торговцы, болѣе отважные и легче увлекающіеся, нежели прочіе, воспользовались своимъ кредитомъ, чтобъ купить товаръ въ количествѣ, значительно превышающемъ обыкновенный и вѣроятный запросъ, въ размѣрахъ ихъ торга. Сначала всѣ покупки дѣлались открыто и, можетъ быть, дѣйствительно, для цѣли законной, въ предѣлахъ обыкновенной торговли покупателей: они имѣли возможность, поэтому, покупать, не давая залога, между-тѣмъ, какъ спекуляторы извѣстные обязаны внести 2 фун. стер. (12 р. 62 к. с.) за ящикъ, для покрытія вѣроятнаго различія цѣны, которая могла понизиться до истеченія трехмѣсячнаго срока, обыкновенно полагаемаго для платежей за это произведеніе. Слѣдственно, не тратя ни одного пени ($2^1/_2$ к. с.) изъ своего капитала, они успѣли сдѣлать покупки въ значительномъ количествѣ и, съ помощью прибыли, ими выученной, отъ перепродажи части закупленнаго ими товара, они имѣли возможность заплатить требуемый залогъ, когда необыкновенные размѣры ихъ операцій обратили вниманіе. Такимъ-образомъ продолжалась спекуляція; цѣны возвысились слишкомъ на сто процентовъ до наступленія сроковъ платежей; и еслибъ въ это время обстоятельства оправдывали предположеніе господствовавшее, что предстоящее снабженіе чая будетъ совершенно пресѣчено, то цѣны могли бы подняться еще выше, или по-крайней-мѣрѣ онѣ бы не упали. Въ этомъ случаѣ спекуляторы имѣли бы возможность выручить порядочную сумму, если не всю, ожидаемую ими, прибыль. Но, вмѣсто этого благопріятнаго результата, противъ всякаго ожиданія, два или три груза чаю были провезены въ Англію мимо блокады; за этимъ привозомъ слѣдовали еще новыя отправленія непрямымъ путемъ; такимъ-образомъ снабженіе увеличилось,

противъ разсчетовъ спекуляторовъ, между-тѣмъ, какъ потребленіе уменьшилось вслѣдствіе высокихъ цѣнъ. Сильное противодѣйствіе обнаружилось въ состояніи рынка; спекуляторы принуждены были продавать свой товаръ съ огромными пожертвованіями, которыя лишили ихъ средствъ исполнить свои обязательства, и многіе между ними обанкрутились. Разсказываютъ, что одинъ купецъ, имѣвшій капиталъ не болѣе 1,200 ф. ст. (7,500 р. с.), на который онъ производилъ торгъ, нашелъ возможнымъ купить 4,000 ящиковъ чаю, стоившихъ 80,000 ф. ст. (504,800 р. с.): потеря на нихъ была около 16,000 ф. ст. (100,960 р. с.).»

«Другой примѣръ, который я могу привести, представляютъ спекуляціи въ хлѣбной торговлѣ между 1838 и 1849 годами. Одинъ купецъ, спекулировавшій въ необыкновенно большихъ размѣрахъ, имѣлъ вначалѣ капиталъ, непревышавшій 5,000 ф. ст. (31,550 р. с.); но послѣ первыхъ удачъ, при помощи обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ ему въ дальнѣйшихъ операціяхъ, онъ успѣлъ произвести закупки въ такомъ огромномъ количествѣ, что обязательства его, когда онъ сдѣлался несостоятельнымъ, простирались слишкомъ на 500,000 ф. ст. (3,155,000 р. с.).»

Вотъ примѣры спекулятивной дѣятельности кредита на книгу.

Но хотя кредитъ на книгу представляетъ важное средство для спекулятивныхъ покупокъ, нельзя, однакожь, отрицать, что во время особенныхъ спекуляцій увеличивается также число векселей и банковыхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи.

Разъ, когда опытъ показалъ, что билеты сами-по-себѣ неимѣющіе никакой цѣнности, на которыхъ написано только, что они достоинствомъ равны извѣстному числу франковъ, фунтовъ стерлинговъ, могутъ обращаться подобно монетѣ, ими представляемой, доставляя тѣмъ, кто выпус-

каетъ ихъ, всѣ выгоды монеты, правительства старались присвоить себѣ право выпуска этихъ знаковъ, давая возможность вносить ихъ въ уплату податей и пошлинъ и даже не уплачивая по востребованію того, что̀ эти билеты изображаютъ. Такъ это было въ Англіи и во Франціи.

Въ этомъ предполагаемомъ случаѣ отправленіе денегъ совершается чрезъ посредство вещи, которая получаетъ свое значеніе вслѣдствіе общаго согласія; но этого согласія достаточно, чтобъ придать ей это значеніе. Каждый приметъ всякій знакъ за монету какой угодно цѣнности, если онъ убѣжденъ, что этотъ знакъ будетъ принятъ другими на тѣхъ же условіяхъ. Спрашивается теперь: что̀ опредѣляетъ цѣнность такой ходячей монеты? — Разумѣется, это не будетъ стоимость произвожденія, отъ которой зависитъ цѣнность золота и серебра и размѣнныхъ кредитныхъ билетовъ.

Мы видѣли, однакожь, что даже цѣнность металлической монеты прежде всего опредѣляется ея количествомъ. Если это количество не будетъ зависѣтъ отъ торговыхъ побужденій, основывающихся на барышѣ и убыткѣ, но можетъ быть опредѣлено властью правительства: то цѣнность денегъ подчиняется этой власти, а не стоимости произвожденія. И это правило совершенно прилагается къ бумажнымъ деньгамъ, неразмѣннымъ по востребованію предъявителя на драгоцѣнные металлы.

Положимъ, въ странѣ, гдѣ обращались только металлическія деньги, правительство выпускаетъ вдругъ, для уплаты своихъ расходовъ, ассигнаціи на сумму, равную половинѣ цѣлаго монетнаго обращенія. Количество денегъ обращающихся увеличивается вдругъ на половину; всѣ цѣны возрастаютъ и, между прочимъ, также цѣны всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Золотая вещь будетъ стоить дороже золотой монеты равнаго ей вѣса, такъ-что будетъ

выгодно переплавить монету на передѣлъ. Такимъ-образомъ количество золота, равное цѣнностью выпущеннымъ ассигнаціямъ, будетъ извлечено изъ обращенія. Тогда цѣны понизятся до первоначальной цифры и единственная перемѣна, которую мы найдемъ, будетъ замѣщеніе ассигнаціями половины металлическихъ денегъ, до-сихъ-поръ обращавшихся. Допустимъ теперь второй выпускъ ассигнацій: тѣ же явленія повторяется; и это продолжится дотѣхъ-поръ, пока не исчезнетъ въ обращеніи вся существующая монета, разумѣется, если выпускаемыя ассигнаціи представляютъ наимельчайшую величину ея (*). Увеличеніе количества золота и серебра, которое теперь можетъ быть употреблено для мануфактурнаго приложенія, понизитъ на-время цѣнность этихъ металловъ. Металлическія деньги, слѣдственно, останутся въ обращеніи нѣкоторое время, если даже выпущено ассигнацій на сумму имъ равную. Но такъ-какъ цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ падаетъ ниже стоимости ихъ произвожденія, то избытокъ ихъ уничтожится съ прекращеніемъ или уменьшеніемъ снабженія изъ рудниковъ и также отъ вліянія обыкновенныхъ разрушительныхъ дѣятелей. Послѣ этого противодѣйствія драгоцѣнные металлы и металлическія деньги снова получатъ свою естественную цѣнность. Мы предполагаемъ, что разсматриваемая нами страна имѣетъ свои собственныя мѣсторожденія драгоцѣнныхъ металловъ и не находятся въ коммерческихъ сношеніяхъ съ другими странами, потому-что, въ противномъ случаѣ, внѣшняя торговля извлекаетъ

(*) Австрійская монетная система, вѣроятно, представляетъ намъ ассигнаціи наименьшей величины. Въ настоящее время въ Австріи существуютъ въ обращеніи ассигнаціи въ 10 крейцеровъ (около 10 коп. сер.); но въ 1849 году мы встрѣчаемъ здѣсь ассигнаціи въ 6 крейцеровъ (около 6 коп. сер.); и суммы въ 3 и 1½ крейцера (3 и 1½ коп. сер.) уплачивались, разрывая эту ассигнацію пополамъ и на четыре части.

изъ обращенія гораздо быстрѣе избытокъ существующей монеты, остающейся за выпускомъ ассигнацій.

До-сихъ-поръ мы видѣли, что дѣйствіе ассигнацій совершенно одинаково, размѣниваются ли онѣ, или не размѣниваются на звонкую монету. Это различіе становится ощутительнымъ, когда драгоцѣнные металлы совершенно извлекаются изъ обращенія. Положимъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, прибавляется новый выпускъ ассигнацій; мы встрѣтимъ здѣсь снова повтореніе тѣхъ же самыхъ явленій: цѣны всѣхъ произведеній, включая золотыя и серебряныя издѣлія, подымутся и откроется новый запросъ на металлическія деньги, чтобъ превратить ихъ въ слитки. Звонкая монета не существуетъ въ обращеніи; но если ассигнаціи размѣнныя, то, чтобъ получить ее, онѣ будутъ предъявлены въ банкъ, ихъ выпустившій. Слѣдственно всѣ ассигнаціи, вновь выпущенныя въ обращеніе, изъ котораго драгоцѣнные металлы уже были извлечены, будутъ представлены для размѣна на монету: поэтому невозможно удержать ихъ въ обращеніи въ такомъ количествѣ, въ какомъ цѣнность ихъ понизиться въ сравненіи съ металлическими деньгами, ими представляемыми.

Совершенно другое явленіе открываемъ мы при неразмѣнныхъ асигнаціяхъ. Здѣсь нѣтъ препятствія къ увеличенію ихъ количества, если это дозволено закономъ; новые выпуски слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ неограниченномъ числѣ, также неограниченно понижая ихъ цѣнность и соразмѣрно увеличивая цѣны всѣхъ произведеній. Всякая перемѣна въ цѣнности денегъ оказываетъ вредное вліяніе: она измѣняетъ всякаго рода сдѣлки и распоряженія на будущее время и лишаетъ существенной прочности и состоятельности денежныя обязательства, исполняемыя по истеченіи продолжительныхъ сроковъ.

Чтобъ обезпечить цѣнность ассигнацій отъ преднамѣренныхъ перемѣнъ и отъ возможныхъ случайныхъ колебаній, всѣ образованныя государства избрали единицею драгоцѣнные металлы, какъ произведенія, наименѣе подверженныя порчѣ, и постановили, чтобъ цѣнность ассигнацій всегда сообразовалась съ цѣнностью драгоцѣнныхъ металловъ. Это правило можетъ быть приложено и къ неразмѣннымъ ассигнаціямъ. Хотя здѣсь не существуетъ самодѣятельнаго препятствія, которое представляетъ размѣнъ, но мы находимъ точное и несомнѣнное указаніе, свидѣтельствующее, уменьшилась ли цѣнность государственной кредитной бумаги и въ какой степени. Это указаніе — цѣна драгоцѣнныхъ металловъ. Когда ассигнація не можетъ быть предъявлена для размѣна на монету, когда монеты нѣтъ въ обращеніи, драгоцѣнные металлы представляютъ колебанія въ цѣнѣ, подобно прочимъ произведеніямъ; и если она выше цѣны, опредѣленной монетнымъ дворомъ, то цѣнность ассигнацій понижается именно на число, или цифру, выражающую эту разность. Если, слѣдственно, выпускъ неразмѣнныхъ ассигнацій будетъ строго подчиненъ этому правилу, если всякій разъ, когда драгоцѣнные металлы бываютъ дороже цѣны, монетнымъ дворомъ опредѣляемой, выпускъ бумажныхъ денегъ ограничивается, то онѣ не подвергаются всѣмъ невыгодамъ и неудобствамъ, которыя представляютъ неразмѣнныя ассигнаціи.

Но даже и подобная система не имѣетъ особенныхъ преимуществъ для ея исключительнаго приложенія. Неразмѣнныя ассигнаціи, которыхъ цѣнность опредѣляется цѣною драгоцѣнныхъ металловъ, совершенно соотвѣтствуютъ въ колебаніяхъ своей цѣнности размѣннымъ ассигнаціямъ. Онѣ имѣютъ только ту выгоду, что освобождаютъ отъ необходимости держать значительные запасы драго-

цѣнныхъ металловъ, что̀ не составляетъ важнаго разсчета, особенно для правительства, которое, пользуясь общимъ довѣріемъ, никогда не будетъ вынуждено удовлетворить большимъ и внезапнымъ требованіямъ; но это ничтожное преимущество далеко не вознаграждаетъ за многія важныя невыгоды: во-первыхъ, возможность ложной оцѣнки драгоцѣнныхъ металловъ, чтобъ такимъ образомъ дѣйствовать на цѣнность ассигнацій; во-вторыхъ, отступленіе отъ простаго правила, понятнаго для каждаго резумѣнія. Для каждаго понятна размѣнная ассигнація; каждый видитъ, что бумажка, которая можетъ быть размѣнена во всякое время на сто франковъ, сто́итъ сто франковъ. Уравненіе выпуска ассигнацій, сообразно съ цѣною драгоцѣнныхъ металловъ, представляетъ болѣе сложную идею, далеко не столь общепонятную. Слѣдственно многія основательныя причины побуждаютъ къ употребленію ассигнацій размѣнныхъ предпочтительно передъ неразмѣнными, если даже выпуски ихъ опредѣляются самымъ точнымъ образомъ.

Хотя недостатки системы неразмѣнныхъ ассигнацій, и въ цѣнности не сообразующихся съ металлическою монетою, представляютъ, вѣроятно, самую очевидную истину въ Политической Экономіи; хотя эта истина, послѣ многолѣтней полемики, была совершенно усвоена мнѣніемъ общественнымъ, несмотря на все это, болѣе или менѣе иногда предлагаются средства помочь финансовымъ недостаткамъ чрезъ неограниченный выпускъ неразмѣнной кредитной бумаги. Должно сознаться, что это необыкновенно-увлекательная идея. Какая блистательная перспектива уплатить государственный долгъ, всѣ расходы правительства безъ налога, обогатить все общество, при помощи только бумаги! Философскій камень не можетъ совершить бо̀льшаго чуда.

Такъ-какъ подобные проекты часто вызываются изъ забвенія на новую дѣятельность, то мы не считаемъ лишнимъ разсмотрѣть здѣсь заблужденія, на которыхъ они основываются и которыя увлекаютъ этихъ прожектёровъ. Заблужденіе, самое обыкновенное и наиболѣе распространенное, заключается въ томъ, что выпускъ ассигнацій не можетъ быть названъ чрезмѣрнымъ, пока каждая ассигнація представляетъ собственность, или имѣетъ основаніемъ дѣйствительную собственность. Эти фразы рѣдко выражаютъ точную и опредѣленную идею: при самомъ благопріятномъ значеніи онѣ вырыжаютъ только то, что лица, выпускающія ассигнаціи, должны имѣть собственность, или имъ принадлежащую, или имъ довѣренную, цѣнностью равную всѣмъ выпускамъ кредитной бумаги. Для какой цѣли, однакожь, необходимо существованіе этой собственности? Вотъ это-то и недовольно-ясно, потому-что, если она не можетъ быть потребована для размѣна ассигнацій, то трудно угадать, какимъ образомъ она можетъ служить для поддержанія ихъ цѣнности. Я полагаю, однакожь, что собственность предназначена, какъ гарантія, что ассигнаціи будутъ заплачены, если непредвидимыя событія остановятъ осуществленіе цѣлой системы. На этой теоріи основывались многіе проекты для обращенія въ денежный капиталъ цѣлой земли въ государствѣ.

Эта теорія образовалась вслѣдствіе неточнаго сознанія двухъ совершенно различныхъ недостатковъ, съ которыми соединена вообще всякаго рода кредитная система. *Первый* заключается въ возможной несостоятельности лицъ, выпускающихъ ассигнаціи. Если ассигнація основывается на ихъ кредитѣ, если она обѣщаетъ уплату звонкой монеты, или по востребованію, или въ будущее время: то несостоятельность этихъ лицъ, конечно, лишаетъ ее всякой цѣнности, завися-

щей отъ ихъ обѣщанія. Всякаго рода кредитная бумага подвержена этому недостатку, котораго возможно только избѣжать, принявъ мѣры, чтобъ ея выпускъ непремѣнно «основывался на собственности», чтобъ векселя выдавались только при обезпеченіи какой-нибудь цѣнной вещи, нарочно закладываемой для ихъ выпуска. Но эта теорія не принимаетъ въ разсчетъ *втораго недостатка*, котораго векселя также нечужды, если даже они выпущены самымъ состоятельнымъ торговымъ домомъ, именно, что цѣнность ихъ уменьшается при чрезмѣрномъ увеличеніи ихъ количества. Французскія ассигнаціи во время первой революціи представляютъ примѣръ бумажныхъ денегъ, основанныхъ на этихъ началахъ. Эти ассигнаціи были выраженіемъ огромной массы необыкновенно-цѣнной собственности, именно, земель, принадлежавшихъ королевскому дому, церкви, монастырямъ и эмигрантамъ, и составлявшихъ почти половину цѣлаго пространства Франціи. Эти ассигнаціи на самомъ дѣлѣ были ордерами, ассигновками или управомоченіями на эту массу земли. Революціонное правительство имѣло мысль обратить эти земли въ деньги; но первоначально оно не предвидѣло огромнаго количества выпусковъ, къ которымъ оно было вынуждено, когда изсякли всѣ финансовые источники. Оно воображало, что ассигнаціи быстро возвратятся въ обмѣнъ на землю, что оно будетъ имѣть возможность повторять выпуски, пока вся земля не будетъ продана, и что только умѣренное количество ихъ будетъ въ постоянномъ обращеніи. Надежды эти не сбылись. Земля продавалась не такъ быстро, какъ правительство этого ожидало: покупатели неохотно употребляли свои денежные капиталы на пріобрѣтеніе имѣній, которыя могли быть отняты безъ вознагражденія съ наступленіемъ новаго порядка. Бумага, представлявшая землю, умножаясь

безмѣрно, не могла удержать своей цѣнности, еслибъ даже вся эта земля могла быть продана разомъ, и результатъ этой безразсчетной системы былъ таковъ, что за чашку кофе платили ассигнаціею въ 500 франковъ.

Защитники этой системы неразмѣнной кредитной бумаги не находятъ примѣръ французскихъ ассигнацій достаточно убѣдительнымъ, на томъ основаніи, что каждая ассигнація представляла землю вообще, а не опредѣленное количество земли. Чтобъ предупредить ихъ удешевленіе, необходимо было—они утверждаютъ—оцѣнить всю конфискованную собственность, выразивъ ея цѣнность металлическою монетою, и выпустить ассигнаціи только на сумму, ей равную, но не переходить за предѣлъ, давая право каждому, кто имѣетъ ихъ въ рукахъ, требовать слѣдующее ему пространство земли въ обмѣнъ за нихъ. Превосходство этого плана несомнѣнно. Еслибъ онъ былъ принятъ республиканскимъ правительствомъ, то цѣнность ассигнацій никогда не понизилась бы въ такой чрезвычайной степени, потому-что онѣ удерживали бы свою покупающую силу, въ отношеніи земли, какъ бы низко онѣ не упали въ сравненіи съ другими произведеніями; и вѣроятно, прежде нежели онѣ утратили бы свою торговую цѣнность, онѣ были бы представлены для обмѣна на землю. Мы не должны забывать, однакожь, что постоянство въ цѣнности ихъ предполагаетъ, что онѣ находятся въ обращеніи въ такомъ же количествѣ, какъ и ассигнаціи размѣнныя, при другихъ обстоятельствахъ, на звонкую монету. Слѣдственно, какъ ни была удобна эта система ассигнацій во время революціи, для быстрой продажи огромнаго количества земель съ наименьшею потерею, она не представляетъ, какъ постоянная система, никакихъ особенныхъ выгодъ, между-тѣмъ, какъ невыгоды ея очевидны: земля гораздо болѣе измѣняется въ

своей цѣнности нежели золото и серебро и, кромѣ-того, для многихъ она скорѣе тягость, нежели желаемая собственность, развѣ только для превращенія въ деньги.

Преимущество системы размѣнныхъ ассигнацій такимъ-образомъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ (*) мы снова возвратимся къ этому предмету, чтобъ разсмотрѣть нѣкоторыя правила, предложенныя для уравненія этой системы, или, говоря точнѣе, для ограниченія выпуска бумажныхъ денегъ.

(*) См. главу XV.

ГЛАВА XIII.

ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ.

—

Причины, вслѣдствіе которыхъ произведенія привозятся изъ дальняго разстоянія, а не добываются въ мѣстностяхъ, по возможности ближайшихъ къ рынкамъ, гдѣ они продаются для потребленія, обыкновенно разсматриваются очень поверхностнымъ образомъ. Добываніе нѣкоторыхъ предметовъ физически возможно только при извѣстныхъ условіяхъ температуры, почвы, воды, или атмосферы. Но многія произведенія, которыя хотя безъ затрудненія могли быть выдѣланы внутри страны въ какомъ угодно количествѣ, привозятся въ нее издалека. Обыкновенно это обстоятельство объясняется тѣмъ, что такія произведенія дешевле привозить нежели выдѣлывать ихъ на мѣстѣ; и это справедливая причина, только она, въ свою очередь, требуетъ тоже объясненія. Если изъ двухъ произведеній, добываемыхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, одно производится дешевле другаго, то это потому, что оно можетъ быть выдѣлано съ меньшимъ трудомъ и меньшимъ капиталомъ, однимъ словомъ: съ меньшими расходами. Прилагается ли это объясненіе къ предметамъ, производимымъ въ различныхъ мѣст-

ностяхъ? Предметы, привозимые изъ другихъ земель, сег-в да ли и непремѣнно ли производятся тамъ съ мéньшимъ трудомъ, нежели въ странѣ, куда они привозятся? Распространяется ли законъ пропорціональности постоянной цѣнности и стоимости произвожденія, справедливый для произведеній, добываемыхъ въ мѣстностяхъ соприкасающихся, на произведенія, добываемыя въ странахъ отдаленныхъ?

Если одинъ берегъ рѣки, сѣверный, положимъ, представляетъ всѣ выгоды для производства обуви, предпочтительно передъ южнымъ берегомъ, то мы не встрѣтимъ этой промышлености на южномъ берегу. Сапожники, вѣроятно, сами переселятся и переведутъ свои капиталы на сѣверный берегъ, потому-что, соперничествуя на одномъ и томъ же рынкѣ съ первоначальными производителями этой мѣстности, они не могутъ вознаградить себя за всѣ невыгоды насчетъ потребителей. Но между отдаленными мѣстностями, и особенно между различными странами, различіе въ прибыли можетъ существовать продолжительное время, потому-что люди обыкновенно не переселяются сами и не переводятъ своихъ капиталовъ въ дальнія страны безъ особенно-сильнаго повода. Капиталъ, принадлежащій странѣ, остается въ ней, если нѣтъ возможности дать ему болѣе, или столь же, производительное приложеніе, какое представляютъ для него другія страны. И даже земля, поставленная въ подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ и, вѣроятно, будетъ вести торговлю съ другими землями. Она будетъ вывозить нѣкоторые предметы даже въ такія мѣстности, гдѣ они могутъ быть выдѣланы съ мéньшимъ трудомъ, потому-что эти мѣстности, имѣя преимущество предъ нею въ отношеніи всѣхъ произведеній, обладаютъ имъ въ различной степени и находятъ выгоднымъ привозить изъ нее предметы, въ которыхъ онѣ имѣютъ наименьшее

преимущество, чтобъ обратить свой капиталъ на выдѣлку произведеній, доставляющихъ наибо́льшія выгоды.

Миллъ, послѣдуя Рикардо, который первый сдѣлалъ важный шагъ для объясненія этого предмета, говоритъ (*):

«Размѣнъ внѣшній (interchange) опредѣляется не различіемъ положительной стоимости, но различіемъ стоимости относительной, или сравнительной. Для Англіи можетъ быть выгоднымъ получать желѣзо изъ Швеціи за бумажныя ткани, хотя она ее превосходитъ производительностью желѣзныхъ мѣсторожденій и бумажныхъ фабрикъ, потому-что, если Англія имѣетъ преимущество въ бумажныхъ тканяхъ на одну половину и только на одну четверть въ желѣзѣ, и находитъ возможнымъ продавать свои бумажныя ткани Швеціи по цѣнѣ, которую та должна платить за нихъ, производя ихъ внутри, то она получитъ желѣзо съ тѣми же выгодами, какія ей доставляютъ ея бумажныя ткани. Мы можемъ, торгуя съ иностранными землями, получать произведенія ихъ дешевле, нежели они имъ стоятъ, несмотря на то, этотъ оборотъ выгоденъ для нихъ, потому-что произведенія, которыя онѣ получаютъ въ замѣнъ, хотя они стоютъ намъ дешевле, могутъ стоить имъ дороже.»

Чтобъ объяснить примѣрами случаи, въ которыхъ размѣнъ произведеній бываетъ возможенъ между странами, г. Миллъ дѣлаетъ предположеніе (**), что Пруссія имѣетъ преимущество предъ Англіею въ производствѣ сукна и хлѣба. Сначала онъ допускаетъ, что это преимущество одинаково для обоихъ предметовъ; что производство хлѣба и сукна занимаетъ въ Пруссіи 100 рабочихъ дней, а въ Англіи 150 рабочихъ дней. «Отсюда слѣдуетъ, что сукно, стоившее въ Англіи 150 дней труда, если привезти его въ Пруссію, будетъ

(*) Mill's Essay on some un ettled questions of Political Economy Essay I.

(**) Mill's Elements of Political Economy 3 Edit. p. 120.

равноцѣнно сукну, на выдѣлку котораго здѣсь положено только 100 дней, и можетъ быть вымѣнено, слѣдственно, на хлѣбъ, стоившій только 100 дней труда, но представляющій то же количество его, какое въ Англіи получается отъ 150 дней труда. Англія, слѣдственно, за свое сукно вымѣнитъ столько же хлѣба, сколько добывается его внутри ея, и, привозя его, она должна платить, кромѣ-того, расходы провоза. При такихъ обстоятельствахъ размѣнъ произведеній не можетъ имѣть мѣста». Въ этомъ случаѣ сравнительная стоимость производженія двухъ предметовъ въ Пруссіи и Англіи, согласно съ предположеніемъ, была одинакова, хотя положительная или абсолютная стоимость была различна. Мы видимъ, что обѣ страны не сберегаютъ труда, ограничивая свою промышленость исключительнымъ производствомъ одного изъ двухъ предметовъ, и привозя другой.

Мы дойдемъ до другаго результата, если не одна положительная, но и сравнительная стоимость двухъ произведеній будетъ различна въ обѣихъ странахъ.

«Положимъ (говоритъ тотъ же самый авторъ) что производство сукна въ Пруссіи обходятся 100 дней труда, и въ Англіи 150 дней; но хлѣбъ, котораго добываніе въ Пруссіи стоитъ 100 дней, въ Англіи можетъ быть полученъ только при двойномъ 200 дневномъ трудѣ: въ такомъ случаѣ, непосредственно обнаруживается соотвѣтствующій подводъ къ размѣну этихъ произведеній. Англія имѣетъ возможность купить за количество сукна, представляющее 150 дней труда, количество хлѣба, добываемое въ Пруссіи въ 100 рабочихъ дней, но производство котораго ей стоитъ 200 дней». Слѣдственно, привозя хлѣбъ изъ Пруссіи, Англія сберегаетъ въ каждомъ повтореніи этого торговаго оборота 50 дней труда, и эта выгода получается не въ ущербъ Пруссіи, которая за свой хлѣбъ поку-

паетъ сукно, стоющее ей то же самое, еслибъ она добывала его внутри своихъ предѣловъ. Пруссія, слѣдственно, при такомъ предположеніи, ничего не теряетъ, но торговля также не доставляетъ ей никакой выгоды. Для того, чтобъ Пруссія выигрывала что-нибудь въ этомъ размѣнѣ, прибыль Англіи необходимо должна быть нѣсколько уменьшена: хлѣбъ прусскій долженъ быть вымѣниваемъ на бо́льшое количество англійскаго сукна, выдѣлка котораго будетъ стоить Англіи болѣе 150 дней труда. Такъ хлѣбъ обойдется Англіи дороже 150 рабочихъ дней, но все-таки дешевле 200 дней труда, необходимаго, чтобъ ей самой произвести его. Англія, слѣдственно, теперь не будетъ пользоваться исключительными выгодами сбереженія труда чрезъ взаимную торговлю.

Мы видимъ изъ этого изложенія, въ чемъ заключается благо внѣшней торговли. Не говоря уже о томъ, что она даетъ возможность народамъ получать произведенія, которыхъ они сами не могутъ добыть, выгода ея состоитъ въ болѣе дѣятельномъ приложеніи производительныхъ силъ обитаемаго міра. Еслибъ двѣ страны, вмѣстѣ торгующія, стали, по мѣрѣ возможности, производить всѣ предметы, которыми онѣ снабжаютъ теперь одна другую, то трудъ ихъ и капиталъ далеко не имѣли бы такой производительности; обѣ страны, въ этомъ случаѣ, не могли бы извлечь изъ своей промышлености того же количества произведеній, которое добываютъ онѣ, занимаясь каждая исключительнымъ производствомъ предметовъ, болѣе соотвѣтствующихъ дѣятельности ихъ труда.

Не приступая еще къ дальнѣйшему изслѣдованію, сравнимъ этотъ взглядъ на полезное дѣйствіе внѣшней торговли съ другими теоріями, объ этомъ предметѣ, прежде го-

сподствовавшими и въ нѣкоторой степени господствующими до-сихъ-поръ.

Согласно съ ученіемъ, здѣсь изложеннымъ, единственная прямая выгода иностранной торговли состоитъ въ привозныхъ товарахъ. Страна такимъ-образомъ получаетъ предметы, которыхъ она или вовсе не могла бы производить, или должна бы производить съ бо́льшею тратою капитала и труда, нежели ей сто́ятъ произведенія, вывозимыя въ уплату за эти предметы. Она получаетъ, слѣдственно, болѣе изобильное снабженіе продуктовъ, для нея необходимыхъ за тотъ же трудъ, за тотъ же капиталъ, или то же снабженіе за ме́ньшій трудъ, за ме́ньшій капиталъ, оставляя избытокъ ихъ на другое приложеніе. Обыкновенная теорія не принимаетъ въ разсчетъ этой пользы и полагаетъ, что выгода торговли заключается въ вывозѣ товаровъ, какъ-будто прибыль состоитъ въ произведеніяхъ, которыя иностранная торговля уноситъ изъ страны, а не въ произведеніяхъ, ею получаемыхъ. Распространеніе рынка для собственныхъ произведеній, обильное потребленіе для нихъ, сбытъ для ихъ излишка — обыкновенныя фразы, которыми эта теорія обозначаетъ пользу торговли съ иностранными государствами. Идеи эти понятны, если мы припомнимъ, что основатели и представители мнѣній о вопросахъ коммерческихъ до-сихъ-поръ составляли продающій классъ. Это ученіе, на самомъ дѣлѣ, есть уцѣлѣвшій остатокъ меркантильной системы, которая принимала, что деньги составляютъ единственное богатство, что продажа, или, другими словами, размѣнъ товаровъ на чистыя деньги представляютъ единственный способъ разбогатѣть для странъ, неимѣющихъ своихъ собственныхъ мѣсторожденій драгоцѣнныхъ металловъ, и что привозъ товаровъ, уносившихъ деньги, на столько уменьшалъ выгоды торговли.

Идея, допускавшая, что богатство заключается въ однѣхъ деньгахъ, давно погибла; но она оставила глубокіе слѣды, и даже разрушитель ея, Адамъ Смитъ, удержалъ нѣкоторыя мнѣнія, очевидно на ней основывающіяся. Адамъ Смитъ принимаетъ, что иностранная торговля полезна, потому-что она открываетъ сбытъ для излишка произведеній страны и даетъ возможность къ выгодному обращенію части ея капитала. Эти выраженія рождаютъ мысли совершенно противорѣчащія ясному взгляду на этотъ предметъ. Выраженіе *излишекъ произведеній* повидимому указываетъ, что страна находится въ необходимости производить хлѣбъ и сукно, которыя она вывозитъ, такъ-что часть этихъ продуктовъ, внутри непотребляемая, совершенно теряется, если она не находитъ потребителей въ другомъ мѣстѣ; соотвѣтствующій капиталъ остается безъ употребленія, если эти произведенія не выдѣлываются, и общая производительность страны должна на столько уменьшиться. Всѣ эти предположенія совершенно ошибочны. Страна производитъ вывозимые предметы въ излишкѣ, превышающемъ ея собственныя нужды, не по необходимости, но потому, что это для нея самый дешевый способъ снабжать себя другими предметами. Если остановить вывозъ этого избытка, то она прекратитъ его производство, прекратитъ также привозъ товаровъ, не имѣя возможности дать за нихъ соотвѣтствующей платы; но трудъ и капиталъ, которые были приложены къ производству предметовъ вывозной торговли, будутъ употреблены для добыванія желаемыхъ произведеній, привозимыхъ изъ за границы, или продуктовъ, ихъ замѣщающихъ. Производство этихъ предметовъ, конечно, будетъ дороже стоить нежели добываніе произведеній, на которыя они были прежде вымѣниваемы за границею, но цѣнность и цѣна ихъ подымется въ пропорціи, и приходы, доставляемые этою

новою отраслью промышлености производителямъ, точно также замѣстятъ капиталъ, съ обыкновенною прибылью; только потребители товаровъ, до сихъ-поръ привозимыхъ, будутъ въ потерѣ; они будутъ принуждены или обойдтись безъ нихъ и потреблять вмѣсто нихъ другіе предметы, можетъ-быть, не столь высокаго достоинства, или платить за нихъ дороже.

Общее понятіе о вліяніи торговли на экономію государства исполнено недоразумѣній. Когда говорится о торговлѣ какъ объ источникѣ народнаго богатства, воображеніе всегда останавливается болѣе на огромныхъ состояніяхъ, пріобрѣтаемыхъ купцами, не принимая въ разсчетъ пониженія цѣнъ въ пользу потребителей. Но прибыли купцовъ, если они не пользуются исключительными привилегіями, не превышаютъ вообще барышей, доставляемыхъ капиталами, въ самой странѣ употребленными. Если кто-нибудь скажетъ, что капиталъ, помѣщенный теперь въ иностранной торговлѣ, не можетъ быть употребленъ для снабженія внутреннихъ рынковъ, то я отвѣчу, что это совершенно несправедливое заключеніе. Мы не только видимъ, что капиталъ купца находитъ приложеніе; мы даже можемъ указать, какое это будетъ приложеніе. Это приложеніе создается. Съ прекращеніемъ отпускной торговли, останавливается также привозная торговля на соотвѣтствующую сумму, и часть доходовъ страны, истрачиваемая на привозные товары, будетъ употреблена на тѣ же предметы, которые теперь только производятся внутри, или на другія произведенія, ихъ замѣщающія. Торговля на самомъ дѣлѣ — средство къ удешевленію произвожденія; она облагодѣтельствуетъ потребителя. Купецъ получаетъ, въ заключеніе, во всякомъ случаѣ, свои барыши, даетъ ли онъ покупателю болѣе или менѣе произведеній за его деньги.

Такова, слѣдственно, прямая экономическая выгода внѣшней торговли. Но она, кромѣ того, оказываетъ другаго рода благодѣтельныя вліянія Одно изъ нихъ есть постоянное стремленіе къ усовершенствованію промышленныхъ процесовъ, обнаруживающееся съ расширеніемъ торговли. Страна, производящая для рынка болѣе обширнаго, неограничивающагося собственнымъ запросомъ, можетъ ввести болѣе дробное раздѣленіе труда, распространить приложеніе машинъ и сдѣлать новыя промышленныя изобрѣтенія и усовершенствованія. Всѣ обстоятельства, увеличивающія количество произведеній въ одномъ мѣстѣ, способствуютъ общему возростанію производительныхъ силъ нашей планеты. Другаго рода результатъ, особенно прилагаемый къ первоначальной степени промышленнаго развитія народа, заслуживаетъ неменьшаго вниманія. Народъ можетъ находиться въ бездѣятельномъ, безпечномъ, неразвитомъ состояніи; его желанія, его вкусы могутъ быть или грубо удовлетворены, или совершенно неразвиты; они недостаточны, чтобъ возбудить полную дѣятельность его производительныхъ силъ. Открытіе внѣшней торговли, знакомя его съ новыми предметами, или представляя возможность легкаго пріобрѣтенія предметовъ, недосягаемыхъ, по его понятіямъ, дѣлаетъ переворотъ въ странѣ, которой источники богатства предварительно не были разработаны, за недостаткомъ энергіи и самолюбія ея обитателей. Они довольствовались прежде самыми скудными удобствами жизни, работали мало: торговля побуждаетъ ихъ къ болѣе дѣятельному труду, для удовлетворенія вновь привившихся вкусовъ и желаній, и даже къ бо́льшей бережливости, къ накопленію капитала, чтобъ еще полнѣе удовлетворить этимъ желаніямъ на будущее время.

Но нравственное и умственное вліянія торговли далеко

превосходятъ ея экономическія выгоды. Каждый понимаетъ, какъ важно, при низкой степени человѣческаго усовершенствованія, въ настоящее время—какъ важно, говорю я — соприкосновеніе людей различныхъ между собою по образу мысли, по правамъ и дѣйствіямъ. Торговля теперь —главное средство для этого сближенія. Торговые промышленики болѣе образованныхъ странъ всегда были первыми просвѣтителями дикихъ народовъ. Торговля — цѣль главнѣйшихъ сношеній, существующихъ между образованными государствами. Кто будетъ сомнѣваться, что эти сношенія составляютъ всегда, и особенно въ настоящее время, одинъ изъ главныхъ источниковъ общественнаго усовершенствованія? Люди, уединяющіе, отчуждающіе себя, едвали бываютъ въ состояніи развить даже доброе качество, не впадая въ крайность, всегда вредную; для нихъ необходимо постоянно сравнивать свои понятія и обычаи съ опытностью и примѣрами другихъ людей, поставленныхъ въ другія обстоятельства. Нѣтъ націи, которая не нуждалась бы въ заимствованіи у другихъ народовъ не только успѣховъ въ искусствахъ и промышлености, но также существенныхъ качествъ характера для исправленія недостатковъ ихъ собственнаго типа. Наконецъ, торговля первая научила народы смотрѣть безъ зависти, съ благожеланіемъ на благосостояніе и богатство своихъ сосѣдей. Прежде патріотъ желалъ, чтобъ всѣ страны, исключая его собственнаго отечества, были слабы, бѣдны, имѣли худое управленіе; онъ видитъ теперь въ ихъ богатствѣ, въ ихъ успѣхахъ источники благосостоянія своей собственной страны. Не преувеличивая, можно сказать, что распространеніе и возростаніе внѣшней торговли есть постоянный залогъ непрерывнаго преуспѣянія идей, постановленій и правовъ человѣческаго рода.

Цѣнность произведеній въ каждой странѣ зависитъ отъ стоимости ихъ произвожденія ; но цѣнность произведенія, привозимаго издалека, и преимущественно изъ-за границы, не зависитъ отъ стоимости его произвожденія въ мѣстности, откуда оно вывезено. Отчего же она зависитъ? Цѣнность предмета въ каждой мѣстности зависитъ отъ стоимости его пріобрѣтенія, которая для предметовъ привозимыхъ означаетъ стоимость произвожденія вещей, отпускаемыхъ въ уплату за нихъ.

Такъ-какъ всякая торговля въ дѣйствительности — мѣна; деньги представляютъ только орудіе для размѣна предметовъ между собою: то мы предположимъ, для бо́льшей простоты, что она также совершается въ формѣ обыкновенной мѣны. До-сихъ-поръ мы находили вездѣ, что законы цѣнности существенно одинаковы, употребляются ли деньги или нѣтъ; онѣ не управляютъ этими общими законами, но подчинены имъ.

Итакъ, если Англія привозитъ вино изъ Испаніи, платя за каждую пипу тюкомъ сукна, то торговая цѣнность вина въ Англіи будетъ зависѣть не отъ стоимости его произвожденія въ Испаніи, но оттого, сколько стоила ей выдѣлка сукна. Хотя вино можетъ стоить въ Испаніи только десять дней труда, но если сукно стоитъ въ Англіи двадцать рабочихъ дней, то вино, будучи привезено въ Англію, должно быть вымѣниваемо на произведенія двадцатидневнаго труда *плюсъ* (+) расходы провоза и обыкновенная прибыль получаемая купцомъ на его капиталъ.

Слѣдственно цѣнность заграничнаго произведенія въ каждой странѣ зависитъ отъ количества внутреннихъ или домашнихъ произведеній, которыя должны быть даны иностранной землѣ въ обмѣнъ за него. Другими словами: цѣнность заграничныхъ произведеній зависитъ отъ условій раз-

мѣна между народами. Что жь опредѣляетъ эти условія? Почему въ приведенномъ примѣрѣ пипа испанскаго вина вымѣнивается именно на такое-то количество англійскаго сукна? Мы видѣли, эта причина не будетъ стоимость произвожденія одного которого-нибудь предмета. Намъ остается, слѣдовательно, какъ мы уже разъ дѣлали въ подобномъ затрудненіи, обратиться къ предшествующему закону снабженія и запроса, и въ немъ мы найдемъ опять рѣшеніе нашей задачи.

Этотъ вопросъ превосходно изслѣдованъ г. Миллемъ въ его опытахъ, на которые мы уже разъ ссылались, и выписка изъ этого сочиненія будетъ служить лучшимъ изложеніемъ точнаго взгляда на этотъ многосложный предметъ.

«Когда торговля утвердилась между двумя странами (говоритъ Миллъ) (*), произведенія одинаково размѣниваются въ обѣихъ странахъ, за исключеніемъ расходовъ провоза, которые для насъ будетъ удобнѣе теперь еще не принимать въ разсчетъ.

«Положимъ, что въ Англіи производство 10 ярдовъ ($12^1/_2$ аршинъ) сукна и 15 ярдовъ ($18^3/_4$ арш.) холста стоютъ равнаго труда, который въ Германіи соотвѣтствуетъ 20 ярдамъ (25 аршинъ) холста». При такомъ предположеніи въ выгодахъ Англіи будетъ привозить холстъ изъ Германіи, для которой будетъ также выгодно получать сукно изъ Англіи. «Когда эти страны производили оба эти предмета для своего собственнаго потребленія, 10 ярдовъ сукна въ Англіи вымѣнивались на 15 ярдовъ холста, и въ Германіи—на 20 ярдовъ того же продукта. Теперь это количество сукна должно размѣниваться, въ обѣихъ странахъ, на одинаковое число ярдовъ холста — какое же это будетъ число? Если 15

(*) Essays on some unset. quaes. of. pol. ec. Ess. I.

ярдовъ, то положеніе Англіи не измѣнится и вся прибыль останется на сторонѣ Германіи; если 20 ярдовъ, то Германія будетъ въ томъ же положеніи, а Англія извлечетъ всю пользу. Если число ярдовъ будетъ среднее между 15 и 20, то выгоды будутъ раздѣлены между двумя странами. Положимъ, что, вслѣдствіе *торга* (higgling), 10 ярдовъ сукна будутъ вымѣниваться въ обѣихъ странахъ на 17 ярдовъ холста.

«Запросъ на произведеніе, то есть количество его, находящее покупщиковъ, измѣняется, какъ мы прежде замѣтили, сообразно съ цѣною. Въ Германіи цѣна 10 ярдовъ сукна будетъ 17 ярдовъ холста. Положимъ, количество его, удовлетворяющее запросу, будетъ 1000 разъ 10 ярдовъ.

«Обратимъ вниманіе наше на Англію: здѣсь цѣна 17-ти ярдовъ холста будетъ 10 ярдовъ сукна. Положимъ, что запросъ на него равняется 1000 разъ 17 ярдовъ.

«17 ярдовъ холста относятся къ 10 ярдамъ сукна какъ 1000 разъ 17 ярдовъ къ 1000 разъ 10-ти ярдамъ. При существующей торговой цѣнности холстъ, требуемый Англіею, точно уплачиваетъ за количество сукна, требуемаго на тѣхъ же условіяхъ Германіею. Запросъ съ каждой стороны совершенно достаточенъ, чтобъ унести снабженіе, предлагаемое другою стороною. Условія, полагаемыя закономъ запроса и снабженія исполнены, и оба произведенія будутъ взаимно размѣниваться, какъ мы предположили, въ пропорціи 17 ярдовъ холста къ 10 ярдамъ сукна.

«Итакъ, мы можемъ считать за правило, что когда двѣ страны ведутъ взаимную торговлю двумя произведеніями, торговая цѣнность ихъ, въ отношеніи одного къ другому, приноровливается согласно съ обстоятельствами и требованіями потребителей въ обѣихъ странахъ такимъ образомъ, что количество произведеній, ими требуемыхъ и привози-

мыхъ, должны быть достаточны, чтобъ взаимно уплачивать одно другимъ. Обстоятельства и требованія потребителей не могутъ быть подведены подъ правило; точно также и пропорціи, въ которыхъ два произведенія взаимно обмѣниваются, не могутъ быть подчинены ему. Мы знаемъ, что границы или предѣлы измѣненія членовъ пропорціи представляютъ отношенія между стоимостью произвожденія этихъ продметовъ въ каждой странѣ. Десять ярдовъ сукна не могутъ быть промѣнены болѣе, чѣмъ на 20 ярдовъ и менѣе чѣмъ на 15 ярдовъ холста, но они могутъ быть вымѣнены на каждое между ними среднее число. Слѣдственно пропорціи, въ которыхъ выгоды торговли раздѣляются между націями, бываютъ различны, и обстоятельства, опредѣляющія соотвѣтствующее участіе каждой страны въ этихъ выгодахъ, допускаютъ только общее указаніе.»

Въ этомъ изложеніи, я нахожу, заключается первое основное правило, которому подчинены цѣнности внѣшней торговли. Приведенный примѣръ, какъ это необходимо въ подобныхъ, отвлеченныхъ и ипотетическихъ случаяхъ представляетъ обстоятельства гораздо менѣе сложныя, нежели они существуютъ на самомъ дѣлѣ. Мы не приняли въ разсчетъ, во-первыхъ, расходовъ провоза и, во-вторыхъ, мы предположили только двѣ страны, ведущія взаимную торговлю, которая ограничивается только двумя произведеніями.

Введя теперь элементъ расходовъ провоза, мы найдемъ главное различіе въ пропорціи, сообразно съ которою сукно и холстъ взаимно обмѣниваются въ обѣихъ странахъ. Холстъ, привезенный въ Англію, будетъ стоить дороже, точно также, какъ и сукно, привезенное въ Германію. Положимъ, расходы провоза каждаго произведенія будутъ соотвѣтствовать одному ярду холста. Мы предположили, что условія взаимнаго обмѣна этихъ произведеній были 10 яр-

мѣръ, который требуется въ Германіи, и что количество желѣза (назовемъ это центнеръ) стоимостью равное въ Англіи 10 ярдамъ сукна, въ Германіи стóитъ 18 ярдовъ холста. Если Англія предложитъ Германіи этотъ продуктъ за 17 ярдовъ, то она перебьетъ цѣну германскихъ производителей. При этихъ обстоятельствахъ 17 ярдовъ холста будутъ условленною цѣнностью размѣна: если Германія и не возьметъ достаточнаго количества сукна, чтобъ заплатить за весь холстъ, требуемый Англіею, то она приметъ отъ нея въ добавокъ желѣзо, центнеръ (три пуда) котораго стóитъ послѣдней то же самое, чтó стóятъ 10 ярдовъ сукна. Если мы приложимъ на сторонѣ Англіи каменный уголь, бумажныя ткани, и на сторонѣ Германіи — вино, хлѣбъ, лѣсъ, то это не сдѣлаетъ различія въ правилѣ, нами установленномъ. Товары, отпускаемые каждою страною, должны въ точности уплачивать за товары привозимые; мы разумѣемъ теперь общія массы, общіе итоги привозной и отпускной торговли.

Если спросятъ послѣ этого, какая страна извлекаетъ бóльшія выгоды изъ торговли, ею производимой, мы отвѣтимъ: та, которой произведенія болѣе требуются въ другихъ странахъ, особенно, если этотъ запросъ можетъ быть еще болѣе увеличенъ чрезъ удешевленіе ихъ. Соразмѣрно съ цѣнностью ея продуктовъ, она получаетъ дороже или дешевле всѣ иностранныя произведенія: чѣмъ сильнѣе запросъ въ иностранныхъ государствахъ на товары, ею отпускаемые, тѣмъ дешевле она добываетъ всѣ привозимые товары. Она получаетъ ихъ также тѣмъ сходнѣе, чѣмъ ограниченнѣе ея собственный запросъ. Страна, требующая немногихъ чужеземныхъ произведеній въ ограниченномъ количествѣ, между-тѣмъ, какъ на ея собственные продукты существуетъ большой запросъ въ иностранныхъ земляхъ,

получаетъ всегда свое ограниченное количество привозныхъ товаровъ по необыкновенно дешевой цѣнѣ, то есть вымѣнивая ихъ на продукты очень ограниченнаго количества труда и капитала.

Введемъ, наконецъ, въ нашу ипотезу нѣсколько странъ вмѣсто двухъ. Положимъ, послѣ того, какъ запросъ Англіи на нѣмецкій холстъ возвысилъ условія размѣна до 10 ярдовъ сукна за 16 ярдовъ холста, она открываетъ торговлю съ другою страною, которая отпускаетъ также холстъ. Положимъ, Англія, торгуя только съ этою третьею страною, вслѣдствіе обоюдныхъ требованій, имѣетъ возможность получить отъ нея за 10 ярдовъ сукна равноцѣнные имъ 17 ярдовъ холста: очевидно она не станетъ покупать это произведеніе у Германіи, на прежнихъ условіяхъ, и, подобно третьей странѣ, Германія будетъ принуждена дать 17 ярдовъ. Теперь открывается двойной рынокъ для англійскихъ произведеній, между-тѣмъ, какъ запросъ ея на холстъ остается тотъ же: это обстоятельство необходимо заручаетъ Англіи выгодныя условія размѣна. Двѣ страны, вмѣстѣ требующія гораздо болѣе ея произведеній, нежели каждая изъ нихъ отдѣльно, чтобъ получить ихъ, должны стараться увеличить запросъ Англіи на товары, ими отпускаемые, предлагая ихъ по низшей цѣнности.

Законъ, который мы объяснили теперь ипотетическими примѣрами, можетъ быть совершенно прилично названъ уравненіемъ внѣшняго или заграничнаго запроса. Его можно выразить въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: произведенія одной страны обмѣниваются на произведенія другихъ странъ по такимъ цѣнностямъ, что отпускъ ея товаровъ въ точности уплачиваетъ за товары привозимые. Этотъ законъ заграничныхъ цѣнностей представляетъ распространеніе болѣе общаго закона, который мы назвали уравненіемъ запроса и снаб-

женія. Теперь разсмотримъ, въ какой степени дѣйствуютъ на эти цѣнности перемѣны въ стоимости произвожденія, напримѣръ, вслѣдствіе усовершенствованія процесовъ промышленныхъ.

Мы видѣли: цѣнность, по которой страна покупаетъ заграничныя произведенія, не сообразуется съ стоимостью ихъ произвожденія на мѣстѣ. Положимъ теперь, эта стоимость измѣняется, какъ мы сказали, напримѣръ, вслѣдствіе усовершенствованія мануфактурнаго процеса. Будутъ ли участвовать другія страны въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ этого усовершенствованія? Будетъ ли произведеніе продаваться иностранцамъ такъ же дешево, какъ оно добывается? Положимъ, что вслѣдствіе механическаго изобрѣтенія, сдѣланнаго въ Германіи, и которое не можетъ быть перенесено въ Англію, то же количество труда и капитала производитъ, вмѣсто 20 ярдовъ холста, 30 ярдовъ. Цѣнность этого продукта на германскихъ рынкахъ упадетъ на одну треть, въ сравненіи съ другими произведеніями Германіи. Понизится ли его цѣнность на одну треть въ отношеніи англійскаго сукна? воспользуется ли такимъ образомъ Англія наравнѣ съ Германіею всѣми выгодами усовершенствованія?

Очевидно, что вначалѣ усовершенствованіе понизитъ цѣнность германскихъ полотенъ въ отношеніи всѣхъ произведеній на тамошнемъ рынкѣ, включая, между-прочимъ, также и привозный товаръ—сукно. Если предварительно 10 ярдовъ сукна вымѣнивались на 17 ярдовъ холста, то теперь они будутъ вымѣниваться на количество вполовину бо̀льшее, именно на $25^1/_2$ ярдовъ. Но продолжится ли постоянно подобный размѣнъ на такихъ условіяхъ? Это зависитъ отъ вліянія увеличившейся дешевизны на заграничное требованіе. Запросъ на холстъ въ Англіи, конечно, уве-

личится, но его возростаніе можетъ быть или пропорціонально дешевизнѣ, или болѣе или менѣе этой пропорціи.

Если запросъ увеличивается пропорціонально дешевизнѣ, то Англія возьметъ столько же ярдовъ холста, какъ и прежде и истратитъ на него то же количество сукна. Германія, съ своей стороны, на этихъ условіяхъ, вѣроятно, потребуетъ то же количество сукна, которое будетъ ей стоить то же самое, потому-что $25^1/_2$ ярдовъ холста на ея рынкѣ имѣютъ цѣнность равную 17 ярдамъ. Въ этомъ случаѣ, слѣдственно, 10 ярдовъ сукна за $25^1/_2$ ярдовъ холста будутъ новыми условіями размѣна, которыя возстановятъ уравненія заграничнаго запроса, и Англія станетъ получать холстъ дешевле на одну треть, одинаково участвуя въ выгодахъ Германіи.

Можетъ случиться, однакожь, что дешевизна холста увеличитъ запросъ на него въ Англіи въ бо̀льшей пропорціи, и что если она прежде требовала 1700 ярдовъ, то теперь она потребуетъ болѣе чѣмъ 25,500. Въ такомъ случаѣ, уравненіе заграничнаго вопроса не можетъ установиться на тѣхъ же условіяхъ. Чтобъ заплатить за холстъ, Англія должна предложить свое сукно на условіяхъ болѣе выгодныхъ для Германіи, напримѣръ, 10 ярдовъ за 21 ярдъ. Такимъ-образомъ Англія не воспользуется всѣми выгодами усовершенствованія въ выдѣлкѣ холста, между-тѣмъ, какъ Германія, въ добавокъ къ нимъ, будетъ платить дешевле за сукно.

Опять возможно также, что Англія не захочетъ увеличить своего потребленія холста даже пропорціонально его удешевленію; что она не потребуетъ даже такого большаго количества, какъ 25,500 ярдовъ, Въ этомъ случаѣ Германія должна стараться увеличить этотъ запросъ, предлагая болѣе чѣмъ $25^1/_2$ ярдовъ холста за 10 ярдовъ сукна. Холстъ

подешевѣетъ въ Англіи въ высшей степени, нежели въ Германіи, которая, между-тѣмъ будетъ получать сукно на менѣе выгодныхъ условіяхъ.

Между этими тремя возможными видами вліянія дешевизны на запросъ: который видъ представляетъ наибольшую вѣроятность? Это зависитъ отъ свойства самаго произведенія и отъ вкуса покупателей. Если произведеніе въ общемъ требованіи, какъ, напримѣръ, кофе, сахаръ, и пониженіе его цѣны дѣлаетъ его доступнымъ для бо̀льшаго класса потребителей, то запросъ на него часто увеличивается болѣе нежели пропорціонально пониженію цѣны его, и бо̀льшая сумма тратится на этотъ предметъ. Но чаще случается, что когда цѣна произведенія падаетъ, на него истрачивается менѣе денегъ; и хотя потребляется бо̀льшее количество его, но которое, однакожь, представляетъ меньшую цѣнность. Потребитель, сберегающій деньги чрезъ удешевленіе предмета, тратитъ часть своей экономіи на другія произведенія; и если низкая цѣна его не привлечетъ болѣе обширнаго класса покупателей, которые вовсе не были, или были только его случайными потребителями, то ме́ньшая сумма будетъ на него истрачена. Говоря вообще, слѣдственно изъ трехъ названныхъ случаевъ, третій есть самый вѣроятный, и усовершенствованіе въ выдѣлкѣ отпускаемаго произведенія будетъ одинаково благодѣтельно для иностранныхъ земель (если не болѣе), какъ и для страны, гдѣ это произведеніе выдѣлывается.

Въ предъидущемъ изложеніи закона заграничныхъ цѣнностей мы нашли, что отпускъ и привозъ товаровъ должны взаимно оплачиваться и товары вымѣниваться, слѣдственно, по такимъ цѣнностямъ, которыя соотвѣтствуютъ уравненію заграничнаго запроса. Это указаніе, однакожь, не представляетъ полнаго закона явленія, потому-что, какъ мы нѣсколь-

ко разъ замѣтили, различныя цѣнности могутъ одинаково удовлетворять условіямъ этого закона.

Мы видили, что въ нашемъ первоначальномъ предположеніи, изъ котораго этотъ законъ выведенъ, 10 ярдовъ сукна и 17 ярдовъ холста, взаимно обмѣниваемые, представляли заграничныя цѣнности.

Но совершенно возможно, что другія цѣнности, напримѣръ 10 ярдовъ сукна и 18 ярдовъ холста, также отвѣтвѣтствуютъ условіямъ уравненія заграничнаго запроса. Положимъ, что за эту цѣнность (10 ярдовъ сукна за 18 ярдовъ холста) Англія потребуетъ холста болѣе, нежели въ предъидущемъ случаѣ, когда она получала только 17 ярдовъ его за то же количество сукна, но что это увеличеніе запроса не будетъ пропорціонально дешевизнѣ: она не потребуетъ 18000 ярдовъ холста, которые она можетъ купить теперь за 10000 ярдовъ сукна, но удовольствуется 17500 ярдами этого продукта, за которые она заплатитъ (по новымъ цѣнностямъ) 9722 ярда своего произведенія. Германія, съ своей стороны, будучи принуждена платить дороже за сукно, ограничитъ свое потребленіе и удовольствуется, можетъ-быть, также 9722 ярдами сукна. Такимъ-образомъ уравненіе заграничнаго запроса будетъ существовать при новыхъ условіяхъ, при другихъ цѣнностяхъ.

Чтобъ пополнить этотъ недостатокъ, мы должны взять во вниманіе не только количество запроса въ каждой странѣ на товары привозимые, но также ея средства, которыя освобождаетъ перемѣна въ направленіи ея промышленности, чтобъ удовлетворить этому запросу.

Чтобъ объяснить этотъ пунктъ, намъ необходимо выбрать для примѣра цифры болѣе удобныя, нежели которыя мы до-сихъ-поръ употребляли. Положимъ, что въ Англіи, до открытія торговли, 100 аршинъ сукна вымѣнивались на

100 аршинъ холста, но что въ Германіи 100 аршинъ сукна вымѣниваются на 200 аршинъ холста. Съ открытіемъ торговли, Англія будетъ снабжать сукномъ Германію и брать за него холстъ по цѣнности, которая частью зависитъ отъ элемента, уже нами разсмотрѣннаго, именно, отъ сравнительнаго вліянія дешевизны на увеличеніе запроса въ обѣихъ странахъ, и частью отъ другаго элемента, до-сихъпоръ еще нами непринятаго въ разсчетъ. Чтобъ отдѣлить этотъ неизвѣстный элементъ, для насъ необходимо сдѣлать опредѣленное и постоянное предположеніе въ отношеніи извѣстнаго намъ элемента. Допустимъ, слѣдственно, что вліяніе дешевизны на запросъ сообразуется съ какимъ-нибудь простымъ закономъ, одинаково дѣйствующимъ въ обѣихъ странахъ на оба произведенія. Допустимъ, какъ самое удобное и самое простое предположеніе, что возростаніе потребленія совершается въ обѣихъ странахъ пропорціонально возростающей дешевизнѣ, или, другими словами, что цѣнность, истрачиваемая на покупку произведенія, расходы его пріобрѣтенія всегда одинаковы, доставляютъ ли они бо́льшее или ме́ньшее количество этого продукта.

Предположимъ теперь, что Англія, до открытія торговли, требовала 1,000,000 аршинъ холста, которые стоили (принимая въ разсчетъ расходы произвожденія) 1,000,000 аршинъ сукна. Обративъ на исключительное производство этого послѣдняго издѣлія весь трудъ и капиталъ, до-сихъпоръ употребляемые этою страною на выдѣлку холста, она будетъ въ возможности произвести лишній мильонъ аршинъ сукна для отпускной торговли. Положимъ, что Германія обыкновенно потребляетъ именно это количество. Англія можетъ сбыть все свое сукно по тамошней цѣнности, разумѣется, вначалѣ понизивъ ее нѣсколько, чтобъ подорвать германскихъ производителей, и такимъ об-

разомъ одна только воспользуется всѣми выгодами торговли.

Но положимъ, что Германія требовала только 800,000 аршинъ сукна, равноцѣнныхъ по тамошней стоимости произвожденія 1,600,000 аршинъ холста, между-тѣмъ, какъ Англія могла произвести на капиталъ, извлеченный изъ льняной промышлености, 1,000,000 аршинъ сукна для отпускной торговли. Англія требуетъ, невзирая на цѣны, какъ мы предположили, столько холста, сколько она можетъ купить за 1,000,000 аршинъ сукна; и такъ-какъ это количество или должно быть получено изъ Германіи, или добыто внутри съ бо́льшими расходами, то англійскіе купцы, при своемъ совмѣстничествѣ, будутъ принуждены уступить Германіи свое сукно по всякой другой цѣнности (не ниже только его стоимости произвожденія), чтобъ склонить ее взять цѣлое количество его. Какая же эта будетъ цѣнность? Предположеніе, нами, сдѣланное, даетъ намъ возможность съ точностью опредѣлить ее: 800,000 аршинъ сукна, потребляемыхъ Германіею, стоютъ ей 1,600,000 аршинъ холста, и она охотно тратитъ эту цѣнность на сукно, получаетъ ли она за нея бо́льшее или ме́ньшее количество его. Англія, слѣдственно, чтобъ склонить Германію взять у нея 1,000,000 аршинъ сукна, должна предложить его ей за 1,600,000 аршинъ холста. 100 аршинъ сукна за 160 аршинъ холста будутъ такимъ-образомъ заграничныя цѣнности средніе между отношеніями расходовъ, или стоимости произвожденія этихъ предметовъ въ Англіи и Германіи; и обѣ страны будутъ одинаково участвовать въ выгодахъ торговли: Англія въ сложности выиграетъ 600,000 аршинъ холста, а Германія выгадаетъ лишніе 200,000 аршинъ сукна.

Теперь продолжимъ далѣе наше послѣднее предположеніе и допустимъ, что Германія первоначально потребляла

не только менѣе 1,000,000 аршинъ сукна, которыми ее можетъ снабжать Англія, прекративъ производства холста, но даже менѣе количества, представляющаго выгоду Англіи, то есть, что Германія требовала только 500,000 арш. сукна. Въ этомъ случаѣ, прекративъ совершенно выдѣлку сукна, Германія можетъ увеличить на 1,000,000 аршинъ, но не болѣе, производство холста; и это количество, соотвѣтствующее стоимости произвожденія полумильона аршинъ сукна, она можетъ только истратить, при всякой возможной дешевизнѣ, на пріобрѣтеніе этой ткани. Англія будетъ принуждена, вслѣдствіе совмѣстничества ея купцовъ, уступить Германіи 1,000,000 аршинъ сукна за 1,000,000 аршинъ холста; но за эту цѣну она могла выдѣлывать свой собственный холстъ: всѣ выгоды внѣшней торговли поэтому, въ семъ случаѣ остаются на сторонѣ Германіи, которая получаетъ за ту же цѣнность мильонъ аршинъ сукна вмѣсто полумильона.

Общій результатъ этихъ трехъ случаевъ открываетъ намъ, что, допуская точную пропорціональность между запросомъ и дешевизною, законъ заграничныхъ цѣнностей будетъ слѣдующій:

Цѣлое количество сукна, которое Англія можетъ выдѣлать на капиталъ, извлеченный изъ льняной промышленности, вымѣнивается на цѣлое количесто холста, которое Германія имѣетъ возможность выдѣлать съ капиталомъ, предварительно употребленнымъ на производство сукна.

Или, выражая этотъ законъ въ формѣ болѣе общей:

Всѣ произведенія, выдѣлываемыя двумя странами для отпускной торговли, съ помощью труда и капитала, которые извлекаетъ изъ внутренней промышлености привозная торговля, взаимно обмѣниваются, совершенно уплачивая отпускомъ за привозъ.

Мы пришли теперь къ простѣйшему и повидимому наиболѣе общему закону заграничныхъ цѣнностей; но мы дошли до него, принявъ за основаніе совершенно произвольную ипотезу о существующемъ отношеніи между запросомъ и дешевизною. Мы допустили, что это отношеніе постоянно, хотя оно въ сущности измѣняется. Соединимъ теперь два измѣняющіеся элемента задачи, перемѣны которыхъ мы разсматривали отдѣльно. Предположимъ теперь, что соотношеніе между запросомъ и дешевизною измѣняется; что, напримѣръ, запросъ Англіи на холстъ совершенно пропорціоналенъ пониженію его цѣнности, между-тѣмъ, какъ требованіе Германіи на сукно непропорціонально ему. Мы видѣли въ второмъ случаѣ, въ предъидущей ипотезѣ, Англія, прекративъ производство холста, могла выдѣлать 1,000,000 арш. сукна для отпускной торговли, и Германія, оставивъ фабрикацію сукна, могла произвести 1,600,000 арш. холста для той же цѣли. Если эти количества въ совершенной точности обмѣниваются одно на другое, то запросъ Англіи будетъ удовлетворенъ, потому-что она требуетъ весь холстъ, который она можетъ только получить за 1,000,000 арш. сукна; но Германія, требовавшая 800,000 арш. сукна, стоимостью равныхъ 1,600,000 аршинамъ холста, имѣя возможность пріобрѣсти за ту же цѣнность 1,000,000 арш. сукна, потребуетъ, согласно съ нашимъ теперешнимъ предположеніемъ, или болѣе или менѣе этого количества. Допустимъ, *во-первыхъ*, что количество ея запроса ограничивается 1,500,000 аршинъ холста, которые она рѣшается истратить на покупку сукна; за эти 1,500,000 аршинъ Англія будетъ все-таки предлагать ей 1,000,000 арш. своего произведенія; но положимъ, что даже выгода этого условія не можетъ склонить Германію взять у нея такое большое количество, какъ 1,000,000 аршинъ. Если Англія продолжаетъ тратить

то же самое на холстъ, какова бы ни была цѣна его, то она готова промѣнять 1,000,000 аршинъ сукна на какое угодно количество холста, разумѣется, только не менѣе 1,000,000 арш., чтобъ склонить Германію взять у нея 1,000,000 арш. своего сукна. Положимъ, это количество будетъ 1,400,000 аршинъ: въ этомъ случаѣ выгода, извлекаемая Англіею изъ торговли, представляетъ только 400,000 арш. холста вмѣсто 600,000 арш., между-тѣмъ, какъ Германія получаетъ 200,000 лишнихъ аршинъ сукна и пріобрѣтаетъ ихъ только за $^{7}/_{8}$ количества труда и капитала, которыя она тратила первоначально, производя сама этотъ продуктъ, и излишекъ она можетъ обратить на увеличеніе своего собственнаго потребленія холста, или всякаго другаго произведенія.

Во-вторыхъ, положимъ, что Германія, платя 1,600,000 арш. холста за 1,000,000 арш. сукна, требуетъ его въ бо́льшемъ количествѣ. Англія производитъ для отпускной торговли только 1,000,000 арш. сукна; Германія, поэтому, будетъ принуждена предложить за него высшую цѣнность, напримѣръ 170 ар. холста за 100 ар. сукна, которая или уменьшитъ ея собственный запросъ до первоначальной цифры, или склонитъ Англію къ сбыту сукна, первоначально ею внутри потребляемаго.

Въ третьихъ, предположимъ теперь, что пропорціональность запроса и дешевизны не существуетъ въ обѣихъ странахъ; что ни одна изъ нихъ не увеличиваетъ своего требованія въ равномѣрной степени съ возростаніемъ дешевизны. Согласно съ этимъ предположеніемъ, принимая, какъ цѣнность, 160 ар. холста за 100 ар. сукна, Англія и Германія потребуютъ менѣе этихъ продуктовъ. Если запросъ ихъ уменьшится въ одинаковой степени на одну десятую, напримѣръ, если Англія потребуетъ только 1,440,000 арш. холста, а Германія—900,000 арш. сукна, то размѣнъ этихъ произведеній будетъ продолжаться

по той же самой цѣнности; мы найдемъ то же самое, когда запросъ обѣихъ странъ увеличится на одну десятую. Очевидно, такая точная соотвѣтственность между обѣими странами можетъ быть только дѣломъ случая, и она, замѣтимъ, не предполагаетъ ни равенства, ни соотношенія между запросомъ и дешевизною. Требованіе Германіи на сукно увеличивается здѣсь на одну восьмую, а дешевизна его—на одну четверть; требованіе Англіи на холстъ возростаетъ на 44 процента, а дешевизна его—на 60 процентовъ. Во всякомъ другомъ случаѣ уравненіе заграничнаго запроса требуетъ различнаго приноровленія заграничныхъ цѣнностей.

Такимъ-образомъ мы можемъ постановить здѣсь слѣдующій общій законъ. Цѣнности, по которымъ каждая страна обмѣниваетъ свои произведенія иностраннымъ землямъ, зависятъ отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ количества и возможнаго увеличенія ихъ запроса на ея произведенія въ сравненіи съ ея собственнымъ запросомъ на чужеземные продукты, и во-вторыхъ, отъ капитала, ею сберегаемаго чрезъ ограниченія производства предметовъ, внутренней промышленности, предназначаемыхъ для ея собственнаго потребленія. Чѣмъ болѣе заграничный запросъ на ея произведенія превышаетъ ея требованія на иностранные продукты и чѣмъ менѣе она сберегаетъ капитала для производства предметовъ отпускной торговли, тѣмъ выгоднѣе для нея условія размѣна, или заграничныя цѣнности, то есть тѣмъ болѣе она получаетъ иностранныхъ произведеній въ обмѣнъ за опредѣленное количество своихъ собственныхъ продуктовъ.

Мы перейдемъ теперь къ другой существенной части теоріи разсматриваемаго нами предмета. Произведенія, получаемыя страною черезъ заграничную торговлю, представляютъ де-

шевизну двоякаго рода: въ отношеніи цѣнности и въ отношеніи стоимости. Въ первомъ случаѣ, эта дешевизна увеличивается съ пониженіемъ цѣнности предмета въ сравненіи съ другими произведеніями, когда то же количество ихъ вымѣнивается на его мéньшее количество. Такимъ-образомъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ всѣ потребители холста въ Англіи, послѣ открытія торговли въ Германіею, получали 17 аршинъ его, и болѣе, за то же количество произведеній, за которое они прежде вымѣнивали только 15 аршинъ его. Степень дешевизны въ этомъ смыслѣ зависитъ отъ законовъ заграничнаго запроса, такъ подробно нами разсмотрѣнныхъ. Но во второмъ случаѣ — въ отношеніи стоимости, страна получаетъ произведенія дешевле, когда она пріобрѣтаетъ ихъ въ бóльшемъ количествѣ, при одинаковомъ расходѣ капитала и труда. Дешевизна въ этомъ смыслѣ зависитъ въ значительной степени отъ другой причины. Страна получаетъ привозные товары дешевле пропорціонально общей производительности своей внутренней промышлености, пропорціонально общей дѣятельности труда. Трудъ одной страны вообще можетъ быть дѣятельнѣе труда другой страны, и добываніе всѣхъ, или бóльшей части, ихъ собственныхъ продуктовъ можетъ стоить менѣе въ одной изъ нихъ, чтò, какъ мы видѣли, однакожь, не препятствуетъ взаимному размѣну произведеній. Страна, пользующаяся этимъ промышленнымъ превосходствомъ, будетъ, конечно, ввозить такіе предметы, въ которыхъ превосходство ея наименьшее; но, привозя ихъ, она получитъ выгоды, доставляемыя предметами, отпускаемыми въ обмѣнъ за нихъ. Такимъ-образомъ страны, добывающія свои собственныя произведенія, съ наименьшими расходами, получаютъ также дешевле товары привозимые.

Это заключеніе будетъ еще очевиднѣе, если мы вообра-

зимъ себѣ два соперничествующія государства: Англія отправляетъ свое сукно въ Германію и даетъ 10 арш. его за 17 арш. холста. Другая страна, Франція, напримѣръ, дѣлаетъ тоже самое и платитъ также 10 арш. сукна за извѣстное количество нѣмецкихъ произведеній. Если, слѣдственно, въ Англіи эти 10 арш. сукна производятся съ трудомъ вполовину мѣньшимъ, нежели во Франціи, то холстъ и другія произведенія Германіи будутъ стоить ей вполовину дешевле. Англія такимъ-образомъ будетъ получать всѣ привозные товары дешевле, нежели Франція, пропорціонально бо̀льшей дѣятельности труда, полагаемаго на выдѣлку сукна, и которая можетъ быть принята въ предполагаемомъ случаѣ за приблизительное опредѣленіе дѣятельности ея труда вообще, потому-что Франція, вѣроятно, подобно Англіи, избрала сукно для отпуска какъ произведеніе, обнаруживающее наивысшую степень ея промышленной дѣятельности. Слѣдственно каждая страна получаетъ товары привозные дешевле пропорціонально общему совершенству ея труда.

Оканчивая наше теоретическое изслѣдованіе внѣшней торговли, мы находимъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о такъ-называемомъ подрывѣ торговли, которому меркантильная система придавала особенную важность. Подорвать торговлю другихъ странъ и противодѣйствовать подрыву своей собственной торговли—составляетъ почти исключительную цѣль произвожденія, по мнѣнію защитниковъ этой системы. Народы раздѣляли чувство соперничествующихъ купцовъ, которое подавляло въ теченіе столѣтій идею общаго блага, извлекаемаго коммерческими странами изъ взаимнаго благосостоянія.

Но даже и при самомъ просвѣщенномъ взглядѣ на результаты и значеніе внѣшней торговли, должно допустить суще-

17, но даже болѣе 20 ярдовъ холста. Иначе соперничество принудитъ только Германію платить дороже за сукно, но не лишитъ ее возможности вывозить холстъ. Слѣдственно страна, которая можетъ подорвать Германію, во-первыхъ, должна выдѣлывать холстъ дешевле ея и, во-вторыхъ, должна имѣть такой запросъ на сукно и другія англійскія произведенія, который принуждаетъ ее предложить Англіи условія болѣе выгодныя, платя, напримѣръ, 21 ярдъ холста за 10 ярдовъ сукна.

Такимъ-образомъ опасеніе постояннаго подрыва, повидимому, не такъ дѣйствительно и обнаруживается, когда въ виду предстоитъ не совершенная потеря торговли, но только уменьшеніе прибыли, невыгода, преимущественно падающая на потребителей иностранныхъ произведеній, а не на производителей или торговцовъ предметами отпускаемыми.

Я полагаю, это — истинная теорія подрыва.

Согласно съ этимъ ученіемъ, торговля страны можетъ быть подорвана, если другая соперничествующая страна имѣетъ сильное побужденіе положить свой трудъ и капиталъ на выдѣлку ею отпускаемаго произведенія, находя, что такимъ образомъ она сберегаетъ болѣе труда и капитала. Подрывъ, слѣдственно, хотя вредитъ одной странѣ, но доставляетъ выгоду цѣлому обществу, потому-что, вновь открывающаяся торговля сберегаетъ трудъ и капиталъ, составляющіе общее достояніе человѣчества, и увеличиваетъ общую массу богатства. Эта выгода, конечно, состоитъ въ возможности получить продуктъ или лучшаго качества, или съ мéньшимъ трудомъ, или въ кратчайшее время. Она можетъ быть слѣдствіемъ или естественныхъ преимуществъ, заключающихся въ почвѣ, климатѣ, богатствѣ мѣсторожденій минеральныхъ, или можетъ быть слѣдствіемъ особенной способности рабочихъ, или лучшаго раздѣленія труда,

или усовершенствованія механическихъ орудій. Но эта теорія не допускаетъ, какъ дѣйствующую причину, вліянія низкой заработной платы вообще, которое обыкновенно выдвигаютъ впередъ, чтобъ объяснить возможность подрыва.

Но справедливо ли это вліяніе? Даетъ ли возможность низкая заработная плата продавать произведенія дешевле на заграничномъ рынкѣ? Я разумѣю, конечно, плату вообще, существующую въ цѣлой производительной промышлености страны.

Если заработная плата въ какой-нибудь отрасли промышлености, снабжающей отпускную торговлю, поддерживается искусственнымъ образомъ, или вслѣдствіе случайной причины, ниже обыкновеннаго вознагражденія за трудъ, въ этой странѣ существующаго, то это обстоятельство составляетъ дѣйствительное преимущество на заграничномъ рынкѣ. Оно понижаетъ сравнительную стоимость произвожденія продуктовъ этой отрасли промышлености, въ отношеніи къ другимъ предметамъ; оно производитъ то же самое дѣйствіе, какъ и уменьшеніе самаго труда. Возьмемъ, напримѣръ, промышленость Соединенныхъ Штатовъ, въ отношеніи нѣкоторыхъ продуктовъ. Въ этой странѣ табакъ и хлопчатая бумага — два главные предмета отпуска — преимущественно произведенія труда невольника, между-тѣмъ, какъ хлѣбопашество и мануфактурная промышленость составляютъ занятіе свободныхъ работниковъ, которые или работаютъ на свой собственный счетъ, или получаютъ условленную плату. При всей недостаточной дѣятельности труда невольника, нѣтъ сомнѣнія, что въ странѣ, гдѣ за свободный трудъ платится такъ дорого, работа, исполняемая невольниками, представляетъ большія выгоды для капиталиста. Эта меньшая стоимость труда, въ приложеніи только къ

нѣкоторымъ занятіямъ, точно такъ же понижаетъ цѣнность этихъ произведеній на внутреннихъ и заграничныхъ рынкахъ, какъ еслибъ они были добыты съ мéньшимъ количествомъ труда. Еслибъ невольники въ южныхъ штатахъ были освобождены и заработная плата, ими получаемая, сравнялась съ вознагражденіемъ свободнаго работника, то Америка была бы принуждена вычеркнуть продукты невольническаго труда изъ каталога товаровъ, ею отпускаемыхъ и, конечно, нашла бы невозможнымъ продавать ихъ на заграничномъ рынкѣ по настоящей, дешевой цѣнѣ.

Подобную экономическую выгоду представляетъ домашняя промышленость. Произведенія, выдѣлываемыя, въ часы досуга семействами работниковъ, которыя занимаются другимъ дѣломъ, могутъ продаваться по самой низкой цѣнѣ, если она только, по ихъ понятію, вознаграждаетъ ихъ за трудъ. Вотъ что́ мы читаемъ въ статистическомъ описаніи Цюрихскаго Кантона (*).

«Работникъ цюрихскій сегодня фабрикантъ, завтра онъ снова земледѣлецъ и, въ очередь, перемѣняетъ свое занятіе сообразно съ временами года. Фабричная промышленость и хлѣбопашество идутъ рядомъ, въ тѣсной связи, и въ этомъ соединéніи заключается вся тайна, почему простой, неученый швейцарскій ремесленникъ можетъ соперничествовать и преуспѣвать возлѣ обширныхъ мануфактурныхъ заведеній, устроенныхъ съ необыкновенною экономіею и обладающихъ огромными средствами. Даже въ тѣхъ частяхъ кантона, гдѣ особенно распространены фабрики, только одна седьмая народонаселенія исключительно принадлежитъ къ нимъ; четыре-седьмыхъ соединяютъ мануфактурную промышленость съ земледѣліемъ. Выгода этой домашней или семейной фабрики преимущественно заключается въ томъ, что

(*) Historisch-Geographish-Statistisches Gemaelde der Schweiz. 1 heft. 105.

она не устраняетъ другаго рода занятія, или, точнѣе, что она сама считается добавочнымъ занятіемъ. Зимою цѣлое семейство рабочаго, занимается дома фабричнымъ дѣломъ, но съ наступленіемъ весны, кто долженъ исполнять ранія полевыя работы, оставляетъ свой станокъ; постепенно, съ увеличеніемъ этихъ работъ, члены семейства слѣдуютъ другъ за другомъ на новое поприще дѣятельности, и съ наступленіемъ жатвы всѣ руки принимаются за земледѣльческія орудія. Но въ неблагопріятную погоду, въ свободные часы, домашняя фабрика возобновляетъ свою дѣятельность и, съ возвращеніемъ холоднаго времени, постепенно, въ ту же очередь, семья рабочаго принимается за фабричное дѣло.»

Эти двѣ причины: трудъ невольника и домашняя мануфактурная промышленость, представляютъ примѣры условій, при которыхъ низкая заработная плата даетъ возможность странѣ продавать свои произведенія дешевле на заграничныхъ рынкахъ и, слѣдственно, подорвать торговлю странъ, съ нею соперничествующихъ, или избѣжать подрыва. Но низкая заработная плата, одинаково распространяющаяся на всѣ отрасли промышлености, не даетъ этого преимущества.

Чтобъ доказать это, мы должны припомнить правило, нами положенное въ концѣ X-ой главы, именно, что вообще низкая заработная плата не понижаетъ цѣнъ, которыя также не возвышаются вслѣдствіе вообще высокой заработной платы. Общее возвышеніе ея не возвышаетъ общихъ цѣнъ точно также, какъ и увеличеніе количества труда, требуемаго для цѣлаго производженія. Расходы, одинаково распространяющіеся на всѣ произведенія, не имѣютъ вліянія на цѣны. Если, напримѣръ, одни суконные фабриканты будутъ принуждены платить за трудъ высокую плату, то цѣна

нѣкоторымъ занятіямъ, точно такъ же понижаетъ цѣнность этихъ произведеній на внутреннихъ и заграничныхъ рынкахъ, какъ еслибъ они были добыты съ мéньшимъ количествомъ труда. Еслибъ невольники въ южныхъ штатахъ были освобождены и заработная плата, ими получаемая, сравнялась съ вознагражденіемъ свободнаго работника, то Америка была бы принуждена вычеркнуть продукты невольническаго труда изъ каталога товаровъ, ею отпускаемыхъ и, конечно, нашла бы невозможнымъ продавать ихъ на заграничномъ рынкѣ по настоящей, дешевой цѣнѣ.

Подобную экономическую выгоду представляетъ домашняя промышленость. Произведенія, выдѣлываемыя, въ часы досуга семействами работниковъ, которыя занимаются другимъ дѣломъ, могутъ продаваться по самой низкой цѣнѣ, если она только, по ихъ понятію, вознаграждаетъ ихъ за трудъ. Вотъ что́ мы читаемъ въ статистическомъ описаніи Цюрихскаго Кантона (*).

«Работникъ цюрихскій сегодня фабрикантъ, завтра онъ снова земледѣлецъ и, въ очередь, перемѣняетъ свое занятіе сообразно съ временами года. Фабричная промышленость и хлѣбопашество идутъ рядомъ, въ тѣсной связи, и въ этомъ соединéніи заключается вся тайна, почему простой, неученый швейцарскій ремесленникъ можетъ соперничествовать и преуспѣвать возлѣ обширныхъ мануфактурныхъ заведеній, устроенныхъ съ необыкновенною экономіею и обладающихъ огромными средствами. Даже въ тѣхъ частяхъ кантона, гдѣ особенно распространены фабрики, только одна седьмая народонаселенія исключительно принадлежитъ къ нимъ; четыре-седьмыхъ соединяютъ мануфактурную промышленость съ земледѣліемъ. Выгода этой домашней или семейной фабрики преимущественно заключается въ томъ, что

(*) Historisch-Geographish-Statistisches Gemaelde der Schweiz. 1 heft. 105.

она не устраняетъ другаго рода занятія, или, точнѣе, что она сама считается добавочнымъ занятіемъ. Зимою цѣлое семейство рабочаго, занимается дома фабричнымъ дѣломъ, но съ наступленіемъ весны, кто долженъ исполнять ранія полевыя работы, оставляетъ свой станокъ; постепенно, съ увеличеніемъ этихъ работъ, члены семейства слѣдуютъ другъ за другомъ на новое поприще дѣятельности, и съ наступленіемъ жатвы всѣ руки принимаются за земледѣльческія орудія. Но въ неблагопріятную погоду, въ свободные часы, домашняя фабрика возобновляетъ свою дѣятельность и, съ возвращеніемъ холоднаго времени, постепенно, въ ту же очередь, семья рабочаго принимается за фабричное дѣло.»

Эти двѣ причины: трудъ невольника и домашняя мануфактурная промышленость, представляютъ примѣры условій, при которыхъ низкая заработная плата даетъ возможность странѣ продавать свои произведенія дешевле на заграничныхъ рынкахъ и, слѣдственно, подорвать торговлю странъ, съ нею соперничествующихъ, или избѣжать подрыва. Но низкая заработная плата, одинаково распространяющаяся на всѣ отрасли промышлености, не даетъ этого преимущества.

Чтобъ доказать это, мы должны припомнить правило, нами положенное въ концѣ X-ой главы, именно, что вообще низкая заработная плата не понижаетъ цѣнъ, которыя также не возвышаются вслѣдствіе вообще высокой заработной платы. Общее возвышеніе ея не возвышаетъ общихъ цѣнъ точно также, какъ и увеличеніе количества труда, требуемаго для цѣлаго произвожденія. Расходы, одинаково распространяющіеся на всѣ произведенія, не имѣютъ вліянія на цѣны. Если, напримѣръ, одни суконные фабриканты будутъ принуждены платить за трудъ высокую плату, то цѣна

ихъ произведеній непремѣнно подымется, все-равно какъ еслибъ они употребляли бо́льшее количество труда, потому-что, въ противномъ случаѣ, они получали бы ме́ньшую прибыль нежели другіе производители, и никто не занялся бы этою невыгодною промышленостью. Но если всѣ должны платить высокую плату, или употреблять бо́льшое количество труда, то потеря будетъ одинаково чувствительна для всѣхъ; каждый, слѣдственно, необходимо согласится на уменьшеніе прибыли, и цѣны останутся тѣ же самыя. Подобнымъ же образомъ, вообще низкая заработная плата или увеличенная производительность труда, не понижаютъ цѣнъ и не увеличиваютъ прибыли.

Итакъ, поелику вообще низкая заработная плата не понижаетъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ, то она также не даетъ возможности производителямъ предлагать свои продукты по низшимъ цѣнамъ на заграничныхъ рынкахъ.

ГЛАВА XIV.

ДВИЖЕНІЕ ДРАГОЦѢННЫХЪ МЕТАЛЛОВЪ.

Предъидущія изслѣдованія внѣшней торговли даютъ намъ возможность пополнить теорію денегъ, нами уже изложенную.

Монета, или матеріалъ, изъ котораго она выдѣлана, въ бо́льшей части государствъ — произведеніе иностранное. Цѣнность ея и раздѣленіе должны быть, слѣдственно, подчинены закону, которому повинуются всѣ привозимые товары—закону заграничныхъ цѣнностей.

Монета ввозится въ страну двумя различными путями: или какъ товаръ (преимущественно въ видѣ слитковъ драгоцѣнныхъ металловъ), составляющій выгодный предметъ торговли, или какъ мѣновой посредникъ, для уплаты долга, напримѣръ, за товары вывозимые. Существованіе этихъ двухъ различныхъ путей, которыми монета проникаетъ въ страну, между-тѣмъ, какъ другія произведенія обыкновенно привозятся только первымъ путемъ, именно въ видѣ товара, затемняетъ, запутываетъ вопросъ о привозѣ ея, по этой причинѣ требующій особеннаго и подробнаго изслѣдованія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда драгоцѣнные металлы привозятся обыкновеннымъ путемъ, они подчиняются, въ отношеніи цѣнности, дѣйствію тѣхъ же причинъ, управляются тѣми же законами, какъ и всѣ другія иностранныя произведенія. Такимъ-образомъ золото и серебро обыкновенно распространяются изъ странъ своего мѣстонахожденія во всѣ части торговаго міра; они суть главныя произведенія, этихъ странъ или стоятъ по-крайней-мѣрѣ между главными предметами отпускной ихъ торговли, и отпускаются точно такъ же, какъ и другіе вывозимые товары. Слѣдственно количество произведеній, которое одна страна готова дать за извѣстное количество драгоцѣнныхъ металловъ, будетъ зависѣть отъ ея запроса на нихъ и отъ требованія металлоносной (metallifère) страны на ея продукты. Драгоцѣнные металлы и эти продукты должны обмѣниваться въ такой пропорціи, чтобъ требованія обѣихъ странъ были совершенно удовлетворены и чтобъ соперничество не измѣняло ихъ цѣнности.

Драгоцѣнные металлы не имѣютъ ничего особеннаго ни въ своихъ качествахъ, ни въ своемъ приложеніи, почему бы они должны быть исключены изъ общихъ правилъ запроса. Если они требуются, какъ предметъ роскоши, какъ матеріалъ фабричный, то запросъ на нихъ увеличивается соразмѣрно ихъ дешевизнѣ, такъ же неправильно, какъ и требованія на всякое другое произведеніе. Если они требуются на выдѣлку монеты, то запросъ также возростаетъ соотвѣтственно дешевизнѣ и требуемое количество всегда обратно пропорціонально цѣнности. Это обстоятельство составляетъ единственное различіе между монетою и другими произведеніями въ отношеніи запроса—различіе совершенно несущественное для настоящей цѣли.

Слѣдственно монета, привозимая въ видѣ товара, подоб-

по всѣмъ привозимымъ продуктамъ, будетъ имѣть наименьшую цѣнность въ странахъ, произведенія которыхъ находятся въ бо̀льшемъ требованіи за границею, и которыя сами нуждаются менѣе въ иностранныхъ произведеніяхъ. Къ этимъ двумъ обстоятельствамъ необходимо прибавить вліяніе расходовъ провоза. Эти расходы соединяютъ перевозъ товаровъ въ металлоносныя страны и вывозъ изъ нихъ драгоцѣнныхъ металловъ. Объ эти статьи зависятъ отъ разстоянія мѣсторожденій металловъ, и первая статья, кромѣтого, зависитъ отъ громоздкости отправляемыхъ товаровъ. Страны, которыхъ отпускные товары состоятъ изъ тонкихъ мануфактурныхъ издѣлій, получаютъ драгоцѣнные металлы и всѣ другія заграничныя произведенія дешевле, нежели страны, отпускающіе громоздкіе, сырые матеріалы.

Слѣдственно, для полной точности, мы должны сказать, что монета имѣетъ наименьшую цѣнность, или, что̀ все-равно, цѣны бываютъ самыя высокія въ тѣхъ странахъ, которыхъ отпускные товары находятся въ наибо̀льшемъ требованіи и заключаютъ наибо̀льшую цѣнность въ маломъ объемѣ, которыя ближе отстоятъ отъ мѣсторожденій драгоцѣнныхъ металловъ и которыя требуютъ менѣе заграничныхъ произведеній. Если мы разумѣемъ не цѣнность монеты, но ея стоимость (т. е. количество труда, истрачиваемаго на ея произвожденіе), то мы должны прибавить къ этимъ четыремъ условіямъ ея дешевизны еще пятое, именно: бо̀льшую дѣятельность производительной промышлености страны. Оно, однакожь, не измѣняетъ цѣнности монеты въ отношеніи произведеній, но дѣйствуетъ на изобиліе всѣхъ предметовъ, включая монету, и на удобство, съ которымъ они могутъ быть получены.

Но драгоцѣнные металлы привозятся также подъ другимъ характеромъ, какъ мѣновой посредникъ, не какъ то-

варъ, продаваемый за деньги, но, какъ деньги, для уплаты долга, или для перевода собственности. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть: измѣняются ли чрезъ это новое назначеніе разъ выведенныя нами заключенія и подчиняются ли драгоцѣнные металлы, вслѣдствіе его, другому закону цѣнности.

Монета пересылается изъ одной страны въ другую для различныхъ цѣлей, напримѣръ, для уплаты дани, субсидій, процентовъ внѣшняго государственнаго долга, для перевода государственнаго дохода изъ земель подданственныхъ и частныхъ доходовъ отсутствующихъ лицъ, или для помѣщенія капитала за границею. Самая обыкновенная цѣль, однакожь, есть плата за товары. Чтобъ показать, при какихъ обстоятельствахъ монета на самомъ дѣлѣ переходитъ изъ одной страны въ другую, для назначенныхъ нами цѣлей, мы должны вкратцѣ объяснить механизмъ внѣшней торговли, когда она совершается чрезъ посредство денегъ.

На-самомъ-дѣлѣ товары отпускаемые и привозимые не только не обмѣваются непосредственно, но часто даже не переходятъ чрезъ тѣ же руки: они покупаются особенно и за нихъ уплачивается деньгами. Мы видѣли, однакожь, что даже въ одной и той же странѣ деньги не переходятъ изъ рукъ въ руки, при каждой покупкѣ; это случается еще рѣже между различными странами: вексель представляетъ обыкновенное средство для уплаты за произведенія иностранныя.

Англійскій купецъ *A* отправляетъ англійскія произведенія, во Францію, своему корреспонденту *B*; *C*, другой купецъ, находящійся во Франціи, посылаетъ въ Англію французскія произведенія, положимъ, равной цѣнности, купцу *D*. Очевидно, нѣтъ необходимости для купца *B* пересылать монету въ Англію купцу *A*, ни для купца *D* отправлять

равную денежную сумму во Францію купцу *C*. Одинъ долгъ можетъ быть употребленъ для уплаты другаго долга, и такимъ-образомъ двойные расходы и рискъ провоза монеты могутъ быть сбережены. *A* даетъ вексель на *B* на сумму, которую онъ ему долженъ; *D*, имѣя платежъ во Франціи, равный этой суммѣ, покупаетъ вексель *A* и отправляетъ его къ *C* и, по прошествіи срока векселя, *C* предъявляетъ его для уплаты. Такимъ-образомъ оба долга уплачиваются безъ пересылки золота и серебра.

Въ этомъ примѣрѣ мы предположили, что оба долга простирались на одинаковую сумму; что каждая страна должна заплатить и получить одинаковое число фунтовъ золота или серебра. Это предполагаетъ (если мы ограничимся только торговыми платежами), что отпускъ и привозъ товаровъ взаимно оплачиваются, или, другими словами, что уравненіе внѣшняго запроса установлено. Если это бываетъ на самомъ дѣлѣ, то всѣ внѣшнія торговыя сношенія очищаются безъ перевоза монеты изъ одной страны въ другую; но если Англія должна Франціи бо́льшую сумму, или наоборотъ, то расплата долговъ не можетъ быть произведена на бумагѣ и балансъ долженъ быть препровожденъ въ видѣ драгоцѣнныхъ металловъ.

На самомъ дѣлѣ купецъ, которому предстоятъ заграничные платежи, даже и въ этомъ случаѣ производитъ ихъ посредствомъ векселя. Купецъ, желающій перевести извѣстную сумму въ иностранную землю, не ищетъ самъ, кому слѣдуетъ получать деньги изъ этой страны, и самъ не покупаетъ векселя у этого лица. Въ этой отрасли занятій существуетъ также классъ посредниковъ, или маклеровъ, которые сводятъ покупателей и продавцовъ, или сами исполняютъ дѣло за нихъ, покупая векселя у тѣхъ, кому слѣдуетъ полученіе, и продавая ихъ тѣмъ, кто произ-

водитъ заграничные платежи. Купецъ нерѣдко покупаетъ у маклера вексель своего корреспондента за границею и, чтобъ дать ему возможность заплатить свои векселя, онъ отправляетъ ему его вексель, имъ купленный, но непроданный. Такимъ образомъ эти маклера берутъ на себя производство всѣхъ денежныхъ сношеній между заграничными мѣстами и получаютъ за то въ вознагражденіе незначительную процентную коммиссію на сумму каждаго векселя, который они покупаютъ или продаютъ. Теперь, если маклера видятъ, что требованія на векселя на одну страну значительнѣе суммы ея векселей, которые предлагаются имъ для продажи, то они не отказываютъ въ ихъ выдачѣ. Но такъ-какъ въ этомъ случаѣ, чтобъ дать возможность своимъ корреспондентамъ уплатить эти векселя въ срокъ, они должны переслать часть суммы въ видѣ драгоцѣнныхъ металловъ, то за эту услугу они требуютъ добавочнаго возмездія, достаточнаго для покрытія расходовъ провоза и страхованія драгоцѣнныхъ металловъ, включая также удовлетворительную прибыль, которая бы вознаграждала ихъ собственный трудъ и временное употребленіе части имъ принадлежащаго капитала для этой цѣли. Покупатели векселей охотно платятъ эту, такъ-называемую, премію, потому-что, въ противномъ случаѣ, они сами должны бы понести расходы пересылки драгоцѣнныхъ металловъ, которая можетъ быть дешевле исполнена людьми, постоянно занимающимися этимъ дѣломъ. Но хотя только нѣкоторые между плательщиками заграничнаго долга на самомъ дѣлѣ принуждены пересылать драгоцѣнные металлы, всѣ, однакожь, должны платить премію вслѣдствіе взаимнаго соперничества, и по той же самой причинѣ всѣ маклера принуждены платить ее тому, чьи векселя они покупаютъ. Мы найдемъ обратное явленіе, если страна, по сравненіи отпуска съ привозомъ

товаровъ, получаетъ балансъ. Въ такомъ случаѣ, заграничные векселя предлагаются маклерамъ для продажи въ количествѣ болѣе значительномъ, нежели сколько требуется ихъ; они падаютъ въ цѣнѣ, и необыкновенно дѣятельное соперничество, всегда существующее между маклерами, распространяетъ эту выгоду удешевленія векселей между всѣми покупателями.

Такого рода отношенія существовали бы между различными странами, еслибъ всѣ онѣ имѣли одинаковую монетную систему. До-сихъ-поръ, однакожь, самыя цивилизированныя націи не достигли этой степени совершенства просвѣщенія, и каждая независимая страна доказываетъ свою національность особенною монетною системою, въ ущербъ себѣ и въ невыгоду своимъ сосѣдямъ. Для нашей настоящей цѣли это не дѣлаетъ различія, и, говоря о суммахъ равныхъ, мы должны только называть ихъ суммами равноцѣнными, которыя заключаютъ одинаковыя количества одного и того же металла по вѣсу и по добротѣ.

Когда на заграничные векселя существуетъ премія, обыкновенно говорятъ, что курсъ невыгоденъ. Чтобъ понять это выраженіе, мы должны знать, что̀ значитъ курсъ на языкѣ коммерческомъ. Онъ выражаетъ способность, свойство денегъ одной страны покупать деньги другихъ странъ. Принимая 25 франковъ въ отношеніи одного фунта стерлинга за равный курсъ или пари (par), (*) какъ называютъ его въ торговлѣ, мы видимъ, что когда требуется болѣе 100 ф. ст., для покупки векселя въ 2500 франк., 100 ф. ст., англійскихъ денегъ будутъ стоить менѣе равноцѣнной французской монеты. Это отступленіе отъ пари представляетъ невыгодный курсъ для Англіи. На самомъ дѣлѣ, однакожь, онъ невыгоденъ въ этой странѣ только для тѣхъ,

(*) Дѣйствительное пари — 25 франк. 22 сантим. за 1 ф. ст.

кому предстоятъ платежи во Франціи, потому-что они являются на вексельный рынокъ какъ покупатели, и принуждены платить премію; но для тѣхъ, кто получаетъ деньги во Франціи, это положеніе дѣлъ очень благопріятно, потому-что они являются, какъ продавцы, и получаютъ премію. Премія, однакожь, означаетъ, что Англія должна заплатить балансъ, который ликвидируется посредствомъ драгоцѣнныхъ металловъ; и потому-что, слѣдуя старой теоріи, выгода торговли заключалась въ привозѣ монеты, то этотъ предразсудокъ ввелъ въ употребленіе называть курсъ невыгоднымъ, когда онъ указывалъ на уплату баланса, и выгоднымъ, когда онъ означалъ полученіе баланса. Выраженія, въ свою очередь, способствовавшія укорененію предразсудка.

Съ перваго взгляда можно предположить, что, при невыгодномъ курсѣ, или, другими словами, когда премія существуетъ на векселя, она всегда необходимо равняется расходамъ пересылки монеты, ибо, если балансъ долженъ быть уплаченъ въ видѣ монеты, и если кто имѣетъ заграничные платежи, принужденъ понести расходы ея перевоза, то общее соперничество заставитъ всѣхъ участвовать въ нихъ и терпѣть одинаковую потерю. И это было бы необходимо, еслибъ всѣ платежи производились немедленно. Ожиданіе большихъ непосредственно слѣдующихъ платежей изъ-за границы оказываетъ поразительное вліяніе на курсы. Когда въ Лондонѣ было получено извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, цѣна векселей въ одинъ день поднялась на десять процентовъ. Конечно, такая огромная премія не представляла одни расходы провоза, которые не могли быть такъ значительны, даже при страхованіи въ военное время. Эта высокая цѣна указывала на предстоящее затрудненіе добыть драгоцѣнные метал-

лы, для отправленія на континентъ, для субсидій и военныхъ издержекъ. Разсказываютъ также, что лондонскій банкиръ Ротшильдъ въ теченіе 1832 года отправлялъ нѣсколько разъ значительный грузъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Лондона въ Гамбургъ, и, не выгружая его, возвращалъ въ Лондонъ, между-тѣмъ одно биржевое извѣстіе о прибытіи такого груза доставляло ему возможность съ наибольшею выгодою произвести заграничные платежи. Такимъ-образомъ однимъ только провозомъ драгоцѣнныхъ металловъ, даже не выгружая ихъ, онъ возвышалъ курсъ нѣсколько разъ въ продолженіе года, разумѣется, на короткое время. Но незначительный перевѣсъ привоза надъ отпускомъ товаровъ, или небольшой долгъ, уплачиваемый чужеземной странѣ, не оказываютъ обыкновенно на курсъ вліянія, равнаго расходамъ провоза драгоцѣнныхъ металловъ. Кредитъ всегда продолжительный даетъ возможность должникамъ отсрочивать платежи, между-тѣмъ, какъ въ то же самое время балансъ можетъ обратиться на противную сторону и возстановить равенство между дебетомъ (Debet) и кредитомъ (Credet) страны, безъ пересылки драгоцѣнныхъ металловъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что измѣненія курсовъ заключаютъ эту уравнивающую силу. Премія на векселя бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда привозится товаровъ на бо́льшую сумму, нежели отпускается ихъ. Но она составляетъ лишнюю прибыль для тѣхъ, кто вывозитъ товары, умепьшая въ то же время барыши тѣхъ, кто привозитъ ихъ. Слѣдственно такъ-называемый невыгодный курсъ благопріятствуетъ отпуску товаровъ и останавливаетъ привозъ ихъ.

Намъ остается еще замѣтить, что курсы одной страны не зависятъ отъ ея баланса между дебетомъ и кредитомъ въ отношеніи каждой страны отдѣльно, но всѣхъ странъ, взятыхъ вмѣстѣ. Англія можетъ быть должна балансъ

Франціи, но изъ этого не слѣдуетъ, что курсъ на Францію будетъ невыгоденъ для нея и что векселя на Францію будутъ продаваться съ премією. Другія страны, напримѣръ, Голландія или Бельгія, могутъ быть должны балансъ Англіи, и она платитъ свой долгъ Франціи векселями на эти государства. Это называется технически *арбитражемъ курса*. Плата долговъ этимъ окольнымъ путемъ всегда бываетъ соединена съ лишними расходами, покрывающими коммиссію и проценты, и, соотвѣтственно этой незначительной разности, курсъ можетъ измѣняться въ отношеніи одной страны, независимо отъ другихъ; но вообще курсы на всѣ иностранныя земли перемѣняются современно и единообразно, смотря по тому на чьей сторонѣ въ общемъ результатѣ внѣшней торговли полученіе или плата баланса.

Разсмотрѣвъ механизмъ коммерческихъ сношеній между странами, мы должны изслѣдовать, перемѣняетъ ли онъ наши заключенія о внѣшнихъ цѣнностяхъ, до которыхъ мы дошли, допуская только одну непосредственную мѣну товаровъ.

Ближайшая аналогія заставляетъ насъ предполагать противное. Мы нашли, что употребленіе монеты и знаковъ, ея замѣняющихъ, не дѣлаетъ различія въ законѣ цѣнности, въ приложеніи къ внутренней торговлѣ. Предметы, имѣющіе одинаковую цѣнность при мѣновомъ торгѣ, стоютъ одинаковой суммы денегъ. Употребляя деньги, мы прибавляемъ только одно лишнее произведеніе, котораго цѣнность опредѣляется тѣми же законами, какіе существуютъ для прочихъ произведеній. Мы не должны быть удивлены, слѣдственно, если мы найдемъ, что внѣшнія цѣнности зависятъ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ во всякомъ случаѣ, совершается ли торговля посредствомъ мѣны, или чрезъ посред-

ство денегъ, которыя представляютъ только болѣе удобный способъ для сравненія цѣнностей.

Торговля всякаго рода, по сущности и по дѣйствію, есть мѣна: кто продаетъ товары за деньги и покупаетъ на нихъ другія произведенія, на самомъ дѣлѣ пріобрѣтаетъ ихъ за свои товары. То же самое мы можемъ сказать и о цѣлыхъ странахъ. Торговля ихъ — простой размѣнъ товаровъ отпускныхъ на товары привозимые, и во всякомъ случаѣ, въ состояніи нормальномъ, употребляются ли деньги или нѣтъ, отпускъ и привозъ взаимно оплачиваются. При этихъ обстоятельствахъ страны бываютъ должны одна другой равныя суммы; долги уплачиваются векселями и нѣтъ баланса, который было бы необходимо уплатить драгоцѣнными металлами. Подобная торговля находится въ положеніи постояннаго равновѣсія.

Но процесъ, возстановляющій этотъ порядокъ, когда торговля уклоняется отъ него, повидимому по-крайней-мѣрѣ, совершается не одинаковымъ образомъ, смотря по тому, производится ли торговля посредствомъ мѣны, или на деньги. Въ первомъ случаѣ страна, требующая привозныхъ произведеній болѣе, нежели она въ состояніи уплатить отпускными товарами, должна предложить послѣдніе дешевле: это единственное средство, чтобъ увеличить запросъ на нихъ для возстановленія равновѣсія. Когда употребляются деньги въ торговлѣ, страна повидимому дѣйствуетъ иначе. Она покупаетъ лишніе привозные товары по той же цѣнѣ, какъ и прежде; но такъ-какъ она не отпускаетъ равноцѣннаго количества произведеній, то балансъ обращается противъ нея; курсъ становится невыгоднымъ и разность уплачивается деньгами. По внѣшнему характеру это совершенно отличная операція отъ предъидущей. Посмотримъ, будетъ ли это только видимое, или существенное различіе.

Положимъ, Англія — страна, уплачивающая балансъ; Франція — страна, получающая его чрезъ передачу драгоцѣнныхъ металловъ: количество монеты, существующей въ обращеніи въ Англіи, уменьшится; во Франціи оно увеличится. Это возможно допустить, хотя мы увидимъ впослѣдствіи что это будетъ ошибочное предположеніе въ отношеніи всѣхъ платежей заграничныхъ балансовъ. Балансъ, уплачиваемый разомъ, какъ, напримѣръ, платежъ, за чрезвычайный привозъ хлѣба во время неурожая, можетъ быть произведенъ изъ капиталовъ нетронутыхъ или изъ запасовъ банкирскихъ, не касаясь денегъ, находящихся въ обращеніи. Но мы предполагаемъ теперь, что существующій перевѣсъ привоза надъ отпускомъ товаровъ есть слѣдствіе еще неустановившагося уравненія запроса; что, при настоящихъ цѣнахъ постоянный запросъ на французскія произведенія въ Англіи значительнѣе; что она не въ состояніи заплатить за нихъ своими произведеніями, требуемыми во Франціи. Въ этомъ случаѣ, если цѣны не перемѣнятся, Англія должна платить деньгами постоянно возобновляющійся балансъ. Если даже сначала онъ уплачивается изъ нетронутыхъ капиталовъ, или чрезъ вывозъ слитковъ драгоцѣнныхъ металловъ, то впослѣдствіи такой постоянный платежъ необходимо извлекаетъ монету изъ обращенія.

Когда, слѣдственно, цѣны находятся въ такомъ положеніи, что уравненіе внѣшняго запроса не можетъ установиться само собою, когда страна требуетъ привозныхъ товаровъ болѣе нежели она въ состояніи заплатить произведеніями отпускаемыми: это значитъ, что внутри ея существуетъ въ обращеніи излишекъ драгоцѣнныхъ металловъ, или ихъ представителей, который необходимо извлечь, прежде чѣмъ равновѣсіе можетъ быть возстановлено. Сообразно съ этимъ требованіемъ обращеніе денегъ ограничивается: тогда на-

дают цѣны всѣхъ произведеній, включая также цѣны отпускныхъ товаровъ; на нихъ открывается большой запросъ за границею, между-тѣмъ, какъ товары привозимые, вслѣдствіе выпуска денегъ за границу, вѣроятно, дорожаютъ, или по-крайней-мѣрѣ не раздѣляютъ общаго удешевленія. Но пока постепенное удешевленіе англійскихъ товаровъ не побуждаетъ иностранныя земли вывозить ихъ на бо́льшую цѣнность, или пока увеличивающаяся дороговизна иностранныхъ произведеній не заставитъ Англію привозить ихъ на ме́ньшую цѣнность, до-тѣхъ-поръ товары отпускные не будутъ уплачивать за товары привозимые, и до-тѣхъ-поръ продолжается въ одинаковыхъ размѣрахъ разъ открывшееся движеніе драгоцѣнныхъ металловъ. Оно продолжается въ тѣхъ же размѣрахъ, пока, съ пониженіемъ цѣнъ въ Англіи, не появится на заграничныхъ рынкахъ какое-нибудь новое, еще неизвѣстное англійское произведеніе, или не увеличится запросъ на произведенія, уже извѣстныя въ такой степени, чтобъ они могли наконецъ уплатить за товары привозимые, которые, вѣроятно, потребовались бы внутри Англіи въ ограниченномъ количествѣ, при возвышеніи цѣнъ ихъ.

Совершенно такой же процесъ, мы видѣли, происходитъ въ предполагаемой нами мѣновой торговлѣ. Слѣдственно торговля между цѣлыми странами, во всякомъ случаѣ, употребляются ли деньги, или нѣтъ, не только стремится къ тому же равновѣсію въ отпускѣ и привозѣ товаровъ, но избираетъ тѣ же самые пути для установленія этого равновѣсія.

Такимъ-образомъ законъ внѣшнихъ цѣнностей и раздѣленія выгодъ торговли между народами, не измѣняется съ употребленіемъ денегъ и остается тѣмъ же самымъ, какъ и для простаго, непосредственнаго размѣна.

Общій результатъ предъидущаго изслѣдованія лучше все-

го можетъ быть высказанъ словами Рикардо (*) *Золото и серебро, избранныя, какъ общій посредникъ обращенія распредѣлены, вслѣдствіе соперничества торговли, въ различныхъ странахъ свѣта, въ такихъ пропорціяхъ, что они могутъ сообразоваться съ ея естественнымъ ходомъ. Торговля совершается, какъ-будто эти металлы не существовали, какъ-будто она была простая мѣна.* Рикардо былъ творцомъ этой идеи, столь обильной важными послѣдствіями и которая разсѣяла хаосъ, затмѣвавшій теорію внѣшней торговли. Ни одинъ предшествовавшій писатель не провидѣлъ ее, и даже не многіе послѣдующіе писатели вполнѣ сознаютъ ея ученое достоинство.

Намъ необходимо теперь изслѣдовать, какимъ образомъ этотъ законъ раздѣленія драгоцѣнныхъ металловъ дѣйствуетъ на торговую цѣнность монеты и какъ согласуется онъ съ закономъ, опредѣляющимъ эту цѣнность, когда монета привозится въ видѣ товара. Мы встрѣчаемъ здѣсь видимое противорѣчіе, которое, я думаю, особенно побуждало отличнѣйшихъ политико-экономовъ, отвергать очевидность предъидущаго ученія. Монета—они замѣчаютъ съ совершенною справедливостью—не отступаетъ отъ общихъ законовъ цѣнности; она такое же произведеніе, какъ и всѣ другіе товары, и средняя или естественная цѣнность ея должна зависѣть отъ стоимости ея произвожденія или добыванія. Эти мыслители, опираясь на этомъ основаніи, не хотятъ принять и допустить ученія, утверждающаго, что раздѣленіе монеты въ торговомъ мірѣ и, слѣдственно, различная цѣнность ея въ различныхъ мѣстностяхъ могутъ измѣняться не только отъ причинъ, на нея исключительно дѣйствующихъ, но подъ вліяніемъ многихъ причинъ, неимѣющихъ къ ней никакого отношенія, каждаго обстоя-

(*) Principles of politic econ. and. taxation. 3-e edit. p. 143.

тельства, дѣйствующаго на торговлю и нарушающаго равновѣсіе между отпускомъ и привозомъ товаровъ.

Но эта предполагаемая аномалія не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Мѣстная цѣнность монеты, еслибъ она привозилась въ страну только въ видѣ товара, прямо изъ мѣстонахожденія драгоцѣнныхъ металловъ, зависитъ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя привлекаютъ монету въ страну и извлекаютъ ее, чрезъ посредство курса, возстановляющаго равновѣсіе торговли, и которыя, слѣдственно, измѣняютъ цѣнность ея въ различныхъ странахъ. Когда цѣнность монеты внутри страны уменьшается чрезъ приливъ ея, въ видѣ баланса торговли, то причиною этого измѣненія должна быть необходимость новаго уравненія внѣшняго запроса, болѣе выгоднаго для этой страны, именно: или увеличенное требованіе на ея произведенія за границею, или уменьшеніе ея собственнаго запроса на иностранныя произведенія. Но возростаніе заграничнаго требованія на произведенія отпускаемыя или уменьшеніе внутренняго запроса на произведенія привозимыя представляютъ именно тѣ причины, которыя, слѣдуя общимъ правиламъ торговли, даютъ возможность странѣ пріобрѣтать дешевле всѣ привозимые товары, включая также драгоцѣнные металлы. Итакъ воображаемое противорѣчіе не существуетъ; напротивъ, результаты двоякаго полученія драгоцѣнныхъ металловъ представляютъ намъ совершенное согласіе. Когда монета переходитъ изъ одной страны въ другую, вслѣдствіе перемѣнъ внѣшняго запроса на произведенія, и измѣняется въ своей мѣстной цѣнности, это движеніе осуществляетъ только въ формѣ болѣе быстраго процеса то же дѣйствіе, которое, въ другомъ случаѣ, совершается только медленнѣе. Здѣсь только измѣняется относительная величина каналовъ, разносящихъ драгоцѣнные металлы изъ ихъ

мѣстонахожденія въ различныя страны. Слѣдственно употребленіе монеты, какъ мѣноваго посредника, не измѣняетъ закона цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ точно также, какъ и другихъ произведеній, и цѣлое ученіе внѣшнихъ цѣнностей, нами изложенное, представляетъ въ единствѣ и гармоніи вѣрныхъ признаковъ и спутниковъ истины.

Прежде нежели мы заключимъ это разсужденіе, кстати замѣтимъ здѣсь, какимъ образомъ и въ какой степени дѣйствуютъ на предъидущія заключенія заграничные платежи, которые производятся не вслѣдствіе торговли и за которые не получается равной имъ цѣнности или въ видѣ монеты, или въ видѣ произведеній. Таковы, напримѣръ, дань покоренной страны, переводы доходовъ владѣльцевъ, живущихъ за границею, и заграничные расходы правительства.

Начнемъ примѣромъ обыкновенной мѣны. Положимъ, ежегодные платежи производятся товарами, которые отпускаются и за которые не получается никакого вознагражденія. Въ этомъ случаѣ нѣтъ необходимости, чтобъ отпускъ и привозъ взаимно уплачивались, напротивъ, здѣсь будетъ ежегодный избытокъ товаровъ отпускаемыхъ, равный цѣнности произведеній, которыя составляютъ ежегодный обязательный платежъ. Если, прежде нежели страна подпала подъ это обязательство, внѣшняя торговля ея находилась въ состояніи естественнаго равновѣсія, то теперь она должна принудить заграничныя страны вывозить бо́льшее количество товаровъ, ею отпускаемыхъ: она можетъ достигнуть этого, или предлагая свои произведенія дешевле, или платя дороже за иностранныя произведенія. Внѣшнія цѣнности, слѣдственно, приноровятся такимъ образомъ, что отпускъ товаровъ всегда будетъ представлять требуемый избытокъ или вслѣдствіе его возростанія, или чрезъ уменьшеніе привоза. Слѣдственно страна, обязанная производить

ежегодные платежи за границу, въ результатѣ теряетъ вдвойнѣ, мѣняя также свои произведенія на заграничные товары, на условіяхъ менѣе выгодныхъ.

Допустивъ участіе денегъ, мы дойдемъ до тѣхъ же результатовъ. Предполагая, что торговля находится въ состояніи равновѣсія, когда начинаются эти обязательные платежи, первый платежъ необходимо производится въ видѣ монеты: это понижаетъ цѣны въ странѣ платящей, возвышая ихъ въ странѣ, получающей платежи. Естественно первая, въ этомъ случаѣ, отпускаетъ бо́лѣе произведеній и привозитъ ихъ менѣе, такъ-что послѣдняя постоянно будетъ должна ей балансъ. Когда онъ дѣлается равнымъ ежегодному платежу, тогда дальнѣйшій переводъ денегъ прекращается; первопачальное равновѣсіе между отпускомъ и привозомъ товаровъ долѣе не можетъ существовать; два долга взаимно уничтожаются, и платежи на самомъ дѣлѣ производятся въ видѣ товаровъ. Обѣ страны представляютъ тѣ же самыя относительныя выгоды, которыя мы выше указали: платящая страна принуждена давать высшую цѣну за все, что́ она покупаетъ у страны, получающей эти платежи и пріобрѣтающей также дешевле ея отпускныя произведенія.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, какое вліяніе оказываютъ на внѣшнюю торговлю случайныя или временныя измѣненія цѣнности денегъ, независящія отъ причинъ, дѣйствующихъ на ихъ постоянную цѣнность. Это очень важный предметъ, по своему отношенію къ практической задачѣ уравненія обращенія кредитной бумаги.

Предположимъ, въ какой-нибудь странѣ исключительно обращаются металлическія деньги, количество которыхъ вдругъ случайно увеличивается, напримѣръ, запасами государственнаго казначейства, сокрытыми во время иноземнаго нашествія, или внутреннихъ безпорядковъ. Прямое слѣд-

ствіе этого обстоятельства будетъ возвышеніе цѣнъ, которое пріостановитъ отпускъ товаровъ, поощряя ихъ привозъ, привозъ будетъ превышать отпускъ; курсъ сдѣлается невыгоднымъ; вновь пріобрѣтенный запасъ монеты разольется по всему торговому міру черезъ страны, ведущія торговлю съ воображаемою нами страною. Это всеобщее уменьшеніе цѣнности денегъ, если только оно довольно-значительно, пріостановитъ, или по-крайней мѣрѣ уменьшитъ годовое снабженіе драгоцѣнныхъ металовъ изъ ихъ мѣсторожденій, потому-что цѣнность ихъ будетъ менѣе высшей стоимости произвожденія. Слѣдственно годовой ущербъ ихъ не будетъ пополненъ, и обыкновенные, естественные, разрушительные дѣятели постепенно приведутъ общее количество драгоцѣнныхъ металловъ къ его первоначальной цифрѣ, послѣ чего произвожденіе ихъ возобновится въ прежнихъ размѣрахъ. Такимъ-образомъ открытіе предполагаемаго нами сокровища произведетъ только преходящее дѣйствіе, кратковременное разстройство во внѣшней торговлѣ, продолжающееся, пока это сокровище не разойдется по всему свѣту.

То же самое явленіе, которое происходитъ такимъ образомъ вслѣдствіе открытія запаса драгоцѣнныхъ металловъ, обнаруживается, когда банковые билеты, или другіе представители монеты, замѣщаютъ драгоцѣнные металлы. Положимъ снова, что внутри какой-нибудь страны обращаются исключительно металлическія деньги на 100 милионовъ рублей, и вдругъ къ этому обращенію прибавляются банковые билеты на ту же сумму. Если они выпускаются банкирами, то они будутъ употреблены для займовъ, или для покупки биржевыхъ фондовъ, и понизятъ, слѣдственно, проценты. Въ этомъ случаѣ, бо̀льшая часть золота будетъ вывезена за границу, какъ капиталъ, для помѣще-

нія въ другой странѣ, гдѣ проценты будутъ выше, и мы не замѣтимъ ни малѣйшаго вліянія на цѣны. Но предположимъ, что банковые билеты выпускаются не банкирами, но фабрикантами, для уплаты рабочихъ и покупки матеріаловъ, или правительствомъ, для его обыкновенныхъ расходовъ, такъ-что весь ихъ выпускъ съ быстротою появится на рынкахъ. Результаты этого нововведенія представятся намъ въ слѣдующемъ естественномъ порядкѣ. Всѣ цѣны значительно подымутся, отпускъ произведеній почти прекратится, но привозъ необыкновенно возвысится. Эта страна будетъ должна большой балансъ денежныхъ платежей; курсъ обратится противъ нея и избытокъ монеты перейдетъ въ другія страны съ быстротою, соотвѣтствующею ихъ торговому и географическому положенію въ отношеніи ея. Исходящее движеніе монеты продолжается, пока обращеніе ея во всѣхъ странахъ не придетъ къ уровню, пока не возстановятся различія, первоначально существовавшія и соотвѣтствовавшія постояннымъ различіямъ въ стоимости и расходахъ добыванія монеты. Когда возвышеніе цѣнъ распространится въ одинаковой степени на всѣ страны, первоначальное положеніе отпуска и привоза вездѣ возстановится; они будутъ взаимно уравновѣшиваться и иностранные курсы возвратятся къ пари (par).

Мы нашли бы, однакожь, другаго рода результаты, еслибъ 100 мильоновъ, первоначально существовавшіе въ формѣ непроизводительной монеты, были обращены такимъ образомъ въ производительный капиталъ. Воображаемая нами страна вначалѣ получаетъ эту выгоду насчетъ другихъ странъ, которыя освобождаютъ ее отъ этого дорогаго и непроизводительнаго предмета, т. е. монеты, уплачивая за него другими произведеніями равной цѣнности. Однакожь, эта потеря другихъ странъ постепенно вознаграждается для

нихъ чрезъ уменьшеніе притока драгоцѣнныхъ металловъ изъ ихъ мѣстонахожденій, и, въ заключеніе, выгода прибавленія 100 мильоновъ къ производительнымъ источникамъ дѣлается общимъ достояніемъ. Сравненіе Адама Смита (*), вѣроятно, всѣмъ извѣстное, превосходно живописуетъ это экономическое явленіе. Онъ уподобляетъ замѣщеніе драгоцѣнныхъ металловъ бумажными знаками проведенію воздушнаго пути, освобождающаго для земледѣлія пространство земли, теперь занимаемое дорогами. Подобно этой новой почвѣ, часть богатства страны, въ этомъ случаѣ, освобождаясь отъ безплоднаго назначенія, получаетъ производительное приложеніе, между-тѣмъ, какъ ея отправленіе исполняется посредникомъ, ничего нестоющимъ.

Мы находимъ примѣръ этого производительнаго приложенія кредитной бумаги въ томъ случаѣ, когда банкиръ, или банкъ, выпускаетъ свои билеты, въ видѣ займа купцамъ, фабрикантамъ, сельскимъхозяевамъ и другимъ представителямъ промышленнаго класса. Въ этомъ случаѣ кредитная бумага, какъ всякій капиталъ, доставляетъ заработную плату и прибыль, которая дѣлится между банкиромъ, получающимъ проценты и заемщиками. Самый капиталъ въ теченіе времени обращается весь въ заработную плату и замѣщается съ продажею произведеній труда. Такимъ-образомъ кредитная бумага доставляетъ постоянный фондъ въ 100 мильоновъ рублей для содержанія производительнаго труда и увеличиваетъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ производительность страны. Къ этой выгодѣ должно прибавить экономію годоваго снабженія драгоцѣнныхъ металловъ, необходимаго, чтобъ вознаградить постоянный изъянъ обращающейся монеты.

Неразмѣнная кредитная бумага дѣйствуетъ точно такъ же, какъ размѣнные билеты, пока монета существуетъ въ об-

(*) A. Smith. Wealth. of nat. B. II. C. II.

ращеніи; различіе обнаруживается, когда монета совершенно извлекается изъ него и выпуски кредитной бумаги продолжаются. Когда количество кредитной бумаги превышаетъ ею замѣщенную монету, цѣны, конечно, подымутся, и предметы, стоившіе 5 рублей монетою, будутъ стоить 6 рублей бумажныхъ денегъ, или болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Но это возвышеніе цѣнъ не останавливаетъ отпуска товаровъ и не поощряетъ привоза, какъ мы это видѣли въ вышеразсмотрѣнныхъ нами случаяхъ. Отпускъ и привозъ товаровъ опредѣляются металлическими или монетными цѣнами предметовъ и кредитныя цѣны, т. е. выраженныя кредитною бумагою, соглашаются съ ними только въ такомъ случаѣ, когда эта бумага размѣнивается, по востребованію, на драгоцѣнные металлы.

Положимъ, въ Англіи банковые билеты утратили свою первоначальную цѣнность. Произведеніе, которое стоило 5 Ф. ст. (31 р. 55 к. с.) и продавалось во Франціи за 5 Ф. ст. 10 шил. (34 р. 77 к. с.), теперь будетъ стоить, вслѣдствіе обезцѣненія (depreciation) ея кредитной бумаги 6 Ф. ст. (37 р. 86 к. с.); но оно не можетъ продаваться во Франціи дороже 5 Ф. ст. 10 шил., несмотря на то, однакожь, отпускъ этого произведенія будетъ продолжаться какъ и прежде. Почему? Потому-что купецъ получаетъ за него во Франціи не бумагу, утратившую цѣнность, но золото и серебро; и такъ-какъ въ Англіи драгоцѣнные металлы вздорожали въ той же пропорціи, какъ и прочіе предметы, то, привозя драгоцѣнные металлы, онъ можетъ продать свои 5 Ф. ст. 10 шил. (34 р. 55 к. с.) за 6 Ф. ст. 10 шил. (40 р. 81 к. с.) и получить тѣ же десять процентовъ для покрытія расходовъ и своей прибыли.

Такимъ-образомъ обращеніе кредитной бумаги, утратившей свою цѣнность, повидимому не дѣйствуетъ на внѣш-

нюю торговлю страны, которая производится тѣмъ же порядкомъ, какъ еслибъ обращающіеся билеты сохранили свою цѣнность. Но хотя торговля не подлежитъ этому вліянію, оно распространяется на курсы. Когда отпускъ и привозъ товаровъ находятся въ равновѣсіи, курсъ, при обращеніи металлическихъ денегъ, стоитъ на пари: вексель на Францію, равный пяти соверенамъ (*) стоитъ пять соверенов. Но когда 5 соверенов, или количество золота, заключающееся въ нихъ, стоитъ въ Англіи 6 Ф. ст., вексель на Францію, равный 5 Ф. ст., будетъ стоить 6 Ф. ст.: слѣдственно, въ случаѣ обезцѣненія кредитной бумаги, мы находимъ, вмѣсто дѣйствительнаго курса, зависящаго, какъ мы видѣли, отъ платежей баланса и движенія драгоцѣнныхъ металловъ, номинальный или нарицательный курсъ, который будетъ противъ страны и на столько процентовъ, на сколько упала цѣнность ея кредитной бумаги. Если эта цѣнность понижается на 10, 15, 20 процентовъ, то какъ бы ни измѣнялся дѣйствительный курсъ вслѣдствіе измѣненій внѣшней торговли, перемѣнъ между отпускомъ и привозомъ товаровъ, биржевый или нарицательный курсъ будетъ всегда отличаться отъ него на 10, 15, 20 процентовъ. Какъ ни велика эта номинальная премія, но она не побуждаетъ къ отправленію золота за границу, потому-что этотъ металлъ нельзя получить изъ банка по нормальной цѣнѣ, какъ это возможно при существованіи размѣнной кредитной бумаги; но его должно купить на рынкѣ по цѣнѣ, возвысившейся соотвѣтственно этой номинальной преміи. Въ такихъ случаяхъ названіе невыгоднаго курса не выражаетъ точной идеи, правильнѣе сказать, что курсовое пари измѣнилось, потому-что теперь требуется бо́льшее количество кредитной бумаги, чтобъ составить ту же сумму

(*) Соверенъ (Sovereing)—золотая англійская монета, равная 1 фунту стер.

иностранной монеты. Курсы, однакожь, считаются, какъ и прежде, соотвѣтственно пари. Слѣдственно биржевые курсы, когда кредитная бумага утрачиваетъ свою цѣнность, состоятъ изъ двухъ элементовъ — курса дѣйствительнаго, измѣняющагося соотвѣственно платежамъ внѣшнихъ балансовъ, и номинальнаго курса, который мѣняется съ пониженіемъ цѣнности кредитной бумаги и который долженъ быть всегда невыгоденъ для страны, пока это пониженіе продолжается. И такъ-какъ это пониженіе съ точностью измѣряется возвышеніемъ рыночной цѣны драгоцѣнныхъ металловъ надъ цѣнностью, постановленною монетнымъ дворомъ, то мы имѣемъ вѣрный признакъ, чтобъ опредѣлить, какая часть биржеваго курса, указывающая на это пониженіе, можетъ быть отдѣлена, какъ номинальный курсъ, и результатъ, такимъ образомъ исправленный, представитъ намъ дѣйствительный курсъ.

Въ заключеніе этого очерка мы можемъ разсмотрѣть, какія обстоятельства опредѣляютъ величину процентовъ, или роста, на денежный капиталъ. Подобное разсужденіе будетъ здѣсь очень кстати.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ (*) мы опредѣлили отношеніе между процентами и прибылью. Мы нашли, что общая прибыль, доставляемая капиталомъ, можетъ быть разложена на три части, соотвѣтствующія вознагражденію за рискъ, трудъ или заботу и употребленіе капитала, и которыя могутъ быть обозначены наименованіями *страховое*, плата за надзоръ и проценты.

Исключивъ возмездіе за рискъ, необходимое для покрытія возможныхъ потерь, которымъ подвергается капиталъ, или вслѣдствіе положенія общества, или особенной опасности приложенія капитала, свойственной извѣстнымъ отра-

(*) Глава VIII стр.

слямъ промышленности, мы получимъ излишекъ въ остаткѣ: часть его идетъ для вознагражденія владѣльца капитала за бережливость и остальное уплачиваетъ за трудъ, заботы и время лица, прилагающаго этотъ капиталъ. Какъ велики эти части? Намъ показываетъ количество возмездія, которое владѣлецъ капитала можетъ получить за ссуду его, когда отправленія капиталиста и промышленика не соединяются въ одномъ лицѣ. Это очевидно указываетъ намъ на отношеніе между запросомъ и снабженіемъ, которые являются здѣсь подъ тѣми же характерами, употребляются въ томъ же значеніи, какъ и въ другихъ случаяхъ. Проценты будутъ достаточны, чтобъ уравнить запросъ на ссуду съ существующимъ снабженіемъ денежныхъ капиталовъ, такъ-что капиталъ, требуемый желающими занять, будетъ совершенно равенъ капиталу, который другіе желаютъ дать взаймы. Если предлагается капитала болѣе, нежели его требуется, то проценты уменьшаются; напротивъ, если требуется его болѣе, то проценты увеличиваются, останавливаясь въ обоихъ случаяхъ на пунктѣ, возстанавливающемъ равновѣсіе между запросомъ и снабженіемъ.

Запросъ и снабженіе, въ отношеніи займовъ или ссудъ, измѣняются безпрестанно. Въ другихъ случаяхъ, для другихъ предметовъ эти колебанія зависятъ отъ ограниченнаго числа обстоятельствъ, на нихъ дѣйствующихъ; но желаніе занять и готовность дать въ займы болѣе или менѣе измѣняются подъ вліяніемъ каждаго обстоятельства, дѣйствующаго на современное состояніе, и будущность промышленности и торговли вообще, или ихъ отдѣльныхъ отраслей. Поэтому величина процентовъ, при хорошемъ обезпеченіи (единственные случаи займа, нами разсматриваемые) рѣдко остается та же самая, въ продолженіе двухъ дней къ ряду, въ главныхъ центрахъ торговыхъ и денежныхъ

операцій, какъ это доказываютъ намъ безпрестанно мѣняющіяся цѣны биржевыхъ фондовъ. Несмотря на то, однакожь, проценты, подобно цѣнности другихъ предметовъ должны имѣть нормальную или естественную величину (по выраженію Адама Смита и Рикардо), около которой совершаются эти колебанія и къ которой перемѣнныя величины процентовъ стремятся возвратиться. Эта естественная величина частью зависитъ отъ накопленія капитала въ рукахъ лицъ, которыя сами не могутъ слѣдить за приложеніемъ своихъ экономій, и частью отъ сравнительнаго расположенія общества или къ дѣятельнымъ занятіямъ промышлености, или къ легкой, пріятной, независимой жизни человѣка, существующаго пожизненными доходами.

Чтобъ исключить случайныя колебанія, предположимъ, что торговля находится въ спокойномъ положеніи; промышленость не представляетъ отраслей въ состояніи особеннаго процвѣтанія, или совершеннаго упадка. При этихъ обстоятельствахъ купцы и производители, болѣе преуспѣвающіе, даютъ всему капиталу, имъ принадлежащему, производительное приложеніе; и многіе между ними имѣютъ возможность, распространить свою дѣятельность за предѣлы, полагаемые ихъ средствами. Эти люди естественно являются заемщиками, и капиталъ, который они желаютъ занять и за который они могутъ представить хорошее обезпеченіе, составляетъ запросъ на займы для производительнаго приложенія. Сюда должно прибавить еще займы, требуемые правительствомъ, землевладѣльцами и непроизводительными потребителями, которые могутъ дать хорошее обезпеченіе. Это будетъ цѣлая масса займовъ, на которые существуетъ постоянный запросъ.

Понятно, что въ рукахъ лицъ, неимѣющихъ расположенія и способности къ занятіямъ коммерческимъ, можетъ

существовать масса капитала, равная этому запросу и даже его превосходящая. Въ этомъ случаѣ наибо́льшее совмѣстничество бываетъ на сторонѣ заимодавцевъ, и проценты представляютъ незначительную часть прибыли. Они могутъ понизиться до такой степени, что заемщики захотятъ увеличить свои долговыя обязательства несоразмѣрно съ своею промышленною дѣятельностью, или что одни заимодавцы пріостановятъ накопленіе капиталовъ, между-тѣмъ какъ другіе, чтобъ увеличить свои доходы, сами займутся промышленостью, раздѣляя, по-крайней-мѣрѣ, весь рискъ, если не труды и заботы производителей.

Съ другой стороны, капиталъ, принадлежащій лицамъ, предпочитающимъ отдавать его въ займы подъ проценты, или занятія которыхъ мѣшаютъ имъ самимъ слѣдить за его приложеніемъ, можетъ быть менѣе запроса на займы. Бо́льшая часть этого капитала можетъ быть помѣщена въ государственныхъ или частныхъ займахъ, и остатокъ недовольно значителенъ, чтобъ удовлетворить требованіямъ торговыхъ людей: въ такомъ случаѣ проценты увеличатся, чтобъ возстановить равновѣсіе. Когда между процентами и прибылью вообще существуетъ только незначительная разница, многіе заемщики не пожелаютъ увеличить своихъ долговыхъ обязательствъ и рисковать своимъ кредитомъ для ничтожнаго возмездія; другіе же, предпочитая досугъ, сами дѣлаются заимодавцами, и новое уравненіе между запросомъ и снабженіемъ опредѣляетъ новую величину процентовъ.

Въ торговыхъ странахъ банки представляютъ главные источники снабженія заемнаго капитала, и колебанія въ величинѣ процентовъ зависятъ исключительно отъ капиталовъ, въ нихъ находящихся, которые обыкновенно даются только на короткое время и постоянно ищутъ новаго помѣщенія.

Измѣненія величины процентовъ зависятъ, какъ мы видѣли, отъ измѣненія въ запросѣ и снабженія заемнаго капитала.

Снабженіе измѣняется въ меньшей степени, нежели запросъ. Желаніе давать въ займы обыкновенно бываетъ сильнѣе въ началѣ спекулятивнаго времени, и оно особенно слабѣетъ въ продолженіе переворота, за нимъ слѣдующаго. Въ періодъ спекуляцій, заимодавцы, подобно прочимъ торговымъ людямъ, желаютъ расширить свою дѣятельность, увеличивая свой кредитъ, ссужаютъ капиталы, имъ не принадлежащіе, и проценты тогда бываютъ незначительные. Въ продолженіе кризиса, напротивъ, проценты всегда чрезвычайно увеличиваются, потому-что здѣсь обнаруживается общее нерасположеніе ссужать, между-тѣмъ, какъ въ то же время существуютъ самыя назойливыя требованія на ссуды. Это нерасположеніе заимодавцевъ, когда оно достигаетъ высшей степени, называется торговою паникою (panic). Оно наступаетъ, когда, вслѣдствіе неожиданныхъ банкрутствъ, между купцами обнаруживается общее недовѣріе въ состоятельность другъ друга: они не только отказываютъ открыть новый кредитъ—развѣ соглашаясь только на условія необыкновенно тягостныя—но, по возможности, приводятъ въ наличность кредитъ, ими первоначально открытый. Вклады извлекаются изъ банковъ; банковые билеты предъявляются для размѣна на монету; банкиры возвышаютъ дисконтъ и прекращаютъ свои обыкновенныя ссуды; купцы отказываютъ возобновить векселя.

Исключая этихъ періодовъ чрезвычайнаго торговаго напряженія, снабженіе капиталовъ измѣняется только подъ вліяніемъ постепеннаго процеса ихъ накопленія, которое въ странахъ по преимуществу торговыхъ совершается довольно быстро и опредѣляетъ почти періодическое возоб-

новленіе спекуляцій и съ ними соединенныхъ коммерческихъ кризисовъ. Если, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ спокойной торговли, не открывается новый, довольно привлекательный каналъ для помѣщенія капиталовъ, то чрезвычайное возростаніе ихъ значительно понижаетъ проценты, какъ доказываетъ цѣна биржевыхъ фондовъ, или дисконтъ векселей, и капиталисты рѣшаются на рискъ, въ надеждѣ на прибыль болѣе значительную.

Запросъ на займы мѣняется болѣе нежели снабженіе и слѣдующія за нимъ колебанія величины процентовъ продолжаются болѣе значительное время. Война всегда открываетъ запросъ на заемный капиталъ; правительство тогда заключаетъ новые займы, которые быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, пока война продолжается; проценты тогда бываетъ выше нежели въ мирное время, какова бы ни была общая прибыль, и производительная промышленость лишается обыкновеннаго снабженія капиталовъ. Вліяніе правительственныхъ займовъ продолжается и въ послѣдующее время, потому-что неуплаченный государственный долгъ всегда представляетъ выгодное помѣщеніе для капиталовъ.

Открытіе новаго канала для постояннаго помѣщенія свободныхъ капиталовъ, какъ, напримѣръ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, оказываетъ на величину процентовъ такое же вліяніе, какъ и правительственные займы на военные расходы.

Изъ предъидущаго разсужденія очевидно, что проценты не имѣютъ необходимаго отношенія къ количеству и цѣнности монеты, существующей въ обращеніи, и обратно, увеличеніе количества ея не дѣйствуетъ само-по-себѣ и не можетъ имѣть никакого дѣйствія на величину процентовъ. То же самое должно сказать и о кредитной бумагѣ, выпускаемой правительствомъ: она уменьшаетъ способность монеты покупать

произведенія, но не деньги. Если за 1000 р. с. возможно купить пожизненный ежегодный доходъ въ 40 р. с., то обезцѣненіе кредитной бумаги, на половину понижающее цѣнность 1000 р. с., оказываетъ то же самое дѣйствіе и на 40 р. с. и не измѣняетъ отношенія между капиталомъ и процентами. Развѣ люди, зная, что это обезцѣненіе будетъ временное, соглашаются дать взаймы кредитные билеты, утратившіе свою цѣнность на болѣе выгодныхъ условіяхъ, разсчитывая получить въ уплату полноцѣнную монету.

Совершенно справедливо, что въ торговыхъ странахъ увеличеніе денегъ, въ обращеніи существующихъ, повидимому всегда понижаетъ проценты; но это потому, что здѣсь прибавленіе къ обращенію совершается при такихъ обстоятельствахъ, которыя дѣйствительно оказываютъ подобное вліяніе. Въ этихъ странахъ, банкъ или банкиры снабжаютъ торговлю деньгами, которыя выпускаются обыкновенно въ видѣ займа; слѣдственно одна и та же операція, которая увеличиваетъ обращеніе ихъ, увеличиваетъ займы и капиталъ, ищущій помѣщенія.

Прежде нежели мы оставимъ предметъ нашего разсужденія, я замѣчу здѣсь, что величина процентовъ опредѣляетъ цѣну и цѣнность предметовъ, доставляющихъ извѣстный доходъ. Биржевые фонды, акціи различныхъ компаній возвышаются въ цѣнѣ соразмѣрно съ пониженіемъ процентовъ.

Цѣна земли, горныхъ промысловъ зависитъ подобнымъ же образомъ отъ процентовъ и сообразуется съ его постоянными измѣненіями, не подчиняясь, раумѣется, кратковременнымъ колебаніямъ.

ГЛАВА XV.

УРАВНЕНІЕ ОБРАЩЕНІЯ РАЗМѢННОЙ КРЕДИТНОЙ БУМАГИ.

—

Частое повтореніе такъ-называемыхъ коммерческихъ кризисовъ въ прошедшей половинѣ текущаго столѣтія обратило вниманіе экономистовъ и практическихъ политиковъ на изысканіе средствъ, чтобъ предотвратить или, по-крайней-мѣрѣ, ослабить это зло. Общее мнѣніе приписывало всѣ измѣненія цѣнъ чрезмѣрнымъ выпускамъ кредитной бумаги, и всѣ изслѣдователи надѣялись достигнуть своей цѣли посредствомъ различныхъ плановъ уравненія выпусковъ банковыхъ билетовъ. Одинъ изъ таковыхъ плановъ, съ общаго одобренія Англійскаго Парламента, обратился въ законъ страны, при послѣднемъ возобновленіи привилегіи Англійскаго Банка (Bank of England).

Многіе думаютъ, что всѣ вообще банки, выпускающіе кредитную бумагу, могутъ, по своему произволу, пустить свои билеты въ обращеніе и возвысить цѣны; что эта сила ограничивается только благоразуміемъ и умѣренностью

банкировъ въ ея проявленіи; что когда они увеличиваютъ выпуски кредитной бумаги свыше обыкновенной суммы, возвышеніе цѣнъ, затѣмъ слѣдующее, порождаетъ духъ спекуляцій, разрѣшающійся коммерческимъ кризисомъ, и что каждый кризисъ, сколько запомнятъ торговые люди, или былъ прямымъ слѣдствіемъ этой причины, или значительно ею усиливался. Знаменитые экономисты, въ своихъ теоріяхъ обращенія кредитной бумаги, не впадали въ такую крайность, которую я, однакожь, не преувеличиваю въ отношеніи популярнаго мнѣнія раздѣляемаго массою публики. Тукъ, который особенно изслѣдовалъ теоретически и исторически вопросъ о цѣнахъ и который, какъ мы сказали, почитается первымъ авторитетомъ по этому предмету, въ своихъ показаніяхъ предъ Комитетомъ Палаты Комоненовъ, (House of Commons) совершенно уничтожаетъ это мнѣніе.

«Это положительный и историческій фактъ, указываемый моими изслѣдованіями (говоритъ Тукъ) (*), что при каждомъ возвышеніи, или пониженіи цѣнъ, это возвышеніе или пониженіе всегда предшествуетъ увеличенію или ограниченію обращенія банковыхъ билетовъ и потому не можетъ быть его слѣдствіемъ.»

Крайности этого мнѣнія, приписывающаго каждое возвышеніе или пониженіе цѣнъ увеличенію или ограниченію выпусковъ банковыхъ билетовъ, породили, какъ противодѣйствіе, теорію, совершенно ему противоположную, главными представителями которой явились Фуляртонъ и Тукъ. Эта теорія отрицаетъ всякую возможность вліянія банковыхъ билетовъ на цѣны, пока размѣнъ ихъ поддерживается, утверждая также, что банки не могутъ увеличивать обращеніе выпускаемой ими кредитной бумаги, развѣ толь-

(*) Report from the committee of secrecy on the Bank of England charter. 1833. Evid. 3976.

ко вслѣдствіе расширенія своихъ оборотовъ и пропорціонально ему. Это послѣднее утвержденіе опирается на единогласные отзывы всѣхъ провинціальныхъ банкировъ Англіи, которые были допрошены предъ парламентскими комитетами. Всѣ они свидѣтельствуютъ (выражаясь словами Фуллартона (*),

«Что количество ихъ выпусковъ исключительно опредѣляется обширностью мѣстныхъ занятій и расходами въ округахъ ихъ дѣятельности, которые измѣняются соотвѣтственно перемѣнамъ въ производженіи и колебанію цѣнъ, и что они не могутъ увеличить этихъ выпусковъ за предѣлы, полагаемые этими занятіями и расходами, иначе билеты, ими выпущенные, немедленно возвратятся къ нимъ, ни также уменьшить ихъ, иначе недостатокъ пополнится изъ другихъ источниковъ.»

На этихъ основаніяхъ гг. Тукъ и Фуллартонъ утверждаютъ, что такъ-какъ выпуски банковыхъ билетовъ увеличиваются только съ увеличеніемъ запроса на нихъ, то они не могутъ возвышать цѣнъ, не могутъ поощрять спекуляцію и не составляютъ причины коммерческихъ кризисовъ, и что всякое покушеніе оградить торговлю отъ этого зла искусственнымъ уравненіемъ выпусковъ банковыхъ билетовъ не только не соотвѣтствуетъ предполагаемой цѣли, но можетъ повести за собою необыкновенно вредныя послѣдствія.

Половина этого ученія, основывающаяся на подобномъ свидѣтельствѣ, а не на аналогіи, мнѣ кажется неопровержимою. Показанія провинціальныхъ банкировъ такъ ясно и правильно изложенныя въ краткой сентенціи г. Фуллартона, заслуживаютъ полнаго довѣрія. Я убѣжденъ, что банкиры не могутъ увеличить выпуска своихъ билетовъ, развѣ

(*) Fullarton. Regulation of currencies, p. 85.

только при обстоятельствахъ, ими указанныхъ. Я убѣжденъ также, что теорія г. Фулляртона, основанная на этомъ фактѣ, содержитъ много справедливаго и ближе къ истинѣ, нежели всѣ другія теоріи обращенія кредитной бумаги.

Рынки представляютъ намъ два различныя состоянія: состояніе покоя, застоя или штиля, и спекулятивное состояніе. Въ первомъ случаѣ мы находимъ, что бо́льшая часть купцовъ не обнаруживаетъ желанія расширить свои операціи. Промышленики производятъ свое обыкновенное количество издѣлій и купцы покупаютъ обыкновенный запасъ товаровъ, не ожидая особенно быстраго сбыта для нихъ. Каждый ограничивается обыкновеннымъ кругомъ дѣятельности, или расширяетъ его только соразмѣрно увеличенію своихъ коммерческихъ сношеній, или своего капитала, или, наконецъ, запроса на товаръ, вслѣдствіе развитія общественнаго благосостоянія. Никто не задумываетъ особеннаго расширенія своихъ операцій и производители и торговцы не обращаются къ банкирамъ за новыми ссудами; и поелику банкиры увеличиваютъ выпуски своихъ билетовъ только вслѣдствіе новыхъ займовъ, то, при этихъ обстоятельствахъ, увеличеніе этихъ выпусковъ невозможно.

Но рынокъ представляетъ тоже другое состояніе, разительно-противоположное предъидущему, и приложеніе теоріи Тука и Фулляртона не столь очевидно въ этомъ случаѣ, когда существуетъ убѣжденіе, основательное или неосновательное, что снабженіе одного или нѣсколькихъ главныхъ предметовъ торговли не будетъ удовлетворительно для обыкновеннаго потребленія. Въ подобныхъ обстоятельствахъ всѣ лица, заинтересованныя въ торговлѣ, или произвожденіи этихъ предметовъ, обнаруживаютъ желаніе расширить свои операціи. Производители и купцы желаютъ выдѣлать или привести ихъ въ бо́льшемъ количествѣ; спе-

куляторы желаютъ заготовить значительные запасы, чтобъ извлечь выгоду изъ ожидаемаго возвышенія цѣны, и торговцы, имѣющіе въ рукахъ своихъ эти произведенія, заключаютъ новые займы, чтобъ имѣть возможность замедлить ихъ сбытомъ. Всѣ эти классы промышлениковъ готовы особенно пользоваться своимъ кредитомъ, и невозможно отрицать, что банкиры очень часто неблагоразумно содѣйствуютъ этой готовности. Это состояніе торговли, когда оно бываетъ особенно продолжительно, производитъ переворотъ, называемый коммерческимъ кризисомъ, и положительно извѣстно, что подобные періоды спекуляцій всегда сопровождаются значительнымъ увеличеніемъ выпусковъ банковыхъ билетовъ.

Гг. Тукъ и Фулляртонъ, однакожь, отвѣчаютъ на это, что «увеличеніе обращенія кредитной бумаги обыкновенно слѣдуетъ за возвышеніемъ цѣнъ, а не предшествуетъ ему, и поэтому не есть причина, но слѣдствіе его». Я совершенно согласенъ съ этимъ и считаю этотъ фактъ доказаннымъ исторически и теоретически, что въ продолженіе восходящаго періода спекуляціи, пока она ограничивается дѣлами между торговцами, выпуски банковыхъ билетовъ увеличиваются очень рѣдко и совершенно не содѣйствуютъ спекулятивному возвышенію цѣнъ. Мнѣ кажется, однакожь, этого нельзя утверждать, когда спекуляція въ своемъ развитіи распространяется и на производителей. Спекулятивные заказы купцовъ побуждаютъ фабрикантовъ расширить свою дѣятельность и обратиться къ банкирамъ за новыми займами, которые выдаются имъ въ видѣ банковыхъ билетовъ. Эти билеты не возвращаются въ сохранныя кассы банкировъ, но истрачиваются фабрикантами, частью въ формѣ заработной платы, частью въ видѣ сырыхъ матеріаловъ, и переходятъ въ различные капалы мелочной торговли, гдѣ

они прямо дѣйствуютъ на возвышеніе цѣнъ. Я увѣренъ, подобное употребленіе банковыхъ билетовъ должно оказывать сильное вліяніе на цѣны въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ незначительную цѣнность. Но дѣятельность ихъ, кромѣ-того, обнаруживается въ другой формѣ, въ позднѣйшее время спекуляціи, и которая представляетъ главный аргументъ для болѣе умѣренныхъ защитниковъ теоріи уравненія обращенія кредитной бумаги. Хотя купцы рѣдко обращаются къ банкирамъ за ссудами для спекулятивныхъ покупокъ, но къ нимъ часто прибѣгаютъ неудачные спекуляторы, чтобъ удержать свое положеніе, и ихъ соперничество на полученіе доли изъ заемнаго капитала поставляетъ даже и неспекулирующихъ купцовъ въ бо̀льшую зависимость отъ банкировъ. Между восходящимъ періодомъ спекуляцій и переворотомъ существуетъ переходная эпоха борьбы, которая продолжается недѣли, нерѣдко мѣсяцы. Приливъ обнаруживаетъ признаки обратнаго движенія; спекуляторы не хотятъ продавать товары, когда цѣна понижается, а между-тѣмъ, они нуждаются въ средствахъ, чтобъ имѣть возможность исполнить даже свои обыкновенныя обязательства. Это промежуточное состояніе обозначается значительнымъ увеличеніемъ количества банковыхъ билетовъ въ обращеніи. Никто не отрицаетъ этого факта и, я думаю, всѣ согласятся, что это увеличеніе протягиваетъ спекулятивный періодъ; что оно долѣе поддерживаетъ спекулятивныя цѣны и, слѣдственно, продолжаетъ движеніе драгоцѣнныхъ металловъ за границу, которое составляетъ отличительную черту этого состоянія въ прогресѣ коммерческаго кризиса. Продолжающееся движеніе драгоцѣнныхъ металловъ наконецъ угрожаетъ банкамъ опасностью не исполнить своего обязательства въ уплатѣ ихъ билетовъ по предъявленіи, и банкиры бываютъ принуждены вдругъ со-

кратить свой кредитъ, увеличивая такимъ-образомъ зло, которое было бы менѣе чувствительно, еслибъ они не поддерживали спекуляцію ссудами, когда переворотъ становился неизбѣжнымъ.

Препятствовать этому замедленію переворота, только увеличивающему его тягость, есть цѣль плана уравненія обращенія кредитной бумаги, который въ первый разъ предложили члены Парламента Лойдъ, Норманъ и полковникъ Торенсъ и который, послѣ ничтожныхъ измѣненій въ формѣ, былъ обращенъ С. Р. Пилемъ въ 1844 году, съ согласія Парламента, въ одинъ изъ законовъ Англіи (*).

Согласно съ этимъ планомъ, какъ онъ былъ первоначально предложенъ, выпускъ банковыхъ билетовъ былъ предоставленъ только одному, заведенію — Англійскому Банку (Bank of England). Парламентъ не отнялъ этого преимущества у другихъ банковъ, пользовавшихся имъ прежде, но вновь открывавшіеся банки не получали этого права, даже если первые прекращали свои выпуски, maximum которыхъ былъ ограниченъ съ намѣреніемъ очень незначительною суммою (**). Для Англійскаго Банка maximum выпуска билетовъ подъ залоги, или, другими словами, для займовъ, былъ ограниченъ въ настоящее время суммою 14 мильоновъ фунтовъ стерлинговъ (88,340,000 р. с.). Билеты, выпускаемые свыше этой суммы, должны выдаваться только въ обмѣнъ на золото, которое Банкъ обязанъ покупать бездѣлицею дешевле цѣны, опредѣленной монетнымъ дворомъ. Слѣдственно, въ отношеніи выпусковъ свыше 14 милл. ф. ст. Банкъ находится совершенно въ состояніи страдательномъ, будучи

(*) Act 7 et 8 Vict. c. 32 for regulating the issue of bank notes and for giving to he Bank of England certain privileges for a limited period. 19. July 1844.

(**) 4,999,444 ф. с. (31,545,491 р. с.) на 196 банковъ, продолжающихъ выпускъ своихъ собственныхъ билетовъ. Mc Culloch's Comm. Diction. p. 111.

принужденъ выдавать каждому, во всякое время, свои билеты за золото, платя 3 ф. ст. 17 шил. 9 пен. (25 р. 86 к. с.) за унцію (7 зол. 28,97 доли) и золото за свои билеты, покупая его за 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ пен. (25 р. $90^1/_2$ к. с.) за унцію.

Подобная мѣра очевидно имѣла цѣлью согласовать всѣ измѣненія обращенія кредитной бумаги и металлической монеты.

Мы разсмотримъ, въ какой степени эта цѣль достигается и исполняетъ ли эта мѣра свое практическое назначеніе, на которое такъ надѣялись защитники ея, т. е. останавливаетъ ли она вначалѣ спекулятивное расширеніе кредита?— Я думаю, должно допустить, что въ нѣкоторой степени она успѣла въ этомъ.

Я знаю, что́ можетъ быть сказано, и отчасти съ справедливостью, въ опроверженіе этого мнѣнія. Мнѣ могутъ замѣтить, что когда наступаетъ время, въ которое спекуляторы обращаются къ банкамъ съ новыми требованіями болѣе обширныхъ займовъ, ограниченіе выпуска билетовъ не препятствуетъ банкирамъ удовлетворять этимъ требованіямъ, если они этого желаютъ; что ихъ сохранныя кассы служатъ средствомъ къ тому; что даже, въ случаѣ отказа банкировъ, всѣ вклады будутъ извлечены ихъ владѣльцами, для удовлетворенія ихъ собственныхъ нуждъ, и что обращеніе кредитной бумаги и монеты будетъ также увеличено въ этомъ случаѣ, какъ и чрезъ прибавленіе выпуска новыхъ билетовъ. Это опроверженіе справедливо и можетъ служить удовлетворительнымъ отвѣтомъ для тѣхъ, кто думаетъ, что ссуды банковъ, дѣлаемыя съ цѣлью поддержать падающую спекуляцію, вредны преимущественно, какъ увеличеніе обращенія кредитной бумаги; но онѣ предосудительны и вредны въ дѣйствительности, какъ излишнее рас-

ширеніе кредита. Если банки, вмѣсто того, чтобъ давать въ займы свои билеты, не будутъ препятствовать извлеченію вкладовъ, ими сохраняемыхъ, то обращеніе ихъ, конечно, увеличится точно также (по-крайней-мѣрѣ на короткое время), но ссуды ихъ не увеличатся. Возвышеніе процентовъ не останавливается, слѣдственно, въ первый моментъ, когда затрудненія, слѣдующія за чрезвычайною спекуляціею, дѣлаются ощутительными. Спекуляторы принуждены, чрезъ перепродажу товаровъ, ранѣе понести потерю, которую имъ невозможно предотвратить послѣ, и цѣны падаютъ; кредитъ сжимается гораздо прежде и гораздо скорѣе.

Чтобъ оцѣнить, какое вліяніе имѣетъ ускореніе кризиса на умягченіе его тягости, для этого обратимъ особенное вниманіе на движеніе золота за границу, составляющее отличительную черту періода, предшествующаго общему сжатію торговли. Возвышеніе цѣнъ, вслѣдствіе спекулятивнаго расширенія кредита, даже еслибъ банковые билеты не были средствомъ къ тому, дѣйствуетъ точно такъ же на курсы, которые, если эта причина возмущаетъ ихъ, возвращаются къ первоначальной цифрѣ и останавливаютъ движеніе золота или чрезъ пониженіе цѣнъ, или чрезъ возвышеніе процентовъ. Пониженіе цѣнъ останавливаетъ это движеніе, уничтожая причину, которая произвела его; тогда товары представляютъ средство болѣе выгодное, нежели даже золото, для уплаты заграничныхъ долговъ, уже сдѣланныхъ. Возвышеніе процентовъ и, слѣдующее за нимъ, пониженіе цѣнъ всѣхъ биржевыхъ фондовъ совершаютъ это назначеніе еще гораздо быстрѣе, побуждая иностранцевъ, вмѣсто того, чтобъ вывозить золото, помѣщать его внутри страны и даже привозить его сюда, чтобъ воспользоваться этимъ возвышеніемъ процентовъ. Англія въ 1847 году, представляла поразительные примѣры этого послѣдняго способа

прекращенія вывоза золота. Но пока цѣны не понизятся, или проценты не увеличатся, ничто не можетъ остановить движенія драгоцѣнныхъ металловъ за границу; а пониженіе цѣнъ и возвышеніе процентовъ невозможны, пока кредитъ, неблагоразумно расширенный, постоянно поддерживается ссудами банкировъ. Это фактъ, извѣстный въ Англіи, что когда начинается непрестанное движеніе золота за границу, оно оказываетъ прежде всего ограничивающее вліяніе на выпускъ банковыхъ билетовъ, потому-что золото, необходимое для вывоза, получается изъ Англійскаго Банка въ обмѣнъ за эти билеты. До 1844 года этотъ банкъ будучи принужденъ, наравнѣ съ другими кредитными учрежденіями, дѣлать ссуды вкладчикамъ, очень часто выпускалъ вновь въ обращеніе старые билеты, получаемые имъ въ обмѣнъ за этотъ драгоцѣнный металлъ. Пока Англійскій Банкъ и другіе банки дѣйствовали такимъ образомъ, движеніе золота продолжалось и наконецъ такое ничтожное количество его оставалось въ ихъ кассѣ, что они находились въ опасности прекратить размѣнъ своихъ билетовъ. Тогда, наконецъ, они были принуждены вдругъ сократить значительно дисконтированье векселей. Этотъ внезапный переходъ производилъ бо̀льшее измѣненіе въ процентахъ, причинялъ болѣе чувствительную потерю частнымъ лицамъ и разрушалъ въ высшей степени внутренній кредитъ страны.

Я сознаю (и опытъ 1847 года доказалъ это), что описанное нами зло совершается и въ значительной мѣрѣ, если банкъ ссужаетъ свои вклады. Онъ можетъ продолжать и увеличить даже дисконтированіе и ссуды, когда онъ обязанъ ограничить ихъ, въ заключеніе дѣлая это сокращеніе кредита болѣе внезапнымъ и чувствительнымъ, нежели это необходимо. Я думаю, однакожь, что банки, такъ неблаго-

разумно поступающіе съ своими вкладами, впадутъ въ бо́льшую погрѣшность, имѣя полную свободу въ то же время увеличивать ссуды выпусками своихъ билетовъ. Я убѣжденъ, что это ограниченіе выпусковъ есть дѣйствительное препятствіе къ ссудамъ, которыя останавливаютъ отливъ, въ заключеніе стремящійся подобно бурному потоку. Если ограниченія закона 1844 года противополагаютъ препятствія именно въ такое время, когда необходимы только облегченія, то должно отдать справедливость, что, создавая эти препятствія, онъ дѣйствуетъ благотворно. Въ этомъ отношеніи никто не будетъ отрицать, что новая система имѣетъ дѣйствительное преимущество предъ старою.

Но, отступая въ этой степени отъ мнѣнія гг. Тука и Фуллиртона, я долженъ согласиться съ ними, что эти, повидимому, преимущества, какова бы ни была ихъ важность, ведутъ за собою утраты еще значительнѣе.

Во-первыхъ, расширеніе кредита банкировъ, хотя очень вредное, когда онъ уже находится въ состояніи напряженномъ, необыкновенно благодѣтельно по наступленіи кризиса, когда существуетъ особенная скудость его, когда увеличенныя ссуды банкировъ служатъ для замѣщенія кредита утраченнаго. До 1844 года, если Англійскій Банкъ, иногда усиливалъ тягость коммерческаго кризиса, замедляя сжатіе кредита, то, наоборотъ, онъ оказывалъ неоцѣненныя заслуги въ продолженіе самаго кризиса, являясь съ своими ссудами, чтобъ поддержать состоятельные торговые домы въ такое время, когда всякая другая кредитная бумага и торговый кредитъ, говоря сравнительно, совершенно теряли свою цѣнность. Эта услуга была особенно чувствительна въ продолженіе кризиса 1825—6 года, вѣроятно самаго тяжелаго, который встрѣчаемъ мы въ исторіи торговли Англіи. Банкъ Англійскій увеличилъ тогда обра-

щеніе своихъ билетовъ на нѣсколько мильоновъ фунтовъ стерлинговъ (*), выданныхъ въ видѣ займовъ торговымъ домамъ, въ состоятельности которыхъ онъ не сомнѣвался; и еслибъ онъ былъ принужденъ ограничить эти ссуды, то тягость кризиса была бы еще чувствительнѣе.

Подобная помощь кредиту въ продолженіе его чрезвычайнаго сжатія, слѣдующаго за его неблагоразумнымъ расширеніемъ, совершенно согласно съ принципомъ новой системы, потому-что его чрезвычайное сжатіе и пониженіе цѣнъ неизбѣжно привлекаютъ золото въ страну, и принципъ системы не только разрѣшаетъ банкъ, но принуждаетъ его увеличить выпускъ билетовъ, когда возростаетъ обращеніе звонкой монеты. Но что̀ идея закона одобряетъ, то останавливаютъ мѣры, въ немъ заключающіяся, не дозволяя увеличенія выпусковъ, пока золото дѣйствительно не будетъ привезено, что̀ обыкновенно случается по прошествіи самой тяжелой половины кризиса.

Это назначеніе банковъ пополнить отсутствіе коммерческаго кредита вслѣдствіе безразсудной спекуляціи и переворота, изъ нея выходящаго, такъ необходимо, что если законъ 1844 года не будетъ отмѣненъ совершенно, то дѣйствіе его должно быть остановлено въ каждомъ коммерческомъ затрудненіи при наступленіи кризиса, какъ это было въ 1847 году.

Но новая система подвергается еще другому обвиненію, болѣе радикальному.

Объявляя въ теоріи, что обращеніе кредитной бумаги должно сообразоваться со всѣми измѣненіями металлическаго или монетнаго обращенія, эта система объусловливаетъ на самомъ дѣлѣ, что каждый разъ, при извлеченіи золота,

(*) Въ 1826 году, 28 февраля, оно достигло 23. 467. 910 ф. ст. Mc Culloch's Comm. Diet p. 100.

количество банковыхъ билетовъ должно соотвѣтственно уменьшиться; другими словами, что драгоцѣнные металлы, вывозимые за границу, на самомъ дѣлѣ должны быть извлечены изъ обращенія. Эта теорія и практическія мѣры, на ней основанныя, прилагаются только къ такимъ случаямъ, когда движеніе золота за границу есть слѣдствіе возвышенія цѣнъ, которое производитъ неблагоразумное расширеніе кредита и увеличеніе обращенія кредитной бумаги; но приложеніе ихъ ко всякому другому случаю невозможно.

Когда вывозъ золота представляетъ конечный результатъ увеличенія обращенія денегъ, или распространенія кредита, одинаково дѣйствующаго съ нимъ на цѣны; то, въ этомъ случаѣ, можно допустить, съ совершенною справедливостью, что, при исключительно металлической монетной системѣ, вывозимое золото извлекается изъ самаго обращенія. Но вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ бываетъ часто слѣдствіемъ другихъ причинъ, неимѣющихъ вліянія на обращеніе денегъ или на кредитъ, бываетъ слѣдствіемъ чрезвычайныхъ заграничныхъ платежей, зависящихъ или отъ состоянія рынковъ, или отъ обстоятельствъ совершенно некоммерческихъ. Мы назовемъ здѣсь четыре изъ этихъ причинъ, примѣры могущественнаго вліянія которыхъ представляетъ намъ политико-экономическая исторія Англіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Первая причина—чрезвычайные заграничные расходы правительства; вторая—вывозъ капиталовъ для заграничнаго помѣщенія, какъ, напримѣръ, для иностранныхъ займовъ; третья—неурожаи растительныхъ фабричныхъ матеріаловъ въ странахъ, ими снабжающихъ, важнѣйшія отрасли мануфактурной промышлености Англіи, какъ, напримѣръ, неурожай хлопчатой бумаги въ Америкѣ, и четвертая—чрезвычайный привозъ хлѣба вслѣдствіе худаго урожая.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если звонкая монета преимущественно или исключительно существуетъ въ обращеніи, вывозимые драгоцѣнные металлы никогда не извлекаются изъ него; они извлекаются изъ запасовъ, необыкновенно-значительныхъ (если внутри страны исключительно обращается звонкая монета) и которые находятся или въ рукахъ частныхъ лицъ, копящихъ деньги, или составляютъ резервы банкировъ. Во Франціи, гдѣ обращеніе кредитной бумаги еще довольно-ограничено, существующее количество золотой и серебряной монеты представляетъ огромную сумму трехъ мильярдовъ франковъ. Значительная часть этого сокровища, по всей вѣроятности, заключается въ сундукахъ частныхъ людей и не находится въ обращеніи.

Прилагая этотъ фактъ къ системѣ уравненія обращенія, г. Фулартонъ говоритъ (*):

«Многіе могутъ подумать, что они (защитники этой системы) предполагаютъ, будто все золото, вывозимое изъ страны, внутри которой обращаются металлическія деньги, собирается на ярмаркахъ, или рынкахъ, изъ выручекъ лавочниковъ. Они даже никогда не упоминаютъ о существованіи сокровищъ драгоцѣнныхъ металловъ, хотя отъ нихъ зависитъ весь механизмъ внѣшнихъ платежей между двумя странами, употребляющими исключительно звонкую монету, и хотя деньги, собранныя въ этихъ сокровищахъ, даже согласно съ ихъ теоріею, совершенно не могутъ оказывать вліянія на цѣны. Мы знаемъ по опыту, что эти страны имѣютъ возможность производить огромные платежи въ видѣ золота или серебра, не нарушая своего внутренняго благосостоянія. Откуда же являются эти средства, если не изъ накопленныхъ сокровищъ? Посмотримъ, какого рода вліяніе оказываетъ заграничный платежъ нѣсколькихъ мильо-

(*) Fullar. ibid. pp 139 — 42.

новъ на денежный или заемный рынокъ страны, исключительно употребляющей драгоцѣнные металлы, какъ мѣновой посредникъ. Конечно требованіе подобнаго рода можетъ быть удовлетворено только посредствомъ перевода капитала и запросъ на него необходимо возвышаетъ проценты. Если правительство производитъ подобный платежъ, то оно открываетъ новый заемъ на условіяхъ болѣе выгодныхъ для заимодавцевъ. Если это платежъ коммерческій, то купцы или вынимаютъ свои вклады изъ банковъ, или являются на рынокъ, чтобъ занять необходимое количество монеты. И подобный запросъ, въ обоихъ случаяхъ, не долженъ ли неизбѣжно дѣйствовать на накопленныя сокровища и извлекать изъ нихъ часть золота и серебра?

«Самое убѣдительное доказательство дѣятельности подобныхъ сокровищъ въ установленіи равновѣсія внѣшняго запроса въ странахъ, производящихъ платежи преимущественно монетою, представляетъ Франція, которая, едва оправившись послѣ иноземнаго нашествія, уплатила, въ теченіе двадцати-семи мѣсяцевъ, союзнымъ державамъ почти полмильярда франковъ контрибуціи, въ видѣ монеты, безъ малѣйшаго разстройства во внутреннемъ обращеніи, даже безъ измѣненія въ курсахъ».

Въ странѣ, гдѣ кредитъ такъ значительно развитъ, какъ въ Англіи, напримѣръ, одинъ большой резервъ драгоцѣнныхъ металловъ, существующій въ одномъ заведеніи, подобномъ Англійскому Банку, замѣщаетъ многообразные запасы и клады, которые мы встрѣчаемъ въ другихъ странахъ. Согласно съ началомъ системы, нами разбираемой, слѣдственно всякій вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ, которые, при обращеніи исключительно звонкой монеты, необходимо извлекаются изъ сокровищъ, нами упомянутыхъ, дѣйствуетъ здѣсь прямо на резервъ Англійскаго Банка, безъ

малѣйшаго къ тому препятствія или чрезъ ограниченіе кредита, или чрезъ ограниченіе обращенія монеты. Это обстоятельство, впрочемъ, не составляетъ еще достаточно основательнаго опроверженія, развѣ вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ такъ значителенъ, что онъ угрожаетъ совершеннымъ истощеніемъ резерва и, слѣдственно, прекращеніемъ размѣна банковыхъ билетовъ. Противъ подобной опасности легко принять соотвѣтствующія предосторожности, потому-что въ случаяхъ, нами разсматриваемыхъ, вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ для заграничныхъ платежей представляетъ всегда опредѣленную сумму и останавливается самъ-собою разъ, когда эти платежи произведены. И всѣ системы кредитныя допускаютъ, что обыкновенный резервъ банка долженъ превосходить наибольшую сумму, на которую можетъ простираться, по указаніямъ опыта, подобный вывозъ. Фуллъртопъ ограничиваетъ резервъ семью мильонами, Тукъ — десятью мильонами фунт. стерлинговъ.

Но механизмъ новой системы настаиваетъ положительно на исполненіи того, что она осуждаетъ въ идеѣ. Каждый вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ, какова бы ни была его причина, теперь необходимо и исключительно извлекается изъ обращенія. Обращеніе банковыхъ билетовъ и дисконтированіе векселей, или ссуды банка, должны уменьшаться на сумму, равную вывезеннымъ драгоцѣннымъ металламъ, если даже этотъ вывозъ равняется семи или десяти мильонамъ. И замѣтимъ, это происходитъ, въ такихъ случаяхъ, когда не было спекулятивнаго возвышенія цѣнъ, противъ котораго вызывается дѣятельность этой системы, ни также чрезвычайнаго расширенія кредита; но требованіе на золото было только слѣдствіемъ заграничныхъ платежей насчетъ правительства, или по причинѣ обширнаго привоза хлѣба.

Вотъ выгоды и невыгоды системы обращенія кредитной бумаги, утвержденной въ Англіи закономъ 1844 года, и мнѣ кажется, перевѣсъ находится на сторонѣ послѣднихъ. Опытъ и теоретическія изслѣдованія, безъ сомнѣнія, впослѣдствіи прояснятъ болѣе этотъ запутанный и темный предметъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть одинъ вопросъ, соединенный съ обращеніемъ банковыхъ билетовъ: должна ли привилегія выпуска ихъ ограничиваться однимъ заведеніемъ, или раздѣляться между многими кредитными учрежденіями?

Предъидущія изслѣдованія убѣждаютъ насъ, что банковые билеты не имѣютъ особенной важности въ сравненіи съ другими формами кредита. Единственное преимущество ихъ заключается въ томъ, что они представляютъ форму его, наиболѣе удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ обращенія и, слѣдственно, могутъ совершенно замѣнить употребленіе монеты внутри государства. Слѣдственно исключительная привилегія выпуска ихъ должна приносить значительную прибыль, и гораздо полезнѣе, чтобъ правительство извлекало эту прибыль. Въ Англіи одно кредитное учрежденіе снабжаетъ цѣлую страну кредитными билетами, подъ условіями ссуды правительству ста или полутораста милліоновъ рублей сер., въ видѣ этихъ билетовъ, безъ процентовъ. Это доставлаетъ правительству тѣ же выгоды, какъ еслибъ оно само выпускало свои собственные кредитные билеты.

Существованіе нѣсколькихъ кредитныхъ учрежденій, съ правомъ выпуска банковыхъ билетовъ — какъ это было въ Англіи до 1844 года и какъ это продолжается тамъ съ выше названными ограниченіями — обыкновенно находятъ вреднымъ на томъ основаніи, что взаимное соперничество побуждаетъ ихъ неблагоразумно увеличивать количество

выпускаемыхъ ими билетовъ. Но мы видѣли, что власть банкировъ въ этомъ отношеніи очень ограниченна, и вредъ, который они могутъ произвести, совсѣмъ не такъ великъ, какъ его обыкновенно представляютъ. Фуллартонъ замѣчаетъ, что чрезвычайное возростаніе соперничества, вслѣдствіе открытія новыхъ компанейскихъ банковъ (joint stock banks) нисколько не увеличило массы банковыхъ билетовъ, существующихъ въ обращеніи; количество ихъ, напротивъ, уменьшилось. Во всякомъ случаѣ, желательно имѣть одно большое кредитное учрежденіе, которое было бы обязано уплачивать свои билеты золотомъ, между-тѣмъ, какъ другіе банки пользовались бы правомъ уплачивать свои билеты билетами этого главнаго кредитнаго учрежденія. Подобная мѣра имѣетъ цѣлью обязать одно заведеніе, держать всегда достаточный запасъ драгоцѣнныхъ металловъ, чтобъ удовлетворить требованію, въ случаѣ ихъ вывоза. Разлагая это обязательство на нѣсколько банковъ, трудно, почти невозможно слѣдить за его точнымъ исполненіемъ и, кромѣ-того, резервы ихъ драгоцѣнныхъ металловъ будутъ мертвымъ капиталомъ, лежащимъ безъ употребленія.

ГЛАВА XVI.

ВЛІЯНІЕ УСПѢХОВЪ ПРОМЫШЛЕНОСТИ И ВОЗРОСТАНІЯ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ НА ЦѢНЫ, ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ДОХОДЪ, ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ И ПРИБЫЛЬ.

—

Предъидущія главы заключаютъ по возможности подробное обозрѣніе такъ-называемой политико-экономической статики. Мы представили вѣрное изображеніе политико-экономическихъ фактовъ, изслѣдовали взаимное отношеніе ихъ, какъ причинъ и результатовъ, изслѣдовали, какія обстоятельства опредѣляютъ общій итогъ произвожденія, какимъ законамъ подчинены поземельный доходъ, прибыль и заработная плата, при какихъ условіяхъ и въ какой пропорціи произведенія размѣниваются между лицами и странами: мы получили такимъ-образомъ общій взглядъ на всѣ политико-экономическія явленія общества, соединенно и современно дѣйствующія. Всѣ эти свѣдѣнія, однакожь, открываютъ намъ политико-экономическіе законы неподвижнаго общества. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть политико-экономическое состояніе человѣческаго рода подъ вліяніемъ перемѣнъ преуспѣянія или усовершенія, из-

слѣдовать эти перемѣны, ихъ законы и ихъ конечное направленіе, и присоединить, такимъ-образомъ, теорію движенія, къ разсмотрѣнной нами теоріи равновѣсія— динамику Политической Экономіи къ ея статикѣ.

Естественно начать это изслѣдованіе извѣстными и всѣми признанными фактами. Каковы бы ни были другія перемѣны, черезъ которыя суждено перейдти обществу, никто не станетъ оспоривать прогрессивную дѣятельность одной перемѣны. Мы замѣчаемъ во всѣхъ странахъ постоянное движеніе впередъ, обнаруживающееся возростаніемъ богатства, успѣхами такъ-называемаго вещественнаго благосостоянія.

Между различными чертами, характеризующими это движеніе образованнаго человѣчества, прежде всего обращаетъ наше вниманіе постоянно возростающее господство человѣка надъ природою, такъ тѣсно связанное съ явленіями произвожденія. Наши познанія свойствъ и законовъ физической природы показываютъ, что мы далеко не достигли крайнихъ предѣловъ; но они раздвигаются быстрѣе, въ болѣе разнообразныхъ направленіяхъ, нежели въ вѣка прошедшіе, правда, открывая намъ впереди еще обширное, неразработанное поле, ясно свидѣтельствующее о ничтожности нашихъ успѣховъ. Практическое искусство обращаетъ также быстрѣе въ настоящее время эти познанія природы на практическое приложеніе. Электро-магнитный телеграфъ, вѣроятно, одно изъ самыхъ чудныхъ новѣйшихъ изобрѣтеній, буквально осуществляющее могущество чародѣя, получилъ свое начало, нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ водворенія ученой теоріи, практическое приложеніе которой онъ представляетъ.

Другая перемѣна, также характеризующая успѣхи цивилизированнаго общества, есть постоянно возростающая без-

опасность лицъ и ихъ собственности. Жители всѣхъ странъ Европы болѣе и болѣе ограждаются противъ насилія и хищничества чрезъ бо̀льшую дѣятельность правосудія, преслѣдующаго преступленія частныя. Даже превратности счастія, вслѣдствіе неизбѣжныхъ естественныхъ бѣдствій, болѣе и болѣе облегчаются для тѣхъ, кого постигаютъ онѣ, благодѣтельнымъ обыкновеніемъ *страхованія*, постепенно распространяющимся.

Возростаніе произвожденія и, вмѣстѣ съ нимъ, желанія копить — одно изъ непремѣнныхъ слѣдствій увеличенія безопасности. Промышленость и умѣренность не могутъ существовать вмѣстѣ въ такихъ случаяхъ, гдѣ трудящійся и бережливый не увѣрены въ возможности пользоваться плодами своего труда, своей бережливости.

Улучшеніе практическихъ способностей общей массы человѣческаго рода есть также одна изъ перемѣнъ, сопровождающихъ усовершенствованіе новѣйшаго общества. Я не разумѣю здѣсь, что практическій умъ лицъ, или индивидуумовъ, въ настоящее время представляетъ бо̀льшее развитіе, нежели въ вѣка предшествовавшіе. Я убѣжденъ, что экономическое усовершенствованіе до-сихъ-поръ имѣло даже вліяніе противоположное. Человѣкъ, щедро одаренный умственными способностями, въ полудикомъ состояніи общества, конечно, исполняетъ болѣе разнообразную дѣятельность, лучше приспособляетъ средства къ цѣлямъ, съ бо̀льшею ловкостью выпутывается изъ непредвидимыхъ затрудненій, нежели сотни людей, знакомыхъ только съ одною цивилизированною формою жизни. Въ какой же степени вознаграждается это несовершенство личныхъ способностей для цивилизированнаго человѣчества? Подобный вопросъ внѣ нашихъ изслѣдованій; но мы должны только сказать, что это вознагражденіе совершенно. Низшая степень лич-

наго превосходства съ избыткомъ вознаграждается массою способностей людей, которая проявляется въ ихъ соединенномъ дѣйствіи. Отличительная черта цивилизированныхъ людей заключается въ ихъ взаимномъ содѣйствіи, которое также постоянно усовершается и обнаруживается въ болѣе-обширныхъ размѣрахъ.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній, мы можемъ перейдти къ болѣе подробному изслѣдованію самыхъ перемѣнъ.

Всѣ перемѣны, которыя обнаруживаются въ обстоятельствахъ произвожденія, подъ вліяніемъ усовершенствованія, промышлености дѣйствуютъ на цѣнности произведеній.

Постоянныя цѣнности всѣхъ предметовъ, которые не находятся подъ вліяніемъ искусственной или естественной монополіи, зависятъ, какъ мы видѣли, отъ стоимости ихъ произвожденія. Но возростающее господство человѣка надъ природою увеличиваетъ болѣе и болѣе плодовитость человѣческой дѣятельности или, другими словами, уменьшаетъ стоимость произвожденія. Всѣ изобрѣтенія, посредствомъ которыхъ получается бо̀льшее количество произведеній, съ одинаковымъ трудомъ, или то же количество ихъ съ трудомъ ме́ньшимъ, или посредствомъ которыхъ сокращается производство и ранѣе освобождается употребленный капиталъ — всѣ эти изобрѣтенія уменьшаютъ стоимость произвожденія продукта. Но поелику цѣнность есть свойство относительное, то изобрѣтенія и улучшенія, одинаково, въ одной и той же степени распространяющіяся на всѣ произведенія, не измѣняютъ ихъ цѣнности. Предметы будутъ обмѣниваться въ той же пропорціи, какъ и прежде, и человѣческій родъ получитъ бо̀льшее количество предметовъ въ вознагражденіе за свой трудъ и бережливость, хотя это изобиліе выразится тою же, торговою цѣнностью произведеній, какъ и прежде.

Что касается цѣнъ, онѣ измѣняются, или остаются тѣ же, смотря по тому, распространяются ли сдѣланныя изобрѣтенія, или улучшенія, на драгоцѣнные металлы. Если матеріалы, изъ которыхъ выдѣлывается монета, представляютъ исключеніе между всѣми произведеніями, въ отношеніи стоимости производденія, то цѣнности всѣхъ предметовъ упадутъ въ сравненіи съ монетою; это значитъ, что въ такомъ случаѣ будетъ всеобщее пониженіе цѣнъ. Но если монета добывается, подобно прочимъ произведеніямъ, съ мѣньшею стоимостью, въ бо̀льшемъ изобиліи, то цѣны не измѣнятся, точно также, какъ и цѣнности; состояніе рынковъ не обнаружитъ ни малѣйшаго признака перемѣны. Мы найдемъ только (если люди будутъ продолжать трудиться такъ же, какъ и въ настоящее время) бо̀льшее количество произведеній всѣхъ родовъ, размѣниваемыхъ, по тѣмъ же цѣнамъ и бо̀льшее количество денегъ.

Усовершенствованіе промышлености не представляетъ намъ исключительныхъ обстоятельствъ, понижающихъ стоимость производденія или, по-крайней-мѣрѣ полученія продуктовъ. Тотъ же самый результатъ доставляетъ увеличеніе сношеній между различными частями свѣта. По мѣрѣ распространенія торговли, предметы производятся болѣе и болѣе въ такихъ мѣстахъ, гдѣ возможно добываніе ихъ съ наименьшими расходами, поглощающими трудъ и капиталъ человѣчества. По мѣрѣ распространенія цивилизаціи, по мѣрѣ того, какъ утверждается безопасность лица и собственности въ мѣстностяхъ, еще лишенныхъ этой выгоды, свойственныя имъ силы производительныя обнаруживаютъ полную дѣятельность для блага ихъ собственнаго народонаселенія и чужеземцевъ. Въ этомъ отношеніи многое зависитъ отъ возростающаго переселенія труда и капитала въ незаселенныя части земнаго шара, которыхъ почва, климатъ и

положеніе обѣщаютъ не только полное возмездіе отваживающимся промышленикамъ, но представляютъ также болѣе выгодныя условія для добыванія произведеній, годныхъ для рынковъ старой Европы.

Но на самомъ дѣлѣ эти стремленія не встрѣчаютъ ли противодѣйствій? Развитіе промышлености и возростаніе богатства не оказываетъ ли другаго вліянія на стоимость произвожденія, кромѣ уменьшенія ея? Нѣтъ ли противоположно-дѣйствующихъ причинъ, обнаруживающихся при томъ же развитіи, довольно-сильныхъ во многихъ случаяхъ, чтобъ нейтрализировать и даже побороть это вліяніе и возвысить стоимость произвожденія? Мы знаемъ, что такія причины дѣйствительно существуютъ и что самые важные виды продуктовъ, сырые матеріалы и жизненные припасы представляютъ діаметрально противоположное стремленіе. Стоимость произвожденія ихъ постоянно возростаетъ.

Эта особенность не есть качество, свойственное самимъ произведеніямъ. Еслибъ народонаселеніе было неподвижно въ своемъ приращеніи, еслибъ не было необходимости увеличивать количество произведеній земли, то стоимость ихъ произвожденія не возростала бы, напротивъ, человѣчество вполнѣ пользовалось бы всѣми благами земледѣльческихъ усовершенствованій, и земледѣльческіе продукты не представляли бы намъ различія въ этомъ отношеніи отъ мануфактурныхъ издѣлій. Справедливо, опытъ свидѣтельствуетъ, что земледѣліе подлежитъ усовершенствованіямъ въ низшей степени, нежели фабричная промышленость; но мы не знаемъ, что̀ ожидаетъ его въ будущности, которая, можетъ-быть, готовитъ для него изобрѣтенія, предназначенныя измѣнить это различіе. Предметы, произвожденіе которыхъ зависитъ отъ матеріаловъ невозобновляющихся, каковы: каменный уголь и металлы, представляютъ намъ един-

ственные продукты промышленности, которыхъ стоимость можетъ увеличиться, если даже народонаселеніе не возростаетъ.

Но съ возростаніемъ народонаселенія, всегда сопровождающимъ развитіе промышлености и увеличеніе средствъ къ существованію, требованія на произведенія земли, особенно на жизненные припасы, также возростаютъ въ соотвѣтствующей пропорціи. Тогда основный законъ производительности земли входитъ въ силу, законъ, о которомъ мы уже не разъ распространялись и который утверждаетъ, что возростающій трудъ, при извѣстномъ состояніи земледѣлія, не извлекаетъ пропорціонально увеличивающагося количества произведеній. Стоимость произвожденія продуктовъ земли увеличивается съ каждымъ увеличеніемъ запроса.

Мануфактурныя издѣлія не представляютъ намъ подобнаго явленія, они, напротивъ, обнаруживаютъ совершенно противоположное стремленіе. Чѣмъ обширѣе размѣры, на которыхъ производится мануфактурная промышленость, тѣмъ дешевле, говоря вообще, ея производство.

Но такъ-какъ фабричная дѣятельность, въ отношеніи матеріаловъ, зависитъ отъ земледѣлія или отъ горной промышлености, или отъ самородныхъ продуктовъ земли, то фабричныя издѣлія частью подчиняются тому же закону, какъ и земледѣльческія произведенія. Впрочемъ, цѣнность сырыхъ матеріаловъ составляетъ только ничтожную часть ихъ цѣлой стоимости, и постепенное возростаніе одной этой статьи расходовъ болѣе чѣмъ уравновѣшивается постепеннымъ пониженіемъ другихъ статей, которому въ настоящее время нѣтъ еще возможности назначить предѣловъ.

Итакъ, производительность труда фабричнаго постоянно возростаетъ, между-тѣмъ, какъ промышлености земледѣльческая и горная представляютъ намъ борьбу между двумя

противоположными стремленіями возвысить производительную силу чрезъ усовершенствованіе производства и увеличить стоимость произвожденія чрезъ приращенія народонаселенія. Слѣдственно торговыя цѣнности всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, въ сравненіи съ земледѣльческими и ископаемыми произведеніями, обнаруживаютъ явное стремленіе къ пониженію, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и развитія промышлености. Такъ-какъ деньги представляютъ продуктъ горной промышлености, то мы можемъ положить теперь также за правило, что, съ успѣхами общества, цѣны всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій падаютъ. Промышленная исторія послѣднихъ ста лѣтъ совершенно подтверждаетъ это заключеніе.

Таково вліяніе успѣховъ общества на постоянныя или среднія цѣны произведеній; намъ остается еще разсмотрѣть, какимъ-образомъ они дѣйствуютъ на колебанія ихъ. На этотъ вопросъ мы можемъ дать положительный отвѣтъ: успѣхи общества въ высшей степени уменьшаютъ ихъ.

Въ бѣдномъ, отсталомъ обществѣ, какое представляетъ намъ Востокъ въ настоящее время, или Европа въ средніе вѣка, чрезвычайное различіе въ цѣнахъ одного и того же произведенія могло существовать въ мѣстностяхъ, близко расположенныхъ одна отъ другой. Недостатокъ въ путяхъ сообщенія, несовершенство мореплаванія и опасности, съ которыми были сопряжены всякаго рода сообщенія, препятствовали доставкѣ произведеній изъ мѣстностей, гдѣ они были дешевы, въ мѣста, гдѣ цѣны ихъ возвышались. Предметы, на добываніе которыхъ времена года оказываютъ особенное вліяніе и которые представляютъ наибо́льшее колебаніе цѣнъ, каковы, напримѣръ, жизненные припасы, рѣдко перевозились на далекое разстояніе. Каждая мѣстность въ своихъ средствахъ существованія зависѣла отъ произ-

веденій своей собственной почвы и въ каждой странѣ непремѣнно можно было найдти уголъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ существовала дороговизна съѣстныхъ припасовъ. При разнообразіи климатовъ и почвъ, которое представляетъ намъ обширное пространство земли, погода не можетъ быть вездѣ одинаково благопріятна, но изобиліе въ одной его части вознаграждаетъ недостатокъ въ другой; рѣдко когда общій урожай страны бываетъ недостаточенъ; и даже въ этомъ случаѣ онъ бываетъ значительнѣе въ однѣхъ мѣстностяхъ, нежели въ другихъ; всеобщій же голодъ, распространяющійся на весь земной шаръ—вещь небывалая. Въ настоящее время, слѣдственно, дороговизна съѣстныхъ припасовъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прежде былъ бы голодъ, и мы находимъ повсемѣстное довольство тамъ, гдѣ въ старое время, рядомъ съ изобиліемъ существовалъ бы недостатокъ.

Та же самая перемѣна обнаруживается въ отношеніи другихъ предметовъ торговли. Безопасность и дешевизна сообщенія даютъ возможность пополнить недостатокъ въ одной мѣстности изъ избытковъ другой, съ умѣреннымъ и даже ничтожнымъ возвышеніемъ цѣны, и уменьшаетъ значительно колебаніе цѣнъ. Этого рода дѣйствіе особенно поддерживается существованіемъ обширныхъ капиталовъ, принадлежащихъ такъ-называемымъ купцамъ — спекуляторамъ, занятіе которыхъ заключается въ покупкѣ товаровъ, съ цѣлью перепродать ихъ съ прибылью. Естественно, эти торговцы дѣлаютъ свои закупки, когда цѣны товаровъ особенно низки, и держатъ ихъ, чтобъ снова привезти на рынки, когда цѣны подымутся. Слѣдственно операціи этихъ торговцовъ способствуютъ уравненію цѣнъ, или, по-крайней-мѣрѣ, къ умѣренію ихъ неровностей. Такимъ-образомъ цѣны предметовъ никогда не представляютъ такого чрезвычайнаго колебанія, какое существовало прежде.

Спекуляторы, слѣдственно, исполняютъ очень полезное назначеніе въ экономіи общества, и (противъ общаго мнѣнія) наиболѣе полезную часть этого класса составляютъ купцы, спекулирующіе на произведеніяхъ, которыхъ урожай зависитъ отъ перемѣнъ погоды. Еслибъ не было спекуляторовъ между хлѣбными торговцами, то цѣны хлѣба не только обнаруживали бы бо̀льшое непостоянство, представляя чрезвычайныя крайности, но во время неурожая оказался бы недостатокъ въ необходимомъ снабженіи. Еслибъ купцы и помѣщики не спекулировали, то въ изобильные годы хлѣбъ терялъ бы всякую цѣну и уничтожался въ безполезной тратѣ, тогда-какъ теперь избытокъ изобильнаго урожая сберегается для пополненія недостатка худыхъ урожаевъ, или при посредствѣ помѣщиковъ, неотправляющихъ своего хлѣба на рынки при низкихъ цѣнахъ, или при посредствѣ купцовъ, которые скупаютъ его и запасаютъ, когда онъ дешевъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что многіе, не довольно обсудившіе этотъ предметъ, полагаютъ будто барыши спекуляторовъ производятъ искусственнымъ образомъ недостатокъ; что они возвышаютъ цѣну своими покупками и потомъ обращаютъ ее въ свою пользу. Легко доказать, какъ ложно это общее мнѣніе. Если хлѣбный торговецъ дѣлаетъ закупки съ цѣлью спекулятивною и подымаетъ цѣну; если она возвышается только вслѣдствіе его собственныхъ дѣйствій, то, безъ сомнѣнія, намъ представляется, что онъ богатѣетъ, пока его закупки продолжаются, потому-что онъ держитъ въ своихъ рукахъ предметъ, постоянно возвышающійся въ цѣнѣ; но эти видимые барыши существуютъ для него только до-тѣхъ-поръ, пока онъ не начинаетъ приводить ихъ въ наличность. Если, напримѣръ, онъ купилъ мильонъ четвертей и, ограничивъ тѣмъ снабженіе

рынка, возвысилъ цѣну хлѣба на 3 р. с. на каждую четверть, то цѣна эта на столько же понизится, разъ, когда закупленный имъ хлѣбъ появится на рынкѣ: и часто онъ только выручаетъ свой капиталъ, даже теряя на него проценты. Если спекуляторъ имѣетъ возможность постепенною и осторожною продажею сбыть нѣкоторую часть своихъ запасовъ по возвышенной цѣнѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ также самъ платитъ эту цѣну за нѣкоторую часть своихъ закупокъ; онъ подвергается еще опасности понести большую потерю, потому-что временная высокая цѣна могла соблазнить другихъ купцовъ, которые не содѣйствовали ея возвышенію и которые, въ другомъ случаѣ, не явились бы на рынокъ съ своимъ хлѣбомъ, чтобъ перенять часть его барыша. Такимъ-образомъ вмѣсто того, чтобъ воспользоваться недостаточнымъ снабженіемъ, этотъ купецъ будетъ принужденъ сбыть товаръ свой на рынкѣ, до изобилія снабженномъ.

Я не отрицаю, что спекуляторы могутъ увеличивать мѣстный недостатокъ. Закупая хлѣбъ въ деревняхъ для снабженія городовъ, они производятъ дороговизну въ такихъ мѣстахъ, въ которыя, вѣроятно, она никогда бы не проникла. Покупка и перепродажа продукта въ одномъ и томъ же мѣстѣ способствуютъ къ облегченію въ немъ недостатка въ будущее время; покупая же и продавая продуктъ въ различныхъ мѣстностяхъ, купецъ можетъ увеличить недостатокъ въ одной изъ нихъ, хотя, правда, уменьшая его въ другой, гдѣ цѣна была бы выше и гдѣ, слѣдственно, недостатокъ былъ бы чувствительнѣе.

Прежде нежели мы приступимъ къ изслѣдованію дальнѣйшаго развитія, намъ предстоитъ разсмотрѣть здѣсь и опровергнуть важныя заблужденія относительно вредныхъ послѣдствій чрезвычайнаго увеличенія произвожденія. Мы постараемся доказать здѣсь, что, наперекоръ извѣстной тео-

ріи, Сисмонди, Чальмерза и Мальтуса, общество не должно имѣть въ будущее время никакихъ опасеній съ этой стороны.

Дороговизна и недостатокъ, дешевизна и изобиліе свойственны въ различныя времена каждому произведенію. Въ первомъ случаѣ, пока продолжается недостатокъ, производители и торговцы получаютъ необыкновенно-высокую прибыль; во второмъ случаѣ, при изобильномъ снабженіи, превышающемъ существующій запросъ, куппы принуждены довольствоваться мѣньшею прибылью и часто даже нести убытки.

Многіе отличнѣйшіе политико-экономы распространяютъ эти единичныя явленія на цѣлое общество; они прилагаютъ ихъ одновременно ко всѣмъ произведеніямъ, допуская существованіе чрезмѣрнаго богатства, чрезвычайное снабженіе всѣхъ произведеній вообще, далеко превосходящее запросъ, и которое отягощаетъ положеніе всѣхъ производителей.

Это ученіе Мальтуса, Чальмерза и Сисмонди, мнѣ кажется, такъ неосновательно, что я даже затрудняюсь изложить его ясно и въ то же время удовлетворительно въ опроверженіе его защитниковъ. Всѣ они утверждаютъ, что иногда существуетъ избытокъ всѣхъ произведеній вообще, превосходящій запросъ; что въ этомъ случаѣ невозможно найдти покупателей, готовыхъ дать цѣны, оплачивающія расходы произвожденія и доставляющія прибыль; что тогда наступаетъ общее пониженіе цѣнъ или цѣнностей (рѣдко они дѣлаютъ точное различіе между ними), и производители, вмѣсто того, чтобъ богатѣть, бѣднѣютъ съ возростаніемъ произвожденія. Согласно съ этимъ ученіемъ, Чальмерзъ внушаетъ капиталистамъ ограничить свою алчность, между-тѣмъ, какъ Сисмонди возстаетъ противъ механиче-

скихъ изобрѣтеній и различныхъ машинъ, увеличивающихъ производительность. Оба они утверждаютъ, что накопленіе капиталовъ совершается слишкомъ быстро, въ ущербъ вещественнымъ выгодамъ производителей и капиталистовъ, и совѣтуютъ богачамъ оградить себя противъ этого зла обильнымъ непроизводительнымъ потребленіемъ.

Писатели эти, говоря о снабженіи произведеній, превосходящемъ запросъ, неясно обозначаютъ, который именно изъ элементовъ запроса они имѣютъ въ виду: желаніе обладать или средства къ пріобрѣтенію?—полагаютъ ли они, что въ этомъ случаѣ потребляемыя произведенія могутъ существовать въ количествѣ, превышающемъ желаніе общества потребить ихъ, или только возможность его заплатить за нихъ? При такой неопредѣлительности намъ необходимо разсмотрѣть оба предположенія.

Во-первыхъ, положимъ, что количество произведеній не превышаетъ желанія потребить: возможно ли въ такомъ случаѣ, чтобъ отсутствіе или недостатокъ запроса на нихъ обнаружился за неимѣніемъ средствъ? Люди, думающіе, такимъ образомъ, не обсудили, что составляетъ эти средства, необходимыя для пріобрѣтенія произведеній, то есть для уплаты за нихъ? Это будутъ тѣ же произведенія. Каждое лицо платитъ за произведенія другихъ лицъ продуктами, въ его владѣніи находящимися. Всѣ продавцы неизбѣжно и необходимо составляютъ классъ покупателей. Еслибъ мы могли внезапно удвоить всѣ производительныя силы страны, то мы удвоили бы снабженіе произведеній на всѣхъ рынкахъ; но этимъ ударомъ волшебнаго жезла мы также усугубили бы средства къ пріобрѣтенію ихъ; каждый явился бы съ двойнымъ запросомъ, равнымъ снабженію; каждый имѣлъ бы возможность купить вдвое болѣе произведеній, принося для обмѣна также двойное количество

ихъ. Справедливо, что, въ этомъ случаѣ мы можемъ встрѣтить преизобиліе нѣкоторыхъ предметовъ. Хотя общество охотно удваиваетъ потребленіе, но оно можетъ имѣть достаточное количество извѣстныхъ продуктовъ, предпочитая въ то же время увеличить въ бо́льшой пропорціи потребленіе другихъ вещей. При такихъ обстоятельствахъ, снабженіе только приноровится къ этимъ перемѣнамъ запроса. Во всякомъ случаѣ, это будетъ совершенно несправедливо предполагать, что цѣнность всѣхъ предметовъ упадетъ и что всѣ производители получатъ, вслѣдствіе того, неудовлетворительное вознагражденіе. Если цѣнности остаются тѣ же, то измѣненія цѣнъ не представляютъ никакой важности, потому-что вознагражденіе производителей зависитъ не отъ количества денегъ, но отъ количества предметовъ потребляемыхъ, которое они получаютъ за свои товары. Кромѣ-того, такъ-какъ деньги — также произведеніе, то количество ихъ также должно удвоиться, согласно съ нашимъ основнымъ предположеніемъ, и цѣны тогда неизмѣнятся подобно цѣнностямъ.

Допустимъ теперь второе предположеніе: недостатокъ желанія пріобрѣтать. Положимъ, что количество произведеній промышлености превосходитъ желаніе потреблять, обнаруживаемое, по-крайней-мѣрѣ, частью общества, которая имѣетъ средства удовлетворить ему. Очевидно, что произведенія создаютъ рынокъ товарный, что страна всегда представляетъ достаточное богатство, чтобъ купить все богатство, внутри ея находящееся; но люди, имѣющіе средства, могутъ не нуждаться, и напротивъ, нуждающіеся могутъ не имѣть средствъ. Слѣдственно часть произведеній не находитъ сбыта, потому-что желающіе пріобрѣсти ихъ лишены средствъ, и обладающіе средствами не обнаруживаютъ желанія.

Мы представили здѣсь самую удободопускаемую форму этого ученія, которая, по-крайней мѣрѣ, не заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Очень возможно, что количество какого-нибудь произведенія превосходитъ требованія людей, которые въ состояніи купить его, и теоретически этотъ случай можетъ быть распространенъ на всѣ предметы. Это ученіе упускаетъ здѣсь одно только изъ виду, что хотя всѣ, имѣющіе средства, могутъ быть снабжены въ довольствѣ всѣми произведеніями, но что фактъ продолженія и увеличенія произвожденія доказываетъ на самомъ дѣлѣ совершенно противное, и въ этомъ заключается главное заблужденіе этого ученія. Допустимъ ипотезу, наиболѣе съ нимъ согласующуюся. Вообразимъ себѣ небольшую общину, граждане которой обладаютъ въ довольствѣ всѣми произведеніями первой необходимости роскоши. И такъ-какъ нельзя представить, чтобъ лица, нужды которыхъ совершенно удовлетворены, трудились и сберегали съ цѣлью получить нежелаемые ими предметы, то мы предположимъ, что иностранецъ пріѣзжаетъ въ эту общину и производитъ лишнее количество какого-нибудь продукта, уже существовавшаго въ достаточномъ количествѣ. Мнѣ скажутъ здѣсь въ этомъ случаѣ: «мы находимъ чрезвычайное, излишнее произвожденіе. «Да» я отвѣчу излишнее произвожденіе этого предмета». Справедливо, граждане общины не нуждались ни въ чемъ, но самъ иностранецъ, не нуждался ли онъ въ чемъ-нибудь? Производя лишній предметъ, развѣ онъ трудился безъ повода? Онъ произвелъ только ненужный продуктъ вмѣсто необходимаго; онъ нуждался въ пищѣ, можетъ-быть, а сработалъ часы, которыми уже были снабжены всѣ жители. Иностранецъ принесъ съ собою запросъ на произведенія, равный возможнымъ продуктамъ его промышленной дѣятельности, и его дѣло было озаботиться, чтобъ доставляемое имъ снабженіе соотвѣтствовало это-

му запросу. Если онъ не могъ возбудить новаго желанія, новой потребности между туземцами и заставить ихъ производить для него лишнее количество пищи, то онъ долженъ бы самъ производить ее для себя, или воздѣлывая новую, необработанную землю, или трудясь, какъ товарищъ, какъ работникъ туземнаго хозяина, желающаго облегчить свой собственный трудъ. Итакъ, въ этомъ случаѣ вмѣсто чрезмѣрнаго произвожденія, мы находимъ только худо приноровленное произвожденіе. Допуская первую ипотезу, мы видѣли, что каждый производитель, принося новыя произведенія на рынокъ, увеличиваетъ средства для пріобрѣтенія, или пріобрѣтающую силу; теперь мы нашли, что онъ также является съ новымъ желаніемъ къ потребленію, иначе онъ не сталъ бы производить. Такимъ-образомъ, оба элемента запроса всегда соотвѣтствуютъ увеличенному снабженію.

Доведенный до крайности этими аргументами, нашъ противникъ можетъ указать, что существуютъ люди, которые производятъ и копятъ по привычкѣ, не имѣя въ виду увеличить свое богатство, или расширить свое потребленіе. Они производятъ, потому-что машина заведена, и копятъ, незная на что̀ тратить свои экономіи. Я допускаю возможность этого предположенія, и во многихъ случаяхъ оно довольно-вѣроятно, но оно нисколько не измѣняетъ нашего заключенія. Что̀ эти люди дѣлаютъ съ своими экономіями? Они даютъ имъ производительное приложеніе, то есть тратятъ ихъ на занятіе труда. Другими словами: имѣя пріобрѣтающую силу, имъ принадлежащую, въ степени превышающей ихъ нужды, они сберегаютъ избытокъ ея на пользу рабочему классу. Теперь должны ли мы предположить, что этотъ классъ также не знаетъ что́ дѣлать съ этимъ избыткомъ; что всѣ нужды его совершенно удовлетворены и

что онъ продолжаетъ трудиться по привычкѣ? Пока наступитъ это блаженное время, пока рабочій классъ не будетъ наслаждаться полнымъ довольствомъ, запросъ на произведенія не прекратится, какъ быстро ни совершалось бы накопленіе капитала, потому-что капиталъ всегда найдетъ приложеніе для производства необходимыхъ продуктовъ и предметовъ роскоши для рабочаго класса. Когда же наступитъ это счастливое время всеобщаго довольства, рабочіе воспользуются тогда дальнѣйшимъ возростаніемъ заработной платы, чтобъ ограничить свою дѣятельность и уменьшить свой трудъ, и излишнее произвожденіе въ первый разъ идеально-возможное, остановится за недостаткомъ въ рабочихъ. Такимъ-образомъ, съ какой стороны мы ни разсматривали бы этотъ вопросъ, допуская даже крайнюю возможность въ изобрѣтеніи обстоятельствъ благопріятствующихъ, мы находимъ, что теорія всеобщаго чрезмѣрнаго произвожденія совершенно ложна въ основаніи.

Что жь понудило такихъ отличныхъ политико-экономовъ— каковы Сисмонди и Чальмерзъ, которые своими умозрѣніями, прояснили многіе вопросы Политической Экономіи— что̀ побудило ихъ принять такое неосновательное ученіе? Я думаю, они увлеклись ошибочнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ торговыхъ явленій; они вообразили, что возможность всеобщаго чрезмѣрнаго снабженія доказана опытомъ; имъ казалось, что они видѣли признаки этого явленія въ извѣстномъ состояніи рынка, допускающемъ совершенно различное объясненіе.

Я описалъ уже состояніе товарныхъ рынковъ, сопровождающее такъ-называемый коммерческій кризисъ. Въ это время обыкновенно существуетъ чрезмѣрное снабженіе произведеній, превосходящее запросъ, выраженный наличными деньгами; другими словами: мы находимъ недостаточ-

ное снабженіе денегъ. Вслѣдствіе внезапнаго сокращенія кредита, люди торговые неохотно разстаются съ наличными деньгами, и многіе между ними рѣшаются на всякое пожертвованіе, чтобъ получить ихъ. Всѣ они тогда являются продавцами на рынкахъ, которые представляютъ очень малое число покупателей, такъ что-пока продолжается кризисъ, цѣны обнаруживаютъ чрезвычайное пониженіе вслѣдствіе чрезмѣрнаго снабженія товаровъ, или что все-равно, вслѣдствіе необыкновенной дороговизны денегъ. Но мы впали бы въ большое заблужденіе, предполагая, вмѣстѣ съ Сисмонди, что коммерческій кризисъ есть результатъ общаго избытка произвожденія. Это явленіе, мы видѣли, есть только слѣдствіе чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ покупокъ. Это не постепенное пониженіе цѣнъ, но внезапное паденіе чрезвычайно высокихъ цѣнъ: непосредственная причина его есть сжатіе кредита и кризисъ поправляется не уменьшеніемъ снабженія произведеній, но возстановленіемъ общаго довѣрія.

Другое явленіе, которое представляетъ возможное основаніе для этого ученія, есть очевидное пониженіе прибыли и процентовъ, необходимо совершающееся при возростаніи народонаселенія и увеличеніи произвожденія. Но причина этого явленія, которое мы подробно изслѣдуемъ въ этой главѣ, не возростающее произвожденіе, но увеличеніе стоимости содержанія рабочаго класса, зависящее отъ размноженія народонаселенія и отъ большаго запроса на жизненные припасы, несоразмѣрнаго съ успѣхами земледѣлія.

Оставляя здѣсь эту химеру двухъ замѣчательныхъ политико-экономовъ, я считаю необходимымъ сказать, что Ж. Б. Сэй и Миллъ первые опровергнули эту ложную теорію.

Продолжая наше изслѣдываніе экономическихъ перемѣнъ, совершающихся въ обществѣ, которое постоянно движется впередъ въ промышленномъ развитіи, мы обратимъ наше вниманіе теперь на то, какъ дѣйствуетъ это развитіе на раздѣленіе продуктовъ между различными производительными классами общества. Мы можемъ ограничиться изслѣдованіемъ наиболѣе сложной системы раздѣленія богатства, которая обнимаетъ всѣ прочіе случаи и въ которой мануфактурныя издѣлія дѣлятся между двумя производительными классами, рабочими и капиталистами, а земледѣльческіе продукты—между рабочими, капиталистами и землевладѣльцами.

Промышленное развитіе (progrès) предполагаетъ возростаніе капитала, приращеніе народонаселенія и усовершенствованіе произвожденія, подъ которыми мы разумѣемъ не только процесы добыванія, но также доставку произведеній. Для бо̀льшаго удобства, сначала разсмотримъ отдѣльно эти три движенія; послѣ намъ будетъ легко открыть ихъ сложное или совокупное дѣйствіе.

Предположимъ сначала, что народонаселеніе увеличивается, капиталъ же и искусства промышленныя пребываютъ въ неподвижномъ состояніи. Одно вліяніе этой перемѣны обстоятельствъ довольно-очевидно: заработная плата въ этомъ случаѣ понизится и рабочій классъ придетъ въ худшее положеніе; напротивъ, положеніе капиталиста улучшится; для него будетъ возможно съ тѣмъ же капиталомъ располагать бо̀льшимъ количествомъ труда и получить бо́льшее количество произведеній; прибыль его, слѣдственно, возвысится.

До-сихъ-поръ цѣнность произведеній еще не измѣняется и нѣтъ причины также почему поземельный доходъ долженъ уменьшится, или увеличиться. Но если мы обратимъ вниманіе на дальнѣйшіе результаты возростанія народона-

селенія, то мы найдемъ также признаки перемѣнъ въ цѣнности и въ поземельномъ доходѣ. Число рабочихъ возростаетъ согласно съ нашимъ предположеніемъ; положеніе ихъ ухудшается постепенно, въ пропорціи; они раздѣляютъ между-собою то же количество произведеній, какъ и прежде, но они могутъ лишить себя предметовъ роскоши, продолжая потреблять то же количество пищи, какъ и прежде, или ограничить ея потребленіе, но не въ соразмѣрности съ ихъ возростающимъ числомъ. Предполагая это, мы увидимъ, что размножающееся народонаселеніе, при уменьшеніи заработной платы, потребуетъ бо́льшее количество пищи. Но такъ-какъ промышленныя искусства и знаніе, по нашему предположенію, находятся въ неподвижномъ состояніи, то увеличенное количество жизненныхъ припасовъ можетъ быть получено только чрезъ воздѣлываніе новой, но худокачественной, земли, или чрезъ приложеніе способовъ земледѣлія менѣе производительныхъ, въ соразмѣрности, съ расходами. Капиталъ для такого распространенія землевоздѣлыванія найдется; потому-что хотя онъ и не возростаетъ, согласно съ нашимъ предположеніемъ, но достаточная часть его извлекается изъ отраслей промышлености, снабжавшихъ рабочаго предметами роскоши, въ которыхъ онъ теперь принужденъ себѣ отказывать. Прибавочное количество жизненныхъ припасовъ будетъ добыто, но, какъ мы сказали, съ бо́льшими расходами, и торговая цѣнность земледѣльческихъ произведеній должна возвыситься.

Вслѣдствіе началъ, уже намъ извѣстныхъ (*), при такихъ обстоятельствахъ поземельный доходъ увеличится. Итакъ, поземельный доходъ возвышается, когда земледѣліе распространяется на худокачественную землю, или совершается посредствомъ болѣе сложныхъ способовъ. Такимъ-образомъ

(*) Стр. 215, 255.

землевладѣлецъ, или помѣщикъ, одинъ только выигрываетъ чрезъ приращеніе народонаселенія, потому-что весь избытокъ прибыли капиталиста поглощается также въ произвожденіи добавочнаго количества жизненныхъ припасовъ.

Теперь перевернемъ нашу ипотезу. Положимъ, что капиталъ увеличивается, народонаселеніе же пребываетъ неподвижнымъ и способы произвожденія, естественные и искусственные, остаются въ томъ же положеніи, какъ и прежде: заработная плата теперь возвысится; но такъ-какъ число работниковъ не увеличивается и производительность труда пребываетъ та же, то количество произведеній не возростаетъ. Увеличеніе заработной платы, слѣдственно, въ этомъ случаѣ, отягощаетъ только однихъ капиталистовъ. Очень возможно, что стоимость труда увеличится даже болѣе чѣмъ его дѣйствительное вознагражденіе, и улучшившееся положеніе рабочихъ можетъ усилить запросъ на пищу высшаго качества, произвожденіе которой потребуетъ бо́льшаго труда и бо́льшаго пространства земли. Подобное распространеніе земледѣлія предполагаетъ, какъ это обыкновенно бываетъ, большую стоимость произвожденія и высокую цѣну продуктовъ, такъ что, кромѣ возростающей стоимости труда, зависящей отъ увеличенія его вознагражденія, возвышающаяся цѣнность произведеній, его составляющихъ, должна еще болѣе понизить прибыль. Эти результаты производятъ пониженіе поземельнаго дохода, и потери капиталистовъ, свыше того, что́ выигрываетъ рабочій, частью переходятъ къ землевладѣльцу, частью же поглощаются въ расходахъ добыванія жизненныхъ припасовъ посредствомъ менѣе производительныхъ способовъ на худокачественной землѣ.

Разсмотрѣвъ эти два простые случая, приращеніе народонаселенія и неподвижность капитала, и возростаніе капитала

и неподвижность народонаселенія, мы можемъ приступить къ изслѣдованію соединенной дѣятельности этихъ двухъ измѣняющихся элементовъ. Посмотримъ, какое вліяніе оказываетъ на поземельный доходъ и прибыль совокупное возростаніе капитала и народонаселенія.

Если народонаселеніе возрастаетъ и положеніе рабочихъ не дѣлается хуже, то, конечно, запросъ на жизненные припасы увеличивается. Промышленныя искусства, мы предполагаемъ, не подвигаются впередъ; это прибавочное количество пищи получается только съ увеличеніемъ расходовъ; чтобъ вознаградить ихъ, цѣна земледѣльческихъ произведеній должна подняться. Возвышеніе цѣны распространяется на всю массу жизненныхъ припасовъ, хотя только часть ихъ добывается съ бо́льшими расходами, и необходимо увеличиваетъ значительно прибыль, которая, вслѣдствіе соперничества капиталистовъ, переходитъ къ землевладѣльцу. Поземельный доходъ возвысится, рабочій же будетъ получать то же самое количество необходимыхъ для него предметовъ, потому-что денежная трудовая его плата увеличится; и такъ-какъ возвышеніе ея одинаково распространяется на всѣ отрасли промышлености, то для капиталиста тогда будетъ невозможно поправить свое положеніе перемѣною своего занятія, и онъ необходимо понесетъ потерю, уменьшающую его прибыль.

Слѣдственно возростаніе капитала и народонаселенія увеличиваетъ поземельный доходъ, ко вреду капиталиста, насчетъ его прибыли; причемъ часть прибыли поглощается въ увеличенныхъ расходахъ произвожденія, тратится на наемъ или на содержаніе бо́льшаго числа рабочихъ, чтобъ получить требуемое количество земледѣльческихъ произведеній.

Положимъ теперь, что капиталъ и народонаселеніе пре-

бываютъ неподвижными, но что внезапные новые успѣхи ознаменовали искусства промышленныя.

Эти успѣхи могутъ относиться или къ производству необходимыхъ предметовъ, или къ добыванію предметовъ роскоши, которые рабочій классъ обыкновенно потребляетъ, или къ фабрикаціи произведеній, исключительно потребляемыхъ богатыми людьми. Очень немногія изъ важныхъ промышленныхъ открытій принадлежатъ къ послѣдней категоріи. Земледѣльческія усовершенствованія, исключая только нѣкоторыхъ, относящихся къ воздѣлыванію рѣдкихъ произведеній садоводства, прилагаются къ добыванію предметовъ необходимѣйшихъ для работника. Паровая машина и всѣ изобрѣтенія, доставляющія двигающую силу, имѣютъ всеобщее приложеніе. Даже механическіе ткацкіе станы и мюль-джени, хотя прилагаемые къ производству болѣе тонкихъ издѣлій, съ меньшею пользою употребляются для выдѣлки грубыхъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, которыми одѣвается рабочій народъ. Всѣ усовершенствованія въ средствахъ сообщенія удешевляютъ провозъ необходимыхъ предметовъ точно также, какъ и предметовъ роскоши. Рѣдко открывается новая отрасль промышлености, которая не уменьшала бы прямо, или посредствующимъ образомъ, стоимости произвожденія, или доставки продуктовъ, потребляемыхъ массою народа. Итакъ, мы можемъ утвердительно сказать, что всѣ усовершенствованія въ произвожденіи способствуютъ удешевленію произведеній, на которыя рабочій классъ тратитъ свою заработную плату.

Усовершенствованія земледѣльческія, какъ мы прежде замѣтили, бываютъ двухъ родовъ: одни состоятъ въ сбереженіи труда и даютъ возможность, слѣдственно, производить излишнее количество пищи съ мѣньшими расходами; другія даютъ возможность извлекать изъ даннаго про-

странства земли тѣ же продукты, не только съ мéньшимъ трудомъ, но также въ бóльшемъ количествѣ, такъ-что, если нѣтъ на нихъ чрезвычайнаго запроса, то часть воздѣлываемой земли, разумѣется, наименѣе плодородная, можетъ пребывать въ невоздѣланномъ состояніи.

Чтобъ представить въ настоящемъ свѣтѣ вліяніе земледѣльческаго усовершенствованія, мы должны вообразить, что это вліяніе обнаружилось внезапно. Оно обозначается прежде всего пониженіемъ цѣнности и цѣны земледѣльческихъ произведеній вслѣдствіе улучшеній обоего рода. Если это улучшеніе будетъ перваго рода, то вся земля, или капиталъ, производящіе жизненные припасы, будутъ доставлять эти продукты при мéньшихъ расходахъ, и цѣна ихъ понизится въ соразмѣрности. Если сберегается одна десятая расходовъ, то цѣна продуктовъ упадетъ также на одну десятую.

Но положимъ, это будетъ усовершенствованіе втораго рода, которое заставляетъ почву производить зерновой хлѣбъ въ бóльшемъ количествѣ, съ приложеніемъ мéньшаго труда. Дѣйствіе его въ этомъ случаѣ будетъ еще поразительнѣе: воздѣлываніе земли теперь можетъ быть сокращено и мéньшее пространство обработываемой почвы будетъ снабжать всесвѣтный рынокъ. Если даже обработываемая земля, въ ея уменьшенныхъ размѣрахъ, представляетъ тоже среднее плодородіе, какое имѣло ея обширное пространство, первоначально воздѣлываемое, то цѣна ея продуктовъ также понизится, потому-что они получаются теперь съ мéньшимъ трудомъ. Но такъ-какъ оставленная земля непремѣнно будетъ ея наименѣе плодородная часть, то цѣна земледѣльческихъ продуктовъ будетъ опредѣляться наилучшимъ качествомъ почвы. Слѣдственно здѣсь мы найдемъ еще новое пониженіе цѣны, соотвѣтствующее ограниченію земле-

дѣлія почвою, наиболѣе плодоносною. Итакъ земледѣльческія усовершенствованія втораго рода вдвойнѣ уменьшаютъ цѣну земледѣльческихъ произведеній.

Изслѣдуемъ теперь вліяніе этихъ внезапныхъ усовершенствованій, на раздѣленіе продуктовъ и прежде всего на поземельный доходъ. Усовершенствованія перваго рода понижаютъ его; но еще болѣе онъ уменьшается подъ вліяніемъ усовершенствованій втораго рода.

Положимъ, что запросъ на жизненные припасы принуждаетъ землевладѣльца къ воздѣлыванію почвы трехъ сортовъ, которые доставляютъ на равныхъ пространствахъ, при одинаковыхъ расходахъ, 100, 80 и 60 четвертей пшеницы. Цѣна пшеницы достаточна, чтобъ дать возможность обрабатывать землю третьяго сорта съ обыкновенною прибылью. Первый же сортъ даетъ 40 четвертей, второй сортъ—20 четвертей лишней прибыли, которая составляетъ поземельный доходъ землевладѣльца. Приложимъ теперь вдругъ усовершенствованіе, которое даетъ возможность получать то же количество хлѣба, но съ трудомъ, вполовину мéньшимъ: цѣна хлѣба упадетъ на половину, поземельный доходъ, выраженный количествомъ уродившагося хлѣба, будетъ стоить вполовину менѣе денегъ и другихъ произведеній и доходы землевладѣльца уменьшатся на половину.

Съ приложеніемъ усовершенствованія втораго рода поземельный доходъ упадетъ еще въ бóльшей пропорціи. Положимъ, что количество продуктовъ, требуемыхъ для снабженія рынка, не только получается съ трудомъ одною четвертью мéньшимъ, но еще производится на пространствѣ земли также одною четвертью мéньшемъ. Часть воздѣлываемой земли, доставляющая лишнюю четверть произведеній, должна быть оставлена; и поелику почва третьяго сорта доставляла именно одну четверть ($^{60}/_{240}$) цѣлаго урожая—

240 четвертей, то обработываніе ея должно прекратиться. Почвы перваго и втораго сорта доставляютъ теперь 240 четвертей хлѣба, именно первая—133⅓ четверти, вторая—106⅔ четверти. Послѣдняя, какъ наименѣе плодоносная, опредѣляетъ теперь цѣну произведенія. Вмѣсто 60 четвертей, теперь будетъ необходимо 106⅔ четверти, чтобъ оплатить потраченый капиталъ, съ обыкновенною на него прибылью. Цѣна пшеницы, слѣдственно, упадетъ не въ пропорціи 60 къ 80, какъ это было въ первомъ случаѣ, но въ пропорціи 60 къ 106⅔. Но даже и это отношеніе не представляетъ полнаго пониженія поземельнаго дохода. Вся масса произведеній, доставляемыхъ почвою втораго сорта, идетъ теперь на покрытіе расходовъ производженія. Эта земля, какъ наихудшая, не приноситъ поземельнаго дохода; земля же перваго сорта даетъ поземельный доходъ, равный только разности между 133⅓ и 106⅔ то есть 26⅔ четверти, вмѣсто прежнихъ 40 четвертей. Землевладѣльцы, слѣдственно, въ общемъ итогѣ потеряютъ 33⅓ четверти изъ 60 четвертей, составляющихъ поземельный ихъ доходъ, между-тѣмъ, какъ цѣна этого остатка понизится въ пропорціи 60 къ 106⅔.

Такимъ-образомъ, повидимому, интересы землевладѣльцевъ рѣшительно противоположны внезапному и общему приложенію земледѣльческихъ усовершенствованій. Это заключеніе было названо парадоксомъ, и многіе обвиняли творца его, Рикардо, въ необыкновенной превратности ума. Я не вижу здѣсь парадокса и, мнѣ кажется, противники Рикардо виноваты въ ложномъ воззрѣніи на предметъ. Это мнѣніе представляется безсмысленнымъ только въ такомъ случаѣ, если его изложить неточно. Еслибъ оно утверждало, что землевладѣлецъ теряетъ, улучшая свое помѣстье, то оно, конечно, было бы совершенно неосновательнымъ;

но оно утверждаетъ только, что улучшніе всѣхъ помѣстьевъ, включая принадлежащее этому владѣльцу, обращается ему во вредъ. Никто не сомнѣвается, что помѣщикъ значительно выигрываетъ чрезъ всякое усовершенствованіе, если онъ пользуется имъ исключительно, соединяя выгоды обильнаго урожая произведеній и высокой цѣны, прежде существовавшей. Но если производительность всѣхъ полей увеличится въ одно время, то цѣна хлѣба должна понизиться; и нѣтъ ничего безразсуднаго въ этомъ предположеніи, что землевладѣльцы тогда, вмѣсто выгодъ, понесутъ потери. Это фактъ, всѣми допускаемый, что каждая причина, постоянно понижающая цѣну земледѣльческихъ произведеній, уменьшаетъ также поземельный доходъ; и предположеніе, что цѣнность земли упадетъ, если, вслѣдствіе увеличенной производительности почвы, потребуется мѣньшее количество ея для воздѣлыванія, согласуется съ общепринятыми понятіями. Земля потеряетъ свою прежнюю цѣнность, подобно всякому предмету, запросъ на который прекращается.

Я охотно допускаю, что поземельные доходы на самомъ дѣлѣ не уменьшаются дѣйствительно съ успѣхами земледѣлія. Но почему здѣсь дѣйствительность отступаетъ отъ теоріи? Потому-что усовершенствованія никогда не дѣлались внезапно, и приложеніе ихъ всегда происходило медленно, всегда далеко отставая отъ возростанія капитала и народонаселенія, которое способствуетъ возвышенію поземельнаго дохода въ той же степени, въ какой земледѣльческія открытія содѣйствуютъ пониженію его.

Теперь мы должны разсмотрѣть, какимъ образомъ внезапное удешевленіе земледѣльческихъ продуктовъ дѣйствуетъ на прибыль и на заработную плату.

Вначалѣ заработная плата не измѣнится и работники воспользуются вполнѣ выгодами дешевизны. Они будутъ

имѣть возможность увеличить потребленіе пищи и другихъ предметовъ, получая бо́льшее количество ихъ за ту же цѣну. Пока продолжается этотъ порядокъ вещей, прибыль также не измѣняется. Но это обстоятельство — удешевленіе земледѣльческихъ произведеній, поощряетъ приращеніе народонаселенія и, по прошествіи одного поколѣнія, заработная плата должна понизиться и цѣна хлѣба подняться вслѣдствіе увеличеннаго запроса, возростающаго вмѣстѣ съ народонаселеніемъ. По мѣрѣ того, какъ денежная плата за трудъ падаетъ, прибыль возвышается, потому-что капиталистъ въ этомъ случаѣ получаетъ бо̀льшее количество одинаково-дѣятельнаго труда, расходуя тотъ же капиталъ. Такимъ-образомъ мы видимъ, что пониженіе цѣнности жизненныхъ припасовъ, происходящее или вслѣдствіе земледѣльческаго усовершенствованія, или вслѣдствіе привоза иностранныхъ произведеній, обыкновенно понижаетъ заработную плату и поземельный доходъ, возвышая прибыль.

Разсмотрѣвъ эти отдѣльные случаи, намъ легко будетъ опредѣлить стремленіе настоящаго хода дѣлъ, въ которомъ оба движенія совершаются современно, именно: капиталъ и народонаселеніе возростаютъ съ достаточнымъ постоянствомъ, между-тѣмъ, какъ хозяйственныя усовершенствованія дѣлаются по-временамъ, и знаніе и приложеніе улучшенныхъ способовъ земледѣлія постепенно распространяются въ обществѣ.

Если въ продолженіе извѣстнаго періода земледѣліе подвигается впередъ быстрѣе, нежели народонаселеніе возростаетъ, то поземельный доходъ и заработная плата понижаются, а прибыль возвышается. Если, наоборотъ, приращеніе народонаселенія совершается быстрѣе и опережаетъ успѣхи земледѣлія, то работники должны ограничить потребленіе пищи; или, если они имѣютъ возможность проти-

востоять этой необходимости, то заработная плата и поземельный доходъ будутъ постепенно возвышаться рядомъ съ пониженіемъ прибыли.

Успѣхи земледѣлія совершаются медленно; распространеніе ихъ еще медленнѣе. Изобрѣтенія и открытія дѣлаются только по-временамъ, между-тѣмъ, какъ возростаніе капитала и народонаселенія постоянно. Поэтому усовершенствованіе земледѣльческое опережаетъ очень рѣдко, даже на короткое время, приращеніе народонаселенія и капитала, въ такой степени, чтобъ на самомъ дѣлѣ возвысить поземельный доходъ или понизить прибыль. Во многихъ странахъ народонаселеніе и капиталъ прибываютъ не такъ быстро, но въ этихъ странахъ улучшенія земледѣльческія совершаются еще медленнѣе.

Земледѣльческія усовершенствованія, можно сказать съ справедливостью, рѣдко понижаютъ поземельный доходъ по той причинѣ, что они рѣдко уменьшаютъ цѣнность жизненныхъ припасовъ; они только препятствуютъ ея чрезвычайному возвышенію, никогда не освобождаютъ землю изъ-подъ воздѣлыванія, но даютъ только возможность обработывать худокачественную почву, чтобъ удовлетворить возростающему запросу на жизненные припасы.

Слѣдственно, возростаніе земледѣльческой промышленности, совершающееся подъ совокупнымъ вліяніемъ приращенія народонаселенія и капитала и успѣховъ сельскаго хозяйства, дѣйствуетъ на раздѣленіе произведеній на самомъ дѣлѣ не такъ, какъ мы открыли въ ипотетическихъ случаяхъ, предварительно нами изслѣдованныхъ. Особенно это дѣйствіе различно въ отношеніи поземельнаго дохода. Мы замѣтили, что внезапное и всеобщее приложеніе какого-нибудъ важнаго земледѣльческаго усовершенствованія необходимо понижаетъ поземельный доходъ. Но въ случаѣ, ко-

торый мы теперь себѣ представили и который соотвѣтствуетъ естественному ходу дѣлъ, непосредственное вліяніе успѣховъ земледѣлія обозначается возвышеніемъ поземельнаго дохода. Положимъ, воздѣлываніе земли достигло крайняго предѣла, полагаемаго успѣхами земледѣльческой промышлености, и поземельный доходъ поднялся довысшей степени соразмѣрно съ приращеніемъ народонаселенія и капитала: если важное земледѣльческое усовершенствованіе будетъ приложено вдругъ, то оно понизитъ значительно поземельный доходъ, который возстановляется только съ увеличеніемъ народонаселенія и капитала, не подымаясь, однакожь, выше. Но такъ-какъ всѣ подобныя улучшенія всегда совершаются постепенно, то они не производятъ этого пониженія поземельнаго дохода или ограниченія землевоздѣлыванія, но, напротивъ, способствуютъ его возвышенію и распространенію обработыванія земли. Если земледѣльческія усовершенствованія увеличили бы вдвое производительность всей массы обработываемой почвы, даже съ приложеніемъ двойнаго труда и капитала, то всѣ поземельные доходы должны также удвоиться (разумѣется, въ томъ предположеніи, что народонаселеніе, современно возростающее, потребуетъ двойнаго количества произведеній земли).

Итакъ, земледѣльческія усовершенствованія, прилагаемыя такимъ-образомъ, какъ это бываетъ, на самомъ дѣлѣ, всегда приносятъ прямую пользу землевладѣльцамъ. Мы можемъ даже прибавить, что они исключительно имъ доставляютъ выгоду. Когда запросъ на произведенія соразмѣряется съ возростаніемъ произвожденія, то хлѣбъ не дешевѣетъ, рабочіе не пользуются даже временными выгодами, стоимость труда не уменьшается и прибыль также не увеличивается. Мы имѣемъ въ наличности бо̀льшее количество продуктовъ, раздѣляемое между рабочими и бо̀льшую прибыль, но заработная плата расходится между бо̀ль-

шимъ народонаселеніемъ, и прибыль разлагается на капиталъ увеличенный. Положеніе рабочаго, слѣдственно, не улучшается и капиталистъ получаетъ ту же прибыль на тотъ же капиталъ.

Результатъ этого продолжительнаго изслѣдованія можетъ быть выраженъ слѣдующимъ заключеніемъ. Экономическое развитіе общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, способствуетъ къ обогащенію класса землевладѣльцевъ, между-тѣмъ, какъ стоимость содержанія рабочаго возвышается и прибыль падаетъ. Земледѣльческія усовершенствованія представляютъ противодѣйствіе этимъ послѣднимъ вліяніямъ; но, препятствуя на время первому изъ нихъ, они необходимо, въ заключеніе, ему содѣйствуютъ, и приращеніе народонаселенія передаетъ землевладѣльцу всѣ выгоды успѣховъ земледѣлія.

Пониженіе прибыли съ успѣхами общества, на которое мы указали здѣсь, было признано старинными писателями о торговлѣ и промышлености; но законы, опредѣляющіе прибыль, не были тогда точно понимаемы, и явленіе было приписано ложной причинѣ. Адамъ Смитъ полагалъ, что прибыль зависитъ отъ соперничества капиталовъ, и что, когда капиталъ увеличивается, это соперничество также должно увеличиться и понизить прибыль. Трудно опредѣлить: какого рода соперничество разумѣетъ здѣсь Адамъ Смитъ. Вотъ что онъ говоритъ въ главѣ о прибыли на капиталъ (*).

«Когда капиталы многихъ богатыхъ купцовъ обращаются на одну отрасль торговли, ихъ соперничество, естественно, способствуетъ къ пониженію прибыли; когда же это увеличеніе капиталовъ распространяется на всѣ виды торговли въ томъ же обществѣ, это соперничество

(*) Wealth of nations. B. I. ch. IX.

должно произвести подобное же дѣйствіе въ цѣлой торговлѣ».

Приведенное нами мѣсто заставляетъ насъ думать, что, по мнѣнію Адама Смита, соперничество капиталовъ дѣйствуетъ на прибыль, понижая цѣны; такимъ-образомъ, обыкновенно чрезвычайное помѣщеніе ихъ въ одной отрасли промышлености уменьшаетъ прибыль, ею доставляемую. Но если таковъ смыслъ его мнѣнія, то онъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство: что пониженіе цѣны, если оно ограничивается однимъ произведеніемъ, дѣйствительно уменьшаетъ барыши производителя; но если оно распространяется на всѣ произведенія, то это вліяніе прекращается. Когда цѣны всѣхъ предметовъ падаютъ, на самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ нихъ не падаетъ въ цѣнѣ и расходы каждаго производителя уменьшаются соразмѣрно его приходамъ; развѣ трудъ будетъ единственная вещь, цѣна которой не понизится: въ такомъ случаѣ заработная плата возвысится и ея возвышеніе, а не пониженіе цѣнъ, уменьшитъ прибыль на капиталъ.

Уэкфильдъ, въ своихъ комментаріяхъ на книгу Адама Смита и въ своемъ важномъ сочиненіи о колонизаціи (*), яснѣе смотритъ на этотъ предметъ и доходитъ рядомъ правильныхъ умозаключеній до практическихъ выводовъ, необыкновенно-важныхъ и совершенно справедливыхъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ объясненіе Уэкфильда пониженія прибыли. Производженіе ограничивается не только количествомъ капитала и труда, но также сферою ихъ приложенія, которую представляютъ намъ земля и иностранные рынки для сбыта мануфактурныхъ издѣлій. На ограниченномъ пространствѣ земли только ограниченное количество капитала можетъ найдти прибыльное помѣщеніе.

(*) Wakefield's. View of the art of Colonisation.

По мѣрѣ того, какъ величина капитала приближается къ этому предѣлу, прибыль уменьшается и исчезаетъ окончательно, разъ, когда этотъ предѣлъ достигнутъ. Только пріобрѣтеніе новой плодоносной земли или открытіе новыхъ заграничныхъ рынковъ, на которыхъ возможно купить жизненные припасы и сырые матеріалы за произведенія внутренняго капитала, короче сказать: только расширеніе сферы его приложенія возстановляетъ первоначальную прибыль.

Въ каждое время, въ каждомъ мѣстѣ существуетъ извѣстная мѣра прибыли, представляющая ея minimum, которая побуждаетъ жителей этой страны къ бережливости, чтобъ употребить для производительной цѣли результаты ихъ бережливости. Эта наименьшая прибыль измѣняется, смотря по обстоятельствамъ. Она зависитъ отъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, отъ желанія копить и, во-вторыхъ, отъ безопаснаго приложенія капитала къ промышленной дѣятельности. Ненадежное состояніе общества, нѣтъ сомнѣнія, дѣйствуетъ на расположеніе къ бережливости. Сокровище можетъ быть причиною многихъ опасностей для его владѣльца; но такъ-какъ оно можетъ служить могущественнымъ средствомъ къ отвращенію ихъ, то, въ этомъ отношеніи, разнородныя дѣйствія уравновѣшиваются. Но, употребляя это сокровище производительно, какъ капиталъ, или ссужая его другому лицу, для подобнаго приложенія, владѣлецъ его подвергается бо́льшему риску, нежели храня его въ своемъ сундукѣ безъ всякаго употребленія. Обширность этого риска соразмѣрна безопасности и ненадежности состоянія общества; онъ можетъ равняться 20, 30, 50 процентамъ, или только 1 и 2 процентамъ; но этотъ рискъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, всегда возможенъ, и ожидаемая прибыль должна быть достаточна, чтобъ вознаградить за него. Наименьшая величина прибы-

ли, слѣдственно, всегда существуетъ, хотя она измѣняется, смотря по обстоятельствамъ.

Страна, въ которой промышленость находилась долгое время въ цвѣтущемъ состоянiи, которая имѣла обширные доходы, которая могла сберегать часть ихъ и каждый годъ дѣлать значительныя прибавленiя къ капиталу, эта страна находится очень близко отъ неподвижнаго состоянiя, и прибыль въ ней на волосъ отступаетъ отъ наименьшей величины. Я не разумѣю, чтобъ которое-нибудь изъ европейскихъ государствъ на самомъ дѣлѣ скоро достигло этого состоянiя, или что капиталъ въ настоящее время не приноситъ бо́льшей прибыли, болѣе, нежели значительной для того, чтобъ побудить жителей этихъ странъ къ бережливости. Я думаю только, что въ этихъ государствахъ въ очень короткое время прибыль можетъ быть приведена къ наименьшей величинѣ, если возростанiе капитала будетъ продолжаться въ настоящей пропорцiи и если внѣшнiя обстоятельства не возвысятъ ея. Возростанiе капитала скоро достигнетъ крайнихъ предѣловъ, если эти предѣлы не будутъ постоянно расширяться, открывая болѣе свободнаго пространства.

Въ Англiи проценты для займа подъ залогъ государственныхъ фондовъ, который не представляетъ никакого риска, съ небольшимъ три процента (*). Слѣдственно всякое другое помѣщенiе капитала должно въ этой странѣ приносить прибыль свыше этихъ процентовъ, соразмѣрно риску, которому подвергается капиталистъ (мы не принимаемъ здѣсь въ разсчетъ особаго возмездiя за таланты и дѣятельность капиталиста). Положимъ, что въ Англiи прибыль

(*) Разумѣется, при спокойномъ состоянiи торговли, когда не угрожаетъ чрезмѣрное движенiе золота за границу. Въ 1855 году, въ iюлѣ, Англiйскiй Банкъ возвысилъ проценты до 5 процентовъ.

равная одному проценту, но не менѣе (кромѣ страха противъ риска, который, какъ мы сказали, равенъ тремъ процентамъ) представляетъ достаточное побужденіе къ бережливости. Я утверждаю, что продолженіе настоящаго возростанія капитала будетъ достаточно, чтобъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ понизить прибыль до одного процента, если не обнаруживается дѣятельность противодѣйствующихъ обстоятельствъ.

Чтобъ исполнить условіе этого предположенія, мы должны допустить совершенное прекращеніе вывоза капиталовъ за границу для производительнаго помѣщенія въ другихъ странахъ. Мы должны предположить также отсутствіе внутреннихъ займовъ правительственныхъ и частныхъ, для расходовъ непроизводительныхъ, исключить всякую трату капитала въ предпріятіяхъ неудачныхъ, которыми увлекаются люди, въ надеждѣ увеличить свой доходъ выше ничтожной прибыли, доставляемой вѣрными путями. Мы должны принять, что всѣ избытки, сберегаемые обществомъ, употребляются внутри страны для производительнаго приложенія, и что всѣ новые каналы, открываемые промышленными изобрѣтеніями, закрыты.

Каждый согласится, что, въ такомъ случаѣ, съ каждымъ годомъ будетъ труднѣе найдти прибыльное помѣщеніе для новаго капитала, приложеніе котораго непремѣнно должно сопровождаться быстрымъ пониженіемъ прибыли.

Возростаніе капитала не предполагаетъ приращенія народонаселенія. Если оно остается неподвижнымъ, то заработная плата возвысится и большое количество капитала будетъ раздѣлено между тѣмъ же числомъ рабочихъ, въ видѣ заработной платы. Количество труда пребываетъ то же самое и, за отсутствіемъ изобрѣтеній, увеличивающихъ дѣятельность труда, возростаніе массы произведеній долж-

жно прекратиться. Капиталъ, хотя значительно увеличенный, будетъ приносить тотъ же самый приходъ, и экономія каждаго года должна необходимо извлекаться изъ прибыли слѣдующихъ годовъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ прибыль очень скоро понизится до той точки, на которой останавливается дальнѣйшее возростаніе капитала.

Если народонаселеніе увеличивается вмѣстѣ съ возростаніемъ капитала и соразмѣрно ему, то пониженіе прибыли еще неизбѣжнѣе. Приращеніе народонаселенія предполагаетъ увеличеніе запроса на земледѣльческія произведенія. За отсутствіемъ промышленныхъ усовершенствованій, этотъ запросъ можетъ быть удовлетворенъ только съ увеличеніемъ расходовъ производженія, или чрезъ обработываніе новой, но худокачественной земли, или, наконецъ, чрезъ болѣе тщательное и дорогое воздѣлываніе пахатной земли: стоимость содержанія рабочаго слѣдственно увеличится; и если положеніе его не ухудшится, то прибыль должна понизиться. Ея пониженіе можетъ быть замедлено, если заработная плата не возвышается, или возвышается въ меньшей степени; но подобное замедленіе, основанное на ухудшенномъ положеніи рабочаго класса, очень непродолжительно. Мы можемъ допустить, слѣдственно, что въ странѣ, подобной Англіи, съ продолженіемъ настоящаго возростанія капитала, при отсутствіи противодѣйтвующихъ обстоятельствъ, препятствующихъ естественному вліянію этого возростанія на прибыль, эта прибыль скоро достигнетъ наименьшей величины и дальнѣйшее накопленіе капитала должно прекратиться.

Какія же это противодѣйствующія обстоятельства, которыя, при существующемъ порядкѣ вещей, противоборствуютъ, и довольно успѣшно, пониженію прибыли?

Первое между ними, на которое мы обратимъ наше

вниманіе, такъ просто и такъ очевидно, что многіе политико-экономы, особенно Сисмонди и Чальмерзъ, приписывали ему исключительную дѣятельность. Это обстоятельство — трата капитала въ періоды безумной спекуляціи, безразсуднаго расширенія торговли и коммерческихъ кризисовъ, всегда за ними слѣдующихъ. Справедливо, что бо́льшая часть подобной потери не уничтожается, но переходитъ, какъ проигрышъ игрока, въ руки болѣе удачныхъ спекуляторовъ. Но значительная часть даже этой передачи всегда переходитъ за границу, въ уплату за иностранные товары, купленные, безъ разсчета, въ чрезмѣрномъ количествѣ, по цѣнѣ чрезмѣрно высокой. Большое количество капитала также совершенно уничтожается въ предпріятіяхъ, обѣщающихъ хотя высокую, но невѣрную прибыль, каковы, напримѣръ, разработываніе новыхъ рудниковъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, построеніе мостовъ и т. п. Эти предпріятія очень часто не приносятъ никакого барыша, или доставляютъ барышъ ничтожный въ сравненіи съ капиталомъ, на нихъ израсходованнымъ. Кромѣ-того, мы находимъ большое непроизводительное потребленіе капитала во время застоя, обыкновенно наступающаго послѣ неестественнаго, спекулятивнаго расширенія торговли. Въ это время многія фабричныя заведенія закрываются; и если работы продолжаются, то онѣ не доставляютъ прибыли; работники распускаются и множество лицъ всѣхъ состояній, лишась своихъ обыкновенныхъ доходовъ, бываютъ принуждены существовать запасными экономіями. Таковы бываютъ всегда дѣйствія коммерческаго кризиса, и періодическое повтореніе этого явленія есть результатъ самаго пониженія прибыли. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ подобнаго переворота, прибывающій капиталъ накопляется въ такомъ количествѣ, что невозможно бываетъ помѣ-

стить его съ обыкновенною прибылью, цѣна всѣхъ биржевыхъ фондовъ подымается; величина процентовъ, при вѣрномъ обезпеченіи, падаетъ, и всѣ вообще торговые люди жалуются на скудость барышей. Не доказываетъ ли это, какъ быстро прибыль можетъ достигнуть наименьшей величины, а капиталъ—неподвижности, или коснѣлаго положенія, еслибъ ничто не противодѣйствовало его постоянному накопленію?

Второе противодѣйствующее обстоятельство составляетъ усовершенствованіе произвожденія. Очевидно, дѣятельность его обнаруживается расширеніемъ сферы приложенія капитала; оно даетъ возможность накопить большое количество капитала и приложить его, не уменьшая обыкновенной мѣры прибыли. Дешевизна предметовъ потребленія побуждаетъ къ бережливости, доставляя всѣмъ потребителямъ избытокъ, который они могутъ откладывать, не измѣняя своего обыкновеннаго образа жизни. А возможность жить одинаково хорошо съ ограниченными доходами побуждаетъ людей увеличить прибавленія къ своимъ капиталамъ, имѣя въ виду даже малую прибыль. Слѣдовательно, всѣ усовершенствованія въ произвожденіи отдаляютъ въ нѣкоторой степени приближеніе неподвижнаго состоянія.

Открытіе новыхъ источниковъ въ иностранныхъ земляхъ для добыванія дешевыхъ произведеній обнаруживаетъ то же самое дѣйствіе, какъ и усовершенствованія въ произвожденіи Удешевленіе необходимыхъ предметовъ — будетъ ли это слѣдствіемъ успѣховъ внутренней промышлености, или привоза ихъ изъ-за границы—оказываетъ одинаковое вліяніе на заработную плату и на прибыль. Если рабочій, чрезъ постоянное улучшеніе своего положенія, не воспользуется исключительно всѣми выгодами, то стоимость труда понизится и возвысится прибыль. До-тѣхъ-поръ, пока привозъ

жизненныхъ припасовъ продолжается и цѣна ихъ не подымается, до-тѣхъ-поръ приращеніе народонаселенія и капитала останавливаетъ пониженіе прибыли, и увеличеніе капитала идетъ своимъ путемъ, не приближая прибыль къ наименьшей величинѣ.

Мы приходимъ теперь къ послѣднему обстоятельству, дѣятельность котораго особенно обнаруживается въ Англіи. Это—постоянное движеніе капиталовъ въ колоніи, или иностранныя государства, чтобъ найдти для нихъ болѣе выгодное помѣщеніе. Я думаю, это была главная причина, останавливавшая въ этой странѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ пониженіе прибыли. Оно производитъ двоякаго рода дѣйствія: во-первыхъ, это движеніе, подобно пожару, наводненію, или коммерческому кризису, уноситъ часть избытковъ капитала, которые понижаютъ прибыль; во-вторыхъ, капиталъ унесенный не тратится, но употребляется съ пользою, или на основаніе колоній, которыя снабжаютъ государство впослѣдствіи дешевыми земледѣльческими произведеніями, или на распространеніе и усовершенствованіе земледѣлія въ иностранныхъ земляхъ. Такимъ-образомъ вывозъ капитала представляетъ важный дѣятель для расширенія сферы приложенія капитала остающагося, и можно сказать съ справедливостью въ нѣкоторой степени, что чѣмъ болѣе Англія высылаетъ его, тѣмъ болѣе увеличивается его количество внутри ея.

Слѣдственно, пока существуютъ государства старыя, въ которыхъ возростаніе капитала совершается быстро, и молодыя государства, представляющія значительную прибыль для его помѣщенія, до-тѣхъ-поръ прибыль въ первыхъ не понизится въ такой степени, чтобъ положить конецъ его приращенію: пониженіе ея останавливается, когда начинается вывозъ капитала за границу.

Теорія вліянія возростанія капитала на прибыль, нами изложенная, существенно измѣняетъ многія практическія заключенія, повидимому необходимо вытекающія изъ общихъ правилъ Политической Экономіи, и которыя были признаны за истины важными авторитетами.

Эта теорія уменьшаетъ, даже совершенно уничтожаетъ, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи странъ, гдѣ прибыль низкая, особенную важность, которую политико-экономы приписывали всѣмъ мѣрамъ правительства, имѣющимъ цѣлью прибавленіе или уменьшеніе капитала внутри государства. Всѣ экономическіе доводы противъ полезнаго, хотя и непроизводительнаго, употребленія государственныхъ суммъ теряютъ силу и значеніе въ странѣ богатой и промышленной. Если требуется сдѣлать обширный заемъ для какой-нибудь филантропической цѣли, то политики не должны роптать на извлеченіе капитала, которое, по ихъ мнѣнію, истощаетъ источники народнаго богатства и отымаетъ у рабочаго народонаселенія средства къ существованію, или, по-крайней-мѣрѣ, уменьшаетъ ихъ. Расходъ, самый огромный, потребный для подобной цѣли, по всей вѣроятности, не лишитъ работы ни одного работника, не уменьшитъ произвожденія въ слѣдующемъ году ни на ярдъ сукна, ни на квартеръ пшеницы. Въ бѣдныхъ странахъ капиталъ требуетъ особеннаго вниманія, особенной попечительности законодателя, который долженъ быть болѣе остороженъ, извлекая его, и который обязанъ поощрять всѣми силами приращеніе его и привлекать его изъ-за границы. Но въ странахъ богатыхъ, населенныхъ, недостатокъ обнаруживается не въ капиталѣ, но въ плодоносной землѣ, и законодатель долженъ заботиться не о бережливости, но о бо́льшихъ выгодахъ, которыя могутъ быть извлечены изъ сдѣланныхъ экономій или чрезъ усовершенствованіе земледѣлія, или чрезъ открытіе

доступа къ произведеніямъ почвы болѣе плодоносной въ другихъ частяхъ земнаго шара. Въ такихъ странахъ правительство можетъ взять умѣренную часть внутренняго капитала и истратить его, не опасаясь истощенія народнаго богатства, потому-что эта часть извлекается изъ ежегодныхъ экономій, и, въ противномъ случаѣ, она была бы отправлена за границу или поглощена въ личныхъ непроизводительныхъ расходахъ въ теченіе слѣдующихъ годовъ. Каждый истрачиваемый мильонъ очищаетъ только мѣсто для мильона, вновь сберегаемаго, въ ожиданіи общаго преизобилія капитала.

Принимая въ основаніе тѣ же начала, мы доходимъ до конечнаго заключенія, относительно вліянія постояннаго помѣщенія капитала, для цѣлей производительныхъ, на непосредственные интересы рабочаго класса. Отличительная черта этого рода промышленныхъ усовершенствованій заключается въ превращеніи оборотнаго капитала въ постоянный. Мы показали въ третьей главѣ, что въ странѣ, гдѣ приращеніе капитала совершается медленно, постоянныя усовершенствованія земли и тому подобныя улучшенія могутъ оказывать въ продолженіе извѣстнаго времени необыкновенно вредное вліяніе, вмѣсто того, чтобъ приносить пользу; потому-что капиталъ, такимъ-образомъ употребляемый, можетъ-быть, извлекается изъ фонда, доставляющаго заработную плату и средства къ существованію для рабочаго класса. Приложеніе труда въ этомъ случаѣ ограничивается и масса произведеній, вырабатываемыхъ внутри страны въ теченіе года, на самомъ дѣлѣ уменьшается. Но въ странѣ, гдѣ прибыль низкая, гдѣ ежегодныя экономіи значительны, нечего опасаться подобныхъ послѣдствій. Если вывозъ капитала, непроизводительные расходы и даже

совершенная его трата, разумѣется, въ предѣлахъ благоразумія, не уменьшаютъ въ этой странѣ фонда, доставляющаго заработную плату, то превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный еще менѣе можетъ имѣть подобное дѣйствіе. Оно привлекаетъ только въ противоположную сторону капиталъ, во всякомъ случаѣ уходящій.

Изъ сказаннаго нами уже очевидно, что превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный, каково бы ни было его приложеніе — желѣзныя дороги, фабрики, судоходство, рудники, осушеніе и орошеніе полей—не уменьшаетъ ни въ какомъ случаѣ занятіе труда въ богатой странѣ. Но это заключеніе еще болѣе подтверждается, если мы примемъ во вниманіе, что всѣ эти превращенія представляютъ на самомъ дѣлѣ усовершенствованія, которыя не только не уменьшаютъ капитала оборотнаго, но составляютъ необходимыя условія для его возростанія, безъ пониженія прибыли до того градуса, гдѣ останавливается его дальнѣйшее приращеніе. Каждое увеличеніе капитала постояннаго въ заключеніе даетъ странѣ болѣе обширный оборотный капиталъ, потому-что оно непремѣнно понижаетъ цѣну предметовъ, на которые рабочій обыкновенно тратитъ получаемую имъ заработную плату. Весь капиталъ, положенный на улучшеніе земли, уменьшаетъ стоимость произвожденія жизненныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ; почти всѣ усовершенствованія въ машинахъ удешевляютъ одежду или жилища рабочихъ; улучшеніе сообщенія, каковы, напримѣръ, желѣзныя дороги, пароходныя линіи и т. п., понижаютъ цѣны всѣхъ произведеній, привозимыхъ издалека.

Итакъ, мы можемъ заключить, что усовершенствованія въ произвожденіи и вывозъ капитала въ менѣе населенныя,

или совершенно необитаемыя страны не уменьшаютъ общей массы произведеній и запроса на трудъ внутри государства богатаго, какъ это представляется поверхностному взгляду, но, напротивъ, они объусловливаютъ возростаніе производительности и увеличеніе этого запроса.

ГЛАВА XVII.

НАЛОГЪ.

Желаемыя качества системы налоговъ выражены Адамомъ Смитомъ въ четырехъ правилахъ, съ которыми вообще согласились всѣ послѣдующіе писатели и которые по справедливости могутъ быть названы классическими. Лучшимъ началомъ для этой главы будутъ собственныя выраженія Адама Смита (*)

1) Подданные всѣхъ сословій должны споспѣшествовать видамъ правительства, по возможности, соразмѣрно съ средствами, то есть соразмѣрно съ приходомъ, которымъ они пользуются, подъ защитою правительства... Въ соблюденіи или небреженіи этого правила заключается такъ называемое равенство или неравенство налога...

«2) Подать, которую обязано платить каждое лицо, должна быть опредѣленна, время платежа, ея взиманіе и самое количество должны быть извѣстны и ясны для плательщика и для каждаго другаго лица; въ противномъ случаѣ,

(*) Wealth of nations. b. V. ch. II.

лицо, подвергающееся налогу, находится болѣе или менѣе во власти сборщика податей, который можетъ или увеличить подать для каждаго, ему непріятнаго плательщика, или угрозами выманить себѣ взятку. Неопредѣленность налога поощряетъ взяточничество и наглость цѣлаго класса людей, естественно пользующихся малою популярностью, если они даже не наглецы и не взяточники. Опредѣленность подати, вносимой каждымъ лицомъ, такъ важно въ системѣ налоговъ, что даже значительная степень ихъ неравенства, какъ видно, я полагаю изъ опыта, представляемаго исторіею всѣхъ народовъ, есть гораздо меньшее зло, нежели ничтожная неопредѣленность.

«3) Каждая подать должна быть взимаема въ такое время и такимъ образомъ, чтобъ для плательщика было наиболѣе удобно уплатить ее. Подать съ поземельнаго дохода, или дохода отъ домовъ, взносимая въ то время, когда эти доходы получаются, особенно удобна для плательщика, который имѣетъ тогда средства для ея уплаты. Пошлины на товары потребляемые, каковы, напримѣръ, предметы роскоши, уплачиваются, въ заключеніе, потребителями и наиболѣе тоже удобнымъ для нихъ образомъ. Они постепенно уплачиваютъ ихъ всякій разъ, когда они покупаютъ эти произведенія; кромѣ того, они имѣютъ полную свободу покупать ихъ и не покупать, слѣдственно это будетъ собственная вина потребителей, если уплата этихъ пошлинъ представляетъ значительное для нихъ неудобство.

«4) Каждая подать должна быть наложена такимъ образомъ, чтобъ народъ платилъ какъ можно менѣе свыше того, что́ она доставляетъ государственному казначейству. Подать можетъ извлекать изъ кармана плательщиковъ гораздо болѣе, нежели она приноситъ государственному казначейству въ слѣдующихъ четырехъ случаяхъ: вопервыхъ,

когда сборъ ея требуетъ большаго числа чиновниковъ, жалованье которыхъ поглощаетъ значительную часть сбора, ею доставляемаго, и которыхъ акциденціи (*) облагаютъ народъ новою добавочною податью. Во-вторыхъ, когда подать отвлекаетъ часть труда и капитала общества отъ болѣе производительнаго приложенія, направляя ихъ къ приложенію менѣе производительному. Въ-третьихъ, когда штрафы и конфискаціи, которымъ подвергаются люди, безуспѣшно старающіеся избѣжать взноса подати, разоряютъ ихъ, лишая общество выгоды, происходящей отъ помѣщенія ихъ капиталовъ. Неблагоразумный налогъ представляетъ большой соблазнъ для контрабанды... Въ-четвертыхъ, когда плательщики подвергаются частымъ посѣщеніямъ и непріятному обыску сборщика податей и должны терпѣть излишнія безпокойства, непріятности и даже притѣсненія.» Мы можемъ прибавить еще, что ограничительныя мѣры, которыми подчинены различныя отрасли промышленности, чтобъ предупредить упущеніе взноса подати, не только соединены съ большими безпокойствами и расходами, но часто полагаютъ непреодолимыя препятствія, къ усовершенствованію промышленныхъ процесовъ.

Послѣднія три правила не требуютъ дальнѣйшихъ объясненій. Въ какой степени съ ними сообразуются различные виды налога, мы разсмотримъ, изслѣдуя эти виды отдѣльно. Но первый пунктъ — равенство налога, который можетъ быть предметомъ обширнаго разсужденія, требуетъ отъ насъ по-крайней-мѣрѣ краткаго поясненія.

Почему идея равенства должна быть первымъ правиломъ и основаніемъ системы налоговъ? Отвѣчаемъ: по той же причинѣ, по которой эта идея должна проникать всѣ дѣйствія закона. Правительство не должно дѣлать различія меж-

(*) Случайныя процентныя взиманія съ кораблей, товаровъ и пр.

ду лицами и классами, которые имѣютъ на него одинаковыя требованія: и точно также пожертвованія, требуемыя, отъ нихъ правительствомъ, должны, по возможности, одинаково отягощать всѣхъ. Въ такомъ случаѣ, тягость пожертвованія будетъ наименѣе чувствительна для цѣлаго общества; если кто-нибудь отягощенъ менѣе, то другое лицо должно нести бо́льшую тягость, и облегченіе для одного не приноситъ ему—замѣчу, между прочимъ—такого благодѣянія, какъ велико зло излишняго обремененія другаго лица. Равенство налога, слѣдственно, означаетъ уравненіе пожертвованія; оно требуетъ такого необходимаго для расходовъ правительства распредѣленія приношеній между всѣми подданными, чтобъ доля каждаго не отягощала его болѣе нежели другихъ.

Налогъ бываетъ прямой или косвенный. Прямой налогъ непосредственно взимается съ тѣхъ лицъ, которыя должны платить его. Косвенный налогъ требуется отъ одного лица, въ ожиданіи и съ намѣреніемъ, чтобъ оно вознаградило себя на счетъ другаго лица; таковъ, напримѣръ, акцизъ или таможенная пошлина. Кто производитъ или привозитъ товаръ, тотъ платитъ положенную на него пошлину; но она не составляетъ налога, исключительнаго для первоначальнаго плательщика; она только распространяется чрезъ него на потребителей этого произведенія, возвышая его цѣну.

Прямые налоги опредѣляются на доходы или на расходы лицъ. Большая часть податей, облагающихъ расходы, относится къ косвеннымъ налогамъ; немногія между ними падаютъ непосредственно на самого потребителя. Налогъ на домы, напримѣръ, есть прямой налогъ на расходы, если онъ взимается съ постояльца.

Поземельный доходъ, прибыль и заработная плата составляютъ главные и единственные источники дохода; каж-

дый изъ нихъ можетъ быть предметомъ особеннаго налога, или всѣ три могутъ быть обложены единообразною податью. Мы разсмотримъ по порядку эти различные виды налоговъ.

Налогъ на поземельный доходъ падаетъ исключительно на землевладѣльца, который не имѣетъ возможности сложить его тягости на другаго. Онъ не оказываетъ вліянія на цѣнность и на цѣну земледѣльческаго произведенія, потому-что цѣнность его опредѣляется стоимостью его производженія при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ, какъ мы уже не разъ замѣтили, земля не доставляетъ поземельнаго дохода. Этотъ налогъ, слѣдственно дѣйствуетъ только прямо, онъ беретъ извѣстную подать съ землевладѣльца и передаетъ ее правительству.

Налогъ на прибыль точно также, по-крайней-мѣрѣ въ своемъ непосредственномъ дѣйствіи, падаетъ исключительно на плательщика. Когда всѣ виды ея отягчены одинаково, тогда перемѣна занятія не можетъ облегчить капиталиста. Еслибъ налогъ ограничивался прибылью, доставляемою одною извѣстною отраслью промышлености, то онъ на самомъ дѣлѣ увеличивалъ бы стоимость производженія и цѣнность и цѣна произведенія возросли бы соотвѣтственно. Такимъ-образомъ онъ перешелъ бы на потребителей и остался бы безъ вліянія на прибыль. Но общій и одинаковый налогъ на всѣ виды прибыли не дѣйствуетъ на цѣны вообще и падаетъ, по-крайней-мѣрѣ въ первое время, на однихъ капиталистовъ.

Впрочемъ, этотъ налогъ оказываетъ послѣдующее дѣйствіе, которое, говоря о богатой и процвѣтающей странѣ, необходимо принять въ разсчетъ. Когда страна обладаетъ столь обширнымъ капиталомъ и годовое приращеніе его столь быстро, что только вывозъ его, или постоянныя усо-

вершенствованія въ произвожденіи замедляютъ наступленіе неподвижнаго состоянія, каждое обстоятельство, понижающее прибыль, оказываетъ рѣшительное вліяніе на это явленіе. Оно можетъ дѣйствовать различно. Уменьшеніе прибыли, затрудняя выгодное помѣщеніе капитала, побуждаетъ къ новымъ изобрѣтеніямъ и быстрому приложенію ихъ. Если усовершенствованія дѣлаются быстро, если они удешевляютъ, прямо или посредствующимъ образомъ, предметы, потребляемые работниками, то прибыль можетъ подняться достаточно, чтобъ вознаградить капиталиста за взимаемую подать. Въ этомъ случаѣ, налогъ не отягощаетъ никого, потому-что масса произведеній страны увеличивается на столько же, на сколько онъ извлекаетъ, или даже въ болѣе значительномъ количествѣ. Впрочемъ, даже и въ этомъ случаѣ должно разсчитывать, такъ что этотъ налогъ уплачивается изъ прибыли, потому-что отмѣненіе его доставляетъ выгоду лицамъ, ее получающимъ.

Но хотя искусственное извлеченіе части прибыли посредствомъ налога на самомъ дѣлѣ содѣйствуетъ усовершенствованіямъ въ произвожденіи, оно могло не произвести ихъ, или породило такого рода улучшенія, которыя не увеличиваютъ прибыли или возвышаютъ ее несоразмѣрно ея предварительному пониженію. Въ такомъ случаѣ прибыль болѣе приближается къ наименьшей величинѣ, и уменьшеніе ея или рѣшительно остановитъ приращеніе капитала, или увеличитъ его отправленіе за границу и растрату въ безполезныхъ спекуляціяхъ. Налогъ на прибыль, слѣдственно, уменьшаетъ капиталъ и общую производительность страны и болѣе приближаетъ ее къ неподвижному состоянію, котораго она достигаетъ ранѣе и съ меньшимъ итогомъ народнаго богатства. Очень возможно даже, что налогъ на прибыль уменьшитъ капиталъ, существующій въ странѣ.

Положимъ, прибыль достигла въ ней своего minimum, въ смыслѣ практическомъ, и вся часть годичнаго приращенія капитала, ее понижающая, извлекается или чрезъ вывозъ за границу, или посредствомъ спекуляцій: въ этомъ случаѣ налогъ, уменьшающій прибыль, дѣйствуетъ за-одно съ другими причинами, предварительно извлекавшими ежегодное приращеніе капитала, и унесетъ, вѣроятно, часть капитала существовавшаго.

Перейдемъ теперь къ налогу на заработную плату. Дѣйствіе его бываетъ различно, смотря по тому, какого рода трудъ онъ облагаетъ: будетъ ли эта подать наложена на плату за обыкновенный, безъискусственный трудъ, или на вознагражденіе за работу искусную или умственную, которая выходитъ за предѣлы обыкновеннаго совмѣстничества, какъ монополія естественная или пріобрѣтенная.

Я уже замѣтилъ, что, при настоящемъ низкомъ развитіи народнаго образованія, всѣ высшія степени умственнаго или выученнаго труда пользуются вознагражденіемъ монопольнымъ, превышающимъ плату обыкновенныхъ работниковъ гораздо болѣе, нежели это обусловливаютъ расходы, забота, трата времени, необходимые для изученія и усвоенія особенно выгоднаго занятія. Каждая подать, налагаемая на вознагражденіе этого рода, которая оставляетъ, однако, соотвѣтствующее или справедливое возмездіе, падаетъ на тѣхъ, кто платитъ ее, потому-что они не имѣютъ средствъ сложить это бремя на другихъ. То же самое можетъ быть съ справедливостью сказано и объ обыкновенной заработной платѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталъ возростаетъ такъ же быстро, какъ и народонаселеніе, и поддерживаетъ на той же степени заработную плату, какъ это видимъ мы, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, или колоніяхъ, вновь

основанныхъ: въ этомъ случаѣ налогъ падаетъ на рабочихъ и приводитъ ихъ преждевременно въ худшее положеніе.

Когда заработная плата опредѣляется образомъ жизни рабочихъ и зависитъ отъ него, они въ продолженіе извѣстнаго времени несутъ тягость налога на эту плату. Но если это временное отягощеніе не ухудшаетъ ихъ образа жизни, то оно необходимо остановитъ приращеніе народонаселенія и, слѣдственно, возвыситъ заработную плату и возстановитъ прежнее положеніе рабочаго. На кого падаетъ налогъ въ этомъ случаѣ? Адамъ Смитъ утверждаетъ: на цѣлое общество, представляющее собраніе потребителей, потому-что возвышеніе заработной платы, онъ думаетъ, возвыситъ всѣ цѣны вообще. Мы видѣли, однакожь, что цѣны зависятъ отъ другихъ причинъ и никогда не возвышаются подъ вліяніемъ обстоятельства, одинаково дѣйствующаго на всѣ виды промышленной дѣятельности. Возвышеніе заработной платы, которое производитъ налогъ, должно быть вознаграждено на счетъ прибыли, какъ всякое возростаніе стоимости труда. Отягощая рабочихъ, мы налагаемъ лишнюю подать на тѣхъ, кто даетъ занятіе труду, съ тою только разницею, что подобный налогъ отнимаетъ у рабочаго всякое желаніе улучшить свой образъ жизни.

Обращаемся теперь къ налогу, который обнимаетъ всѣ виды дохода, къ такъ-называемой подати на доходы (income tax). Чтобъ онъ согласовался со всѣми требованіями справедливости, онъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ необходимымъ условіямъ: во-первыхъ, доходы, ниже извѣстной суммы, должны быть освобождены отъ него; этотъ наименьшій доходъ не долженъ превышать суммы, достаточной, чтобъ покрыть расходы, необходимые для существованія; во-вторыхъ, доходы, переходящіе за этотъ предѣлъ, должны быть обложены соразмѣрно избыткамъ,

превышающимъ опредѣленный minimum; въ-третьихъ, налогъ не долженъ распространяться на суммы, сберегаемыя изъ доходовъ и помѣщаемыя какъ капиталъ; но если это правило въ приложеніи затруднительно, то доходы пожизненные, или доставляемые занятіями, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отягчены болѣе, чѣмъ доходы наслѣдственные, имѣя въ виду ихъ непродолжительность и непостоянство.

Подать на доходы, справедливо распредѣленная на основаніи этихъ правилъ, имѣетъ неоспоримое преимущество передъ всѣми видами налога; но она представляетъ важный недостатокъ въ практическомъ приложеніи, потому-что, при низкой степени честности общества, совершенно невозможно опредѣлить съ точностью настоящіе доходы плательщиковъ.

Несмотря на самый строгій обыскъ, которому благоразумно подчинить платящихъ этотъ налогъ, нѣтъ возможности разложить его, не имѣя точныхъ свѣдѣній о достояніи и средствахъ плательщиковъ. Поземельные доходы, жалованье, аннюитеты и всѣ доходы постоянные могутъ быть легко опредѣлены. Но непостоянные доходы, получаемые отъ занятій, и особенно барыши торговые, положительно даже неизвѣстные самому купцу, еще менѣе могутъ быть опредѣлены съ приблизительною точностью сборщикомъ подати, которому остается положиться на собственныя показанія плательщиковъ. Слѣдственно подать на доходы, если она даже основывается на самыхъ строгихъ началахъ равенства налога, не представляетъ этого необходимаго качества въ практическомъ приложеніи, преимущественно отягощая наиболѣе совѣстливыхъ людей, между-тѣмъ, какъ менѣе совѣстливый человѣкъ всегда успѣетъ избѣжать платежа слѣдующей ему доли.

Опасаемся, послѣ этого, что справедливость, отличающая налогъ на доходы въ теоріи, не обнаруживается въ практическомъ приложеніи, и что онъ, несмотря на видимую правоту, на самомъ дѣлѣ менѣе справедливъ, нежели многіе другіе налоги. Это заключеніе заставляетъ насъ согласиться съ мнѣніемъ, что прямой налогъ на доходы долженъ быть употребленъ только какъ чрезвычайное средство, въ случаѣ особенной государственной нужды, когда необходимость беретъ перевѣсъ надъ всѣми возраженіями.

Практическія затрудненія, съ которыми необходимо соединяется налогъ на доходы, побудили предложить подать на расходы, опредѣляемую точно такъ же, основываясь на показаніяхъ плательщиковъ. Ревансъ, которому принадлежитъ эта идея, утверждаетъ въ памфлетѣ (*), очень искусно написанномъ, что въ этомъ случаѣ собственныя свидѣтельства людей заслуживаютъ бо́льшаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что расходы труднѣе утаить нежели доходы, и что ложныя показанія могутъ быть легко открыты. Мнѣ кажется, приведенный нами авторъ недостаточно подумалъ, что еще труднѣе опредѣлить даже приблизительно расходы бо́льшей части семействъ по наружнымъ признакамъ. Правдивость лицъ опять здѣсь будетъ единственнымъ обезпеченіемъ, и нѣтъ причины, почему ихъ показанія въ этомъ случаѣ должны быть болѣе достовѣрны, нежели свидѣтельства ихъ о доходахъ, ими получаемыхъ.

Существующія въ различныхъ странахъ подати на расходы ограничиваются только нѣкоторыми статьями. Онѣ отличаются отъ пошлинъ на произведенія только въ томъ отношеніи, что онѣ уплачиваются лицомъ, потребляющимъ предметъ, или имъ пользующимся, а не взносятся произво-

(*) A percentage tax on domestic expenditure, to supply the whole of the public revenue by John Revans. published by Hatchard 1847.

дителями или торговцами, впослѣдствіи вознаграждающими себя возвышая цѣну. Таковъ налогъ на прислугу, лошадей, собакъ, экипажи. Очевидно, онъ падаетъ на лица, съ которыхъ взимается и которыя пользуются предметами, ему подлежащими. Налогъ на домы относится также къ этой категоріи, но, по важности его, какъ средства дохода, намъ слѣдуетъ болѣе распространиться о немъ.

Доходъ, получаемый съ домовъ, состоитъ изъ поземельнаго дохода, происходящаго отъ земли, на который стоитъ домъ, и домоваго дохода, доставляемаго самымъ строеніемъ. Первый опредѣляется обыкновенными началами, отъ которыхъ вообще зависитъ поземельный доходъ. Это будетъ вознагражденіе за пользованіе частью земли, занимаемой домомъ и его принаддежностими; оно измѣняется, смотря по мѣстоположенію. Домовой доходъ собственно есть возмездіе за трудъ и капиталъ, истраченные на построеніе дома онъ заключаетъ обыкновенную прибыль на капиталъ строителя хозяина и аннюитетъ, достаточный (разумѣется, за уплатою всѣхъ поправокъ и починокъ), чтобъ замѣстить первоначальный капиталъ къ тому времени, когда домъ придетъ въ разрушеніе.

Процентный налогъ, на общій доходъ домами доставляемый, падаетъ одинаково на оба составляющіе его элемента: чѣмъ выше этотъ доходъ тѣмъ значительнѣе эта подать, во всякомъ случаѣ, зависитъ ли онъ отъ мѣстоположенія, или отъ достоинства самаго дома. Несмотря на это, мы должны прослѣдить особенно дѣятельность этихъ двухъ элементовъ налога.

Часть налога, распространяющаяся на домовой доходъ собственно, должна, въ заключеніе, падать на потребителя, или, другими словами, на постояльца. Такъ-какъ домы доставляютъ только обыкновенную прибыль, то, еслибъ налогъ

падалъ на хозяина, а не на постояльца, эта прибыль понизилась бы болѣе, сравнительно съ барышами, получемыми отъ другихъ источниковъ дохода, неподлежащихъ налогу, и постройка домовъ должна прекратиться. Вѣроятно, однакожь, что, по наложеніи этой подати, въ первое время бо́льшая часть ея упадетъ не на жильца, но на хозяина. Многіе не захотятъ, если не будутъ въ возможности платить, кромѣ прежняго найма, новую подать и удовольствуются худшимъ помѣщеніемъ; количество свободныхъ квартиръ, слѣдственно, будетъ превышать требованіе. Уменьшеніе запроса, мы видѣли, всегда ограничиваетъ снабженіе произведеній; но предметы, столь прочные, какъ домы, нескоро уменьшаются въ своемъ количествѣ. Правда, новыя постройки прекратятся, но между-тѣмъ временной избытокъ понизитъ плату за наемъ, и потребители-жильцы найдутъ, можетъ-быть, такое же помѣщеніе, какъ и прежде, за ту же плату, соединяющую теперь наемъ и налогъ. Постепенно, однакожь, по мѣрѣ разрушенія существующихъ домовъ и приращенія народонаселенія, цѣна наймовъ снова подымется, пока постройка новыхъ домовъ не окажется прибыльною, что̀ будетъ только въ такомъ случаѣ, когда налогъ совершенно перейдетъ на жильца. Слѣдственно, жилецъ, въ заключеніе, несетъ часть налога, падающую на домовой доходъ собственно.

Часть налога, падающая на поземельный доходъ, доставляемый мѣстомъ, на которомъ выстроенъ домъ, повидимому, не подходитъ подъ это правило. Такъ-какъ налогъ на поземельный доходъ вообще падаетъ на землевладѣльца, то естественно предположить, что и эта часть подати на домы должна подчиниться тому же правилу покрайней-мѣрѣ по истеченіи срока найма. Самый низшій доходъ, получаемый отъ земли, отданной подъ строеніе,

необходимо болѣе дохода, доставляемаго пахатною землею, потому-что, въ противномъ случаѣ, она не была бы опредѣлена на это менѣе выгодное назначеніе, развѣ только въ чрезвычайныхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ. Слѣдственно, если налогъ распространяется только на застроенную землю, не касаясь земли пахатной или воздѣланной, то доходы, получаемые отъ первой, сравнительно понизятся. Постройки въ этомъ случаѣ прекратятся, какъ еслибъ подать была наложена на домовой доходъ исключительно, пока возростающее требованіе или увеличивающееся народонаселеніе, или уменьшающееся снабженіе, вслѣдствіе обыкновенныхъ разрушительныхъ причинъ, не возвысятъ цѣны наймовъ, соразмѣрно подати. Такимъ-образомъ эти два элемента, составляющіе доходъ, получаемый съ домовъ, не представляютъ различія въ отношеніи подати. Въ обоихъ случаяхъ она падаетъ на жильца, который, ограничивая свое требованіе, если онъ предпочитаетъ довольствоваться худшимъ помѣщеніемъ, понижаетъ точно такъ же поземельный доходъ, или замедляетъ его возростаніе.

Подать на домы, если она разложена правильно, пропорціонально цѣнности ихъ, представляетъ одинъ изъ наиболѣе справедливыхъ видовъ налога. Эта статья расходовъ, плата за наемъ дома — лучшее свидѣтельство о средствахъ постояльца и всегда представляетъ постоянное отношеніе къ нимъ; налогъ, на нее распространяющійся, гораздо ближе подходитъ къ теоретически справедливой подати на доходы, нежели эта самая подать, въ ея практическомъ приложеніи, потому-что онъ не принимаетъ во вниманіе всѣ обстоятельства, которыя такъ трудно и даже невозможно опредѣлить съ точностью, необходимою для правильнаго распредѣленія налога на доходы. Плата за наемъ дома свидѣтельствуетъ не о цѣломъ имуществѣ каждаго, но

о томъ, что каждый, по своему разумѣнію, можетъ истратить. Противъ этой подати можно сдѣлать только два замѣчанія.

Во-первыхъ, скупецъ легко укроется отъ нея; но это справедливо для всѣхъ видовъ налога, падающаго на расходы; только прямая подать на доходы распространяется и на скупца. Но такъ-какъ въ наше время скупецъ не скрываетъ своихъ сокровищъ, но помѣщаетъ ихъ въ приложеніи производительномъ, то онъ увеличиваетъ тѣмъ народное богатство и, слѣдственно, самыя средства къ уплатѣ налога, даже лично не участвуя въ немъ. Налогъ въ этомъ случаѣ переносится съ капитала скупаго человѣка на доходы, отъ него происходящіе и подлежащіе подати, когда они расходуются другими лицами.

Во-вторыхъ, обширное и дорогое помѣщеніе часто требуется не для жительства, но для производства извѣстнаго рода занятій. Чтобъ обезоружить и это возраженіе, нужно только избавить отъ подати строенія, опредѣляемыя на это назначеніе, какъ-то, фабрики, лавки, магазины и т. п.

Налагая эту подать, мы замѣтимъ: необходимо принять въ основаніе, что стоитъ домъ лицу, его занимающему, и сообразоваться съ этою стоимостью. Когда домъ отдается въ наймы, когда жилецъ не есть самъ хозяинъ, наемъ, уплачиваемый имъ, можетъ служить мѣрою этой стоимости; но когда въ немъ живетъ самъ хозяинъ, то должно искать другой мѣры для ея опредѣленія: должно, въ этомъ случаѣ, оцѣнить самый домъ, принимая въ разсчетъ не продажу, но расходы постройки подобнаго зданія, при настоящихъ обстоятельствахъ. Эта оцѣнка можетъ быть исправляема, по временамъ, принимая въ уваженіе вновь сдѣланныя улучшенія въ домѣ и также увеличивающуюся его ветхость. Такимъ-образомъ мы получимъ капиталъ, пред-

ставляющій стоимость дома, и проценты котораго будутъ подлежать налогу. Въ Англіи, при наложеніи этой подати, замѣнившей налогъ на окошки, это правило не было соблюдено, и владѣльцы великолѣпныхъ палатъ платятъ на самомъ дѣлѣ самую ничтожную подать.

Налогъ на произведенія обнимаетъ пошлины, взимаемыя или съ производителей, или съ торговцовъ и вощиковъ, которые служатъ посредниками между производителями и потребителями. Эти пошлины налагаются или на процесъ произвожденія или на ввозъ произведеній, или на провозъ ихъ, или, наконецъ, на самую продажу, и раздѣляются, поэтому, на пошлины акцизныя, таможенныя и транзитныя. Всѣ виды этихъ пошлинъ соотвѣтствуютъ возростанію стоимости произвожденія, въ обширномъ смыслѣ этого выраженія, соединяющаго также расходы провоза и доставки произведенія на рынокъ.

Когда налогъ увеличиваетъ искусственнымъ образомъ стоимость произвожденія, дѣйствіе его совершенно подобно вліянію естественныхъ причинъ. Если онъ распространяется только на нѣкоторые предметы, то цѣнность и цѣна ихъ подымаются, чтобъ вознаградить производителя и купца за тягость исключительнаго налога. Но если онъ распространяется на всѣ предметы и пропорціонально ихъ цѣнности, то невозможно будетъ получить подобное вознагражденіе.

Пошлины вышепоименованныя, если онѣ только ограничиваются извѣстными произведеніями, подымаютъ цѣнность и цѣну ихъ по-крайней-мѣрѣ на сумму, имъ равную, и очень часто даже бо̀льшую. Причины этого чрезмѣрнаго возвышенія очевидны: во-первыхъ, почти всѣ пошлины, налагаемыя на процесы произвожденія, необходимо связываютъ дѣятельность фабрикантовъ и купцовъ. Мѣры, которымъ они подвергаются, чтобъ обезпечить взносъ пошлины, всег-

да соединены съ безпокойствами, излишними расходами, необходимо требующими особаго вознагражденія. Далѣе, ограниченіе этого рода, касаясь очень часто свойствъ самыхъ процесовъ промышлености, требуетъ отъ фабриканта или заводчика, чтобъ онъ держался способа, наиболѣе удобнаго для взиманія пошлины, который не всегда бываетъ самый дешевый, или наиболѣе выгодный, и препятствуетъ введенію новыхъ и усовершенствованныхъ процесовъ. Кромѣ-того, необходимость впередъ уплачивать пошлину обязываетъ производителей и купцовъ имѣть большой капиталъ, который долженъ доставлять имъ прибыль, между-тѣмъ, какъ только часть его употребляется на покрытіе расходовъ произвожденія или привоза произведеній. Слѣдственно цѣна ихъ должна принести барыши, болѣе чѣмъ соразмѣрные съ ихъ естественною цѣнностью. Наконецъ, не должно забывать также, что потребность большаго капитала ограничиваетъ совмѣстничество и, обезпечивая монополію немногимъ промышленикамъ, даетъ имъ возможность или поддерживать высокую цѣну, болѣе чѣмъ пропорціональную обыкновенной прибыли, или получать эту прибыль съ мѣньшею дѣятельностью, не заботясь объ улучшеніи и удешевленіи произведеній. Такимъ-образомъ, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ произведеній, обложенныхъ пошлиною, потребители платятъ гораздо болѣе, нежели она приноситъ государственному казначейству. Мы должны прибавить здѣсь еще одно замѣчаніе. Возвышеніе цѣны, которое производитъ пошлина, всегда ограничиваетъ запросъ на произведенія, ей подлежащія, и исключаетъ, слѣдственно, многія усовершенствованія, требующія въ приложеніи своемъ запроса, довольно-обширнаго.

Таково дѣйствіе общаго налога на произведенія; намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть ближе вліяніе ихъ на такіе

продукты, которыхъ цѣнности дѣйствуютъ на раздѣленіе богатства, между различными классами общества. Таковы, напримѣръ, предметы первой необходимости, потребляемые работникомъ. Если, напримѣръ, пошлина будетъ наложена на хлѣбъ и цѣна его возвысится соразмѣрно ей, то это возвышеніе цѣны можетъ дѣйствовать двоякимъ образомъ: во-первыхъ, оно можетъ ухудшить положеніе рабочаго класса (что должно необходимо воспослѣдовать на время по-крайней-мѣрѣ). Если его потребленіе земледѣльческихъ произведеній уменьшается, или если онъ потребляетъ пищу, которую земля производитъ въ большомъ изобиліи и которая, поэтому, дешевле, то воздѣлываніе земли ограничится самою плодородною почвою и самыми дешевыми способами. Въ этомъ случаѣ цѣнность и цѣна хлѣба понизятся, удерживая только часть на него наложенной пошлины. Во-вторыхъ, можетъ случиться, что дороговизна пищи, подлежащей подати, не измѣнитъ положеніе работника, но что заработная плата возвысится, вознаграждая рабочихъ за участіе, ими принимаемое въ налогѣ; это вознагражденіе совершается, разумѣется, на счетъ прибыли. Такимъ-образомъ, налогъ на предметы необходимые долженъ оказывать то или другое вліяніе; онъ или ухудшаетъ положеніе рабочаго класса, или обязываетъ капиталиста платить его вдвойнѣ, и за себя, и за рабочихъ. Въ послѣднемъ случаѣ пошлины на предметы необходимые, подобно подати на заработную плату, соотвѣтствуютъ налогу на прибыль, который несправедливъ, какъ каждый исключительный налогъ, и который особенно вредитъ возрастанію народнаго богатства.

Мы должны сказать еще о дѣйствіи его на поземельный доходъ. Положимъ, что потребленіе пищи не уменьшается, какъ это обыкновенно бываетъ; что, для удовлетворенія потребностей общества, необходимо то же количество земли,

которое, въ соединеніи съ тѣмъ же капиталомъ, опредѣляетъ цѣнность и цѣну земледѣльческихъ произведеній. Дѣйствіе пошлинъ, облагающихъ эти продукты на поземельный доходъ, зависитъ теперь отъ свойства и условія ихъ.

Если это будетъ пошлина ad valorem, т. е. отъ цѣнности или, что̀ все равно, если она представляетъ извѣстное отношеніе къ массѣ произведеній, какъ, напримѣръ, десятина (dime, tithe) (*), то она очевидно понижаетъ поземельный доходъ, выраженный количествомъ уродившагося хлѣба. Она беретъ болѣе съ земли хорошей нежели съ худой, извлекая количества, совершенно пропорціональныя качеству почвы, и почва вдвое болѣе производительная платитъ десятину вдвое бо̀льшую.

Но въ этомъ случаѣ понижается поземельный доходъ, представляющійся только въ видѣ урожая, а не въ видѣ денегъ, или другихъ произведеній; потому-что, соразмѣрно съ уменьшеніемъ количества хлѣба, цѣнность его возвышается. Съ наложеніемъ десятины, девять десятыхъ урожая будутъ стоить на рынкѣ то же самое, что прежде стоилъ цѣлый урожай. Слѣдственно потеря землевладѣльцевъ на количествѣ будетъ вознаграждена имъ цѣнностью и цѣною продукта; потеря ихъ будетъ ограничиваться только ихъ собственнымъ потребленіемъ хлѣба, который имъ обойдется теперь дороже. Десятина такимъ-образомъ падаетъ на потребителей, а не на землевладѣльцевъ.

Подобная же пошлина, взимаемая только въ видѣ опредѣленной суммы, съ каждой четверти, оказываетъ то же самое вліяніе на поземельный доходъ. Въ этомъ случаѣ сборъ, доставляемый каждымъ полемъ, будетъ соотвѣтствовать числу четвертей, на немъ уродившагося хлѣба: эта

(*) Десятинный сборъ, взимающій десятую часть продуктовъ, а не мѣра поверхности земли.

пошлина дѣйствуетъ совершенно подобно десятинной, съ тою только разницею, что десятина представляетъ постоянную пропорцію для всѣхъ родовъ почвы и во всѣ времена, тогда-какъ отношеніе этой пошлины измѣняется сообразно съ цѣнами хлѣба.

Земледѣльческій налогъ въ другихъ формахъ иначе дѣйствуетъ на поземельный доходъ. Пошлина, пропорціональная этому доходу, исключительно на него падаетъ и совершенно не возвышаетъ цѣны хлѣба, которая опредѣляется производительностью земли, неплатящей этого дохода. Постоянная пошлина на землю воздѣлываемую, безъ отношенія къ ея цѣнности, оказываетъ совершенно противоположное дѣйствіе. Если одинаковая пошлина взимается съ земли доброкачественной и равно съ худой, то цѣна хлѣба должна достаточно поднятся, чтобъ земля самаго низкаго достоинства могла доставить ее. Въ этомъ случаѣ всякая земля, которая даетъ большое количество произведеній, доставляетъ еще, кромѣ этой пошлины, болѣе значительный доходъ землевладѣльцамъ. Впрочемъ, налогъ этого рода есть собственно подать на самую землю, а не пошлина на ея произведенія.

До-сихъ-поръ, изслѣдуя дѣйствія налога на произведенія, мы допускали, что онъ взимается безъ различія способовъ ихъ добыванія, или доставки на рынокъ. Намъ представятся другаго рода заключенія, если мы допустимъ это различіе, предположивъ, что не самое произведеніе, но извѣстный способъ его добыванія подлежитъ налогу.

Положимъ, что существуютъ два различные способа добыванія одного и того же продукта: наримѣръ, фабричныя издѣлія приготовляются ручною работою и паровою силою; сахаръ получается изъ сахарнаго тростника и свекловицы; рогатый скотъ откармливается сѣномъ, травами и

кореньями или маслобойными выжимками и бардою. Въ интересахъ общества, чтобъ промышленики приняли одинъ изъ этихъ двухъ способовъ, который производитъ предметы лучшаго качества и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевле. Такъ-какъ въ этомъ случаѣ интересы общества и промышлениковъ совершенно согласуются, то они сами усвоятъ процесы наиболѣе выгодные, если они только не защищены особенно противъ совмѣстничества, не ограждены отъ пени за нерадѣніе. Допустимъ, однакожь, что одинъ изъ этихъ способовъ добыванія обложенъ пошлиною, между-тѣмъ, какъ другой совершенно освобожденъ отъ нея или подлежитъ сравнительно ничтожной пошлинѣ. Если промышленики сами не пожелаютъ принять перваго процеса, то эта мѣра не будетъ имѣть никакого дѣйствія; но если эта пошлина падаетъ, согласно съ намѣреніемъ правительства, на процесъ, который производители захотѣли бы усвоить, то она побуждаетъ предпочесть способъ, неподлежащій налогу, хотя онъ представляетъ менѣе выгодъ. Слѣдственно, если эта пошлина оказываетъ какое-нибудь дѣйствіе, то она принуждаетъ къ добыванію произведеній худшаго качества съ бо́льшимъ трудомъ. Она принуждаетъ напрасно истрачивать трудъ общества и расходовать безъ всякой пользы капиталъ, употребляемый на вознагражденіе этого труда. Потеря труда и капитала составляетъ прибавленіе къ стоимости произвожденія предмета, которое возвышаетъ его цѣнность и цѣну въ соотвѣтствующей пропорціи; и только такимъ образомъ могутъ быть вознаграждены капиталисты. Потеря падаетъ на потребителей, хотя капиталъ страны также, въ заключеніе, уменьшается съ уменьшеніемъ средствъ и побужденій къ бережливости.

Этого рода налогъ, слѣдственно, преступаетъ четвертое основное правило, взимая съ плательщика гораздо болѣе,

нежели онъ приноситъ государственному казначейству. Онъ обязываетъ потребителя платить двѣ различныя пошлины, изъ которыхъ одна только, и часто наименѣе значительная, поступаетъ въ казначейство.

Пошлина на ввозъ произведеній, добываемыхъ также внутри государства, представляетъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ примѣровъ этого налога. Произведенія постоянно привозятся изъ-за границы тогда только, когда они выдѣлываются за границею съ меньшими расходами капитала и труда. Итакъ, если, вслѣдствіе пошлины, производство ихъ внутри государства будетъ дешевле привоза ихъ изъ-за границы, то, въ этомъ случаѣ, для полученія того же самаго результата, расходуется лишнее количество капитала и труда. Трудъ пропадаетъ безъ пользы, и капиталъ тратится на уплату людей, трудящихся попустому.

Кромѣ налоговъ на доходы и на потребленіе, финансовыя системы почти всѣхъ государствъ представляютъ разнообразныя пошлины, неподходящія съ точностью ни подъ одно изъ этихъ главныхъ раздѣленій.

Почти всѣ государства получаютъ доходъ съ пошлинъ на договоры, которыя налагаются въ различныхъ формахъ. Самый обыкновенный способъ представляетъ наложеніе пошлины на документъ, служащій доказательствомъ и свидѣтельствомъ договора и имѣющій исключительную законную силу.

Но болѣе важный налогъ этого рода распространяется на передачу собственности, преимущественно на куплю и продажу. Налогъ на продажу потребляемыхъ произведеній совершенно подобенъ пошлинамъ на эти произведенія и однороденъ съ ними. Если только нѣкоторыя изъ нихъ подлежатъ ему, то цѣна ихъ возвышается и онъ падаетъ, слѣдственно, на потребителя. Если же онъ облагаетъ всѣ

виды купли и продажи, какъ это существуетъ въ Испаніи, то онъ будетъ совершенно соотвѣтствовать пошлинамъ на всѣ произведенія и не будетъ дѣйствовать на цѣны. Если только продажа подлежитъ ему, то это будетъ налогъ на прибыль; если же купля, то это будетъ налогъ на потребленіе. Если онъ ограничивается только извѣстными способами продажи, напримѣръ, аукціономъ, то она выйдетъ изъ употребленія, или будетъ дѣлаться только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда продавецъ находится въ необходимости сбыть свой товаръ или свою собственность, а покупатель не нуждается въ нихъ. Налогъ здѣсь падаетъ на продавца, что̀ особенно предосудительно, если взять во вниманіе, что плательщикъ всегда бываетъ въ этомъ случаѣ лицо нуждающееся и находится въ крайнемъ положеніи.

Подобное же замѣчаніе необходимо относится къ пошлинамъ на куплю и продажу земли. Помѣстья продаются, когда владѣльцы ихъ бываютъ вынуждены къ тому: продавецъ, слѣдственно, здѣсь долженъ довольствоваться тѣмъ, что̀ онъ можетъ получить за свою собственность, тогда-какъ покупатель ищетъ только помѣщенія для своего капитала и налогъ значительный будетъ для него важнымъ препятствіемъ къ совершенію покупки. Многіе могутъ замѣтить, что подобный доводъ теряетъ свою силу, если всѣ виды постояннаго помѣщенія капитала, какъ, напримѣръ, публичные фонды, акціи различныхъ компаній, закладныя и т. п. будутъ обложены одинаковою пошлиною. Но даже и въ этомъ случаѣ, если пошлина взимается съ покупателя, то она соотвѣтствуетъ налогу на проценты и нарушаетъ существующее отношеніе между процентами и прибылью, которое возстановляется только съ возвышеніемъ процентовъ и пониженіемъ цѣны земли и всѣхъ биржевыхъ фондовъ.

Нѣкоторыя пошлины на договоры необыкновенно вредны, стѣсняя дѣйствія, которыя обязанность законодателя поощрять. Таковъ, напримѣръ, налогъ на застрахованье отъ огня.

Какіе виды налога: прямой или косвенный заслуживаютъ особеннаго предпочтенія, какъ источники государственнаго дохода? Этотъ вопросъ, занимавшій публицистовъ во всѣ времена, былъ еще недавно предметомъ жаркой полемики. Общее мнѣніе въ пользу косвеннаго налога или, точнѣе сказать, что осуждаетъ прямой налогъ. Подобное расположеніе основывается не на относительномъ достоинствѣ обоихъ видовъ, но на побужденіи совершенно ребяческомъ. Намъ не столь непріятенъ налогъ, какъ самый платежъ, можетъ-быть, потому, что въ этомъ случаѣ мы болѣе увѣрены и убѣждены въ его дѣйствительности. Никто не станетъ отрицать, что значительная пошлина на сахаръ или на вино возвышаетъ цѣну каждаго фунта сахара, каждой бутылки вина, которые мы потребляемъ: но она не оказываетъ такого непріятнаго вліянія на наши чувства, на соотношенія нашихъ идей. Мы видимъ здѣсь, какое различіе существуетъ между истинами познаваемыми и ощущаемыми. Многіе политико-экономы, искренно желающіе усовершенствованія общества, видя, какъ неосновательно это расположеніе къ налогу прямому, когда люди добровольно и охотно платятъ чрезвычайныя цѣны за предметы, подлежащіе налогу косвенному, предпочитаютъ, напротивъ, первый и совѣтуютъ преимущественно развитіе этого источника государственнаго дохода.

Мы должны обратить здѣсь особенно вниманіе на одно свидѣтельство, очень часто представляемое въ пользу косвеннаго налога, которое, однакожь, должно отвергнуть, какъ доводъ совершенно ложный. Часто говорятъ, что пошлины

на произведенія менѣе тягостны, нежели другія подати, потому что-плательщикъ можетъ освободиться отъ нихъ, прекративъ потребленіе предметовъ, имъ подлежащихъ. Конечно, онъ можетъ лишить правительство части его дохода, если таково его намѣреніе; но въ такомъ случаѣ онъ жертвуетъ своимъ удовольствіемъ, и подобное пожертвованіе можетъ вознаградить ему также платежъ налога прямаго. Допустимъ, что вино обложено пошлиною, которая надбавляетъ 30 р. с. на количество этого произведенія, ежегодно потребляемаго плательщикомъ. Намъ говорятъ, что если онъ уменьшитъ потребленіе вина на 30 р. с., то онъ избавится отъ тягости пошлины. Это совершенно справедливо. Но если подать, равная 30 р. с., будетъ наложена на его доходъ, то, сберегая эту сумму на винѣ, онъ можетъ облегчить себѣ ея уплату. Такимъ-образомъ преимущество косвеннаго налога въ этомъ отношеніи совершенно мнимое.

Косвенный налогъ, съ другой стороны, имѣетъ ту выгоду, что онъ взимается съ плательщиковъ въ самое удобное для нихъ время и способомъ наиболѣе для нихъ удобнымъ. Онъ уплачивается, когда они принуждены платить за покупаемое произведеніе, безъ лишнихъ хлопотъ и безъ особеннаго для нихъ безпокойства. Плательщики сами выбираютъ свое время, чтобъ запастись произведеніями, подлежащими налогу, и сами, слѣдственно, назначаютъ для себя сроки платежа этого налога. Производитель, или торговецъ, уплачивающій его впередъ, иногда подвергается невыгодамъ несвоевременнаго платежа, но для привозимыхъ товаровъ даже и эта невыгода, по возможности, отвращается системою складочныхъ магазиновъ, (bonded warehouses), которая не требуютъ немедленной уплаты пошлинъ при ввозѣ произведеній. Она взыскивается только когда товары извлекаются изъ этихъ пакгаузовъ для

потребленія, что̀ обыкновенно бываетъ, когда купецъ нашелъ покупщика, или имѣетъ его въ виду.

Но самое дѣйствительное опроверженіе противъ прямыхъ налоговъ, какъ единственнаго источника государственнаго дохода, заключается въ невозможности разложить ихъ правильно, если совѣстливость плательщиковъ не будетъ къ тому содѣйствовать. Разбирая налогъ на доходы, мы видѣли, что даже приблизительное равенство въ разложеніи его невозможно, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи доходовъ, доставляемыхъ торговлею и различными занятіями, если не освободить отъ него ежегодныя экономіи, прибавляемыя къ капиталу. Это фактъ, допускаемый даже самыми жаркими защитниками прямыхъ налоговъ.

Налогъ на домы, мы видѣли, не подвергается подобному осужденію и представляетъ, вѣроятно, наиболѣе уравненную повинность. Но возможно ли посредствомъ одного этого способа собрать бо̀льшую часть государственнаго дохода, не стѣснивъ предосудительно въ ограниченномъ пространствѣ массу народонаселенія, которое, чтобъ избѣжать платежа подати, удовольствуется неудобнымъ помѣщеніемъ. Кромѣ того, даже и этотъ видъ налога представляетъ неравенство и необходимо слѣдующія изъ него несправедливости; и предосудительно было бы обратить его на извѣстныхъ только плательщиковъ, употребляя его, какъ исключительный источникъ государственнаго дохода. Мы видимъ, такимъ-образомъ, всю необходимость раздѣлить снабженіе этого дохода между прямыми и косвенными налогами, падающими на потребленіе, и намъ предстоитъ теперь рѣшить вопросъ, какія пошлины, относящіяся къ послѣднему т. е. къ косвенному налогу, наименѣе предосудительны.

Нѣкоторые виды косвеннаго налога должны быть непремѣнно исключены. Пошлины на произведенія, опредѣлен-

ныя съ цѣлью доставить государству доходъ, не должны дѣйствовать какъ средство поощренія, покровительствующее туземную промышленость: онѣ должны быть наложены безъ пристрастнаго различія между способами добыванія или полученія произведеній, не взирая на то, производятся ли они внутри государства или привозятся въ него. Предметы первыхъ жизненныхъ потребностей, или матеріалы и орудія, необходимые для добыванія ихъ, должны быть освобождены отъ пошлинъ, потому-что они всегда распространяются на того, кто, по возможности, долженъ быть менѣе отягченъ налогомъ. Если мы допустимъ даже самое благопріятное предположеніе, именно, что заработная плата возвысится и вознаградитъ рабочаго за пошлину, то этотъ налогъ падаетъ на прибыль и дѣйствуетъ, какъ мы видѣли, къ ущербу народнаго богатства. За этими исключеніями остаются только предметы роскоши, которые, по свойству своему, могутъ быть употреблены какъ средства для снабженія государственнаго дохода. Здѣсь налогъ не касается части дохода лицъ, ими истрачиваемой на необходимые предметы, распространяясь на всѣ ихъ расходы для удовольствій.

Чтобъ устранить, по возможности, всѣ неудобства, соединенныя съ пошлинами на произведенія, и увеличить выгоды ихъ, мы укажемъ на слѣдующія практическія правила:

1) Преимущественно подвергнуть налогу предметы роскоши, служащіе для тщеславія, а не доставляющіе истиннаго наслажденія, каковы, напримѣръ, дорогіе наряды и украшенія.

2) Взимать, по возможности, пошлину съ потребителя непосредственно, а не съ производителя; потому-что, въ послѣднемъ случаѣ, цѣна произведенія возвышается болѣе чѣмъ на сумму, составляющую эту пошлину. Въ отношеніи

экипажей и лошадей, къ которымъ это правило можетъ быть приложено, мы замѣтимъ, что для многихъ лицъ, пользующихся, напримѣръ, слабымъ здоровьемъ, они совершенно необходимы, и поэтому пошлина, налагаемая на одну лошадь, или на одинъ экипажъ, можетъ быть незначительна, но она должна быстро возвышаться соразмѣрно съ ихъ числомъ и цѣнностью.

3) Поелику косвенный налогъ, доставляющій самый значительный доходъ, падаетъ на предметы роскоши, имѣющіе всеобщее потребленіе, то пошлины на нихъ должны быть опредѣлены такимъ-образомъ, чтобъ онѣ падали на различные доходы соразмѣрною тягостью. Соблюсти это важное правило очень трудно, потому-что предметы, подлежащіе пошлинѣ, которая доставляетъ наибо̀льшій доходъ, потребляются въ соразмѣрно бо̀льшемъ количествѣ бѣднѣйшими членами общества. Такъ, напримѣръ, пошлина на кофе, сахаръ, чай, табакъ, вино, водку, падаетъ бо̀льшею тягостью на бѣднаго. Въ нѣкоторой степени эта цѣль достигается чрезъ наложеніе сравнительно высшей пошлины, болѣе чѣмъ соразмѣрной съ цѣнностью, на высшіе сорты этихъ произведеній, потребляемыхъ богатыми людьми.

4) Налогъ преимущественно долженъ сосредоточиваться на немногихъ предметахъ, чтобъ сборъ его былъ сопряженъ съ меньшими расходами, и чтобъ, по возможности, меньшее число отраслей промышлености было имъ обременено.

5) Между общеупотребительными предметами роскоши, горячіе напитки предпочтительно должны быть обложены пошлиною, потому-что ограниченіе потребленія ихъ полезно въ нравственномъ отношеніи.

6) Налогъ, сколько возможно, долженъ ограничиваться привозными произведеніями, потому-что въ этомъ случаѣ онъ менѣе затруднителенъ, не столь тягостенъ для пла-

тельщиковъ и не оказываетъ такого вреднаго вліянія, какъ акцизныя пошлины, взимаемыя на фабрикахъ и на заводахъ.

7) Пошлина не должна быть слишкомъ высокою, чтобъ плательщики не имѣли повода укрыться отъ нея, въ особенности, чтобъ она не порождала запрещеннаго торга, контрабанды, корчемничества и т. п.

Въ заключеніе нашего очерка, намъ остается еще разсмотрѣть, въ какой степени полезно, или справедливо, дѣлать внутренній заемъ въ необходимыхъ случаяхъ. Мы не разумѣемъ здѣсь удовлетворенія временныхъ надобностей посредствомъ выпуска казначейскихъ билетовъ, уплачиваемыхъ по истеченіи года, или двухъ лѣтъ, изъ приходовъ, доставляемыхъ существующими налогами. Это средство необыкновенно-удобное, когда правительство не обладаетъ обширнымъ сокровищемъ драгоцѣнныхъ металловъ, и часто необходимо въ случаѣ чрезвычайныхъ расходовъ и временнаго упадка обыкновенныхъ источниковъ дохода. Мы говоримъ теперь о постоянномъ государственномъ долгѣ, объ уплатѣ чрезвычайныхъ расходовъ посредствомъ займовъ, постепенно уплачиваемыхъ въ сроки отдаленные, или совершенно неуплачиваемыхъ.

Мы уже разъ замѣтили, что если заемъ извлекаетъ капиталъ, употребляемый на производженіе, или опредѣляемый на это назначеніе, то занимаемая сумма берется изъ заработной платы, вознаграждающей трудъ работника. Въ этомъ случаѣ заемъ не замѣняетъ обыкновенныхъ источниковъ государственнаго дохода. Правительство беретъ, въ теченіе одного года чрезвычайную сумму въ видѣ налога, падающаго исключительно на рабочій классъ. Гораздо благоразумнѣе и справедливѣе удовлетворить существующей надобности открытымъ и явнымъ налогомъ, потому-что здѣсь зло оканчивается, разъ, когда эта надобность удовле-

творена, тогда-какъ идя окольнымъ путемъ займа правительство отягощаетъ себя постояннымъ долгомъ, а цѣнность, получаемая имъ отъ рабочихъ, составляетъ выигрышъ тѣхъ, кто доставляетъ имъ работу. При такихъ обстоятельствахъ государственный заемъ долженъ быть признанъ самою вредною финансовою мѣрою.

Мы, однакожь, замѣтили что существуютъ другія обстоятельства, при которыхъ внутренніе займы не имѣютъ этихъ пагубныхъ послѣдствій, именно, во-первыхъ, когда занимается иностранный капиталъ, составляющій избытокъ общаго накопленія, и, во-вторыхъ, когда занимаемый внутренній капиталъ не сберегается, но потребляется непроизводительно, или отсылается за границу, для выгоднаго тамъ помѣщенія. Когда постепенное приращеніе капитала понизило прибыль до конечнаго или практическаго minimum, до той степени, на которой дальнѣйшее возростаніе его останавливается, или всякое приращеніе отправляется за границу, въ этомъ случаѣ правительство можетъ перенять эти новыя прибавленія къ капиталу, не касаясь заработной платы, не ограничивая занятій рабочаго класса. Заемъ, заключенный въ подобныхъ обстоятельствахъ, не подвергается этому осужденію, какъ вредная финансовая мѣра. Нужно только имѣть указатель, опредѣляющій, когда заемъ переступаетъ эти предѣлы.

Мы имѣемъ такой вѣрный и очевидный указатель. Обратите вниманіе: возвышаются ли проценты подъ вліяніемъ займа, заключеннаго правительствомъ? Если онъ открываетъ только новый каналъ для приращеній капитала, которые, въ противномъ случаѣ, не были бы сбережены, или были помѣщены за границею, то это предполагаетъ, что капиталъ, занимаемый и истрачиваемый правительствомъ, не могъ найдти приложенія за существующіе проценты. Пока заемъ по-

глощаетъ только подобный избытокъ, онъ препятствуетъ пониженію процентовъ, не подымая ихъ; когда же заемъ возвышаетъ проценты, это положительно доказываетъ, что правительство вступаетъ въ совмѣстничество съ другими отраслями промышлености, которыхъ оно лишаетъ необходимаго капитала. Многіе могутъ замѣтить, что проценты подымаются вслѣдствіе возвышенія прибыли; это замѣчаніе еще усиливаетъ нашъ аргументъ, потому-что, въ этомъ случаѣ, возвышеніе прибыли совершается на счетъ заработной платы.

Когда займы ограничиваются одними избытками капиталовъ внутреннихъ, они, по-крайней-мѣрѣ не бываютъ предосудительны. Въ этомъ случаѣ вопросъ о экономической пользѣ государственнаго займа приводится къ выбору или большаго разъ сдѣланнаго пожертвованія, или цѣлаго ряда малыхъ жертвъ, неопредѣленно продолжающихся. Мы думаемъ, что благоразуміе указываетъ правительству точно также, какъ и частнымъ лицамъ, наиболѣе раціональный образъ дѣйствія, именно, подчиниться съ перваго раза возможному лишенію и обращаться къ займу, закладывая будущіе доходы только тогда, когда дальнѣйшія лишенія слишкомъ тягостны. Съ другой стороны, должно принять въ разсчетъ, что если богатство слишкомъ быстро возростаетъ внутри страны, то необходимые расходы правительства не увеличиваются въ той же пропорціи, какъ ея капиталъ, или народонаселеніе. Слѣдственно тягость дѣлается постепенно менѣе чувствительною; и такъ-какъ чрезвычайные расходы правительства большею-частью благодѣтельно дѣйствуютъ на послѣдующія поколѣнія, то совершенно справедливо, чтобъ потомство платило часть налога, если пожертвованія настоящаго поколѣнія недостаточны, чтобъ покрыть эти расходы.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы надѣемся, что законченное нами изложеніе удовлетворяетъ цѣли нашего труда, такъ ясно высказанной въ предисловіи. Мы желали представить нашимъ читателямъ практическую сторону Политической Экономіи—науки страшной своею сухостью и отвлеченностью для образованной массы публики, благодаря теоретической формѣ, въ которую ученые континентальной Европы старались ее облечь. Читатель найдетъ въ нашихъ очеркахъ картину политико-экономическихъ явленій, совершающихся въ современномъ обществѣ, довольно подробную, сообразно съ тѣсными предѣлами рамы. Наше вниманіе было преимущественно обращено на описаніе и вѣрное изображеніе этихъ явленій, въ которыхъ мы искали законовъ, ими управляющихъ. Въ первыхъ главахъ, которыхъ содержаніемъ было произвожденіе богатства, мы должны были принять за основаніе нашихъ изслѣдованій факты жизни физической. Политико-экономическія явленія, составляющія процесъ произвожденія, представляютъ практическое приложеніе естественныхъ явленій. Производя, человѣкъ необходимо подчиняется условіямъ, которыя налагаетъ на него природа. Она доставляетъ ему матеріалы для

произвожденія, физическіе дѣятели для содѣйствія; онъ самъ — часть природы; его собственная дѣятельность — только частное проявленіе силъ ея. Эта зависимость человѣка, въ отношеніи природы, необходимо придаетъ проявленію его производительной дѣятельности характеръ физическаго процеса; и заключенія, до которыхъ мы дошли въ первой части нашего труда, представляютъ, поэтому, всѣ свойства истинъ физическихъ, непреложныхъ, какъ законы естествознанія.

Раздѣленіе богатства и мѣна, составляющія первыя основанія общественной жизни, человѣческія учрежденія, въ которыхъ повидимому воля человѣка является исключительнымъ двигателемъ. Мы замѣтили уже, что раздѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества; мнѣнія, убѣжденія, чувства опредѣляютъ правила, которымъ оно подчинено; мѣна — только его непосредственный результатъ, дальнѣйшее продолженіе этого политико-экономическаго процеса.

Мы приняли эти учрежденія какъ существующій фактъ, столь же непреложный, какъ каждое явленіе, каждый процесъ жизни физической, и дошли до ряда другихъ заключеній, которыя, вытекая изъ основанія положительнаго, имѣютъ полный характеръ математическихъ теоремъ.

Политико-экономическія истины, слѣдственно, по существу своему, принадлежатъ къ этимъ двумъ категоріямъ началъ, до которыхъ доходитъ пытливый умъ человѣка двумя различными путями. Однѣ онъ открываетъ какъ законъ физическій, путемъ опыта, путемъ наблюденія; другія начала онъ выводитъ посредствомъ строгаго анализа, какъ математическую формулу, выражающую извѣстную теорему, принимая за основаніе необходимыя условія существующаго общественнаго порядка.

Законъ возростанія труда, отъ котораго зависитъ возростаніе произвожденія, есть только частный случай общаго закона размноженія органическихъ существъ, провѣреннаго и доказаннаго въ отношеніи человѣческаго рода. Законъ вліянія ограниченной производительности земли, полагающій, какъ мы видѣли, дѣйствительный предѣлъ возростанію произвожденія, представляетъ намъ также примѣръ экономической истины, открытой путемъ опыта и наблюденія, подобно закону дѣятельности электрическаго тока, обратно пропорціональной соединенному сопротивленію гальваническихъ паръ.

Съ другой стороны, законъ отношенія заработной платы къ капиталу и народонаселенію, законъ заграничныхъ цѣнностей и т. п. совершенно однородны съ теоремами чистой механики.

Экономическія истины, соединяя такимъ-образомъ характеры этихъ различныхъ началъ, необходимо раздѣляютъ ихъ полезность и плодовитость въ приложеніи, которое, замѣтимъ, не предполагаетъ и не требуетъ особенныхъ условій въ составѣ общества.

Заключенія, выведенныя путемъ эмпирическимъ, или посредствомъ строгаго анализа, принимая общество за сферу наблюденія, а существующій въ немъ порядокъ за основаніе аналитическихъ изслѣдованій, безъисключительно находятъ приложеніе въ общественной экономіи. Подобно тому, какъ технологъ въ своей дѣятельности старается развить практически начала естествознанія, подобно тому, какъ инженеръ-механикъ, въ своей дѣятельности, связанъ формулами чистой механики, дѣятельность экономиста-законодателя точно такъ же строго подчиняется началамъ политико-экономическимъ. Технологъ, основывающій производство какой-нибудь отрасли промышлености на указаніяхъ слѣпой

рутины, не слѣдуя правиламъ естествознанія, растрачиваетъ даромъ, безъ всякой пользы, огромное количество прилагаемаго труда и капитала. Инженеръ, неруководствующійся въ постройкахъ формулами и данными практической механики, рискуетъ, что зданіе его обрушится прежде даже, нежели оно будетъ приведено къ окончанію. Положеніе экономиста-законодателя, пренебрегающаго истинами политико-экономическими, представляетъ тѣ же опасности, тѣ же невыгоды, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Его ошибка, его заблужденіе ведетъ за собою народное бѣдствіе, которое, я прибавлю, еще не ограничивается извѣстною, скоропреходщею эпохою, однимъ настоящимъ временемъ, только существующимъ народонаселеніемъ. Такое зло пускаетъ глубокіе корни и приноситъ вредные плоды послѣдующимъ поколѣніямъ; утвердительно можно сказать даже, что они только чувствуютъ его полный вредъ.

Исторія финансовъ различныхъ государствъ представляетъ много поучительныхъ примѣровъ этого явленія; но, вѣроятно, самый убѣдительный между ними—меркантильная система.

« Безъ преувеличенія должно допустить (говоритъ Шторхъ) (*), что немногія политическія заблужденія произвели столько зла, какъ меркантильная система. Облеченная властью, она повелѣвала и запрещала, когда ея обязанность была только защищать. Страсть устроивать, ею внушаемая, тиранила промышленость всѣми возможными путями, чтобъ только отвлечь эту промышленость отъ ея естественнаго направленія. Она заставила каждый народъ считать благосостояніе сосѣдней націи вреднымъ для своего собственнаго благоденствія. Отсюда является взаимное желаніе между народами вредить и разорять другъ друга; здѣсь начало этого духа торговаго соперничества, который былъ от-

(*) Storch. Cours d'économie politique t. 1. p. 122. Paris.

даленною или непосредственною причиною бо̀льшаго числа новѣйшихъ войнъ. Эта система побуждала народы употреблять силу, или коварство, опираясь на слабость или невѣжество другихъ націй, чтобъ принудить ихъ къ заключенію коммерческихъ трактатовъ, недоставлявшихъ имъ самимъ дѣйствительныхъ выгодъ. Она заводила колоніи, чтобъ господствующая страна могла пользоваться монополіею ихъ торговли, заставляя ихъ исключительно обращаться къ ея рынкамъ. Короче сказать: гдѣ меркантильная система была наименѣе вредна, тамъ она замедлила движеніе впередъ народнаго благоденствія; но другія страны она обагрила кровью и разорила, обезлюдила государства, которыхъ могущество и богатство она была предназначена возвести на высшую степень.»

Кто въ настоящее время будетъ отвергать это справедливое осужденіе, произнесенное однимъ изъ замѣчательныхъ политико-экономистовъ?

Наука, излагающая политико-экономическія истины, Политическая Экономія, слѣдственно, по своей важности въ приложеніи, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между различными отраслями знаній. Повторимъ здѣсь снова замѣчаніе, нами выше изложенное; приложеніе ея не требуетъ извѣстнаго развитія общества. Наука, основанная исключительно на порядкѣ, въ немъ существующемъ, не могла опередить его: она не представляетъ намъ законовъ общества идеальнаго, но открываетъ намъ истины, прилагаемыя къ настоящей, современной жизни. Продолжая наше сравненіе политико-экономическихъ истинъ съ законами физическими и математическими теоремами, мы можемъ сказать, что Политическая Экономія, подобно математическому анализу, доставляетъ намъ формулы, которыя, при помощи статистическихъ данныхъ, какъ коэфиціенты въ нихъ вставляемыхъ, открываютъ намъ ис-

типную финансовую систему, справедливую и удобоприлагаемую для каждаго времени, для каждой страны, для каждаго народа.

Многіе не вѣрятъ, или, лучше сказать, немногіе вѣрятъ въ возможность финансовой системы, основанной на началахъ науки. Личная опытность такъ-называемыхъ практическихъ людей обыкновенно предпочитается самой очевидной теоретической истинѣ. Но что значитъ опытъ человѣка, даже самаго безпристрастнаго, въ сравненіи съ данными науки, записывающей въ свою лѣтопись вѣковый опытъ?

Однажды Кольберъ, желая сдѣлать нѣкоторыя преобразованія по части финансовой, просилъ совѣта у одного изъ знатнѣйшихъ купцовъ парижскихъ. Этотъ благоразумный человѣкъ отвѣчалъ министру: «Лучшій совѣтъ, который я могу вамъ дать, состоитъ въ томъ, чтобъ вы никогда не спрашивали у купцовъ совѣта касательно финансовъ». Не знаемъ, послушался ли великій Кольберъ этого добросовѣстнаго наставленія; мы замѣтимъ только, что онъ создалъ чудовищную меркантильную систему, которая, можетъ-быть, была хорошею, но, вѣроятно, даже нелучшею временною мѣрою.

Опытность, эмпиризмъ, анализъ, умозрѣніе суть только различные пути, по которымъ познавательная способность устремляется къ одной и той же цѣли. Если путеводители человѣческой мысли дѣлали различный выборъ между ними, то это не зависѣло отъ относительнаго достоинства этихъ методовъ, а отъ личности самого изслѣдователя. Онъ выбираетъ методъ, который наиболѣе свойственъ его дѣятельности. Химическая лабораторія была поприщемъ дѣятельности Лавуазье. Кеплеръ семнадцать лѣтъ своей жизни посвятилъ постоянному наблюденію планетъ, которое открыло ему три закона ихъ движенія. Ньютонъ путемъ ана-

лиза дошелъ до начала теоріи тяготѣнія, изъ котораго, посредствомъ способовъ, употребляемыхъ въ чистой механикѣ, выводятся, какъ частный случай, Кеплеровскіе законы—плоды постояннаго семнадцатилѣтняго труда. Наконецъ Адамъ Смитъ, не бывъ купцомъ, администраторомъ, человѣкомъ практическимъ, путемъ умозрѣнія открылъ начала политико-экономическія, заключенныя въ его безсмертномъ твореніи, которе оказало такое сильное вліяніе на мнѣнія, и идеи европейскаго общества. Великіе геніи, нами названные, шли различными путями, и результаты, которыхъ они достигли, доказываютъ своею плодовитостью достоинство каждаго избраннаго ими метода; но, чтобъ дойдти до нихъ, нужно было родиться Лавуазье, Кеплеромъ, Ньютономъ или Адамомъ Смитомъ. Теоретическое направленіе Политической Экономіи, слѣдственно, не можетъ быть упрекомъ этой наукѣ. Практическая важность политико-экономическихъ истинъ не уменьшается, потому-что онѣ открыты не битою дорогою каждодневнаго опыта (рутина routine) купца, но путемъ высшаго наблюденія, просвѣщеннаго свѣтомъ умозрѣнія. Подобно физикѣ и математикѣ, Политическая Экономія есть наука умозрительная; но подобно имъ, она также подлежитъ практическому приложенію. Ея истины отвлеченны, какъ законы физики, какъ формулы чистой механики, и точно также, какъ они, удобоприлагаемы къ практикѣ, представляя вѣрныя, незыблемыя основанія точной финансовой системы.

Экономистъ-администраторъ такимъ-образомъ долженъ только пользоваться этими истинами, которыя ему открываетъ наука. Съ одной стороны Политическая Экономія представляетъ законы, формулы, теоремы; съ другой стороны, статистика снабжаетъ фактами, данными, цифрами, очищенными здравою и строгою провѣркою. Обязанность администратора: подъ общія начала только подвести частные случаи,

вставить въ формулу коэфиціенты, замѣстить неопредѣленныя величины теоремы опредѣленными цифрами. Но эти операціи, легкія повидимому, это приложеніе политико-экономическихъ истинъ, исполнены на самомъ дѣлѣ необыкновенныхъ затрудненій. Положительныя данныя, доставляемыя статистикою, такъ ограниченны, такъ невѣрны, такъ неосновательны и, главное, представляютъ столько противорѣчій, за отсутствіемъ строгой критики, что администраторъ долженъ пользоваться ими съ чрезвычайною осторожностью. Политико-экономическія истины такъ разнообразны, что приложеніе ихъ требуетъ большой осмотрительности. Употребленіе ихъ даже для объясненія политико-экономическихъ явленій, мы видѣли, было сопряжено съ значительными затрудненіями. Частное единичное приложеніе одного закона, не въ связи съ другими, легко вводитъ въ заблужденіе, всегда вредное, открывая рядъ ошибочныхъ результатовъ; а какъ до невозможности почти трудно соблюсти эту связь! Эти важныя затрудненія, вѣроятно, составляютъ главную причину, почему до-сихъ-поръ мы не находимъ ни въ одну эпоху, ни въ одной странѣ совершенной финансовой системы, и почему первые административные геніи ограничивались преимущественно мѣрами, удовлетворяющими только современнымъ требованіямъ.

Такая необыкновенная важность политико-экономическихъ истинъ, въ отношеніи финансовомъ, побуждаетъ меня представить здѣсь отдѣльно рядъ заключеній, до которыхъ мы дошли въ предъидущихъ главахъ. Эти политико-экономическіе выводы представляютъ практическія истины, которыми досихъ-поръ обогатилась наука. Надѣемся, это прибавленіе, хотя повторяющее уже разъ сказанное, не будетъ лишнимъ и оживитъ по-крайней-мѣрѣ въ памяти читателей результаты предъидущихъ изслѣдованій.

I. Всѣ полезные и пріятные предметы, которые могутъ быть вымѣнены, которые, слѣдственно, невозможно получить безъ платы, безъ труда или пожертвованія, составляютъ богатство (стр. 15).

II. Трудъ, капиталъ и содѣйствіе природы, выраженное въ формѣ естественныхъ дѣятелей и матеріаловъ, ею доставляемыхъ, суть главныя условія произвожденія богатства (стр. 47).

III. Промышленость ограничивается капиталомъ, увеличеніе котораго неограниченно расширяетъ ея дѣйствія (стр. 54—59).

IV. Потребленіе непроизводительное истощаетъ капиталъ общества, который есть результатъ бережливости и возростаетъ только вслѣдствіе сбереженія. Производительное потребленіе постоянно воспроизводитъ капиталъ (стр. 61—66).

V. Капиталъ, истрачиваемый на приложеніе труда, а не запросъ покупателей на произведенія, поддерживаетъ и занимаетъ производительный трудъ (стр. 66—71).

VI. Производительность, или количество произвожденія, зависитъ отъ естественныхъ выгодъ, отъ энергіи труда и вообще отъ нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ человѣка, между которыми содѣйствіе, или соединенное дѣйствіе людей, представляетъ особенную важность въ политико-экономическомъ отношеніи (стр. 75—112).

VII. Возростаніе произвожденія зависитъ отъ его элементовъ —труда, капитала и земли, между которыми ограниченность послѣдняго, т. е. земли, и ея производительности, полагаетъ дѣйствительный предѣлъ этому возростанію (стр. 114—135).

VIII. Земля, соединяющая всѣ естественные дѣятели, въ количествѣ ограниченные, не только истощаетъ въ заключеніе свою производительность, но, не достигая еще высшаго напряженія, удовлетворяетъ усиливающемуся запросу, на условіяхъ болѣе и болѣе тяжкихъ. Количество ея продуктовъ не возростаетъ въ соразмѣрной степени съ увели-

вставить въ формулу коэфиціенты, замѣстить неопредѣленныя величины теоремы опредѣленными цифрами. Но эти операціи, легкія повидимому, это приложеніе политико-экономическихъ истинъ, исполнены на самомъ дѣлѣ необыкновенныхъ затрудненій. Положительныя данныя, доставляемыя статистикою, такъ ограниченны, такъ невѣрны, такъ неосновательны и, главное, представляютъ столько противорѣчій, за отсутствіемъ строгой критики, что администраторъ долженъ пользоваться ими съ чрезвычайною осторожностью. Политико-экономическія истины такъ разнообразны, что приложеніе ихъ требуетъ большой осмотрительности. Употребленіе ихъ даже для объясненія политико-экономическихъ явленій, мы видѣли, было сопряжено съ значительными затрудненіями. Частное единичное приложеніе одного закона, не въ связи съ другими, легко вводитъ въ заблужденіе, всегда вредное, открывая рядъ ошибочныхъ результатовъ; а какъ до невозможности почти трудно соблюсти эту связь! Эти важныя затрудненія, вѣроятно, составляютъ главную причину, почему до-сихъ-поръ мы не находимъ ни въ одну эпоху, ни въ одной странѣ совершенной финансовой системы, и почему первые административные геніи ограничивались преимущественно мѣрами, удовлетворяющими только современнымъ требованіямъ.

Такая необыкновенная важность политико-экономическихъ истинъ, въ отношеніи финансовомъ, побуждаетъ меня представить здѣсь отдѣльно рядъ заключеній, до которыхъ мы дошли въ предъидущихъ главахъ. Эти политико-экономическіе выводы представляютъ практическія истины, которыми досихъ-поръ обогатилась наука. Надѣемся, это прибавленіе, хотя повторяющее уже разъ сказанное, не будетъ лишнимъ и оживитъ по-крайней-мѣрѣ въ памяти читателей результаты предъидущихъ изслѣдованій.

I. Всѣ полезные и пріятные предметы, которые могутъ быть вымѣнены, которые, слѣдственно, невозможно получить безъ платы, безъ труда или пожертвованія, составляютъ богатство (стр. 15).

II. Трудъ, капиталъ и содѣйствіе природы, выраженное въ формѣ естественныхъ дѣятелей и матеріаловъ, ею доставляемыхъ, суть главныя условія произвожденія богатства (стр. 47).

III. Промышленость ограничивается капиталомъ, увеличеніе котораго неограниченно расширяетъ ея дѣйствія (стр. 54—59).

IV. Потребленіе непроизводительное истощаетъ капиталъ общества, который есть результатъ бережливости и возростаетъ только вслѣдствіе сбереженія. Производительное потребленіе постоянно воспроизводитъ капиталъ (стр. 61—66).

V. Капиталъ, истрачиваемый на приложеніе труда, а не запросъ покупателей на произведенія, поддерживаетъ и занимаетъ производительный трудъ (стр. 66—71).

VI. Производительность, или количество произвожденія, зависитъ отъ естественныхъ выгодъ, отъ энергіи труда и вообще отъ нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ человѣка, между которыми содѣйствіе, или соединенное дѣйствіе людей, представляетъ особенную важность въ политико-экономическомъ отношеніи (стр. 75—112).

VII. Возростаніе произвожденія зависитъ отъ его элементовъ —труда, капитала и земли, между которыми ограниченность послѣдняго, т. е. земли, и ея производительности, полагаетъ дѣйствительный предѣлъ этому возростанію (стр. 114—135).

VIII. Земля, соединяющая всѣ естественные дѣятели, въ количествѣ ограниченные, не только истощаетъ въ заключеніе свою производительность, но, не достигая еще высшаго напряженія, удовлетворяетъ усиливающемуся запросу, на условіяхъ болѣе и болѣе тяжкихъ. Количество ея продуктовъ не возростаетъ въ соразмѣрной степени съ увели-

ченіемъ труда, но умноженіе ихъ достигается соразмѣрно
бо́льшимъ приложеніемъ труда. Дѣйствіе этого основнаго
закона, однакожь, можетъ быть остановлено или ограничено
на-время обстоятельствами, усиливающими господство чело-
вѣка надъ природою, преимущественно же успѣхами въ
познаніи свойствъ естественныхъ дѣятелей (стр. 135—146).

IX. Заработная плата зависитъ отъ соотношенія между
капиталомъ и народонаселеніемъ. Она возвышается, когда
возростаетъ сложная масса средствъ, употребляемыхъ для
найма рабочихъ, или когда уменьшается число соперниче-
ствующихъ, желающихъ наняться, и падаетъ съ уменьше-
ніемъ средствъ, опредѣляемыхъ на уплату труда, или при
увеличеніи числа рабочихъ (стр. 160—176).

X. Прибыль опредѣляется стоимостью труда, которая
зависитъ отъ его удовлетворительности, дѣйствительнаго
возмездія работника и цѣны предметовъ его потребленія.
Такимъ-образомъ, если вообще трудъ дѣлается болѣе удовле-
творительнымъ, но не дороже вознаграждается; если воз-
мездіе понижается, и цѣна предметовъ, это возмездіе со-
ставляющихъ, не возвышается, или если эти предмет
дешевѣютъ и вознагражденіе работника не увеличивается
то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль возростаетъ. Если ж
напротивъ, трудъ становится менѣе удовлетворительны
или если работникъ получаетъ бо́льшее возмездіе, и предм
которые составляютъ его, не дешевѣютъ, или если
ихъ подымается, то во всѣхъ этихъ случаяхъ пр
уменьшается (стр. 207—211).

XI. Поземельный доходъ — избытокъ произведен
ли, остающійся за вознагражденіемъ капиталиста, р
прибыли, которую можетъ доставить ему капиталъ
лагаемый къ воздѣлыванью самой худой почвы. Сл
земля нахудшаго достоинства, которая представ

мѣщеніе для капитала, возвративъ посѣвъ и обезпечивъ заработную плату земледѣльческому работнику, приноситъ лицу, выдающему эту плату впередъ, избытокъ равный прибыли, ему доставляемой всякаго другаго рода приложеніемъ его капиталовъ; но она не даетъ дохода землевладѣльцу (стр. 215—218).

XII. Цѣнность есть выраженіе относительное; цѣнность вещи означаетъ количество другой вещи, или другихъ вещей, которое на нее мѣняется. Слѣдственно цѣнности предметовъ никогда не могутъ подыматься или падать одновременно. Общее возвышеніе или пониженіе цѣнностей невозможно: каждое возвышеніе предполагаетъ пониженіе, и обратно (стр. 222—225).

XIII. Временная или торговая цѣнность зависитъ отъ запроса и снабженія; она подымается съ возростаніемъ запроса и падаетъ съ увеличеніемъ снабженія. Запросъ, однакожь, измѣняется съ цѣнностью; онъ бываетъ вообще болѣе, когда вещь дешевле и цѣнность приноровливается сама собою такимъ-образомъ, что запросъ дѣлается равнымъ снабженію (стр. 230—234).

XIV. Кромѣ этой временной цѣнности, предметы еще имѣютъ постоянную или такъ-называемую естественную цѣнность (valeur intrinséque, intrinsic value), къ которой цѣнность торговая послѣ каждаго измѣненія стремится возвратиться. Эти измѣненія, или колебанія, вознаграждаютъ одно другое, такъ-что, въ среднемъ итогѣ предметы обмѣниваются по ихъ естественной цѣнности (стр. 235—238).

XV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ опредѣляется недостаткомъ снабженія; но бо́льшая часть предметовъ обмѣнивается пропорціонально стоимости ихъ произвожденія (стр. 239—241).

XVI. Предметы, которыхъ снабженіе не можетъ быть во

все, или по-крайней-мѣрѣ достаточно увеличено, чтобъ удовлетворить существующему запросу, естественно и постоянно имѣть цѣнность, опредѣляемую недостаткомъ снабженія (стр. 234).

XVII. Монопольная цѣнность означаетъ цѣнность, опредѣляемую недостаткомъ снабженія. Монополія сообщаетъ эту цѣнность только чрезъ ограниченіе снабженія (стр. 235).

XVIII. Каждое произведеніе, снабженіе котораго можетъ быть неопредѣленно увеличено посредствомъ труда и капитала, обмѣнивается на другіе предметы пропорціонально расходамъ, необходимымъ для произвожденія и доставки на рынокъ самой дорогой части требуемаго снабженія. Естественная цѣнность—выраженіе синонимическое стоимости предмета, которая означаетъ расходы произвожденія самой дорогой части его снабженія (стр. 252—256).

XIX. Стоимость произвожденія состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ; между ними, одни постоянные и общіе, другіе случайные. Общіе элементы—плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Случайные элементы—акцизныя пошлины и чрезвычайные расходы, когда цѣнность нѣкоторыхъ необходимыхъ матеріаловъ опредѣляется недостаткомъ снабженія (стр. 251).

XX. Поземельный доходъ не есть элементъ стоимости произвожденія предмета, который составляетъ этотъ доходъ (стр. 256).

XXI. Если мы исключимъ элементы случайные, то предметы, которые допускаютъ неопредѣленное умноженіе, постоянно и естественно обмѣниваются одинъ на другій, согласно съ сравнительною заработною платою, слѣдующею за ихъ произвожденіе, и прибылью, получаемою капиталистами, выдающими эту плату (стр. 241—246).

XXII. Сравнительная или относительная плата за трудъ независима отъ общей заработной платы, возвышеніе и пониженіе

которой остается безъ вліянія на цѣнность. Она зависитъ частью отъ сравнительныхъ количествъ требуемаго труда и частью отъ сравнительнаго вознагражденія (стр. 244—246).

XXIII. Точно также прибыль относительная независима отъ общей прибыли, измѣненія которой ни возвышаютъ, ни понижаютъ цѣнностей. Она зависитъ частью отъ сравнительнаго продолженія времени, въ теченіе котораго капиталъ употребляется, и частью отъ своей неровности въ различныхъ занятіяхъ (стр. 246—251).

XXIV. Если два предмета производятся одинаковымъ количествомъ труда, одинаково вознаграждаемаго, и если заработная плата въ обоихъ случаяхъ возвышается въ продолженіе извѣстнаго времени, прибыль же остается одинаковою, то эти два предмета обмѣниваются одинъ на другой въ равныхъ содержаніяхъ, будутъ ли барыши и заработная плата высоки или низки, будетъ ли количество приложеннаго труда велико или мало.

XXV. Если одинъ изъ предметовъ представляетъ вообще бо̀льшую цѣнность, то это случается или потому, что большое количество труда требуется для его произвожденія, или потому, что этотъ видъ труда дороже вознаграждается, или потому, что часть капитала, поддерживающая этотъ трудъ, выдается впередъ на болѣе продолжительное время, или, наконецъ, потому, что произвожденіе, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, требуетъ для своего возмездія постоянно болѣе значительной прибыли.

XXVI. Между элементами, поименованными въ предъидущемъ параграфѣ, самый важный — количество труда, потребное для произвожденія; другіе оказываютъ меньшее, хотя значительное вліяніе.

XXVII. Чѣмъ менѣе прибыль, тѣмъ менѣе важны эти второстепенные элементы стоимости произвожденія, и про-

изведенія тѣмъ менѣе отступаютъ отъ цѣнности, пропорціональной количеству и качеству труда, потребнаго для ихъ произвожденія.

XXVIII. Но каждое пониженіе прибыли уменьшаетъ въ нѣкоторой степени стоимость предметовъ, выдѣлываемыхъ болѣе прочными машинами, и возвышаетъ стоимость предметовъ рукодѣльныхъ. Возвышеніе прибыли оказываетъ обратное дѣйствіе (стр. 248—249).

XXIX. Деньги представляютъ мѣновой посредникъ, не составляя исключительно богатства. Золото и серебро между всѣми произведеніями наиболѣе соотвѣтствуютъ условіямъ этого назначенія (стр. 263—268).

XXX. Цѣнность денегъ зависитъ отъ ихъ количества и быстроты обращенія и сообразуется съ стоимостью металла, изъ котораго они сдѣланы, хотя это уравненіе (équation) совершается только по прошествіи долгаго времени (стр. 269—283).

XXXI. Кредитъ не творитъ капитала, не имѣетъ силы производительной, но онъ только передача капитала и имѣетъ силу пріобрѣтательную, устраняя, вслѣдствіе этого свойства, необходимость употребленія звонкой монеты (стр. 286—290).

XXXII. Дѣйствіе кредита на цѣны не зависитъ отъ формы, въ которой онъ проявляется. Онъ оказываетъ это вліяніе, какова бы ни была его форма. Разница между этими формами или орудіями кредита ограничивается только различною дѣятельностью, которая зависитъ отъ различнаго ихъ употребленія, и не имѣетъ большой практической важности (стр. 301—310).

XXXIII. Внѣшняя торговля даетъ возможность странѣ получать предметы, которые она не могла бы производить, или должна производить съ бо́льшею тратою труда и капитала, нежели ей стоютъ ея собственные продукты, вывозимые въ уплату за эти предметы. Единственная прямая,

политико-экономическая выгода внѣшней торговли состоитъ, поэтому, въ привозныхъ товарахъ (стр. 325—329).

XXXIV. Всѣ произведенія, выдѣлываемыя различными странами для отпускной торговли, съ помощью труда и капитала, которые извлекаетъ изъ внутренней промышленности привозная торговля, взаимно обмѣниваются, совершенно уплачивая отпускомъ за привозъ (стр. 347).

XXXV. Цѣнности, по которымъ каждая страна обмѣниваетъ свои произведенія иностраннымъ землямъ, зависятъ, во-первыхъ, отъ количества и возможнаго увеличенія ихъ запроса на ея произведенія въ сравненіи съ ея собственнымъ запросомъ на чужеземные продудты; во-вторыхъ, отъ капитала, ею сберегаемаго чрезъ ограниченіе производства предметовъ внутренней промышленности, предназначаемыхъ для ея собственнаго потребленія, и въ-третьихъ, отъ степени производительности ея внутренней промышленности или общей дѣятельности труда. Чѣмъ болѣе заграничный запросъ на произведенія страны превышаетъ ея требованія на иностранные продукты, чѣмъ менѣе она сберегаетъ капитала для предметовъ отпускной торговли, и чѣмъ дешевле она производитъ отпускаемые ею предметы, тѣмъ выгоднѣе для нея условія размѣна и заграничныя цѣнности, и тѣмъ болѣе она получаетъ иностранныхъ товаровъ въ обмѣнъ за опредѣленное количество своихъ продуктовъ (стр. 350).

XXXVI. Звонкая монета, или, что все-равно, драгоцѣнные металлы, изъ которыхъ она дѣлается, привозятся въ страну, или какъ товаръ, или какъ мѣновый посредникъ, для уплаты долга и для перевода капиталовъ. Въ обоихъ случаяхъ она подлежитъ, въ отношеніи цѣнности, общему закону, опредѣляющему цѣнность всѣхъ привозимыхъ товаровъ, изложенному въ предъидущей статьѣ (стр. 359—371).

XXXVII. Золото и серебро, избранныя, какъ общій по-

средникъ обращенія, распредѣлены, вслѣдствіе соперничества торговли, въ различныхъ странахъ въ такихъ пропорціяхъ, что они могутъ сообразоваться съ ея естественнымъ ходомъ; торговля совершается, какъ-будто эти металлы и не существовали, какъ-будто она была простая мѣна (стр. 372).

XXXVIII. Политико-экономическое усовершествованіе общества, выраженное успѣхами промышлености, обозначается пониженіемъ цѣнностей и цѣнъ всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, и возвышеніемъ цѣнностей произведеній ископаемыхъ и земледѣльческихъ. Что же касается колебаній цѣнъ, то успѣхи общества въ высшей степени уменьшаютъ ихъ (стр. 409—414).

XXXIX. Экономическое усовершенствованіе общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, способствуетъ къ обогащенію класса землевладѣльцевъ, между-тѣмъ, какъ стоимость содержанія рабочаго возвышается и прибыль падаетъ. Земледѣльческія усовершенствованія представляютъ противодѣйствіе этимъ вліяніямъ; но, препятствуя на-время первому изъ нихъ, они необходимо, въ заключеніе, ему содѣйствуютъ, и приращеніе народонаселенія передаетъ землевладѣльцу всѣ выгоды успѣховъ земледѣлія (стр. 456).

Таковы выгоды, до которыхъ мы дошли въ преѣидущихъ главахъ; таковы политико-экономическія истины, обогатившія науку, важныя, плодовитыя по своему приложенію.

Интересно теперь испытать возможность этого приложенія по-крайней-мѣрѣ для объясненія важнѣйшихъ основныхъ политико-экономическихъ явленій въ различныхъ обществахъ. Подробный разборъ политико-экономическаго развитія какого бы то ни было государства необходимо составляетъ предметъ отдѣльнаго труда, особеннаго сочиненія. И какъ ни интересна, не любопытна предложенная задача, мы ни можемъ

принять на себя ея рѣшеніе, по-крайней-мѣрѣ въ обширныхъ размѣрахъ; но мы ограничимся только однимъ опытомъ, только общимъ легкимъ очертаніемъ положенія стараго государства, которое заканчиваетъ циклъ своего политико-экономическаго развитія, и состоянія юнаго государства, которое только-что начинаетъ проявлять свою промышленную дѣятельность, Англія, разумѣется, будетъ намъ служить типомъ первой державы, а за представителя второй мы примемъ Россію.

Англія — типъ государства, достигшаго совершенства въ промышленномъ отношеніи. Это истина, которая не встрѣтитъ противниковъ даже между самыми непримиримыми ея врагами. Всѣ невольно признаютъ превосходство этой страны, какъ державы коммерческой, и каждый купецъ, каждый торговый человѣкъ стараются протянуть нить своей дѣятельности до этого средоточія промышленнаго міра. Бѣглый, самый поверхностный взглядъ на страну открываетъ эту истину и убѣждаетъ въ ней каждаго путешественника даже и неполитико-экономиста. Переѣздъ чрезъ Лондонскій Портъ одинъ день въ Ливерпулѣ, поѣздка по желѣзнымъ дорогамъ Ланкашира и Йоркшира, связывающимъ мануфактурные центры Англіи, представляютъ такую кипучую, торговую дѣятельность, съ которою вся промышленость, вся коммерція Европы не можетъ сравниться.

Подобное превосходство, разумѣется, основывается на выгодахъ естественныхъ, на особенныхъ преимуществахъ организаціи англичанина, отъ которыхъ, мы видѣли, зависитъ вообще степень производительности. Но главная причина этого превосходства, обусловливающая эту плодовитость труда производительнаго, если вникнуть, не болѣе, какъ необходимость: это превосходство—прямое слѣдствіе политико-экономическихъ законовъ, которые вызвали Англію на та-

кую чрезвычайную дѣятельность и обязали ее къ ней даже подъ опасеніемъ лишиться своего политическаго существованія; но это первенство, какъ прямой результатъ одной необходимости, далеко не представляетъ намъ совершенства благоденствія. Вотъ почему Англія — страна поразительныхъ противоположностей; вотъ почему, вмѣсто общаго довольства, мы находимъ въ ней рядомъ съ огромными частными богатствами страшный пауперизмъ, вмѣсто общенія классовъ мы встрѣчаемъ рядомъ съ аристократическими землевладѣльцами бездомныхъ пролетаріевъ, вмѣсто единообразнаго разлитія просвѣщенія мы открываемъ рядомъ съ блистательными умами, свѣтилами науки и литературы, невѣжество и грубый цинизмъ, дикіе нравы низшихъ сословій, передъ которыми послѣдній негръ блещетъ утонченностью. Одна и та же страна въ наше время произвела Фарэдэ, Маколэ, Диккенса и такихъ людей, для которыхъ Парламентъ старается придумать новое наказаніе, чтобъ они не заколачивали до смерти своихъ женъ. Частное первенство Англіи въ одной сферѣ дѣятельности такимъ образомъ выкупается огромными невыгодами, чудовищными несовершенствами, далеко невознаграждающими за это превосходство. Если такова судьба, если такова исторія промышленной Англіи, то она представляетъ предметъ достойный для изученія политико-экономиста.

Англія, какъ-будто свыше опредѣленная развить законы промышлености и торговли, соединяетъ, въ физическомъ отношеніи, всѣ условія, необходимыя для выполненія этого особеннаго назначенія. Самая мѣстность заключаетъ въ себѣ всѣ средства для наиболѣе благопріятнаго проявленія каждаго промышленнаго предпріятія. Начинающій мануфактурную дѣятельность находитъ подъ-руками всевозможныя удобства: земля Англіи необыкновенно богата матеріалами.

Металлы, наиболѣе полезные, по своему употребленію, и каменный уголь, необходимый для ихъ разработыванія, удобно распространены на протяженіи цѣлой страны, почти въ неистощимомъ изобиліи, превышающемъ по-крайней-мѣрѣ потребности исторической будущности. Строительные матеріалы: камни, известь, аспидъ, глина и различныя земли, необходимыя для фаянсоваго и стекляннаго производства представляютъ также богатыя мѣсторожденія. Растительная почва, соотвѣтственно своему пространству, даетъ обильные урожаи земледѣльческихъ произведеній, а шерсть Англіи была значительнымъ предметомъ торговли въ эпоху самую отдаленную. Какъ островъ, Великобританія представляетъ наибольшее протяженіе морскаго берега и бо̀льшее число удобныхъ гаваней, въ сравненіи съ ея пространствомъ, нежели всякое другое государство въ мірѣ. Въ то же самое время орографическое расположеніе страны, не затрудняя внутренняго сообщенія, раздѣлило ее на особенные округи, изъ которыхъ каждый, соотвѣтственно началу раздѣленія труда, усвоилъ себѣ ему свойственную отрасль мануфактурной дѣятельности: такимъ образомъ произошла эта экономія труда и капитала, способствующая совершенству промышленности. Ограниченное протяженіе внутренней части страны, самый отдаленный, наиболѣе центральный пунктъ которой находится въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ отличныхъ приморскихъ гаваней, есть также немаловажное содѣйствіе этому общему порыву производительной энергіи. И если мы размыслимъ только, что хлопчатая бумага Георгіи привозится на англійскія фабрики и въ доки Нью-Йорка почти въ одинаковые сроки времени, то мы поймемъ и убѣдимся, что первенство Англіи въ промышленномъ отношеніи было дѣломъ не одного слѣпаго случая.

Эти обстоятельства, составляющія естественныя преимущества Англіи, указали ей быть исключительно промышленною и торговою державою, а возможность только ограниченнаго развитія земледѣлія, несоразмѣрнаго съ возростаніемъ ея народонаселенія, обязали ее воспользоваться въ высшей степени своимъ положеніемъ и извлечь изъ него наибольшія выгоды.

Мы видѣли въ нашихъ изслѣдованіяхъ, что количество земледѣльческихъ произведеній не возростаетъ въ соразмѣрной степени съ увеличеніемъ труда, но возростаніе ихъ совершается чрезъ соразмѣрно бо́льшее приложеніе труда.

Мы нашли, что цѣнность земледѣльческихъ произведеній опредѣляется стоимостью части ихъ, которая была добыта и доставлена на рынокъ съ наибольшими расходами.

Мы открыли, наконецъ, что экономическое усовершенствованіе общества способствуетъ къ обогащенію класса землевладѣльцевъ, но что стоимость содержанія рабочаго возвышается и прибыль падаетъ, и что земледѣльческія усовершенствованія только на-время противодѣйствуютъ этимъ послѣднимъ вліяніямъ.

Дѣятельность этихъ законовъ давно уже обнаружилась въ политико-экономическомъ состояніи Англіи. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда началось только промышленное развитіе страны, размножающееся народонаселеніе потребовало лишняго количества хлѣбныхъ продуктовъ (breadstuff); и, соотвѣтственно возростающему запросу, приступили къ дѣятельному воздѣлыванію пустопорожней земли. Между 1771 и 1791 годами, около трехъ мильоновъ акровъ (около 1,111,111 десятинъ), представляющихъ $^1/_7$ цѣлаго пространства въ настоящее время воздѣлываемой земли, было обращено въ пашни (*). Ежедневный опытъ доказывалъ,

(*) Mc Culloch's. Commerc. dictionary. 1852. p. 414.

тельнаго царства не существовалъ gossipium herbaceum. Кустарнику хлопчатника Англія исключительно обязана громаднымъ развитіемъ своей торговли, впослѣдовавшемъ въ продолженіе текущаго столѣтія. Это чудное растеніе, должно сознаться, явилось могучимъ дѣятелемъ, который, въ соединеніи съ великими изобрѣтеніями Хэргрэва, Аркрайта, Картрайта и Уата, совершенно измѣнилъ внутреннее состояніе Англіи.

Періодъ между 1801 и 1841 годами, въ теченіе котораго Англія испытывала вліяніе важнѣйшихъ промышленныхъ открытій, такъ успѣшно противодѣйствовавшихъ дѣятельности политико-экономическихъ законовъ производительности земли, обозначился необыкновеннымъ возрастаніемъ народонаселенія. Оно увеличилось въ Соединенномъ Королевствѣ (United Kingdom) отъ 16,338,102 жителей до 27,041,031, представляя прибыль равную слишкомъ 65-ти процентамъ. Такое быстрое возрастаніе народонаселенія обозначилось особенно въ чрезвычайномъ расширеніи городовъ. Живые люди запомнятъ, что многолюдные промышленные города—ульи сѣвера Англіи, были не болѣе одной трети ихъ настоящей величины. Лидсъ, Брадфордъ, Галифаксъ, Гудерсфильдъ въ началѣ этого замѣчательнаго періода еще удерживали свой сельскій характеръ, отличавшій ихъ, три вѣка назадъ; пространство, гдѣ тянутся теперь многолюдныя улицы Манчестера, кипящія торговою дѣятельностью, было покрыто лугами. Населеніе этого города, включая предмѣстье Сальфордъ, въ 1773 году непревышавшее 27,246 жителей, увеличилось съ-тѣхъ-поръ въ четырнадцать разъ. Зритель, остановясь на вершинѣ холмовъ, окаймляющихъ долину Ирвель съ восточвой стороны, тщетно искалъ бы въ то время этой массы фабрикъ теперь загораживающихъ горизонтъ. Стокпортъ, Аштон

Олдамъ, Рохдэлъ, Болтонъ, Бюри, Блакбурнъ, Бёрнслэ, изъ которыхъ каждый величиною и общественнымъ значеніемъ теперь равняется полдюжинѣ старинныхъ провинціальныхъ городковъ (borough, bourg), были въ то время деревнями въ сравненіи съ ихъ настоящимъ развитіемъ. Но это быстрое возростаніе городовъ представляетъ явленіе болѣе многозначительное, нежели одно умноженіе народонаселенія; оно представляетъ намъ важную общественную перемѣну, совершившуюся въ продолженіе текущаго столѣтія, и которая выразилась въ пропорціи, существовавшей между классами земледѣльческимъ и торговымъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, раздѣляющихъ 1811 и 1831 года, число семействъ, занимающихся земледѣліемъ, понизилось отъ 35,2 до 25,9 процента, представляя въ началѣ этого короткаго періода треть и въ концѣ его только четверь цѣлаго народонаселенія. Въ этотъ же самый промежутокъ времени, возростаніе цѣлаго народонаселенія равняется 34 процентамъ, а въ земледѣльческомъ классѣ оно увеличилось только на $7^1/_2$ процентовъ. Этотъ переходъ, совершившійся необыкновенно спокойно, объясняетъ настоящее положеніе Англіи. Перемѣщеніе народонаселенія въ средоточія мануфактурной дѣятельности уничтожило исключительное могущество партіи тори и кастры лордовъ. Составъ Нижней Палаты Парламента, которая до-сихъ-поръ соединяла большинство представителей провинціальныхъ аристократическихъ городовъ, требовалъ современнаго преобразованія. Она пріобрѣтала бо̀льшее значеніе и являлась уже не финансовымъ отдѣленіемъ Камеры Лордовъ, ограничивая свою дѣятельность разсматрваніемъ бюджетовъ. — Шефильдъ, Бирмингамъ, Манчестеръ имѣли бо̀льшее право посылать въ нее представителей своихъ интересовъ, нежели Олд-Сарумъ, Гаттонъ и другія мѣстечки, едва заключавшія одну двадцатую

ихъ обширнаго населенія, и наконецъ, въ 1831 году, знаменитый биль о реформѣ Парламента получилъ королевское согласіе. Восемьдесятъ восемь мѣстечекъ были лишены представителей въ Нижней Палатѣ и сто-сорокъ-пять вакантныхъ мѣстъ были раздѣлены между графствами, провинціями (ши-ры-shires) и вновь возникшими мануфактурными городами (*), и вслѣдствіе этого перевѣса торгово-промышленнаго сословія, сэръ Робертъ Пиль является предводителемъ партіи тори.

(*) Слѣдующія мѣстечки были совершенно лишены права назначать представителей въ Нижней Палатѣ: Олдборо, Ольдебургъ, Амершамъ, Апльбй, Биролстонъ, Бишопскастль, Блечинглэ, Боробриджъ, Боссинэ, Брэмбергъ, Браклэ, Калингтонъ, Камельфортъ, Кастль-Райзинъ, Корфъ-Кастль, Даунтонъ, Дёничь, Истъ-Гримстидъ, Истъ-Лоо, Фауэ, Гаттонъ Гретъ, Бедуинъ, Хасльмиръ, Хидонъ, Хэтсбюри, Хайамъ-Ферерсъ, Хиндонъ, Ильчестеръ, Лостуизиль (Lostwithiel), Лёдгершалъ, Мильборнъ-Портъ, Майнхэдъ, Ньюпортъ, Ньютаунъ, Ньютонъ, Нью-Ромнэ. Окхамптонъ, Олд-Сарумъ, Орфордъ, Плимптонъ, Квйнъ-боро, Солташъ, Сифордъ, Стэнинъ, Стокбриджъ, Сен-Жермэнсъ, Сен-Моосъ, Мидшалъ, Трегони, Уэндоверъ, Уіоблэ, Уэстъ-Лоо, Уитъчёрчъ, Уинчельси, Вутонъ-Бассетъ, Ярмуѳсъ на островѣ Уайтѣ. Слѣдующія мѣстечки были лишены одного представителя; Арондэль, Ашбуртонъ, Кальнъ, Крайстчёрчъ, Клиѳзеро, Дартмауѳсъ, Дройтвичь, Ай (Eye), Гретъ-Гримсбй, Хельстонъ, Хоршамъ, Хайѳсъ, Лонстонъ (Launceston), Лискэрдъ, Лаймъ-Риджисъ, Мальмсбюри, Мидгёрстъ, Морпеѳсъ, Норѳсаллэртонъ, Питерсфильдъ, Райгетъ, Рай (Rye), Шафтсбюри, Сент-Айвсъ, Ѳсёрскъ (Thirsk), Уолингфордъ, Уэрамъ, Уэстбюри, Уильтонъ, Вудстокъ. Слѣдующія мѣста, которыя до-сихъ-поръ не были представлены въ Нижней Палатѣ, получили право назначать двухъ представителей: Бирмингамъ, Блакбурнъ, Болтонъ, Брадфордъ, Брайтнъ, Девонпортъ, Финсбюри, Гриничъ, Галифаксъ, Ламбеѳсъ, Лидсъ, Макльсфильдъ, Манчестеръ, Мэрибонъ (Mary-le-bone), Олдамъ, Шефильдъ, Стокпортъ, Стокъ на Трентѣ (Stoke upon Trent), Струдъ, Сундерландъ, Тауэръ-Гамлэтъ (Tower-Hamlets, деревенька Тауэръ, соединившаяся съ Лондономъ въ настоящее время) и Вольвергамптонъ. Наконецъ, право назначать одного представителя было дано мѣстамъ Аштонъ, Бюри, Чатамъ, Чельтенгамъ, Дудлэ, Фромъ, Гэтсхэдъ, Гудерсфильдъ, Кендалъ, Кидеминстеръ, Мерѳсиръ-Тидвилъ (Merthyr-Tidvil), Рохдэлъ, Сальфордъ, Саѳсъ-Шильдсь (South Schields), Тиньмауѳсъ, Уэкфильдъ, Уолсолъ, Уорингтонъ, Уитби и Уайтгэвенъ (Whitehaven). Шестьдесятъ-пять вакантныхъ мѣстъ въ Нижней Палатѣ были раздѣлены между графствами Англіи. Шетландія получила на свою олю восемь лишнихъ представителей, и Ирландія пріобрѣла также право назначать пять новыхъ представителей.

Mc Culloch's descriptive and statistical account of British Empire. Vol. II. p. 111

Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ, послѣ всеобщаго мира 1815 года, промышленость Англіи находилась въ завидномъ положеніи. Побѣды Нельсона уничтожили флоты соперничествующихъ континентальныхъ державъ и заручили за Англіею исключительное господство на морѣ. Продолжительныя войны подавили мануфактурную дѣятельность европейскихъ государствъ, которыя могли бы съ нею соперничествовать, и Англія, исключительно пользуясь великими открытіями своихъ промышленныхъ геніевъ, была средоточіемъ торговли и промышлености цѣлаго міра. Но вліяніе политико-экономическихъ законовъ производительности земли скоро начинаетъ обнаруживаться и вызываетъ новое противодѣйствіе.

Въ концѣ 1816 года цѣна пшеницы возвысилась до статрехъ шиллинговъ семи пенсовъ (34 р. 47½ к. с.) за четверть, и въ слѣдующемъ году, она достигла ста-двѣнадцати шиллинговъ семи пенсовъ (37 р. 50 к. с.) за ту же мѣру. Такая дороговизна осуждала бѣднѣйшіе классы на голодную смерть, и ропотъ неудовольствія слышался во всѣхъ частяхъ королевства.

Въ 1820 году главнѣйшіе лондонскіе купеческіе домы представили въ Парламентъ прошеніе (*) о перемѣнѣ тарифа, объ отмѣненіи запретительныхъ пошлинъ, служащихъ къ охраненію внутренней промышлености отъ иностраннаго совмѣстничества и несодѣйствующихъ государственному доходу. Въ этомъ прошеніи въ первый разъ практически обозначились начала свободной торговли, которой предназначено было служить вторымъ противодѣйствіемъ, въ отношеніи политико-экономическаго закона производительности земли.

(*) Этотъ замѣчательный документъ былъ написанъ извѣстнымъ лондонскимъ купцомъ Тукомъ, на сочиненіи котораго мы не разъ ссылались въ предъидущихъ главахъ. Progress of the nation by G. R. Porter. 1847 p. 390.

Свободная торговля (free trade) составляетъ такое важное явленіе въ исторіи политико-экономическаго развитія Англіи, что мы принуждены разсмотрѣть съ нѣкоторою подробностью ея постепенное водвореніе. Это ключъ къ послѣдующимъ событіямъ, съ которыми связана судьба Англіи и ея будущее значеніе.

Хлѣбъ—предметъ первой необходимости, основный капиталъ, на которомъ зиждется каждое промышленное предпріятіе, съ начала четырнадцатаго столѣтія былъ въ Англіи постояннымъ предметомъ самаго стѣснительнаго законодательства въ отношеніи его вывоза и привоза. Въ 1815 году, когда было очевидно, что Англія не могла продовольствовать земледѣльческими произведеніями своего возростающаго народонаселенія, привозъ иностраннаго хлѣба былъ запрещенъ, и мы видѣли, что смутное положеніе государства въ послѣдующіе годы было результатомъ такой мѣры.

Прошеніе, представленное лондонскими купцами въ 1820 году, разумѣется, не достигло цѣли въ Парламентѣ, еще неочищенномъ реформою, въ которомъ интересы недавно возникшаго мануфактурнаго народонаселенія не были настоящимъ образомъ представлены.

Разнообразныя обстоятельства, соединившіяся около 1840 года, требовали важныхъ измѣненій въ существующихъ хлѣбныхъ законахъ. Хотя въ 1828 году ввозъ пшеницы былъ дозволенъ съ пошлиною 23 шил. 8 пенс. (7 руб. 80 к. с. за четверть, когда цѣна ея внутри Англіи доходила до 64 шиллинговъ (21 р. 40 к. с.) за ту же мѣру. Худые урожаи, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ къ ряду, подняли цѣну жизненныхъ припасовъ, и между 1838 и 41 годами было ввезено въ Англію 9,434,620 четвертей пше-

(*) Хлѣбные законы (corn laws, lois des céréales) — это сводъ различныхъ постановленій относительно хлѣбной торговли внутренней и внѣшней; они имѣли цѣлью покровительствовать интересамъ землевладѣльцевъ и на этомъ основаніи или совершенно запрещали ввозъ хлѣба, или дозволяли его съ необыкновенно высокою пошлиною.

ницы. Еслибъ это количество было куплено обыкновеннымъ торговымъ путемъ, то привозъ его не имѣлъ бы невыгодныхъ послѣдствій; но, подъ вліяніемъ хлѣбныхъ законовъ, пшеница не могла сдѣлаться предметомъ постоянной внѣшней торговли, потому-что она не могла сообразоваться съ естественнымъ политико-экономическимъ закономъ запроса и снабженія. Въ голодное время требуемое количество хлѣба не могло быть вымѣнено на произведенія; оно могло быть куплено только на золото. Платежи за иностранную пшеницу, простиравшіеся въ 1838, 1839 и 1840 годахъ до десяти мильоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 67 мильоновъ руб, сер.), чрезвычайный привозъ американскихъ фондовъ и неблагоразумное расширеніе торговли въ Бельгіи и Франціи необыкновенно затруднили финансовое положеніе Англіи. Результатомъ этихъ обстоятельствъ было истощеніе запасовъ драгоцѣнныхъ металловъ Англійскаго Банка, которые въ 1838 году, въ февралѣ состояли изъ 10,471,000 фунт. стер. (69,807,000 р. сер.) и въ слѣдующемъ году, въ томъ же мѣсяцѣ, представляли только 6,773,000 ф. с. (45, 153,000 р. сер.), а въ августѣ, въ томъ же году, они уменьшились до 2,420,000 ф. стер. (16,130,000 р. сер.). При такомъ состояніи денежнаго рынка торговля была необыкновенно подавлена: заработная плата понизилась, занятіе сдѣлалось непостояннымъ, жизненные припасы вздорожали, неудовольствіе обнаруживалось въ фабричномъ народонаселеніи и грозило страшнымъ взрывомъ.

Ничто такъ убѣдительно не доказываетъ безсмысленности и несвоевременности тогдашняго запретительнаго тарифа Англіи, какъ донесеніе Комитета Нижней Палаты, въ 1840 году, о привозныхъ пошлинахъ (*). Этотъ документъ,

(*) Report of the committee of the House of Commons in 1840 on import duties.

должно сознаться, особенно содѣйствовалъ усиленію оппозиціи противъ хлѣбныхъ законовъ. Онъ обнаружилъ, что 94½ процента цѣлаго дохода, доставляемаго таможенными пошлинами, были взимаемы только съ семнадцати различныхъ предметовъ торговли, между-тѣмъ, какъ 1100 другихъ произведеній, подлежавшихъ тарифу, доставляли только остальные 5½ процентовъ этого дохода. Но это былъ еще не единственный поразительный фактъ. Изъ 22,000,000 фунт. стерл. (147,000,000 р. сер.), представлявшихъ, въ среднемъ итогѣ, ежегодный таможенный сборъ—20,000,000 ф. ст. (140,000,000 р. с.) доставляли пошлины, взимаемыя съ сырыхъ матеріаловъ и жизненныхъ припасовъ. Такимъ-образомъ запретительный тарифъ дѣйствовалъ прямо противъ живыхъ интересовъ промышлености, съ одной стороны, ограничивая употребленіе предметовъ, для нея необходимыхъ, съ другой стороны, возвышая стоимость труда, чрезъ увеличеніе цѣны жизненныхъ припасовъ.

Неудивительно, что фабричное народонаселеніе Ланкашира оставалось безъ дѣла. Пруссія, Голландія, Германія, Соединенные Штаты желали, съ своей стороны, въ началѣ текущаго столѣтія, ослабленія запретительныхъ мѣръ англійскаго тарифа. Взаимные коммерческіе трактаты, заключенные вслѣдствіе такъ-называемыхъ *актовъ взаимности*, давали этимъ странамъ только нѣкоторыя льготы въ отношеніи мореплаванія (*), и онѣ были принуждены развить

(*) Въ 1822 году былъ отмѣненъ знаменитый Кромвелевскій актъ о мореплаваніи, который составлялъ такой важный аргументъ въ пользу протекціонной системы. Акты 3 Geo. IV. c. 41, 42, 43, 44, 46 дозволяли привозъ иностранныхъ произведеній въ Великобританію на иностранныхъ корабляхъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ 1823 году были изданы акты о взаимности (Reciprocity acts 4 Geo. IV. c. 77 и 5 Geo. IV c. 1) въ силу которыхъ были заключены коммерческіе трактаты о мореплаваніи съ Франціею, Австріею, Россіею, Швеціею и Норвегіею, Даніею, Нидерландами, Пруссіею, Любекомъ, Бременомъ, Гамбургомъ, Королевствомъ Ганноверскимъ, герцогствами

свою собственную мануфактурную промышленость. Въ Саксоніи, Баваріи, Виртембергѣ, Рейнскихъ Провинціяхъ, Пруссіи, Швейцаріи правительства поощряли запретительными пошлинами основаніе фабрикъ, которыя начали производить англійскими машинами, бо̀льшею частью подъ надзоромъ англійскихъ мастеровъ, но съ которыми англійскіе мануфактуристы уже не могли болѣе соперничествовать на континентальныхъ рынкахъ.

Съ 1828 года по 1838 годъ вывозъ бумажныхъ издѣлій вообще въ Англіи увеличился только на 25 процентовъ, между-тѣмъ, какъ бумажная пряжа, которой выдѣлка въ этомъ ряду произведеній требуетъ наименьшаго количества труда, представляетъ возростаніе слишкомъ на 114 процентовъ. Раздѣливъ девятилѣтіе между 1831—1839 годами. на три равные періода, мы найдемъ, что во второмъ періодѣ цѣнность вывезенныхъ машинъ слишкомъ удвоилась, а въ третьемъ она увеличилась болѣе нежели въ пять разъ. Сравнивая отпускную торговлю 1827 и 1838 годовъ, мы открываемъ, что пропорція совершенно оконченныхъ издѣлій (finished goods) къ цѣлой массѣ вывезенныхъ товаровъ понизилась отъ 82, 56 до 73, 80 процента. Отдѣливъ иностранную отпускную торговлю отъ колоніальной, мы увидимъ, что послѣдняя представляетъ намъ въ эти эпохи ту же пропорцію между произведеніями, занимающими бо̀льшое число рабочихъ рукъ и продуктами ме́ньшаго труда; но для первой эта пропорція значительно измѣнилась; количество совершенно оконченныхъ издѣлій, составлявшее

Мекленбургъ-Шверинъ, Мекленбургъ-Стрелицъ и Ольденбургъ, Франкфуртомъ, Португаліею, Сардиніею, Королевствомъ Неаполитанскомъ, Грецією, Турціею, Соединенными Штатами, Мехикою, Техасомъ, Уругваемъ, Боливіею, Венезуэлою, Новою Гранадою, Экуадоромъ, Ріо-де-ла Плата и Бразиліею. G. R. Porter. The Progress of the nation 1847 p. 394 — 7. M^c^. Culloch's Dictionnary of commerce 1852. art. treaties (commercial) p. 1320.

въ 1827 году 81, 95 процента пѣлаго отпуска, понизилось до 69,12 процента въ 1838 году. Продолжая далѣе это разграниченіе, мы найдемъ, наконецъ, что отпускъ фабричныхъ издѣлій въ сѣверные порты Европы уменьшился между 1827 и 1838 годами отъ 61, 78 до 39, 16 процента. Эти сухія цифры составляютъ статистику голода въ Англіи.

Въ такихъ обстоятельствахъ начала свою дѣятельность знаменитая лига соединившаяся противъ хлѣбныхъ законовъ (Anticorn law league).

23 января 1839 года собрались въ первый разъ, въ Манчестерѣ, на хлѣбной биржѣ 800 человѣкъ, составившихъ это общество; между ними были 14 членовъ Парламента и многіе замѣчательные защитники началъ свободной торговли. 15 февраля Вильерсъ, членъ Парламента, представилъ Нижней Палатѣ прошеніе объ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ, подписанное 40,000 человѣкъ: представленіе его было отвергнуто большинствомъ 189 голосовъ. Подобное же представленіе испытало такую же участь въ Палатѣ Лордовъ, гдѣ изъ 224 членовъ, только 24 были въ пользу его. Такая сильная оппозиція обнаруживала въ законодательномъ собраніи Англіи рѣшительную непріязнь къ идеямъ свободной торговли, и нужна была вся энергическая дѣятельность лиги, чтобъ побѣдить подобное сопротивленіе. Дѣйствія этого замѣчательнаго общества не могутъ быть разсмотрѣны въ этомъ короткомъ очеркѣ, и мы укажемъ только нашимъ читателямъ, желающимъ подробно ознакомиться съ нимъ, на сочиненіе Бастіа (*), необыкновенно-увлекательно изложившаго исторію лиги, и на газету, (**) служившую ея главнымъ органомъ.

(*) Cobden et la ligue ou l'agitation anglaise pour la liberté des échanges par Bastiat.

(**) Anti bread-tax circular.

Чтобъ совершеннѣе понять критическое положеніе Англіи въ то время, когда обнаружилось въ полномъ напряженіи вліяніе уже нѣсколько разъ нами названнаго политико-экономическаго закона производительности земли, чтобъ оцѣнить всю важность свободной торговли, какъ начала ему противодѣйствовавшаго, я считаю необходимымъ представить здѣсь обзоръ жалкаго состоянія этой страны въ описываемое нами время.

Англія въ эпоху, когда С. Р. Пиль составилъ новый кабинетъ, замѣстившій министерство Мельбурна, представляетъ намъ картину государства, для котораго наступило состояніе неподвижности, предшествующее постепенному разрушенію. Всѣ движенія капитала были парализованы. Промышленость, этотъ живый организмъ Англіи, остановился въ своемъ развитіи, какъ могучее дерево, въ которомъ разрушительный дѣятель удержалъ внезапно весеннее обращеніе питательнаго сока. Бѣдствіе народа было страшно въ дѣйствительности, а видимая невозможность избавиться отъ него дѣлала его еще болѣе ужаснымъ. Послѣдствія финансоваго кризиса, худаго урожая, какъ ни тяжки они, можно перенести, потому-что это временныя, преходящія бѣдствія. Разъ онѣ миновали — и капиталистъ начинаетъ новую дѣятельность, съ полною надеждою на успѣхъ. Но это зло не было результатомъ дѣйствія преходящихъ причинъ. Главнѣйшія отрасли внутренней промышлености обнаруживали признаки постепеннаго упадка въ продолженіе предшествовавшихъ двадцати лѣтъ. Какъ ни ужасно было настоящее положеніе, но въ будущемъ оно могло только ухудшиться. Дѣятельность политико-экономическаго закона производительности земли идетъ въ прогресіи.

Окинувъ бѣглымъ взглядомъ страну, посмотримъ, каково

было состояніе этого обширнаго богатаго округа, имѣющаго Лидсъ и Брадфордъ своими средоточіями. Въ одномъ Лидсѣ въ теченіе предшествовавшаго четырехлѣтія, мы насчитываемъ около ста банкрутствъ въ главнѣйшихъ отрасляхъ мѣстной промышлености, раздѣленной между производствомъ сукна, льняной и камвольной пряжи и машинъ. Двадцать-пять процентовъ были уплачены несостоятельными должниками; и общая потеря, только въ этихъ случаяхъ была около 1,000,000 ф. ст. (слишкомъ 6,000,000 р. сер.). Въ Брадфордѣ четверть фабрикъ оставалась безъ дѣла, и цѣнность фабричной собственности упала слишкомъ на 30 процентовъ, Требованіе на машины было такъ ничтожно, что заработная плата рабочихъ механиковъ въ теченіе пяти лѣтъ понизилась почти на половину, и самая эта отрасль промышлености готова была уничтожиться. Въ многолюдномъ округѣ Торнтонской Дороги (Thornton Road) слишкомъ 30 фабрикантовъ обанкрутились, и 14 закрыли свои заведенія. Неуплаченныхъ долговъ простиралось слишкомъ на 1,500,000 ф. ст. (10,000,000 р. сер.). Въ Нотингамѣ мы находимъ 10,580 человѣкъ, т. е. одна пятая цѣлаго народонаселенія, существовала помощью, ею получаемою отъ приходскихъ властей, и заработная плата понизилась въ продолженіе истекшаго шестилѣтія слишкомъ на 25 процентовъ. Въ округѣ металлической промышлености разнообразная дѣятельность Бирмингама представляетъ намъ то же подавленное состояніе; рабочіе получали только половину и даже треть своей прежней заработной платы. Часто мелкіе фабриканты, составляющіе здѣсь главную массу производителей, принуждены были въ субботу закладывать свои издѣлія, чтобъ разсчитать работниковъ, и каждую недѣлю полиція открывала случаи голодной смерти. Вольвергамптонъ, производившій обш

ную торговлю желѣзомъ съ Соединенными Штатами, не отпускалъ теперь даже шестой доли прежняго количества этого продукта. Шефильдъ сократилъ свою промышленость также болѣе чѣмъ на одну четверть; заработная плата понизилась въ нѣкоторыхъ отрасляхъ на 40 процентовъ; пауперизмъ удвоился и въ теченіе пяти лѣтъ слишкомъ 20,000 ф. ст. (130,000 р. сер.) было истрачено только въ четырехъ отрасляхъ на вспомоществованіе рабочихъ, остававшихся безъ дѣла. Въ округахъ шерстяной промышленности Глостершира, Сомерсетшира и Уильтшира мы встрѣчаемъ ту же самую картину. Въ Фромѣ, между 1831 и 1841 годами, народонаселеніе значительно уменьшилось; наемъ домовъ понизился на 50 процентовъ, и только налогъ для нищихъ представлялъ возростаніе. То же самое можно сказать о Брадфордѣ въ Уильтширѣ, Струдѣ, Юлэ (Uley), Вутонѣ. Сравнивая положеніе цѣлаго графства Глостеръ въ эти двѣ различныя эпохи, мы находимъ, что число работавшихъ становъ уменьшилось на половину и число обанкрутившихся фабрикантовъ превышало цифру удержавшихся. Въ Ковентри треть рабочаго народонаселенія оставалась безъ дѣла. Въ Спитафильдѣ 8000 становъ были не заняты, и приходскія власти принуждены были содержать 24,000 человѣкъ. Желѣзные заводы Шетландіи, каменно-угольныя копи Стафордшира, перчаточныя заведенія Іовиля, ковровыя фабрики Кендаля, стеклянные заводы Уорингтона, шалевыя фабрики Пэзлэ, льнопрядильни Дёнди представляли подобные же признаки совершеннаго упадка промышлености. Въ Пэзлэ, напримѣръ, въ продолженіе года двѣ трети фабрикантовъ сдѣлались несостоятельными и одна треть рабочаго народонаселенія, отличавшагося даже въ Шетландіи своимъ трудолюбіемъ, существовала общественною благотворительностью.

Но самую темную сторону въ этой картинѣ общаго бѣдствія представляютъ мануфактурные округи Ланкашира. Въ Балтонѣ двѣ трети народонаселенія были безъ работы, налогъ для бѣдныхъ увеличился втрое въ теченіе пяти лѣтъ, 1500 домовъ оставались незанятыми, заработная плата понизилась въ такой степени, что недѣльная выручка цѣлаго семейства не превышала 14 пенсовъ (35 к. сер.); Стокпортъ, Аштонъ, Ольдамъ представляли подобное же бѣдствіе, которое въ Манчестерѣ, наконецъ, являлось въ размѣрахъ и формахъ, превышавшихъ всякое вѣроятіе... Таково было положеніе Англіи, когда она приближается къ состоянію неподвижности.

Полумѣры, принятыя С. Р. Пилемъ, въ 1842 году, въ отношеніи хлѣбныхъ законовъ, при такихъ обстоятельствахъ оказались неудовлетворительными. Ввозъ пшеницы, конечно, теперь былъ возможенъ, когда цѣна ея достигала 66 шил. (22 р. с.) за четверть; но этого было недостаточно, чтобъ удовлетворить требованіямъ кризиса. Чтобъ уничтожить вредное вліяніе хлѣбныхъ законовъ на интересы мануфактурные, необходимо было сдѣлать хлѣбъ предметомъ постоянной внѣшней торговли; а это было невозможно при неопредѣленности тарифа, измѣнявшагося въ отношеніи этого продукта, сообразно съ его цѣнами (*). Видимое равнодушіе С. Р. Пиля, старавшагося представить въ умягченныхъ формахъ бѣдствія мануфактурныхъ округовъ, издавна въ нихъ существовавшія, увеличило непріятное впечатлѣніе этихъ полумѣръ. Никогда еще мануфактурные округи не представляли такого стѣсненнаго положенія. На манчестерской биржѣ дѣла остановились въ полномъ смы-

(*) Такъ-называемая *подвижная скала* (Sliding Scale) опредѣляла для иностраннаго хлѣба различныя пошлины, измѣнявшіяся соотвѣтственно цѣнамъ хлѣба, существовавшимъ внутри Англіи.

слѣ этого выраженія, бумагопрядильщики и другіе фабриканты, еще державшіеся, готовились закрыть свои заведенія, или по-крайней-мѣрѣ значительно понизить заработную плату (*). Это можетъ служить образчикомъ того, что происходило въ другихъ мѣстностяхъ.

Время между 1842 и 1845 годами было обозначено необыкновенною дѣятельностью лиги и постепеннымъ водвореніемъ свободной торговли. Лига приняла теперь болѣе рѣшительное положеніе нежели въ предъидущій періодъ; она опиралась на большинство народа. Считая между своими членами богатѣйшихъ гражданъ, она обладала огромными денежными средствами. Въ 1844 году она собрала подпискою 100,000 ф. ст. (около 700,000 р. с.) для изданія газетъ, памфлетовъ, для чтенія публичныхъ лекцій, употребляя всѣ дозволенныя средства для достиженія заданной себѣ цѣли, и къ этой значительной суммѣ она готовилась прибавить новый фондъ въ 250,000 ф. ст. (около 1,700,000 р. с.). Она рѣшалась, еслибъ Парламентъ продолжалъ упорствовать въ поддержаніи хлѣбныхъ законовъ, не щадя средствъ, создать новый классъ землевладѣльцевъ (freeholders), чтобъ чрезъ нихъ располагать выборами и наполнить Нижнюю Палату такими представителями, которые бы дѣйствовали исключительно въ ея видахъ.

Наконецъ въ 1846 году законъ о ввозѣ хлѣба (**) и новый тарифъ (***) получили королевское согласіе. Съ этого времени должно считать совершенное водвореніе свободной торговли въ Англіи.

Первый законъ, понижая пошлину на пшеницу до 10 шилл. (около 3 р. 30 к. сер.) за четверть, когда цѣна ея

(*) Manchester Guardian за 1841—1842.

(**) Corn importation bill. act. 9 et. 10 Viet. c. 22.

(***) Custom duties bill acts. 5 et 6. Viet. 47, 8. Viet. 12 и 9 et 10 Viet. c. 23.

падала до 48 шилл. (16 р. сер.) за ту же мѣру, на самомъ дѣлѣ, дозволялъ постоянный привозъ этого продукта и обѣщалъ, кромѣ того, по прошествіи трехъ лѣтъ, совершенное отмѣненіе этой пошлины.

Новый тарифъ, представляя отмѣненіе или измѣненіе пошлинъ для тысячи различныхъ предметовъ торговли, разрѣшалъ свободный привозъ другихъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, каковы: рогатый скотъ, мясо, масло и т. п., и сырыхъ матеріаловъ.

Эти двѣ мѣры необходимо должны были дать новую жизнь промышлености.

Если достиженіе этого результата было сопряжено съ большими затрудненіями; если оппозиція, которую встрѣтила свободная торговля, была необыкновенно сильна: то должно сознаться, что водвореніе ея произвело огромное вліяніе, глубоко обозначившееся своими послѣдствіями въ составѣ и отношеніяхъ англійскаго общества.

Политико-экономическое вліяніе свободной торговли, какъ противодѣйствія основному закону производительности земли, не подлежитъ сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи, она совершенно исполнила свое назначеніе, отдаливъ на неопредѣленное время наступленіе состоянія неподвижности. Не вдаваясь въ статистику, не приводя утомительныхъ для читателя цифръ, мы ограничимся здѣсь указаніемъ общихъ результатовъ. Желающіе глубже изучить политико-экономическое вліяніе свободной торговли, найдутъ множество статистическихъ данныхъ въ замѣчательномъ сочиненіи Денклэ (*), которому комитетъ лиги присудилъ премію.

Свободная торговля была мѣрою въ высшій степени

(*) The charter of the nations or free trade and its results, an essay on the recent commercial policy of the United Kingdom by H. Dunckley. 1854.

благодѣтельною для рабочаго класса, капиталистовъ и даже землевладѣльцевъ.

Заработная плата въ послѣдующіе годы возвысилась во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Положеніе рабочаго въ физическомъ отношеніи несравненно улучшилось: теперь онъ имѣлъ возможность продовольствовать себя въ изобиліи предметами первой необходимости, потреблять въ значительномъ количествѣ нѣкоторые предметы роскоши и, главное, былъ постоянно занятъ; теперь фабриканты затруднялись найдти рабочихъ.

Промышленость и торговля приняли такіе колоссальные размѣры, достигли такого развитія, что капиталъ промышленный болѣе чѣмъ удвоился. Капиталисты-промышленики возобновили свою дѣятельность и, получая ту же прибыль, они находили постоянно новые каналы для помѣщенія сберегаемыхъ экономій, для производительнаго приложенія избытковъ капитала.

Классъ земледѣльческій не понесъ потери, какъ это многіе предсказывали. Поземельный доходъ вообще увеличился. Земледѣліе въ своемъ развитіи не отстало отъ другихъ отраслей промышлености; разнообразныя хозяйственныя улучшенія были приложены на бо́льшихъ размѣрахъ нежели прежде. Фермеры получали хорошее возмездіе и совмѣстничество иностранныхъ производителей не уменьшило ихъ прибыли. Даже земледѣльческіе работники, такъ ничтожно вознаграждаемые въ прежнее время, получали теперь болѣе значительную заработную плату и пауперизмъ между ними чрезвычайно уменьшился.

Однимъ словомъ, свободная торговля, въ отношеніи политико-экономическомъ, открыла новый періодъ всеобщаго благоденствія въ Англіи.

Я не раздѣляю мнѣнія людей, которые приписываютъ

свободной торговли особенное нравственное вліяніе на промышленную массу народонаселенія Англіи. Мнѣ кажется, успѣхи промышленности должны быть отдѣлены отъ успѣховъ общаго просвѣщенія, обнимающихъ религіозное, нравственное и умственное усовершенствованіе человѣческой природы. Я думаю даже, чрезвычайное развитіе промышленности прямо противоположно этому развитію и должно непремѣнно останавливать это усовершенствованіе.

Можно наполнить цѣлые томы фактами, доказывающими справедливость этого предложенія въ отношеніи Англіи; но многіе возразятъ, и отчасти справедливо, что тысячи примѣровъ самыхъ убѣдительныхъ не даютъ права вывести общее заключеніе для 27 мильоновъ народонаселенія. Не опираясь, слѣдственно, на свидѣтельствахъ фактическихъ, постараемся отъискать другое, болѣе прямое основаніе для нашего предложенія. Читатель не долженъ забывать, что мы имѣемъ въ виду *чрезмѣрное* развитіе промышленности.

Промышленость Англіи, мы видѣли, въ предшествующую эпоху находилась въ необыкновенно стѣсненномъ положеніи. Она достигла извѣстныхъ предѣловъ, за которыми ея дальнѣйшее развитіе было невозможно и въ которыхъ она должна была уничтожиться, подавленная избыткомъ производительныхъ силъ. Свободная торговля разорвала эту цѣпь; она отдалила для Англіи состояніе неподвижности, но за то она осудила ее на постоянный, страшный трудъ. Земля, мы говорили уже нѣсколько разъ, увеличиваетъ свою производительность на условіяхъ для человѣка болѣе и болѣе невыгодныхъ. Земледѣльческій трудъ, увеличивая свою дѣятельность, достигаетъ соразмѣрно меньшихъ результатовъ. Еслибъ постоянно возростающее народонаселеніе Англіи было принуждено существовать произведеніями своей собственной почвы, то его физическія силы

усовершенствованіи, оставить стремленіе къ высокимъ цѣлямъ и не думать объ исполненіи религіозно-нравственнаго назначенія, для котораго онъ призванъ въ этотъ міръ. Это стремленіе, это назначеніе для англичанина не существуютъ по самой простой причинѣ, что матеріальная цѣль жизни не оставляетъ ему свободнаго времени подумать объ этихъ важныхъ интересахъ, соединенныхъ съ истиннымъ совершенствованіемъ. Матеріальный промышленный трудъ необходимо подавляетъ ихъ своею тягостью. Удивительно ли послѣ этого, что рабочій классъ въ этой странѣ представляетъ такое грустное зрѣлище для христіанскаго моралиста своею грубостью, невѣжествомъ, безнравственностью, недостаткомъ религіознаго чувства, на которомъ основывается истинная мораль? Должно ли удивляться, если мы находимъ въ Англіи совершенное отсутствіе чувства изящнаго, если мы замѣчаемъ упадокъ въ литературѣ, наукѣ, нѣкогда славныхъ именами Шекспира, Бэкона, Ньютона, которые не имѣютъ въ настоящее время достойныхъ преемниковъ, если мы видимъ, наконецъ, что самая религія, этотъ основный двигатель всѣхъ дѣйствій человѣка, является здѣсь только вопросомъ политическихъ партій?

Христіанство, мораль, изящное, наука, какъ проявленіе истины, въ Англіи необходимо уступили промышленному развитію. Первое развитіе мануфактурной дѣятельности было началомъ упадка духовнаго усовершенствованія; свободная торговля, поставившая промышленость Англіи въ ея настоящіе колоссальные размѣры, могла ему только содѣйствовать. Промышленость, эта слава Англіи, положила непреодолимыя препятствія для высшаго усовершенствованія ея человѣчества.

Намъ остается еще разсмотрѣть политическое вліяніе

свободной торговли, которое выразилось въ настоящемъ положеніи Англіи въ ряду европейскихъ государствъ.

Земледѣльческіе округи Англіи, удаленные отъ опаснаго вліянія большихъ мануфактурныхъ городовъ, сохраняли еще долгое время феодальный характеръ среднихъ вѣковъ. Права землевладѣльцевъ были облечены только въ умягченныя формы; но власть ихъ была также чувствительна и для земледѣльческихъ работниковъ и для фермеровъ, сохранившихъ самыя странныя идеи о привилегіи аристократіи. Владѣлецъ замка пребывалъ лордомъ среднихъ вѣковъ, который былъ облеченъ въ понятіяхъ сельскаго жителя неограниченнымъ могуществомъ, и неуваженіе къ его власти считалось почти государственнымъ преступленіемъ. Свободная торговля разорвала феодальныя связи, уничтожила эту преданность клановъ къ ихъ наслѣдственнымъ предводителямъ. Вліяніе ея на фермера было еще многозначительнѣе. До-сихъ-поръ этотъ важный классъ въ обществѣ, придавая особенную важность значенію землевладѣльца, совершенно зависѣлъ отъ него, считая себя человѣкомъ ему обязаннымъ, онъ былъ почти его слугою. Поэтому наемъ земли предполагалъ политическую зависимость. Всѣ фермеры, нанимавшіе землю у одного землевладѣльца, считали долгомъ поддерживать его политическіе интересы, междутѣмъ, какъ онъ, въ качествѣ законодателя, считалъ своею обязанностью содѣйствовать ихъ выгодамъ. Слѣдствіемъ такой связи было соединеніе избирателей, при выборахъ членовъ Парламента, въ одну необыкновенно-сильную фалангу, которая имѣла въ виду только земледѣльческій или землевладѣльческій интересъ, такъ-что Палата Коммоненовъ или Нижняя Палата, была только отголоскомъ Палаты Лордовъ. Свободная торговля измѣнила этотъ порядокъ. Она убѣдила, что тѣ же связи соединяютъ землевладѣльца и фермера,

какія существуютъ между производителемъ сырыхъ матеріаловъ и фабрикантомъ. Она указала, что фермеръ — тотъ же фабрикантъ, а землевладѣлецъ — лицо, снабжающее его сырымъ матеріаломъ, землею; что они связаны только торговыми, а не политическими отношеніями, точно также, какъ, напримѣръ, суконный фабрикантъ и овцеводъ. Старыя связи были разорваны; фермеры сдѣлались совершенно независимы на выборахъ; и если личныя побужденія заставляли ихъ самостоятельно пользоваться этимъ правомъ, то въ выгодахъ землевладѣльца было не стѣснять его. Лишенные искусственной монополіи, съ отмѣненіемъ хлѣбныхъ законовъ, землевладѣльцы теперь видѣли въ принадлежащей имъ землѣ только предметъ торговли, а не политическое орудіе, и отдавали ее въ наемъ тому, отъ кого они могли получить бо̀льшій поземельный доходъ, каковы бы ни были политическія мнѣнія фермера. При самомъ началѣ движенія свободной торговли, даже прежде ея водворенія, это вліяніе уже обнаруживается; и въ 1843 году мы видимъ: древній епископальный городъ Дурамъ избираетъ своимъ представителемъ въ Парламентѣ диссентера, квакера Брайта.

Важные промышленные перевороты, которыхъ мы коснулись въ этомъ очеркѣ, развитіе хлопчато-бумажной промышленности и свободная торговля такимъ образомъ совершенно измѣнили политическій составъ Англіи, который связывалъ ее съ другими европейскими государствами.

Политическое вліяніе Англіи, при такихъ условіяхъ ея внутренняго состава, еще возможно въ нѣкоторой степени, пока она опирается на колоніи, которыя, служа ей рынкомъ, объусловливаютъ ея торговую независимость. Но колоніи—неблагодарныя дѣти. Сознаніе собственной силы легко обращаетъ ничтожное недоразуменіе въ важную при-

представляетъ намъ ужасной картины борьбы между дѣятельностью основнаго закона производительности земли и началами, ему противодѣйствующими, которая оказала такое важное и разрушительное вліяніе на политическое бытіе Англіи. Въ настоящее время даже невозможно предугадать, когда наступитъ проявленіе вліянія этого закона, которое уже обнаружилось въ остальной Европѣ. Эта эпоха для нашего отечества сокрыта за предѣлами исторической будущности. Законъ возростанія народонаселенія, законъ производительности земли не страшны для него ни въ настоящее время, ни въ отдаленныя отъ насъ времена, и грядущія поколѣнія долго еще будутъ жаловаться только на недостатокъ рабочихъ рукъ для воздѣлыванія тучнаго и дѣвственнаго чернозема, для разработыванія еще нетронутыхъ источниковъ естественнаго богатства. Такимъ образомъ произвожденіе, главная цѣль политико-экономической жизни народа, не представляетъ намъ здѣсь предѣловъ, которые ясно обозначились въ старыхъ государствахъ. Вопреки основнымъ законамъ Политической Экономіи, произвожденіе въ Россіи ограничивается возростаніемъ народонаселенія, а не количествомъ удобовоздѣлываемой земли; и когда, наконецъ, вліяніе этихъ законовъ необходимо распространится и на наше отечество, мы найдемъ тогда въ политико-экономической исторіи другихъ государствъ поучительные примѣры, драгоцѣнные результаты народной опытности, которые могутъ руководить насъ въ предстоящихъ затрудненіяхъ. Но эти затрудненія, повторяемъ, сокрыты за предѣлами исторической будущности, несмотря на всю быстроту жизни настоящаго человѣчества.

Россія, въ политико-экономическомъ отношеніи, слѣдственно, представляетъ намъ положеніе исключительное. Возростаніе и развитіе произвожденія здѣсь замедляются за не-

достаткомъ труда, выраженнаго ея народонаселеніемъ, за недостакомъ капитала производительнаго, приложеніе котораго всегда возможно, при существующемъ изобиліи естественнаго богатства, при широкомъ поприщѣ этого приложенія. Приращеніе народонаселенія можетъ только увеличить народное богатство Россіи, а бережливость и производительное употребленіе капитала, не понижая прибыли, доставляютъ только занятіе и средства къ существованію для ея возростающаго народонаселенія.

Исторія политико-экономическаго развитія Россіи, слѣдственно, должна представлять намъ одну блистательную будущность, одно благоденствіе, неперемежающееся бѣдственными кризисами, одну свѣтлую перспективу, незатемненную мрачною борьбою закона произвожденія и началами, ему противодѣйствующими. Такая будущность основывается на совершенствѣ политико-экономическихъ условій внутренняго состоянія Россіи.

Интересно разсмотрѣть эти условія, обезпечивающія подобную славную судьбу для нашего отечества. Они заключаются въ его богатствѣ естественномъ и въ его высокоодаренномъ народонаселеніи. Изслѣдуемъ же съ нѣкоторою подробностью оба эти элемента произвожденія, выражающіе сумму естественныхъ дѣятелей и трудъ.

Россія, эта шестая часть свѣта, растягивающаяся на пространствѣ 367,112 квадр. миль отъ Калиша до Петропавловскаго Порта, отъ Колы до Астары, разумѣется, на своемъ протяженіи между 35°, 31' и 225° долготы и между 38° и 78° сѣверной широты (*), представляетъ намъ всѣ оттѣнки разнообразія европейскаго климата и всѣ виды ему свойственныхъ естественныхъ произведеній. Въ отношеніи политико-экономическомъ, однакожь, это различіе

(*) «Статистическіе очерки Россіи» сочиненіе Константина Арсеньева 1848.

произведеній не имѣетъ большой важности. Справедливо, что каждое изъ нихъ можетъ сдѣлаться предметомъ особенной отрасли промышленности; но развитіе каждой отрасли прежде всего предполагаетъ предварительно заготовленные запасы жизненныхъ припасовъ, необходимые, чтобъ поддержать существованіе рабочаго человѣка; производительность всѣхъ видовъ промышленности опредѣляется протяженіемъ удобовоздѣлываемой почвы. Самостоятельное развитіе мануфактурной дѣятельности должно основываться на земледѣліи, и для политико-экономическаго усовершенствованія страны, между всѣми ея естественными богатствами, прежде всего важно значительное протяженіе хлѣбородной, удобовоздѣлываемой земли.

Если мы окинемъ быстрымъ взглядомъ поверхность Европейской Россіи, мы найдемъ, что эта обширная равнина, нигдѣ неизмѣняющая своей единообразной плоскости, раздѣляется на четыре колоссальныя части, изъ которыхъ каждая представляетъ намъ особенный физическій характеръ. Первая, сѣверная, покрыта вѣковыми лѣсами; ниже къ ней примыкаетъ полоса земли, годная къ обработыванію, но неотличающаяся чрезвычайнымъ плодородіемъ. Далѣе къ югу прилегаетъ такъ-называемое черноземное пространство, переходящее въ степи волжскія и новороссійскія, составляющія четвертую полосу — страну пастьбищную (*).

Въ политико-экономическомъ отношеніи, двѣ послѣднія полосы представляютъ намъ особенную важность: отъ нихъ зависятъ успѣхи промышленнаго развитія нашего отечества;

(*) «Хозяйственно-статистическій атласъ Европейской Россіи», изданный Департаментомъ Сельскаго Хозяйства 1850. Очеркъ мануфактурнопромышленныхъ силъ Европейской Россіи, служащій текстомъ промышленной карты, составленный Павл. Крюковымъ. 1853.

на нихъ основывается мануфактурная дѣятельность, избравшая поприщемъ своего проявленія менѣе одаренную, среднеплодородную, вторую полосу; онѣ, наконецъ, заручаютъ нашему отечеству его первенство въ Европѣ въ политико-экономическомъ отношеніи, обусловливая ея зависимость отъ него въ продовольствіи предметами первыхъ жизненныхъ потребностей. Эти двѣ полосы простираются слишкомъ на 30,000 квад. миль и заключаютъ 21,500,000 жителей; онѣ занимаютъ, слѣдственно, третью часть цѣлой поверхности Европейской Россіи. Это огромное пространство земли производитъ самыя богатыя жатвы, не требуя никакого удобренія въ степяхъ волжскихъ и новороссійскихъ, даже при самомъ поверхностномъ воздѣлываніи. Нѣтъ сомнѣнія, оно соединяетъ самыя плодородныя почвы на земномъ шарѣ. Вотъ что говоритъ о почвѣ Южной Россіи ученый профессоръ Сельскаго Хозяйства г. Линовскій (*), къ сожалѣнію, такъ рано похищенный смертью.

«Не разъ въ Южной Россіи (говоритъ онъ), разъѣзжая по обширнымъ тамошнимъ степямъ, испещреннымъ разноцвѣтными растеніями, не разъ, смотря на бурьянъ и сотни сорныхъ травъ, которыя необыкновеннымъ своимъ изобиліемъ удивили бы, изумили бы Англичанина, привыкшаго срывать, истреблять у себя всякое лишнее, негодное растеніе; не разъ, смотря на цвѣтники, разбросанные природою среди широкихъ степей нашихъ, смотря, какъ вѣтеръ играетъ по зеленому морю, вздуваетъ тамъ то желтыя, то голубыя волны — не разъ думалъ я тогда: нѣтъ зла безъ добра; и эти травы, которыя придаютъ степямъ нашимъ такой живописный видъ, вовсе не такъ вредны у насъ, какъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ каждый лоскутокъ земли долженъ густо заростать пшеницею или овсомъ, гдѣ каждый розо-

(*) «Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ» Москва 1845. стр. 102 и 105.

Но самую темную сторону въ этой картинѣ общаго бѣдствія представляютъ мануфактурные округи Ланкашира. Въ Балтонѣ двѣ трети народонаселенія были безъ работы, налогъ для бѣдныхъ увеличился втрое въ теченіе пяти лѣтъ, 1500 домовъ оставались незанятыми, заработная плата понизилась въ такой степени, что недѣльная выручка цѣлаго семейства не превышала 14 пенсовъ (35 к. сер.); Стокпортъ, Аштонъ, Ольдамъ представляли подобное же бѣдствіе, которое въ Манчестерѣ, наконецъ, являлось въ размѣрахъ и формахъ, превышавшихъ всякое вѣроятіе... Таково было положеніе Англіи, когда она приближается къ состоянію неподвижности.

Полумѣры, принятыя С. Р. Пилемъ, въ 1842 году, въ отношеніи хлѣбныхъ законовъ, при такихъ обстоятельствахъ оказались неудовлетворительными. Ввозъ пшеницы, конечно, теперь былъ возможенъ, когда цѣна ея достигала 66 шил. (22 р. с.) за четверть; но этого было недостаточно, чтобъ удовлетворить требованіямъ кризиса. Чтобъ уничтожить вредное вліяніе хлѣбныхъ законовъ на интересы мануфактурные, необходимо было сдѣлать хлѣбъ предметомъ постоянной внѣшней торговли; а это было невозможно при неопредѣленности тарифа, измѣнявшагося въ отношеніи этого продукта, сообразно съ его цѣнами (*). Видимое равнодушіе С. Р. Пиля, старавшагося представить въ умягченныхъ формахъ бѣдствія мануфактурныхъ округовъ, издавна въ нихъ существовавшія, увеличило непріятное впечатлѣніе этихъ полумѣръ. Никогда еще мануфактурные округи не представляли такого стѣсненнаго положенія. На манчестерской биржѣ дѣла остановились въ полномъ смы-

(*) Такъ-называемая *подвижная скала* (Sliding Scale) опредѣляла для иностраннаго хлѣба различныя пошлины, измѣнявшіяся соотвѣтственно цѣнамъ хлѣба, существовавшимъ внутри Англіи.

слѣ этого выраженія, бумагопрядильщики и другіе фабриканты, еще державшіеся, готовились закрыть свои заведенія, или по-крайней-мѣрѣ значительно понизить заработную плату (*). Это можетъ служить образчикомъ того, что происходило въ другихъ мѣстностяхъ.

Время между 1842 и 1845 годами было обозначено необыкновенною дѣятельностью лиги и постепеннымъ водвореніемъ свободной торговли. Лига приняла теперь болѣе рѣшительное положеніе нежели въ предъидущій періодъ; она опиралась на большинство народа. Считая между своими членами богатѣйшихъ гражданъ, она обладала огромными денежными средствами. Въ 1844 году она собрала подпискою 100,000 ф. ст. (около 700,000 р. с.) для изданія газетъ, памфлетовъ, для чтенія публичныхъ лекцій, употребляя всѣ дозволенныя средства для достиженія заданной себѣ цѣли, и къ этой значительной суммѣ она готовилась прибавить новый фондъ въ 250,000 ф. ст. (около 1,700,000 р. с.). Она рѣшалась, еслибъ Парламентъ продолжалъ упорствовать въ поддержаніи хлѣбныхъ законовъ, не щадя средствъ, создать новый классъ землевладѣльцевъ (freeholders), чтобъ чрезъ нихъ располагать выборами и наполнить Нижнюю Палату такими представителями, которые бы дѣйствовали исключительно въ ея видахъ.

Наконецъ въ 1846 году законъ о ввозѣ хлѣба (**) и новый тарифъ (***) получили королевское согласіе. Съ этого времени должно считать совершенное водвореніе свободной торговли въ Англіи.

Первый законъ, понижая пошлину на пшеницу до 10 шилл. (около 3 р. 30 к. сер.) за четверть, когда цѣна ея

(*) Manchester Guardian за 1841—1842.

(**) Corn importation bill. act. 9 et. 10 Vict. c. 22.

(***) Custom duties bill acts. 5 et 6. Vict. 47, 8. Vict. 12 и 9 et 10 Vict. c. 23.

падала до 48 шилл. (16 р. сер.) за ту же мѣру, на самомъ дѣлѣ, дозволялъ постоянный привозъ этого продукта и обѣщалъ, кромѣ того, по прошествіи трехъ лѣтъ, совершенное отмѣненіе этой пошлины.

Новый тарифъ, представляя отмѣненіе или измѣненіе пошлинъ для тысячи различныхъ предметовъ торговли, разрѣшалъ свободный привозъ другихъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, каковы: рогатый скотъ, мясо, масло и т. п., и сырыхъ матеріаловъ.

Эти двѣ мѣры необходимо должны были дать новую жизнь промышлености.

Если достиженіе этого результата было сопряжено съ большими затрудненіями; если оппозиція, которую встрѣтила свободная торговля, была необыкновенно сильна: то должно сознаться, что водвореніе ея произвело огромное вліяніе, глубоко обозначившееся своими послѣдствіями въ составѣ и отношеніяхъ англійскаго общества.

Политико-экономическое вліяніе свободной торговли, какъ противодѣйствія основному закону производительности земли, не подлежитъ сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи, она совершенно исполнила свое назначеніе, отдаливъ на неопредѣленное время наступленіе состоянія неподвижности. Не вдаваясь въ статистику, не приводя утомительныхъ для читателя цифръ, мы ограничимся здѣсь указаніемъ общихъ результатовъ. Желающіе глубже изучить политико-экономическое вліяніе свободной торговли, найдутъ множество статистическихъ данныхъ въ замѣчательномъ сочиненіи Денклэ (*), которому комитетъ лиги присудилъ премію.

Свободная торговля была мѣрою въ высшій степени

(*) The charter of the nations or free trade and its results, an essay on the recent commercial policy of the United Kingdom by H. Dunckley. 1854.

благодѣтельною для рабочаго класса, капиталистовъ и даже землевладѣльцевъ.

Заработная плата въ послѣдующіе годы возвысилась во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Положеніе рабочаго въ физическомъ отношеніи несравненно улучшилось: теперь онъ имѣлъ возможность продовольствовать себя въ изобиліи предметами первой необходимости, потреблять въ значительномъ количествѣ нѣкоторые предметы роскоши и, главное, былъ постоянно занятъ; теперь фабриканты затруднялись найдти рабочихъ.

Промышленость и торговля приняли такіе колоссальные размѣры, достигли такого развитія, что капиталъ промышленный болѣе чѣмъ удвоился. Капиталисты-промышленики возобновили свою дѣятельность и, получая ту же прибыль, они находили постоянно новые каналы для помѣщенія сберегаемыхъ экономій, для производительнаго приложенія избытковъ капитала.

Классъ земледѣльческій не понесъ потери, какъ это многіе предсказывали. Поземельный доходъ вообще увеличился. Земледѣліе въ своемъ развитіи не отстало отъ другихъ отраслей промышлености; разнообразныя хозяйственныя улучшенія были приложены на бо́льшихъ размѣрахъ нежели прежде. Фермеры получали хорошее возмездіе и совмѣстничество иностранныхъ производителей не уменьшило ихъ прибыли. Даже земледѣльческіе работники, такъ ничтожно вознаграждаемые въ прежнее время, получали теперь болѣе значительную заработную плату и пауперизмъ между ними чрезвычайно уменьшился.

Однимъ словомъ, свободная торговля, въ отношеніи политико-экономическомъ, открыла новый періодъ всеобщаго благоденствія въ Англіи.

Я не раздѣляю мнѣнія людей, которые приписываютъ

свободной торговли особенное нравственное вліяніе на промышленную массу народонаселенія Англіи. Мнѣ кажется, успѣхи промышлености должны быть отдѣлены отъ успѣховъ общаго просвѣщенія, обнимающихъ религіозное, нравственное и умственное усовершенствованіе человѣческой природы. Я думаю даже, чрезвычайное развитіе промышлености прямо противоположно этому развитію и должно непремѣнно останавливать это усовершенствованіе.

Можно наполнить цѣлые томы фактами, доказывающими справедливость этого предложенія въ отношеніи Англіи; но многіе возразятъ, и отчасти справедливо, что тысячи примѣровъ самыхъ убѣдительныхъ не даютъ права вывести общее заключеніе для 27 мильоновъ народонаселенія. Не опираясь, слѣдственно, на свидѣтельствахъ фактическихъ, постараемся отъискать другое, болѣе прямое основаніе для нашего предложенія. Читатель не долженъ забывать, что мы имѣемъ въ виду *чрезмѣрное* развитіе промышлености.

Промышленость Англіи, мы видѣли, въ предшествующую эпоху находилась въ необыкновенно стѣсненномъ положеніи. Она достигла извѣстныхъ предѣловъ, за которыми ея дальнѣйшее развитіе было невозможно и въ которыхъ она должна была уничтожиться, подавленная избыткомъ производительныхъ силъ. Свободная торговля разорвала эту цѣпь; она отдалила для Англіи состояніе неподвижности, но за то она осудила ее на постоянный, страшный трудъ. Земля, мы говорили уже нѣсколько разъ, увеличиваетъ свою производительность на условіяхъ для человѣка болѣе и болѣе невыгодныхъ. Земледѣльческій трудъ, увеличивая свою дѣятельность, достигаетъ соразмѣрно меньшихъ результатовъ. Еслибъ постоянно возростающее народонаселеніе Англіи было принуждено существовать произведеніями своей собственной почвы, то его физическія силы

изсякли бы въ этомъ неблагодарномъ трудѣ прежде, нежели оно могло бы прокормить себя. Свободная торговля открыла для этого народонаселенія свободный доступъ къ земледѣльческимъ произведеніямъ чужеземныхъ почвъ; но продукты фабричной промышлености, которые Англія отпускаетъ въ обмѣнъ за нихъ, развѣ не стóятъ ей огромнаго количества труда, даже при всѣхъ механическихъ и экономическихъ усовершенствованіяхъ. Воображеніе историка поражено громадностью труда Евреевъ, воздвигшихъ памятники египетскіе; но мануфактурная статистика Англіи свидѣтельствуетъ о механической дѣятельности, предъ которою эти египетскія работы ничтожны. Раздѣленіе труда, механическія усовершенствованія уменьшаютъ только безполезную трату человѣческой дѣятельности, но не устраняютъ ея содѣйствія, даже не уменьшаютъ ея напряженія. Каждая вновь изобрѣтенная машина, увеличивая массу произведеній, требуетъ новаго числа рабочихъ, и требованія рынка, заставляющія усвоить это усовершенствованіе, необходимо увеличиваютъ массу производительнаго труда, выраженнаго исключительною дѣятельностью человѣка.

Увеличеніе промышленной дѣятельности въ Англіи является необходимымъ условіемъ жизни, потому-что съ нимъ только соединено возможное удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей. Добываніе насущнаго хлѣба представляется въ поразительной дѣйствительности единственною цѣлью существованія для промышленнаго класса Англіи, къ которому принадлежитъ цѣлое ея народонаселеніе. Если такова цѣль этой жизни; если чрезвычайное произвожденіе, напряженное развитіе промышлености составляютъ единственныя средства къ ея достиженію; если тяжелый матеріальный трудъ исключительно наполняетъ земное бытіе человѣка: то человѣкъ долженъ забыть о духовномъ

какія существуютъ между производителемъ сырыхъ матеріаловъ и фабрикантомъ. Она указала, что фермеръ — тотъ же фабрикантъ, а землевладѣлецъ — лицо, снабжающее его сырымъ матеріаломъ, землею; что они связаны только торговыми, а не политическими отношеніями, точно также, какъ, напримѣръ, суконный фабрикантъ и овцеводъ. Старыя связи были разорваны; фермеры сдѣлались совершенно независимы на выборахъ; и если личныя побужденія заставляли ихъ самостоятельно пользоваться этимъ правомъ, то въ выгодахъ землевладѣльца было не стѣснять его. Лишенные искусственной монополіи, съ отмѣненіемъ хлѣбныхъ законовъ, землевладѣльцы теперь видѣли въ принадлежащей имъ землѣ только предметъ торговли, а не политическое орудіе, и отдавали ее въ наемъ тому, отъ кого они могли получить бо̀льшій поземельный доходъ, каковы бы ни были политическія мнѣнія фермера. При самомъ началѣ движенія свободной торговли, даже прежде ея водворенія, это вліяніе уже обнаруживается; и въ 1843 году мы видимъ: древній епископальный городъ Дурамъ избираетъ своимъ представителемъ въ Парламентѣ диссентера, квакера Брайта.

Важные промышленные перевороты, которыхъ мы коснулись въ этомъ очеркѣ, развитіе хлопчато-бумажной промышленности и свободная торговля такимъ образомъ совершенно измѣнили политическій составъ Англіи, который связывалъ ее съ другими европейскими государствами.

Политическое вліяніе Англіи, при такихъ условіяхъ ея внутренняго состава, еще возможно въ нѣкоторой степени, пока она опирается на колоніи, которыя, служа ей рынкомъ, объусловливаютъ ея торговую независимость. Но колоніи—неблагодарныя дѣти. Сознаніе собственной силы легко обращаетъ ничтожное недоразуменіе въ важную при-

представляетъ намъ ужасной картины борьбы между дѣятельностью основнаго закона производительности земли и началами, ему противодѣйствующими, которая оказала такое важное и разрушительное вліяніе на политическое бытіе Англіи. Въ настоящее время даже невозможно предугадать, когда наступитъ проявленіе вліянія этого закона, которое уже обнаружилось въ остальной Европѣ. Эта эпоха для нашего отечества сокрыта за предѣлами исторической будущности. Законъ возростанія народонаселенія, законъ производительности земли не страшны для него ни въ настоящее время, ни въ отдаленныя отъ насъ времена, и грядущія поколѣнія долго еще будутъ жаловаться только на недостатокъ рабочихъ рукъ для воздѣлыванія тучнаго и дѣвственнаго чернозема, для разработыванія еще нетронутыхъ источниковъ естественнаго богатства. Такимъ образомъ произвожденіе, главная цѣль политико-экономической жизни народа, не представляетъ намъ здѣсь предѣловъ, которые ясно обозначились въ старыхъ государствахъ. Вопреки основнымъ законамъ Политической Экономіи, произвожденіе въ Россіи ограничивается возростаніемъ народонаселенія, а не количествомъ удобовоздѣлываемой земли; и когда, наконецъ, вліяніе этихъ законовъ необходимо распространится и на наше отечество, мы найдемъ тогда въ политико-экономической исторіи другихъ государствъ поучительные примѣры, драгоцѣнные результаты народной опытности, которые могутъ руководить насъ въ предстоящихъ затрудненіяхъ. Но эти затрудненія, повторяемъ, сокрыты за предѣлами исторической будущности, несмотря на всю быстроту жизни настоящаго человѣчества.

Россія, въ политико-экономическомъ отношеніи, слѣдственно, представляетъ намъ положеніе исключительное. Возростаніе и развитіе произвожденія здѣсь замедляются за не-

произведеній не имѣетъ большой важности. Справедливо, что каждое изъ нихъ можетъ сдѣлаться предметомъ особенной отрасли промышленности; но развитіе каждой отрасли прежде всего предполагаетъ предварительно заготовленные запасы жизненныхъ припасовъ, необходимые, чтобъ поддержать существованіе рабочаго человѣка; производительность всѣхъ видовъ промышленности опредѣляется протяженіемъ удобовоздѣлываемой почвы. Самостоятельное развитіе мануфактурной дѣятельности должно основываться на земледѣліи, и для политико-экономическаго усовершенствованія страны, между всѣми ея естественными богатствами, прежде всего важно значительное протяженіе хлѣбородной, удобовоздѣлываемой земли.

Если мы окинемъ быстрымъ взглядомъ поверхность Европейской Россіи, мы найдемъ, что эта обширная равнина, нигдѣ неизмѣняющая своей единообразной плоскости, раздѣляется на четыре колоссальныя части, изъ которыхъ каждая представляетъ намъ особенный физическій характеръ. Первая, сѣверная, покрыта вѣковыми лѣсами; ниже къ ней примыкаетъ полоса земли, годная къ обработыванію, но неотличающаяся чрезвычайнымъ плодородіемъ. Далѣе къ югу прилегаетъ такъ-называемое черноземное пространство, переходящее въ степи волжскія и новороссійскія, составляющія четвертую полосу — страну пастьбищную (*).

Въ политико-экономическомъ отношеніи, двѣ послѣднія полосы представляютъ намъ особенную важность: отъ нихъ зависятъ успѣхи промышленнаго развитія нашего отечества;

(*) «Хозяйственно-статистическій атласъ Европейской Россіи», изданный Департаментомъ Сельскаго Хозяйства 1850. Очеркъ мануфактурнопромышленныхъ силъ Европейской Россіи, служащій текстомъ промышленной карты, составленный Павл. Крюковымъ. 1853.

вый или синій цвѣтокъ, выросшій среди полей, производитъ въ тамошнемъ земледѣльцѣ-промышленикѣ непріятное впечатлѣніе. У насъ эти разноцвѣтныя травы—щедрый даръ природы, даръ неоцѣненный, ибо отъ него получается не только топливо и достаточный кормъ для скота, но еще отъ корней, отъ листьевъ этихъ травъ произошелъ у насъ, съ теченіемъ вѣковъ, тотъ черноземъ, та богатая почва, на которой растутъ въ дикомъ состояніи спаржа и разныя другія растенія, требующія въ чужихъ краяхъ самаго сильнаго удобренія.»

По мнѣнію г. Линовскаго, выгодное хозяйство Новороссійскаго Края есть главная причина происхожденія чернозема, количество котораго можетъ умножаться и въ будущее время, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ, «то именно явленіе, что въ степныхъ нашихъ губерніяхъ для того, чтобъ распахать новь или залежь, нужно къ плугамъ припрягать 6, 8, а иногда и 10 воловъ—такъ переплетена тамъ земля свѣжими еще кореньями, такъ умножаются въ ней еще и теперь остатки разныхъ сорныхъ травъ. Искусство, стараніе хозяевъ должно быть обращено постоянно къ тому, чтобъ какъ можно лучше сохранить этотъ черноземъ, какъ можно менѣе истощать его».

Г. Скальковскій въ своемъ статистическомъ описаніи Новороссійскаго Края замѣчаетъ (*):

«Г. Демоль и всѣ другіе опытные агрономы считаютъ нашу почву настоящею пшеничною землею (**). Мы назовемъ ее родиною всѣхъ хлѣбовъ и овощей, отъ арнаутки (***) до винограда. Она еще долго не потребуетъ никакого удо-

(*) «Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго Края, Часть II Хозяйственная Статистика». Одесса, 1853 ст. 31 и 32.

(**) Cet humus est une franche terre à blé говоритъ Швейцарецъ Демоль, котораго г. Скальковскій называетъ главою новороссійскихъ агрономовъ (ст. 33).

(***) Родъ пшеницы самый древній въ новороссійскихъ степяхъ.

Важность такого естественнаго богатства еще возростаетъ, если мы примемъ во вниманіе исполинскія системы рѣкъ, покрывающія водною сѣтью поверхность цѣлой Россіи. Нашъ современный историкъ г. С. Соловьевъ съ необыкновеннымъ остроуміемъ объясняетъ важность водъ Россіи въ политическомъ отношеніи (*). Эти воды въ отдаленную историческую эпоху лишили возможности разноплеменныя народонаселенія развить самостоятельную жизнь и обусловили сліяніе различныхъ племенъ въ одинъ великій народъ. Позже онѣ заручили Москвѣ ея первенство, образовали въ ней государственный центръ, изъ котораго распространилось единодержавіе на цѣлую Россію. Наконецъ, въ ближайшее къ намъ время эти воды обезпечили важное значеніе Петербурга.

Озера и рѣки Россіи представляютъ равно значительную важность въ политико-экономическомъ отношеніи. Естественно богатая почва далеко не доставляла бы такого блага широкораскинутому народонаселенію, еслибъ не существовало естественныхъ путей, разносящихъ плоды ея щедрой производительности. Рѣки Россіи—это артеріи, питающія ея собственный организмъ. При ограниченности еще искусственныхъ путей сообщенія въ нашемъ отечествѣ, естественная водная система, съ помощью немногихъ каналовъ, снабжаетъ исключительно жителей малоплодородной полосы избытками хлѣбныхъ произведеній богатаго черноземнаго пространства. Соединяя отдаленные пункты его съ морями Балтійскимъ и Чернымъ, она даетъ возможность продовольствовать этими продуктами нуждающуюся Европу.

Опираясь на такомъ прочномъ основаніи, пользованіе другими источниками богатства, постепенное развитіе другихъ

(*) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Москва 1854. Т. I. гл. 1.

отраслей промышлености не представляетъ намъ затрудненій, вызывающихъ дѣятельность противодѣйствующихъ началъ. Такимъ-образомъ мануфактурная дѣятельность въ среднеплодородной полосѣ сдѣлала успѣхи замѣчательные, и югъ и самый сѣверъ Россіи ожидаютъ только новаго прилива рабочаго народонаселенія, чтобъ оживиться разнородною промышленостью.

Разсмотрѣвъ условія естественнаго богатства Россіи, обратимъ наше вниманіе на его народонаселеніе, преимущественно на его рабочую часть, какъ выраженіе труда этого втораго необходимаго элемента произвожденія.

Вѣроятно, нѣтъ націи, нѣтъ рабочаго класса, которые были такъ жестоко оклеветаны и такъ худо поняты въ Европѣ, какъ рускій народъ, и преимущественно русскій мужикъ. Иностранцы видятъ въ немъ не болѣе какъ переимчиваго дикаря, лишеннаго всякаго нравственнаго достоинства, въ которомъ даже религіозное чувство проявляется въ формѣ однихъ суевѣрныхъ предразсудковъ, или считаютъ его ребенкомъ, одареннымъ прекрасными нравственными качествами, весьма трудолюбивымъ, но совершенно безпечнымъ, котораго даже матеріальное благосостояніе возможно только подъ вліяніемъ благонамѣреннаго помѣщика. Согласно съ обоими этими взглядами, народонаселеніе Россіи представляло бы самыя невыгодныя условія для политико экономическаго развитія; если безпечность есть преобладающая черта его характера, то оно должно быть также неспособно къ энергіи, предпріимчивости и бережливости. Эти качества несовмѣстны съ безпечностью. Человѣкъ обнаруживаетъ энергію, задумываетъ, предпринимаетъ новыя работы тогда только, когда онъ въ состояніи сознать и избрать цѣль своихъ дѣйствій, и къ ней направить ихъ. Бережливость предполагаетъ еще болѣе глубокое сознаніе

порядочны, развратны, своевольны, нежели рабочіе другихъ націй, и гораздо менѣе ихъ заслуживаютъ уваженія и довѣрія. Когда необразованный англійскій работникъ освободится отъ желѣзной дисциплины, въ которой содержалъ его хозяинъ въ Англіи, когда его встрѣчаетъ ласковое и дружелюбное обхожденіе, онъ совершенно теряется не понимаетъ своего положенія; послѣ нѣкотораго времени невозможно бываетъ съ нимъ справиться, и онъ становится никуда негоднымъ». Вотъ каковы англійскіе работники.

Чтобы оцѣнить вполнѣ достоинство русскаго мужика, какъ работника, мы обратимъ нашу наблюдательность на одну изъ такихъ мѣстностей, гдѣ онъ лишенъ всякой помощи, не имѣетъ почти никакаго руководства ни со стороны правительства, ни со стороны благонамѣреннаго помѣщика, гдѣ онъ одинъ въ постоянной борьбѣ съ дикою, сѣверною природою, и посмотримъ, какъ онъ выходитъ побѣдителемъ изъ всѣхъ препятствій и лишеній.

Отдаленный сѣверъ Россіи представляетъ замѣчательный край, изобилующій разнообразными богатствами природы: до-сихъ-поръ это еще нетронутыя сокровища, которыя сторицею возвратятъ капиталъ, положенный на ихъ разработываніе. Это Печорскій Край, обнимающій до 6,500 квад. миль и заключающій не болѣе 16,000 человѣкъ жителей. Интересно прослѣдить промышленную дѣятельность и бытъ коренной русской половины этого разноплеменнаго населенія. Я думаю, наблюдая русскаго человѣка въ этомъ кругу дѣятельности, среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ климата, въ постоянной борьбѣ съ природою, мы дойдемъ до болѣе вѣрнаго заключенія: соединяетъ ли онъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для самостоятельнаго политико-экономическаго развитія.

Вотъ факты, которые я цѣликомъ заимствую изъ «Дневника» г. Латкина (*), посѣтившаго нѣсколько разъ Печорскій Край, который онъ изъѣздилъ на лодкѣ по рѣкамъ, прорѣзывающимъ площадь его, и исходилъ пѣшкомъ. Г. Латкинъ путешествовалъ, имѣя въ виду промышленную цѣль; и замѣчанія такого практическаго человѣка имѣютъ полный вѣсъ. Я ограничусь собственно выписками о пустозерцахъ, считающихъ себя потомками древнихъ новгородцевъ и преставляющихъ, слѣственно, въ настоящее время коренной русскій элементъ въ этомъ краѣ.

Начнемъ съ ихъ промышленной дѣятельности.

Она раздѣлена преимущественно между рыбными и звѣриными промыслами.

«Въ Губѣ Болвановской (**), говоритъ Г. Латкинъ считается 9 тоней, изъ которыхъ 7 принадлежатъ пустозерцамъ, а двѣ церковнослужителямъ... Во всѣхъ этихъ тоняхъ ловъ производится съ точнѣйшимъ и замѣчательнымъ соблюденіемъ правъ всѣхъ и каждаго; а права имѣютъ всѣ одинаковыя, какъ богатые, такъ и бѣдные; даже вдовы и сироты имѣютъ участіе въ паяхъ; разница только въ томъ, что одни дѣйствуютъ капиталомъ денежнымъ, а другіе капиталомъ труда. Тони погодно переходятъ въ пользованіе отъ одной деревни къ другой; причемъ каждая деревня, въ свою очередь, имѣетъ хорошую и худую тоню. Порядокъ этотъ необходимъ, потому-что здѣсь преимущественно живутъ рыбнымъ промысломъ.

«Тони Болвановской Губы дѣлятся на участки по числу душъ волости; 13½ душъ имѣютъ пай. Желающіе продаютъ свой пай или участіе въ паѣ; скупаютъ ихъ особен-

(*) «Дневникъ Василія Николаевича Латкина во время путешествія на Печору въ 1840 и 1843 годахъ».—«Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» книжка XII. С. Петербургъ 1853.

(**) «Дневникъ». Часть вторая ст. 46—61.

порядочны, развратны, своевольны, нежели рабочіе другихъ націй, и гораздо менѣе ихъ заслуживаютъ уваженія и довѣрія. Когда необразованный англійскій работникъ освободится отъ желѣзной дисциплины, въ которой содержалъ его хозяинъ въ Англіи, когда его встрѣчаетъ ласковое и дружелюбное обхожденіе, онъ совершенно теряется не понимаетъ своего положенія; послѣ нѣкотораго времени невозможно бываетъ съ нимъ справиться, и онъ становится никуда негоднымъ». Вотъ каковы англійскіе работники.

Чтобы оцѣнить вполнѣ достоинство русскаго мужика, какъ работника, мы обратимъ нашу наблюдательность на одну изъ такихъ мѣстностей, гдѣ онъ лишенъ всякой помощи, не имѣетъ почти никакаго руководства ни со стороны правительства, ни со стороны благонамѣреннаго помѣщика, гдѣ онъ одинъ въ постоянной борьбѣ съ дикою, сѣверною природою, и посмотримъ, какъ онъ выходитъ побѣдителемъ изъ всѣхъ препятствій и лишеній.

Отдаленный сѣверъ Россіи представляетъ замѣчательный край, изобилующій разнообразными богатствами природы: до-сихъ-поръ это еще нетронутыя сокровища, которыя сторицею возвратятъ капиталъ, положенный на ихъ разработываніе. Это Печорскій Край, обнимающій до 6,500 квад. миль и заключающій не болѣе 16,000 человѣкъ жителей. Интересно прослѣдить промышленную дѣятельность и бытъ коренной русской половины этого разноплеменнаго населенія. Я думаю, наблюдая русскаго человѣка въ этомъ кругу дѣятельности, среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ климата, въ постоянной борьбѣ съ природою, мы дойдемъ до болѣе вѣрнаго заключенія: соединяетъ ли онъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для самостоятельнаго политико-экономическаго развитія.

Вотъ факты, которые я цѣликомъ заимствую изъ «Дневника» г. Латкина (*), посѣтившаго нѣсколько разъ Печорскій Край, который онъ изъѣздилъ на лодкѣ по рѣкамъ, прорѣзывающимъ площадь его, и исходилъ пѣшкомъ. Г. Латкинъ путешествовалъ, имѣя въ виду промышленную цѣль; и замѣчанія такого практическаго человѣка имѣютъ полный вѣсъ. Я ограничусь собственно выписками о пустозерцахъ, считающихъ себя потомками древнихъ новгородцевъ и преставляющихъ, слѣственно, въ настоящее время коренной русскій элементъ въ этомъ краѣ.

Начнемъ съ ихъ промышленной дѣятельности.

Она раздѣлена преимущественно между рыбными и звѣриными промыслами.

«Въ Губѣ Болвановской (**), говоритъ Г. Латкинъ считается 9 тоней, изъ которыхъ 7 принадлежатъ пустозерцамъ, а двѣ церковнослужителямъ... Во всѣхъ этихъ тоняхъ ловъ производится съ точнѣйшимъ и замѣчательнымъ соблюденіемъ правъ всѣхъ и каждаго; а права имѣютъ всѣ одинаковыя, какъ богатые, такъ и бѣдные; даже вдовы и сироты имѣютъ участіе въ паяхъ; разница только въ томъ, что одни дѣйствуютъ капиталомъ денежнымъ, а другіе капиталомъ труда. Тони погодно переходятъ въ пользованіе отъ одной деревни къ другой; причемъ каждая деревня, въ свою очередь, имѣетъ хорошую и худую тоню. Порядокъ этотъ необходимъ, потому-что здѣсь преимущественно живутъ рыбнымъ промысломъ.

«Тони Болвановской Губы дѣлятся на участки по числу душъ волости; $13^1/_2$ душъ имѣютъ пай. Желающіе продаютъ свой пай или участіе въ паѣ; скупаютъ ихъ особен-

(*) «Дневникъ Василія Николаевича Латкина во время путешествія на Печору въ 1840 и 1843 годахъ».—«Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» книжка XII. С. Петербургъ 1853.

(**) «Дневникъ». Часть вторая ст. 46—61.

но тѣ, которые имѣютъ всѣ нужныя орудія, лодки и необходимые запасы. Скупъ производится осенью. Скупать позволено другъ отъ друга людямъ одного пятисотка т. е. общества (*). Плата за паи бываетъ разная, смотря по улову предшествовавшихъ лѣтъ. Такъ въ минувшіе годы рыбы попадало много, и потому платили по 3 рубля за участокъ, т. е. по 40 р. 50 к. за пай; а бывали годы, что участокъ продавался по рублю и по два... Разумѣется, отпускать на промыслы, какъ говорятъ здѣсь, т. е. скупать участки имѣютъ возможность люди зажиточные, потому-что это сопряжено съ рискомъ. Бѣднякъ рисковать не смѣетъ, да и не можетъ; а продавши участокъ, нанимается къ скупщику въ работу и больше не изъ платы деньгами, а изъ части; слѣдовательно, не жертвуя ничѣмъ, можетъ иногда очень много выиграть. Условливаются работать изъ четвертой и третьей части, и даже иногда изъ двухъ пятыхъ частей промысла. Въ хорошій ловъ наживаютъ много и хозяева и работники. Первые выручаютъ расходы, пріобрѣтая хорошій процентъ на капиталъ, трудъ и рискъ, а послѣдніе, не жертвуя, кромѣ труда, ничѣмъ, получаютъ на часть 10, 20, а иногда и 30 пудъ. Въ худой годъ откупатели терпятъ убытокъ и разоряются.

«Ловъ сёмги поплавнями въ рѣкѣ раздѣленъ тѣмъ же порядкомъ между всѣми жителями на участки и на паи, которые также скупаются. Число поплавней на каждомъ плёсѣ опредѣляется заранѣе; всѣхъ считается до 45. Плёсы Печоры неодинаково-рыбны, а потому въ пользованіи ихъ наблюдается та же очередь, какъ и въ пользованіи тонями Болвановской Губы. Здѣсь, какъ и тамъ, успѣхъ зависитъ отъ счастія: иногда на хорошемъ плёсѣ ловъ неудаченъ, и неожиданно-хорошъ на худомъ. Цѣна

(*) 1000 жителей Пустозерска дѣлятся на два пятисотка.

участковъ зависитъ также отъ достоинства плёса и отъ удачи предшествовавшихъ лѣтъ; она бываетъ отъ 2 р. до 6 р. асс. Замѣчательно, что при этомъ соблюдается такая правота и такой порядокъ, что ни споровъ, ни жалобъ никогда не бываетъ; все придумано и распоряжено съ самою строгою и благоразумною справедливостью.

«За промысломъ рыбнымъ слѣдуютъ звѣриные и морскіе промыслы, которыми здѣсь занимаются издавна. Это видно по грамматамъ и свѣдѣніямъ, полученнымъ первыми путешественниками въ этомъ краю. Свѣдѣнія, сообщаемыя мною, я собралъ отъ старыхъ моряковъ печорскихъ, которые были въ морѣ отъ 30 до 40 разъ,

«Изъ Печоры за промыслами отправляются въ море въ первыхъ числахъ іюля, и нѣсколько позже. Прежде пустозерцы откочевывали на оленяхъ по Тундрѣ къ Югорскому Шару, откуда отправлялись на промыслы; нынѣче они, и кажется, по недостатку оленей, начинаютъ выходить въ море съ устьевъ Печоры.

«Карбасы промысловые дѣлаются изъ досокъ, толщиною около вершка; длина карбаса отъ 6 до 7 саженъ, ширина отъ 4 до 6 аршинъ, глубина до $2^1/_2$ аршинъ; они совершенно открыты; на рѣдкихъ есть маленькая каюта для припасовъ; они всегда объ одномъ прямомъ парусѣ; подымаютъ грузу отъ 200 до 500 пудовъ, а иногда и больше; при полномъ грузѣ углубляются на 8 четвертей; тогда къ бортамъ прикрѣпляютъ еще по одной доскѣ. На карбасахъ садятся отъ 8 до 12 человѣкъ; припасовъ берутъ мѣсяца на три. На этихъ-то утлыхъ ладьяхъ промышленики выходятъ въ Сѣверный Океанъ, идутъ мимо острова Воронцея, къ Югорскому Шару, на острова Вайгачъ, Долгій, Матвѣевъ и другіе, часто на Новую Землю, по Карскому Морю, или подлѣ западнаго берега этого острова до Костина и до

Маточкина Шара. Нерѣдко бури носятъ ихъ между льдами въ продолженіе многихъ дней, чрезъ большія пространства; нерѣдко затираетъ ихъ между льдовъ, выбрасываетъ на необитаемые острова, гдѣ они должны бываютъ зимовать; иногда гибнутъ они. Несмотря на это, выгоды промысла, привычка, природная смѣлость превозмогаютъ труды, лишенія и опасность, и морскіе промыслы не уменьшаются. Къ тому же, зная мѣстность и направленіе вѣтровъ, они счастливо отдѣлываются отъ бурь, и рѣдко возвращаются безъ добычи, развѣ затретъ ихъ неожиданно между льдами, или буря заставитъ выбросить грузъ, или противный вѣтеръ заброситъ на берегъ, на зимовку. Въ 10 лѣтъ бываетъ три и четыре года удачныхъ, когда возвращаются съ полнымъ грузомъ, два посредственныхъ, два неудачныхъ и два и три несчастныхъ, когда, въ бури, грузъ принуждены бываютъ выкидывать въ море...

«При удачномъ промыслѣ, промышленики, нагрузивъ карбасъ, иногда и нѣсколько карбасовъ, укладываютъ остальное сало въ моржевыя шкуры, которыя привязываются къ карбасу и тянутъ за собой. Разумѣется, что эта добыча рѣдко доходитъ до пристани, потому-что буря оторветъ мѣшки; да въ бурю промышленикъ готовъ выбросить весь свой грузъ, что̀ и случается нерѣдко.

«Несависимо отъ этихъ промысловъ сторонніхъ, или на сторонѣ производимыхъ, промыслы домашніе доставляютъ жителямъ порядочныя выгоды: здѣсь есть и лисоводство т. е. откармливанье лисицъ. Во всѣхъ пустозерскихъ селеніяхъ и въ нынѣшнемъ году ростятъ нѣсколько сотъ лисицъ. Въ тундрѣ ловятъ кулемами песцовъ и другихъ звѣрей, и много звѣриныхъ шкуръ забираютъ отъ самоѣдовъ. Куропатокъ налавливаютъ по 500, по тысячѣ и даже по двѣ тысячи штукъ на семейство. Ловля гусей и утокъ довольно-значи-

тельна по рѣкамъ и озерамъ; мясо солятъ и употребляютъ сами, или, вмѣстѣ съ пухомъ и перьями, птицы эти идутъ на продажу чердынцамъ...

«Заводятъ также рогатый скотъ, для котораго вездѣ почти приволье, потому-что травы, по теченію Печоры превосходныя; скотъ хорошей породы съ красивыми рогами, что̀ составляетъ мѣстную особенность, потому-что въ Усть-Цыльмѣ рѣдко встрѣчается корова или быкъ съ рогами...

«Чердынцы или усольцы, какъ ихъ называютъ въ Пустозерскѣ, издавна производятъ мѣновой торгъ на Печорѣ. Впрочемъ, старики еще помнятъ, что усольцы имѣли очень мелкія и плохія суда; но теперь они съ каждымъ годомъ улучшаютъ устройство своихъ каюковъ, и даже нѣкоторые начинаютъ строить прочныя суда, нѣсколько похожія на волжскія расшивы, съ удобными каюками, и поднимающія грузу отъ 3 до 5 тысячъ пудъ. Выгодная торговля увеличиваетъ число торговцовъ. Въ настоящее время съ якшинской пристани отправляется иногда до 30 каюковъ; на нихъ сплавляютъ хлѣбъ, соль, чай, сахаръ, медъ, крупчатку, разныя крупы, красные товары, холстъ, цвѣтныя сукна для самоѣдовъ, веревки, коноплю, ленъ, посуду разныхъ сортовъ и металловъ, орѣхи, калачи, пряники, свѣчи сальныя, кожевенный товаръ—однимъ словомъ все, что̀ нужно для бѣдныхъ и богатыхъ жителей селеній и чумовъ Печорскаго Края. Товары эти составляютъ предметъ значительной торговли. Были годы, когда одной ржаной муки отпускали съ якшинской пристани на Печору до 150 тыс. пудъ... Каюки усольскіе представляютъ родъ маленькихъ походныхъ магазиновъ, гдѣ печорецъ или самоѣдъ, можетъ найдти все, что̀ нужно для его потребностей. Усольцы торгуютъ очень искусно, не вредя одинъ другому и не сбивая цѣнъ на свои произведенія, не возвышая на произведенія

мѣстныя. Они заранѣе распредѣляютъ кому гдѣ остановиться для торговли. Товары отпускаютъ на вѣру, въ долгъ; покупатели бо̀льшею частью берутъ, не спрашивая о цѣнѣ; цѣна обнаруживается при разсчетѣ, когда оканчивается лѣтній промыслъ. Прибылъ давноожидаемый каюкъ— и товары разбираются очень скоро. До разсчета, половина ихъ съѣдена или употреблена въ дѣло; но вотъ появились промысловыя лодки съ бѣлою рыбою и начинается добросовѣстная расплата съ одной стороны и часто несовсѣмъ совѣстливая съ другой. Но когда, съ одной стороны, есть желаніе упрочить кредитъ, пользоваться и впредь довѣріемъ, а съ другой, полное сознаніе, что довѣріемъ сдѣлано одолженіе, добро, то, при разсчетѣ, неминуемо проявляются сильная и слабая сторона, и особенно, когда чай выпитъ, хлѣбъ вполовину съѣденъ, холстинки и ситцы пошли на платья и рубахи, изъ пеньки дѣлаются сѣти и канаты, солью засолена рыба—споръ коротокъ: «не нравятся цѣны, заплати долгъ, а рыбы ненадо» скажутъ торговцы. Иногда немного поспорятъ, и дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что бочки съ рыбою переходятъ въ каюки усольцевъ и отправляются въ верхъ по Печорѣ. Между-тѣмъ дѣлаются новые заборы хлѣба и другихъ товаровъ, за которые расплата производится сёмгою. Ждутъ Успеньева дня: тогда оказывается, каковъ промыселъ: хорошъ—слава Богу, худъ—и торговцы и промышленики почесываютъ затылокъ; однимъ надобно получить деньги, другіе думаютъ какъ бы заплатить заборъ; цѣна сёмги устанавливается по количеству улова. Вотъ поторгуются, поторгуются, и дѣло какъ нибудь сладятъ...

«...Промыслъ осенній, получаемый послѣ 1-го сентября, или перевозится самими пустозерцами на ярмарки въ Пинегу и Вашку, куда еще недавно начали ѣздить пу-

стозерцы, частью же закупается зимою на мѣстѣ пріѣзжими ижемцами и мезенцами.

«Такимъ образомъ весь этотъ торгъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей серебромъ производится безъ денегъ, мѣною товара на товаръ, а монеты и ассигнацій въ оборотѣ мало; иногда оканчивается разсчетъ отдачею въ долгъ части товаровъ, подъ расписку, на условіяхъ, свято соблюдаемыхъ съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь расписка, по добросовѣстности должниковъ, вѣрнѣе многихъ векселей и обязательствъ съ громкими прилагательными къ имени подписавшихся.

«Пустозерцы любятъ жить просторно. У нихъ нѣтъ своего лѣса, но они строютъ большіе домы, съ нѣсколькими комнатами, хорошо убранными; вездѣ порядокъ, чистота, опрятность, даже въ бѣдныхъ избахъ; а гдѣ есть маленькій достатокъ, тамъ непремѣнно встрѣчаемъ самоваръ для собственнаго употребленія и чтобъ угостить пріятеля, потому-что чай здѣсь предметъ первой необходимости...»

«Гостепріимство здѣсь самое радушное: едва-ли кто возьметъ деньги за ночлегъ, за обѣдъ или за ужинъ, несмотря на то, что все, потребное для жизни, покупается дорогою цѣною. Таковъ обычай, изстари заведенный. Такъ проживали и проживаютъ свои избытки жители Пустозерскаго Края; но за это только они и заслуживаютъ нареканіе; въ семейномъ же быту, въ уваженіи старшихъ, въ доброй нравственности, въ набожности, въ усердіи къ церкви они примѣрно-хороши.»

Я заключу мои выписки еще описаніемъ внутренности дома одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ Пустозерскаго Края.

«... Все семейство (замѣчаетъ г. Латкинъ) (*) помѣщает-

(*) «Дневникъ». Часть II. ст. 34.

ся въ одномъ домѣ, но у каждаго своя комната. Молодой хозяинъ (младшій братъ) принялъ меня въ своей свѣтлицѣ, которая была не велика, но тепла, чиста, оклеена обоями розоваго цвѣта и убрана порядочно. Все въ ней такъ удобно помѣщено, что всего много, но не тѣсно. Въ переднемъ углу стоитъ кіёта съ образами, изъ которыхъ нѣкоторые въ серебряныхъ ризахъ; передъ ними горѣла лампада; вокругъ стѣнъ лавки, два стола, нѣсколько стульевъ, кровать за занавѣской и шкапъ съ посудой, въ которомъ блестѣло и серебро; у печки мѣдный рукомойникъ и тазъ, свѣтло вычищенные; надъ дверьми посудникъ съ фаянсовыми тарелками, подносы и порядочное зеркало на стѣнѣ; полы устланы коврами...

«Это житье крестьянина близь устья Печоры...»

Но, можетъ-быть, мнѣ замѣтятъ, эти люди, совершенные въ своемъ ограниченномъ кругу дѣятельности, неспособны къ дальнѣйшему развитію, не въ состояніи сознать благо просвѣщенія и съ упорствомъ встрѣтятъ каждое нововведеніе.

Вотъ что говорили г. Латкину крестьяне одного селенія на берегу Печоры: *Зачьмъ тебя Боіъ несетъ на Печору? не открывать ли какой путь? Дай Боіъ тебѣ устроить что-нибудь: намъ была бы работа* (*).

Въ другомъ мѣстѣ, узнавъ, что поѣздка г. Латкина имѣла цѣлью открытіе торговаго пути, крестьяне просили его объ устройствѣ канала. *Устрой, пожалуйста, каналъ, и вози къ намъ хльбъ*, говорили они (**).

Факты, заключающіеся въ этихъ выпискахъ, я надѣюсь, убѣждаютъ достаточно, что русскій мужикъ вовсе не такъ безпеченъ, какъ его понимаютъ, и что его натура сое-

(*) «Дневникъ». Часть I. ст. 34.

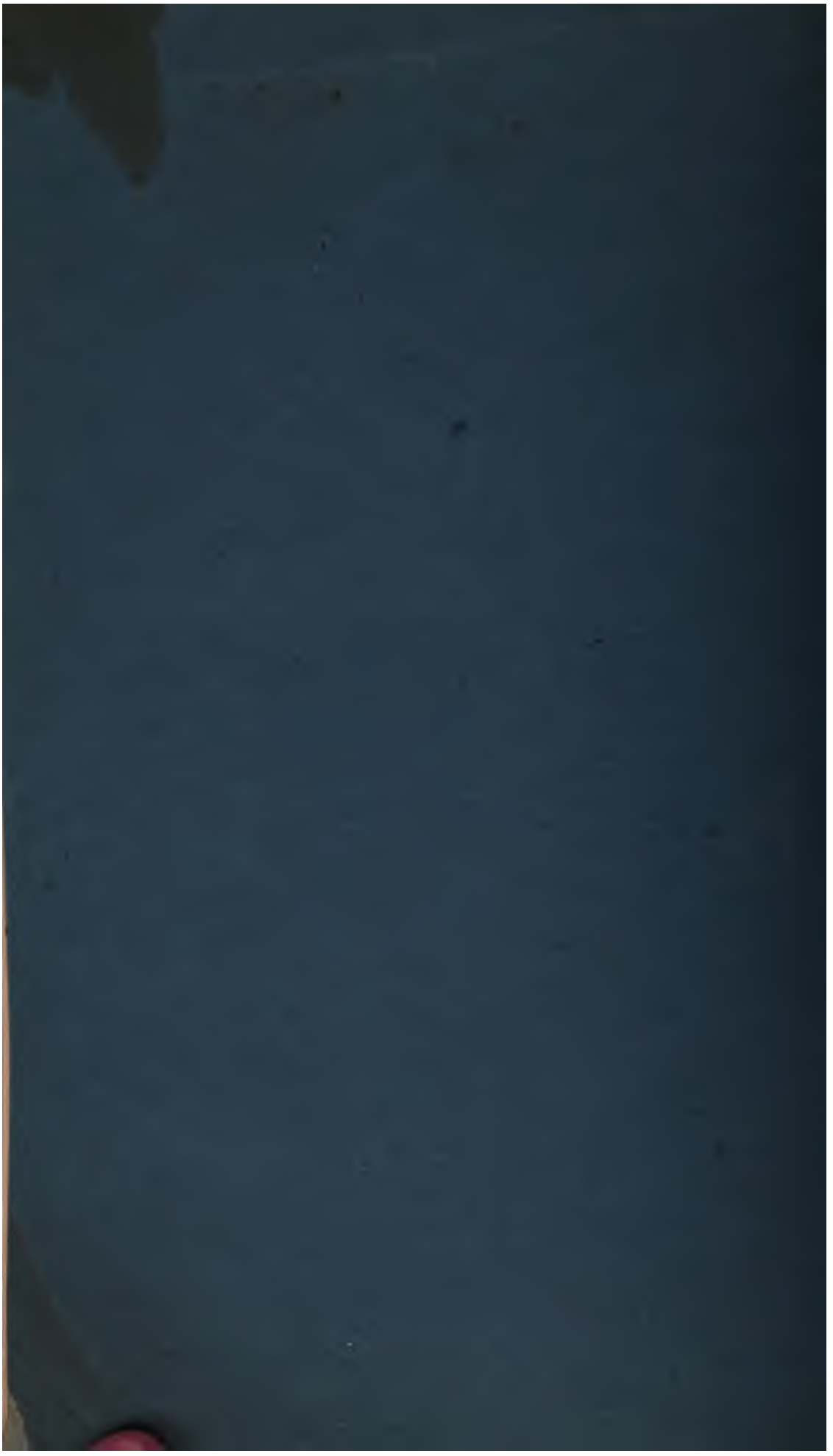
(**) Тамъ же, часть II. стр. 106.

диняетъ большой запасъ энергіи, предпріимчивости, бережливости и добропорядочности, которыя составляютъ необходимыя условія для политико-экономическаго развитія. Если таково наше заключеніе, основанное на наблюденіи цѣлаго общества, то мы можемъ смѣло указать на мануфактурную дѣятельность села Иванова, основаніе которой положили крестьяне, явившіеся здѣсь первыми ситцевыми фабрикантами (*), на многихъ нашихъ именитыхъ купцовъ, поднявшихся изъ крѣпостнаго состоянія. Всѣ эти явленія представляются намъ теперь не исключительными примѣрами, но подтверждаютъ справедливость сдѣланнаго нами заключенія о промышленномъ характерѣ русскаго человѣка.

Изобрѣтательность — одно изъ важныхъ качествъ промышленнаго характера. Многіе не допускаютъ этой способности въ русскихъ. Справедливо, русскій умъ не надѣлилъ промышленость ни однимъ замѣчательнымъ открытіемъ, или улучшеніемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ не обладалъ этою способностью. Изобрѣтательность, должно замѣтить, не есть творчество: это только высшее приноровленіе орудія къ цѣли, сообразно съ окружающими обстоятельствами. Возьмемъ исторію каждой машины, разберемъ ея различныя постепенныя улучшенія: мы найдемъ, каждое изъ нихъ было дѣломъ необходимости: или потребность увеличить ея дѣятельность, или желаніе сократить

(*) Нѣкоторые изъ крестьянъ села Иванова, находясь въ Шлиссельбургѣ, на фабрикѣ, принадлежавшей Лейману, успѣли тамъ узнать секретъ составленія красокъ и обработки ситцевъ. Въ числѣ этихъ людей особенно былъ замѣчателенъ крестьянинъ Соковъ, который, воротясь на свою родину, такъ-сказать, положилъ первый камень ситцевой фабрикаціи въ селѣ Ивановѣ. Онъ изъ первыхъ дѣлалъ очень красивые ситцы, которые до-сихъ-поръ хранятся у старожиловъ, и въ прочности красокъ служатъ примѣромъ для нынѣшнихъ фабрикантовъ. Это было въ 1776 году. «Вѣстникъ Император. Русскаго Географич. Общества» 1843 кн. II. Отд. IV. ст. 30.

человѣческій трудъ, или, наконецъ, приложеніе ея къ извѣстнымъ обстоятельствамъ всегда были побудительными причинами къ этимъ улучшеніямъ и наводили на новыя открытія, новыя изобрѣтенія. Изобрѣтательность проявляется въ промышленныхъ открытіяхъ, когда необходимость побуждаетъ къ нимъ. Англичане особенно отличились практическими изобрѣтеніями въ различныхъ отрасляхъ промышленности—доказываетъ ли это, что они даровитѣе другихъ націй? Совсѣмъ нѣтъ. Законъ производительности земли ранѣе обнаружился въ Англіи, нежели въ другихъ странахъ, и вызвалъ также на раннюю, усиленную дѣятельность начала, ему противодѣйствующія, которыя выразились въ этихъ разнообразныхъ изобрѣтеніяхъ. Если въ Россіи промышленныя открытія рѣдки, то это потому только, что еще не пробудилась необходимость, побуждающая къ нимъ. Когда даже введеніе многихъ практическихъ изобрѣтеній, уже за границею сдѣланныхъ, можетъ доставить намъ сомнительную пользу: должны ли мы думать, въ такомъ случаѣ о томъ, чтобъ дѣлать открытія? Что же касается самой способности изобрѣтать, то она проявляется въ одинаковой степени, съ одинаковою силою и въ самыхъ обыкновенныхъ дѣйствіяхъ и въ самомъ сложномъ усовершенствованіи какой-нибудь машины; различіе въ результатахъ зависитъ отъ направленія, которое дается этой способности. Я увѣренъ, пустозерскій мужикъ, находящійся въ постоянной борьбѣ съ дикою природою, въ своемъ ежедневномъ обиходѣ, обнаруживаетъ столько же остроумія, истрачиваетъ столько же изобрѣтательности, если не болѣе какъ и англичанинъ-механикъ, придумывающій новую систему паровыхъ машинъ.

Такимъ образомъ переходя отъ личностей всѣхъ странъ и сословій Россіи, мы приходимъ къ заключенію, что она

представляетъ всѣ необходимыя условія для полнаго и правильнаго политико-экономическаго развитія. Въ этомъ отношеніи даже ни одна страна не можетъ сравниться съ нею. Ея естественное богатство заключаетъ огромную массу матеріаловъ для разнородныхъ отраслей промышленности и, главное, представляетъ неистощимый запасъ доброкачественной земли, достаточный, чтобъ удовлетворить запросу ея народонаселенія, при всей быстротѣ его возрастанія, пока продолжается историческая будущность. Ея народонаселеніе, обезпеченное навѣки отъ всякой возможности пауперизма, заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя качества, чтобъ разработывать это естественное богатство и пользоваться имъ. Жизнь промышленная, выраженная произвожденіемъ, въ Россіи не связана предѣлами, которыхъ дѣятельность опредѣлилась въ остальной Европѣ, и политико-экономическая исторія нашего отечества должна представлять одну блистательную будущность, блистательное развитіе еще хаотическихъ началъ, руководимое перстомъ Божіимъ.